НАДУЙТЕ НАШИ ДУШИ

Swell Our Souls

Ирина Ногина

Пролог.....3
ЧАСТЬ 1. ИМАНОН.....7
Глава 1. Две жены.....7
Глава 2. Подспудная игра.....13
Глава 3. Верю не верю.....19
Глава 4. Наверное, это чудо.....24
Глава 5. Свидание с фантазиями.....29
Глава 6. Докопаться до силы.....36
Глава 7. Фуга ветров.....42
ЧАСТЬ 2. СЧАСТЬЕ.....43
Глава 1. Преступный романтик.....43
Глава 2. Сражённый совершенством.....50
Глава 3. Отчаянные решения.....58
Глава 4. Фестиваль «Избранник ветров».....63
ЧАСТЬ 3. ВЫБОР.....74
Глава 1. Лукавая исповедь.....74
Глава 2. Свободные и вынужденные колебания.....80
Глава 3. Покорение "Cosmopolitan Values".....86
Глава 4. Семена раздора.....95
Глава 5. Накал да любовь.....103
Глава 6. Либерфуга. О чём дует ветер.....112
ЧАСТЬ 4. ВОЙНА.....114
Глава 1. Прямиком из таковости.....114
Глава 2. Герой нашего времени.....124
Глава 3. Самообманутое доверие.....131
Глава 4. Герой утраченного времени.....142
Глава 5. Кротколикий Бес Предел.....150
Глава 6. Сбежавшая невеста.....157
Глава 7. Il nulla e del creato.....165
Глава 8. На кульминации личности.....172
Глава 9. Дерзкая догадка.....178
Глава 10. Следственный фокус.....189
Глава 11. Спасение в благотворительности.....199
Глава 12. Раздутая вера.....208
Глава 13. Национальный фактор.....219
Глава 14. История будущего. Искусство свободоломки.....228
Глава 15. Кому не удружил «Хороший полицейский».....239
Глава 16. Flecha Amarilla.....248
Глава 17. Работодатель года.....258
Глава 18. Черновик реальности.....267
Глава 19. Под эпителием страха.....280
Глава 20. Свободное дуновение.....295
Эпилог.....305

Пролог

День был уже укутан в сумеречный саван. Глотая слёзы, он окинул мутным взглядом брюзжащее море, и отсыревший пляж, и отстранённо капризничающее небо, с ревнивой досадою всякого уходящего по отношению к тем, кто остаётся.

Они шли вдоль берега – почти неприличная в своей странности пара: хромой мужчина в сером, под стать мелкому дождю, пиджаке, в тёмных брюках столь простого кроя, что сгодились бы и для рыбалки, с открытою головой, на которой почти не было волос, словно ею пренебрегли, лишив и покрова, и убора, и молодая красивая женщина. Он двигался неуклюже, кренился то влево, то вправо, часто спотыкался, но старался не сбавлять темп, словно только в конце пути мог избавиться от муки, исказившей его лицо.

Приступ агрессивного, бесполезного кашля уже второй раз за пять минут одолел мужчину. Отбившись, он втянул воздух, грудь его всколыхнулась, он судорожно вытер пот со лба.

– Ты умрёшь? – напряжённо спросила она.

– Очень скоро, – прокряхтел он.

– Это мучительно? – с сострадательным отвращением уточнила она то, что и так было ясно.

– Чем чаще возвращаюсь сюда… тем острее здешний фон чувствует во мне чужого… тем скорее и мучительнее меня отсюда выталкивает, – тяжело дыша, объяснил он. – У меня совсем мало времени.

– Почему я не чувствую ничего подобного? – насторожилась она.

– Потому что тебе придётся остаться, – он бросил на неё короткий оценивающий взгляд, едва ли не первый за всю прогулку. Она испугалась, но он ожидал такой реакции. – Я поделился с тобой своими запасами, чтобы тебе легче дышалось до той минуты, когда ты поймёшь, как стать здесь своей.

– Простите, отец, но какая цель?..

– Иманон.

Он взглянул на горизонт, а брошенное им слово повисло в воздухе и каждое мгновение отдавалось тревожным эхом в ушах женщины, словно вобрало в себя смысл того, что должно было быть сказано в будущем, словно одним этим словом он хотел избавить себя от муки долгих объяснений.

Основам искусства речи он обучил её много лет назад – тогда она заучивала элементарные сочетания частоты, интенсивности и скорости звука, необходимые для желаемого воздействия слов. Отец владел этой азбукой в совершенстве, доведённом до автоматизма. Наверняка, сейчас он заставил это «Иманон» вызвать в её голове раздражающий резонанс.

Когда её отец вновь закашлялся, она, удостоверяя его страдание, посмотрела на него с невольным злорадством.

– Это твоя цель, – поморщился он, пощадив её. Эхо тут же покинуло сознание, спокойно переключившееся на новую фразу. – Человек-ось. Человек ветров.

Она глянула на него, проверяя, не думает ли он, будто эти фразы что-то прояснили.

– Есть один особый ток, Тэфон, идущий от истока творения. Сознание, пронизанное им, способно развивать свойство, благодаря которому обретает целостность и стабильность своих форм.

Она прищурилась, соображая, желая опередить его констатацию собственной догадкой, но он не стал испытывать её в этом.

– Это свойство – предпосылка вечного и гармоничного разнообразия, импульс развития и залог молодости бытия. Оно подобно искре, освещающей и оживляющей вездесущую и подлинную взаимосвязь. Через него постигается сущность явлений. С ним помысел обретает значение, а действие – значимость.

– Свобода воли.

– Свобода воли, – подтвердил мужчина. – Здесь сейчас, – он шевельнул пальцами, будто сжал что-то невидимое. – Сконцентрирован колоссальный запас её движущей силы. Вся эта мощь пригодится там, где имеются лучшие условия для её воплощения. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Ты хочешь забрать отсюда свободу воли?

– Вернее будет сказать – силу, которая питает её, – он преобразился: из облика исчезла болезненность, и на миг ей показалось, что смерть уже доконала его, и он теперь говорит с нею в образе духа. – Ты умна, Тэфон. Я думаю, из всех преданных мне детей ты самая умная. Поэтому именно тебя я посвящаю цели овладеть Иманон.

– Кто такой Иманон?

– Иманон – человек, заключающий в себе центр притяжения энергии свободы воли. Проводник, передающий её ток человеческому сознанию. Это потенциал огромной мощности, изолированный вакуумом иллюзий и захороненный под свалкой мнимых смыслов! Если передать эту энергию туда, где она сможет воплотиться в качественно ином сознании, она даст жизнь качественно иному творению. Для этого ты, Тэфон, должна найти Иманон и заставить его отдать тебе силу.

– Как я могу это сделать?

– Ищи его по ветру, – он сделал движение, как будто поймал на лету каплю дождя, а потом поднёс к ней на ладони крошечный бриллиант. – Когда останешься одна, выпей это. Здесь знание обо всём необходимом, чтобы выжить и найти Иманон. Я вижу сомнение в тебе, Тэфон. Ты боишься…

– Меня пугает масштаб задачи. Я задаюсь вопросом, почему вы хотите поручить дело мне, вместо того чтобы уладить его самому?

– Дело, которое я поручил тебе, потребует времени, а я связан законами своего положения. Всё здесь сопротивляется мне – взгляни, что происходит со мной из-за нескольких мгновений, – он развёл руками, и на секунду она явственно ощутила его муку. – Но ты – другое дело. Ты не связана обязательствами и вольна путешествовать, где только вздумается. Ну, почти, – он покосился на неё с подобием усмешки. – Теперь слушай внимательно! Мы в эпицентре силы Иманон. Он где-то рядом. Ищи его в этом городе. Будь внимательна и осторожна. Я укреплю тебя, как только смогу. И дам тебе совет: обрати в свою пользу силу человеческого заблуждения. Из всех человеческих сил эта – наибольшая. Пусть она служит твоей цели.

Женщина не сводила глаз с крошечного бриллианта, одолеваемая странной жаждой поскорее проглотить его.

– Что станет, когда отсюда исчезнет энергия свободы воли? – праздно спросила она.

– Кое-какие фундаментальные связи нарушатся. Но они будут настолько тонкими, что внешне даже не проявятся.

– То есть, их могут не заметить?

Он уклончиво поджал губы.

В эту минуту свистнули доски сёрфингистов, рассекая воздух, прежде чем плюхнуться на воду, вновь человеческие голоса приглушили шорох моря. Дождь кончился, и люди вернулись на пляж.

– Смотри, какое небо! Ох, завтра задует! Дождаться бы, – крикнул неизвестный, кивая на горизонт, озарённый багровым сигнальным огнём приближающейся ночи.

На песке, в десятке метров от воды, спали на подстилке мужчина и женщина, защищённые от дождя широким зонтом. Их годовалый ребёнок, проснувшись, выбрался из коляски и направился к морю. Пухлый и неуклюжий, едва-едва ставший на ноги, он смешно растопырил руки, балансируя на зыбкой почве, но не продержался и минуты, шлёпнулся на песок и раздосадованно захныкал. На лицах его спящих родителей трепетала тень покоя. Их головы склонились друг к другу, женская рука машинально, с обманутой бдительностью, придерживала коляску. Когда малыш заплакал, на переносице его отца появилась тревожная складка, но вскоре разгладилась.

Не получив отклика на жалобу, малыш сообразил встать на четвереньки. И здесь его ждал успех. На минуту он отвлёкся, заметив две приблизившиеся фигуры: ловко перекатившись через бедро, уселся, всплеснул руками и одарил встречных приветливым мычанием. Но не встретив восторга по поводу подобной любезности, порыв его быстро сник: он опять встал на четвереньки и продолжил путь к большой воде, пока не погряз в морской пене. Испугавшись, малыш отпрянул, опять оказался на попе и стал следить с возрастающим интересом, как хитрые волны тянутся к нему пенистыми язычками…

Описав круг над головой ребёнка, истошно завопила крупная чайка. Он захлопал в ладоши, после чего решительно поднялся на ноги. Здесь песок был уже влажным и плотным, и мальчик без труда сделал несколько твёрдых шагов к морю, но, ступив на то место, где вода размягчила берег, снова упал, и его тут же окатила волна.

Мрачная пара безучастно миновала маленькое тельце, неприспособленное к сопротивлению силе, затягивающей его в море. Малыш, изумлённый неизведанными ощущениями, не плакал, но лишь ошарашенно взирал, как вокруг него, прибывая, бурлит голодная пена.

В эту секунду под зонтом инстинктивно пробудилась его мать. Первым делом она склонилась над коляской и, не обнаружив там дитя, издала рычащий стон, а уже в следующее мгновение и она, и её очнувшийся супруг мчались к сыну.

– Помогите ему! – завопила женщина, заметив две человеческие фигуры рядом с малышом.

Мужчина добежал первым и вырвал обмякшее тело сына из цепких объятий моря, воды которого безразлично отхлынули, словно возвращая испорченную игрушку. Он перевесил его через руку и сунул палец ему в рот. Изо рта, очерченного посиневшими губами, потекла вода, а вскоре счастливчик прокашлялся и закричал.

– Он дышит, – выдохнул отец.

Мать рухнула на колени, с воплем облегчения уткнулась головой в песок, а затем подняла испачканное лицо и с булькающим хрипом, отразившим боль, радость и стыд одновременно, прижалась к сыну.

– Мы забыли его пристегнуть, – тихо сказал муж. – Ещё мгновение, и…

Эти слова немного отрезвили мать. Она обернулась на невольных свидетелей чудом предотвращённой трагедии и пробормотала:

– Он ведь тонул! А вы...

Мужчина вскинул отрешённый взгляд на северный край небесного купола, где, как огненный язык всепоглощающего времени, блеснула молния, затем недоумённо посмотрел на вопрошающую и закашлялся. Раздираемый изнутри безжалостным врагом,

он был столь жалок и безобразен, что женщина отшатнулась, будто опасаясь, как бы он не заразил её своей мукой, но он схватил её за плечо. Женщина инстинктивно дёрнулась, желая сбросить чужую руку, но он держал её очень крепко, буквально пригвоздив к земле. Она заглянула ему в глаза и вскрикнула от ужаса, увидев в них собственную смерть: сокрушительная дрожь прошла по её волосам, лишая их цвета...

Когда же муж, встревоженный её воплем, оторвался от мальчика и бросился на помощь, незнакомец прекратил кашлять и тут же отшвырнул её от себя.

– Вот, посмотри, – с отвращением обратился он к своей спутнице. – Они желают, чтобы за них устроили то, что им угодно, пренебрегая ходом вещей! А как бы им понравилось, если бы я пожелал устроить заодно и судьбу этого ребёнка по своему усмотрению? Нет уж! Им требуется, чтобы я спас ему жизнь и исчез до того момента, пока новые невзгоды не заставят их возопить о помощи! Независимость здесь в ходу лишь как валюта, которою платят за беспечность. Пойдём же!

Они двинулись дальше вдоль берега. Вода глянцевой полиролью уничтожала их следы.

ЧАСТЬ 1. ИМАНОН

Глава 1. Две жены

Над коричневым забором выступал, точно маршмеллоу над кофе, осанистый белый особнячок. У его калитки притормозил седан, и из водительской двери появилась женщина лет тридцати. У неё был аккуратное остробородое лицо с несколько старомодной формой бровей и безупречными стрелками на веках, а волосы собраны в высокий тугой хвост. Пока она забирала из машины сумочку, с пассажирского сиденья выпрыгнула другая – молодая, по-детски растрёпанная и по-мальчишески одетая, – позвонила, толкнула клацнувшую калитку и исчезла во дворе вместе с пригревшимся у неё на спине массивным рюкзаком. Первая женщина тоже направилась к дому, который вблизи ещё сильнее напоминал зефир и невольно заставлял гостью чувствовать себя маленькой Гретель.

Дверь открылась сразу – её поджидали: на пороге стояла толстая и очень опрятная пожилая женщина с косой вокруг головы, недостаток проницательности на лице которой компенсировала аристократическая строгость.

– Добрый день, Анна, – высокомерно поздоровалась она. – Входите, я сейчас предупрежу о вас, – и, словно огромная утка, преследующая утят на мелком пруду, она деловито и неуклюже проследовала через холл к домофону, который избавлял её от необходимости носиться по всякому поводу к хозяйке на второй этаж.

Ольга появилась раньше, чем Анна успела в очередной раз наглядеться на великолепное витражное окно, которое украшало лестничный пролёт. С приветливым нетерпением, выдававшим её страстную, идущую из детства и пренебрегающую даже правилами гостеприимства, любовь к гостям, в белоснежном шёлковом халате и с почему-то только одним ярко накрашенным глазом хозяйка пронеслась вдоль своего бесподобного окна, как цапля по маковому полю, такая уместная и резвая (тогда как, подумала Анна, другая фигура на её месте смотрелась бы точно тень беспокойного зрителя на экране в пиратской версии фильма), и сбежала навстречу Анне.

– А я услышала, что вы приехали, – сказала она и закричала домработнице. – Я уже внизу, забираю Анну, спасибо! И можно нам кофе, пожалуйста? – и снова обратилась к гостье. – А где Илайя? Умчалась к себе? У неё всё нормально? – получив, вполне ожидаемо, положительные ответы, Ольга дунула на нос и несколько раз моргнула. – Анна, ты не возражаешь, если мы поговорим наверху? Поднимемся?

Перед Анной замелькали каблуки хозяйки, заставляя отметить очередное чудачество Ольги – носить дома мюли. По пути в спальню Ольги Анна старалась обозреть все помещения, не упустить ни одного новшества; хоть она и считала вкус Ольги немного странным, в целом, дом ей нравился: светлый, удобно спланированный, без нелепых форм и лишних углов. Но было в его завоздушенности, колышущихся тюлях, неразбавленном белом цвете, в барельефах и колоннах в холле второго этажа, в этой неосознанной эклектике, нечто инфантильное, сдвигающее сей отнюдь недешёвый каприз Ольги на грань пафоса.

Спальня Ольги была самым большим помещением второго этажа: в три вертикальных окна, обрамлённых льняным тюлем, с круглой кроватью по центру и массивным трюмо. Анна устроилась в кресле у изящного кофейного столика и узнала ковёр под своими ногами: он был родом ещё из той комнатушки, где молодые Ольга и Леонард, нынешний муж Анны, провели лучшие годы своего супружества.

– Анна, ты не смутишься, если я продолжу? – Ольга кивнула на свой ненакрашенный глаз. – Слишком нелепо смотрится, а я хочу тебя расспросить о новой работе Леонарда. Сам он как будто избегает этой темы. Видимо, желает свалить разговор на тебя.

– Ты ведь знаешь, Леонард не фанат долгих бесед, – сказала Анна с некоторой гордостью. – Что касается работы, его взяли управляющим в санаторий «Асседия». Через несколько дней заканчивается испытательный срок, и к началу сезона он полноценно вступит в должность.

– Санаторий «Асседия» – это тот, что на Пятнадцатой дороге, над морем?

– Он самый. Ты там бывала?

– Очень давно, ещё в студенческие годы. Помню, вид у него был довольно заброшенный, и ещё помню невероятную панораму из окон главного корпуса.

– Не только из окон, но и с прогулочной аллеи, – кивнула Анна. – Изумительные виды. Такими больше ни один санаторий на побережье не может похвастаться.

– Сейчас там наверняка комфортабельные номера с круглосуточным обслуживанием. Деревянные панели на стенах, торшеры-трапеции, ротанговые диванчики в вестибюлях – что-то в таком духе?

– Думаю, не так много изменилось с твоих студенческих времён. Только в коммерческом корпусе современные номера, а в остальных сделан косметический ремонт. Развернуться шире не позволяет скудное бюджетное финансирование.

Ольга помычала, нанося на веко основу под тени.

– И на что же прельстился Леонард? Не на красивые же виды?

– На красивые виды прельстилась твоя дочь, – усмехнулась Анна. – А Леонарда привлекла возможность, как он выразился, приносить пользу ещё не освоенным способом.

– А что с жильём? Вас поселили в санатории? – уточнила Ольга, растушёвывая тени в уголке глаза.

– Леонарду выделили домик на склонах, на границе с санаторием, – скромный, но вид оттуда зачётный, и никаких соседей. Илайя в восторге и собирается поселиться там после сессии, - вдруг вырвалось у Анны то, ради чего она приехала, для чего подбирала подходящий момент и правильные слова. – Ей предложили летнюю подработку в санатории, и она согласилась. Так что, если, как я надеюсь, ты не будешь возражать, нас троих ждёт совместное продуктивное лето.

Их взгляды встретились в зеркале, и Анна никак не могла понять по её несуразно вырисованным глазам, что творится в голове у Ольги: с одинаковой вероятностью можно было сказать, что та расстроена, обижена, покороблена, причём, верней всего, последнее.

– Ты опасаешься за своё реноме? – решилась брать быка за рога Анна. – Но подумай сама: даже если кто-то узнает, что Илайя подрабатывает в санатории, твоя репутация только выиграет – ведь это практически волонтёрство. Всякому ясно, что подработка в санатории – не work&travel: на велосипед не заработаешь, на сигвей и подавно. Внучка уважаемого дипломата и дочь известного общественного деятеля трудится на благо города и туристов – чем плохо?

– Мне категорически не нравится эта идея, – любезно улыбаясь, отрезала Ольга.

В эту минуту в дверь настойчиво постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли – то была домработница с двумя чашками кофе и двумя заварными пирожными.

– Что же вы принесли, Дарья? – всполошилась Ольга, отвлёкшись от своего глаза. – Вернитесь, пожалуйста, и захватите коробку, которую привезли из кондитерской, – она обернулась к Анне. – Ты любишь макаронс? Я их обожаю! Будь у меня твоя комплекция, я бы съедала по килограмму в день! Но моя диетолог с боем уступила мне только триста

грамм в неделю, но зато, уж поверь, это лучшие макаронс в городе. Я провела авторское исследование, посвятила ему три публикации и всё ещё держу интригу вокруг первого места. Но ты не читаешь мой блог, к тому же, ты – родня, поэтому от тебя я своего поставщика скрывать не стану, и у меня там скидка: сможете заказывать на моё имя, если, конечно, тебе понравится, – Ольга умудрялась говорить с неподвижным лицом, так что её исполненный самодовольного дружелюбия монолог не мешал ей орудовать тушью для ресниц.

– Я понятия не имею, о чём ты говоришь, – нахмурилась Анна.

– Макаронс! Пирожные! Кругленькие разноцветные. Бизе с кремом. Ты не могла не...

– Понятия не имею, – мотнула головой Анна. Она начинала злиться из-за того, что восхитительные планы на лето, построенные тремя людьми, могли так бестолково рухнуть от одного слова Ольги; из-за того, что не только Илайя, но и она сама, и Леонард должны были зависеть от самодурства этой женщины. – Ольга, почему Илайе не провести лето на побережье? Ты знаешь, что для неё нет большего удовольствия. Поставь себя на её место.

– Вот именно! – Ольга разделалась с глазами и теперь собирала перед собой тональные средства. Анна вдруг сообразила, что Ольга делает отнюдь не повседневный макияж – она готовится к какому-то мероприятию. – Дай угадаю, чем занималась Илайя в эти выходные: каждые полчаса купалась в море, уверяя, что вода вовсе не ледяная, а в остальное время возилась со своим бурьяном – благо, на склонах его, должно быть, предостаточно.

– Угу, и ещё составила опись всех гусениц санатория, и каждой дала имя, – с ненавистью глядя на Ольгу, добавила Анна.

– Вот-вот. И не нужно быть провидцем, чтобы понимать: аналогичным образом пройдёт для неё всё лето на побережье. А ведь это последнее студенческое лето, Анна. Через год наступит то будущее, о котором Илайя, как я ни умоляю её, думать не хочет. Да, я проявила слабость и, невзирая на нелепость такой профессии, позволила ей получить диплом биолога. Но она была ребёнком и так горела этим желанием, что мне было жаль давить на неё и стать источником такого разочарования. Но, Анна, рано или поздно пора взрослеть и принимать на себя ответственность.

Анну так и подмывало возразить, что Илайе нельзя не отдать должного в последовательности выбора, равно как и в заботе о своём будущем, поскольку она уже полгода работает экологом в ботаническом саду и, пусть там не ахти какая зарплата, воодушевлена полученным опытом, а также перспективой трудоустройства в лесостепной заповедник, куда она уже трижды выезжала на практику; да и вообще, сказала бы Анна, Илайя на хорошем счету на факультете, и на её профильной кафедре сильно удивились бы, узнав о наличии у неё тех прискорбных качеств, которые так огорчают её мать; но Анна слишком хорошо знала, что вести с Ольгой аргументированные споры столь же бесполезно, сколь доказывать теорему Пифагора Колобку и поэтому спросила без обиняков.

– У тебя есть какие-то конкретные планы, связанные с Илайей, на это лето?

Как и ожидала Анна, этот вопрос застал Ольгу врасплох: никаких планов у неё не было, но Ольга быстро сочинила веский ответ.

– Я думала взять её с собой в итальянский тур. К тому же, ей надо подтянуть английский: когда, если не сейчас. А на досуге походит на гастрономические девичники – одна моя знакомая организует; очень увлекательно и в духе Илайи.

– Я слушаю тебя и не верю, что мы говорим не о пятилетнем ребёнке, а о двадцатилетней женщине.

В дверь тихонько постучали.

– Да? – гаркнула Ольга. – Входи, Илайя!

– Как ты узнала, что это я? – улыбнулась её дочь, входя.

– Всё моя материнская интуиция, – пошутила Ольга.

– Ты чересчур деликатна для этого дома, – брякнула Анна. – Это выдаёт тебя.

Илайя с опаской глянула в зеркало на мать – не вызовут ли слова Анны её гнева, а Ольга посмотрела на девушку, замершую в дверях – тонкую, белёсую и ясную как молодой месяц, не ведающий о пятнах и прочих превратностях полной луны; а затем на себя – всё ещё красивую, но уже потихоньку увядающую женщину, так и не простившуюся с надеждами своей юности, которые давно простились с нею; а затем, – снова на Илайю, чьё круглое лицо с узким подбородком и парой крупных веснушек было в точности лицом Леонарда, её первого мужчины, её мужа, главной слабости её молодости, которая обошлась Ольге очень дорого.

Судьба свела их в выпускном классе гимназии благодаря тому, что отец Ольги был назначен первым секретарём Международной федерации работников морского транспорта в южном регионе и переехал с семьёй из столицы. Яркая самоуверенная модница-Ольга, наделённая от природы не только пылким темпераментом, но и выдающейся внешностью, которая позволяла всюду завоёвывать столь любимый ею центр внимания, легко обворожила юного Леонарда и сбила его с годами прокладываемого курса учёного математика. А вот что привлекло Ольгу в Леонарде – так и осталось загадкой для её родителей, и ни разу за двадцать три года со дня их знакомства не стало предметом размышлений самой Ольги; но если бы кто-то предположил, что её покорил его спокойный жизнеутверждающий юмор, его сдержанность, которую Ольге так нравилось отдавать на растерзание поднимаемым ею бурям страстей, ибо ничто не давало ей так ясно ощутить, что этот человек принадлежит ей, как томление и тревога на его хладнокровном лице, – то она подписалась бы под каждым словом.

Они сходили друг по другу с ума, пренебрегая детскими мечтами Леонарда, в которых он открывал новые закономерности в экономике, и волей влиятельных родителей Ольги, которые никогда, будучи в здравом уме, не пожелали бы себе в зятья жителя окраинной малоэтажки, бывшего единственным ребёнком в семье лишь по той причине, что наличие второго выселило бы их за грань нищеты. Результатом того, что родители Ольги создавали влюбленным всяческие препятствия, стало объявление восемнадцатилетней Ольгой о своей беременности и немедленное вслед за тем замужество. К тому моменту Леонард уже поступил в политехнический институт на инженера-энергетика. От физико-математического факультета он отказался, осознавая непрактичность этой специальности в свете того, что ему теперь нужно было содержать семью. Идею учиться на моряка, которой одно время горел Леонард, отвергла Ольга, предупредив, что он отправится в свой первый рейс только через её труп. Ольга же после разоблачения утки о беременности поступила на филологический и за следующие пять лет выучила английский, немецкий и французский, успела попробовать себя в роли радиоведущей, корреспондента светской хроники, актрисы и режиссёра музыкальных клипов и даже продюсера короткометражного фильма об эволюции женского белья. Она с лёгкостью переключалась с одного занятия на другое, и лишь одно её увлечение оставалось неизменным – Леонард. Леонард, который хватался за возможность любого заработка и из-за хронической нехватки времени проваливал сессии, валился с ног после ночных смен на теплоэлектростанции и засыпал под воодушевлённые рассказы супруги об её очередных достижениях. Леонард, над которым посмеивалось богемное окружение Ольги и которого при каждом удобном случае норовил уязвить её отец.

Ольга забеременела. Понимая, что скоро придётся оставить свои проекты, а скудных доходов Леонарда не хватит даже на то, чтобы обеспечить их двоих, не говоря о ребёнке, она обратилась к отцу, и тот, несмотря на давнишний конфликт с зятем, согласился

помочь. Прежде всего, отец купил для Ольги квартиру, поскольку не мог допустить, чтобы его наследник родился в съёмном дупле, где проживала молодая семья. Разумеется, этот поступок задел Леонарда, но Ольга, находившаяся накануне родов, была до того нежна и внимательна, а её отец сделался до того деликатным, что Леонард нашёл в себе силы не допустить произвола гордыни, и скоро обнаружил, что в его сердце нет обиды на тестя.

Вместо ожидаемого сына родилась дочь. В тот момент Ольга поняла, что жизнь – не составленный ею план, в который она лишь вносит изменения, соответствующие её настроению. Материнство довольно скоро утомило её и заставило чувствовать себя так, как если бы она, купив дорогое колье, обнаружила, что оно инкрустировано стекляшками. Пока Леонард набирался опыта на предприятиях энергетической сферы, Ольга вернулась к журналистике, стала проявлять интерес к моделированию одежды и мало-помалу приобрела некоторый авторитет в своих кругах. Работа не только удовлетворяла амбиции, но и приносила деньги. Ольга расцветала внешне, черствела внутренне, отдалялась от семьи, превращалась в светскую даму. Несмотря на растущее расстояние между ними, Ольга дорожила Леонардом и в отношениях с ним, сколько могла, сохраняла отзывчивость. Она с аккуратностью решала одну за другой их финансовые проблемы, нередко с помощью отца, не подозревая, что тем самым роет могилу своему браку. Ибо благородства последнего, увы, не хватило на то, чтобы воздержаться от навязывания Леонарду своих соображений о подходящем для их семьи образе жизни. Он делал внушения Леонарду, в том числе, и устами Ольги, что было особенно оскорбительно.

Полярные потребности супругов плодили недоразумения на каждом шагу, и к пятилетней годовщине рождения семьи накопленными обидами были заполнены все углы их скромного жилища. Обнаружив это, Леонард дал себе слово, что в тот день, когда Илайе удастся самой сложить из бумаги самолётик-иглу, он уйдёт. И когда этот день настал, он так и сделал. Ольга, опьянённая успехом, затосковала по нему лишь спустя время и даже попыталась его вернуть, но тут вмешался отец: он подарил ей фабрику по пошиву одежды и добился контракта о сотрудничестве с популярным дизайнером. Головокружительные перспективы и новые знакомства, вылившиеся даже в небольшой роман, как он и рассчитывал, отвлекли дочь от прошлого и предопределили её дальнейшую судьбу.

За шестнадцать лет, прошедшие после развода с Леонардом, послужной список Ольги стал длиннее списка продуктов, с которым еженедельно отправлялась в магазин Анна. Вдобавок к тому, что пользовалась спросом как дизайнер одежды, радиоведущая и продюсер, Ольга слыла одним из самых популярных блогеров. Она больше не вышла замуж.

Леонард после двухлетних скитаний по разным работам нашёл своё место в научно-исследовательском институте, где занялся опытными испытаниями и экспертными исследованиями. В институте же он познакомился с молодой стажёркой Анной, выросшей на его глазах до помощника главного бухгалтера. Три года длился их полушутливый флирт, пока однажды утром Леонард, придя на работу, не обнаружил, что она уволилась. Тогда он взял отгул, получил за шоколадку начальнице отдела кадров адрес Анны, приехал к ней и перевёз её к себе, в ту самую коморку в малоэтажке, которая досталась ему от родителей и которую так презирал его бывший тесть. С того дня они жили душа в душу вот уже десять лет.

Ольга слэпом касалась нижней губы, нанося на середину мерцающую помаду. Закончила, отодвинулась от зеркала и придирчиво всмотрелась в отражение.

– Твой монархический образ, – сказала Илайя. – Это может означать вечеринку.

– В точку! – воскликнула Ольга, очень довольная этой догадкой. – Сегодня вечером я отправлюсь в Гарабону на презентацию новой книги Шкодного Жоржа, причём, в твоей компании.

– Нет, – вздрогнула Илайя.

– Конечно же, да! – хохоча, отмахнулась Ольга. – Посторонись, Илайя! Наконец-то явились наши макаронс. Как же долго, Дарья! Пекли вы их, что ли? Кофе остыл! Ладно уж, оставляйте!

– Мама! Я не пойду, – сказала Илайя, как только за Дарьей захлопнулась дверь.

– Нет, ты пойдёшь, Илайя, – сглотнула Ольга и встала со стула. В её глазах блеснуло что-то вроде угрозы, но тон оставался увещевательным. – Ты не только пойдёшь, но и наденешь то платье, которое я для тебя выберу, а также позволишь моему мастеру поколдовать над тобой – обещаю, без фанатизма, – Ольга словно не замечала готовую взорваться Анну, и когда та уже открыла рот, чтобы прекратить это несносное соло, – вдруг с великодушной беспечностью, совсем как ребёнок, выпускающий пойманную рыбку, обнаружив, что та задыхается без воды, заявила. – Я прошу тебя всего об одном вечере, Илайя. Летом отец от тебя этого не потребует.

Илайя обнадёженно запнулась и лукаво нахмурилась.

– Один вечер за целое лето?

– Сама видишь, не так уж дорого, – Ольга самодовольно изогнула брови и улыбнулась победителем.

Илайя вздохнула и взялась за ручку двери.

– Наряд, макияж и причёска, – повторила Ольга.

– Да, – снова вздохнула Илайя.

Они вышли вместе с Анной. Отойдя от двери, Илайя взяла её за руку с улыбкой, которая требовала не принимать близко к сердцу эпизод в спальне Ольги. Анна с минуту выпускала из ноздрей ядовитый пар, а потом сказала:

– Тебе надо кардинально перестроить отношения с матерью.

– Всё получилось так, как мы хотели. Что ещё может иметь значение? – и она расплылась в зубастой улыбке. – Ну, всё, я бегу приводить в чувство свои азалии – их, оказывается, забыли полить, пока меня не было. До встречи, Анна!

– Чао, – проворчала Анна и побрела по коридору.

У лестницы она обнаружила поднос с эклерами, по неясной причине так и не донесённый Дарьей до кухни, стянула одно пирожное, сунула в рот и, энергично жуя, поторопилась прочь из этого дома.

Глава 2. Подспудная игра

Клуб «Гарабона», расположенный под крышей исторического здания в центре города, Ольга приобрела за гонорар от серии креативных рекламных роликов для популярного бренда косметики. Точнее, тогда это был не клуб, а заброшенная мансарда, и Ольге потребовалось четыре года, чтобы превратить её в элитную площадку для закрытых вечеринок.

Гостевую часть клуба – длинное прямоугольное помещение с открытой террасой – Ольга с помощью оборудования для гибкой планировки меняла на разные лады: то делила на зоны, то отгораживала уголки для приватных бесед, то зашторивала окна и стены, превращая клуб в крошечный театр, то, наоборот, белила стены, убирала из зала всю ткань и позволяла ему наполниться солнечным светом через те низкие, но многочисленные арочные окна, которыми старинные архитекторы щедро наградили здание.

Сегодня зал был поделен на две половины, разные, как день и ночь. В первой по потолку тянулись крошечные лампочки, заливающие помещение мягким светом, а пол был застелен серым ковром с красочными зигзагами; кое-где помещались фуршетные столики, а возле них громоздились белые и тёмно-синие кресла-мешки. На стенах висели репродукции Модильяни и множество других картин неизвестного авторства, но в духе того же Модильяни, - Ольга испытывала слабость к творчеству молодых художников и покупку картин на местных ярмарках расценивала почти как благотворительность.

По центру зала, как бы мостиком между двумя его частями, была оборудована презентационная галерея Шкодного Жоржа: несколько стендов с иллюстрациями и цитатами из его романа. Сам Шкодный Жорж давал видео интервью у стенда с обложкой книги. Это был приземистый человек под пятьдесят с гладко выбритым лицом, искажённым широкой ухмылкой.

– Красота субъективно оценивается по уникальности черт лица, а не только лишь по их пропорции, – вещал он. Голос у него был тонкий, почти писклявый. – Это значит, что, если бы все женщины выглядели, к примеру, как Моника Белуччи, то популярностью пользовалась бы единственная оставшаяся дурнушка. Сюжет книги развивает эту догадку: молодой парень влюбляется в девушку невероятной красоты, очень долго добивается её, и, наконец, становится её мужем. Представьте себе: эдакие юные, ничего не знающие друг о друге, поддавшиеся порыву, – типично-очаровательные влюблённые. Молодая семья под давлением обстоятельств (финансовые партнёры мужа предают его, и он лишается сбережений; к этому добавляется болезнь тестя) уезжает на родину жены и селится в большом доме, где живут пять её незамужних сестёр, причём четверо из них – её близнецы, очень похожие на красавца-отца, а пятая – старшая сестра – невзрачная девушка, напоминающая свою мать в молодости. Мать, к слову, умерла при родах пятерни, и всё в доме посвящено памяти о ней (что в действительности лишь ширма, за которой скрывается равнодушие отца к погибшей жене, и чувство облегчения, которое он испытал после её смерти). И вот, счастливые молодожёны оказываются в мире, который населяют отец, сражённый тяжёлой болезнью, пять одинаковых женщин удивительной красоты и одна простушка.

– По оценкам экспертов ваша книга на сорок процентов состоит их эротических сцен, а остальные шестьдесят – это умопомрачительные тайны и тонкие интриги. Но в итоге наш юноша, конечно, влюбится в старшую сестру? – провокационно полюбопытствовала девушка-интервьюер.

Оказавшись в клубе, Илайя сразу прошмыгнула во вторую половину зала, где было темно (светились только плинтусы и ультрафиолетовые лампы под потолком), звучала ласковая музыка и сочился ароматный дым – курили кальян, а вся фасадная стена была увешана спиннерами. Десятки, может быть, сотни – они крепились на крошечных стержнях

сантиметрах в тридцати друг от друга, так что можно было запускать их, не снимая. Илайя запустила несколько, и, наблюдая, как они вращаются, почувствовала щекотку под лопатками.

– Бааа! Живая дочь живой легенды! Нечасто балует нас своим обществом. Вот это везение!

Илайя испуганно обернулась и оказалась лицом к лицу со смутно знакомой долговязой женщиной с живым ироническим взглядом и пепельно-русыми волосами, в причудливом берете и пёстром платье-рубашке поверх рваных леггинсов.

– Ух ты, Илайя! – в то же мгновение рядом появилась Ольга, смерила дочь оценивающим взглядом, удовлетворённо сверкнула глазами и потянула её за плечо. – Пойдём со мной.

Они вышли на террасу, где оказалось довольно людно. О местной публике – журналистах, чиновниках, предпринимателях, менеджерах, врачах, волонтёрах, художниках, поэтах, шоуменах – Илайя могла знать меньше, чем знала, лишь если бы была глухой и слепой. С неприятным холодком она заметила, что Ольга направляется к кружку, образованному Шкодным Жоржем, Анатолием Красуцким, её близким другом и партнёром, и итальянским импресарио синьором Помбо - баснословным богачом и спонсором многих её проектов. Одновременно к компании присоединились проныра Витас Блябов, новостной репортёр, который ради высокого полёта сбросил балласт такта и вежливости, а также супруга импресарио – синьора Роза в пышном платье, с десятисантиметровым начёсом, иссиня чёрными глазами и бордовым ртом. Она никогда не вступала в беседы, но зато щедро и ослепительно улыбалась. Глядя на неё, казалось, что если бы однажды она открыла рот, то из него вырвалась бы ария Царицы Ночи.

– Это она! Та таинственная девушка, которую Ольга сняла в буктрейлере! – вскричал импресарио, протягивая руки к Илайе.

– Нет, – сказал Анатолий.

– Нет, – покачала головой Ольга.

Рядом вновь возникла ироничная женщина в берете. Илайя заметила её ухмылку в ответ на возглас импресарио.

– Чёртовы интриганы! – возопил импресарио с лёгким акцентом, бесцеремонно ткнув пальцем в Анатолия, поскольку не мог позволить себе сделать этого в отношении Ольги, хотя его слова адресовались, безусловно, ей.

– Ольга такая! – поддакнул Анатолий. – Убеждена, что искушённого зрителя очаровывают люди, разочаровывающие их прогнозы.

– Не воспринимай то, что слышишь, слишком всерьёз, – шепнула Илайе женщина в берете. – Вижу, тебе тут не по себе.

Здесь, при свете, в её облике стали заметны черты скрупулёзной небрежности: тщательно взлохмаченные волосы, искусно подплывший макияж, ненавязчиво смазанная, словно после страстного поцелуя, помада. Если бы Илайя была более внимательна к окружению матери, она знала бы, что перед нею никто иная как Лиза Бронс, признанный эксперт в области маркетинга и одно из самых многообещающих лиц отечественного блоггинга. По своей популярности в медиа обществе она наступала на пятки Ольге, что та упорно игнорировала.

– И всё же буктрейлер хорош! – взболтнул тему Шкодный Жорж, желая вспенить игристое в бокале своих лавров. – Почти миллион просмотров на ютубе – какова реклама для книги! Будем надеяться, в следующий раз мы соберёмся здесь по случаю экранизации.

– Нет, в следующий раз мы соберёмся по случая победы одной талантливой дивы в рейтинге успешных женщин, – с угодливой улыбочкой глядя на Ольгу, возразила дочь оперного дирижёра.

– Что-что? Топ-сто успешных женщин? – вклинилась дама в чёрном платье и красной шляпе с бантом, обнаруживая удивительный контраст между недовольством на лице и мелодичным голосом. – Поздравляю, Ольга!

– Ну, итоги подведут только через три недели. Но у Ольги очень высокий шанс на победу.

– Очень даже может победить, – вставил Витас с провокационным прищуром. – Если Лиза Бронс позволит.

На фоне прошелестевшего ропота Ольга лишь повела плечом.

– Сама невозмутимость, правда? – Анатолий подмигнул Витасу. – Но на твоём месте я бы сильно обиделся на то, что она сейчас о тебе подумала.

– А по каким критериям составлен этот рейтинг? – поинтересовался молодой человек, строгий вид и въедливый взгляд которого выдавали в нём адвоката.

– Найдите тему получше, – утомлённо вздохнула Лиза Бронс и покосилась на Илайю. - Вот девочка заскучала. Предметы ваших дискуссий старят вас. Топ-сто успешных женщин – это такая архаика, почти пошлятина.

– И это говорит та, которая в десятке! Я лолирую! – зааплодировал Витас.

– Если равняться на Илайю, то впору закрыть блог и податься в отшельники, - сказала Ольга. – Уступлю на неделю свою скидочную карту инициатору темы, которая не окажется для неё скучной.

– Нестандартные интересы? Тем любопытнее узнать, за что голосует Илайя: за блог Ольги или за «Хорошего полицейского»? – напирал Витас.

– Простите моё невежество, но я понятия не имею, – пробормотала Илайя.

Шкодный Жорж только рот раскрыл. Ольга самодовольно усмехнулась.

– То есть, блог Fash'On, буктрейлер к роману Шкодного Жоржа, номинация на премию «Медиабренд года», журнал «Хороший полицейский» с топовыми показателями подписчиков – это ни о чём вам не говорит? – демонстративно уточнил Витас. – Ну, ладно – блог, но вы даже не смотрели буктрейлер? – он дождался, когда Илайя недоумённо пожмёт плечами, и кивнул с видом психиатра на приёме. – Хорошо, а презентация двенадцатого айфона, землетрясение в Мексике, премьера нового сезона «Юного папы», открытие выставки Маноло Бланника, победа нашей артистки на Европении?

Илайя развела руками с обезоруживающей улыбкой.

– Погодите, «Хороший полицейский» – это журнал хороших новостей? – вдруг вспомнила она, заставляя Витаса победно умолкнуть. Она перевела взгляд на Лизу Бронс, которая кивнула. – Теперь я поняла, почему вы показались мне знакомой. Вы автор этого журнала.

– Создатель и главный редактор, – подтвердила Лиза. – Приятно познакомиться. А особенно – быть узнанной в таких обстоятельствах, – казалось удивительным, что она продолжает стоять и улыбаться, как ни в чём не бывало, под испепеляющим взглядом Ольги.

– Моя университетская подруга все уши прожужжала мне про этот журнал – оттуда и знаю, – пояснила Илайя. – Другие девочки с курса тоже его читают. Говорят, серьёзным информационным изданиям сильно не хватает позитива.

– Именно поэтому я создала журнал, призванный напомнить людям, что, помимо жести, в мире много приятного.

– Занимательное издание, – отозвалась Ольга. – Как бальзам на душу инфантильному обывателю, формирующему представление о мире из постов в социальных сетях.

– Будто бы в наши дни чьё-то представление о мире формируется иначе… – негромко возразил Анатолий.

– Что ни говори, а цель любого издания – расширить аудиторию, – с беспощадной вескостью урезонил Ольгу Витас. – Инфантильная эта аудитория или ещё хуже названная с досады, – важно, что она есть.

– О боги, иной восхитится упражнением для скорости пальцев и примет его за Шопена, а другой нашепчет ему, что о вкусах не спорят, – пожала плечом Ольга и отступила к кому-то из гостей, разрушая круг.

Илайя догадывалась, что оказалась вовлечена в какую-то игру, и их короткий разговор с Лизой Бронс шёл вразрез с интересами матери, и теперь, воспользовавшись тем, что Ольга отвлекалась, сконфуженно улепетнула с террасы обратно в тёмный зал. Она бросила тоскливый взгляд на спиннеры, которые пятнадцать минут назад рассматривала с таким чистым, неомрачённым виною наслаждением, и тут вспомнила, что рядом есть дверь, ведущая в служебную часть клуба. Недолго думая, Илайя сорвала со стены первый попавшийся спиннер, выскользнула в эту дверь и оказалась в коридоре, откуда можно было попасть в кухню, зал для переговоров или одну из комнат для персонала.

Решив пересидеть где-нибудь здесь, Илайя увидела Григория – администратора клуба. Он вышел из кухни с подносом, на котором стояло несколько чашек и миска с конфетами – угощение чересчур простое, чтобы предназначаться гостям Ольги. Для обслуживающего персонала? Но тогда зачем выносить из кухни? Администратор заметил Илайю и на секунду замер, а потом поник, развернулся и суетливо вернулся в кухню. Озадачившись, Илайя вернулась в зал, растерянно потопталась у стены со спиннерами и поплелась в дальний угол клуба, где уселась за столик и дала себе слово стать на ближайшие два часа невидимой. Но нарушила его уже через минуту, потому что из боковой дверь появился сосредоточенно-спокойный молодой человек, который целенаправленно нашёл её глазами и двинулся прямо к ней.

– Илайя, – сказал он, подойдя. – Привет.

Значит, точно, этого человека направил Григорий. И назвал ему её имя.

– Привет.

Он сел напротив и доверительно придвинулся к ней.

– Послушай, сложилась довольно рискованная ситуация. Мне будет спокойней, если я всё объясню.

Илайя развела руками, и его лицо – широкое, с плавными линиями, довольно приятное – немного отодвинулось. Взгляд у него был прозрачный и деликатный, похожий на горный ручей, который в своём бурном течении не угрожает выйти из берегов.

– Прежде всего, кто я такой? Меня зовут Юлий Лаевский. Я капитан команды в игре «Когитатум». Суть этой игры такова: участникам задают вопрос, и через минуту команда должна написать ответ. Вопросов бывает по тридцать-сорок за игру, и за каждый правильный ответ присваивают баллы. Побеждает, естественно, команда с самым высоким баллом. Залог успеха в «Когитатум» - командные тренировки, – Юлий сделал многозначительную паузу. – Найти удобное место для тренировок – вечная проблема студентов. Что-то арендовать – мы, ясное дело, не потянем. Правда, университет выделил нам аудиторию, но с учётом очереди из других команд она достаётся нам от силы два раза в месяц. А тут ваш вечно пустующий конференц-зал и его распорядитель Григорий, по счастью, старинный приятель моего отца. И мы сочли, что сам Бог велел, чтобы наши ребята инкогнито наращивали тут свои интеллектуальные мускулы. Без ущерба для целей Ольги, конечно, – он улыбнулся.

– Значит, в конференц-зале сейчас идёт чемпионат по «Когитатум»?

– Тренировочный мини-чемпионат, – уточнил Юлий.

– И часто вы тут собираетесь?

– Дважды в неделю, как минимум.

– И Григорий, встретив меня, испугался, что я выслежу вас и сообщу матери?

– Ну, закономерное опасение. Если бы она узнала – это стоило бы ему работы.

– Пожалуй, что так.

– Поэтому я настоял на том, чтобы всё тебе объяснить и просить сохранить наш секрет. Я обещал всё устроить.

– Смельчак! Тебе-то терять нечего – не ты рискуешь работой.

– Чтобы уравнять позиции, я дал слово: если ты расскажешь матери, я уволюсь с работы и не стану устраиваться на другую, пока и он не найдёт новую.

– Очень благородно.

– Как бы там ни было, наша судьба в твоих руках.

– Ты бы серьёзно так сделал?

– Если скажу: поверь, – будет неубедительно, а если скажу: проверь, – слишком жестоко.

Илайя потупила взгляд от неприятного действия этой безобидной манипуляции, палец её машинально скользнул по лопасти спиннера.

– Успокой их на мой счёт, – сказала она. – Но будьте осторожны. В любой момент Ольга или кто-то ещё могут зайти в кухню или в переговорную, – и отвела глаза, давая понять, что с её стороны вопросов больше не будет.

– Так вот куда он делся! – Юлий вытаращился на спиннер, вращающийся в её руках. – А я думал: неужели его упустили? Не мог же я допустить, что кому-то придёт в голову стащить спиннер. Признаться, у самого руки чесались, особенно, когда я заметил, что одного не достаёт. Разрешишь? – он с некоторой жадностью потянулся к спиннеру, и Илайя уступила ему игрушку.

Юлий запустил вертушку на указательном пальце, потом подкинул и подхватил на средний, снова подкинул и подхватил на безымянный, затем вернул на средний и обратно на указательный.

– Здорово! – признала Илайя. – Мне такие фокусы в жизни не осилить.

– Глупости. Если хочешь научиться, начни запускать на выступающих точках руки, потом на каждом пальце, – Юлий двигал спиннер по ладони, иллюстрируя свои слова. – В своё время у меня была мозоль на холме Юпитера. Можешь сначала попробовать на холме Венеры, но так кисть быстро устаёт, к тому же, на холме Юпитера красивее смотрится. Гляди, – он взял её ладонь, распрямил, поставил спиннер на подушечку в основании указательного пальца и, придерживая запястье, толкнул лопасть. Блики света на иллюзорной окружности крутящегося спиннера отражались полумесяцем. – Будто держишь на руках галактику.

– Он похож на бабочку, – сказала Илайя, когда спиннер стал замедляться.

– Прости, можно? – пристально глядя на её ладонь, Юлий снял спиннер. – Интересно, мне знаком этот знак.

– Какой знак? – Илайя пригляделась: тонкие складки у основания линии жизни сплели хорошо различимую спираль. – Ты об этом?

Он кивнул.

– Да просто случайное сечение.

– Я видел это случайное сечение в старинной энциклопедии символов. Не могу вспомнить названия, но он связан с энергией.

Илайя странно посмотрела на него.

– Не думай, что я какой-нибудь фанатик или сектант, – сухо предостерёг он, заметив её взгляд. – Я немного интересуюсь разными знаниями.

– Я догадалась об этом по характеру твоих увлечений.

– Слишком удивительное совпадение, – сказал он вслух, но самому себе. – Надо будет заглянуть в ту библиотеку, где я наткнулся на эту книгу, и помозговать, что он делает у тебя на руке.

– Мне тоже интересно, – тихонько заметила Илайя.

– Тогда поступим так: когда мне будет, что сказать, я тебя найду.

– Договорились.

Тем временем, с террасы повалили люди, у двери замаячила и фигура Ольги – эпицентр событий, похоже, смещался в зал Гарабоны. Для Юлия настал момент теряться из вида, и чтобы он его не упустил, Илайя сказала:

– Пора. Тебя ждёт игра, а меня, похоже, водевиль.

Глава 3. Верю не верю

Территория Асседии простиралась на девять гектаров на высоте полсотни метров над морем. Эти полсотни – пологие двухъярусные склоны, облагороженные пешеходными трассами, туалетами и спортивными площадками, а вдалеке на севере прерванные разноэтажной застройкой, – тянулись под грудью Асседии ажурным поясом, что обрывался пышной текучей юбкой благодатного моря. Санаторий с его лаконичными строениями, похожими на ветхие непрочитанные книги, которые, стоит им попасться на глаза, зовут бросить дела и пройтись хоть по нескольким страницам (так, проходя мимо зданий, Илайя испытывала желание немедленно войти и раствориться в атмосфере прохладных холлов и затенённых террас), с его вековыми платанами, уютными аллеями, живописными полянками, с его тысячей потайных местечек, включая и автомобильное кладбище, и руины клубного корпуса, и гранитный валун у высохшего пруда, были для Илайи самой сладкой грёзой, миражом из унылой пустыни лекционного зала, её Елеонской горой и её Голокой Вриндаваной. Особенно теперь, когда на неё свалилось счастье не только любить это место, но и стать для него родной. Да ещё в начале мая, когда мир свеж, как стакан фермерского молока. Пройдёт несколько недель, и побережье просядет под туристами, и солнце высосет цвет из этих трав. Но пока…

Она сбежала по лестнице – сто с лишним ступенек: каждая, словно кресло в пустом зрительном зале, по-своему выигрышна, – и вот уже кожа иначе осязает ветер, и время течёт медленнее, и воздух тяжелеет и набирается соли на каждом шагу. А совсем скоро он станет плотным и опасным, сомкнётся над её головой пружинистым космосом, где ей отведено всего несколько бездыханных секунд, но их хватит, чтобы успела надышаться её свобода. А потом Илайя вынырнет и увидит надвигающийся вал, несущий, словно мать на своей спине, две резвые волны, норовящие перепрыгнуть одна через другую.

Ей часто снилась волна. Она появлялась на месте скошенного газона Ольги, поднималась из недр центральной улицы города, догоняла её в вагоне уходящего поезда, настигала в окне комнаты. Она вырастала до неба, заменяя его собой и, казалось, готова была обрушиться, но так и оставалась висеть над головой. И всякий раз Илайя напрасно набирала в лёгкие воздуха, ожидая неизбежного, которое не наступало.

Ветер усилился. Завертелись деревья, задрожали и рухнули склоны, окружающие предметы столкнулись друг с другом и, разбившись, рассыпались брызгами. Земля больше не давала опоры, воздух не оказывал давления, голова, отбросив контроль над телом и отвергнув все мысли, стала невесомой. С дерзостью наркомана врывалась Илайя в этот чужой мир, не задумываясь, что может наткнуться на какие-то барьеры, не веря в них. Она ступала сюда без тени сомнения в том, что это место принадлежит ей, что она заслужила его своей любовью, неудержимым стремлением к нему.

Открыв глаза, Илайя почувствовала в них песок. Ветер полностью стих. Смеркалось. Её мокрые вещи лежали поблизости. Луны она не нашла. Несколько камней на берегу, один из которых ей захотелось поднять. Она лежала без единой мысли, пока не стемнело, а потом поднялась, отряхнула песок и двинулась в сторону санатория.

Анна и Леонард в кухне играли в шахматы.

– Тебя не было четыре часа. Мы уже начали волноваться, – сказала Анна, на секунду отрывая взгляд от доски.

– Я думала, меня не было несколько лет, – сказала Илайя.

– Купалась? – спросил Леонард, нашаривая кружку с чаем.

– Катала душу на волнах, – усмехнулась Анна, коротко глянув на Илайю. – У тебя не постелено. Возмёшь постель в нашем шкафу? Или подожди меня: сейчас мой ход, а потом я тебе помогу.

– Не нужно, Анна, я справлюсь.

Домик, выделенный Леонарду по должности, насилу натягивал метров на шестьдесят и был разделён на кухню, прихожую и три комнаты. Туалет и душ располагались во дворе, там же была и деревянная веранда. Забора перед домом не было: от нежелательных гостей он был защищён невысоким, но довольно крутым обрывом, который можно было обойти по пологой тропке, спрятанной под склоном. И отсюда ничего не стоило пробраться в Асседию: достаточно было немного спуститься по склону, перейти условную границу и подняться уже в санатории. Илайя давно открыла этот маршрут и, предвкушая ночные вылазки, попросила занять тёмную комнатушку, в окно которой эта тропка упиралась.

Зайдя в спальню Анны и Леонарда за постельным бельём, Илайя узнала шкаф – старинный, дубовый, с резьбой – в детстве он служил ей и подземным бункером, и космическим кораблём, и вагоном метро, и неприступной крепостью, и алтарём фантазий. Теперь же верхнюю полку занимали вещи отца, три нижние – вещи Анны. В одном из ящиков Илайя нашла пухлый незапечатанный конверт, на котором стояла дата – примерно три года после развода родителей. Вытянув находку, Илайя села на пол и стала доставать из конверта сокровища: книжечку с правилами дорожного движения, компакт диск группы Квин, блокнот с латинскими пословицами, дюжину поздравительных открыток, детские рисунки, обрывки журналов и газет, пару засохших ручек, кучу скрепок, кнопок, верёвок и резинок, несколько неудачных фотографий отца и одну – матери. Молодую Ольгу с роскошными чёрными локонами, аккуратными густыми бровями и ярким улыбающимся ртом можно было принять за диву со старой голливудской афиши. Великолепная и бессовестная, женщина на снимке была недосягаема как Фортуна и так же великодушна. И, глядя на неё, казалось так просто добиться того, чтобы она выслушала Илайю, поняла и простила каждое её неуместное слово, каждый нелепый поступок. И раскрыла благословляющие объятья и озарила путь светлой, пусть и чуть снисходительной, улыбкой. Но образ на фотографии обнажил иглу упрёка, вонзившуюся точно в её чувство вины.

Илайя спрятала обнаруженные артефакты обратно в конверт, нашла в нижнем ящике бельё и укрылась в своей комнате. Засыпая, она долго ворочалась: вспоминала фотографию из конверта и не могла поверить, что женщина на ней была её матерью. Однако целительные силы безмятежности, в конце концов, привели её к мысли, что размолвка с матерью, хоть и не исчерпана, но осталась в прошлом, а впереди ждёт фантастическое лето.

В одиннадцать утра Анна разбудила её стуком в дверь.

– Я на пляж. Ты со мной?

– Дай мне пятнадцать минут, - прозевала Илайя.

– Завтрак у меня с собой.

Она взяла с собой большую подстилку, термос с кофе, ряжанку, картонные стаканчики и бокс с творожником. Они уселись вдвоём лицом к морю и приступили к завтраку.

– Да, жизнь определённо удалась, – сказала Анна и закурила. – Если бы десять лет назад кто-то показал мне меня в тридцать три в этом райском местечке, без ненавистной бухгалтерской рутины, рядом с любимым мужчиной, я решила бы, что это сам дьявол-искуситель.

– Разве ты веришь в дьявола? – с любопытством спросила Илайя.

Анна расхохоталась с видимым удовольствием.

– Обожаю твою серьёзность по отношению ко всему, что ты слышишь и видишь, Илайя. Но, откровенно говоря: нет, я не верю в дьявола.

– А вдруг это как раз его работа? Вдруг он сейчас демонстрирует тебе воплощение твоей мечты, чтобы после потребовать расплаты? – Илайя ухмыльнулась в ответ на новую довольную улыбку Анны.

– Нет, – Анна благосклонно покосилась на Илайю. – За этим воплощением стоят тысячи выверенных шагов и десятки выстраданных решений. Это моё воплощение. На сто процентов. А дьявол – всего лишь изобретённый человеком способ снять с себя ответственность за свои помыслы и поступки.

– А что тогда Бог?

– Бог – это надежда на прощение, – подумав, сказала Анна. – Я знаю, о чём ты думаешь: если религия, какую ни возьми, совершенный вымысел, то откуда же она черпает силу, которая позволяет ей так долго и прочно владеть умами людей

– Я думала не об этом, но мне интересно, как ты ответила себе на этот вопрос.

– Религия основана на проницательной догадке о поголовном человеческом чаянии: человеку требуется некто более совершенный, чем он сам; некто, на кого останется уповать в минуту самого горького разочаровании; некто, принимающий решение, когда все до единого растерялись; некто, способный оценить в человеке неоценённое, –- Анна бросила сигарету на дно пустой бутылки. – Неисчерпаемый и бесперебойный источник спасения и утешения, бессрочное обещание счастья. Бог, как олицетворённая совокупность этих абстрактных ожиданий, появлялся везде, где жил человек: в самых диких, удалённых от цивилизации уголках, где знать не знали о Вишну, Иегове, Иисусе и Аллахе. Я думаю, фантазировать о боге – это одно из базовых свойств человеческой психики. В этих фантазиях кроется колоссальная мотивация. Но нашему мышлению сложно работать с абстракциями, и поэтому абстрактные фантазии о боге стали приобретать конкретные формы – так родились всевозможные божества. Их образы лишены гибкости, которая свойственна фантазиям, но зато практически пригодны для выращивания вокруг них всевозможных поведенческих концепций – то есть, различных религий. Но, как я уже сказала, в корне религиозной склонности человека остаётся его инфантильное стремление, с одной стороны, уйти от ответственности, с другой – довериться тому, кто лучше него.

– Ты сказала, что фантазии о Боге – естественное свойство человеческой психики. Откуда же оно берётся? Почему человек, независимо ни от каких условий существования, ищет эту связь?

– Я не знаю, Илайя. Но точно знаю, что ответы, которые предлагают религии, меня не удовлетворяют, – Анна улыбнулась мечтательной увлечённости на лице Илайи. – Сама-то ты уже поняла, во что веришь?

– Я верю в человеческое предназначение, – Илайя пожала плечами, как бы признавая наивность своих слов.

– Надеюсь, объясняя матери выбор факультета, ты не использовала этот аргумент? – Анна подмигнула хохочущей Илайе. – Затрудняюсь представить, какие у Ольги отношения с богом, но не удивилась бы, если бы она сделала его завсегдатаем своих раутов и постаралась переубедить... – она обернулась, заметив, что Илайя выпрямилась и заглядывает ей за спину. – Что там?

На краю небольшого плато, нависающего над склоном, стояла женщина. Волосы почти полностью заслоняли её лицо, но в напряжённой позе ощущалась воинственность.

– Как она туда забралась? – удивилась Илайя. – Такая странная…

– Не более чем одна моя знакомая любительница маринических пейзажей.

Женщина на плато, похоже, заметила, что стала объектом внимания, и через секунду исчезла. Илайя тщетно ждала, пока та спустится с плато или выглянет снова, – никто так и не появился.

Анна, тем временем, намазала ноги кремом для загара, надела наушники и улеглась на спину. Илайя окинула взглядом её тело, на котором не было ни одной лишней складки, как на коже – ни одного изъяна, и стала думать об Анне: как всё у неё выходило безусильно, незамысловато и ладно. Действия её, будь то приготовление еды или уборка квартиры или помощь Леонарду с отчётностью санатория или обработка фотографий после очередной фотосессии или обычный маникюр, были неуловимы. Заметен был только результат – словно возникал по взмаху волшебной палочки. Илайя знала, какой нервотрёпки и суеты стоили её матери подбор гардероба, сочинение меню, декорирование клуба, организация развлекательной программы и прочие хозяйские заботы, у Анны же житейские дела улаживались словно сами собой. Её одежда не могла стоить дорого, но смотрелась на ней безупречно. Держа в уме её провинциальное происхождение, её нельзя было уличить в безвкусице, как и в примитивном следовании тенденциям. Недаром Ольга с её небрежностью, некоторой даже неопрятностью, прониклась к Анне уважением и придавала её мнению особое значение.

Обед они пропустили, и поэтому решили ужинать пораньше. Ужинали, как обычно, на веранде. Леонард, хотя его рабочий день формально кончился, торопился вернуться в административный корпус Асседии и продолжить разбор бумаг, чтобы скорее войти в курс дел, но Анна удержала его анонсом яблочной шарлотки, и, как только все расправились с гречкой и бефстроганов, собрала грязную посуду и отправилась за десертом в кухню.

Илайя уложила подбородок в ладонь и защекотала надгубье.

– О чём так самозабвенно думаешь? – спросил Леонард.

– Я думаю: разве возможно, чтобы атеисты действительно существовали?

– Анна поделилась с тобой своими размышлениями? – усмехнулся Леонард. – И они тебя смутили…

– Нет, не смутили. Скорее, показались неправдоподобными. Потому что когда я пытаюсь увидеть мир глазами человека, отрицающего невидимые взаимосвязи, мне чудится подвох. Атеисты напоминают мне активные металлы. То есть, в чистом виде могут существовать только в лабораторных условиях. А в природе к ним тут же присоединяется кислород и… они уже минералы.

Леонард вздохнул.

– Анна не атеист. В этом ты права, Илайя. Она очень умная женщина, и, как положено мыслящему человеку, строит фундамент для своего мировоззрения. И для такого конструктивного и оптимистичного человека как Анна богоотрицание – слишком шаткая опора. Это не финальный результат её изысканий. Скорее, этап. Как жёлтый свет на светофоре. Неопределённость. Рано или поздно ему на смену придёт нечто более устойчивое.

На пороге появилась Анна с шарлоткой в одной руке и подносом с чашками в другой. Леонард поднялся помочь ей.

– Я кое-что нашла в кухне, – Анна сняла с подноса почтовый конверт. – На твоё имя, Илайя.

– Я совсем забыл о нём! – воскликнул Леонард. – Пришло в адрес санатория с остальными письмами.

Илайя взяла конверт, на котором не было данных отправителя, сунула в карман и встала из-за стола.

– Спасибо за ужин, Анна. Очень вкусно, как всегда. Я буду у себя.

– По крайней мере, пока не соскучишься по морю, – крякнул Леонард.

Прошмыгнув в комнату, Илайя вскрыла конверт. Внутри был тетрадный листок с надписью от руки: «Илайя! Жду тебя послезавтра, пятнадцатого мая, в 18:00, в библиотеке Университета. Очень важно. Будущий друг».

После дневного затишья разразилась гроза. Только успела унестись вдогонку севшему солнцу дуга облаков, словно ожившая корона, оборонённая монархом, как стало темно. Ливень лупил по стёклам, как пьяный хозяин, ошибившийся домом. Сквозь растрескавшееся небо сочился огонь.

Дождавшись ночи, Илайя выбралась из дома, промчалась по прогулочной аллее притихшего, погасившего огни под этой блокадой санатория, понеслась вниз по лестнице, глотая дождь, задыхаясь от ветра и волнения, за считанные секунды достигла пляжа и остановилась на пороге хаоса. Душа её рвалась смешаться с ним, нырнуть, вынырнуть, взлететь в потоке лунного света, медленно снизиться, чтобы строптивые гребни пощекотали ступни, но Илайя стояла на месте, плача от величия зрелища и проклиная собственную трусость.

И вдруг в свете луны она увидела, как из моря выходит женщина. И хотя Илайя не могла знать этого наверняка, она почувствовала, что это та самая женщина, которая нынче днём виднелась на склоне. Она надвинулась на Илайю, не совершая попыток скрыть свою наготу, не проявляя ни одного признака того, что испытывает холод после купания, – словно волна из её сна, и, точно как та волна, бездеятельно замерла. Глаза её, сверкающие и кипящие, полные неизведанные жизни, были похожи на мутные стёкла, за которыми таится нечто чрезвычайное.

– Море не тронуло вас, – пробормотала Илайя.

Таинственная женщина сонно мигнула.

– Я не тронула его.

И с этими словами исчезла как сон.

Глава 4. Наверное, это чудо

Будущий друг ждал её у входа в университет. Довольно высокий человек с покладистыми чёрными волосами, он был одет в джинсы и коричневую рубашку поверх серой футболки. Как только Илайя сошла с трамвая, он зацепил её взглядом и повёл между тающими группками студентов мимо примарафеченных пихт к раздвижным дверям. При встрече он пожал ей руку.

– Здравствуй, Юлий.

– Ты же догадалась, с какой целью я пригласил тебя? – строго спросил он.

– У меня была только одна идея…

– Тогда идём, познакомлю тебя с альма матер.

Они поднялись на второй этаж и пошли в конец коридора, где сверкали стеклянные двери библиотеки.

– Кафедра социальных наук, деканат философского факультета, – кивал по сторонам Юлий. – А там – гордость университета: зал синхронного перевода, активно используется властями и дипломатами для приёма иностранных делегаций. А вот, обрати внимание, лаборатория геофизиков. Когда-нибудь она будет названа в честь моего приятеля. Он настоящий гений! Проводит геотермические испытания, моделирует тепловые поля. Когда мне всё осточертеет, я спускаюсь сюда со своей кафедры на третьем и наблюдаю, как он работает. Это лучшее средство от хандры. Прямо под лабораторией – студенческое кафе. Кухня у них так себе, но кофе отличный, а главное – круглосуточный. Иногда по вечерам мы с Костей сходимся там и травим пошлые анекдоты – отлично помогает проветрить мозги. Вот такие подробности аспирантских будней, – Юлий пропустил её перед собой в библиотеку.

Это было просторное, сильно освещённое помещение с множеством лэптопов на крошечных столиках. Людей там было немного. Юлий провёл её через читальный зал к столику, на котором возвышались две стопки книг. «Энциклопедия символов», прочла девушка на верхней обложке.

– Чтобы собрать всё это, – Юлий хлопнул по одной из книжных стопок. – Мне пришлось обойти пять библиотек. И это только начало.

Он подвинул ей стул, и она заёрзала, усаживаясь удобней.

– Дай-ка руку, – Юлий нетерпеливо схватил её ладонь и, снова увидев сплетение линий, удовлетворённо кивнул. – Во время своего мини-расследования я вспомнил, что видел этот знак дважды, а не однажды, как сказал тебе. Получается, ты – это уже третий случай.

– Так что же он означает?

– Однозначного ответа я ещё не нашёл – пока только фрагменты истории. Но давай по порядку. Вот, – он снял одну из книг, раскрыл её в месте закладки и придвинул к Илайе. – В этой книге собрано самое подробное описание всевозможных спиралевидных символов. Ты увидишь, что многие значения не имеют между собой ничего общего, но и вариаций спирали существует не меньше, чем значений. Тогда я стал искать идентичную спираль, и это кое-что прояснило, – Юлий раскрыл сразу две книги и показал два рисунка. – Твоя спираль называется энергетической.

Илайя перевела взгляд со своей ладони на изображение и кивнула.

– Отличительная особенность нашей спирали: она вписана в круг и как бы приплюснута сбоку. Видишь?

– Ну да.

– Тогда я зачитаю самое важное из того, что нашёл: «последние документальные сведения об энергетической спирали обнаружены в китайском томе восемнадцатого века «Религиозная отметина». Автор заметки неизвестен, но она написана от первого лица, что довольно странно, учитывая энциклопедический характер книги». Так, – Юлий пропустил кусок текста. – Вот. «Энергетическая спираль – спираль, вписанная в круг, завитая по часовой стрелке. Витки спирали имеют эллипсовидную форму. Древние китайцы связывали этот знак с управлением силами стихии. Энергетическая спираль окрашена у них в зелёный цвет, в чём наблюдаётся намёк на божественного зелёного дракона. Подобный знак использовали также синды – одна из древних народностей Северного Причерноморья; по некоторым данным, он символизировал у них бога ветра, и его часто изображали на носах кораблей. История знака уходит на тысячелетия в прошлое, точное время его рождения неизвестно», – Юлий снова перескочил. – «Из «Религиозной отметины» следует, что подобная спираль – знак колоссальной энергии. А различные намёки в этой книге в совокупности с данными И.А. Грачова и Стивена Ф Мангейма позволяют сделать вывод о принадлежности такой энергии ветру», – Юлий коротко глянул на слушательницу и включил планшет. – Сразу же, без паузы, прочту тебе статейку из интернета: «Адвокат ответчика объяснил в суде, что термин «Артеос», который его клиент использовал для названия компьютерной игры, не может считаться нарушением прав истца на торговую марку, поскольку этот термин был заимствован его клиентом из верований бушменов в людей, управляющих ветром. Известны случаи, когда отчаянные представители племени вырезали у себя на груди или на животе характерную спираль, а зажившие шрамы выдавали за великое знамение Артеос, благодаря чему становились почитаемы как божества». Дальше статья сводится к судебным баталиям. Я пытался нарыть в сети подробности о верованиях бушменов, как и самом Артеос, но там ничего. Мой следующий шаг – электронные библиотеки, – он отложил планшет и кивнул, как бы приглашая Илайю прокомментировать услышанное.

– Ты говорил, что дважды встречал этот знак. Где именно?

– В одном египетском поселении вблизи пирамид есть необычный храм. Он посвящён богам разных культур и народов. Но всех этих богов объединяет одно – они правят ветром. Там имеются статуи и атрибуты и египетского Шу, и шумерского Ишкура, и славянского Стрибога, и греческого Эола. У входа в храм выдавлена такая же спираль. Второй раз это знак встретился мне на могиле человека в Германии. К сожалению, я не помню ни имени, ни даты смерти, да и вряд ли бы вообще обратил внимание на ту могилу, если бы прежде уже не встречал этот знак.

Илайя озадаченно выдохнула.

– Значит, энергетическая спираль… Энергия ветра…

– Или для ветра, – пробормотал Юлий. – Если твоя спираль – не просто символ, а заключает в себе какое-то физическое свойство, то, мне кажется, ты должна его чувствовать.

– Хотела бы я чувствовать!

– Значит, не чувствуешь... Но я намерен продолжить расследование и задать тебе ещё много вопросов, если ты готова...

– Я готова!

– Рад слышать, – Юлий встал и выразительно качнул головой, как бы одобряя собственное решение. – Ладно, пойдём.

– Куда?

– Провожу тебя домой – давно не наведывался в Асседию, – он выбрал несколько книг и сгрёб их в кучу. – Дай мне четыре половиной минуты – отнесу это к себе.

Пока они ехали в трамвае, Илайя украдкой наблюдала, как вздрагивают его ресницы от витиеватых кроссов глаз по узенькой лагунке, как деформируются поры, когда их стягивает к переносице, словно невидимая рука застёгивает невидимую змейку на оси лица, как съёживаются клетки от мимических спазмов губ, как взмывает в воздух фонтан волосков, ошмётков отмерших тканей, капелек пота и неорганической крупы от лёгкого хлопка по плечу:

– Мы приехали!

Сходя с трамвая, Юлий выдал привычку ходить одному, не подав ей руки и ринувшись вперёд, но вовремя опомнился и вернулся исправиться. Оказавшись на центральной аллее Асседии, он стал шумно вдыхать воздух и вертеть головой.

– А ведь место, и правда, волшебное! Я и забыл, как здесь хорошо. И ведь знаешь – мой прапрадед проектировал этот санаторий.

Илайя недоверчиво улыбнулась.

– Участвовал в проектировке, если быть точным, – уязвлённо поправился Юлий. – Я вижу, тебе требуются доказательства. Изволь! Здесь есть потайные места, о которых тебе не расскажет никто, кроме меня.

– Да ладно! Я сама знаю Асседию как свои пять пальцев!

– Угу, – закивал Юлий. – А что скажешь насчёт Николаевской колокольни? Ага? – он ухватил хвост вопроса, мелькнувшего в её глазах.

– Николаевская колокольня... В смысле, развалины Южной башни?

– Пффф, развалины Южной башни! Ты о том горе-памятнике погранпункта над бывшим прудом? Об этом вот – метр на метр – перевёрнутом вверх дном колодце? Южная башня! Как бы она не лопнула от важности после этих слов. Я говорю о колокольне Николая Чудотворца, спрятанной во впадине между Собачьим холмом и забором свалки, прямо под эстакадой. Вижу, что ты не знала о ней.

– Удивительно, – согласилась Илайя.

– А ведь казалось бы! В полукилометре от пляжа, в двухстах метрах от туристической зоны и в пятидесяти – от автобусной остановки. Фокус в том, что она находится ниже уровня склонов, да ещё перекрыта эстакадой, к ней нет открытых подъездов, и если кто не знает, что она там есть – то случайно обнаружить её практически нереально. Раньше она стояла на одной высоте с городской застройкой и относилась к монастырю: её возвели, чтобы дублировать колокольный звон основной монастырской колокольни – так создавался стереоэффект, но когда строили эстакаду, склон пополз вниз, и утянул её за собой. А постройка-то изумительной красоты! Трехъярусная свеча из розового кирпича – словно перст, указывающий в небо. С арочными окнами, скошенными гранями и уже, увы, без крыши. Жемчужина под грудой урбанистического мусора. И ведь таких мест, о которых даже коренные жители забыли, в нашем городе десятки. И я не вижу причин, чтобы не сходить туда прямо сейчас.

– В колокольню? – Илайя вскинула взгляд поверх его головы, и её вдруг обдало настоящим позднеосенним холодом. И краски поблекли, и небо затянулось. А стены административного корпуса, закрывающие горизонт, качнулись и растворились в этой неожиданной мгле, и на их месте появился силуэт башни, точь в точь, как её описал Юлий, только более величественной и мрачной, похожей на отвергнутую деву, которая так долго оплакивала своё одиночество, что от горя стала бессмертной.

Илайя опомнилась, заметив что, повинуясь какой-то силе, движется к выходу из Асседии, а Юлий, держа её за руку, идёт на таран Анны и Леонарда, которые, видимо, только что вышли из административного корпуса.

– Свободный ход на выход? – спросила Анна, своими словами останавливая Юлия.

– Добрый вечер, – сказал Леонард.

– А вы опять так поздно задержались, – сказала Илайя, почувствовав, наконец, свободу в руках – Юлий отпустил её.

– А, кажется, я понимаю, – пробормотал Юлий с еле скрываемой досадой.

Он поймал любопытно-оценивающий взгляд Анны, в то время как Леонард проследил за Илайей, глядящей поверх голов со столь непривычной для её лица тенью тревоги.

– Сегодня вечером приходил курьер, – сказала Анна, повернувшись к Леонарду. – Я ожидаю, что это, наконец, мой жасминовый чай, который из-за каких-то злоключений не может попасть к нам уже две недели. Между прочим, из Китая. Я почти уверена, что это он. И очень кстати. Пирогом, к сожалению, сегодня не побалую, но горячие сэндвичи с сыром и шпротами будут готовы через пятнадцать минут. Пойдёмте, – Анна взяла мужа под руку, и они обогнали Юлия и Илайю, которые с видом разоблачённых заговорщиков поплелись следом.

– Довольно скромное должностное жилище, - позволил себе заметить Юлий, когда они расселись в кухне. – Всё же, директор такого санатория – важная персона. Топ-менеджер, можно сказать. А условия, мягко говоря, далеки от конкурентных.

– Ну, моя специальность и мой опыт не позволяют мне слишком перебирать условиями, - мягко возразил Леонард. – Как и моя неприхотливость, благодаря которой я вполне доволен располагать этим пристанищем.

Юлий кивнул, как бы выражая почтение к такой позиции.

– А ваша специальность?

– Инженер-энергетик. Не очень подходящая для такой должности – так вы подумали?

Юлий уклончиво повёл головой.

– Я наверняка не открою для вас Америку, если сошлюсь на слух, будто бы Асседию хотят довести до банкротства, чтобы потом продать под жилую застройку.

Леонард нахмурился.

– Слухи тем и хороши, что не запрещены законом. Но прежде чем повторять эту идею, задумайтесь вот о чём: санаторий самоокупаемый. Он не приносит большой прибыли, но и не убыточен. Чтобы довести это хозяйство до банкротства, потребовался бы грамотный финансист, но на должность директора берут инженера-энергетика, перед которым ставят задачу модернизировать устаревшие коммуникации. Город лоббирует дотационную программу, которая позволит нам обновить основные средства, не привлекая кредитов, после чего мы перейдём к задаче номер два: пересмотру коммерческой политики и повышению ликвидности. К чему я веду: если бы вы, сидя в верхах, вынашивали идею банкротства – стали бы вы прилагать усилия для поддержания жизнеспособности санатория? Вряд ли, правда?

Юлий с живым интересом выслушал эту тираду и кивнул с явно успокоенным видом.

– А чем вы сами занимаетесь? – с иронической любезностью поинтересовалась Анна, подавая к чаю притомленные в духовке бутерброды.

Юлий выдохнул рой захвативших его мыслей и деловито пригубил чай.

– Я почти всем занимаюсь. По мере необходимости или желания. Самое постоянное из моих занятий – история. В данный момент я занимаюсь Илайей.

– Интересное занятие.

– Это уж точно, – крякнул Юлий.

Анна улыбнулась одними губами.

– А откуда вы знаете друг друга? Учитесь вместе?

– Наша встреча – одна из экстравагантных выходок рандома. Учимся мы не вместе. Честно говоря, – Юлий упёрся взглядом в Илайю и запнулся. – Мне не пришло в голову…

– Поинтересоваться, на кого учится Илайя? – перебила Анна. – А ведь она – бакалавр политэкономии. В следующем году защитится и получит степень магистра.

– Вот как? – пробубнил Юлий с набитым ртом.

– Она пишет для Коммерсанта и Экономической Лиги, а в следующем семестре её ждут на стажировку в Национальном совете реформ.

– Политэкономия, – продолжая жевать, Юлий покачал головой, как бы взвешивая удачность выбора.

Анна покосилась на Илайю – не собирается ли та разоблачить её враки, но Илайя молчаливо баюкала свою усталость. В кухню вползло молчание, от которого навязчиво веяло неловкостью. Дожевав третий бутерброд, Юлий покосился на пустую тарелку, которая всё меньше желала принадлежать ему, и заторопился домой.

– Оказывается, предок Юлия проектировал этот санаторий, – сказала Илайя, когда за ним закрылась дверь.

– Так вот откуда такая озабоченность его судьбой! – воскликнула Анна.

– Угу, - прозевала Илайя. – Я спать.

Глава 5. Свидание с фантазиями

Улица была такой узкой, что, расставив руки, можно было касаться салатовых стен домов по обе стороны от неё. Пробегая многочисленные перекрёстки, Илайя замечала в переулках скопления мрачно одетой молодёжи. Неожиданно стены раздвинулись, и она оказалась на пороге кухни. На столе стояла одна чашка, но исходящий от неё аромат был так крепок, словно по кухне протекала кофейная река.

Илайя вырвалась из сна, утянув за собой шлейф кофейного запаха, встала с постели и побрела в кухню. Там был Леонард. Она глянула на часы – десять утра.

– Ты дома?

Он улыбнулся.

– Сегодня выходной.

– Точно, – Илайя потёрла висок.

– Не выспалась? Кофе разбудил? – он улыбнулся шире, когда она кивнула. – Как в давней рекламе. Хочешь?

Она покачала головой и села на стул.

– Я ещё не чистила зубы.

– Какие планы? – Леонард сделал глоток и трогательно причмокнул губами.

– Море, – Илайя пожала плечами.

– Увидишься с Юлием?

– Мы не договаривались о встрече сегодня, – с лёгким напряжением ответила Илайя.

– Он твой парень?

Илайя скрыла смущение смешком.

– Пап, вчера я видела его второй раз в жизни.

– Но он тебе нравится.

Илайя неопределённо мотнула головой.

– Он кажется умным и азартным. Много читает. Любит загадки. Играет в Когитатум. Знаешь такую игру?

– Не слышал, – Леонард оттопырил губу и посмотрел на неё со сдержанной нежностью. – Нечто новое для тебя, да, Илайя?

– Наверное.

Он сполоснул чашку, вытер руки, повернулся к ней с бодрой улыбкой и поправил пиджак.

– Будешь работать в выходной? – спросила она с состраданием.

– Не сегодня! – сверкнул глазами Леонард. – Сегодня Анна везёт меня на ярмарку ковров и текстиля! Пока она будет кормить свои дизайнерские идеи, я займусь бельгийским пивом и баварскими сосисками.

– Прячь лицо от солнца, а то оно у тебя такое белое, а печёт уже прилично.

По случаю выходного и тёплой погоды людей у моря прибыло. Пока это были местные жители – они держались с сонливым достоинством и лишенной жадности радостью. Прогуливались по набережной, многие загорали, кое-кто купался. При виде этой утренней идиллии Илайя почувствовала щемящую радость и странный стыд перед морем за допущенную в разговоре с отцом неискренность, и вдруг над этими ощущениями возвысилась, как дирижёр над оркестром, мысль о Юлие, сулящая столь увлекательную затею, что ей удастся вытеснить все тревоги.

– Илайя!

Это был он. Здесь, на пляже. Заметил издали, подбежал.

– Не ошибся, что встречу тебя здесь, – глаза у него были красные и сухие.

– Ого! Выглядишь, как будто совсем не спал.

– Поспал два часа, – Юлий строптиво мотнул головой, прогоняя тему, и пригласительно кивнул на набережную. – Слушай, а ты действительно политолог?

– Нет, конечно, – Илайя рассмеялась. – Анна пошутила.

– Я так сильно ей не понравился?

– Просто Анна такая.

– Вздорная?

– Озорная.

– Вы с ней ладите? В том смысле, что она, как никак, твоя мачеха.

Илайя с улыбкой пожала плечами.

– Итак, ты не политолог. Не экономист. Кто же ты, Илайя Плерóва?

– Заканчиваю биофак. Специальность – гидробиология и общая экология.

– Опыты, прикладные исследования, летние экспедиции?

– Научно-экспериментальные квесты, – кивнула Илайя.

– Стремление постичь устройство мира вдали от пыли библиотек и лабораторной затхлости. Право работать в непосредственном контакте с объектом исследования. Как раз по твоему вкусу – я успел заметить твою тягу к морю.

– Стремление к спокойной радости, которую оно мне внушает.

– В перспективе – работа на гидробиологической станции, программы обмена экспертами, научная степень, симпозиумы, международные исследовательские группы.

– Предел моих мечтаний. Пока же я вполне довольна своими практиками в ботаническом саду.

– Студенческие попойки? Шумные компании? Полуночные посиделки с подружками?

Илайя отрицательно покачала головой.

– Спортивные состязания? Научные конференции? Художественная самодеятельность?

Илайя снова покачала головой и улыбнулась. Юлий покосился на неё.

– А ты не очень разговорчивая.

– У тебя отлично получается говорить за меня.

– Встречаешься с кем-нибудь на курсе?

– У-у.

– Я мог и не задавать этот вопрос, чтобы быть уверенным в ответе, – ухмыльнулся Юлий не без лёгкого самодовольства. – Я бы даже посмел предположить, что отношения с мужчинами – где-то в финале списка твоих приоритетов.

– Ну, если мужчина мне нравится – то отношения с ним точно не будут на последнем месте.

– Да? А часто случается, что мужчина тебе нравится?

– Довольно-таки. Правда, недолго.

– И что? Ты заводила отношения со всеми, кто тебе нравился?

– Да, – прикинув, сказала она.

– И многие тебе… нравились?

– Ну, не знаю. Может быть, с десяток парней в разное время.

– Хочешь сказать, к своим двадцати годам ты успела десять раз влюбиться? Повстречаться с десятью парнями? – опешил Юлий и вдруг добавил с неожиданной злобой. – Ладно, проехали.

Всё это время они машинально брели по набережной и как раз подошли к кофемобилю. Юлий взял себе американо, а для Илайи - капучино.

– Вот что, Илайя, – он размешал сахар и, жмурясь от жара, сделал три больших глотка. – Я вознамерился узнать тебя поближе, но дальше коротких ответов на плоские вопросы мы не ушли. А если я спрошу о таком, что заставит тебя задействовать фантазию?

– Какая-то психология? – прищурилась Илай.

– Намного интереснее, – Юлий показал ей на лестницу, ведущую на склон. Они поднялись несколько пролётов, перелезли через перила и сели на склоне в том месте, где прореха между деревьями позволяла любоваться морем, а прохожие не могли стать свидетелями разговора. – Я буду моделировать ситуации, а ты станешь их участницей.

Тон его стал мягче и слаще, выдавая предвкушение.

– А ты?

– Я уже был участником этих ситуаций. Если захочешь, я озвучу свои ответы, – Юлий нетерпеливо кашлянул

– Обязательно! Так будет честно.

– Тогда начнём. Задача такая: нужно выбрать двух персонажей, которые максимально соответствуют тебе – из кино, литературы, можно исторических личностей. Один персонаж положительный. Другой отрицательный. Двух людей, с кем ты себя ассоциируешь.

Илайя на несколько секунд закрыла глаза.

– Хорошо… Пусть мой положительный персонаж – мойра Клото. А отрицательный – старик из сказки о рыбаке и рыбке.

– Интересно. Чем они тебе близки?

– Клото занята прядением. Спокойным сосредоточенным трудом без динамики, без начала и конца. Она не озабочена размышлениями, не обременена выбором, не отвлечена мечтами. Она точно знает своё предназначение, скрупулёзно и беспристрастно выполняет свою работу, – Илайя говорила повествовательным тоном. – Таким мог быть и старик, удящий рыбу, но он, потакая слабостям окружающих, оставил своё дело и стал безвольным посредником в чужом противостоянии.

– А теперь представь, что Клото и Старик встречаются. В какой обстановке? Что происходит между ними?

– Старик засыпает на берегу моря, – Илайя продолжала с закрытыми глазами. – И во сне видит Клото. Он просит её зашить ему уши, чтобы он не слышал чужих приказов и не мешал совершаться чужой судьбе. А Клото отвечает: если я зашью твои уши, ты перестанешь слышать чаек, что возвещают приход рыбы, будят тебя и развлекают, пока ты бодрствуешь, но чужие приказы ты услышишь своими глазами. Если тогда ты попросишь меня зашить твои веки, то лишишься зрения: не увидишь ни моря, ни дельфиньих стай, не будешь знать, куда забросить невод, но чужие приказы ты научишься слышать руками. Если я зашью твои руки, ты больше не сможешь ловить рыбу, но чужие приказы достигнут тебя через сердце. И, сказав так, Клото уходит. А старик просыпается от криков чаек и видит перед собой синее море, гладкое, как зеркало, – Илайя открыла глаза.

– Потрясающе, – пробормотал Юлий. – А если мы возьмём Клото и Старика и поместим их в другую обстановку. Например, на порог Комнаты, в которой исполняются сокровенные желания, но только те, что исходят из глубины души, а не те, что срываются с губ. Итак, Клото и Старик на пороге Комнаты, готовой исполнить искреннее желание одного из них. Что они будут делать и кто из них, в конце концов, войдёт в Комнату?

– Клото и Старик в растерянности замирают на пороге Комнаты. Никто из них не готов ни войти, ни пропустить вперёд другого. Тогда они решают бросить жребий. Клото отрывает кусок нити, а Старик вынимает из кармана старое грузило. Они продевают нить в отверстие для лески и подвешивают над дверью в Комнату, как маятник. Затем становятся рядом, произносят молитвы, чтобы через жребий им явилась высшая воля, и толкают дверь в Комнату. От возникшего сквозняка маятник начинает качаться в сторону Клото. Но Клото не входит в Комнату, потому что у неё нет никаких желаний. И Старик не входит в комнату, потому что не он избран жребием. И оба уходят – как герои Тарковского, но вовсе не потому, что в них нет веры, а напротив: потому что исполнены веры и желают подчиниться той воле, что направила жребий на Клото, предвидя, что она не войдёт, и отвела жребий от Старика, лишив его права войти, и, таким образом, предостерегла их обоих от входа в Комнату.

Юлий смотрел на неё во все глаза.

– Я впечатлён, – сказал он. – Ответ на этот вопрос отражает внутренний конфликт и степень его остроты.

– И что означают мои ответы?

– Как минимум, что у тебя великолепно развито образное мышление и высокая внушаемость. Не припомню, чтобы кто-то с такой грациозностью передвигался по своим мирам.

– Расскажи мне о своих персонажах.

– Я назвал агента Дейла Купера из Твин Пикса и Джесси Пинкмана из сериала «Во все тяжкие» – смотрела? – Юлий вздохнул, когда Илайя покачала головой. – Агент Купер – талантливый детектив, который находит нетривиальные выходы благодаря светлому уму и тонкому чувству сверхъестественного. Джесси Пинкман – торчок и раздолбай, который постоянно тупит и портачит в самый ответственный момент. Они были монтажниками, чинили проводку на шпиле Бурдж-Халифа. Пинкман был под кайфом. Когда они закончили работу, он догнался очередной дозой метамфетамина, оступился, сорвался с башни и повис на страховочном тросе. Купер схватил его за руку, не решаясь скинуть с небоскрёба (проклятая нравственность) и не в силах затянуть обратно. Видимо, так до сих пор и держит, – Юлий стыдливо пожал плечами. – Это было давно. Я был увлечён кино. Наверное, сейчас я нашёл бы героев пообъёмнее, но не так скоро, как ты.

Юлий завозился, вытаскивая телефон – что-то пришло ему, он прочёл и виновато посмотрел на неё.

– Илайя, сейчас я должен идти. Сегодня ночью через коллег в пекинском университете я отправил запрос на «Религиозную отметину» в Национальную библиотеку Китая. Они что-то прислали на мою домашнюю почту. Но позже мы увидимся, – спохватился Юлий. – Сегодня в девять вечера. В колокольне. Ты встретишься со мной?

– Да, – она смотрела на него с ласковым любопытством. – Только обещай хоть немного поспать.

Он пожал её руку, прежде чем вскочить, и сосредоточенно кивнул:

– Обещаю постараться!

Контуры колокольни чертились в скудных, похожих на смог, россыпях света, доставшихся ей, словно пожертвование, от фонаря на шоссе.

Сердце Илайи ёкнуло отголоском того странного ощущения, что охватило её в Асседии. Оно не было похоже на привычный для неё страх перед стихией, который она испытывала бросаясь в штормящий океан, – сладостный ужас покорности благоволящему ей могуществу. Это был новый, смешанный со стыдом, страх перед силой, с которою чуждые ей миры грозили отреагировать на непрошенное внимание, на нежелательное для них вмешательство.

Она подступила к конфузливо высящейся башне и не могла понять, на кого та похожа больше: на блаженную сиротку или коварную юродивую. Входная арка была давно разлучена с дверью. Шагнув внутрь, Илайя наткнулась на балку и шаркнула тишину. Эхо не отозвалось – улетучилось отсюда вместе с крышей.

– Илайя?!

Голос Юлия прозвучал откуда-то сверху, и, задрав голову, Илайя заметила лестницу вдоль стены, упирающуюся в площадку на высоте примерно трёх метров. Там что-то светилось.

– Смотри под ноги, тут куча мусора. А лучше подожди, – Юлий показался на лестнице, сбежал вниз и подал ей руку. – Я устроился на втором этаже – там чище, - он подвёл её к небольшому светильнику у подножья двух раскладных кресел. – И захватил для нас стулья.

– Прекрасно, – Илайя с наслаждением уселась в кресло. – Светодиодный фонарь?

– Газовый. У него свет мягче.

– Как у луны, - мечтательно сказала Илайя.

Юлий стоял перед ней, расправив плечи, загадочный, мрачно-величественный, и смотрел на неё с каким-то чуть ли не священным ужасом и, в то же время, с торжественно-возбуждённым нетерпением.

– Где твои книги? – насторожилась Илайя.

Юлий покачал головой.

– Планшет?

Юлий кивнул, качнулся и, наконец, сдвинулся с места, чтобы сесть в своё кресло. Планшет был у него в руках.

– Ты помнишь, в чём ценность «Религиозной отметины»?

– Это самый свежий источник более-менее подробного описания спирали?

– Да. И статья о спирали написана от первого лица.

– Да, мы читали об этом.

– Я запросил в китайской библиотеке электронный экземпляр «Религиозной отметины», в идеале – с переводом. Но оказалось, что эта книга имеет гриф «строго секретно». К счастью, когда писал коллегам, я уточнил, что меня интересует главным образом заметка об энергетической спирали, и они догадались пойти чуть дальше моей просьбы и, не сумев раздобыть нам «Религиозную отметину», прислали «Записки Ци Зео» – это источник, цитируемый в нашей статье про спираль, – Юлий потряс планшетом и сглотнул. – У нас в руках дневник обладателя энергетической спирали, жившего в Цисяне триста с лишним лет тому назад, Переведённый специально для меня. Конечно, это далеко не вся его жизнь и даже не сколько-нибудь значительный её отрезок, а только несколько записей, но то, что я здесь нашёл, Илайя… – он включил экран и протянул ей.

– «… из дальнего конца неба наплывает тёплый хрустящий туман ци, и окутывает меня, и внутри него сыпется снег и летят водные брызги и взметаются искры костра, и глаза находят путь через него. А ноги ступают по лестницам белоснежной пагоды, что выше

гималаев, а усталости нет, и оказываются у цели. Уши слышат чудесную мелодию, забытую много лет назад. Перелетаю со звезды на звезду, убегаю от стаи волков по зимнему лесу, проплываю над рисовым полем, упираюсь руками в две соседние горы, раскачиваюсь, взвиваюсь ввысь, и на берегу зеркального озера обретаю себя. Я вижу всё, что совершается на поверхности озера, от моего слова или дыхания или от дрожания века или от одной только мысли. Учитель объяснил мне: ветер знает все мои языки. Я созерцаю в покое, как он дует коридорами моих письмен и пустотами моих дорог, следует за моим танцем, повторяет мои жесты, воплощается призванными мною образами, отзывается на невысказанную потребность усилиться, расшириться или прекратиться вовсе. И после Учитель рассказывает мне, как ветер дул в тех местах, где находился он, и смотрит: знаю ли я заранее, что он скажет. Он проверяет, видел ли я в точности то, что происходило, и уследил ли за мельчайшим движением ветра. Он следит, чтобы я оставался в покое и сохранял контроль…» – Илайя оторвала взгляд от экрана. – Он говорит об управлении ветром?

Юлий жёг её напряжённо-испытующим взглядом.

– Прошлой ночью я обратился к своему другу геофизику Косте и попросил его пофантазировать на тему того, как мог бы действовать механизм искусственного управления ветром, если бы имелся источник достаточной энергии. Сегодня вечером мы встретились, чтобы обсудить это, и Костя сказал, что теоретически воздушные массы могли бы приходить в движение и ускоряться под действием импульса, который равен произведению силы на время, в течение которого она действует. В процессе естественного ветрообразования в качестве движущей выступает сила, с которой атмосферный фронт давит на воздушные массы, вытесняя их в область более низкого давления. В процессе искусственного ветрообразования принцип тот же, меняется лишь источник силы. Это можно сравнить с работой гигантского вентилятора, имеющего множество режимов мощности, который врубается в космическую розетку и начинает вертеться с той или иной скоростью.

– Хочешь сказать, что обладатель спирали…

– Ты, Илайя…

– Я… являюсь этим вентилятором? Или этой розеткой?

– Нет. Ты – его вилка. Ключ, соединяющий вентилятор с источником энергии.

– А сам источник?

Юлий развёл руками и, глянув вверх, покачал головой.

– И как этот ключ работает?

– Если верить Ци Зео, то, очевидно, через ассоциации.

Илайя дважды кивнула и замолчала, растворив взгляд в окружающем сумраке.

– Сегодня я наблюдал, как рождаются твои ассоциации. Сходу, без потуг, гибкие, красочные, сюжетные. Что произойдёт, если взять время, сконцентрироваться на конкретной задаче; что произойдёт под гипнозом – нелепо отгадывать, это можно узнать только путём пробы.

Илайя почувствовала странную тяжесть в теле – члены её стали похожи на древесину, набравшуюся влаги, а сердце накрыла тупая тоска, которая приходит к человеку, осознающему, что нечто дорогое в его жизни уже никогда не будет прежним. Внезапное воспоминание об Асседии вызвало у неё грусть, а давешний страх перед колокольней показался наивным.

– Ты не уверена, хочешь ли погружаться в это? – догадался Юлий.

– Я просто не понимаю, что всё это значит. И почему именно я.

Юлий встал с кресла и присел на корточки возле неё.

– Вопросов так много, и мы оба понимаем, что пока бессмысленно их задавать. Тем более, главные... Я вижу, что ты растеряна и полна сомнений, – он взял её руки с подлокотников и стянул на колени. – Надо принять решение – просто, интуитивно, без вопросов: двигаться дальше или забыть всё, как сон.

– Сон… – повторила Илайя.

Ей вдруг показалось, что она в заточении на далёкой планете и понятия не имеет, как выбраться. Она не верила, что может просто встать и уйти отсюда и через каких-нибудь десять минут вернуться домой.

– Ты же будешь рядом? Поможешь мне? – спросила она неизвестно у кого.

Юлий крепче сжал её руки.

Глава 6. Докопаться до силы

День за днём проходили в сеансах медитации для поиска пути к источнику силы ветра. И хотя Юлий сразу заявил, что ассоциации Ци Зео бесполезны и требуется что-то этнически своё, он всё же начал именно с них. Пока Илайя была под гипнозом, он внушал ей прогулки по пагоде, полёты над рисовыми полями, паломничество по Млечному пути, во время которых у неё в голове звучали считалки и фальшивые песенки и очень хотелось мороженого. Их посиделки проходили в тех редких укромных местах, что не прельщали даже самых неискушённых туристов, пока они окончательно не обосновались среди руин клубного корпуса. Убедившись в тупиковости маршрутов Ци Зео, Юлий стал помещать её в ночной трамвай, идущий из городских окраин в камышовую местность (раз они проехались на таком в действительности), заставлял карабкаться на крутой склон, у самой вершины которого рос куст мяты, иногда превращавшийся в крапиву, и водил по лестничной клетке вечернего госпиталя. Это была любимая ассоциация Юлия: тёмная лестничная площадка, подсвеченная снизу – символ блаженного уединения в пределах стабильного прибежища с правом в любую секунду вернуться в палату, присоединиться к беззатейливому обществу, воспользоваться помощью и заботой.

Потом Илайя стала уходить так глубоко в транс, что уже не слышала его голос, и сами собой стали проявляться её собственные маршруты: лабиринты кровеносных сосудов, по которым она плыла глянцевитым, как леденец, эритроцитом; верёвочная лестница между двумя платанами; гейзер, подбрасывающий её до тропосферы, где в отсутствие всякой мудрости и усталости она становилась тем, что ощущала своей самой подлинной формой – высококучевым облаком, вечно трансформирующимся, исчезающим и возникающим вновь, не теряющим своей прелести, сиюминутно всевоплощающим, существующим ровно настолько, насколько и не существующим.

И хотя раз за разом видения Илайи обретали всё большую цельность и скоро превратились в довольно экстравагантное развлечение, её блуждания по вымышленным пространствам оставались тщетными. И чем очевиднее становилась безуспешность их затеи, тем более одержим идеей управления ветром становился Юлий: свободное от сеансов время он читал книги по оккультизму, консультировался с физиками, эзотериками и филологами, мастерил фетиши из дохлых червей, сплетая их в колосья и скатывая в клубки и, в конце концов, даже в самых будничных событиях стал видеть мистические проявления Абсолюта. На время летней сессии Илайи он сделал перерыв, убедив их обоих, что причиной неудачи служит её сосредоточенность на учёбе, и когда экзамены были сданы, вернулся к тренировкам, как он называл эти неуклюжие потуги, с удвоенным рвением.

К середине июля Илайя погружалась в транс в считанные секунды, а несколько раз это случилось непроизвольно, что должно было насторожить Юлия, если бы он не был так зациклен на ожидаемом результате. А потом произошло кое-что жуткое.

Однажды – это было в разгар самой беспощадной жары, когда воспоминания о зиме становятся небылью, – перемещаясь по сталагмитовой пещере, Илайя не могла найти дверь, которую Юлий назначил выходом из транса. Тыкаясь то в одно, то в другое отверстие, она, наконец, выбралась из пещеры, но оказалась на старообрядческом кладбище. Там было множество захоронений с белыми штакетниками и чёрными деревянными крестами. Булыжник между могилами порос мхом, потрескался и выглядел так, словно по этим тропам веками не ступала нога человека. Пройдя в глубину кладбища, Илайя стала замечать на надгробиях всё больше надписей, выполненных иероглифами, а ещё погодя захоронения приняли привычный для неё вид холмиков с памятниками и коваными оградами. Миновав эту часть кладбища, она вышла на широкую лужайку, где

под высокой пихтой рядами лежали десятки полусгнивших мертвецов. Илайя очнулась оттого, что Юлий тряс её за плечи.

– Что произошло? Ты перестала дышать!

– Мне привиделся жуткий кошмар. Пора заканчивать с этим…

– Даже не думай! – сверкнул глазами Юлий. – Не думай сдаваться!

Ещё несколькими днями ранее Илайя почувствовала изменения в восприятии окружающих вещей. После сдачи последнего экзамена, вечером, она спустилась к морю и с ужасом осознала, что треть лета осталась позади, а она не успела даже вкусить июнь – не говоря уж о том, чтобы насытиться им. Попыталась вспомнить события минувших недель: беседы с отцом, редкие прогулки с Анной, встречу с матерью, ночные купания – они были короткими, невнятными, лишёнными последовательности, как чепуховые сны. Хуже всего, что и в то мгновение она не ощущала привычной благостной безмятежности, была столь же далека от созерцания, сколь лёд от кипящей воды, и голова её, вместо того чтобы плодить эхо, квасилась в рассоле забальзамированных мыслей. И, верней всего, что она так и осталась бы сидеть на пляже весь остаток лета, постепенно возвращаясь к себе, если бы не Юлий и не её желание следовать за ним, её странная боязнь разочаровать его.

Он вновь вовлёк её в гипноз, который забросил её на зловещее кладбище. И с тех пор она попадала туда всякий раз: слонялась среди захоронений, обнаруживая всё новые и новые виды, которые, наверное, можно было приписать той или иной культуре, если бы у Илайи было достаточно знаний в этой области; сидела на скамейке у иной могилы или на лужайке под пихтой – закрыв глаза, чтобы не видеть наваленных мертвецов. Страх её не становился меньше, но что-то в душе надломилось в угоду ему, и Илайя повиновалась ему не только в том, чтобы продолжать визиты на кладбище, но даже в том, чтобы ни о чём не рассказывать Юлию. Зачем это было ей нужно, она не задумывалась, но подсознательно хваталась за этот страх, не понимая до конца, что лишь он может вытеснить её привязанность к Юлию и укрепить её стремление отказаться от него.

Примерно за неделю до того как Илайя приняла решение больше не видеться с Юлием, в её видениях стал появляться синий мусоровоз. Вначале он приехал на пик вулкана, затем следовал за ней по мосту Мехмеда-паши, а потом она увидела его припаркованным у забора химерического кладбища. Приободрённая надеждой на встречу с живым существом, Илайя хотела ринуться к нему, в душе уже лелея случай выбраться отсюда, но что-то мешало ей сдвинуться с места, словно она была здесь так долго, что призраки успели оплести её паутиной, или сама стала одним из этих покойников на лужайке. Тогда она замахала руками, всматриваясь в кабину мусоровоза, и тут сообразила, что в ней никого нет. Мусоровоз, тем временем, тронулся с места, ненадолго исчез из поля зрения, а потом появился на аллее кладбища, подъехал к лужайке и остановился, позволяя ей убедиться, что, и правда, ездит без водителя. Может быть, он приехал за этими телами, подумала она. Или привёз новые, с ужасом догадалась она – уже в ту секунду, когда Юлий вытянул её обратно в Асседию.

Следующим утром Илайя сидела в кухне, ища в себе силы приготовить завтрак. Хоть и проспала десять часов, она чувствовала себя такой вымотанной, словно ночь была трясиной. У неё оставалось около часа до встречи с Юлием, и она почувствовала, что впервые в жизни её не тянет посвятить это свободное время морю. И разрыдалась.

С того дня она стала избегать Юлия. Поначалу обходилось короткими отговорками, нацеленными на то, чтобы уязвить его достоинство и, тем самым, усмирить его предсказуемую настойчивость. Но заслоноподобная часть обиды Юлия быстро рухнула под натиском любопытства, а оставшаяся – преобразовалась в акселератор: он стал искать встреч с Илайей даже вопреки её желанию. Караулил на её любимых пляжах, прятался в кустах на склонах Асседии в расчёте поймать её во время прогулки, в конце концов, стал ошиваться у окон её комнаты, когда знал, что ни Анны, ни Леонарда нет дома. Илайя

была осторожна: она угадывала, где может наткнуться на Юлия, и сторонилась этих мест; если не знала заранее, где он – всегда замечала его первая и ускользала; а также предусмотрительно переселилась в другую комнату. Скоро она выучила его график и вычислила несколько безопасных часов для своих привычных маршрутов, по которым успела сильно соскучиться.

«Илайя, что произошло? Давай встретимся - ты просто объяснишь, что случилось, и всё. Никакого гипноза!».

«Мне нужна всего одна встреча. Илайя!!!»

«Илайя, имей совесть!..»

«Мне кажется, ты меня демонизируешь. Мы можем просто поговорить? Боюсь представить, что ты себе навоображала – дай мне помочь тебе!»

В иные вечера он отправлял ей по десятку сообщений, которые она удаляла, не читая. А однажды, увидав издали, как Юлий разговаривает с Леонардом, – приняла решение, которое месяц назад показалось бы ей безумием. Кое-как объяснившись с отцом и попросив не поощрять расспросы Юлия о себе, она вернулась в дом Ольги. В тот день она отправила ему такое послание: «Юлий, привет! Мне звонил отец и сказал, что ты спрашивал обо мне. Он проверил мессенджер и нашёл там кучу сообщений от тебя. Я сейчас живу у матери, а мессенджер – на отцовском планшете. Ты хотел встретиться, но я не готова продолжать наши занятия. Не думаю, что они имеют какой-то смысл. Затея хоть и забавная, но и в чём-то фантасмагоричная, и теперь я отношусь к ней без доли серьёзности. Меня пригласили в группу по изучению морских лишайников, и я хочу все силы направить на это исследование. Как только мы закончим экспериментальный этап (думаю, это займёт не больше месяца), если ты найдёшь время и желание – буду рада увидеться». Илайя видела, что он прочёл сообщение, но не ответил на него.

Через пару дней, убедившись, что он прекратил донимать её, она вернулась в Асседию и постаралась посвятить себя тому образу жизни, который так беспечно предала.

Прошла неделя, но покой, который она надеялась обрести, избавившись от Юлия, его навязчивой идеи и мятежных трансов, так и не наступил. Она не видела снов и не мучилась кошмарами, стала забывать одинокое кладбище и почти не думала о синем мусоровозе, но её мучила тоска по Юлию и глубокая, смутная, ранее не изобличённая обида на него. Ничто не доставляло ей удовольствия, ничто не могло утешить её. Она была отравлена сомнением, и вскоре это сомнение поглотило всё, что было ей дорого, покрыло собой всю её жизнь. Была отравлена чувством к Юлию, которое не могла преодолеть. Хотела мечтать вернуться в те времена, когда ещё не была знакома с ним, и не могла мечтать об этом. Знание, которое она обрела, но которое не хотела принять, давило на неё. Не отступало от неё, пока она бежала вперёд, не глядя на указатели, не сразу осознав, что уходит всё дальше в пустоту.

Томясь от бесчувствия, Илайя лишила свои действия целей и полностью доверилась интуиции. Она бродила по побережью за пределы знакомых маршрутов, обнаруживала новые пляжи, новые панорамы и новые кустарники, по ночам любила ездить на двадцать седьмом трамвае или кататься на Очумелой стрелке – экстремальном аттракционе, крутящем кабинку с человеком в вертикальной плоскости с сумасшедшей скоростью. Однажды во сне она увидела таинственную женщину, некогда встреченную на пляже во время шторма. Та женщина стояла в арке Николаевской колокольни, защищая собою вход, и смотрела на Илайю с угрозой и, вместе с тем, выжидающе. С тех пор Илайя зачастила в колокольню, надеясь на реальную встречу с той женщиной, но поскольку у колокольни было так же пусто, как на душе у Илайи, чтобы занять себя чем-то, она принялась потихоньку разгребать тамошние завалы мусора. Несколько дней она провела в лаборатории экспериментальной ботаники, наблюдая за техникой смерти. Она срезала слои с листьев, стеблей, лепестков, плодов и, в конце концов, собственной кожи и

смотрела в микроскоп, как гибнут клетки. Потом, дома, заклеив ранку скотчем, разглядывала себя: веки, губы, ноздри, ресницы, кожу, поры, родинки, веснушки: представляла, как с течением времени обезображивается её лицо; изучала своё тело: каждый изгиб и мускул, каждую впадинку и выпуклость, все его достоинства – такие непререкаемо собственные, горделиво ценимые, приготовляющие для самолюбования ежедневные изысканные десерты (как домашний кондитер), – как бы со стороны. Будто это уже чужое тело и лицо, чья прелесть не обольщает её, а старение не страшит.

На рассвете августа она слушала шелест волн на пляже и оплакивала свою безучастность. Несколько отдыхающих с криками бросились в воду. Один из них, кряжистый, с некрасивым прыщавым лицом и тонкими волосами, то и дело бросался на гребень, норовя оседлать волну. Илайя глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаясь воспроизвести среди миллиардов мгновений то, которое она угадывала, чтобы ухватиться за бурун и понестись за ним, как робкий младенец, свободный от хлопот и волнений, ощущая себя то щупальцем моллюска, то комком водорослей, то горсткой песка, то соляной крошкой, через растворение растянувшейся по всем водам мира. Очередная волна подхватила крепыша и понесла до берега, где он, подтянув плавки, вскочил на ноги и возбуждённо бросился навстречу следующей, которая охотно прокатила его опять, словно это было просто и общедоступно, как солнечный свет, не требовало никаких навыков или душевных качеств и даже не просило в залог обыкновенной благодарности.

Волна, скорость, ревность, параллельность, неисчерпаемость, ветер, желание, человек, бессчётное множество способов их воздействия друг на друга – так же естественны, как дыхание. Илайя потянулась к обточенной морем стекляшке, сверкнувшей в песке, будто подаваясь навстречу приблизившемуся, но ещё не настигшему её осознанию того, что всё, бывшее дорогим для неё, вся её жизнь во всех проявлениях была связана со спиралью, дремлющей на ладони. Каждый выбор, каждое сомнение и каждое колебание чувств от самого её рождения, а может, и раньше – могли быть обусловлены загадкой, которую Вселенная до поры таила от неё в ней самой. Её нейтральность, чистота её сознания, небрежность, граничащая с ленью, любопытство, лишённое страсти, свобода от убеждений и принципов, незнание боли, непонимание страдания, отсутствие человеческих привязанностей, неспособность не то что разработать жизненную стратегию, но даже определить цель – вся эта её наружная неопытность могла быть следствием того, что опыт, который она в действительности вобрала в себя, так разнообразен и во столько раз превосходит любой практический смысл, что обесценивается, как давно прочитанные книги. Илайя опасалась сгорбатиться под бременем предвзятого жребия, и только теперь поняла, что похожа на высотника, которым вдруг овладел страх высоты.

С того дня Илайя вернулась к тренировкам и решила немного упорядочить свои ассоциации. Она попыталась объединить их через спираль, которую назначила чем-то вроде начала координат – универсальной призмой для отображения и конкретизации тех граней своих видений, которые максимально соотносились с искомым источником. С помощью самовнушения она перенесла спираль со своей руки на лоб, и по смене её состояний (она бывала холодной, горячей, размягчалась и затвердевала, могла вибрировать, зудеть, пульсировать, светиться) изучала язык своей интуиции. Часто спираль появлялась в зрачках, преломляя увиденное на свой манер, а когда в видениях Илайи появлялись звуки, она искажала траекторию звуковых волн, чтобы уловить альтернативное звучание. Иногда спираль материализовалась в плоскую брошку, которую Илайя сжимала в руках, как оберег. Спираль же служила выходом из транса – для этого Илайе достаточно было прикоснуться к ней.

Через пару дней Илайя вновь очутилась на фантасмагорическом кладбище. Пощупав лоб и убедившись, что спираль (а значит – и возможность выхода) никуда не исчезла, она направилась на лужайку – проверить, не прибыло ли незахороненных мертвецов. Их по-

прежнему покоилось два или три десятка – в два ряда. А правее, в тени пихты, почти касаясь их горчичных облысевших голов, скрестив ноги и уложив одну из стоп на противоположное бедро, сидел пожилой человек в чёрных очках. У него была крупная лохматая голова и полная бархатистая борода. В зубах у него торчал стебелёк, и от его горящего края поднималась струйка дыма, за которой он неотрывно следил, пока не заметил подошедшую Илайю.

Чудак, подумала она.

– А я сижу и думаю: странно, почему дым воронкой закручивается. Не догадался, что тут чья-то трафаретка заложена. Твоя, стало быть, – сказал он, уставившись на её лоб.

– Я заблудилась здесь.

Он покачал головой. По центру его лба прокатилась волнообразная морщина.

– Я не знаю, как попадаю сюда, и не могу выбраться отсюда. Кроме как…

Он опять покачал головой и описал рукой полукруг.

– Ты возвращаешься сюда, потому что это самое начало. И все пути отсюда открыты для тебя.

– Что значит начало?

Человек настороженно завис, что-то смекнул.

– Что ты видишь вокруг?

– Могилы. И мёртвых. Их привозит вон тот грузовик, – Илайя показала на мусоровоз, припаркованный у дороги.

– Глупости. Я водитель того мусоровоза и ничего сюда не вожу.

– Вы водитель мусоровоза? – вскричала Илайя. – Вы можете увезти меня отсюда?!

– Конечно, нет. Я вожу только мусор. К тому же, нельзя забрать человека из его дома.

– Вот это – мой дом? – вздрогнула Илайя.

– Что ты видишь вокруг? – повторил вопрос чудак.

– Я говорила: огромное кладбище с множеством могил.

– Чьи это могилы?

Илайя осеклась. Парализованной страхом, ей ни разу не пришло в голову почитать надгробные надписи. Она отбежала к ближайшему ряду могил, перегнулась через ограду.

– Там ничего не написано. Кое-где, правда, я встречала иероглифы.

Водитель мусоровоза закивал с таким видом, словно так и подозревал.

– Это вымышленное место. Но это твоё безусловное начало. Всё, что ты видишь здесь, принадлежит тебе. И если ты видишь могилы, то они могут быть только твоими.

– А эти мертвецы? – Илайя кивнула на лужайку.

Чудак мигнул в знак подтверждения.

– Вы не видите их?

– Ни одной могилы.

– А что видите вы?

– Я вижу большой стадион, вокруг пустые трибуны, а внизу музыканты настраивают инструменты и технику.

– И что это значит? Что значит моё кладбище? Каждый из нас видит то, что существует в начале?

– Скорее то, с помощью чего начало воздействует на нас.

– Пугает меня! Давит на меня!

– Как бремя прожитых жизней, – философски заключил чудак.

– А какова ваша роль?

– Этого я не знаю. Если я здесь – ты вызвала меня. Зачем – должна знать ты.

– Я? Или моё начало?

Он пожал плечами, но за стёклами его очков Илайе померещилась снисходительная укоризна.

– Я не понимаю…

Он не ответил.

– Вы останетесь здесь? Дождётесь, когда я пойму?

Он покачал головой и стал растворяться в пространстве. С его исчезновением наступила странная тишина: некоторые звуки, например, шелест листвы, карканье ворон, рокот отъезжающего мусоровоза отсутствовали, а другие – скрип травы под ногами, трение одежды о кожу, собственное дыхание и даже журчание крови – раздавались неестественно громко.

Илайя легла на траву и закрыла глаза, чувствуя, как расслабляются мышцы. Потом открыла глаза и увидела, что тоже потихоньку растворяется в пространстве, точнее, одно пространство как бы наслаивается на другое, и она материализуется в этом новом пространстве – на пляже Асседии. Над её головой было августовское небо, похожее на карту железных дорог. Илайя чувствовала себя так, будто только что вышла из комы – слабой, оглушённой, но взамен овладевшей чем-то бесценным – похожим на собственную судьбу. С того дня она стала постепенно возвращаться к жизни, обретать её прежние уровни, ощущать её ткани, различать привычные краски.

Была середина августа. Илайя навещала мать и по её настоянию перед возвращением в Асседию заехала на арбузную ярмарку в горсаду. Пройдясь по фудкорту, заразившись от горожан их воодушевлёнными лыбами, выпив три стакана сока, она остановилась понаблюдать, как мастера вырезают из арбузов и дынь цветы, как вдруг наткнулась на глаза, которые тут же вспыхнули и взорвались тысячей вопросов, восклицаний и многоточий, возбуждая в ней сладковато-горькую радость.

Это был Юлий.

Кто-то окликнул его. Илайя обернулась и увидела коренастого мужчину в бейсболке и рыжеволосую девушку в цветастом сарафане. Они махали руками и звали его. Юлий не шевелился. Теперь уже и Илайя не отводила глаз, следя за тем, как стираются причины, рушатся намерения и тонут сомнения, как повышается градус упоения в её лимфе и обретают гибкость материи, связывающие их друг с другом, и делаются, таким образом, неуязвимыми.

Глава 7. Фуга ветров

Это случилось двадцать девятого августа.

Ближе к концу прогулочной аллеи рос молодой дуб. На метровой высоте от его ствола расходилось пять крепких веток - эту развилину облюбовала Илайя: в малолюдные часы она взбиралась на дуб, устраивалась под кроной и любовалась панорамой. В тот день, расслабленная бестревожной дрёмой, она полетела с дерева и сильно ударилась о землю. Переждав первую, сокрушительную, атаку боли, после которой смогла разогнуться, Илайя подняла сжатые спазмом веки и неожиданно ощутила болезненную ясность, какая бывает, когда происходит что-то необратимое, например, разбивается ваза.

Внизу шуршало море, обнимая мир и источая тысячи запахов, и вились чайки, бойкие и крикливые, как акушерки, встречающие над ним приход новых жизней. А чуть поодаль щурились на солнечный свет окна санаторных корпусов. Красота этих зданий была теперь гораздо больше, чем архитектурным шедевром, гораздо больше, чем бесценным фетишем Илайи, заставляющим её сердце радостно ёкать при каждом взгляде на них; – это была эпическая красота их сущности, в которой развернулась вся их история: от судеб проектантов, строителей и гостей до памяти камней, из которых они возведены; их опыт, накопленный всеми формами их восприятия: их традиции, секреты и потери, внутренние изменения от погоды и подземных вибраций, их чувства к морю и деревьям, что выросли у них на глазах, объёмы всех их отрезков и пространства каждой из их граней.

Скоро Илайя заметила, что эта черта – развёрнутость сущности – проявлятеся в каждом предмете, и можно было подумать, что это следствие только что прогремевшего большого взрыва, из которого возникла новая Вселенная. Но Илайя отвергла эту иллюзию как последнюю невыметенную соринку, потому что яснее, чем когда-либо, видела, что не Вселенная возникала теперь, а она сама возникала и прилеплялась к этой Вселенной, единственной реальной, никогда прежде не ощущаемой так остро и подлинно, отдающей в распоряжение всё её прошлое и будущее в одном мгновении, стирающем грани секунд, но не так, как это бывает во сне, когда время обманывает нас, а совсем иначе – словно время лишается силы, а всё вокруг продолжается и не теряет смысла.

Мир и всё, что в нём, проникало в голову без всяких барьеров и так же вольно выходило из неё, точно не ваза разбилась тогда, а треснуло яйцо вылупившегося птенца, и не оставалось в голове ничего, что не происходило из окружающей действительности, которая отзывалась в Илайе чувством вещественной бесконечности – не таким, словно до неё не было мира, но таким, будто мир очень стар, и она всегда была.

Илайя сидела на земле и чувствовала исходящее от неё тепло и покалывание сухих травинок и щекотку от шевелящихся муравьёв, вдыхала запах собственной кожи, слышала биение своего сердца и лёгкий свист ветра, бегущего по жилам, вырывающегося через поры, и с каждой секундой всё сильнее саднили и вибрировали кончики пальцев.

И начинался шторм.

ЧАСТЬ 2. СЧАСТЬЕ

Глава 1. Преступный романтик

Ей удалось улизнуть с последней лекции сразу после переклички, и теперь они доедали мороженое на трамвайной остановке. Илайя водила глазами по линиям его профиля, такого с виду беспристрастного, и вновь, от воспоминания о той ночи, когда он оказался у окна её комнаты в Асседии, и она молча подняла щеколду, её захватило чувство как перед прыжком с обрыва в воду: подогнулись колени, по спине побежали мурашки и скопились внизу живота, волосы на руках встали дыбом. Она смотрела на его губы, томясь сладким предвкушением того мгновения, когда прикоснётся к ним, а они, тем временем, требовательно зашевелились.

Илайя вздрогнула и открыла рот на лязгнувшие жёлтые двери. Юлий провёл взглядом отъезжающий трамвай.

– Да что с тобой? – нахмурился он.

– Оставь меня в покое, я влюблена, – вздохнула Илайя.

Юлий обезоруженно шагнул назад, огляделся и с полоумным видом уставился на экскурсионную бричку в придорожном кармане, запряжённую неказистым рысачком, и вдруг, недолго думая, схватил Илайю за руку и устремился туда. С вороватой торопливостью он усадил Илайю в коляску, сам прыгнул на облучок и схватил вожжи.

С рысаком было не так легко управиться. С видом глубоко оскорблённого достоинства тот строптиво фыркал, переступал с ноги на ногу и мотал головой, не поддаваясь ни на ободрительные похлопывания, ни на увещевательные «но, пошла!», ни на нервозные встряхивания вожжами. Наконец, когда Юлий с досадой дёрнул вожжами, лошадь сдвинулась с места – уже под крики очнувшегося хозяина, который точил лясы у газетного киоска.

– Мы могли и пешком пройтись, если тебе так не хотелось ждать следующего трамвая, – на ходу прокричала Илайя.

Её слегка тряхнуло – это лошадь перешла на мелкую рысь.

– Держись крепче! – крикнул Юлий.

Он перебирал вожжи, пристраивая их к рукам. А лошадь, пользуясь его безыскусностью, резво затрусила по проезжей части. Она злорадно и даже с некоторой вульгарностью виляла боками перед Юлием, вздёрнув голову и презрительно похрипывая в сторону сигналящих автомобилей.

Илайя, взбудораженная тряской, думала об этом сумасбродстве – бегстве с пары, украденной повозке, своенравном рысаке, неуклюжей поездке с сомнительным исходом, смотрела на верхушки деревьев, крыши домов, фонарные столбы, мелькающие в калейдоскопе неба, и с каждой секундой улыбалась всё шире. И предчувствие чрезвычайных происшествий, и горько-сладкое беспокойство, и неслаженный дуэт Юлия и лошади внушали ей вздорное веселье.

Но тут вдали нравоучительно мигнул и вспыхнул красным светофор.

– Тпрууу!!! – зафырчал Юлий, натягивая вожжи. – Стой! Стой, за-ра-за!

Лошадь встряхнула гривой, как бы в знак того, что вопли Юлия её не касаются, но немного сбавила ход. Илайя схватилась за поручни. Они приближались к перекрёстку, по которому валил поток машин с поперечной улицы. Зазвучали гудки, несколько предостерегающих окликов. Юлий упёрся в подножник и, стиснув зубы, стал, что есть

силы, набирать вожжи, отклоняясь назад. Хотела не хотела, но строптивица подчинилась: инстинкт и чужая подавляющая воля заставили её остановиться прямо перед светофором.

Юлий с Илайей облегчённо выдохнули и в ту же секунду встретились взглядами с двумя полицейскими, изумлённо высунувшимися из окон патрульного пыжика, что стоял на посту через улицу.

– Что же вы!.. – вскричал один из них.

Юлий беззвучно поднял руки, словно собирался то ли сдаваться, то ли очень убедительно объясняться, но не смог выдавить из себя ни слова.

– Простите, пожалуйста! – закричала Илайя с виноватой улыбкой. – Хотелось быстрой езды. Глупый каприз!

– Дык, вожжи-то как зажал! – патрульный ткнул пальцем в Юлия. – Вот лошадь и легла! Надо верхом зажать, верхом накрой, взагреб!

Юлий с дурацкой миной накрыл вожжи рукой, пропустив их под ладонью, моргнул на моргающий светофор, сглотнул и повернулся поблагодарить полицейских, но те уже отвлеклись: сверху по улице бежал, спотыкаясь и безбожно бранясь, хозяин повозки. Полицейские вылезли из машины и замерли на краю тротуара, готовые перебежать дорогу, как только снова сменится свет.

Юлий, тем временем, тронул присмиревшую лошадь и благополучно прокатил следующие три квартала, за которыми размещался супермаркет. С горем пополам, мотыляя вожжами, он затянул рысака на парковку, спрыгнул с облучка и оказался возле Илайи.

– Прошу прощения, сударыня, дальше нам, боюсь, придётся пешком, чтобы нас не повернули по неподходящему маршруту.

С этими словами Юлий помог ей спуститься на землю, и они побежали за супермаркет, откуда, лавируя между домами, через какой-нибудь километр можно было попасть во двор к Юлию. Но уже через минуту они услышали полицейскую сирену, а вскоре и топот погони.

– Чёрт! – Юлий остановился, нырнул пальцами в волосы, лихорадочно озираясь.

– Не останавливайся! Надо бежать! – забеспокоилась Илайя, обгоняя его и тоже сбавляя ход.

– Они нас догонят!

Где-то уже неподалёку колотили асфальт несколько пар бегущих ног. Юлий и Илайя устремились в подворотню, и тут, на их счастье, оказалась открыта дверь в арке. Заскочив в подъезд, они скользнули в затенённое углубление под лестницей. Скоро снаружи послышались голоса, углублённые эхом. Их преследователи, похоже, остановились в арке.

– Они где-то тут, далеко не могли убежать! – пропыхтел один из них, должно быть, бедолага-возничий. – Этот двор глухой. Наверняка прячутся здесь или в том, соседнем. Надо разделиться и обыскать.

– Мы не можем заниматься розыском, мы патрульная полиция, – возразил ему молодцевато-деликатный, но твёрдый голос. – Вам ведь вернули экипаж, чего же вам ещё?

– Они же воры! Грабители! – кровожадно взвизгнул возничий.

– Ну ладно! Пошалили немного, казнить их за это, что ли? Если хотите возбуждать дело – вам следует подать заявление в полицию, дать показания, выедут оперативники и будут искать. А нам пора возвращаться на пост.

– Глядите, дверь приоткрыта! – возразил первый голос. – Они точно здесь.

Дверь зашлась фальшивым скрипом, как пьяная певица. Юлий инстинктивно подался назад, невольно напирая на Илайю. Она прижалась к его спине и уткнулась носом ему в шею. Он почувствовал, что она дрожит, и в первую секунду решил, что от страха, но потом услышал слабое сопение и понял, что она изо всех сил сдерживает смех. Юлий обернулся и скорчил страшную гримасу, которая ещё сильнее раззадорила её. Илайя зажала рот и вытаращила на него смеющиеся глаза.

– Попались! – рявкнул в пустоту возничий, сунувшись в подъезд.

Он прислушался, пошаркал ногами, имитируя шаги.

– Там ваш экипаж без присмотра, – напомнил полицейский. – Глядите, чтобы снова не увели.

Горемыка матюгнулся и шумно вывалился из подъезда.

Илайя вдыхала запах Юлия, легонько приобняв его, а как только стихли шаги и голоса, оттолкнула его и с хохотом выбежала из укрытия. В подворотне уже никого не было. Илайя неслась через дворы, словно вдохновлённая примером недавней лошадки, то и дело оборачиваясь, гримасничая и улюлюкая. Юлий, мрачно-счастливый, бежал за ней, чувствуя себя одновременно шутом гороховым, растравленным зверем и бесноватым романтиком.

Через пять минут Илайя остановилась отдышаться у его порога. Юлий жил в маленькой квартире первого этажа, выходившей окнами во двор и имевшей крошечный палисадник.

– Ну и какой дальше план? – Юлий опёрся о стену соседнего дома. – Есть мысли, как внутрь попасть?

И вдруг Илайя с бурным восторгом предъявила ему ключ – должно быть, вытащила у него из кармана, пока они прятались в подъёзде. Она в два счёта одолела замок, влетела в квартиру, захлопнула дверь у него перед носом и, хихикая себе под нос, метнулась в кухню, где потрясённо застыла в дверном проёме.

Юлий грохнул дверью.

– Кто не спрятался, лучше берегись, – он ринулся, чтобы схватить её, но в следующий миг с таким же растерянным видом остановился на пороге кухни.

Там за столом сидели серьёзный пожилой мужчина и деловитая рыжеволосая девушка и переводили строго-недоумённые взгляды с одной на другого.

И хотя лица неожиданных визитёров Юлия сразу показались Илайе знакомыми, она вспомнила, где именно встречала их, только когда схлынула волна изумления, и они вчетвером оказались сидящими за кухонным столом. Мужчину звали Михаилом, это был отец Юлия. Он жил на другом конце страны, где содержал небольшую фирму по производству мягкой мебели. Юлий обмолвился, что отец с недавнего времени установил торговую линию с местными скупщиками, и потому стал бывать здесь довольно часто, соединяя возможности уладить дела и повидать сына. Именно во время его прошлой командировки и состоялась их случайная встреча с Илайей на арбузном фестивале.

Девушка, которая сопровождала его и тогда, и теперь, – давняя подруга их семьи, выросшая по соседству, ныне выпускница хореографического факультета. Больше ничего о ней, даже имя, Юлий не сообщил. Как выяснилось, они с Михаилом, ранее пробыв у Юлия всего два дня, условились, что, чуть только Михаилу удастся, они приедут насладиться бархатным сезоном.

– Вот, решили устроить сюрприз, – заключил Михаил. Голос его звучал внушительным баритональным басом.

Юлий кивнул и заметил на столе пышный пирог.

– Это мясной? – обрадовался он. – Откуда взялся?

– Танюша для тебя постаралась, – вновь певуче зазвучал Михаил.

Девушка при этих словах взялась за нож и тарелки, подготовленные на краю стола. Тарелок было три.

– Между прочим, пришлось повозиться с духовкой – она была в кошмарном состоянии, – с этим словами она коротко покосилась на Илайю.

– Подозреваю, что до встречи с тобой она была непорочна как бракованная утварь на складах ада, – пожал плечами Юлий, вызывая бурный смех девушки.

Она ловко разделила пирог на дольки и разложила по тарелкам, не забыв добавить ещё одну. Юлий тут же с аппетитом вгрызся в тесто.

– Я твоей матушки пироги ценю как образец, – сказал Михаил. – Уж и не знаю, как тебе удалось, и говорю сугубо между нами, но ты, – он благосклонно понизил голос. – Её превзошла.

– Добавила в мамин рецепт капельку приворотного зелья, – польщённо подмигнула девушка.

Илайя поймала вопросительный взгляд Юлия и кивнула в знак того, что пирог и ей понравился, а Михаил повёл речь о своих диванах: как снизился спрос на них на востоке, и в какой всё в целом пришло упадок, и что давно пора озаботиться переводом бизнеса в столицу, или, как вариант, сюда. Таня слушала его внимательно и, когда он запинался, помогала ему подбирать слова. Вспомнив, что она танцовщица, Илайя обратила внимание на её гибкие и лаконичные движения. Они были еле уловимы, но идеально согласованы, и вся она со своими оранжевыми волосами, уложенными на одно плечо, сосредоточенным лицом, привлекательность которого следовала не из естественной его красоты, но из самоуверенности в его красоте, казалась подчинённой неслышному ритму. Неподвижным оставался только её взгляд, устойчиво направленный на Михаила, но в отдельные мгновения он словно терял равновесие и срывался на Илайю, и тогда в нём читалось замешательство, смешанное с решимостью. Илайя же немедленно заметила, что всё, происходящее от Тани, пусть и неочевидно, но устремлено к Юлию: луч, проистекающий из её солнечного сплетения, линии, нарисованные её жестами – с их помощью Таня, ни разу не коснувшись Юлия даже взглядом, словно окружила его.

– И Танюше в наем городе делать нечего, – продолжал, между тем, Михаил. – Школа там, несомненно, сильнее, но возможностей здесь больше: и публика утончённее, и постановки смелее, и к центру, опять же, ближе. Образование тамошнее будет здесь преимуществом. А что до мастерства, то оно само за себя скажет.

Таня театрально склонила голову в знак благодарности. Юлий повернулся к ней, приторно улыбнулся и закивал. А Илайя, минуту назад молчаливо-беспечная, вдруг поникла, как водоросль, вынутая из воды: её с опозданием захватило чувство чуждости, внушавшее желание поскорее уйти. Уставившийся на неё Юлий перестал слышать разговор и опомнился, лишь когда Михаил повысил голос.

– Что-что?

– Я говорю, может быть, представишь нам свою подругу?

– Илайя… – не представил, а будто позвал Юлий.

– Таня, – девушка привстала и протянула ей руку – точно фарфоровую против загорелой руки Илайи. В её взгляде читалось умеренно-благосклонное любопытство в паре с чувством собственного превосходства – так мог бы заезжий маэстро, потакая случайному своему капризу, смотреть премьеру провинциального театра, искренне считая пьесу неплохой лишь благодаря собственному к ней интересу, но обречённой утратить всякую прелесть, чуть только этот интерес иссякнет.

Михаил лишь коротко кивнул в сторону Илайи и продолжал:

– Сегодня уже поздно куда-то собираться, да и мы с дороги устали. А завтра выспимся, дождёмся тебя из университета и все вместе рванем в центр. Танюша уже сочинила культурную программу, и даже ресторан выбрала.

– «Империори» на Парижском бульваре, – воскликнула Таня. – Я посмотрела фотоотчёты гостей, почитала отзывы и загорелась там побывать. Мы ведь и диплом мой ещё не отметили, – тут она запнулась, заметив решительное намерение в лице Юлия.

– Квартира в вашем полном распоряжении, – проговорил он. – Но моё время принадлежит Илайе.

– Но не тогда, когда у тебя гости, – нахмурился Михаил. Он ответил так скоро, словно только и ждал этой фразы.

– Я бы не хотел ссориться, но если мы будем развивать тему, нам этого не избежать.

Михаил с полминуты сверлил его взглядом, но ничего не сказал.

– Ладно вам, чего вы надулись, – примирительно вмешалась Таня. – Мы-то не знали ничего… о твоих увлечениях. И, естественно, рассчитывали на твою компанию. А когда я нашла вот это, – она отклонилась к холодильнику и стянула сверху какой-то буклет. – То решила, что ты собираешься пригласить нас на фестиваль ветра.

Юлий и Илайя одновременно вздрогнули.

– Что там такое? – кивнул Михаил.

– Фестиваль «Избранник ветров». Состоится в эту субботу в Летнем театре, – зачитала Таня. – В программе фестиваля: эксклюзивный иллюзионистский перформанс, черлидинг-балет «Квадрокоптер» с шоу «Полёт дрона», этно рок группа «Феникс», тематические квизы и экспромт-розыгрыши, экзотическое угощение от лучшего шеф-повара города, коктейльный мастер-класс, а также гвоздь программы – феерическое сражение на японских воздушных змеях роккаку. Самое грандиозное событие года, которое ждёт в гости весь бомонд страны. Победитель соревнования получит символ фестиваля – трехмерную спираль, вылитую из золота. Ископаемый какой-то приз, – покачала головой Таня. – Золотая спираль стоимостью десять тысяч долларов! А, вот приписка: по желанию победителя золотая спираль может быть заменена эквивалентным денежным призом. Участие бесплатно, – Таня покрутила буклет в руках. – Зачем человеку хранить приглашение на фестиваль, если он не собирается туда идти. Вот я и решила, что ты приготовил это для нас.

– Откровенно говоря, я не ждал вас так скоро, – сказал неожиданно присмиревший Юлий.

– У тебя есть возможность исправиться, – буркнул Михаил.

– Давайте пойдём! – загорелась Таня. – Это же явно ивент сверхъестественного масштаба. И совпало с нами! Ни за что вам не прощу, если вы откажетесь. Ну? Дядя Миша! Юлий!

– Кому, интересно, понадобилась такая шумиха? – заинтересовался Михаил. – А что там сказано: кто организатор фестиваля?

– Тут с десяток спонсоров, – Таня уткнулась в буклет. – Банк, супермаркет, агентство недвижимости, оператор связи. Ага, вот! Организатор – Мира Манн.

– Кто это? – спросил Михаил.

Юлий метнул недоумённый взгляд на Илайю. Та покачала головой.

– Вы не знаете Миру Манн? – раскрыла рот Таня. – Как её можно не знать? Она же самая красивая и утончённая женщина за всю историю человечества. Новейший кумир интернет-сообщества. Пару недель назад в сети появился снимок с Каннского кинофестиваля, где она сопровождает одиозного бизнесмена Марата Пандробана. Этот снимок взорвал сеть. И сегодня её рейтинги бьют все рекорды. Самое интересное, что до появления в Каннах она была совершенно непубличной фигурой – у неё нет даже профиля

в социальных сетях. Личность-загадка. О её происхождении слагают легенды. Самая расхожая – будто бы она биоробот, разработанный по специальному заказу Пандробана, – слишком уж невероятная красавица. Я читала пост, в котором эксперты по робототехнике называют даже цену, которую олигарх выложил за свою электронную невесту – три миллиарда долларов. Поверить не могу, что её можно будет увидеть живьём.

– Угу, – с разоблачительным видом промычал Михаил. – Теперь понятнее. Видать, этот туз метит в губернаторы.

– Мы обязаны там быть! – возбуждённо встрепенулась Таня. – Пусть Юлий не ходит, если не желает, но мы с вами, дядя Миша, пойдём. А если и вы не согласитесь, – добавила она воинственно. – То я пойду одна!

Тут Юлий встал. Таня воодушевлённо шагнула к нему.

– Сейчас нам надо уйти, – сказал Юлий. – Извините. Илайя… – с этими словами он торопливо вышел из кухни.

Илайя послушно встала, кивнула в знак прощания, когда на ней сошлись взгляды Тани и Михаила, хранящие след недоумения, и, так и не произнеся ни слова, вышла за ним.

Юлий пошёл очень быстрым сердитым шагом вон со двора и дальше по улице, петляя между прохожими, и ни разу не обернулся, пока не оказался в невзрачном придорожном сквере. Здесь он развернулся, шагнул к Илайе и, прежде чем она успела дать волю рвущимся на свободу словам, крепко обнял её.

– Нужно немедленно снять квартиру, – сказал он спустя несколько минут.

– Мы сможем видеться в Асседии, – мягко возразила Илайя.

– Поедем прямо сейчас, – он взял её руку и прижал к губам.

– Не могу. Мама ждёт меня дома.

Он закивал с обречённым видом.

– Прегадко получилось с фестивалем. Я хотел подобрать правильный момент, чтобы рассказать тебе. Я опасался плохой реакции...

– Ты опасался, что возврат к спирали может оттолкнуть меня? Но всё изменилось...

– Так, – сказал Юлий, соображая. – Означают ли твои слова, что ты хочешь снова попытаться овладеть силой?

Илайя моргнула.

– Я хочу узнать всё, что возможно, о спирали. Найти в ней смысл, – сказала она. – Сложно поверить в случайность этого фестиваля – он как будто специально организован, чтобы приманить нас. И, наверное, безопаснее проигнорировать его, но меня тянет сходить туда и попытаться понять, как это связано со мной.

Она заметила, что Юлий снова помрачнел.

– Юлий… – дрогнувшим голосом сказала Илайя. Её пальцы задрожали, она спрятала их в кулаки, но дрожь не унялась, а распространилась на руки. В сосудах начиналось бурление, предвещающее приступ силы.

Юлий качнул головой.

– Я вдруг вспомнил, как всё окончилось в прошлый раз, и засомневался…

– Юлий…

– Я же не потеряю тебя опять – как думаешь?

Он осёкся, ощутив пощёчину как с цепи сорвавшегося ветра. Тот пронёсся зигзагами снизу вверх, разметая пыль и скользя по кронам, поднялся к облакам, стягивая к себе, словно боевые отряды, мелкие порывы, и надвинулся на город теснящим куполом. Юлий

увидел бестрепетные глаза Илайи, в глубине которых ему почудилось какое-то вращение, и реющие пряди её волос. И вдруг всё стихло.

Женщины в глубине сквера, перепуганно похватавшие детей, хоть и поглядывали на небо с опаской, похоже, уже передумали расходиться. Юлий смотрел на Илайю и понимал, что в его глазах отражается именно то, что он чувствует – страх.

– Значит, эта фантазия стала реальностью? – пробормотал он. – Каким образом?

– Я упала, – сказала она. – И как бы треснула. И потом как будто очистилась. От фантазий, от целей, даже от чувства времени. Всё внутри стало каким-то беспредельным и проходимым. Оно пропускало всё и входило во всё само, понимаешь? Я могла дотянуться до чего угодно. И оно само пришло ко мне. Нахлынуло на меня. Вот как сейчас…

– Выходит, я только мешал тебе.

– Ты был прав! – воскликнула Илайя. – Может быть, не во всём. Но в главном ты был прав!

Юлий глубоко вздохнул.

– Поэтому ты решила вернуться? Потому что всё получилось?

Илайя замотала головой.

– Я не возвращалась, Юлий. Это ты вернулся за мной. А я с самой первой минуты просто последовала за тобой. Но в какой-то момент не смогла справиться одновременно со своими чувствами к тебе и… с тем, чего ты требовал от меня, – Илайя говорила, взмахивая руками, не позволяя Юлию, который хотел вставить слово, прервать себя. – Это было мучительно – понимать, что человек, к которому меня так сильно влечёт, увлечён мною лишь как феноменом. Я надеялась, что смогу освободиться, если остановлюсь. Но, видимо, что-то уже бесповоротно сместилось во мне, и я не могла обходиться ни без одного, ни без другого. Когда ты пришёл ко мне в Асседию в ту ночь, я увидела, что тебя привели не твой азарт и не твоё любопытство, и позволила себе дерзкую надежду, что и ты не вполне равнодушен лично ко мне, а не к той головоломке, которая нас объединила поначалу. Нет, дай мне сказать, Юлий, – она отступила от его протянутых рук. – Меня огорчает, что ты снова пытаешь связывать вещи, которые существуют для меня без всякой связи друг с другом: ты и спираль…

– Я всё понял, не говори!

– Я боюсь, что мои слова звучат так, словно я придираюсь к тебе. Но я ничего не требую от тебя! Меня захватила какая-то эйфория, и потом… твой отец и эта девушка – их появление сбило меня с толку. Это твои близкие люди, я осознаю это, но, прости мне эти слова, лучше бы я никогда не встречалась с ними. Я должна взять себя в руки, но… что я могу поделать?

Юлий решительно шагнул к ней и, преодолевая уже слабое сопротивление, прижал её к себе, одновременно роняя на землю жужжащий телефон.

Глава 2. Сражённый совершенством

Таких домов, как этот, в городе было раз, два и обчёлся. Его и домом назвать бестактно – особняк с замковым геном. Внебрачная дочь мюнхенского Нойшванштайна, заточённая в малоосные координаты провинции, с фарфорово-белыми стенами, выдающими её породу; она скрыла от глаз прохожих свою безукоризненную конституцию и диковатое величие за сплошным четырёхметровым забором, и лишь гордо поднятый над ним лоб с затеняющим его пурпурным зонтиком крыши позволяли вообразить масштаб и глубину её неприступной роскоши. Экзотический экстерьер и характерная судьба дома послужили причиной тому, что в народе его прозвали Гейшей.

Гейша занимала баснословный, по прибрежным меркам, участок – в 20 соток. Кроме Неё в тихом переулке, который кончался удобным спуском к Золотому побережью, было ещё пять домов, тоже красивых, но существенно скромнее.

В четверг 12 сентября около одиннадцати утра хозяин Гейши, Марат Игильманович Пандробан, подъехал к дому на чужой красной феррари. Марат Игильманович был чистопёрым жаворонком и очень гордился этим свойством, которому приписывал львиную долю своего успеха: он вставал в половине пятого, чистил зубы электрической щёткой, наряжался в хрустящую рубашку и тёмный полосатый костюм, выпивал чашку растворимого кофе с круассаном, а по особым дням – с маковым кренделем, и в пять утра уже нырял в нагретый или охлаждённый, по сезону, рендж ровер. Иногда у него случалось романтическое настроение, и тогда он велел водителю сделать небольшой крюк и заехать на пруды в дендропарк, где, предаваясь меланхолии, встречал рассвет. И хотя этот четверг существенно не отличался от других будней Марата Игильмановича, он приехал именно на феррари, а не на своём ровере неслучайно, и, первым делом, бросил взвинченный взгляд на три верхних окна, которые были плотно зашторены, затем заглянул в жерло автомойки: убедился, что ровер благополучно добрался до дома, с приятным чувством констатировал удачное его сочетание с чутко дремлющим по соседству астон мартином, и вошёл в дом, моментально ощущая на себе бесшумную и круглосуточную его суету. Она производилась ловким и многочисленным, как муравьиный рой, домашним персоналом, в выверенном, оптимальном для хозяина ритме, неразличимая, но смутно улавливаемая, как радиоволна, проходящая по границе восприятия, и действовала на него успокаивающе.

Марат Игильманович был невысокий, мелкой комплекции человек с миловидным, но плохо отёсанным лицом, линии которого немного просели под грузом его авторитета, и какой-то непродуманной стрижкой с запущенными висками и топорщащейся чёлкой. Кое-кто уверял, что невзрачно-располагающий вид Пандробана (тогда как от человека с такой фамилией ожидалось, что он крупный длинноногий изувер-педант), имел парализующее действие на оппонентов, а довершали эффект глаза: под слоем разноцветного, приветливо блестящего на солнце льда в них таилась беспощадность. Несмотря на свою заурядную внешность, Марат Игильманович имел большой успех у женщин самых разных возрастов, и всех, как на подбор, не только роскошных и состоятельных, а и самодостаточных в своей состоятельности, и подавляющее большинство его любовниц были к нему искренне привязаны.

– Машину, что я просил для неё, помыли? – спросил он, проходя каминный зал, отделанный в классическом английском стиле и со вкусом обставленный, на что получил короткий глухой ответ от незримого человека. – Почему я не видел на мойке? Она попросила поставить во двор? Сама? Или запиской?

Марат Игильманович вдруг развернулся и направился в кухню, где бывал за всю жизнь, может, раз десять.

– Кофе закупили, что она любит? – спросил он с порога у женщины с измождённым старостью лицом.

– А как же, – ахнула та, расплескав от неожиданности мыльную воду, в которой купала посуду.

Марат Игильманович поморщился на пенную крошку на столешнице и ретировался.

– Отчёт по прессе у вас на электронной почте, – сообщил ему голос, старавшийся звучать ровно и глухо, но на четвёртом слоге предательски прорезался его металлический тенор.

– Где?! – рявкнул Марат.

В результате полусекундной перетасовки по правую руку от хозяина возник Аркадий, управляющий делами, который устраивал Марата всем, кроме своего труднопроизносимого имени.

– Всё распечатано, вот, – он сунул в смуглую руку Марата ворох глянцевой бумаги.

– Это новенький, что ли?

– Относительно.

– Так чего лезет?

Аркадий не стал объяснять, что ждал хозяина у лифта, тогда как тот вдруг предпочёл лестницу и наткнулся на новичка.

– Это не тот холостяк, которого я забраковал?

– Это другой. У него жена...

– А дети? – грубо перебил Марат Игильманович, исходивший из принципа, что обслуга, которой нечего терять, есть ненадёжная обслуга.

– Ждёт двойню.

– Хорошо.

Поднявшись на третий этаж, он бросил прессу на консоль и лениво пролистал.

– Что здесь примечательного?

– В основном, нейтральные светские байки. Есть один неприятный актив.

– Говори, – приказал Пандробан, но тут сам всё увидел.

Иллюстрация к статье изображала карикатуру на популярный снимок Миры с красной дорожки Каннского кинофестиваля. Красная дорожка имела вид ленточного конвейера, посреди которого стояла Мира, а вместо фотообъективов на неё были нацелены промышленные манипуляторы. Заголовок гласил «Миработ покоряет Канны».

– Миработ? Что за чёс? – он с недоумённым отвращением повернулся к Аркадию.

– Какой-то креативщик сделал вброс про Миру, будто бы она суррогат.

– Чего?!

– Ну, робот. Канадского производства, – Аркадий помялся и выпалил. – Типа, современная секс-кукла. Неживая. Сочинили имя – Миработ.

– Какая же тупая школота.

– Тему подхватили с большим энтузиазмом – как говорят интернетчики, пипл схавал с аппетитом, – и теперь активно развивают.

– Понял, проехали, – кивнул Пандробан, который, вместо того, чтобы взбеситься, как ожидал Аркадий, казался позабавленным. – Что камеры эти воздушные – больше не летали?

– Был один.

– Как, был? Где? Над домом?

– Над соседним.

– Им же радиус запретный очертили по суду! Они вообще страх потеряли?!

– Это новый какой-то, в судебном решении не указан. Мы его пробиваем по всем базам. Документы готовы, завтра-послезавтра сделаем на него судебный запрет.

– Хули его пробивать, ждать я ещё должен! Он за два дня про меня Санта-Барбару успеет снять, – повысил голос Пандробан. – Только заметите – сбивайте. Тут моя частная территория и приватная жизнь. Они по-любому права не имеют снимать – я не знаю, где это написано, я не юрист, но я, мать твою, чувствую, что должен быть такой закон.

– Вонь будет, если сбить и свалится на кого-то… – осторожно возразил Аркадий. – Формально это не запрещено. Очень она их интересует – идут на риск.

– Суки, – процедил Пандробан. – И что, засекли её?

– Нет. Её во дворе трудно застать, а если и выйдет, то шляпу покажет – это максимум.

– Ясно. Где она была?

– Сегодня вообще не выходила. Завтрак забрала час назад.

– Кому звонила?

– Только переписывалась в мессенджере. Всё здесь, – Аркадий извлёк из нагрудного кармана запечатанный конверт и протянул хозяину. – Все адресаты – сотрудники агентства, которое занимается фестивалем.

– Фестиваль этот… – вспомнил Падробан, пробегая глазами переписку. – Когда он, кстати?

– Послезавтра.

– Во сколько легла?

– В два часа ночи погасила свет.

Пандробан упёр кулак в консоль, словно гирю опустил, чтобы погасить колебание внутренних весов. Но это не помогло. Он испытующе глянул на Аркадия.

– Ты абсолютно уверен, что она никуда не выходила ночью?

– Абсолютно.

– В окно она не могла вылезти? – глупо спросил Марат Игильманович.

– Повсюду камеры, – растерянно проговорил Аркадий.

Его смущала эта странная фобия хозяина насчёт побега его любовницы: он знал, что у Марата Игильмановича чуйка на опасности, и за долгие годы службы научился доверять ей. Постоянные сомнения касательно Миры заразили и самого Аркадия, который стал, пока беспочвенно и молча, подозревать в ней засланца конкурентов или, ещё хуже, правоохранительных структур.

– Поставь камеры внутри, – распорядился Пандробан, направляясь в глубину этажа.

– Я уже ставил раз, – напомнил управляющий. – Она их мгновенно обнаружила и вырвала с проводами.

Пандробан вернулся к лестнице и понизил голос.

– Поставь те маскировочные, что в потолок зашиваются, или куда там, в стены?

– Для этого нужно время, – сказал Аркадий, скребя лоб.

– Я тебе обеспечу. Заберу на день или два куда-то в цивилизацию. А ты за это время реши проблему.

– Принято, – кивнул управляющий и исчез.

Пандробан замер перед резной дверью, украшенной серебряной росписью – самой красивой в доме. С колотящимся сердцем и похожим чувством полной неизвестности много лет назад, молодым таможенным брокером, он стоял перед дверью следователя прокуратуры в ожидании вызова на свой первый допрос. Из следственного изолятора через четыре месяца после того дня вышел другой Марат Игильманович – то был человек, давший себе слово больше никогда не оказаться в ситуации, последствиями которой он не может управлять. И вот теперь, стоя у двери Мириной спальни, в собственном доме, он вдруг остро испытал давно забытое чувство отсутствия всякого контроля. Из-за двери не доносилось ни звука. Сердце Пандробана ёкнуло от безумной мысли: а вдруг там никого нет. Они дали ей сбежать и устроили клоунаду, чтобы выиграть время.

Он постучал. Подождал ответа секунду и толкнул дверь. Та не поддалась. Он опять затарабанил, и поскольку изнутри не раздалось даже шороха, стал пинать её, одновременно истязая оглушительными ударами. Когда, уже вне себя от ярости, он мысленно поклялся сию же минуту снести её ко всем чертям, что-то щёлкнуло у него в суставах, и рука машинально рванула дверь на себя. Та, содрогаясь от ненависти и унижения, открылась.

Мира стояла спиной к двери у зашторенного окна. В своём домашнем платье с открытой спиной, чей тёмно-синий атлас струился по телу, словно ленточный водопад, уходя в безмолвные дебри земли. До самого ада, подумал Пандробан. Спина её, избежавшая целомудренного плена тканей, угодила под броню волос, которые Мира обыкновенно оставляла распущенными.

У Пандробана перехватило дух, и в следующий миг он почувствовал слабость и ломоту во всём теле, будто его сразил смертельный вирус. С минуту он истязал себя мысленными пощёчинами, молясь, чтобы Мира не обернулась и не освидетельствовала его замешательство. Она, впрочем, судя по её ледяной неподвижности, не собиралась не только оборачиваться, но и замечать его присутствие. И хотя апатичность была свойственна Мире всегда, Пандробану чудилось, что нынче она ещё более неприступна, чем обычно.

Увидела-таки феррари, догадался он и на мгновение пожалел о своём бахвальском поступке, совершённом именно чтобы подбросить ей улику измены. Или её взбесила публикация о Миработе. Эти мысли приободрили Пандробана, ведь и в том и в другом случае искоренение причин её расстройства было в его власти, а Мире оставалось только потребовать этого.

– Уж не солнце ли, что вылезло вопреки обещанному дождю, омрачило твой день? - гнусаво осведомился Марат Игильманович.

Мира довольно резко повернула голову. Смуглый матовый профиль её был сонно-безмятежным: если бы Пандробану позарез понадобились сомнения в том, что его борьба с дверью и самим собой прошли мимо Мириного внимания, то их пришлось бы притягивать за уши.

– Или кофе был недостаточно крепкий? – он покосился на пустую посуду у кровати.

– Кофе хороший, – сказала Мира.

Она отступила от окна, волоча за собой потушенный взгляд, обошла велюровое кресло, опустилась в него и облеклась в свои мысли.

– Но ты озабочена. Плохой сон?

– Я не вижу снов.

– Никогда?

– Сны приходят за теми, в ком не слишком нуждается явь.

Пандробан ухмыльнулся. Его забавляло, когда она выражала свои воззрения, – даже самые несуразные, в её устах они звучали как занимательные открытия.

– Как продвигается подготовка к фестивалю? Не возникло ли каких-то проблем или трудностей? Не требуется ли моё вмешательство?

– Никаких трудностей.

– Что твои фокусники – согласились?

– Благодаря дипломатическому таланту Аркадия. После разговора с ним у них не осталось аргументов для отказа.

– Шикарно! – обрадовался Пандробан, машинально потирая руки. – Змеев доставили?

– Роккаку, – поправила Мира. – Да, вчера.

– А улитку?

– Спираль доставят завтра.

– Могу я спросить, почему такой странный символ? Я не бог весть какой эстет, но художественная прелесть этой байды вызывает даже у меня лёгкое несварение.

– Почему тебя это интересует?

– Хочу знать всё о своём сопернике, – с игривым вызовом сказал Пандробан и, уже пьяный от адреналина, рухнул в кресло против неё, подставляясь под залп её чар. Он подал ей повод проявить причину своей холодности, если бы она была связана с его утренней выходкой, но Мира оставалась непроницаемой. – Не замечал раньше, чтобы что-то так сильно увлекало тебя...

– Всё благодаря твоей щедрости, – сказала Мира, и он не сумел нащупать в её тоне ни обиды, ни иронии. – И чуткости.

– Мира, я хочу увидеть список гостей.

Она испытующе посмотрела на него, и он сделал то, что его неприятели расценили бы как слабость – объяснил ей своё требование.

– Убедиться, что найду в нём твоих родителей.

Её губы не дрогнули даже в порыве что-то соврать. Продолжать расспрашивать её значило разоблачить блеф своей осведомлённости. Все его старания что-либо выяснить о её жизни до того рокового момента, когда его камеры зафиксировали её, совершенно голую, спящую на уступе склона в нескольких метрах от забора Гейши, ничего не дали. Пандробан подумывал даже объединиться с журналистами, которые вели параллельное расследования для сбора досье на Миру, но горе-детективы оказались не более успешны, чем он, поэтому им оставалось лишь сочинять легенды, одну сенсационнее другой, о происхождении и целях этой женщины. Самого же Марата Игильмановича всё сильнее беспокоили его осечки.

– Есть одна просьба, которую, я надеюсь, ты уважишь, – отвлечённо сказал Пандробан. – Я забронировал два билета в Париж на конец следующей недели.

Что-то вроде насмешки уловил он в её слегка оживившемся лице, которое отражало все его намерения, стоящие за этим предложением. Почему именно сейчас эта женщина, игнорировавшая все его подтексты, давала ему понять, что понимает больше, чем он хотел бы дать ей понять?

– Зачем? – спросила Мира.

– Нынешние выходные пройдут, как тебе по душе. А я имею право на следующие. Хочу уединиться в романтической обстановке. Мини-отпуск в лафовом городе.

– Хорошо, – сказала Мира, уводя и погашая взгляд.

Непредсказуемость её реакций, натуральная или кажущаяся безучастность к тем беспроигрышным уловкам, на которые отзывались даже самые искушенные из его женщин, ненавязчивое, но неуклонное лоббирование собственных неясных интересов, виртуозное лавирование среди ловушек, расставленных для её «инкогнито» профессиональными сыскарями, приводили Марата к выводу, что она либо умнее, чем он, либо абсолютно равнодушна к нему, и он не мог выбрать, какой вариант бесил его сильнее.

– Возвращаясь к списку гостей, – раздражённо сказал Пандробан. – Ты же не против, если я приглашу Родомских?

– Нет.

– Уверена? – вдруг рявкнул Марат.

Мира пожала плечом: оно отпружинило, как патрон от движения затвора.

– Ты ожидал, что я не пущу её на праздник лишь потому, что ты спишь с ней?

Его виски пронзила ультразвуковая игла.

– Мира… – требовательно проговорил он, млея от холодного гнева и страсти.

Она махнула ресницами, как бабочка крыльями, сдувая взгляд в сторону.

– Мира… – повторил он, тяжело дыша. – Скажи мне, в этом причина твоего настроения?

Она не шелохнулась.

– Мира!

Она удостоила его гордым ненавидящим взглядом, который ублажил его сердце. Он собрал руки в замок на коленях, посмотрел на неё молодцеватым взглядом, несколько раз глубоко вдохнул, заговорил ровно, повествовательно.

– Мира, я не святой. Ты это знаешь. Раиса, Карина, Доминика. Интересные… эээ… женщины всегда были частью моей жизни. Само собой, что это задевает тебя, – он сделал паузу проверить, внимательно ли она слушает. Она старалась, как ему показалось, сохранять невозмутимость. – Если какой-то хорёк начинал вещать про привязанность только к одной женщине, я считал, что дело в импотенции. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы. Наверное, всему своё время. Я думаю о взрослении, Мира. О новом этапе в жизни. И причина этим мыслям – ты, – он отклонился от спинки кресла и стал смотреть на неё в упор, призывая её взгляд. – Если мои связи с другими женщинами заставляют тебя страдать… Если в этом причина твоего равнодушия! – он проследил за витиеватой траекторией её очнувшегося взгляда, который, в конце концов, достиг его глаз. – Если бы ты дала мне знать, если бы хоть намекнула! Но хрена с два! Ты никогда не покажешь свою слабость! И это я в тебе уважаю и ненавижу…

Она покосилась на него уязвлённо и высокомерно, безошибочно угадывая наилучшую приправу для перцово-медового зелья, которым он сейчас сам себя потчевал.

– Я никого не хочу, Мира. Впервые в жизни я хочу сам кому-то принадлежать. Ты – олицетворённый смысл того, к чему я шёл. Ты больше этого! Ты воплощение тех моих желаний, которые я бы не смог даже сформулировать. Я бывал в самых экзотических местах, наслаждался лучшими женщинами, я рисковал капиталами, своим и чужими, я выпутывался из адских тенёт. Но все мои прежние достижения были похожи на наркотик: после короткой эйфории – бездна бессмыслицы. До моей встречи с тобой. И вот моя жизнь кажется мне убогой. Стремления – пустыми. Я тысячу раз задавал себе вопрос: чего я хочу? Ответ один: я хочу, чтобы ты была моей. Будь моей, Мира, и я буду твоим безраздельно. Если ты видишь, что этому мешает что-то, что в моих силах исправить, скажи мне об этом прямо.

Её лицо неуловимо смягчилось, глаза сделали круглее и потемнели.

– Не в моих правилах просить о чём-то мужчину, – сказала Мира. – Всё, что делает мужчина – его личный выбор. Но в силу справедливости право личного выбора есть и у меня.

Пандробан, распалённо глядя на неё, слегка шевелил челюстями – словно пережёвывал её слова.

– Одно из самых сильных разочарований в моей жизни связано с мужчиной, который доверял своим сомнениям больше, чем мне. Он был верен мне, внимателен и почтителен. Не было вершины, которую бы мы не одолели вместе. До той минуты, когда я узнала, что он установил за мной слежку. Изображая любовь, чуткость и преданность, он предпочёл потакать своим фобиям. Конечно, он сказал бы мне, что делал это из страха потерять меня, ради моей же безопасности, он нашёл бы тысячу фальшивых противовесов этому предательству, – если бы смог. Но я просто исчезла из его жизни.

– Он не делал попыток вернуть тебя? – спросил обуреваемый ревностью Пандробан.

– Поначалу – да. Но потом осознал, что нельзя вернуться к пустому месту. Он сумел увидеть моими глазами, и в этом ракурсе не нашёл в мире самого себя.

– Где он сейчас?

– Его давно нет в живых, – сказала Мира со светлой полуулыбкой.

– Как он умер?

– Говорили, что покончил с собой. Причин я не знаю. Не знаю даже, правда ли – самоубийство. Примерно через два месяца после нашего расставания.

Пандробан побледнел. Его штормило от мутной, зловонной и нарастающей тревоги.

– Ты точно не любишь его больше? – тихо спросил он. – Или только стараешься разлюбить?

Его грудь сдавил спазм от Мириного весёлого хохота, и терзавшая его дрянь выплеснулась из него с оглушительным выдохом. Мира провела рукой по его лицу, разглаживая взбаламученные воды внутри него.

– Тебе следовало выучить меня получше, – она коротко прищурилась.

Вот был тот миг, которого он чаял много дней – вот она в мгновение ока оказалась, наконец, здесь, в его доме, то ли в его, то ли в своей спальне, хотя он не чувствовал, что рядом с ней оставалось ещё что-нибудь его, словно она присвоила всё вокруг в комплекте с его душой. Он вцепился в неё так, словно она была деревом на отвесной скале.

– Мне жаль твоего бывшего, – признался он, лёжа на её обнажённых коленях, вдыхая запах собственной спермы и дым собственной сигареты.

– Глупо жалеть людей. Они обретают то, к чему стремятся. Слепо или преднамеренно, – сказала она, лениво лаская его волосы.

Одевшись, они некоторое время сидели рядом на кровати. Мира, по своему обыкновению, – выпрямив спину и скрестив руки на коленях. Он – обнимая и поглаживая её плечи.

– Ты носила другое имя? – спросил Пандробан.

– Да, – просто сказала она.

– А в тот день, когда Аркадий заметил тебя на уступе и позвал меня, ты намеренно оказалась там? Или случайно?

– Я часто загорала поблизости.

– И всегда голой? – промычал Пандробан.

– Разумеется, – Мира с достоинством качнула головой. – Однажды я увидела тебя на террасе. Ты был с женщиной.

– С Кариной.

Мира брезгливо пожала плечом, которое он тут же страстно поцеловал.

– И решила попасться мне на глаза? – растроганно проговорил Марат Игильманович.

– Я просто загорала, не стыдясь твоих камер, – сказала Мира, своей уклончивостью доканывая его тщеславие.

Из спальни энергичным шагом вышел суровый Марат Игильманович. Аркадий предупредительно ждал его у лифта.

– По камерам пока отбой, – распорядился Пандробан и деловито затрусил по лестнице.

– Я ничего не устанавливаю, – уточнил управляющий утвердительным тоном.

– Я же сказал: пока отбой.

Глава 3. Отчаянные решения

– Я не стану обременять вас своим именем – те, кому оно однажды станет интересно, выяснят его самостоятельно, – молодой лектор выступил из-за стола: гладко выбритый, в приталенном коричневом костюме, голубой рубашке и галстуке в тон костюму. У него было широкое выразительное лицо с крупными рыжими бровями и цепкий взгляд, подёрнутый лёгкой дымкой. – Думаю, многие из вас задавались вопросом: зачем ботаникам культурология, – он благосклонно растянул губы в ответ на оживление в зале. – Что, по-вашему, предполагает мой предмет? Думаете, мы будем твердить иностранные имена, цитировать мудрёные умозаключения и дотягивать за уши хлюпкие выводы унылых доцентов о влиянии культурного феномена на благополучие общества? И не надейтесь! Что есть культура? Культура – это результат фильтрации всех наработок и изысканий. Если философия мать всех наук, то культура – трейлер ко всем наукам и тизер познания. Всё, что человечество назначило истиной, всё, что в принципе достойно внимания в истории человечества, всё это здесь и сейчас, для вас. Будьте готовы задаваться нетривиальными вопросам и находить удручающие ответы. Знакомство с культурным наследием человечества столкнёт вас с самими собой, заставит усомниться во многих жизненных решения, включая и выбор профессии. И в качестве пролога к нашему курсу я предлагаю вам выполнить небольшие тестовые задания: они у вас на столах.

В первом задании студентам предлагалось составить ассоциативные ряды к следующим словам: «созидание», «разрушение», «продать», «отнять», «определённость», «игра», «доверие», после чего ответить на вопрос: «Листья стареют и умирают. Каким листом окажетесь в старости вы и почему?»

Второе задание было очень интересным – предлагалось шесть известных картин, которыми нужно было распорядиться следующим образом: одну картину выделить для фойе театра, другую – передать в детский реабилитационный центр, третью – отдать церкви (или религиозной общине), четвёртую – повесить в приёмной своего офиса, пятую – подарить возлюбленному и, наконец, шестую оставить для своей спальни. Картины были такие: парящая плодоносная «Весна» Ботичелли, «Ночная история» Рубенса, на которой в свете свечи мерцают вопросом лица старухи и девочки, «Суд Соломона» Пуссена – эпическое полотно с матерьми, совершающими выбор у трона напряжённо выжидающего царя, «Дом печали» Мункачи, оплакивающая приговорённого к смерти бетьяра, «Композиция X» Кандинского – разноцветный ритмический ансамбль на чёрном фоне, и «Сын человеческий» Магритта, изображающая делового мужчину под пасмурным небом, лицо которого скрыто зеленеющим яблоком. В решении требовалось не только распределить картины, но и объяснить свой выбор.

Третье задание, заключавшееся в том, чтобы написать формулу Чёрного квадрата, поставило Илайю в тупик. Она таращилась на него большую часть пары и лишь с сигналом к сдаче работ шлёпнула последнее, что пришло на ум: $\infty*0$.

– Время, к сожалению, – сказал лектор, отвлекаясь от книги, которую читал, величаво покачивая ногой. Он отключил будильник и поднялся навстречу хлынувшему потоку студентов. – Я рад наблюдать, что предложенные задания увлекли многих из вас. И пока вы сдаётесь, коротко разъясню смысл вопросов, на которые вы отвечали. Итак, первое задание – ассоциации: это тест на определение психотипа по моей авторской классификации, о которой я расскажу вам на следующей лекции. Заключающая его нотка о стареющих листьях позволит определить абстрактно-образный или формально-логический тип вашего мышления. Второе задание – этико-культурологическая дилемма, которая, с одной стороны, поможет вам немного конкретизировать собственные предпочтения в искусстве, а, с другой, продемонстрирует, как каждый из вас разрешает для себя конфликт «личный интерес – интерес малой социальной группы – общественный

интерес». И, наконец, моё любимое – третье – задание: оно вдохновлено коанами – алогичными, часто парадоксальными вопросами или сообщениями, практикуемыми дзен-буддистами для выхода за рамки мыслительных и познавательных шаблонов. Спешу успокоить тех, кто продолжает лихорадочно строчить, что правильных или неправильных ответов на сегодняшние вопросы не существует. Ваши ответы – лишь отражение ваших сущностей. Чем более они искренни – тем более информативны. В любом случае, плохие оценки никому не грозят.

– В том-то и дело: интересно ответить, как следует, – крикнул парень из верхнего ряда.

– Я буду рад вдвойне, если ради исчерпывающего ответа на эти вопросы кто-то пропустит перекур, – с достоинством сказал лектор.

– Вопросы интересные, но перекур! – фамильярно возразил студент, вскакивая и хватая со стола свою работу.

Илайя мчалась в университетский сквер, где они условились о встрече с Юлием сразу после лекции, но лавочка, где должен был ждать он, оказалась занята кем-то другим. Илайя притормозила и собралась тихонько повернула оттуда, но девушка, сидевшая на скамейке, поднялась ей навстречу, и перед Илайей вспыхнула знакомая рыжина. Илайя узнала Таню.

В элегантном кардигане, не по погоде жарком, досрочно надетом в угоду последнему веянию моды, она бойко зашагала к Илайе, вытянув перед собой руку, как бы готовая схватить её и вести за собою силой, если придётся.

– Привет, не возражаешь немного задержаться здесь со мной? Я хочу поговорить, – деловито предложила она.

– Это неожиданно … – Илайя огляделась.

– Ты ждала Юлия, но его не будет.

Илайя мигнула с молчаливым сомнением.

– Я удалила твоё сообщение о встрече до того, как Юлий его увидел, – закатила глаза Таня. – Поэтому он продолжает думать, что ты занята до вечера и вы увидитесь завтра на фестивале, – видя, что Илайя ошарашена её осведомленностью об их планах, Таня добавила к тону немного укора. – Ты, конечно, захочешь тут же рассказать Юлию, что я читала вашу переписку. Но я настаиваю, чтобы вначале ты меня выслушала. Присядем? – Таня хозяйским жестом пригласила Илайю на лавочку.

Ёжась от её шероховатого взгляда, Илайя с волнительным любопытством приготовилась слушать эту странную девушку, которая уже во второй раз обрушивалась на её сокровенные ожидания.

– Я хочу объяснить тебе, что нас связывает с Юлием, – закинув ногу на ногу, Таня обняла колено ладонями.

Илайя замотала головой.

– Постой! Я не хочу пугать тебя! – воскликнула Таня. – Я догадываюсь, ты влюблена в него. Поверь, я отлично тебя понимаю. Но я также вижу, что ты женщина с большим достоинством, и вряд ли станешь довольствоваться мнимой взаимностью человека, который использует тебя в отместку самому себе, – она замахала руками, как бы прогоняя ошибочные смыслы, с которыми могли быть истолкованы её слова. – Я не утверждаю, будто Юлий к тебе совершенно равнодушен. Я допускаю, что ты нравишься ему – Юлий влюбчив. Но способна ли сиюминутная симпатия разрушить многолетнюю связь? Я знаю об этом человеке всё, что только можно знать. Его желания, цели, методы, чем он руководствуется, принимая решения, что снится ему по ночам и как это влияет на его аппетит. Я знаю путь, который приведёт его к счастью. А ты уверена, что найдёшь этот путь?

– Таня, в твоих словах нет смысла, – пробормотала Илайя. – Я не собираюсь оспаривать вашу с Юлием связь. Или, тем более, претендовать на какую-то роль в его жизни.

– Поясни мне свои слова, – потребовала Таня. – Значит ли это, что вы любовники, объединённые единственно жаждой экстаза? И у вас нет никаких планов на будущее?

– У меня нет никаких планов... Я его люблю… – сказала Илайя.

Доверительная неприкаянность, с которою говорила Илайя, бесила Таню.

– Прямо-таки любишь! – злобно прищурилась она. – И, небось, мнишь, что это взаимно!

– У меня нет причин сомневаться во взаимности.

– А если бы были? Что бы ты сделала?

– Чего ты добиваешься от меня? С какой целью завела этот разговор?

– Я хочу, чтобы ты осознала, что его интерес к тебе – следствие его болезненного разочарования в нас. Я совершила ошибку, которую он до сих пор не может мне простить. Но, Господи, призываю тебя в свидетели перед этой запутавшейся девушкой, что мы с Юлием принадлежим друг другу. Я хотела дать Юлию время, чтобы он осознал: мы нужны друг другу. Но появился фактор, который я не учла – ты! У меня не так много времени, чтобы пустить всё на самотёк и позволить ему исчерпать страсть к тебе. Думаешь, легко было вот так явиться к тебе и просить, нет, требовать, чтобы ты оставила его в покое? Мне пришлось наступить на горло своему женскому достоинству. Но нет того, на что я не пошла бы ради нас с Юлием. Теперь тебе понятнее, какова моя цель?

Илайя несколько раз мигнула и пожала плечами.

– Если ты права – действуй. Мешать я уж точно не буду.

– То есть, бороться за него ты не намерена? – злонасмешливо уточнила Таня.

– Конечно, нет. Но я не исчезну лишь потому, что тебе этого хочется.

– Но если ты убедишься, что не нужна ему, ты оставишь его?

– Сложно представить, что я смогу в этом убедиться.

– Просто будь понаблюдательней.

– Я не стану переступать не то что через живой барьер, но даже через малейшее сомнение, – сказала Илайя, вставая.

Таня улыбнулась.

– Услышать это – вот зачем я приходила, – удовлетворённо изрекла она.

– До свиданья.

– Постой! – закричала Таня и, когда Илайя обернулась, кокетливо ухмыльнулась. – Стоит ли тебя просить, – она подчеркнула это слово. – Ради чистоты испытания не говорить Юлию о нашей встрече.

Ничего не прибавив, Илайя пошла прочь, удивляясь тому, какое сильное действие на неё оказала неожиданная встреча с Таней. Её появление вместо Юлия, тот факт, что она имела доступ к его личной переписке, агрессивная самоуверенность, с которою она желала распорядиться их с Юлием участью, – Илайя никак не могла совместить эти революционные вводные со своими устоями. Всё внутри скукожилось, полочки покривились, и, как ни старалась она расставить всё по местам, стоило только отвести руку, оно тут же сбивалось в кучу.

Добредя до дома, Илайя остановилась, глядя кругом и соображая, чего ей не хватает в знакомом пейзаже. Не хватало неба. Его стёрли, как неудавшуюся часть рисунка, и всё под ним казалось похожим на законсервированную шахту. Мигнула фарами машина, припаркованная через улицу, и тем неприятно поразила Илайю: короткая вспышка будто обнажила её внутренние дефекты, которые, как верила Илайя, должны были исправиться

сами, но которые врачи – узнай о них – захотели бы лечить. За рулём той машины сидел мамин деловой партнёр и приятель Анатолий Красуцкий. Сообразив, что он мигнул в знак приветствия, и смутившись, что столь безобидный жест вызвал у неё тревогу, Илайя радостнее, чем чувствовала, замахала в ответ, перебежала дорогу и юркнула в калитку.

Ещё с порога ей почудился запах дыма и необычная сгустившаяся тишина, придававшая дому не свойственную ему камерность. Илайя пошла на запах и очутилась в кухне. За простым столом, где обыкновенно пили чай домработница и повариха, сидела Ольга с дымящейся сигаретой, пустой рюмкой и початой бутылкой коньяка. Опущенная голова её и плечи вздрагивали – она плакала.

– Илайя! – Ольга заслышала новое присутствие и повернула к дочери зарёванное лицо. – Ты куда?

– Никуда. Я только пришла с пар.

– Всё благополучно у тебя? – шмыгнув носом, улыбнулась Ольга.

Илайя уклончиво поджала губы, отчего стало похоже, что она улыбается.

– Я попала в аварию, – сказала Ольга, чувствуя, что нужно объяснить весь этот антураж и, спохватившись, затушила сигарету в уже прилично наполненной пепельнице.

– Но ты не пострадала? – Илайя критически оглядела мать.

Ольга покачала головой и посмотрела на дочь, как показалось той, виновато.

– Но это всё равно было ужасно. Он появился так вдруг. Сейчас мне кажется, что я могла увернуться, но в тот момент я смотрела, как он приближается, и не верила своим глазам. У меня было чувство, что он коснётся меня и просто сдвинется в сторону, ну, вроде надувной матрас. Кажется, я машинально нажала тормоз. И вдруг этот удар! Ужасно! Машина пострадала, но терпимо, – продолжала Ольга бодрее. – В какой-то момент я догадалась позвонить Анатолию. Не представляю, что он предпринял, чтобы всё разрешилось. Когда всё было кончено, он привёз меня домой, – горестная кривизна тронула губы Ольги. – И теперь я сижу и думаю о своей жизни. Насколько всё в ней ненадёжно. Ты меня знаешь: я привыкла идти по жизни без страха, и вдруг осознала, что абсолютно беспомощна, – заметив, что глаза матери вновь наполняются слезами, Илайя почувствовала, что и сама готова следовать примеру.

– Ты в шоке, – подбодрила она Ольгу. – Он пройдёт, и всё забудется.

– Не-ет, – строптиво протянула Ольга. – Как такое забудешь? Как я смогу теперь положиться на себя, если знаю, что в ответственный момент могу подвести? Нет, Илайя, – вдруг воскликнула она с яростью. – Я выхожу замуж.

Лицо Илайи озарилось огнём, который зажёгся в глазах матери.

– Мы с Анатолием поженимся, – выпалила Ольга, сурово и испуганно побледнев.

– Он… сделал тебе предложение?

– Много лет назад, – Ольга улыбнулась сквозь испаряющиеся слёзы. – Вскоре после развода с твоим отцом.

– Почему ты не согласилась тогда?

– Думала, что разочаровалась в браке окончательно.

– И ты думаешь, что его предложение всё ещё в силе?

– Сегодня он повторил его, – Ольга подняла бровь, не скрыв торжества.

Илайя смиренно мигнула.

– Хочешь выпить со мной?

– Почему бы и нет, – отозвалась Илайя, вызывая взрыв нервного смеха у Ольги.

– Вот уж не думала, что ты согласишься! Брякнула на кураже – а тут! Ну что же! Будешь коньяк или откроем шампанское?

– Пусть будет то же, что у тебя.

Ольге пришлось открыть несколько шкафчиков, прежде чем она нашла вторую рюмку.

– Папа уже в курсе? – спросила Илайя, пригубив коньяк.

– Нет. Я только сейчас это решила. Так что в курсе только ты, – Ольга глубоко вздохнула и посмотрела на островок отчаяния в виде полной пепельницы и бутылки коньяка на столе с некоторой ностальгией – словно то было не её теперешней декорацией, а музеем событий, случившихся с кем-то из её предков.

– И Анатолий не в курсе? – уточнила Илайя.

Ольга лукаво улыбнулась.

– Он ждёт тебя у дома, знаешь?

– Всё ещё стоит? – небрежно спросила Ольга, хотя слова Илайи её явно не удивили. Илайя тут же подумала, что из кухонного окна, если отодвинуть занавеску, отлично видно машину Анатолия. – Ну что же, тогда я вознагражу его терпение, если не нужна тебе сегодня очень срочно.

– Конечно.

– Чем займёшься? – Ольга стала перед зеркалом поправлять макияж. Её голос звучал бодро, но в нём ощущалась нервозность.

– Расправлюсь с домашним заданием и постараюсь выспаться.

Ольга ещё покрутилась перед зеркалом, и потом направилась из кухни со словами:

– Ничего здесь не трогай, я поручу Дарье всё убрать, – на пороге она вдруг обернулась и доверительно понизила голос. – У тебя хорошая интуиция. Как ты думаешь, всё хорошо сложится?

– Сейчас я слышу только свою надежду. И она говорит, что да.

– Моё лицо не слишком заплаканное?

– Немного.

– Именно такое женское лицо глубже всего западает в мужскую душу – ты знала об этом? – подмигнула Ольга, исчезая.

Оставшись одна, Илайя долго боролась с порывом позвонить Юлию, назначить ему встречу и скорее уладить терзавшее её недоразумение. Ей не хотелось принимать навязанную Таней игру, но она сознавала, что хотя этот порыв прикрывался благородным стремлением к полной откровенности с Юлием, в действительности за ним стояла ребяческая жажда утешить ревность, и она приняла вызов: во что бы то ни стало преодолеть свою слабость.

Когда стемнело, Илайя влезла под одеяло, сдвинула занавеску и посмотрела в окно. На тополе ворошились листья, бередя новую невидимую тягость её души. Проверив её мыслями о свадьбе матери, Юлии и Тане, Илайя убедилась, что она восходит не к ним. Глубинная и как-то быстро проросшая в сердце, она воплощалась то внезапным равнодушием к событиям сегодняшнего дня, то странным предчувствием, то неизъяснимым страхом, то образом моря – спокойного и посеребренного луной – таким отчётливым, словно оно действительно было за окном.

Илайя легла на спину и усилием воли подумала о Юлие, но сердце деликатно отвергло эту мысль; и, вырываясь из мглистой тревоги, в её засыпающем сознании проступил образ Асседии, окрыляя её интуицию и выманивая у неё, прежде чем она уснёт, обязательство скорой встречи.

Глава 4. Фестиваль «Избранник ветров»

Накануне фестиваля Юлий, чтобы избежать разговора с отцом, заночевал в лаборатории своего друга-геофизика, и заскочил домой в последний момент – принять душ и переодеться. В кухне его поджидал Михаил.

– От неё? – ворчливо спросил он.

– Я ночевал в университете, если ты об этом.

– Зачем?

– На то были свои причины. Я не буду обсуждать с тобой Илайю и наши отношения. Но если уж ты упоминаешь её, то прошу называть по имени.

– А я прошу, чтобы ты прислушался к дельному совету. Илайя твоя не от мира сего. И ты с нею таким же становишься.

Юлий раздражённо кивнул.

– Я Таню выдернул из нашей глуши и привёз к тебе, чтобы вы все свои размолвки решили и расписались, наконец. Я этими же днями переоформлю на вас квартиру, и пусть остаётся. Она трудолюбивая и бойкая, дорогу себе пробьёт.

– Одно слово – забудь, – разозлённый отцовской бесцеремонностью, сказал Юлий.

– Из-за той? – растравленно спросил Михаил, но заметил нехорошую решительность в движениях Юлия и изменил тон. – Угомонись, – приказал он примирительно. – Я масла в огонь лить не буду. Пусть сам перегорит, тогда и увидим, что останется. Жаль только время терять, – он махнул рукой. – Но ты учти, что ту твою я насквозь вижу. У неё глаза смотрят в пустоту. Она за тебя рукой держится, а сама в облаках витает, и чего она там ищет – ты не поймёшь. Ветер дунет – за ним понесётся. И ты за нею не угонишься. А мужчине нужно, чтобы он был центром координат.

– Благодарю за вердикт, ваша честь, – холодно сказал Юлий, дав себе слово не ввязываться в спор.

Шаги в коридоре прижгли разговор, как спичка – распушённый кончик нитки. В кухню впорхнула Таня. На ней было белое плиссированное платье в крупных маках, собранное гармошкой у шеи и обнажавшее плечи. Оно чудесно сочеталось с её строгим лицом, добавляя ему мягкости, и крупным адонисом, который она вколола в волосы.

– Какое счастье, все в сборе! – сияя сознанием своего очарования, воскликнула Таня.

– Выходим, – сказал Юлий. – Мы уже опаздываем.

Летний театр испытывал свои рубежи. Несколько лет назад на этом месте ветшала пустошь заброшенного ипподрома, и вот, вскормленная средствами прогрессивного мецената, она возродилась в просторный амфитеатр с круглой ареной и четырьмя зрительскими ярусами, разбитыми на сектора. Вместо традиционных трибун на них был постелен газон, а посадочными местами служили то раскладные стулья, то ряды скамеек, то кресла-мешки, а всего чаще – и то, и другое, и третье одновременно. Соединение в устройстве Летнего театра античной планировки и демократичного экстерьера, и, особенно, простота и тенденциозность его программного наполнения превратили эту уютную камею в культурно-досужий оазис для населения. Здесь проводили выходные, совмещая пикники и творческие встречи, слушая лекции по гештальт-терапии, маркетингу и урбанистике, поэзию, прозу и музыкальные импровизации известных и не слишком авторов, занимая детей рисованием, тематическими спектаклями, спортивными играми и мастер-классами, а иной раз – просто покачиваясь в гамаках с электронными книгами. По вечерам сюда приходили на роковые или джазовые концерты или в импровизированную школу танцев, поучаствовать в викторинах и просто повалять дурака.

И хотя гостеприимство и лёгкий характер Летнего театра сделали его достоянием самой разной публики, ещё никогда палитра гостей не была такой обильной, как в день фестиваля ветра. Здесь была и культурная элита, и чиновники, и предприниматели, и трогательные неформалы, и розовощёкие ЗОЖники, и гражданские активисты, и богемного вида художники, и многодетные семьи, пестрящие своей обывательской прелестью.

Нижний ярус, где сосредоточилось большинство гостей, – исторический партер – занимали стрит бары с кофе и мороженым, фуршетные столы с закусками, пирожными и пирамидами шампанского. Между ними сновали белолицые мимы, неповоротливые куклы и бойкие аниматоры. На втором ярусе были организованы стихийные квизы: участники стояли вокруг ведущего, который озвучивал вопросы в микрофон, и в отведённое время должны были написать ответ и сдать для подсчёта баллов. Остальная территория отводилась под зрительские места.

На сцене, занимающей один из конструктивных секторов партера, под импровизированным полукуполом дожевывали пирожные музыканты, а в небе над театром, как пчёлы над медоносом, вились дроны. Выше них, вровень с тополями, парили змеи: здесь были и парафойлы – клетчатые турбины с лохматыми хвостами, и воздушные фигуры зверей и птиц, и роторные змеи в форме планет. По центру арены, привязанные к п-образной стойке, колосились серебристые леера роккаку. К ним и направилась Таня, чуть только они с Юлием и Михаилом немного сориентировались. Роккаку представляли собой пёстрые шестиугольные кайты около полутора метров в длину.

– Видите, у них по две стропы, – указала Таня. – Одним змеем управляют двое, – она многозначительно посмотрела на Юлия. – Есть три основных способа ведения боя: поднять змей выше других, разогнать и постараться перерезать нитку противника – она называется леером; если соседний змей окажется выше, то можно бить по его лееру своим парусом. А ещё приём «блокировка ветра» – нужно вывести змея так, чтобы он перекрыл ветер противнику.

– Ишь ты, – восхитился Михаил.

– Да, я немного подготовилась, – кивнула Таня. – Блокировка ветра считается мастерским приёмом, но попробовать мы обязаны.

– Мы? – насторожился Юлий.

– О, а вон Илайя! – Таня показала на девушку в джинсах и чёрной ветровке, что стояла наверху у балюстрады, и рванула к ней. – Привет! Давно ждёшь? Мы минут пять, как пришли, – с этими словами она предусмотрительно посторонилась, пропуская к Илайе подоспевшего Юлия.

– Заметила что-то интересное? – спросил он.

– Как-то всё это… – Илайя посмотрела на парафойлы, качающиеся на воздушных волнах.

– Фантасмагорично, – заключил Юлий.

– Мне по душе, – сказала Таня, задористо скалясь.

Пару секунд спустя, покрывая возбуждённый гомон, из динамика церемонно-зловеще зазвучал голос:

– Дамы и господа! Мы начинаем!

И тут оглушительно грохнули барабаны. И дроны зависли в вышине. А на земле броско замерли мимы.

Ещё удар. Мощнее прежнего. И дроны все разом осыпались с неба и затаились на земле, как мыши, почуявшие опасность.

Форшлаг с акцентом! Красный луч прожектора рассек арену! Ещё форшлаг! Красный луч скрестился с зелёным! Форшлаг! В такт сердцу.

Акцент форшлагом и два удара дробью, и снова акцент, и опять дробь, и опять акцент, и оборванная дробь. И ещё раз тот же рисунок. И ещё, и ещё, отскакивая от мембраны, сыпались удары, и вдруг под этот запинающийся бой с краёв арены к центру, где скучковались дроны, поползли, похожие на ящеров, танцоры. Их тела переливались серебристо-оливковым гримом. Они пластично и свирепо переставляли свои конечности, заполняя всю арену, словно твари, выползающие из-под земли, и подбирались к вибрирующим квадрокоптерам.

Спазм, и в эту ритмическую зыбь вонзилась скрипичная рапира, свидетельствуя, что здесь вокруг них закручивается не что иное, как Пляска смерти. И по мере того, как она, ускоряясь и накаляясь, заелозила по квинтовым ранам, ящеры окружили дронов и стали приподниматься, наползая на них и склубочиваясь.

И тут – зззанс! Яркая вспышка света. И, как от взрыва, выбросило вверх дроны, и следом за ними кувырком выпрыгнули танцоры. Заклокотали флейты, сдабривая фронты и подготовляя нисходящее соло виолончели, стенающей пленницы, ведомой под руки марширующими оловянными солдатиками.

Илайя почувствовала, как тревога, виртуозно создаваемая музыкантами и поддерживаемая энергичным танцем, что переходил то в схватку, то в демонстрацию пластических мелизмов, то в гипнотические игры прожекторов и световых следов, оставляемых виражами дронов, проникает в неё. Ей сделалось дурно, в глазах всё поплыло и не стало ничего твёрдого, за что можно было бы ухватиться взгляду. Она явственно ощутила, как её сердце разбухает от влажного страха. Что-то знакомое в его тональности чудилось ей – он уже владел ею раньше: страх кромешной пустоты, поглощающей привычные аксиомы, страх изгнания из мира, обещанного знаниями и опытом. А окружающие предметы, потерявшие резкость, казались погребёнными под многовековым слоем льда. Она слышала поднимающийся гобойно-скрипичный вал, но не могла разглядеть, как на гребне его в небо взмыла новая стая дронов с чучелами птеродактилей, отчего создавалось впечатление, что это взлетели танцоры, тогда как те, сгруппировавшись, вращались на земле, едва отличимые от квадрокоптеров.

И когда в бушующем море звуков вздыбились скрипичные грифы и скрестились шпаги гобоев, вокруг Илайи стали проступать фигуры: пузыри, цилиндры, оборванные кривые; и в разные стороны потянулись цепи молекул, а внутри молекул светилось фиолетовое пламя, точно кислород горел под действием неведомого окислителя.

Илайя моргнула, и её взгляд сфокусировался на огнях, строящихся в воздухе под завершающие Пляску оркестровые зигзаги.

– Что ты видишь? – выпалила она, уцепившись за Юлия, прежде чем сообразила, что огни – это анимационный футаж на экранчиках квадрокоптеров.

Танцоры и дроны с чучелами птеродактилей смешались, и, продолжая вращение, выстроились на арене в сложную и постоянно метаморфирующую фигуру, которая вскоре стала ритмично сокращаться, как мышца. И когда скрипичная агония достигла своего пика, они почти прижались друг к другу и, наконец, волнообразно вздрогнув, бездыханно рассыпались по арене.

И новым взрывом оглушило Летний театр – то был шквал аплодисментов впечатлённой публики.

– Мощно, – изрёк Юлий. – Кто это такие, вы о них слышали?

– Этно-рок группа «Феникс», балет «Квадрокоптер», – возбуждённо отозвалась Таня, штудируя буклет. – Впервые слышу как об одних, так и о других.

– Ты в порядке? – Юлий наклонился к Илайе.

– Мне не по себе, – призналась та.

– Тебя знобит, – Юлий тронул её лоб. – Жара нет, но тебя всю колотит. Ты не замёрзла? – он хотел снять с себя куртку, но Илайя категорически отказалась.

– Добро пожаловать на бал Избранника ветров! – зазвучал голос ведущего, как только овации чуть стихли. – Сегодня мы играем музыку, которую никто не слышал, и показываем программу, которую никто никогда не видел. Мы чествуем ветер и обещаем вам улётное настроение. Наши бойцы уже извелись от нетерпения, – ведущий указал на привязанных к стойке роккаку. – И мы не заставим долго ждать ни вас, ни их! Ну а пока угощайтесь, развлекайтесь, наслаждайтесь! И не забывайте о шампанском – его тут, как видите, целые горы!

Ведущий ушёл со сцены, а музыканты заиграли убаюкивающую босса-нову.

– Чем займёмся? – спросила Илайя, чтобы стряхнуть с себя настороженное внимание Юлия, Тани и Михаила.

– Юлий бы, конечно, не отказался сверкнуть эрудицией, взять тройку-другую вопросов, – отозвалась Таня. – Но я предлагаю перекусить, пока не началось состязание. Слышали, что он сказал? Уже скоро!

Они спустились к ближайшему фуршетному столу, откуда Таня тут же взяла бокал шампанского и шоколадный маффин и, присев на барьерный выступ, приступила к созерцанию публики. На столе были овощные и сырные канапе, тарталетки с салатами, буше с муссами и икрой, мясные и рыбные кубики на шпажках, слоёные веррины, профитроли с начинкой из морепродуктов, креветки в кляре, виноградные улитки, всевозможные пирожные в таком изобилии, что Михаил затруднился с выбором. Илайя пробовала угощения одно за другим, надеясь отделаться от давешнего наваждения. Юлий проглотил пару профитролей, запил стаканом колы и, тоже шагнув к барьеру, стал изучать обстановку.

– Весь местный бомонд как на ладони, – ухмыльнулась Таня.

– А где Илайя? – спросил Юлий.

– Вон жуёт, – Таня качнула головой. – Гляди – около вазонов ваш мэр с женой и сыном. Этому пацану пятнадцать, на днях он выиграл мотогонку, попал в прессу и был разоблачён – родители, оказывается, были не в курсе его экстремальных увлечений. А рядом с ним – знаешь, кто? Популярный политический обозреватель. Недавно развёлся с женой, с которой они прожили двадцать лет – все были в шоке, ведь у них пятеро детей. А та дама в лоскутном комбинезоне – Лала Бо, супермодный дизайнер одежды, недавно знатно оконфузилась: её платье треснуло на Геле Виртуозной – победительнице шоу талантов и народной любимице – как раз в тот момент, когда та вышла на сцену за премией поп-исполнительницы года. Что стало причиной: то ли нарушенная диета Геллы, то ли профессиональный провтык модистки – до сих пор интрига. А вот, собственно, и сама Гелла – под руку с новым тренером нашей сборной, аргентинцем. На публике он вечно трётся возле неё – пытается создать впечатление, что у них отношения, будто кто-то ещё не знает, что по правде его любовник – Глеб Кротиков, депутат, герой коррупционного скандала, связанного с приватизацией металлургического завода.

– Откуда ты всё это знаешь? – поразился Юлий.

– Соцсети.

Илайя посмотрела на Юлия и Таню в её милом платье, и они показались ей такими родными, а их беспечная болтовня – такой многообещающей, что она заторопилась к ним, ища спасения от дурного предчувствия.

– А вот и твоя Илайя, – демонстративно подвигаясь и уступая ей место рядом с Юлием, сказала Таня.

– Ольга здесь, – сказал Юлий.

– И её я знаю, – сказала Таня, проследив за его взглядом. – Светская блоггерша. У неё много занятных темок, правда, уже требующих более молодого автора.

– А рядом с ней – её жених, – добавила Илайя.

– Да ладно! Ого, они смотрят на нас, мы слишком громко это сказали?

Ольга и Анатолий, кивая встречным знакомым, неторопливо приблизились.

– Добрый вечер, – Анатолий обратился ко всем с одинаковой улыбкой, но, остановившись на Тане, вскинул брови, вытянул шею и блаженно потянул носом. – Вы обворожительны.

– Чего не скажешь о тебе, – недовольно добавила Ольга, обращаясь к Илайе.

– Это моя мать, – пояснила Илайя Тане, которую удивила неделикатность Ольги.

– Ольга Головей – твоя мать?

– Ольга Головей ещё и мать, – услышала Илайя за спиной, обернулась и узнала сенсациониста Витаса Блябова. – Тебе стоит чаще напоминать об этом своим подписчикам – это добавит тебе баллов.

– Сунуть лицо в тантамареску вечных ценностей – только профан может ждать от Ольги такой банальщины, – возразил голос, принадлежавший женщине воинственно-интеллигентного вида, очень похожей на библиотекаршу.

Вокруг них стихийно собралась группа людей, среди которых Илайя узнала многих завсегдатаев маминых приёмов.

– Наблюдая Ольгу в эпицентре этой семейной идиллии, я невольно задаюсь вопросом: чего ради она заглянула на огонёк Летника – культурного досуга или делового шпионажа, – подвернулся Шкодный Жорж, авангардно-консервативный писатель, с которым Ольга на днях повздорила в комментариях к фейсбучному посту о разнице между рустикальным и экологическим стилями в одежде. Он многозначительно поглядел на Ольгу, явно гордясь концентрацией намёков в своей реплике и как бы ожидая, на какой из них она выберет отреагировать: на характеристику общества Анатолия эпитетом «семейный» или на обвинение в неоригинальности.

– С таким локомотивом, как вы, Георгий, слухи грозят опередить события, – с гордым смущением ответила Ольга и любовно покосилась на Анатолия.

– Одной мне показалось, что Жорж диагностирует у вас антиконкурентную лихорадку? – выдувая облако пара, подкралась неотразимая Лиза Бронс и, встретившись взглядом с Илайей, подмигнула ей.

– Если на мысль о лихорадке тебя натолкнул цвет моего кимоно, то знай, что это лишь жест доверия талантливому дизайнеру, – с достоинством ответила Ольга.

– Очевидно, что он имел в виду королеву бала, – вклинился широколицый бородач Макс Славин, выскочка-комментатор, недавно заявивший о себе в большом спорте и ещё не вполне отесавший свои перлы. – Миру Пандробанову. Приношу извинения дамам – видали, как они покривили носы: мамзель Манн.

– Должна сказать, что мой интерес к ней определённо подогрелся, – призналась Лиза. – Просвещённые люди ничего особенного не ждали и опасались даже шансона, а тут чувствуется вкус и концепция.

– Что вы сказали о Мире Манн? – неизвестный с фотоаппаратом фамильярно тронул Макса за руку.

– Жду не дождусь, как и вы, – отталкивая наглеца, брезгливо отчеканил тот. – Видали? Их там целый отряд: дежурят на всех входах.

– Кто дежурит? – не понял Шкодный Жорж.

– Папарацци, – сказал Витас Блябов. – Объективы засунули под мышки, и ходят-курят, косят под гражданских.

– Именно, – поддакнул Макс Славин. – Внутри уже всё прочесали – не нашли. Но я зуб даю, что её где-то тут прячут. В толпе даже, очень может быть.

– В толпе бы её заметили, – возразил Анатолий.

– Веско! – гоготнул Макс.

– Можно подумать – очередная грудастая краля, – брякнула фолловерша Ольги библиотечного вида.

– Меня уверяли, что рядом с нею Нефертити – кроткая простушка, – парировала Лиза Бронс.

– Ну, кому как не вам, журналистам, знать, как сильно слухи склонны преувеличивать факты, – оскалился Шкодный Жорж. – Правда, госпожа Головей?

Ольга проигнорировала вопрос, зато одарила загадочным взглядом Анатолия и сделала движение, говорящее, что желает уйти, и когда он подхватил это движение, с царственным видом кивнула в знак прощания:

– Приятного вечера.

С уходом Ольги рассосались и остальные. Одновременно объявили перерыв музыканты, уступая место бархатному шуршанию человеческой болтовни.

– Кто бы мог подумать, что ты дочь светской львицы, – шепнула Илайе Таня. – Чистокровная светская киса. Впрочем, притворяющаяся мышкой.

Илайя застыла в растерянности из-за того, что колкость в духе тех, что сыпались градом в мире её матери, но всегда обходили её стороной, была теперь нацелена непосредственно на неё, словно она перестала быть неуязвимой.

– Нам надо подобраться ближе к сцене и выследить организаторов, – сказал ей на ухо Юлий.

– А пойдёмте к змеям! – взмолилась Таня. – Может, разрешат запустить на пробу?

Тут Михаил решительно двинулся к опустевшей арене, вынуждая спутников последовать за ним. Через барьер он, правда, не полез и остался у стрит бара, угостившись, заодно, мороженым. Запускать змеев для тренировки оказалось нельзя, но пощупать леера и подержаться за стропы Тане удалось.

– Вы думаете участвовать? – спросила Илайя.

– Только не я, – сказал Юлий.

Таня повернулась к Илайе и насмешливо подмигнула.

– И ведь можно подумать, что так и будет. Если уговорю его состязаться – убедишься, что мы созданы друг для друга?

И оставив Илайю с открытым ртом, Таня улепетнула с арены.

Вследствие неуловимых миграций публики скоро стал заметен новый её таксон. Творческая плевра заместилась огрубевшими слоями депутатов, предпринимателей и политических назначенцев. Всё больше их заскорузлые костюмы теснили арену, да помпезные наряды их спутниц, роскошь которых была призвана простить недостатки их фигур, столь схожих меж собой, одинаково помеченных рябью невыдержанности, сколь схожими были их лица в масках красоты. Встречались среди этих женщин и истинные, эталонные красавицы, чьё сходство сокращалось до взглядов, подёрнутых дымкой скуки.

У алкогольного бара замелькал пиджак Пандробана. Он перемещался от одной кучки соратников к другой, сея рукопожатия и, одолев всю передовую, взбежал на сцену.

– Друзья, гости, сограждане! – старательно проговорил он в микрофон. – Заранее извиняюсь, потому как я не оратор, но рад приветствовать всех вас без исключения, хотя большинство вижу в первый и в последний раз в жизни. Вы знаете, вчерашний я не был бы так счастлив пустить целую кучу денег на ветер, – он погрозил кулаком кому-то, позволившему себе глумливую реплику. – Но сегодняшний я уже не тот, что был вчера. И повод сегодняшней тусовки прост: она так хотела, – он развёл руками. – Вы знаете это чувство, когда вам хочется сделать то, чего хочет она? Если не знаете, то вряд ли вы счастливый человек, – Пандробан прокашлялся, осаждая себя. – Мои партнёры спрашивали: почему фестиваль ветра. Друзья, да чёрт его знает! Пусть Мира Манн сама вам скажет. Здесь всё – от и до – её затея. А ещё меня спрашивали: где Мира? Я говорю: не знаю. Они не верят, – Пандробан ткнул пальцем в толпу. – Ты же слышишь меня, Мира Манн? – Пандробан поднял взгляд над головами. – Я немного изучил тебя и знаю: ты где-то тут, наблюдаешь и слушаешь. Я знаю, ты планировала всё по-своему, но я позволил себе влезть в твой сюрприз, чтобы устроить ещё один специально для тебя. А теперь камеры на меня, я хочу сделать объявление, – Пандробан извлёк из нагрудного кармана крошечную чёрную шкатулку.

Когда он вновь поднял глаза, их вдруг застелил ужас. Заметив это, люди стали оборачиваться и увидели в небе воронку смерча, подвигающуюся к Летнему театру. Одновременно задуло со всех сторон. Раздались испуганные возгласы. Пандробан оборонительно наклонил корпус, словно собирался сразиться со стихией. Но не простоял так и двух секунд – его буквально вытолкали за кулисы офицеры личной охраны.

Воронка, тем временем, придвинулась к арене, дотянулась до земли и стала выписывать восьмёрки перед сценой. И в ту же секунду раскатисто зазвучал тромбон, погашая зачинающуюся панику – стало понятно, что это обещанное иллюзионистское представление.

Заиграли нечто исступлённое. Главными были ударные: они неслись, подстёгиваемые скрипичными кнутами, сбивались на басовые вибрации, сколачивали мосты через тромбоновые бездны. С первыми же аккордами смерч рухнул на землю и, разбившись в пыль, обратился черноволосой танцовщицей в виде красного ангела. Раздались аплодисменты и поощрительные возгласы.

Красный ангел скрестилась с бешеным ритмом в шалом чувственном танце. Её платье колыхалось хоругвью свободы, а лицо выражало блаженство отверженной, но тут на арену опустились четыре облака. Они закружились вокруг насторожившегося красного ангела и в неуловимый момент преобразились в двенадцать белых ангелов. Новые танцовщицы были тоньше и воздушнее красного ангела. Они окружили её и, заигрывая с нею и ласково увещевая, стали набрасывать на неё белые ткани и сыпать белую пудру. Но красная строптивица сбрасывала навязанные одежды, отряхивалась и норовила вырваться из круга. Тогда они стали щипать её, дёргать полы её платья и бить по щекам. Красный ангел угрожающе взмахнула руками-крыльями, и тогда былые ангелы сплотились вокруг неё, подхватили её и, свирепо взревев, вонзили в её смуглую кожу белоснежные зубы. Барабаны вдруг смолкли, и остался только напряжённый струнный фон. Растерзанное тело красного ангела в разорванном платье лежало на арене, а белые ангелы растерянно отступили и принялись дружно оплакивать несчастную.

И тут из колонок прогремел гром, и над сценой сверкнула молния, и на арену полил дождь. Белые ангелы упали на колени и обратили руки к небу руки, а струи воды смывали с их тел и одежд пудру, обнажая смуглую кожу и красные платья. В конце концов, они, стеная от стыда, расползлись по углам сцены. А вода, скопившаяся на арене, странным образом стянулась к центру и стала подниматься, закручиваясь воронкой. Выросши до человеческого роста, водоворот вспыхнул разноцветным огнём, фыркнул фонтаном искр, и из пламени, преобразуя его в свои ткани, возникла Мира Манн.

– Вон и она, – потрясённо пробормотал Юлий.

– Да… – отозвалась Илайя. – Я встречала её раньше.

– Где?

– То была странная встреча. И она была другой… Вышла из шторма ночью. Точно там и родилась. Из тока волн.

Мира вытянула одну руку к музыкантам, другую – к танцовщицам.

– Балет «Квадрокоптер» и группа «Феникс» – зодчие нашего сегодняшнего праздника! – у неё был густой матовый голос; с этими словами Мира поклонилась рукоплещущим ей артистам. – Ветер – самая тонкая из поверхностных материй. Исходная стихия процессов создания, разрушения и контроля. Воплощение скорости, несущей перемены. Фестиваль ветра испокон веку был сакральным событием у разных народов. Право провести его – привилегия, за которую боролись многие города, порою ценой жизни своих лучших уроженцев. Сегодня эта привилегия принадлежит нам. Там, откуда я родом, битва роккаку – старинная традиция и любимая забава сорвиголов. Ведь считается, что со змеями играют дети стихий. Чтобы победить в сражении, нужно, чтобы ваш змей остался в небе последним. Победитель сегодняшней битвы – избранник ветров – обретёт золотую гиперболическую спираль. Вы знаете, что спираль оценивается в десять тысяч долларов, но советую не торопиться менять её на деньги, ибо в ней скрыто бесценное сокровище – тайна познания стихий. Время сражения – ранние сумерки – выбрано неслучайно: так ни яркое солнце, ни ночная тьма не помешают игрокам хорошо видеть в небе. Битва пройдёт в девять туров. В первых восьми примут участие по восемь змеев. Затем победители каждого тура сойдутся в финальном сражении. Пока заходит солнце, мы проведём регистрацию участников. Дерзайте, и да будет ветер вам в помощь!

Мира отдала микрофон ведущему и устроилась за столиком на краю арены, где юноши-распорядители уже организовывали выстроившуюся очередь. И всё резко зашевелилось, во все стороны забурлили потоки людей.

– Нам нужно вниз, – повысил голос Юлий, чувствуя, что их относит вверх.

– Пойдёмте, скорее! – вторила Таня. – Мы должны участвовать!

– Я не могу! Бери отца! – раздражённо отозвался он, протискиваясь через толпу.

– Торопитесь, у нас считанные минуты до начала сумерек! – разнёсся над Летним театром звонкий голос ведущего.

– Юлий! – продравшись к нему, Таня свирепо схватила его за плечо. – Я никогда не прощу тебе, если ты не пойдёшь сейчас со мной!

Юлий обернулся на Илайю и увидел, что её безнадёжно оттеснили вглубь второго яруса, так что даже кричать было бессмысленно. Он отчаянно замахал ей, но она не сводила глаз с Миры Манн.

– Для комплекта последней восьмёрки у нас остаётся три змея, – объявил ведущий. По арене уже сновали возбуждённые участники с яркими браслетами на запястьях, которые им надевала Мира. На браслетах были указаны порядковые номера. – Всего два змея! Две последние пары – ну же!

– Чёрт бы тебя побрал! – Таня стукнула Юлия кулаками по спине, она едва не плакала от досады.

– Один последний змей! – взвизгнул ведущий.

Перед Юлием образовалась прореха в толпе, чем он тут же воспользовался и сбежал вниз, но при выходе на арену наткнулся на оцепление из юношей в гимназической униформе.

– Извините, выход на арену только для участников сражения, – вежливо сказал один из них.

Юлий запнулся, но за его спиной уже была Таня.

– Так мы участники! Мы на регистрацию! – воскликнула она, подталкивая Юлия в живой коридор, образованный такими же юношами, и они оказались у регистрационного стола. Юлий с жадностью уставился на Миру.

– Добро пожаловать! – глухо сказала она, обращая на него зашторенный изнутри взгляд. – И да будет ветер вам в помощь!

Остальные игроки уже собрались у стоек с роккаку, пробуя леера, озабоченно глядя в небо. Организаторы провели короткий инструктаж, затем бросили жребий, чтобы распределить сражающихся по группам. И бой открылся.

Первая восьмёрка парящих змеев рассредоточилась в небе над ареной. Несколько из них пошли в наступление, другие нервно вздрагивали, выдавая неловкие попытки своих штурманов овладеть управлением. Один змей пустился наутёк, зацепился леской за другого, забился, как стрекоза, угодившая в паутину, и бездыханно опустился вниз, утянув за собой и второго. Оставшаяся шестёрка тоже довольно скоро оказалась на земле. Право участвовать в финальном сражении получил змей, который на секунду отстал в своём падении от других.

Перед второй восьмёркой стояла задача, для начала, запустить змеев в небо. Оказалась она не так легка, и два змея выбыли ещё на этапе взлёта, так и не сумев набрать высоту. Довольно скоро и остальные пали в безыскусном бою.

Когда в небо взмыла третья восьмёрка, и игроки, и публика стали потихоньку входить в курс игры. Полотна роккаку, развеваемые ровным, рутинным ветром, плавно сталкивались друг с другом. Михаил и Илайя сошлись на террасе второго яруса, где были стоячие места. Раскрасневшийся Михаил прихлёбывал пиво и казался миролюбивым.

К тому моменту, когда солнечный глянец на кронах уже обратился прозрачной золой, очередь дошла до предпоследней восьмёрки, в которой сражались Таня и Юлий. Илайя следила, как они берутся за стропы, выпускают змея, как уверенно балансируют, отодвигаясь от схваток и держась поодаль. В конце концов, они дали змеям соперников угробить друг друга, лавируя между сражающимися, пока не остались одни.

– Ат молодчина! – обрадовался Михаил и неуклюже зааплодировал. – Браво!

И хотя соперников уже не было, Таня не торопилась отпускать змея. Наоборот, использовала пустое небо, чтобы испытать те манёвры, о которых читала: разогнала роккаку, попыталась повертеть им в разных плоскостях, поэкспериментировала с высотой.

Наконец, у них отобрали кайт для последней восьмёрки полуфинала, и Юлий с Таней, воспользовавшись короткой паузой, поднялись к Илайе и Михаилу.

– Это реально, теперь ты видишь, это реально! – твердила Юлию Таня. – На финальном сражении нам нужно отработать ту же тактику: не вступать в схватку как можно дольше – тогда часть противников отсеется сама собой, а потом попытаться перекрыть ветер сбоку – это сложный манёвр, но он самый безопасный для нас. Если же нас атакуют, то надо постараться снизить змея и бить в ответ.

– Нам просто повезло. Ты видела лидеров третьей восьмёрки? Как ловко они подкосили остальных! Это явно не дилетанты. И в шестой тоже мастера. У нас нет шансов против них.

– Если наш соперник займёт выжидательную позицию, как планируем мы, – продолжала Таня. – Тогда надо будет хорошенько разогнаться и срезать его леер, – она задвигала руками, показывая движение, как она его себе представляла.

– Слушай её! – пробасил Михаил, горделиво улыбаясь.

Юлий снисходительно хмыкнул, но ничего не сказал.

– Я смотрю, ты вошёл во вкус, – заметила ему Илайя.

– Увлекательная затея, – не возражал Юлий, внимательно следя за последним полуфинальным туром, и вдруг воскликнул. – Гляди, что он делает – пилит леер! То, о чём ты говорила.

– Именно! – подхватила Таня и окрылённо повернулась к Юлию. – Если мы победим! Если мы победим – ты поверишь, наконец, мне, хоть на йоточку?

И снова Илайя заметила напряжённо-поощрительный взгляд Юлия, направленный на Таню.

– Чем примечательна вблизи Мира Манн? – спросила она.

– Как выключенная люстра оперного театра. Роскошная и безжизненная, – отрапортовал Юлий.

А последний бой перед финалом уже ознаменовался победителем, и сумерки входили в ту фазу, когда сиреневая мгла, обволакивая, обесцвечивает предметы. Юлию и Тане пора была бежать.

Азарт господствовал над публикой. Опьянённые им, люди галдели, топотали, по-болельщицки скандировали, а когда на арену вышли финалисты, раздались бурные аплодисменты и даже свист. Игроки разыграли змеев по жребию и разошлись по арене. Юлий и Таня взялись за стропы оранжевого кайта и воинственно переглянулись.

– Какая пара – два голубка под одной крышей, – заключил Михаил, не глядя на приунывшую Илайю.

Для одного из змеев соревнование закончилось во время взлёта. Взяв чрезмерный разгон, он унёсся за пределы театра, зацепился за дерево и увяз в кроне. После пары неудачных попыток освободить своего питомца, участники сокрушённо бросили стропы.

– Проигравший выбывает, – потирая руки, изрёк Михаил.

Чувствуя нарастающую неловкость и странную гнетущую негу, Илайя отступила на два шага.

Стайка пёстрых роккаку над Летним театром напоминала рыбок в огромном аквариуме. Вот две из них сблизились и затрепетали в страстном объятии, которое скоро вымотало их и потянуло вниз, куда-то примерно на уровень круга сладострастников.

– Минус два! – радостно занервничал Михаил.

А Илайя сделала ещё два шага назад и едва удержалась на ногах: верхушки деревьев задрожали, словно от мощного землетрясения. Она поняла, что снова погружается в психоделический транс. Появился зуд в венах, предвещающий выплеск силы. Она ощущала себя Посейдоном, угодившим в бассейн, и лицемерие происходящего подстрекало её сдуть это бредовое действо к чёртовой матери. Потом ей померещился чудак с несуществующего кладбища: он сидел на куполе над сценой, курил свою травинку и, взглядывая на неё, грустно посмеивался.

Илайя посмотрела на Миру, наблюдающую за противостоянием реющей пятёрки. На потушенную хрустальную люстру, как охарактеризовал её Юлий. Но Илайе она вовсе не показалась такой – напротив, была непроницаемым пламенем, сакраментально для Илайи отражающим её глубинные импульсы.

Ещё два змея, подсёченные третьим, спланировали на землю.

– Ура, мои дорогие! – закричал Михаил, чуть не приплясывая.

Оставалось три змея.

Илайя сделала ещё шаг назад, наткнулась на кого-то, проигнорировавшего её извинения, и торопливо поднялась к выходу. Но верхняя терраса была оцеплена, как и арена, юношами в синих жилетах. Двое из них деликатно загораживали фойе.

– Разрешите! – потребовала Илайя, сжимая в кулаках рвущуюся из неё силу.

– Вы хотите уйти? Когда вот-вот определится? Неужели вам не интересно? – изумился один из ребят.

Илайя с досадой обернулась на арену. Два змея нацелились на кайта Юлия и Тани, но те, обманно качнув роккаку и спровоцировав разгон обоих соперников, увели змея в другую сторону, и их противники вынуждены были сцепиться между собой. И пока они атаковали друг друга, змей Юлия и Тани, угадав направление ветра, обошёл их справа, и, когда один из них поверженно канул, накренился как самолёт, совершающий разворот.

– Что мы видим?! Эти ловкачи пытаются перекрыть ветер противнику! – донёсся из микрофона голос ведущего. – И… И! Он вырывается из этой западни, но они преследуют его! И! Он удерживается! Нооо!.. Они обходят его сбоку! И-и-и!!! Он заблокирован! Он задыхается! И-и-и!!! Он низвергается на грешную землю, как Люцифер, сброшенный с небес! Похоже, развязка состоялась! Но что это! Они теряют ветер! Не может быть! Нет, нет! Он сейчас упадёт!

– Пустите меня, – пробормотала Илайя, дрожа всем телом.

Угол её зрения сократился, и на той прослойке пространства, где кислород прежде горел мирным фиолетовым огнём, она увидела пламя, раздуваемое ветром.

– Вам дурно? – к ней подступили, пытаясь взять под руки.

Но Илайя отскочила и повернулась лицом к арене. Ей оставалось разжать кулак и направить ветер в нужном направлении.

Словно задетого воздушной стрелой, змея Юлия и Тани подбросило обратно в победную высь.

– Иии! Да! Да! Да! Как по волшебству! Вот он, наш победитель! Вьётся триумфальным знаменем, отбивая пять выручившему его ветру. Браво!

– Она наша! – завизжала Таня. – Невероятно! Юлий!

– Да, – Юлий нашёл глазами Михаила и, не увидев Илайи, стал искать её по рядам, пока не приметил наверху её движущуюся фигуру.

Илайя проскользнула к боковому выходу, который, ввиду всеобщего ликования, был оставлен без присмотра, и вырвалась из Летнего театра.

– Десять тысяч долларов, – на губах показала Таня.

– Да, – сказал Юлий, протягивая стропы подоспевшему распорядителю.

Таня, захмелевшая от восторга, бросилась на шею Юлию.

– Хотел бы я сейчас быть на месте этого парня, – хохотнул ведущий, жестами призывая публику к аплодисментам.

– Я всегда верила, что вместе мы способны на всё!

– Да, – раздражённо бросил Юлий и стал пятиться с арены, как вдруг ледяной ток прошёл по его венам. Он обернулся. За его спиной стояла Мира Манн и держала его за руку.

– Иманон, – сказала она, как ему показалось, с любопытством.

– Позже я найду вас, – сказал Юлий, освобождаясь, и бегом бросился за Илайей.

Если бы очень зоркий глаз неотрывно следил за Мирой Манн, то и он бы не уловил, каким образом и в какое мгновение она исчезла из Летнего театра. Он заметил бы лишь, что она шепнула пару слов ведущему, тут же объявившему церемонию награждения, и метнулась к партеру, а по закулисной суете охранников Пандробана, которые хватились Миры, догадался бы, что она не воспользовалась служебным ходом. И даже если бы он выглянул в подкрадывающуюся к Летнику полутьму – и тогда не обнаружил бы её, потому что к тому моменту она уже неотступно следовала за Юлием.

ЧАСТЬ 3. ВЫБОР

Глава 1. Лукавая исповедь

Колокольня чернела в сумраке, стынущем у подножья неутеплённой сентябрьской ночи, точно портал вглубь планеты. Илайя смерила её недоверчивым взглядом, пропуская через себя мутный поток скомканных мыслей, утекающий в голодную тьму, что крепчала и разрасталась, доедая память о солнце и безмятежности.

В скорости появился Юлий. Перед тем он успел заскочить в Асседию и, не найдя её там, догадался проверить здесь. Он был очень раздосадован.

– Как тебя понять? Когда мы приблизились к разгадке!.. Мы были с нею лицом к лицу! Она сказала мне: Иманон. Зачем ты сбежала? Что произошло там с тобой?

Илайи скосила взгляд на входную арку колокольни, откуда на неё поплыли искажённые воспоминанием пузатые цепочки молекул.

– Я не могу выразить, что происходит со мной и как это ощущается.

– Я говорю тебе: Мира Манн – не случайная фигура.

– Может быть, – сказала Илайя. – Но ты, Юлий, случайная фигура.

В первую секунду он опешил, затем выразительно кивнул, как бы говоря: ну, приехали, что ещё я сегодня услышу.

– Это всё ревность, – сказал он не без злобы.

– Не отрицаю, – качнула головой Илайя. – И это хуже всего. Я не могу присвоить то, на что претендует другая.

– Но Таня мне не нужна.

– Когда-то была нужна, – упрямо сказала Илайя. – Ты связан с нею в прошлом, а связи не рвутся.

– Но это бред какой-то! То есть, ты отказываешься от меня?

Илайя различила вдалеке тяжёлый шум разгоняющихся волн, предвещающий зарождение шторма.

– Я не смогу дать тебе то, что сможет она, – обречённо сказала она. – Моя жизнь не будет посвящена тебе. А тех, кто нас любит, надо ценить. И, пожалуйста, уходи сейчас отсюда.

Плаксивая луковая сладость, усиленная тем острым чувством реальности, которое высвобождало так плохо ещё освоенные ею внутренние ресурсы, захлестнула Илайю. Она чувствовала повсюду нарастающую вибрацию, и понимала: то растёт ветер, ею же вызванный. Ветер, в котором она сейчас сможет укрыться и прокричаться.

– Уходи! – с досадой крикнула Илайя.

– Не надо повторять мне! – рявкнул он в ответ. – Может, ещё сдуешь меня отсюда?

Илайя решительно обошла Юлия, словно случайную преграду, и вошла в колокольню. Но её стены только усилили холодную дрожь и чувство непоправимой ошибки. Тут же Илайе захотелось вернуть Юлия. Она ступила к выходу, и сердце её ёкнуло от шальной мысли, что снаружи не осталось ничего, кроме фрагментов прошлого, дожираемых лангольерами. Но, заметив совсем ещё недалеко его фигуру, она облегчённо выдохнула и выскочила за ним с твёрдым намерением немедленно всё уладить, как вдруг застыла, точно гусыня, пронзённая стрелой. Вовсе не Юлий был той фигурой, что виделась ей из колокольни.

Против арки, окружённая обломками кирпичей, искорёженными жестяными банками и битым стеклом, стояла та, что нынче вечером триумфовала на сцене Летнего театра, в том

самом платье, что будто материализовалось из пламени. То была собственной персоной Мира Манн. Она подставила ветру, точно скульптору для полировки, своё точёное лицо и потянула носом.

– Сколько сомнения в этом ветре. Сколько в нём жажды уверенности. Но – увы. Источник сух.

Илайя безмолвно шевельнула губами.

– Запах жёлтой магмы в воздухе – признак вторичного ветра. И это значит: аве, Иманон.

– Что означают твои слова?

– Ты хочешь знать о силе, которая исходит от тебя, и я расскажу тебе о ней. И ты поймёшь, отчего она так мучает тебя.

– Но кто ты? И откуда знаешь об этом?

– И об этом я расскажу, – она вытянула руку ладонью вверх, будто отдавая что-то Илайе или требуя чего-то у неё. Лицо её было непроницаемо, глаза смотрели изучающе.

Илайя внутренне шагнула назад, но ноги её передвинулись вперёд, и рука её потянулась к Мире. Мгновение они пристально смотрели друг на друга, а после ветер разбил их рукопожатие, и обе они вошли в колокольню.

– Неказистое местечко ты выбрала для нашего знакомства, здесь и присесть-то негде, – сказала Мира светски-укоризненно, немедленно преображаясь из дикого дитя ночи в гранд-даму. – Мой вариант, кажется, был поудачнее, – с тонким жужжанием подол её платья вдруг засветился оранжевым светом, и Мира без всякой брезгливости оглядела внутренность колокольни, и этим беспечно-оценивающим взглядом стряхнула зловещий налёт с её стен. – Но я повинуюсь желанию Иманон, – и Мира слегка, как бы с ироническим почтением, склонила голову. – Светодиодная лента, – пояснила она, заметив вопрос на лице Илайи. – Вшита в платье. Тяжеловато, но, видишь, оказалось кстати.

– Кого ты называешь Иманон? – спросила Илайя.

– Хранителя ветра. Тебя.

– Кстати, здесь есть, где присесть, – Илайя кивнула на верхнюю площадку и направилась к лестнице, и, поднимаясь, молча удивлялась, как так вдруг притупился страх, как охотно глухая тоска уступила тёрпкому предвкушению. Мира Манн поднималась за ней, как сердечная гостья в гостеприимную кухню. Наверху Илайя помедлила – ей было неловко, что Мире придётся пачкать роскошное платье в пыли и паутине, но та безоглядно уселась на доски и выжидающе глянула на Илайю, пока та устраивалась рядом.

– Ты преследовала меня? – спросила Илайя.

– Твоего друга, – сказала Мира, и Илайе померещилось, будто на секунду из-под светской маски выглянула, точно шлейка белья из-под платья, её мистическая природа. – Я ошибочно посчитала, что импульс силы исходит от него.

– Ты слышала наш разговор?

– Я увидела тебя, – Мира покачала головой. – И этот ветер. И его связь именно с твоей волей стала очевидной.

– А фестиваль – ты организовала его…

– Ради того, чтобы найти тебя, – кивнула Мира.

– Но какова была вероятность, что я окажусь там? Если бы я пропустила его?

– Но ты не пропустила, – снисходительно возразила Мира. – И вероятность была высокая. Я знала радиус поиска, и оставалось лишь привлечь твоё внимание. Меткое название и, конечно, спираль – ведь именно она сработала? Где она у тебя? – Мира не упустила

машинальный жест Илайи, которая украдкой нащупала семиотическое сплетение линий. – На ладони?

– Ты не сказала, зачем искала меня.

– Я искала Иманон, – сказала Мира, своим тоном как бы развивая тон Илайи, но добавив в него мягкое уточнение. – Потому что мы обе с ним, мы обе с тобою, – жертвы непостижимой шутки рока, и ты, Иманон – та, что проживает мою судьбу.

– Что ты пытаешься сказать?

– Я говорю, что я должна была стать Иманон.

Илайя выразительно моргнула, и Мира смиренным вдохом начала свою историю.

– Я родилась двадцать один год назад, третьего февраля, в городе Гарфа – в двух сотнях километров к северо-западу отсюда. Это день и твоего рождения. Моментом моего рождения должен был стать миг между пятой и шестой секундами двадцать восьмой минуты после полуночи. Ровно в этот миг в Фуграде, достигнув девяноста девяти лет, умер некто Лев Костантини. Это имя значилось в его паспорте. Это же имя написали на его могиле внуки его умерших детей. Но настоящим его именем было Иманон. Этот человек родился в селении под Фуградом сто двадцать лет назад третьего февраля, в миг, когда умер Нетто Кан, настоящее имя которого, как ты догадалась, Иманон. Цепочку таких синхронных смертей и рождений я могу продолжать до нескольких тысячелетий в прошлое. Она простирается значительно дальше, но достоверная хроника Иманон прерывается на Ульрихе Артембергском. О том, как передавалась сила ветра ещё раньше, существуют только гипотезы. Согласно одной из них, вторичный ветер существовал ещё до зарождения жизни на планете: миллионы лет хранился в камнях и скалах, а с появлением живых существ началась его передача между ними, пока он, следуя эволюции, не достиг человека. Можно лишь догадываться о закономерностях движения силы ветра в те времена. В наше время сила подчинена девяностодевятилетнему циклу. Но, кроме временного, есть ещё и пространственный фактор. Существует группа людей, посвящённых в тайну хранителя ветра. Они называют себя меркаторами и принимают миссию наставничества Иманон. За сотни лет своих изысканий, оберегаемых от публичности и аккуратно передаваемых преемникам, меркаторы заметили, что сила движется по дуге, пересекающей экватор под углом в восемнадцать градусов. Шаг её отличается по длине, но неизменно следует пропорции дуги. Воссоздав по последовательным координатам мест рождения Иманон полную траекторию, они увидели локсодрому – кривую, которая берёт начало от северного полюса и по часовой стрелке обвивает земной шар: лассо Пуповины. Достигнув южного полюса, она продолжается в обратном направлении под тем же углом к экватору. Накануне появления нового Иманон вблизи места его рождения наблюдается метеоритная активность. Это позволяет меркаторам, отслеживающим движение силы по линии Пуповины, практически безошибочно определять место рождения нового Иманон и его предполагаемых родителей. Когда ребёнок рождается, меркаторы вступают в контакт с его семьёй, удостоверяют знак спирали на его теле и участвуют в его воспитании. Сила зреет в ребёнке по мере его взросления, и к тому моменту, когда готова проявиться, Иманон владеет информацией о своих возможностях, своём назначении и своих обязанностях, – информацией, накопленной поколениями меркаторов за века их существования. Так воспитывалась я. Мой отец был меркатором – точнее, стал им, когда меркаторы нашли его и сообщили, что его новорожденная дочь – Иманон. Свою мать я почти не помню – она ушла от отца вскоре после моего рождения, якобы потому что была много моложе отца и хотела других детей, а отец твёрдо решил посвятить жизнь моему воспитанию – воспитанию, как она полагал, Иманон. К пятнадцати годам я изучила все известные миру науки, в том числе, редкую науку управления ветром. Но сила не проявлялась. В течение года, беспрерывно практикуя раджа-йогу, я пыталась пробудить силу, но её признаков по-прежнему не было. Ещё через некоторое время состоялся совет меркаторов, который

постановил, что, по всей видимости, произошла ошибка, и я не являюсь Иманон. Меркаторы оставили меня, но мой отец не принял их решения. Днём и ночью он сидел за вычислениями и приходил к одному и тому же результату: ошибки в расчётах нет, и я должна быть Иманон. До последнего вздоха он надеялся, что сила проявится во мне. Мне было жаль его, я знала, что он пожертвовал всем, и даже любовью к матери, ради того, чтобы служить хранителю ветра. А сама я примирилась с тем, что не мне суждено было стать Иманон. Точнее, так было поначалу. Я пыталась посвятить себя разным занятиям, но ничто не увлекало меня. Вскоре я совершенно утратила вкус к жизни, и чтобы отвлечься от мерзкого чувства собственной бессмысленности, стала искать объяснение своей неудаче. И однажды, ничего не сообщая отцу, я пришла к моей матери. Я ожидала найти её счастливой замужней женщиной, воспитывающей многих детей, как она хотела. Но встретила одинокую старуху, что жила в убогой хижине на краю заброшенного селения. Увидев меня, она разрыдалась и открыла мне тайну, которую много лет скрывала ото всех на свете: у неё были тяжёлые роды. Настолько тяжёлые, что накануне разрешения она потеряла сознание. Чтобы спасти нас обеих, врачи сделали ей операцию, и вытянули меня из её живота на несколько мгновений раньше, чем умер Иманон. Мать так и не простила себя за то, что ей не хватило сил дать мне родиться в тот миг, что был назначен мне судьбой, и, как я теперь понимаю, именно это стало настоящей причиной и её ухода от отца (ибо она не могла ни признаться отцу, ни продолжать обманывать его об обстоятельствах моего рождения), и её печального существования. Не знаю, правильно я поступила или нет, но привыкши ничего не скрывать от отца, – я рассказала обо всём ему. Эта весть поразила его, но и немного приободрила. Если так, сказал отец, то твоя сила перешла к другому человеку. Он вновь сел за расчёты, и довольно скоро определил три возможных места рождения Иманон. Если Иманон родился в одном из первых двух, сказал отец, то мне останется лишь рассказать обо всём меркаторам, а тебе – зажить обычной жизнью или, если ты захочешь этого, стать меркатором. Он объяснил, что первые две из предполагаемых точек рождения Иманон находятся на лассо Пуповины. Если сила передалась без нарушения исторической траектории, замкнутой вокруг планеты, то сбой в её движении, вызванный вмешательством в процесс моего рождения, не станет фатальным. Но отец не мог исключить, что этот сбой повлёк сдвиг в траектории движения силы и отклонение от лассо Пуповины. Основываясь на теории обратного стремления, он вычислил ещё одну возможную точку рождения Иманон, которая размыкает лассо Пуповины и уводит траекторию силы за пределы планеты. Несколько сотен или даже тысяч лет пройдёт, прежде чем это случится, но коль скоро лассо Пуповины распустилось, человечество неизбежно потеряет вторичный ветер, как некогда потеряло вторичный огонь, вторичную воду, вторичный металл, вторичную гравитацию и мало ли что ещё, о чём можно теперь только догадываться. Чтобы не утомлять тебя подробностями наших с отцом поисков Иманон, скажу лишь, что в первом предполагаемом городе среди официально и неофициально рождённых третьего февраля никто не родился во время, приближённое к половине первого ночи. Во второй предполагаемой точке мы нашли человека, который родился в тот самый миг, но он не был Иманон. Вернувшись в морозную Гарфу из жаркой страны, где мы надеялись встретить Иманон, отец подхватил грипп и отнёсся к нему слишком легкомысленно. Вирус одолел его за несколько дней. Прежде чем впасть в предсмертное беспамятство, отец назвал мне твой город – третью вычисленную им точку. Он завещал мне найти Иманон любыми средствами, и если, на беду, Иманон был рождён в этом городе, умолять его вернуть силу, которая назначена мне. Призвав меня к этой клятве, он оставил меня. Я оплакала отца, поборола навязчивое желание позвать в помощь меркаторов, забрала с собой всё, что могло бы заставить меня когда-нибудь вернуться в Гарфу, и отправилась в Дебриссу. Несколько недель мне потребовалось, чтобы освоиться здесь, найти мецената и воплотить свой план. И вот, наконец, я у цели. Чтобы предаться твоей воле.

Илайя с неловкостью жертвы уличного розыгрыша, которой объявляют, что её снимает скрытая камера, уставилась на притихшую Миру.

– Ты хочешь, чтобы я передала тебе силу ветра. Разве это можно сделать?

– Можно, – кивнула Мира. – Чтобы это сделать, во время действия силы нужно представить её себе в виде любого объекта, имеющего стремление: пусть это будет стрела или ручей или пшеничный колосок – что угодно. И затем нужно направить этот объект вот сюда, – Мира шевельнула кончиком среднего пальца. – Если мой отец прав, и моя судьба – действительно судьба Иманон, то во мне заложены ресурсы, необходимые для синтеза силы, и я смогу принять вторичный ветер.

– Почему ты называешь его вторичным ветром?

– Вторичный – означает, подвластный человеческой воле. Первичный ветер следует собственным закономерностям, и чем меньше вмешательство человека в ветер – тем естественнее и, следовательно, гармоничнее человек взаимодействует с природой вещей. Но пока продолжают рождаться Иманон, человечество сохраняет потенциальную возможность контролировать почти все воздушные процессы на планете.

– То есть, раньше человек мог управлять и другими стихиями?

– Свойства материй и силы, возникающие при их взаимодействии, миллионы лет назад существовали во вторичной форме.

– Но почему они теперь утрачены?

– Согласно теории обратного стремления вторичные и последующие формы явлений возвращаются в первичную форму, если их существование начинает угрожать природе вещей или привычной для нас форме жизни, – сказала Мира, облегчая философскую тяжесть своих слов неопределённо вздёрнутой бровью.

– В чём же тогда был их смысл, если жизнь продолжается и без них?

– Верно, продолжается. Но представь, что вторичный ветер, как и вторичная вода или вторичный металл – это больше, чем просто внешне проявляющаяся сила. Все они воплощают те или иные человеческие возможности и определяют то, чем является человек во Вселенной. Степень его самодостаточности в ней. Теории разнообразны, но многие из них сходятся в том, что вода заключает в себе энергию памяти, огонь – чистоты, гравитация – справедливости. Но знаешь ли ты, что есть ветер… Что есть ветер, Иманон?

Илайя подавленно опустила глаза, бесполезно прислушиваясь к исчерпанному, из последних сил вздрагивающему ветру. Тогда в плотнеющей тишине с неожиданной кротостью зазвучал голос Миры.

– То, что я сказала тебе, – всего лишь слова. Они ничто, если ты не принимаешь их. Истинный ответ должен быть в тебе самой. Ты веришь в предназначение, Илайя?

Илайя настороженно взглянула на неё, удивившись, что Мира знает её имя. Но взгляд, который она встретила, видел все вопросы и ответы, которые Илайя хотела бы скрыть. Не требовалось ничего говорить.

– Разве после того, как открыла силу, ты не ловила себя на мысли, что чужая судьба стала теснить твою собственную? Образы, которые теперь преследуют тебя, смутные желания, отвлекающие тебя от издавна поставленных целей, сомнения, вырастающие на твоём пути – разве ты не чувствуешь их чуждость твоему существу?

Илайя молчала.

– И сама сила – разве она охотно даётся тебе в руки? Разве она не слабнет в тебе? Я вижу, как она реагирует на твои эмоции, тогда как должна подчиняться только твоей воле. Я чувствую, как она рвётся ко мне. И чем я ближе, тем настойчивее.

– Неужели никогда прежде закономерность передачи силы не нарушалась?

– Нарушалась, – кивнула Мира. – В некоторых случаях смерть Иманон наступала преждевременно. Но ещё никогда не нарушалась пространственная основа закономерности.

Илайя закивала, как бы прося Миру не продолжать. И та терпеливо умолкла. Смятение, страх, предчувствие неизбежного – окинув себя внутренним взглядом, Илайя не нашла этих чувств, и лишь безбрежная вязь пресной, разочарованной усталости текла по её руслам. И очень хотелось домой.

– Я вижу, что ты растеряна, – сказала Мира. – Вижу, что твои сомнения только усилились. Я не хочу давить на тебя. Меня уже ищут. И скоро будут здесь. Нам пора расходиться. Но когда я уйду, ты будешь думать о моих словах, и ты не сможешь скрыться от собственных ощущений. Скоро всё разрешится. Ты увидишь, – с этими словами Мира поднялась на ноги. Теперь уже она не была похожа на случайную гостью. Неуловимо переливаясь то светскостью, то мистичностью, то свойскостью, то чуждостью, она возвышалась хозяйкою, повсюду уместная, всеми угождаемая. – Мой отец, умирая, оставил мне жидкий бриллиант, в котором скрыл знание. Я отделила каплю от этого бриллианта и вложила её в спираль, выигранную твоим другом. Если бы я испила всё знание, скрытое в том бриллианте, оно менялось бы под действием моей воли, которая всецело предана отцу. Но я хотела сберечь частичку чистого знания за пределами себя, чтобы она привела меня к Иманон. Теперь я назначаю этой спирали принадлежать Иманон. Возьми её себе, но ты увидишь, что она вернётся ко мне. И тогда мы обе обретём чистое знание.

Мира выставила обе ладони и призывно дёрнула пальцами. Илайя, покосившись на кончики её средних пальцев, положила свои руки сверху и почувствовала крепкое пожатие. Мира значительно кивнула и спустилась вниз. Выходя из колокольни, она потушила светящуюся ленту на своём платье.

Глава 2. Свободные и вынужденные колебания

Утро следующего дня было таким прохладно-искупительным, а фигуры Анны и Леонарда, рассекающие его, как самолёт – небесную гладь, такими утешительными (словно, в награду за неведомые заслуги, позволяя Илайе вернуться из иной реальности с другими, обманчиво сходными фигурами, в лучшую, где вместо настенных панелей, имитирующих морскую волну, – живая зыбь обтекает горизонт, где травы и цветы пахнут духом земли, а не свежевыстиранной тканью), что вчерашняя встреча с Мирой Манн казалась сном.

Леонард намазывал на тосты мягкий сыр, Анна – в пижаме и босоножках на каблуке – разливала заварку по чашкам.

– Ты удивительно точна, я уже собиралась тебя будить, – улыбнулась она, приглашая Илайю к столу.

– С помощью чечётки? – Илайя кивнула на каблуки.

– Нравятся? – засмеялась Анна и подтянула штаны, демонстрируя стройные ноги. – Это новые. Нужно разносить до свадьбы. Как бы амбициозно это ни звучало, я намерена не ударить в грязь лицом на фоне тамошней публики, – заявила она и лукаво покосилась на Леонарда. – Чтобы немного сгладить твоему отцу муки ревности.

– Собираешься флиртовать там с кем-нибудь? – спросил Леонард, огибая подножку, которую так грубо подставила ему Анна.

– Делает вид, что не понял, – я говорю об Ольге. В конце концов, столько лет она оставалась, хоть и бывшей, но твоей бывшей. Само собой разумеется, что её замужество не может оставить тебя равнодушным, – раззадорено продолжала Анна.

– Я пришёл к выводу, что отрицать твои домыслы мне совершенно невыгодно, – пожал плечами Леонард. – Если я не желаю, чтобы иссяк твой запал.

Анна прикусила язык, чтобы не рассмеяться, и лукаво глянула на Илайю.

– Надеюсь, ты не принимаешь всерьёз наши шалости.

– Конечно, принимаю. Они так веско доказывают ваше соответствие друг другу, – сказала Илайя.

– На самом деле, мы оба рады за Ольгу, – посерьёзнела Анна. – Правда, Леонард беспокоится, как ты уживёшься с Анатолием. А я уверена, что благодаря новому мужу Ольга станет меньше циклиться на тебе. Присутствие чужого человека в доме, конечно, будет тебя напрягать, но нужно набраться терпения, и в итоге ты получишь большую свободу от матери.

– А что ты решила насчёт платья на свадьбу? – кашлянув, поинтересовался Леонард. – Закажешь новое или выберешь из тех, что есть?

– Думаю, после вчерашнего я могу позволить себе новое. То бордовое, драпированное, с длинной юбкой, на которое я всё лето заглядывалась. Припоминаешь?

– А что случилось вчера? – с невольным беспокойством спросила Илайя.

Анна переглянулась с Леонардом и загадочно повела головой.

– Вчера у нас была беседа с директором департамента муниципальной собственности, работодателя твоего отца и куратора Асседии. Он пригласил нас на ужин – нам накрыли шикарный стол в ресторане санатория. Он оценил состояние газона и территории в целом, отметил отремонтированную крышу в старом спальном корпусе и, особенно, что ремонт обошёлся без финансовой помощи муниципалитета. Раз пять повторил, что доволен делами твоего отца.

– Но главный итог встречи, – встрял Леонард. – Он обещал ходатайствовать в муниципалитете, чтобы Анну назначили коммерческим директором.

– Здорово! – обрадовалась Илайя.

– Анна изложила свой план развития санатория, и большой человек был впечатлён.

– Он уверял, что моё назначение – формальность, вопрос нескольких дней, – не скрывая ликования, добавила Анна.

– Класс! А что за план развития санатория?

– Если тебе интересно: девяносто процентов гостей Асседии отдыхают по профсоюзным путёвкам. Доходы от них не покрывают расходы санатория. Нынешний сезон стал первым прибыльным за последние шестнадцать лет. И удалось это благодаря тому, что мы, во-первых, продлили сезон до конца сентября, а, во-вторых, зарезервировали несколько комнат для коммерческих путёвок и запустили рекламу в социальных сетях. Вырученных средств хватило на частичную замену коммуникаций и ремонт крыши в третьем спальном. Моя идея в том, чтобы поэтапно увеличивать долю коммерческих путёвок, и через пять-семь лет привести соотношение с льготниками примерно к 40 на 60. Для этого нужен капитальный ремонт одного из корпусов: с современной отделкой, новой мебелью и обслуживанием по отельному типу. Денег на это у санатория, естественно, нет. Поэтому первоочередная задача – добиться финансирования в муниципалитете. У меня уже готовы материалы для такого ходатайства. С учётом нынешних цен на номера, аналогичные тем, которые я планирую для голубого корпуса, и возрастающего потока туристов, это вложение окупится уже через два сезона. Представь, через два года мы выйдем на десятипроцентную прибыль! Если муниципалитет согласится не забирать эту прибыль в бюджет, мы сможем использовать её на реставрацию следующего корпуса. И так далее. В десятилетней перспективе мы вернём дотацию, и нам останется поддерживать стабильную доходность. У санатория есть уникальные преимущества, нужно только правильно преподнести их потенциальным клиентам.

– Анна тонко чувствует туристический спрос, – сказал Леонард. – Она даже рекламную компанию уже придумала.

– Когда ты всё это успела? – улыбнулась Илайя.

– У меня было целое лето и ещё половина весны. Не только же загорать да купаться, – Анна шевельнула бронзовыми плечами. – А как ваш с Юлием фестиваль? Удался?

– Даже очень. В сети наверняка уже куча фотографий.

– Ты поздно пришла, – сказал Леонард. – И вид у тебя усталый.

Илайя отвела глаза.

– Нам было бы спокойнее, если бы вы располагались дома, – сказал Леонард.

Видимо, тоска, испытываемая Илайей при этих словах, отражалась на её лице подобием смущения.

– Мы лишь хотим сказать, что всегда рады Юлию в нашем доме, – с ясной улыбкой сказала Анна.

Илайя кивнула и, вытолкнув себя из утреннего транса, стала собираться домой.

В трамвае, прислонив к окну мутную голову, Илайя вспомнила, что за всё утро не получила ни одного сообщения от Ольги. Это было очень не похоже на её мать, и Илайя допустила робкую мысль, что Анна может оказаться права и, заимев мужа, Ольга переключит внимание на него, а её саму оставит в покое. По дороге она пыталась осмыслить события вчерашней ночи, но её голове, словно пылесосу с засорёнными фильтрами, не доставало тяги, чтобы пропустить их через себя. Добравшись до дома, вся в паутине мыслей, она собиралась прошмыгнуть незамеченной в свою комнату, но её замысел споткнулся о две велюровые кушетки, что материализовались в Ольгином

гостевом зале. Они образовали закуток, в котором примостился журнальный стол из Ольгиной спальни и несколько неизвестно откуда взявшихся пуфов. На столе стояли пиалы с виноградом, рахат-лукумом и сыром, графин с лимонадом, а на полу – ведёрко с шампанским. На одной из кушеток возлежал Анатолий в сиреневом махровом халате и белоснежных носках. Рядом сидела Ольга, одну руку запустив ему в волосы, другою – листая ленту в планшете.

– Привет, Илайя! – воскликнула она. – А я уже собиралась тебе писать!

– Привет, Илайя, – сказал Анатолий с таким видом, точно всю её жизнь, каждый день, вот так сидел на кушетке и деловито-лениво приветствовал её, когда она возвращалась из школы или из института.

– Как дела у отца?

– Прекрасно. Предвкушает ваше торжество.

– Ты же напомнила им, что всё будет очень скромно? В узком кругу, без пафоса?

В эту минуту в зал въехала сервировочная тележка под управлением Ольгиной домработницы Дарьи. Лицо у Дарьи было сосредоточенным, точно у капитана за штурвалом. На тележке, смиренно выдерживая дорожную тряску, покачивался делфтский фарфоровый сервиз: две миниатюрные чашки на блюдцах и заварник. Анатолий вскочил, перехватил тележку, плавно затормозил её и принялся бережно переносить произведения голландского гончарного искусства на журнальный стол, пока не наткнулся на старую кухонную сахарницу, что сконфуженно притаилась на краю тележки.

– Что это? – сипло спросил он.

– Я не знала, сколько класть сахару, – оправдательно отозвалась Дарья.

– Вы же не добавили его в чай? – угрожающе уточнил Анатолий.

– Нет… Вот привезла при вас бросить.

– Слава Богу! Не успели испортить. Точно не бросали?

– Точно! Точно! – Дарья вытаращила глаза.

– Ты совсем замучил мне Дарью, – с извиняющейся и, вместе, счастливой улыбкой проговорила Ольга.

– Кто же виноват, если ей приходит на ум добавлять в чай сахар. Тем более, в зелёный, – Анатолий с ловкостью напёрсточника вписал иссиня-зарный ансамбль в имеющуюся аппетитную композицию.

– Там, как раз, ваши макаронсы привезли, – переведя дух, вспомнила Дарья. – Подать?

– Боже упаси! – протянул Анатолий тоном человека, которого уже не удивишь никакой степенью невежества. – Съешьте сами, раз уж вам далась эта гадость. А лучше прекратите заказывать совсем. Ольге они с этого дня противопоказаны.

– Ты мне испортишь репутацию, – сокрушённо-кокетливо покачала головой Ольга.

– Наоборот! Подниму твои рейтинги, – парировал Анатолий и, критически оглядев натюрморт, достойный достославных земляков достопримечательного сервиза, качнул головой. – Всё готово. Сейчас сфотографируем и запостим. Илайя?

– Если покажете, как, – я сфотографирую.

– Нет, давай-ка к нам. Концептуально-идиллическое фото о всепронизывающем свойстве искусства. Мы как бы намекаем, что истинная эстетика не бывает однобокой. Она – неиссякаемая жажда прекрасного в нашей душе. И это относится как к повседневному завтраку, так и к внутрисемейным отношениям, – Анатолий театрально развёл руками, как бы ограняя путь для Илайи. – Дарья, милая, принесите, пожалуйста, ещё один набор.

– Я пас, – отшатнулась Илайя.

– Прошу!

– Приятного аппетита, – глупо сказала Илайя и направилась через зал к лестнице.

– Зачем нервируешь ребёнка? – укоризненно ухмыльнулась Ольга, поглядев вслед Илайе.

– Я дал ей повод сбежать. А тебе вообще не следовало её задерживать.

– Ладно, – нежно вздохнула Ольга и сконцентрировалась на Анатолиевом натюрморте. – По-моему, прекрасно. Что скажешь обо мне? У меня достаточно свежий вид для такого фона?

– Ты, как всегда, очаровательна, – сказал Анатолий, и в утрированной бесстрастности его тона Ольге почудилось раздражение. – Настолько, что даже некоторые перебои со вкусом никогда не умаляли этого очарования.

– Что ты имеешь в виду? – уязвлённо оживилась Ольга.

– Только комплимент. В конце концов, у всех есть недостатки. Я лишь подчеркнул, что, если тебя и можно упрекнуть в простоте, то тебе это совершенно не вредит.

– То есть, у меня плохой вкус? – с досадой проговорила Ольга.

– Вспыльчивый характер, как минимум, – насмешливо крякнул Анатолий.

Ольга грозно подобралась, взгляд её, нацеленный в одну точку, замешивал, точно венчик, тесто гнева. И вдруг – запнулся.

– Уж не упоминание ли Леонарда вызвало эту пощёчину? – мстительно ухмыльнулась она.

Анатолий с томным видом вдохнул аромат чая и сделал глоток.

– Никогда не понимал, что ты в нём нашла.

Ольгины пальцы отстукивали медленный марш по сдвинутым коленям.

– Что ж, рано или поздно всё становится на свои места. И даже бродяги уходят с дороги на обочину.

Ольга резким брезгливым движением встала.

– Куда ты? – требовательно спросил Анатолий.

– У меня исчез аппетит. Выпью кофе у себя, и всё на этом.

– Остановись, – вдруг рявкнул Анатолий, а в следующую секунду смешался, заметив вернувшуюся Дарью.

– А я чашечку принесла, – промямлила она. – Третью.

– Уже не нужно, спасибо, – старадающе-ласково проговорила Ольга. – Принести кофе мне в спальню, пожалуйста. В моей стеклянной кружке, – подчеркнула она.

– Прошу тебя, остановись, – подступая к ней сзади и сжимая её плечо, потребовал Анатолий. – Пожалуйста. Не нужно кофе, Дарья! – закричал он вслед домработнице. – Извините, что задёргали вас. Ничего больше не нужно, – и снова, понизив голос, обратился к Ольге, чувствуя, как гаснет напряжение в её членах. – Прости меня, я вспылил. Давай спокойно позавтракаем.

Он налил чаю и со светлой виноватой улыбкой поднёс усевшейся обратно Ольге.

Вбежав в комнату, Илайя хлопнула дверью и повалилась на кровать. Она понимала, что с появлением Анатолия новый порядок в доме неизбежен, но не ожидала, что изменения случатся так скоро и коснутся даже тех спасительно-привычных бытовых мелочей, которые часто помогают удержаться на плаву при смене течений. Илайя плохо знала Анатолия, никогда не задумывалась о его сущности, но сегодня он предстал ярким воплощением целой плеяды людей, обладающих талантом придавать ничтожным занятиям глобальное значение, – плеяды, в списки которой, надо признать, метила и

Ольга. Илайя не имела бы ничего против внимания, с каким они следят за аутентичностью сервировки стола, или принципиальности, с какою подбирают одежду, и даже снобизма, определяющего их круг общения, догадываясь, что людям нужны такие вещи, дабы придать плотности бытию и не погрязнуть в бессмыслице – буде подобные причуды не столь навязчиво касались её. Но предчувствие, что отныне всё в доме будет подчинено стремлению плодить фальшивые смыслы, вязать грузила к хохолкам одуванчиков, лишь бы не раствориться во всепоглощающей скуке, – было невыносимым.

Илайе чудилось, что её жизнь, подобно морскому отливу, куда-то утекла от неё, обнажив ржавые сваи разрушенных пристаней, и чуть стоило мыслям подступиться к целительным водам, как они напарывались на штыки и, корчась от боли, возвращались на пустынную сушу, откуда разнузданно маяковали ей. Скоро они швырнули ей под ноги ту, что напомнила о сотне занятий, которым Илайя могла посвятить выходной день, вместо того чтобы задавленно лежать в постели, и от этой мысли Илайя скоро оказалась вся в слезах, и за их пеленой предстала Мира Манн на крыше высокого здания: она закручивала торнадо взмахами рук; и угрюмая старуха в саду переспелых слив – мать Миры; и пресловутая золотая спираль на берегу, и волна, что смыла её в море, как обычную раковину.

Илайя проснулась от стука в дверь и села на кровати. Снова тихонько, но настойчиво постучали. Дверь открылась, и вошёл Юлий.

– Разбудил?

Илайя протянула к нему руки.

– Да, спасибо.

Юлий взял её за руки с некоторой робостью, не понимая: она желает поздороваться или подняться. Илайя потянула его, усаживая на кровать. Юлий был напряжён, но скорее с непривычки, чем от обиды.

– Слава Богу, Слава Богу, ты здесь, – до боли сжимая его руки, твердила Илайя. – Какое счастье, что тебе хватило дерзости вот так прийти.

– Тебе снился дурной сон?

– Если бы только сон! За один день всё перевернулось с ног на голову! Наша нелепая ссора, охотящаяся на меня Мира Манна, мама, которая выходит замуж за этого странного человека, который имеет на неё такое большое влияние.

– Рад слышать, что не одному мне наша ссора показалась нелепой, – сказал Юлий.

– Прости меня! В следующий же миг я захотела вернуть тебя, но ты уже ушёл!

– Это было моей ошибкой, – кивнул Юлий и обнял прильнувшую к нему Илайю, в порывистых жестах которой чувствовался разлад. – Но дело не только в нас. Что случилось с тобой?

Тогда Илайя многословно и путано передала ему разговор с Мирой, и, пользуясь сосредоточенным молчанием Юлия, продолжала говорить о том, что её волновало.

– Меня преследует мысль, что если сила принадлежит мне, то ты не можешь быть моим. Не только ты, всё самое ценное в моей жизни… – будто я больше не имею на это права. Мира сказала одну вещь: что можно не верить словам, но невозможно проигнорировать ощущения. И мои ощущения говорят в пользу её слов. Вдруг она права, Юлий?

– Раз уж она провернула такое предприятие ради того, чтобы найти тебя, значит, её интерес очень велик. И фестиваль доказал, что она умеет произвести впечатление. Но не стоит верить ей без оглядки, Илайя.

– Как же велик соблазн вновь почувствовать уверенность в том, что мы должны быть вместе.

– А ты не чувствуешь?

Илайя грустно покачала головой.

– Я хочу быть с тобой, – сказала она, чувствуя, что на глазах выступают слёзы. – Но какие-то внешние, чужие сомнения терзают меня.

– Они исчезнут, – убеждённо сказал Юлий. – Всё усложнилось из-за Тани и отца. Но послезавтра они уедут. Я решил продать спираль и отдать деньги Тане, чтобы ничто не связывало нас, – он пожал её руку, но Илайя не шелохнулась. Юлий вздохнул. – Есть другая новость, которая может огорчить тебя. Наша кафедра делегирует группу специалистов в столицу для консультирования дипломатической миссии на ближний восток. И меня в их числе. Командировка на три дня. Вылет послезавтра. Как раз успею вернуться к свадьбе – только что я получил приглашение от твоей матери.

Илайя кивнула.

– Я, впрочем, придумаю что-нибудь, чтобы не ездить, – махнул рукой Юлий, почувствовав, как опустилось при выдохе всё её тело.

– Нет, – твёрдо сказала Илайя. – Твоё отсутствие не позволит мне совсем расклеиться. Я возьму себя в руки и подтяну хвосты по учёбе.

Юлий обнял её, и тут же неприязненно дёрнулся на звук открывающейся двери. На пороге показалась Дарья, перед нею – тележка с чаем и бутербродами. Она с умилительной бесцеремонностью вкатила это добро в комнату и с кисловато-вежливой ухмылкой доложила:

– Хозяйка велела, – после чего ретировалась.

– Как у тебя с аппетитом? – подсев вплотную к Юлию, спросила Илайя, которую сцена с нахальной Дарьей и оторопелым Юлием невольно разрядила.

– Твоя дверь не закрывается?

– Кому угодно – пусть входит, – покачала головой Илайя. – Должно ли нас это заботить, если наш мир закрыт, пока мы сами не захотим кого-то впустить?

Юлий взглянул на неё с таким видом, словно только что кончился ливень, скрывавший её черты, и он впервые разглядел её, как следует. Чувство обретения ворвалось в его кровь, и она забурлила.

– Когда всё немного уляжется, я что-нибудь придумаю. Ничто не станет важнее нас, – шептал Юлий, покрывая её поцелуями, и Илайе казалось, будто спокойное синее море баюкает её в своей колыбели.

Глава 3. Покорение “Cosmopolitan Values”

В утро понедельника – дня, когда было запланировано совещание Торговой палаты для утверждения повестки на заседание правительства, – Мира спустилась в столовую Гейши во время завтрака, чего прежде никогда не делала. Появилась она аккурат в разгар трёпки, организованной Маратом Игильмановичем своему охранному батальону по случаю исчезновения Миры с фестиваля и её часового отсутствия, которое продлилось бы неизвестно сколько ещё, если бы Мира не соизволила вернуться домой. Рассредоточенные по столовой на сидячих и стоячих местах согласно званию, люди Пандробана, злые и невыспавшиеся после единственного выходного в неделю, парировали истерические выпады Пандробана угрюмым молчанием. Всё это их изрядно напрягало, потому как, хотя их работодателя несправедливо было бы упрекнуть в скупости, каждый думал одну и ту же мысль: не пристало ему, отставному офицеру разведки, бегать за подвеянной шлюхой хозяина. Пандробан плевался мелкокалиберными угрозами и уничижительными ругательствами, отточенными за воскресенье, и после каждого запала запускал в рот по тюльке, из-за чего был похож на сказочного говорящего медведя.

На Мире был деловой комбинезон с укороченными чёрными брюками и белым лифом, чёрный пиджак и приглушённо-розовые босоножки на каблуке. Она села на свободный стул и, проигнорировав обильный стол, требовательно уставилась на Пандробана. Тот с вопросительным недовольством уставился на неё, пытаясь угадать, что сулит ему это неожиданное явление.

– Мне необходимы полномочия на сегодняшнее собрание, – сказала Мира, и это прозвучало так нелепо, что Пандробан разочарованно фыркнул.

– Я поднимусь к тебе через пятнадцать минут и там поговорим, лады?

Мира, казалось, не слышала его.

– Крукиян, которого ты планировал отправить на совещание Палаты, сегодня не придёт. Я его заменю.

– Я тут, – поднял руку человек в очках без оправы. – Это я Крукиян.

– У вас сегодня отгул, – не сводя глаз с Пандробана, сказала Мира.

– Так, все на выход! – оценив ситуацию, решил Пандробан. – Аркадий! – он энергично замахал пальцами и проследил, как эффективно Аркадий, подобно дворникам на лобовом стекле, очистил столовую от лишних ушей, исподтишка поглядывая на постные лица охраны: не видно ли на них дерзкого упрёка, что он пасует перед бабой. Один из бойцов, узколобый качёк с крупной родинкой на щеке, недоумённо глянул на него, а затем презрительно – на Миру. И у Пандробана взвёлся внутренний курок.

– Мира, я много раз давал понять твоё исключительное значение. И серьёзно рассчитывал, что ум и самолюбие не позволят тебе, как форменной дуре, злоупотреблять моим отношением. Но ты выставляешь меня неваляшкой перед моими людьми.

– Тотальную слежку за мной – это ты называешь исключительным отношением?

– Ты повода не давай – не будет слежки.

Мира угрожающе усмехнулась.

– Марат, ты сделал мне предложение. А ты спросил себя, что должно заставить меня согласиться? Как думаешь, та унылая жизнь, которую ты мне прочишь, может соблазнить меня?

– Чего ты хочешь? – спросил Пандробан, переменив позу. В его лице появилась суховатая сосредоточенность – он уловил намерение Миры вытянуть его из лужицы семейных дрязг,

в которой он захлёбывался, на волну деловых переговоров, где он чувствовал себя опытным серфингистом.

– Я хочу полноценного партнёрства, – с удовлетворением отметив эту перемену, кивнула Мира. – Твой капитал созрел на благодатной почве политической нестабильности – тогда достаточно было удобрить её порцией фарта и смелостью. Но времена поменялись. И сегодня ты на распутье: продолжать ли тебе, не дёргаясь, строить свои дома, или же рискнуть оседлать нового фаворита гонки и поймать струю за пределами хорошо известных тебе течений девелоперского бизнеса. И хотя девяносто девять из ста твоих бизнес-побратимов посчитают ходовым первый вариант, твой кураж зовёт не останавливаться на достигнутом – что-то слабоковское, даже стариковское чудится тебе в первом варианте. И я должна признать: то, что ты провернул с «Бот Ламахуд» и их Антимарой – заслуживает уважения. Я знаю, какими правдами и неправдами ты добился права докладывать на сегодняшнем совещании, и это главное достижение твоей команды за последние годы и реальный шанс заполучить в инвесторы того, на кого ты метишь. Ты не можешь встретиться с ним лично – твоё присутствие на совещании табуировано по репутационным причинам (представляю, как тебя бесит этот пункт протокола), но ты сделал ставку на демагога Крукияна, который славен лишь тем, что своими дебатами усыпляет судейские коллегии. И ты допускаешь, что он сможет убедить такого человека как Виктор Тоньё? Я готова прямо сейчас провести с ним собеседование, и если он найдёт ответы на мои вопросы по существу проекта – я немедленно уступлю ему путь. Но ты и сам знаешь, что я права. Представлять твои интересы должен человек, который знает все тонкости дела и сможет почувствовать личность Тоньё. И этим человеком буду я.

– Я не мог думать, что тебя так глубоко интересует мой бизнес, – с настороженной вкрадчивостью сказал Пандробан, когда Мира закончила. – И насколько хорошо ты осведомлена о моих делах. Откуда – это отдельный вопрос, но не первый.

– Из тысячи вопросов, которые плодятся в твоей голове, выбери один, на остальные я не стану отвечать, – скучным голосом отрезала Мира.

Пандробан закусил верхнюю губу и после секундного раздумья чавкнул.

– Ты выйдешь за меня замуж, если я пущу тебя на это совещание – я правильно понял?

– Неправильно. Я сказала о полноценном партнёрстве. Это значит, что я получу пятьдесят процентов в компании, на которую будет оформлен проект «Антимара», и полномочия на управление твоей долей. Но прежде я заполучу для нас Тоньё. Справедливое испытание для новоявленного партнёра – согласись. Я беру на себя твою стратегическую цель, а ты, при её успешном достижении, берёшь меня в проект на равных правах, – Мира отвела руку в сторону, как бы говоря, что суть её замысла исчерпана.

– А также ты выходишь за меня замуж, – вопросительно уточнил Пандробан, и Мире не понравилась ироническая складка, тронувшая его переносицу, – характерная для человека, заподозрившего, что стал жертвой розыгрыша.

– Если тебе это так сильно угодно, – бесстрастно кивнула она.

– А я серьёзно считал, что ты влюблена, – подобие улыбки затянуло лицо Марата Игильмановича.

– Ты ошибался, – пожала плечами Мира.

Пандробан безрадостно захихикал.

– Поразительная ты женщина, Мира. Ты сама себе поверила? С твоей предусмотрительностью, с твоей проницательностью – какой будет мой ответ женщине, которая говорит, что у неё нет чувств, но она выйдет за меня, если я разделю с ней свой бизнес?

– Заметь, я не требую ничего твоего, – подняла палец Мира. – Лишь право вести новый проект, а свою эффективность я докажу на деле. Прогорит этот проект – и я останусь ни с

чем. Ты же рискуешь только одной из возможностей развития. У тебя были иллюзии по поводу чувств – но причём здесь я, Марат? Я человек ума и дела. Мы можем быть заодно, а можем быть порознь. Я без обиняков озвучила, что требуется мне, чтобы быть заодно. Выбор за тобой.

– Скажи, Мира, ты серьёзно? Думаешь, я поведусь на этот чёс? Буду делать какие-то выборы?

– Тогда спроси себя: что мне мешает встать и уйти, прямо сейчас?

Пуля просвистела в голове у Пандробана при этих словах, в глазах помутилось. Только стальной остропикий взгляд Миры сохранял ясность, а всё вокруг дрожало, стекало и уползало, и вскоре водоворот стал затягивать и саму Миру, так что Пандробан чуть не взмахнул рукой, чтобы схватить её. Что ей мешает? Исчезнуть без следа, как она сделала в субботу, и не вернуться. Пусть даже он найдёт её, вернёт силой, запрёт в солнечных будуарах Гейши, – что дальше? Она станет его безмолвной и бесчувственной рабыней? Как долго он сможет сам сносить свой приговор? А если он найдёт её, но уже в чужой защищённой постели – вариант, который огрел Марата Игильмановича своей безупречной правдоподобностью. И правда, чего ей стоит найти более сговорчивого покровителя? Впервые Пандробан, подытожив слова Миры, узрел ту нехитрую истину, что лишён всякого контроля над ней, и выбор, который она навязывала ему, показался ему сделкой с дьяволом. Внутри него прошли, казалось, месяцы, прежде чем, наконец, проговорил – глухим безжизненным тоном.

– Какие гарантии ты дашь, что выйдешь за меня замуж при всех этих условиях?

– Какие ты сочтёшь подходящими.

Пандробан грузно отодвинулся от стола и с лихостью, которая мгновенно освободила его от дурацкого сходства с медведем, точно он сбросил рекламный костюм, вскочил на ноги и заходил по комнате, взвинченный, колеблющийся, раздосадованный. Наконец, шагнул к спикерфону, нажал две кнопки, и, когда раздалось вопросительное «слушаю», отчеканил:

– Аркадий, живо устрой – пусть приедет нотариус. Сейчас ко мне. Спросит зачем – заверить доверенность. Текст составим на месте, – Пандробан хотел отключить спикерфон, как вдруг вспомнил и мстительно искривил рот. – И ещё одно! Тот салага с бородавкой под носом – с этого момента на меня не работает.

Зал, в котором должно было состояться совещание Торговой палаты, принадлежал историческому зданию биржи: имел шесть массивных арочных входов, роскошно фрезерованный потолок, стены из живописных панно, окна-витражи с колоннами, увитыми пёстрыми змейками, и по бронзовой фигуре в каждой из девяти ниш. По задумке организаторов устаревший пафос должен был располагать к взвешенности при принятии решений. Завсегдатаи совещаний, впрочем, не слишком соответствовали этим ожиданиям – пользуясь законным поводом посвятить рабочий день необременительным беседам в интеллектуальной компании, они месяцами мусолили одни и те же нормотворческие инициативы и без конца возвращали на доработку проекты, претендующие на правительственные гранты. Но в нынешний понедельник всё обещало быть иначе. Ожидалась лаконичная и решающая конференция, потому что председательствовать на ней должен был, в кои-то веки, сам почётный президент Виктор Тоньё. Он возглавлял крупный инвестиционный фонд, который аккумулировал самые прозрачные и ликвидные активы под глобальные инфраструктурные и инновационные программы, и считался одной из самых влиятельных фигур в сфере международного инвестирования и информационных технологий. Чрезмерная занятость не позволяла почётному президенту уделять Торговой палате внимание, полагающееся от него по должности, но эффект от его имени в удостоверительной подписи документов Палаты компенсировал этот дефицит. Сегодняшний его визит, без сомнения, утирал нос злопыхателям из конкурирующих

лобби-групп, внушающим правительству, что отношение господина Тоньё к инициативам Торговой палаты только номинальное.

Виктор был моложавым мужчиной лет сорока пяти с суховато-аристократичным, располагающим к себе лицом, двумя тонкими складками на высоком лбу и одной, более глубокой, на переносице. Место по правую руку от него занимала аккуратная брюнетка, чья гибкая свежесть ещё хранила пыльцу студенческой неискушённости, а строгий взгляд выдавал точки крепления прочнеющей жизненной позиции. Скоро стало понятно, что девушка эта – не просто симпатичная спутница, призванная радовать глаз и разбавлять раздражение. Едва уловимый взгляд, движение пальца или поворот головы Тоньё – и перед ним появлялись бумаги, помеченные в нужных местах, или краткие записи, сделанные её рукой. Она предупреждала его поручения, чувствовала ход его неозвученных мыслей, наперёд знала, какой вопрос он напишет в своём блокноте – словом, они являли собой удивительно слаженную и, притом, почти безмолвную систему. Презентации из повестки дня президент слушал с бесстрастным вниманием, не сводя глаз с экрана, где сменялись слайды к докладам, не глядя на присутствующих, чтобы не смутить их своим любопытством. Тогда как его помощница, напротив, довольно пристально рассмотрела собравшихся и особенно заинтересованно – Миру, которая неподвижно высилась за большим овальным столом.

После обсуждения второй очереди строительства аммиакопровода, проблем производства деталей для капсульных поездов, новаторской технологии переработки пластика и ещё нескольких проектов в том же духе, докладчик перешёл к презентации Пандробана: на экране проиграли ролик с отрывками до тошноты знакомых рекламных баннеров, изображениями популярных брендов и их продукции. Под финальные кадры докладчик заговорил звучным, грамотно интонированным голосом.

– В подборке, которую вы просмотрели, каждый узнает то, что наполняет его ленту в социальных сетях, плейлисты на ютубе, спамовую корзину в электронном ящике, ворох листовок под дверью, фасады дорог и детские письма новогоднему волшебнику. Реклама, реклама, реклама. Товары и услуги, которые сделают нас счастливее; предметы, без которых нельзя обойтись; ценности, которые мы считаем общечеловеческими, не задумываясь, что они воспитаны в нас рекламодателями, дабы мотивировать приобрести очередную ненужную вещь; законы физики, открытые маркетологами, чтобы доказать опасность существования без того или иного бесполезного приобретения, – тут на экране появилось изображение малахитовой шкатулки, немного напоминающей пылесос. – Перед вами – примитивный демодулятор потребительского спроса, созданный на базе алгоритма «Антимара», революционной разработки компании «Бот Ламахуд». Демодулятор – это критический помощник, который на основе анализа ваших биологических и генетических данных, психотипа, темперамента, образа жизни, вкусовых предпочтений и других параметров фильтрует для вас предложения современно рынка. Подобный демодулятор может существовать в виде приложения на любом смартфоне. Но алгоритм, разработанный «Бот Ламахуд», не ограничивается примитивным демодулятором, – на новом слайде появилась женщина с непринуждённо опущенной головой и кувшином. – Это экспериментальный образец персонального микроробота MAM CIA Iacobi 278, или, проще говоря, Бекки. Для оценки осознанности персонального спроса Бекки использует метод моделирования ситуации. Так, на этапе инсталляции, который длится от месяца до года, она инвентаризирует и анализирует все объекты в доме, составляет подробную статистику их фактического использования. Далее, синтезируя эти данные с указанными психологическими особенностями индивида, Бекки с невероятной реалистичностью моделирует судьбу потенциального приобретения и прогнозируемую статистику его использования. Словом, примерно так выглядит дьявол для маркетолога. Однако и это – лишь верхушка айсберга. Потенциал разработанного алгоритма позволяет модифицировать Бекки до глобального организатора всех жизненных процессов. Она

поможет выбрать сферу деятельности, досужие занятия, профессиональных напарников, сексуальных партнёров и так далее по принципу оптимальной совместимости. Это самый объективный и лучше всех знающий вас советчик по всем вопросам, это родитель или, если хотите, няня для взрослого. Это интегрируемое супер-эго. Спектр применения алгоритма прилагается в письменном отчёте. На текущем этапе требуется финансирование для изготовления экспериментальных моделей и их тестирования путём внедрения в жизнедеятельность добровольцев и последующего мониторинга динамики патологических состояний, уровня доходов, деторождаемости, депрессий и самоубийств, – докладчик выразительно отречетативил последнюю фразу и переключился на отчётный тон. – Проект представляет компания «Урбан Глоб Дивелопмент» – УГДа, бенефициар – Марат Игильманович Пандробан.

Виктор Тоньё, обрамив ладонью лоб, сосредоточенно тёр переносицу безымянным пальцем, затем провёл рукой, словно смахивая вырытое из тамошней складки, и заговорил дружелюбно, с лёгким придыханием.

– Проект, безусловно, оригинальный. И для отечественной айти индустрии может стать золотым билетом. Но большой вопрос вызывает причастность к нему УГДы. Зачем правительству иметь дело с посредником, если разработчиком алгоритма является «Бот Ламахуд»? И почему бы не включить в рабочую группу непосредственно акционеров этой компании?

– Потому что именно УГДе принадлежит сам алгоритм, – опережая открывшего рот докладчика, ответила Мира.

Её реплика вызвала к ней все взгляды, включая Тоньё.

– Я всё поясню, – включился докладчик, делая Мире вежливо-предостерегающий жест. – Правообладателем разработки действительно является «Урбан Глоб Дивелопмент».

– В какой форме выражается правообладание? – уточнил Тоньё.

– В форме международного патента на алгоритм «Антимара» и его аналоги, – тут же откликнулась Мира.

– Я прошу соблюдать порядок, – занервничал докладчик. – Я сейчас отвечу на все вопросы.

– Пусть скажет, – президент кивнул на Миру.

– Я позволяю себе вмешаться, поскольку подозреваю, что в распоряжении докладчика имеется не вся достоверная информация, – пояснила Мира, но отнюдь не оправдательным, а скорее одолжительным тоном, и заметила ещё один выразительный кивок Тоньё. – Мало того, что «Урбан Глоб Дивелопмент» является держателем патента на алгоритм, – по условиям действующих контрактов и утверждённого судом мирового соглашения о зачёте долга, ей также принадлежат права на все программы и алгоритмы как «Бот Ламахуд», так и лично её учредителей, которые будут разработаны в следующие десять лет.

– Верно ли, что эти права компания «Урбан Глоб Дивелопмент» приобрела в порядке погашения кредитных долгов «Бот Ламахуд»? – спросил Виктор Тоньё и сделал сдерживающий знак помощнице, которая попыталась что-то шепнуть ему.

– Верно, – сказала Мира с лёгким упрёком в тоне, намекающим, что ей отлично известно, что задающему этот вопрос отлично известен ответ на него. – Три месяца назад положение команды «Бот Ламахуд» было плачевным: против её ключевых сотрудников были возбуждены уголовные дела, их изводили допросами, обысками и прочими прелестями из следственного арсенала, перспективы их были неутешительны.

– Пока не подоспел господин Пандробан и не уладил их проблемы.

– Причём, довольно рискованным для себя способом. Выкупил безнадёжный долг, вложившись в кота в мешке, ведь кто знает, выйдет ли что-то путное из ребят, о которых известно только, что они довольно талантливы и недостаточно дальновидны в бизнесе.

– Действительно, очень благородно, – кивнул Виктор и намёк на эмоцию – лукавая искорка – мелькнул в его глазах. – Значит, господин Пандробан настаивает на самостоятельной реализации проекта?

– В «Урбан Глоб Дивелопмент» будут рады сотрудничеству с уважаемым инвестором и совместной реализации проекта. В то же время, стопроцентная продажа контрактов с «Бот Ламахуд» для нас неприемлема.

– Благодарю вас, всё понятно.

После ещё нескольких презентаций был объявлен перерыв, и всех пригласили в фуршетный зал. Виктор Тоньё, выдержав несколько положенных по протоколу учтивости диалогов, оказался возле Миры, которая со скучающим видом созерцала городской пейзаж, стоя у огромного окна.

– У вас в руках Вдова Клико. Могу я рекомендовать вам Дом Периньон? – президент протянул ей новый бокал. – Смею допустить, что оно больше отвечает вашему существу, если я могу хоть сколько-нибудь судить о нём по вашему облику.

– Прибавьте к этому без лишних вступлений то, что подтолкнуло вас сделать мне это предложение, и я охотно соглашусь.

– Должен признаться, вы поставили меня в тупик со своей УГДой, – заговорил Виктор. Манера его речи – деликатная, с плавными интонациями, с естественным – не утрированным, и не подавляемым – чувством, – тем более выигрывала на контрасте с резким, воспалённым говором Пандробана. – Я лично следил за этим проектом с момента первого анонса в фейсбуке, и в нашем инвестиционном плане он отмечен в числе приоритетных. И вдруг ваш Пандробан, как снег на голову. Когда он успел втиснуться между нами? И эти уголовные дела созрели, как грибы после дождя – поверить не могу, что мы их упустили. Несчастного месяца хватило следственным театралам, чтобы напугать ребят до потери здравого смысла. Хотя, это предсказуемо, – рассуждал Виктор. – Как типичные гении, они совершенно неустойчивы к таким атакам. Надо отдать должное господину Пандробану, сработано технично: его победа и мой безнадёжный просчёт. Всему виной банальная управленческая нерасторопность большой корпорации. Ошибка, за которую я себя не пощажу.

– Стоит ли так драматизировать, – пожала плечом Мира. – В конце концов, устранение любого просчёта – это, всего лишь, вопрос цены. А мы недвусмысленно заявляем, что сотрудничество с вами – наша основная цель.

– Вы же понимаете, что сотрудничество с УГДой совершенно немыслимо для “Cosmopolitan Values”. Его вкладчики никогда не одобрят сделку с подобного рода конгломератом.

– И всё же, это вопрос соотношения ставок. Комплаенс – штука грозная, но так ли уж он непобедим? Брезгливым людям не суждено покорять вершины. А такие люди, как вы, создаёте тенденции, а не следуете им. Если, как следует, захотите, то уже завтра комплаенсы безвозвратно уйдут в прошлое.

– Какую компанию вы представляете?

– Я представляю Марата Игильмановича Пандробана.

– Это я понимаю, – улыбнулся Виктор с почтительным снисхождением. – Из какой вы фирмы? Дильюс, Каперон Майер, Эф Кью Спиноза? Неужели мимо?

– Я представляю Пандробана как его партнёр, – терпеливо пояснила Мира.

– Вот оно что! – Виктор вдруг улыбнулся с какой-то ребяческой робостью. – В таком случае, я оставляю замысел переманить вас в свои представители, понимая его безнадёжность. Но, без ущерба для вашего партнёрства с господином Пандробаном, могу я переманить вас хотя бы к своему столу, ибо здешняя кухня, увы, не вдохновляет на авантюры.

– Не стану водить вас за нос и пользоваться теми преимуществами, которое могло бы сулить сокращение дистанции между нами, и потому скажу, как есть: наше партнёрство с Маратом охватывает все сферы жизни. Я его невеста.

– Невеста? – Виктор Тоньё, судя по его виду, был шокирован этой новостью. – Боюсь представить, каких ухищрений стоило ему заполучить вас.

– Вы же не рассчитываете, что я расскажу вам?

– Не рассчитываю. Но надеюсь. Занятный человек этот Пандробан, – заторможенно проговорил Виктор, всё ещё силясь одолеть потрясение. – Но я не возражаю, если вы воспользуетесь теми преимуществами, которые сможете извлечь из нашего сближения, даже в интересах своего жениха, если это будет достаточным аргументом, чтобы умерить его ревность и позволит вам присоединиться ко мне за ужином сегодня.

– Боюсь, это не послужит аргументом.

– Значит, он настолько ревнив?

– Адски. И о нашей затянувшейся беседе ему, безусловно, доложат.

– Кто именно?

– Обернитесь невзначай, и заметите человека в полосатом пиджаке с малиновым галстуком. Понаблюдайте за ним тихонько, чтобы составить собственное заключение, чья паранойя стоит за ним: моя или Пандробана.

– Надо же, только я обернулся, он отвёл взгляд, а до этого смотрел на меня. Ловко же вы вычисляете шпионов.

– Советую и вам научиться вычислять своих.

– Что вы подразумеваете? – насторожился Виктор.

– Откуда Марат узнал о вашем интересе к «Бот Ламахуд»? – понизила голос Мира. – Ведь он опередил вас буквально на секунду. Как ему удалось так точно всё рассчитать? И, главное, как он мог рискнуть столь существенной для него суммой, если не был уверен, что вы клюнете на эту наживку?

– Вы намекаете, что в моей команде есть засланный человек Пандробана? Вы это точно знаете?

– Лишь догадка. Но разве это можно исключить?

– И вы догадываетесь, кто это?

– Нет.

Президент на секунду уронил лоб на пальцы, потом настороженно вскинул голову.

– Я пытаюсь понять, зачем вам делиться такими неоднозначными соображениями? Уж не ради ли того, чтобы я начал всех подозревать, подверг проверкам доверенных людей и таким способом отвернул их от себя?

– Может, и так. А, может быть, вы мне просто понравились.

Эти слова, и, особенно, тот короткий двусмысленный взгляд, который Мира обрушила на Виктора, несколько обескуражили его. Поэтому деловитое оживление в движениях Миры президент Торговой палаты встретил с растерянностью.

– Благодарю вас за уделённое внимание и за вино, – сказала Мира, перемещая напряжённый взгляд между точками в толпе. – Надеюсь, что зерно, посеянное сегодня, даст изобильную жатву.

– Вот, возьмите, – Тоньё протянул ей визитку. – Есть что-нибудь, что я могу сделать для вас?

– Пожалуй. Вы оказали бы мне огромную услугу, если бы отпустили своего водителя свозить меня в одно место не очень далеко отсюда.

– Никаких проблем.

– Я не вожу машину, и мне крайне нежелательно раскрывать свой маршрут, что станет неизбежно, если я вызову такси.

– Любые объяснения излишни, моя задача – предупредить водителя, все инструкции вы дадите ему сами, – с достоинством заметил Виктор. – Хотя ваше доверие, безусловно, льстит мне.

– Как ваше благородство льстит мне, – пряча в карман его визитку и поворачиваясь, чтобы уйти, сказала Мира. – Что не освобождает меня от открытого счёта по оказанной услуге, – и она стремительно ретировалась, не дав ему возможности возразить.

На время, пока у Юлия гостили отец и Таня, он перенёс своё рабочее место за кухонный стол, и поздно вечером накануне вылета в столицу работал за ноутбуком. Надо было сделать кофе и взять что-то из холодильника (благодаря гостям там всегда было, чем поживиться), но Юлий дал себе зарок встать лишь после того, как просмотрит текущий файл, в котором оставалась ещё добрая сотня страниц. Перед дипломатической миссией, которую он должен был поднатаскать по исторической подоплёке, быту и менталитету одной дальневосточной народности, стояла задача согласовать аренду одного из многочисленных атоллов, попадающих под юрисдикцию этого островного государства, для размещения испытательной базы военно-морских сил. И хотя основные материалы по заданию кафедры были уже готовы, Юлий предвидел, что возникнет вопрос религиозной приемлемости, и заготавливал аргументацию с цитатами местных старейшин. Но никак не мог найти в трудах толкователей священных текстов того, что позволило бы интерпретировать размещение военной базы не как потворство агрессии, но как содействие укреплению защитных сил мирной державы.

В первом часу ночи в кухню на цыпочках вошла Таня выпить стакан воды. Заспанная, смущённая и взволнованная тем, что застала его, и оттого невероятно трогательная, она взглядом на часы показала ему время. Он потянулся и, отстранившись от монитора, мечтательно улыбнулся ей.

– Вылетаешь завтра утром? – спросила она, стоя с пустым стаканом.

– Угу.

– Наш поезд в три часа дня. Мы выключим воду, вытащим все приборы из розеток, всё закроем, не беспокойся.

– Я и не думал.

– Может быть, газ тоже отключить, на всякий случай?

– Это лишнее, – нахмурился Юлий сквозь улыбку. – Всё будет хорошо.

Таня вздохнула и кивнула с кротостью.

– И у тебя всё будет успешно. Понимаю, как ты нервничаешь, но твоё усердие и твой ум не подведут тебя.

– Аминь, – кивнул Юлий, не переставая улыбаться. Потом внутренняя печаль, которую он заметил в Таниных глазах, сдерживающих слёзы, тронула его сердце, и погасила его

улыбку. – Спасибо тебе, Танюша, за все наши приключения. Ты умница. И будь ею всегда.

– Это тебе спасибо, – сглотнула Таня. – За время, которое мы провели здесь. Ты едва ли поймёшь, как много оно будет значить для меня, – она прервалась и снова сглотнула. Юлий испугался, что она вот-вот заплачет, но Таня взяла себя в руки. – И знаешь, что ещё? Ты сказал продать спираль, но я решила, что не буду. Она тебе нужна зачем-то, а мне эти деньги незачем.

– Нет-нет-нет. Мы всё согласовали.

– Я прошу тебя, Юлий, – в сердцах прошептала Таня, чтобы не повышать голос. – Эта спираль – груз на моём сердце. Я не хочу ни её, ни денег, с ней связанных. Я хочу отдать её тебе. Я прошу тебя, не запрещай мне. И не отговаривай. Мне слишком тяжело сейчас, чтобы ещё и на этом настаивать.

– Господи, Таня! – побледнел Юлий. – Зачем же так терзаться!

– Может быть, я и сама не думала, как мучительно будет это расставание, – она выдохнула тяжело, словно ей было мало воздуха.

– Я не знаю, что… – пробормотал Юлий, вставая и неуклюже шагая к ней, но она решительно отступила.

– Нет, не нужно, – она выставила перед собой ладони и опустила голову. Сделала несколько тяжёлых вдохов. – Может быть, не всегда я понимала, что ты – моя зазноба длиною в жизнь. И даже когда я это знала, может быть, не всегда удачно сообщала тебе. Но я не настолько самонадеянна, чтобы не понимать, что насильно мил не будешь. Я доверяю твоим чувствам и твоим действиям. Я во всём на сто процентов тебе доверяю. А значит, подчиняюсь твоим решениям, какими бы прискорбными для меня они ни были. Если я вправе просить тебя о чём-то – то я попрошу, чтобы наши прошлые недоразумения больше никогда не имели над нами власти.

– Конечно, нет, Таня! – перебил её Юлий. Он стоял огорошенный, подавленный, с жужжащей осой на сердце.

– И если я могу спросить – то я спрошу главное: если бы наши прошлые недоразумения никогда не имели над нами власти, как будто их совсем не было, могло бы что-то измениться в этом моменте?

– Конечно, нет, – в сердцах повторил Юлий. Он сказал это отчасти машинально, и лишь когда увидел рассеивающийся дым в зажёгшихся на мгновение Таниных глазах, осознал смысл и её вопроса, и своего ответа, и хотя ответ этот был правдивым, он всё же склонен был подыскать для него другие слова. – Я хочу сказать лишь, что тебе не в чем упрекнуть себя передо мной.

– Спасибо, – обречённо сказала Таня, отводя взгляд, словно для того, чтобы вытрусить из него пепел. – Спокойной ночи.

– Спокойной… – пробормотал Юлий в опустевшей кухне.

Глава 4. Семена раздора

Студенческая жизнь Илайи протекала прямым руслом вдоль покатых берегов. Она добросовестно посещала лекции, отвечала на самые непопулярные вопросы на семинарах, без лишней помощи решала задачи, и успехи её в учёбе были примерными, хоть и не выдающимися. Знания по специальным дисциплинам она воспринимала с любопытством, кое-чем, например, теориями происхождения клеток и бактериями, даже увлекалась, но истинной страсти к изучаемому предмету не испытывала. Тем не менее, на вопрос, не жалеет ли о выборе специальности, Илайя неизменно отвечала, что ничуть: биология, коль уж требовалось человеку какое-то занятие, была близка и приятна ей, как бывает ненавязчивая и смешливая соседка по комнате, раз уж приходится с кем-то уживаться. Так же ненавязчиво строились отношения Илайи с сокурсницами: среди тех, с кем она могла иной раз засесть в кафе или прогуляться по ботаническому саду, самой близкой для неё была, пожалуй, Рита Сойка, предмет обожания неустойчивых неформалов и эрудитов, строго требовательная к себе и одержимая идеей саморазвития. Поддавшись именно на её уговоры, Илайя очутилась на собрании терапевтической группы, где впервые увидела Ледро Лубски. Участники ледровских сред, в числе которых Илайя узнала преподавателя по культурологии, держались на короткой дистанции, обменивались остротами и казусами из студенческой жизни.

Сам Ледро – коренастый мужичок с курчавой бородкой, чёрными глазками и голосом доброго волшебника – появился с минутным опозданием, захлопал в ладоши, словно воспитатель, сгоняющий детвору на места, прыгнул в кресло, прошёлся взглядом по аудитории и, улыбнувшись с хитрецой, сказал, что чувствует всеобщую готовность поговорить о бытовых манипуляциях – явлении, о котором каждый присутствующий, он уверен, знает не понаслышке, и спросил, кому известны признаки того, что им манипулируют.

– Если вы знаете такие признаки, то увидите, что я ничего не придумал сам. Если вы не знаете признаков манипуляций и не хотите их знать, то я вас поздравляю: вы счастливый человек, хоть и очень удобный объект для манипуляций, – вещал Ледро. – Если вы не знаете признаков манипуляций, но не прочь узнать, то вам придётся поверить мне на слово. Итак, игра на чувстве вины. Это когда нам персонально или обобщённо, прямо или завуалированно говорят: «из-за тебя…». «Если ты не вмешаешься, я потеряю все сбережения». «Если такое допустить, у нас будут проблемы с руководством». Или когда мы говорим: «если ты уйдёшь, мне будет очень грустно». «Если ты не навестишь больного старика перед отъездом, он может умереть, так и не увидев тебя». «Если ты не наденешь шарф, то рискуешь заболеть, и тогда наши планы сорвутся». Далее – игра на самолюбии и тщеславии: «Мы с папой будем очень гордиться, если ты сдашь экзамен на отлично». «Дай вам Бог здоровья», – говорит уличный попрошайка, будто оно и правда зависит от его молитв, – Ледро подмигнул кому-то из слушателей. – Манипуляция на «слабо»: помните, в фильме «Назад в будущее» главного героя ловили на уничижительного «цыплёнка», подталкивая ко всяким авантюрам? Или в мелодраме «Влюбись в меня, если осмелишься» паролем к жестоким играм героев было слово «Слабо»? «Кишка тонка!», – скажет тот, кто хочет подтолкнуть нас к действию, которое мы не хотим (а может, не решаемся) совершить. «Я от тебя этого не требую – понимаю, что это выше твоих сил», – разочарованно скажет жаждущий посоревноваться. Следующее – обобщения с подтекстом: «все мужчины сволочи», «все женщины стервы», «всем плевать на меня», «никто на это не способен». Подтекст: докажи, что ты не такой, сделай то, чего никто не сделает. Или, наоборот: «все люди, как люди, а ты…». Подтекст: перестань сопротивляться, будь нормальным, как другие люди. Ультиматумы. Сужение множества вариантов до двух взаимоисключающих: «или ты это делаешь, или я…» – простейшая манипуляция. Далее, лесть через демонстрацию беспомощности или

некомпетентности: «я с этим не справлюсь без тебя». «Никому не хватит духу на это, кроме тебя». Следующее – игра на универсальных ценностях: взаимовыручка, уважение к старшим, сострадание, избегание неловких ситуаций и тому подобное. Человека подтягивают к действию на тросике, зацепленном за нравственные догмы: «нам придётся вызвать из отпуска вашего напарника, если вы не успеете выполнить задание к утру». «Приходи, когда хочешь, но без тебя мы за стол не сядем».

– Здорово, правда? – шепнула Рита Илайе.

– Ещё пример: неадекватное поведение, провокация сильных эмоций, – продолжал Ледро. – Ход, противоположный предыдущему – человека подводят к нарушению универсальных ценностей, провоцируя конфликт или скандал. Поведение, которое сбивает с толку, ставит в неловкую ситуацию, например, публичное уличение в бесстыдстве, жадности и прочих пороках, – докладчик шлёпнул себя по коленям. – Этот список можно продолжать долго. И я не спрашиваю, как часто вы сталкивались с таким обращением. Я хочу спросить, как часто вы применяете подобные уловки в общении с людьми? Проходит ли хоть один день без этого? – Лубски обвёл аудиторию инспекторским взглядом. – И что? Неужели в общении с окружающими вами движут дурные намерения? А теперь представьте, если бы кто-то из ваших близких вдруг прервал вашу реплику и назвал вас манипулятором, – как бы вы себя почувствовали? Признайтесь, задело бы это вас? Вы используете описанные приёмы, даже не задумываясь, что это, по сути, манипуляция. Человеческое общение – это бесконечные взаимные манипуляции. Так стоит ли делать из этого проблему? Ведь иногда человеку не достаёт крошечного импульса, чтобы решиться на нечто полезное для него. Так достоин ли упрёка тот, кто подталкивает человека к благотворному результату? Представьте себя танцовщицей, ведомой умелым партнёром, или пассажиром автомобиля, за рулём которого опытный водитель. Что же плохого в том, чтобы доверить управление некоторыми аспектами своего поведения ведающему человеку, который действует вам во благо? Вопрос: как проверить «качество» вашего манипулятора? Ответ: прислушавшись к ощущениям. Уединитесь и спросите себя: что я получаю? Что отдаю? Что бы я выиграл без этого воздействия? Что бы проиграл? Если чувствуете, что манипулятор чересчур навязчив и стремится к беспрерывному воздействию на вас – это тревожный знак. Человек, который действует вам во благо, никогда не лишит вас возможности разобраться в себе и не побоится утратить своё влияние над вами, – Ледро расплылся в ласковой улыбке – прямо как ведущий детской телепередачи, прежде чем объявить «спокойной ночи, малыши, до новых встреч». – Сегодня остановлюсь на этом. И так как по ходу монолога я почувствовал сильное напряжение в зале и не удивился, обнаружив, что оно исходит от человека, без которого ледровские среды были бы – что девичник без сплетен, я уже в предвкушении выступления моего своенравного оппонента, – Ледро выстрелил указательным пальцем в культуролога. – Итак, Тимур, если вы уже обрели дар речи…

– Пффф…. – заёрзал в кресле молодой лектор, имя которого уже не было секретом для Риты, и та сообщила Илайе, что его зовут Тимур Семуров. – Что же вы не доведёте описание своих приёмов до конца: раскрыть карты слушателю и заявить, будто используете хитрости, которые только что раскрыли и которые благодаря этому кажутся безобидными, в его же интересах. Вы засеиваете в юные головы идею, что манипулятора и провокатора не только не следует избегать, но и следует ценить, если это, так сказать, благой манипулятор. Остаётся один шаг до вывода, что следует во всём довериться вам, – шаг, которые ваши слушатели сделают самостоятельно. А вам того и надо. Я признаю ваш талант психолога, Ледро, но мне прискорбно, что вы расходуете его на маниакальную идею управления людьми.

– Тогда как вы проповедуете самокопание. Однако если им чрезмерно увлечься, то можно докопаться до собственной могилы. Нет уж, надо успеть немного полетать.

– На нитях кукловода?

– Не стоит зацикливаться на ведущем. Подчинение – в природе человека. И если бы многие ведущие не были так навязчивы и корыстны, ведомым не пришло бы в голову считать их угнетателями. Каждому из нас жизненно необходим тот, к кому мы сможем воззвать в случае беды и на чьей совести оставим происходящие с нами несчастья. Не отсюда ли и главный фетиш человечества – Бог? Зачем человек создал его? Не потому ли, что недостатки людей слишком очевидны, а значит, человек обречён рано или поздно разочароваться во всех своих кумирах? Тогда как Бог неприступен, а значит, неуличим, и на всякий его промах у религий имеются неопровержимые защитные аргументы.

– В одном согласен с вами, – пылко заговорил Тимур Семуров. – Насчёт того, кто кого создал – это вы метко. Только вот мотивы для веры очень разные. Я знал человека, который верил в Бога ради того, чтобы его хоть кто-нибудь любил. Но Вы! Зная, что Бог – иллюзия, вы, вместо того чтобы развеять её, играете на ней.

– Думаете, что благодеяете, открывая человеку глаза? Ровно наоборот! Самое тяжкое преступление – лишить человека веры в иллюзию, ничем не заменяя её. Тем более, такой талантливой, как Бог.

– Благодеяние может иметь только одно устремление – освободить человека. Его ум и чувство. От всякого заблуждения. И чем больше вы говорите о подчинении, тем больше я желаю свободы!

– Воюя с иллюзиями, вы не оставили в тылу ни одной боеспособной истины. К чему привела вас ваша свобода? К бездне абсурда.

– Чем абсурд хуже или глупее веры в Бога?

– Жизнь была бы абсурдной, если бы ложное сознание её абсурдности не было таким мучительным. Мука, которую несёт ваша идеология, – вот что разоблачает её. Это болезненная идея, которую человек пропускает в свою голову, как нос пропускает вирус.

– Допускаете ли вы, что абсурдизм – лишь этап на пути освобождения?

– Для тех немногих, кто выживет в его зыбучих песках. Ваша идеология, если и прочит благо для одного (что, кстати, очень большой вопрос), то для большинства чревата трагедией.

В продолжение посиделок Ледро пригласил высказаться других желающих и слушал всех с серьёзным вниманием. Иногда он вопросительно поглядывал на Илайю, но поскольку она всякий раз отводила глаза, он подошёл и обратился к ней только в конце, когда все уже расходились.

– Милая барышня, могу я узнать ваше имя?

– Илайя Плерóва.

– Очень рад новому лицу в нашей скромной компании. Сегодня не удалось, но в следующий раз я подберу момент, чтобы выслушать вас.

– Выслушать насчёт чего?

– Насчёт того, что привело вас на мои среды. Того, что вы принесли к общему столу и до чего так и не дошла очередь.

– Я случайный и невежливый гость. Пришла к вам с пустой головой, – возразила Илайя. – Только чтобы составить компанию подруге. Но спасибо за вашу отзывчивость.

– Значит, вас совершенно не впечатлили темы, которые нам близки, и я больше не буду иметь удовольствия видеть вас на своих средах? – слащаво поинтересовался Ледро, и когда она с плоской улыбкой покачала головой, умилительно вздохнул. – Как бы там ни было, я рад познакомиться. И буду очень рад, если вдруг… – он надел шляпу и поклонился.

Марат Игильманович Пандробан давно подозревал, что его любовница ведёт двойную жизнь. Выходка Миры с Торговой палатой утвердила его в этом подозрении. Отслеживание каждого её физического и виртуального шага не проясняли, как ей удалось разузнать столькое о его бизнесе. Беспокойные измышления привели Марата Игильмановича к догадке, что у Миры есть тайный помощник, который снабжает её информацией и чистит историю браузеров. Всё это попахивало заговором и совершенно уже ни в какие ворота не лезло. Если, допустим, заговор, то зачем в качестве жертвы понадобился он? Для денег, для мести, для какой-то афёры? Почему при полном равнодушии ко всему остальному вдруг такой интерес именно к «Бот Ламахуд»? Что если сами же эти разработчики и засунули Миру к нему в постель, дабы побороться за свою Антимару? Участие «Бот Ламахуд» объясняло и нравственную чистоту её устройств – для программистов такого уровня не составляло труда убрать за собой. Если всё так, то для их авантюры им нужны средства, а они на мели. И тут до Пандробана дошло – спираль! Ну, конечно! Десять тысяч штук. На пустом месте. Спираль – вот что приведёт его к сообщникам Миры!

Жутко возбуждённый этой догадкой, Марат Игильманович бросился в свой кабинет на втором этаже – в слепую кишку Гейши: к бумагам, налоговым платёжкам победителей, где фамилии, адреса, всё, что нужно. Повернулся на деликатный шумок, обыкновенно производимый Аркадием, чтобы дать знать о своём присутствии, и гаркнул:

– Водителя со мной на Малую Албанскую сорок! Срочно! Пусть бросает обед – дам отгул на вечер.

Когда рендж ровер Пандробана прибыл по адресу, Михаил пил чай в палисаднике. Сделав изрядный глоток, он с наслаждением поморщился от его обжигающей горечи и завороженно пронаблюдал, как убойный бампер ровера высунулся из арки, впихнулся во двор и недоумённо притормозил, точно кит, угодивший в Гранд канал. К кому эдакое пугало занесло, подумал Михаил. Должно быть, сват к Борьке-косоглазому: то-то он хвалился, что выдал дочку за богача. Тем временем, из чрева кита извергся человек новопророческого вида и пошёл прямо к нему.

– Здорово, дядя, – кивнул мужик, быковато снимая очки, и, очертив взглядом дворик, взыскал. – Кто здесь живёт?

– Мелкая рыбёшка – крупному хищнику на поживку не станет, – нахально отозвался Михаил.

– Открывай, дядя! – подступил к забору Пандробан.

– С чего мне тебе открывать?

– Боишься?

– Кого? Тебя?

Пандробан сделал движение, будто пытался высосать из зуба застрявший там кусок.

– Мне парня надо. Твоего, небось. Не хочешь открывать – сходи позови. Всё равно ведь найду. А так тебе спокойней. Ну!

– Ты сперва говори, по какому делу, а потом решу, кого позвать: парня или полицию, – лицо Михаила приняло вид шлифованного гранита.

– Ну что ты такой упрямый, – чуть не с обидой сказал Пандробан. Внутренний голос уже заметил ему, что он болван, подвизается как дилетант: вместо того чтобы всё разведать, выбрать момент, прикинуть план действий, заявился спонтанно, без подготовки. Но уж очень было невтерпёж. А раз засветился, то высаживаться теперь нельзя. Отступит – его спалят Мире, и всё пойдёт чёрт те как. – Дядя, ты мне скажи: Мира Манн – бывала тут?

– Аааа! Мира Манн! Теперь я понял! Узнал!

– Понял, узнал! – подхватил Пандробан. – Так, значит, бывала?

– А то – бывала! Бесперебойно! К нам и королева английская на чай по пятницам захаживает! И даже папа Римский раз был проездом – при паломничестве на Всемирный совет церквей.

– Ты мне мозги не пудри! – взревел Пандробан, и увидел в зрачках Михаила, как кровь застилает его собственные глаза. Он мысленно потянул себя за уши, как, бывало, делали воспитатели интерната, чтобы поставить на место зарвавшегося воспитанника, и почувствовал, что ярость отступает. – Дядя, ты деловой человек? Тогда слушай. У меня к тебе ничего, и к парню твоему. Меня интересует один вопрос: бывала ли тут Мира Манн?

Заметив перемену в лице Пандробана, немного успокоился и Михаил.

– Хотел бы я знать, что с твоей Мирой Манн не так, что ты её в моём доме ищешь? Какие нити тебя сюда привели? Если мой сын в чём-то замешан, я слова не скажу, пока не буду знать всё в точности.

– Он выиграл спираль.

– Таня выиграла.

– Таня, – Пандробан пошарил в карманах, нашёл смятый фантик от ириски, огрызок карандаша и собрался записывать.

– Да брось писать! Таня причём?

– Таня – это же его напарница! Я смотрел документы! Имею подозрения, что победа у них получилась неслучайная.

– Ну да! – крякнул Михаил. – Вот оно к чему! Вот и разгадка невиданной щедрости! А я голову ломал: как так – отдать десять штук первому встречному. А оно, значит, выиграл спираль, а теперь верни, потому что сговор! Чистое мошенничество!

– Да не собираюсь я!.. Мне понять надо, как они связаны!

– Кто?

– Мира моя и сын твой! – в сердцах рявкнул Пандробан.

Тут из-за угла появилась крюкообразная фигура старика-соседа, который по почтенному возрасту был не в ладу с мозгами, но до неприличия любопытен. Выйдя на послеобеденную прогулку и завидев рендж ровер, он просиял предчувствием сенсации и с трепетной беззубой улыбкой зашкандыбал к Михаилу.

– Здравствуйте, – растягивая первый слог как фронтовой баян, старик поклонился обоим мужчинам. – Это к вам родственники пожаловали?

– Да, родственник вот, – мрачно сказал Михаил, вставая. Выпустив через ноздри досаду, он впустил Пандробана в дом и прикрыл дверь.

Пандробан прошагал за Михаилом в комнату, а тот, не садясь и не предлагая присесть гостю, повернулся к нему.

– Я сомневаюсь, что мой Юлий как-то связан с твоей Мирой. Он и на фестиваль-то идти не хотел, – и тут, в ответ на недоверие в глазах Пандробана, память подбросила Михаилу подробности. – Но буклет мы нашли у него. Он его берёг для своей подруги. Разве что, через неё…

– Вот! Через кого-то – так я и мыслил! Напрямую было бы слишком паливно. Твой парень мог быть просто посредником, не шарящим, с кем он связался. Кто эта подруга? Как её имя?

– Я не знаю точно. Но она дочка Ольги Головей. Вряд ли она замешана в каких-то сговорах, – поморщился Михаил. – Не тот калибр. Но ты проверь.

– Уж я проверю.

– И между нами уговор, – Михаил вытянул указательный палец. – Кто что узнает – даёт знать другому.

– Согласен, – усмехнулся Пандробан.

И тут взгляд его упал на этажерку, где стояла спираль. И хотя Марат Игильманович неоднократно видел эту вещицу, он внезапно узрел в ней то, чего прежде не замечал: словно, изменив угол зрения, обнаружил подводный мир под поверхностью воды. На золочёном завитке проступил тонкий профиль Миры. Её лицо было как живое – Пандробан различил дрожание ресниц и шевеление губ. Он шагнул к этажерке, и профиль исчез. Отступил обратно, и профиль опять возник, похожий на лунный шлейф на воде: такой ослепительно реальный, но ускользающий, если попробовать ухватиться за него.

– Слушай, дядя, продай мне эту вещь, – выпалил Пандробан.

– Щас, разбежался, – проворчал Михаил.

– Я за дорого куплю. Сколько назовёшь – за столько куплю. Двадцать назовёшь – дам. Тридцать – дам. Тридцать тысяч.

– Даже за миллион не продам. Это не моя вещь.

Пандробан скосил взгляд на спираль. Профиль немного расплылся, и невнимательный созерцатель принял бы его за игру светотени, но Пандробан ни с чем не перепутал бы это лицо.

– Слушай, я дам тебе сорок тысяч за эту байду, – сказал он. – Это моё последнее предложение. Прямо сейчас выкладываю сорок штук наличными. Гляди, откажешься – будешь локти кусать.

Михаил, стараясь не выдать замешательства, с полминуты прикидывал варианты.

– Слушай, я тебе ракушку отдать не могу. Не моя она. Но если ты предлагаешь сорок тысяч, то я берусь уговорить того, кому она принадлежит. Но мне нужно время.

– Сколько?

– Сегодняшний день. Сегодня решится: да или нет.

– Замётано, – пожав руку Михаилу, Пандробан собрался на выход, и уже на пороге вспомнил. – Ты не записал мой номер.

– Я запомнил.

– Ни фига, это ненадёжно. Я скину звонок – запиши мой номер.

– Непременно, – проворчал Михаил.

На остаток дня он засел в комнатке Юлия, проводя, с помощью тех скудных навыков, которыми владел, пытку его ноутбуку.

Около восьми вечера из гимнастического зала вернулась Таня, приняла душ, переоделась в немаркий костюм, повесила на плечо сумку с подручными вещами, вынесла чемодан и на дорожку присела в кухне. С грустной улыбкой воззрилась она на Михаила, который вслушивался в её движения из дальней комнаты и теперь вышел.

– Ну что, собралась?

Таня мигнула.

– Хорошо подумала?

– Юлий подумал за нас обоих.

– Дурак он, если так придумал. А ты его слушать не обязана.

– Не сыпьте соль на рану, дядя Миша, – вздохнула Таня. – Если бы я видела возможность, я бы её не упустила. Но здесь всё беспросветно.

– Будет, если оставишь Юлия на его малахольную подругу. Сегодня за ним бандит приходил. И это из-за неё, чует моё сердце. Нельзя тебе уезжать.

– Дядя Миша, какой бандит? – встревоженно оживилась Таня.

– Безопасный, – махнул рукой Михаил. – И даже полезный. Если останешься – я знаю, как всё устроить.

Танино лицо заинтересованно вытянулось.

– Слушаю, – сосредоточенно сказала она.

Михаил удовлетворённо прочистил горло.

– Для начала надо продать ракушку.

– Но я обещала её Юлию.

– Так откажись от своего слова! Если кто и заслужил приз, то ты. От начала и до конца всё – твоя заслуга. За неё обещана приличная сумма. Хватит на первое время, чтобы обосноваться здесь независимо от Юлия. Здесь для тебя возможности. А у него с ней пройдёт, и ты окажешься рядом.

– Вы так уверены, что у него с ней пройдёт? – ревниво усмехнулась Таня.

– Заботился бы я сейчас, если бы не был уверен?

– Вы так уверены, что даже если с ней у него пройдёт, он захочет меня?

– Вы друг для друга. Скажи, сколько ты меня знаешь, я когда-то ошибался насчёт людей?

Таня возвела на Михаила обнадёженно-недоверчивый взгляд, точно приговорённый к смерти, которому объявляют о помиловании.

– Я готова рискнуть, чем угодно, – решительно сказала Таня. – Но я не могу продать спираль без Юлия.

– Хорошо, что ты так рассуждаешь, – терпеливо кивнул Михаил. – Но ответ неправильный. Ты можешь получить сорок тысяч. На кону твоё будущее.

Таня выпрямилась и подняла глаза на часы. Она уже опаздывала. Секундная стрелка, похожая на грозящий палец, как бы предупреждала: уходи сейчас или никогда, как только я замкну очередной круг, будет уже поздно. Вставай, приказала себе Таня, но её парализовало страхом невосполнимого упущения. Вставай, повторила она, но крепнущее ощущение, что время ушло, превращало эти приказы в плохо скрытый от самой себя обман. Как только секундная стрелка перевалила за двенадцать, Таня вновь обрела контроль над телом. Шумно, со стыдливым облегчением выдохнув, она скинула с плеча почтальонку.

– Знаешь, что? – сказал Михаил. – Ты можешь отдать Юлию пять тысяч. Это максимум, на что он мог претендовать, если бы вы поменяли приз на деньги. Так будет справедливо.

Асседия ускользала от Илайи. Её тропинки и закоулки были перед глазами, но не источали привычный аромат счастья. Её пейзажи стали похожими на немые декорации уснувшего бродячего театра. Пока Илайя спускалась по лестнице, деревья, завидев её, умолкали, а звёзды навешивали приветливые улыбки – как публика при появлении изгоя.

Илайя повернулась к морю, и увидела мир, к которому себя причисляла, у которого испрашивала приюта, но странно-неузнаваемый, словно тронутый чужою рукой. По морю катились стройные волны, шифруя лунными иероглифами свои нескончаемые послания.

И тогда неподалёку у воды она заметила женщину, к которой был обращён отвернувшийся от неё лик Вселенной и вокруг которой разворачивалась эта ночь.

– Здравствуй, беспокойная Иманон.

– Мира…

– Ты в плену дилеммы, – коротко изучив её, сказала Мира. В свете луны её непостижимая красота приобрела оттенок согревающей вечности. – Ты мучаешься выбором, который сама же придумала. Ты ждёшь подсказок, но среди сотни полученных не сможешь угадать правильную. Поддавшись чужому внушению, можно превратить волшебный дар в орудие ненасытной жадности. Не так ли поступил твой старик, что испрашивал, подобно тебе, ответов у моря? Не всякому под силу совладать с золотою рыбкой. Что есть ветер, Иманон? Ты уже догадалась? Может быть, ветер – это легкомыслие, что так присуще тебе? А может, ветер – это окрыляющая иллюзия, как в притче о голом короле? Или ветер – один из богов, что отберёт у остальных твою душу?

– Ты нарочно запутываешь меня, Мира!

– Твои сомнения – самообман. Всё, что знаю я – знаешь и ты. Проснись и смотри. Что есть ветер. Что есть ты. Что есть Иманон.

Луна, чуть подкошенная с правого края, всползла на верхушку неба и запуталась в облачной паутине, пока хвост её, точно отброшенный ящерицею, шлифовал прерывистые складки моря. Остывший песок щекотал ноги. Вода – это память, говорила Мира. Вода знает всё. Она несла к ней поток бессвязных образов и неожиданных воспоминаний, но Илайя была как шкодник, тайком наевшийся конфет, перед огромной тарелкой каши, не способный осилить даже первую ложку.

Всё волшебство Вселенной было так легко доступно, что стало восприниматься как должное. Но была ли она ближе к нему тогда, когда казалось, что между ними нет границ, или стала сейчас? Разве тот день, когда ветер впервые вырвался изнутри неё, не был самым полноценным за всю её жизнь? Разве не был тот день полон уверенности? Но была ли она до конца честна? Когда глядела на светлое небо в белых облаках, разве не игнорировала она звёзды? И разве может чистое зрение не замечать звёзды только лишь из-за луча света?

Как так совпало, что Мира сказала про старика? Как бы могла она угадать такую сокровенную ассоциацию, если не знала всю её до самого дна? Ведь Илайя, недолго думая, выбрала старика своей ипостасью, назвав его безвольным орудием в чужом противостоянии. Но в чем заключалось его противостояние? Только ли в том, что он, желая покоя, бездумно шёл на поводу у жены? Что не так со стариком? Не попался ли он на удочку жалости, потакая старухе в самый первый раз? Не был ли он одержим жаждой подчинения, о которой говорил Лубски? Нет. Ему не хватило чего-то, чтобы остановиться. Чего-то… – чего?! Но рыбка – рыбка! Освободила всех троих! Опрометчивая рыбка. Ведь обещала за себя любой откуп, без всяких оговорок. Но, оказавшись в безопасности, дала заднюю. Права она или не права? Права перед всеми, но права ли перед собой? И что же Илайя, будь она рыбкой: сдержала бы в отчаянии брошенное слово или всякому слову есть предел, и что тогда этот предел? Иллюзия справедливости? Удобная правильность?

Илайя возвела руки над морем, словно поднимая над мгновенно взбудоражившейся поверхностью ту самую огромную волну, что несла рыбку. Вот он, твой рыбак, взывает к тебе. Дуй, ветер, взывает к тебе твоя Иманон.

Волны гнали к ней ветер, а она стояла, дрожа и ощущая, как он меняет рельеф пляжа и настроение моря и фигуры деревьев и сгущённость ночи. Мощной ровной плотностью ветер напирал со всех сторон, наполняя Илайю предчувствием того, что там, где исчерпается страх, она оторвётся от земли.

Вот она, эта волна, что закрывает собою небо. Закрывает собою ответ! Отдаться ей, захлебнуться в ней и, наконец, понять! Пренебречь своим страхом и освободиться!

Ну, падай же, падай!

Глава 5. Накал да любовь

Гарабона, принимающая этим ранним вечером друзей и родственников молодожёнов, превратилась в огромную бельгийскую гостиную: стены были завешаны мягкими жёлтыми шторами, на полу лежал фиолетовый ковёр, с потолка светила трехъярусная люстра. Над велюровыми диванами нависали торшеры, круглые столы были сервированы фарфором. Посреди зала была устроена сцена-подиум, над нею крепился большой экран. В дальней части клуба горел камин, окружённый креслами и кофейными столиками.

Илайя прибыла около пяти вечера, когда клуб был ещё почти пуст, не считая хлопочущего персонала да пары-другой до невежливости пунктуальных гостей, в числе которых был и Юлий. Сердце Илайи при виде его облегчённо встрепенулось, как бывает, когда в безвыходной ситуации внезапно намечается спасение, но тут же осеклось тягостным чувством сохранившейся опасности. Илайя остановилась в шаге, и Юлий, расценив её нерешительность как нежелание публичных нежностей, пресёк порыв обнять её.

– Вчера вечером я обыскался тебя. И готов был занервничать, но ужасный ночной шторм как будто успокоил меня, – заметил он шутя.

– Я не знала, что случился шторм…

– Посрывало ролеты, повалило деревья. Хочешь сказать, это не ваши с ветром штучки?

– Я испытала сильный ветер, но даже не думала, что это имело внешнее проявление…

– Хм, мне от этого тревожно.

– Как ты думаешь, что такое ветер? – перебила Илай. – Только не просто ответь – а как будто от твоего ответа зависит жизнь. Что бы ты сказал?

– Ну, без времени на «подумать», сказал бы, что ветер – это искривление прямых.

– Искривление прямых… – озадаченно повторила Илайя.

– И мысли, и разговоры только о нём. Похоже, мне стоит ревновать.

У неё за спиной появились слегка возбуждённые Анна и Леонард. На Анне было тафтовое платье насыщенного винного цвета, удивительно соответствующее её фигуре.

– Успели пошушукаться? – улыбнулся Леонард, обняв Илайю и пожав руку Юлию.

– Ещё успеют, – назидательно возразила Анна. – Им всё равно этого здесь не дадут. К тому же, всегда приятнее слушать о своих успехах из чужих уст. Я с радостью возьму на себя эту роль. Итак, на чём Юлий остановился? – Анна опоясала себя загорелыми руками, замкнув кисть пряжкой на запястье другой. – Он уже рассказал, в какие проекты его намерены вовлечь шишки из посольства? О поездке в Новую Зеландию, которая замаячила на его ближнем горизонте? Или пока только о том, как он спелся со старшим советником, который даже угостил его тридцатилетним скотчем?

Илайя глупо раскрыла рот.

– Как?! Ты не знаешь? И даже не поинтересовалась, отчего так расправились крылья у него за спиной?

Оказалось, что вчера ночью Юлий наведывался в Асседию, не застал Илайю, но выпил чаю с хозяевами и оставил у неё в комнате золотую спираль.

– Ужасно эгоистично с моей стороны, – пробормотала Илайя.

– Мы и не ожидали от тебя, что ты будешь образцом гостеприимства, – лёгкие локоны с достоинством качнулись на голове Анны. – Максимум – что обрисуешь нам здешние лица. Кто есть кто?

К этому времени импровизированная гостиная Гарабоны наполнилась приглашёнными. Появились экстравагантная Лиза Бронс с кавалером мрачно-заиндевелой красоты,

итальянский импресарио с супругой, пара эталонно-красивых женщин с апатично-высокомерными лицами, романтично-растрёпанный Шкодный Жорж, преследующий взглядом вертлявую блондинку средних лет с приятно светящимся лицом и пышными формами – родную сестру Анатолия, и прочие гости, которых Илайя затруднилась назвать.

– Ну и задачку вы поставили перед моей дочерью, – по-хозяйски громогласно зазвучал голос входящей Ольги. Её облик был консервативно-строгим и, вместе, нежно-изысканным: макияж в пастельных тонах, пышный пучок на голове, украшенный живой лилией, и приталенное молочное платье чуть ниже колен. Следом за нею неторопливо, точно прогуливаясь по аллее, к собравшимся приблизился Анатолий Красуцкий. Ольга провела рукой вдоль платья Анны и восхищённо взмахнула ресницами. – Вот как так можно: заметь я это платье на витрине, прошла бы мимо. Но на тебе оно смотрится божественно. Как ты их выбираешь?! Видимо, в этом и заключается отличие человека со вкусом от всех остальных.

– Это настолько грубая лесть, Ольга, что я даже не стану отнекиваться! – уязвлённо и польщённо отозвалась Анна. – Спасибо за комплимент.

– Ты великолепна! Надо, чтобы кто-то это сказал. Ведь, зная Леонарда, понимаю, что его красноречивое молчание бывает сложно истолковать, – бесцеремонно заявила Ольга.

– Не вижу смысла ждать комплиментов от тех, кто нас любит. Любовь и есть лучший комплимент, – возразила Анна.

– Отлично сказано, – прищурился в улыбке Анатолий.

– Но давайте я выручу Илайю и представлю гостей, – вызвалась Ольга. – Вон тот парень – талантливый радиодиджей и знатный остроумец, послушайте его шоу на пятнадцатом канале, и вы в этом убедитесь. Человек, развлекающий компанию у камина – школьный друг Анатолия и один из лучших свадебных ведущих в стране, – похоже, начал забывать, что он здесь в качестве гостя. А вот это особая персона, – Ольга пафосно повысила голос навстречу подплывающей к ним женщине. – Наталья Пигус, в девичестве Красуцкая. Наша сестра, наш солнечный луч, наш ангел-хранитель, – Ольга горячо пожала руку Натальи, которая кивнула в ответ на лестное представление с лёгкой небрежностью. – И сам Пётр Пигус – вон тот подтянутый джентльмен в клетчатом жилете. Он владеет конным клубом. Ты любишь лошадей, Анна? Можно устроить экскурсию – у них десять гектаров земли, засаженных кипарисами. И первосортные верховые.

– А сюда идёт Лиза Бронс! – провозгласил Анатолий.

Действительно, гостям уже объявили, что бракосочетание состоялось нынче утром, и они стали подходить к молодожёнам с поздравлениями.

– Вот это сочетание фиолетового и бледно-жёлтого напоминает мне лавандовые поля Прованса, – указывая на шторы, заметила Лиза Бронс. – Любопытно, не ими ли был вдохновлён ваш дизайнер?

– Наш дизайнер перед вами. А замысел его прост. Мне хотелось сочетать в интерьере нашей отправной гавани наши с Анатолием цвета. Я всегда ощущала себя жёлтой, а Анатолий кажется мне фиолетовым.

– Жёлтый – это намёк на золотой? – невинно поинтересовалась Лиза Бронс.

– И сколько бы ни трубили про век минимализма, а всё же наши умы увязли в варварских понятиях о стиле, – вмешалась Наталья Красуцкая с агрессией, которой, по её внешнему виду, странно было от неё ожидать. – Иному покажи жёлтый, так он назовёт его бедным оттенком золотого. Или поведи его на клоунаду, так он от Адриано Челентано станет требовать красного носа. Именно в таком ракурсе я вижу всех этих воздыхателей Миры Манн.

– Причём здесь Мира Манн? – поморщилась Ольга.

– Да ладно, Оленька, разве ты не чувствуешь смердящий дух слушка, будто ты нарочно закутала своё торжество в покрывало скромности, понимая, что тебе не переплюнуть недавнюю показуху этой особы? – с брезгливым гневом отозвалась Наталья.

– Что в вашей Мире Манн? – вставил Шкодный Жорж. – Огонь, да без тепла, – он бросил многозначительный взгляд на Наталью, и она ответила ему не менее многозначительным, хоть и более сдержанным, взглядом, заставляя Ольгу переглянуться с Анатолием, с которым нынче днём они обсуждали слух о романе Жоржа и Натальи.

– Стоило пригласить Миру Манн, – сказала Лиза Бронс. – Был бы верный способ избежать разговоров о ней, – тут Лиза, заметив приближение мужа Натальи, воскликнула с весёлой сердитостью, обращаясь к Шкодному Жоржу. – Но Жорж! Как ты посмел явиться на этот праздник любви в одиночестве?

– Что же делать, я несчастно влюблён, – с прискорбием вздохнул тот. – Женщина, которую я люблю, замужем.

– В нашем возрасте это не оригинально, – заявила Наталья Красуцкая, демонстрируя завидное самообладание. – Я, например, тоже люблю женатого мужчину. К тому же, у него есть дети, – с этими словами Наталья горделиво глянула на террасу, где её дочь утопала в целомудренных объятьях бойфренда.

Тем временем, Ольга, уловив знак администратора и обозрев накрытые столы, звучно объявила:

– Шеф приглашает всех к ужину.

Программа вечера была утончённо-незамысловатой и, не считая парочки ляпов в виде фейерверк-шоу и второсортного стриптиза, который нельзя было отменить, потому что этот номер был подарком давнишнего клиента Ольги, органично вплеталась в формат. Музыкальное сопровождение было доверено джазовому квинтету и вокалистке, чей монотонный запев не нарушал ленивое веселье, царившее в зале.

Сытые гости разделились на две группы: одна проводила вечер в беседах и танцах, другая забавлялась азартными играми. Юлий старался держаться возле Илайи, но что-то постоянно мешало им уединиться: то за неё уцепилась престарелая тётка Ольги, то требовалось передать персоналу инструкции хозяйки, то всех созвали смотреть поздравительный ролик. И когда Юлий, наконец, перехватил её и предложил ненадолго улизнуть, ей страшно захотелось прежде выпить по чашке лукового супа, и потом она каким-то образом оказалась с картами за игровым столом. Коротая эти уныло-напряжённые часы и подавляя растущую обиду, Юлий сам не заметил, как опьянел. В какой-то точке его бесцельного маршрута по Гарабоне он случайно пересёкся с Леонардом.

– Ты не присоединяешься к ним? – Леонард кивнул на игроков.

Юлий, поморщившись, покачал головой.

– Не твой уровень, – с пониманием кивнул Леонард.

– Да не то чтоб!

– Ну ладно, не скромничай. Вижу, что тебе тут не по себе, пожалуй, даже больше, чем мне, и это забавно, ведь минуту назад я считал себя самым заметным жуком в этой муравейнике. Это общество, их манера общения, декоративная мимика – я гляжу на Ольгу и спрашиваю себя: где же я был всё то время, когда мне казалось, что мы принадлежим одному миру.

– Дельфин и русалка, они, если честно, не пара, не пара, не пара, – напел Юлий, сам поражаясь своей дерзости, но весёлый смех Леонарда искупил его смущение.

– Ты продолжаешь свои игры? Илайя рассказывала про Когитатум.

Юлий качнул головой с беззлобной досадой.

– Очень давно не играл – как-то всё не до того. И вряд ли удастся в ближайшее время.

– На фоне открывающихся перед тобой горизонтов – да. Но стоит ли сокрушаться? Ведь Когитатум начинается в жизни. Пусть станет твоей победоносной ставкой.

– Аминь.

– Я наблюдал за Илайей: она кажется то удручённой, то вдохновлённой, – Леонард посмотрел на Юлия.

– Илайя на своей волне, – с горечью усмехнулся тот.

Леонард закивал, нашёл её взглядом: подавляющую зевоту с веером карт в руке.

– Она всегда была такой. Никого не пускала к себе в голову. Небольшое исключение она сделала для Анны, но их взаимный интерес странного рода – в своих спорах они как бы испытывают на прочность свои убеждения. Совсем другое дело ты, Юлий. В тебе ей приоткрылся мир людей, в котором она не привыкла находить чего-то достойного внимания. Это неподдельный интерес, я уверен. Но всё то, чем она жила, не утратило своего значения.

– Я догадывался об этом, но всё же рассчитывал на более явную привязанность.

– Но можно ли ожидать этого от неё сейчас, зная её безмятежную неутверждённость? Мне всегда было жутко любопытно, какую форму она обретёт, когда приземлится. Какой станет, когда осознает себя. Я уверен в одном: это не случится в одночасье, она будет оставаться прозрачной, сколько возможно.

– Как воплощаются ваши планы по Асседии? – спросил Юлий после паузы.

– Более чем успешно, – живо отозвался Леонард. – Департамент муниципальной собственности утвердил бюджет санатория на следующий год. Теперь у нас все полномочия, чтобы начать задуманный ремонт и превратить один из спальных корпусов в отель. По расчётам Анны уже в первый год работы нового корпуса доход санатория вырастет на сорок процентов, – Леонард ещё распространился о грядущих нововведениях, но в какой-то момент его речь растопорщилась и повисла, как пряжа на порванной осевой нити. Он уставился вдаль со странным, приятно-ошеломлённым выражением. – Погляди-ка.

Юлий обернулся и узрел то, к чему были прикованы взгляды собравшихся у сцены гостей – девушку, танцующую фламенко. На ней было строгое чёрное bata de cola с красным воланом по низу. Волосы её были собраны в тугой пучок, точно сжатая в кулак воля, а лицо скрыто под маской – виднелись только бордовые губы, преломлённые бременем страстей. И отбивая сапатеадо, и заходясь в ремате, она иной раз испускала беззвучный стон, вобравший в себя страдание многих метущихся душ. Когда музыка стихла, и девушка опустилась в поклоне, зал задрожал от гвалта аплодисментов, а из толпы, загадочно оборачиваясь, к сцене двинулась Ольга.

– Нет-нет, постойте! – воскликнула она, ибо девушка собиралась убежать за кулису. – Шикарный танец! Вы рассказали нам историю, полную страстей, невзгод и страданий любящего сердца. Вы, безусловно, очень талантливы. А я не тот человек, который способен проигнорировать талант. Вы окажете нам честь, если присоединитесь к празднику и расскажете подробнее о вашем творчестве, – с этими словами Ольга свела смутившуюся танцовщицу в зал. – А ведь я недаром утверждаю, что выдающиеся личности сами стягиваются ко мне, – самодовольно расхохоталась Ольга. – Позвольте, я помогу, – она осторожно сняла маску с вспотевшего лица девушки.

В эту секунду взволнованный взгляд танцовщицы был направлен строго на одного человека в глубине зала. И хотя шелест аплодисментов оттянул его, как поводок непреклонной хозяйки, на окружившую её публику и заставил благодарно закивать, её глаза использовали любое послабление, чтобы вновь нацелиться на Юлия. Также и Юлий ошарашенно глазел на танцовщицу, узнавая в ней Таню. Он немного подвинулся к сцене,

улавливая хвалебные оды, исполняемыми в её честь гостями, и нашёл взглядом Илайю, которая, тоже стоя в стороне, с удивлённым любопытством следила за Таней. Наконец, вырвавшись из тесного кольца славы, Таня ринулась прямо к Юлию. Лицо её выражало испуг, нетерпение и торжество.

– Я знаю, у тебя много вопросов, – залопотала она. – Но, клянусь, я здесь по воле случая. Я должна была попробовать себя в этом городе, но так, чтобы не обременять тебя. Я сняла квартиру в северном пригороде, и записалась на просмотр в шоу-балет, и с божьей помощью прошла его, и меня тут же пригласили на эту подработку, – Таня кивнула за кулису. – Ты увидишь наш балет с ещё несколькими постановками. Когда я узнала, где должна буду выступать, я долго сомневалась. Но разве верно противиться тому, что само идёт мне навстречу? Юлий, я… – тут она взяла его за руки, и он почувствовал ледяную дрожь её пальцев. – Прости, что не предупредила тебя, но я не жалею, что не стала избегать этой встречи.

– За что ты извиняешься? Разве я дал повод думать, будто желаю как-то ограничить твои действия? – стараясь выглядеть хладнокровным, качнул головой Юлий. – Между прочим, ты произвела большое впечатление, чему я рад от души.

Таня не удержалась от триумфальной улыбки.

– Мне неловко. И, особенно, перед тобой и Илайей и… – тут Таня обернулась и энергично поманила Илайю и, как только та подошла, опустила глаза с очарованием повинившейся грешницы. – Могу себе представить, как мерзко всё это выглядит в ваших глазах. Но так совпало! Я уже объяснила Юлию, что получила работу и сняла жильё и хочу испытать эту возможность…

– Так в добрый же путь! – перебила её Илайя.

– Господи, как я рада, что ты это сказала! – в сердцах воскликнула Таня, беря её за руку.

– Добро пожаловать в мир Ольги Головей, – смущённо усмехнулась Илайя. – В нём есть вещи, которые могут прийтись по душе непредвзятому гостю. Советую начать с лососевого пудинга.

– Непременно! – воскликнула Таня, и её румянец не скрыл даже толстый слой пудры. – Я только переоденусь и приведу себя в порядок.

Праздник продолжался. Наступило время кофе и сладостей – последнего привала перед дальним полётом по космическому мраку опьянения. Большинство гостей рассредоточились по игровым столам: крутили рулетку, бросали кости, за одним даже расписывали пулю. Ольга и Шкодный Жорж, захваченные единым полем азарта, целый час, не вставая, резались в покер у камина. Здесь же, прижердившись на диванах, собрались их зрители. Сюда же как-то естественно переместились Юлий и Илайя. Как раз в тот момент, когда к камину подоспела тележка с напитками и блинный торт, Ольга перекрыла тройку Жоржа своим стрейтом и, хохоча от радости, откинулась на спинку кресла.

– Ох, и везёт тебе сегодня, Ольга, я начинаю тревожиться за твою семейную жизнь, – саркастически заметила Наталья Красуцкая.

– Какая чепуха! Если это варварское правило действует, то я исключение из него. Сколько себя помню, мне везло в игре, в любви, и во всём остальном, – отмахнулась Ольга. – Но эта игра мне надоела! Хочется чего-то особенного! Не знаю даже, может быть, устроить спиритический сеанс?

– Чего ради? – нахмурился Анатолий.

– Чтобы узнать будущее, разумеется! Я хочу знать, суждено ли нам прожить долгую и счастливую жизнь! Как же я не догадалась пригласить гадалку? Но мы немедленно всё устроим!

– Это даже забавно, – пробормотала Лиза Бронс.

– Могло бы быть, если бы не было так пошло, – откликнулся Анатолий. – Не желаешь ли, милая, цыганку из-под ворот церкви, что тут по соседству?

– Лучше бы Миру Манн, – мечтательно хохотнул первый баритон Оперы.

– Григорий! – кликнула Ольга администратора. – Раздобудь-ка нам доску для вызова духов.

– А заодно, Григорий, заберите этот бокал от хозяйки, – приказал Анатолий, указывая на Ольгино шампанское.

– А с чего ты протестуешь? – завелась Ольга. – Уж не боишься ли ты какого-нибудь разоблачения?

– Уж не боишься ли ты сама? – вкрадчиво спросила Наталья. – Не от страха ли ищешь мистической поддержки своему решению?

– Чего, по-твоему, я боюсь? – с недоумённой досадой уставилась на неё Ольга.

– Например, всей оставшейся жизни, занятой Анатолием. Вашим супружеством, – вклинилась Лиза Бронс. – Вспомни фильм, в котором женщина приходит к психологу и признаётся, что она несчастна, потому что не любит своего прежде страстно любимого мужа. Полноценная, даже образцовая семья, благополучная жизнь. И что за этим? Скука. Почему? Любовь – что это? Может быть, только мечта и надежда на спасение от этой скуки? Та женщина считала, что внутри неё копится неизлитая любовь и обещанное ею счастье. Но ведь это полная чушь. Жить в браке двадцать лет, не любить ни детей, ни мужа и ждать, что кто-то пробудит в ней любовь? Любовь никогда не спит. Страсть мимолётна и опустошительна. Но любовь найдёт, что любить. Вы ведь смотрели «Сцены из супружеской жизни», Наталья?

– Хороший фильм, – смерив Лизу взглядом, ответила сестра Анатолия. – Но не про меня. И потому, наверное, не впечатлил.

– Но вы, Лиза, говорите о какой-то безличностной, безобъектной любви, – вдруг, к удовольствию Ольги, вмешалась Анна. – Сомневаюсь, что она существует. А если и да, то её ценность туманна. Счастье приносит взаимная любовь между двумя людьми. А по вашей логике выходит, что не имеет значения, кого любить.

– Я сказала не это. По моей логике любовь – любовь всеобъемлющая – первична по отношению к объекту любви. Если человек не дозрел до состояния любви, то вряд ли даже самому восхитительному любовнику удастся тронуть его сердце. Но это не отменяет ценности возлюбленного, ведь в нём любовь обретает осязаемое воплощение.

– Сложно согласиться с таким видением, – разочарованно заключила Анна, переводя взгляд на идущую к ним Таню.

Из скованной страстью, скрупулёзной в движениях танцовщицы Таня, просто распустив рыжие волосы и сменив костюм на серебристо-персиковое платье, перевоплотилась в обворожительную нимфу. Двигаясь с уже известной всем грацией, она искусно делала вид, что не замечает направленных на неё восхищённых взглядов.

– Простите, я прервала вашу беседу.

– Ни в коем случае вы её не прервали! – воскликнула Ольга, поднимаясь к тележке и вручая Тане блюдце с тортом. Затем она обратила её внимание на свободное место рядом с Анатолием и вернулась в кресло. От недавнего её раздражения не осталось и следа – она вся была в нетерпеливом возбуждении. – Но мы затронули самую волнующую и как нельзя более уместную сегодня тему. Мы говорили о любви.

– Любовь – динамическая гиперссылка, – проронил молодой спутник Лизы Бронс.

– Только для неопытных юзеров, – отозвался Шкодный Жорж.

– Сейчас главный эксперт в любовных вопросах просветит нас, – вызывающе объявила Лиза Бронс.

– У Жоржа тьма разных теорий, – Ольга подмигнула Тане. – Он описывает их в любовных романах.

Шкодный Жорж плотоядно ухмыльнулся, после чего философски прищурился.

– Я не претендую на универсальность своих выводов, но на примерах многих семей убеждаюсь, что эволюция наших любовных потребностей следует одной закономерности. Её сложнее осознать, проживая жизнь с одним человеком. Но если не связывать себя – вопреки своим природным желаниям – внутренней настройкой на преданность только одному партнёру, то признать эту закономерность становится проще, – Жорж на секунду скосил челюсть, готовясь продолжить с красной строки. – Например, в двадцать лет хочется такой любви, чтобы перед нею стелился весь мир. Хочется испытывать её на прочность, веруя, что если любовь крепка, то она, как локомотив, вытянет всё. Так у меня было с первой женой. Увлечённый торжеством этой всесокрушающей любви, я долгое время игнорировал, что между нашими мировоззрениями лежит пропасть. Многие люди не замечают такую же пропасть, пока не подбираются к её краю. И прежде чем строить мост, на который уйдёт немыслимое количество душевных сил, спрашивают себя: а точно ли мне надо на ту сторону? Так случилось с нами. Мы прожили семь лет и напились друг другом до хронического похмелья. И когда я очнулся, разменяв четвёртый десяток, мне хотелось совсем других вещей. Я чувствовал потребность увериться в себе, и любовь должна была быть одной из опор этой уверенности: как дорогие вещи, привлекательная внешность, престижная работа.

– Это отвратительно, Жорж! – поморщилась Лиза Бронс. – Ты говоришь о любви – что в двадцать лет, что в тридцать, – как о способе самоутверждения. И ничто не поменялось, только твои комплексы стали более плоскими, лишёнными всякой прелести.

– Нет, нет и нет! – воскликнул Шкодный Жорж. – В сорок лет с моего древа жизни упало яблоко понимания, и я нашёл формулу счастливой семьи.

– Любопытно, – насмешливо вставил Анатолий.

– В основе процессов лежит закон сохранения энергии. И семья – не исключение. Задача семьи – накапливать и синергировать разнородную, но сочетаемую энергию, увеличивая и диверсифицируя совместно используемые мощности. Тогда семья продуцирует запасы, позволяющие развивать материальное благополучие, рожать детей и заниматься творчеством, не отбирая энергию с других фронтов, которые отвечают за защиту от болезней, несчастий, непоправимых ошибок и прочих деструктивных влияний. Внутри гармоничной семьи энергия передаётся по наследству: от умерших родственников – живым и новорожденным по степени эмоциональной близости. Грамотный анализ энергетических связей в семье партнёра, оценка взаимодействия его энергетического баланса с собственным – вот основа планирования семьи. И в этом контексте любовь – не конечная цель, а интуитивный навигатор, который улавливает сигналы от источника сочетаемой энергии и содействует интеграции с этим источником.

– Какая глубокомысленная лабуда! – загоготал первый баритон Оперы.

– Ну давайте, впарьте нам свои пять копеек, – с неприятной ухмылкой закивал Шкодный Жорж.

– Да чего там! Читайте классиков. Они всё сказали исчерпывающе!

– Я категорически не согласна с Жоржем! – позволила себе высказаться тётка Ольги – женщина с дряхлым и назойливым лицом, которая до недавней поры дремала на плечике кресла. – В человеке мы любим душу. А другую любовь я не признаю!

– А что значит любить душу?

– Это значит видеть какую-то общую печать на каждом слове и каждом поступке, и вот эту-то печать и любить.

– А разве душа – не есть сгусток живой энергии? – хищно вопросил Шкодный Жорж. – С определёнными свойствами, постоянно движущийся, взаимодействующий со всем вокруг и изменяющийся сгусток энергии? А? О чём я, по-вашему, говорю?

– Да кто вы такие, чтобы рассуждать о любви! – вдруг неожиданно для всех подал голос Пётр Пигус. – Слава Богу, что хотя бы Анатолий молчит.

– Я предпочитаю заниматься любовью, а не рассуждать о ней, – откликнулся тот.

Муж Натальи, которого Ольга деликатно назвала подтянутым, но которого справедливо было назвать худощавым, выступил из тени камина.

– Кто-то хочет любовь-внимание. Кто-то – любовь-подарки. Кто-то, воюя за право быть несчастным, выбирает неразделённую любовь. Кто-то выдумывает недостижимый идеал, и ему кажется, что тайные стенания, фантазии и мастурбация – это любовь. Высокая и чистая. Но это извращение, а не любовь. Любовь – это когда ты видел её неуклюжую и оплывшую, с огромным животом, с отёкшими веками, видел слизкую плоть, выскальзывающую из её влагалища, и, несмотря на это, у тебя встаёт на неё каждый раз, когда она переодевается или влезает под одеяло. Любовь – это когда она повторяет, что ненавидит тебя и твоих родных, а ты не слышишь, потому что знаешь, что она никогда этого не думала. Любовь – это когда ты рано утром, ещё не оправившись от гриппа, уводишь на прогулку ребёнка, чтобы она могла выспаться после вчерашнего девичника. Любовь – это когда в аврале не успеваешь пообедать, но стоит ей позвонить и попросить о помощи, ты где-то находишь время. Любовь – это когда она у тебя на глазах флиртует с мудаками, которые через минуту не вспомнят её имени, а ты, без единого упрёка, продолжаешь острить. А когда она говорит, что хочет уйти – не держишь её, но слышишь обратный отсчёт на часах своей жизни. Кто испытал это чувство? Кто сейчас встанет и скажет: «Я люблю», зная, что за неискренность заплатит своей жизнью? – он яростно, с вызовом воззрился на притихших гостей.

Ольга не отрывала растроганного взгляда от Петра. Лиза Бронс сокрушённо хмыкнула и неприязненно покосилась на бледно-нахмуренную Наталью. Юлий крепко сжал лежавшую рядом руку Илайи.

И тут над этим обществом поднялась твёрдая, искажённая внутренним напряжением, фигура Тани.

– Я это скажу, – ожесточённо произнесла она. – Я знаю чувство намного мощнее, чем вы сказали. Оно выше морали и сильнее совести. Оно стирает все принципы и съедает все желания. Оно бывает солнцем по ночам и затмением ясного дня. И пусть меня хоть молнией ударит, хоть накроет великим потопом, оно станет моим ковчегом, и только оно одно сможет стать моим палачом.

– Господи, – пробормотала Ольга, и вдруг бесшумно и горько расплакалась.

А у камина появился администратор Григорий со спиритической дощечкой. Заметив мокрые глаза хозяйки, он растерянно притормозил.

– Ну, слава Богу, – пробормотал Анатолий. – Давно пора сменить заунывную пластинку.

С этими словами, которых, впрочем, никто, кроме Шкодного Жоржа, не расслышал, он принял у Григория доску и стал раскладывать на столе принадлежности для сеанса.

Григорий, тем временем, подошёл к Илайе и что-то шепнул ей. Она встревоженно глянула на него, кивнула, немного помедлила и, когда большинство гостей уже отвлеклись на новую забаву, встала и направилась за ним. Юлий тоже встал и, следуя за Илайей, тронул удручённым взглядом Таню.

Григорий вывел их из зала и провёл коридором до переговорной комнаты.

– Он ждёт вас там, – нервно доложил он. – Грозился ворваться в зал, если я вас сию же секунду не позову. Умоляю, уладьте всё, чтобы не пришлось беспокоить хозяев.

– Кто меня ждёт? – не поняла Илайя.

Григорий замахал руками и убежал по своим делам.

Илайя обернулась на Юлия и заметила дальше по коридору Таню, которая тоже вышла за ними. Юлий толкнул дверь переговорной. Там на стуле лицом к двери сидел, закинув ногу на ногу и нетерпеливо ею потряхивая, Марат Игильманович Пандробан. Обозрев столпившихся у входа, он встал и, постукивая себя по карманам, мрачно сказал:

– Какая удача! Всех застал одним букетом. А теперь на базу ракушку.

– Что это значит? – напрягся Юлий.

– Я сказал: спираль на базу! Я за неё бухань бабла отвалил.

– Это какой-то левый наезд, я вызываю полицию, – предупредил Юлий.

– Нет, он прав! – испугалась Таня. – Я продала ему спираль. Я не успела предупредить тебя!

– Эй, харэ! – рявкнул Пандробан. – Я не буду ждать, пока вы размазываете сопли. Тащите сюда ракушку и точите лясы хоть до посинения.

– Но спираль в Асседии, – вспомнил Юлий.

– Охуительно, – цокнул языком Пандробан. – Едем в Асседию. Скажешь водителю, где куда поворачивать.

Глава 6. Либерфуга. О чём дует ветер

Илайя заступила в границы Асседии и быстро пошла по усыпанной листьями центральной аллее: мимо пустых скамеек и фонарей, бездарно подражающих луне. И с каждым шагом всё, что оставалось за спиной, теряло своё влияние: гостиная, которую она покинула с тревогой за предстоящие объяснения с матерью, люди, следующие за ней, и даже вопросы, на которые она так и не нашла ответов. Точно самолёт, бегущий по взлётной полосе, Илайя знала, что через мгновение будет недосягаема для них. Привычные условия жизни стремительно теряли значение, как плодный пузырь, покинутый младенцем. Её лёгкие готовились дышать, уши – внимать новым звукам, глаза – раскрыться и видеть. Илайя думала о своих тревогах и страхах, но они стали похожи на эти ссохшиеся листья на тротуаре, годные лишь чтобы подставить хрупкую подножку её свободе. Думала о тех вещах, которые никак не могла обрести, и понимала, что они уже стали безличной частью её, как она сама – безличной частью всего.

Двери главного корпуса, где Анна задумала устроить конференц-зал и картинную галерею, распахнулись перед Илайей от порыва ветра, открывая путь через холл к лестнице, что вела на пляж. Вбегая в них, Илайя заметила под ближним платаном чудака из *Начала* – он дремал в позе лотоса с дымящейся травинкой во рту. Илайя улыбнулась себе, пересекла холл и припустилась по тропинке к лестнице, у края которой проявилась Мира Манн с золотой спиралью в руках.

– Мира! – вскричал Пандробан.

– Чарующий вечер, – хищно молвила она. – И дивная компания.

– Что ты здесь делаешь? – вытаращился на неё Пандробан. – Как ты вышла из дома?

– Не нервничай, дорогой. Я только пришла забрать своё, – с этими словами она передала ему спираль. – Итак, всё разрешилось, Иманон. Спираль вернулась ко мне.

– Ничего не разрешилось! – крикнул Юлий, выступая вперёд. – Я не знаю, что он пообещал за спираль, но сделка не могла состояться без моего участия. Мы не продаём спираль! Сумма, которую он заплатил, будет возвращена.

– Не дури, пацан, – с угрозой сказал Пандробан.

– Ты можешь забрать её силой, но от этого она не станет принадлежать тебе, – воззвал Юлий к Мире.

– Ты тоже так думаешь? – всё внимание Миры было нацелено на Илайю.

– Уходите! – не сводя глаз с Миры, Илайя повела рукой в сторону Юлия и Тани, и когда они не отреагировали, повернулась к ним и яростно повторила. – Уходите!

– Да ты просто фурия, – поразилась Таня.

– Прошу, уходите! – Илайя взглянула, наконец, на Юлия.

– Пойдём отсюда, – взмолилась Таня, цепляясь за него.

– Да уйдите же отсюда!

– Ты хочешь, чтобы я ушёл навсегда? – ледяным тоном спросил Юлий.

– Мне всё равно. Уходите!

– Мира, если ты хочешь продолжить дискуссию с этой подругой, поехали все вместе домой, – деловито сказал Пандробан, коротко глянув вслед Юлию и Тане. – Мы и так тут нашумели, сейчас вылезут лишние уши.

Марат Игильманович сам не заметил, как оказался на земле, прибитый к ней ритмичными шквалами дикого ветра. А Мира и Илайя были заключены в безветренное кольцо, тогда как вокруг них стояла плотная непробиваемая стена ветра.

– Это ловко, – улыбнулась Мира, кивая на бурю, которая бушевала в трёх шагах от каждой из них. – Признаюсь, нередко мне хотелось загородиться от него каким-нибудь подобным фокусом, – Мира отступила на шаг и просунула руку в ветровую зону, и ветер заскользил по ней, волосы её взвились, и лицо её выразило наслаждение. – Теперь ты поняла, что есть ветер? – смерив Илайю пьяным взглядом, молвила Мира. – Ветер – это я.

Илайя с мучительным восхищением смотрела на эту женщину – единственную, которая могла быть ей по-настоящему близка, и которой отныне суждено стать её врагом.

– Нет, – тихо сказала она. – Ветер – это свобода.

Порыв ветра, точный, как стрела, и сильный, как башенный кран, поднял с земли брошенную спираль и отшвырнул вниз на склоны, где она, должно быть, увязла в шиповнике, как диковинная ракушка, на которую спозаранку набредёт какой-то удачливый физкультурник, если прежде её, конечно, и что, увы, вероятнее всего, не подберут люди Пандробана.

ЧАСТЬ 4. ВОЙНА

Глава 1. Прямиком из таковости

Когда потока жизни, судя по его интенсивности, оставалось уже минут на пятнадцать, Агафа вдруг встала с постели. Татхагата сидел у холодной печи, развлекаясь африканскими сказками, томик которых завалялся тут, видимо, для растопки. Изредка он отрывался от книги и любовался нежным мерцанием алмазной сети, которая скоро-скоро станет заметна и старухе. Таков был его долг – незримо присутствовать при умирающем, чью прожитую жизнь он собирал для своих изысканий. Долг, которого никто от него не требовал, но который он установил себе сам. Старуха зашаркала по горнице, направляясь к печи, причём, довольно резво. Татхагата еле успел расщепить ближайший алмаз развёрнутой перед ним сети и укрыться за поверхностным слоем стены. В таком положении Агафа не могла его видеть, тогда как он прекрасно видел и её, и избу, хоть и в несколько искажённом ракурсе. Татхагата слыхал, что иным умельцам удаётся и более короткий шаг перемещения, позволяющий становиться невидимым без ущерба для восприятия, но самому Татхагате никак не удавалось нащупать нужную искринку.

Старуха добрела до печи и уставилась на стену – ровно туда, где прятался растерянный Татхагата. Нет, она никак не могла его видеть, но какое ощущение, он не мог понять, побеспокоило её так сильно, что заставило встать со смертного одра? И снова, глядя на её взволнованное лицо, Татхагата почувствовал желание появиться, облегчить её уход молитвой и полезным наставлением, но, как и всегда, с тех пор, как дал зарок так поступать, он подавил это желание, и чтобы не беспокоить старуху, решил вернуться к себе на маяк. Потянул паутину, тронул искринку и проник к своему высокому окну, за которым серебрилась в свете луны бесконечная морская гладь.

В чашке на тумбочке ещё оставался чай. Татхагата пригубил его, размышляя о том, как Агафа могла почувствовать его присутствие. Да, его отделял лишь тонкий слой пространства. Да, она была на пороге смерти, но даже в такое время ей были доступны лишь дымчатые образы её подсознания, и уж никак не Татхагаты, пребывающего за горизонтом человеческого восприятия. Учитывая такую странность, Татхагата решил дождаться смерти Агафы здесь, на маяке, и вернуться за флаконом уже после. Прискорбно, что это немного утруднит для неё процесс умирания, ведь, оставаясь при умирающих, Татхагата всегда старался пригасить страхи, убавить тревогу, но это не продлится долго. Каких-то четырнадцать минут, не более, а она, Татхагата знал, отличалась изрядной силой духа.

Флакон-экстрактор, который интересовал Татхагату, и ради которого он, собственно, наведался к старухе, предназначался для сбора её жизненной эссенции – особой сущности, которая вобрала в себя все её чувства, мысли, действия, словом, все Агафьи внутренние и внешние проявления. С давних пор Татхагата был озабочен вопросом, может ли человек подвергаться муке большей, чем продуцирует сам. Равняется ли нулю сумма входящего и исходящего страдания человеческого? А если не равняется, то чем вызвано такое отклонение? Ради ответа на этот вопрос Татхагата начал своё исследование. Он изучал жизни людей, отобранных по самым разным критериям, пытаясь вычислить индивидуальный кармический ноль. Но для точного вывода мало было просто отслеживать историю событий, что он мог делать с помощью алмазной сети, никак не вмешиваясь в их жизни. Нужно было располагать самым полным материалом. И таким материалом могла стать только сама жизнь, которая выделялась в уникальную субстанцию в мгновение смерти.

Татхагата допил остывший чай, глядя в окно и забавляясь игрой жемчужных искринок над поверхностью сонного моря. Точно как дети не дают поймать себя, гасая между деревьев,

они с чуть слышным заливистым звоном скользили по складкам ночи, кутаясь в темноту, прячась от взгляда Татхагаты, и лишь иная из них, не успевшая увернуться, вдруг ярко вспыхивала. Его милые спутницы, драгоценные его проводники. Как же увлекало его поначалу таинство пенетрации – это чувство распадения на множество кварков, несущих свой заряд к заветному индриону, а затем – поглощение: ни с чем несравнимое ощущение растворения и нового воплощения в любой точке пространства и времени. Татхагата не думал о масштабах совершённых путешествий, не считал истраченную энергию, он даже не всегда замечал, где оказывается – его волновал сам процесс, ощущения, которыми он сопровождался. Но и теперь, насытившись бесцельными перемещениями и действуя более целенаправленно, Татхагата обожал эту искрящуюся паутину и наслаждался всяким взаимодействием с нею.

Когда Татхагата вернулся в Агафью избу, произошло нечто из ряда вон выходящее. Старуха уже преставилась – там же, полулёжа у печи, почила, и флакон был готов. Но в сени входил человек – Татхагата заметил его в окно горницы. Это не мог быть родич: Агафа простилась со всеми своими нынче днём, предчувствуя смерть, и желала встретиться с нею один на один. Вечером она насыпала с большим запасом корма животным, подмела избу, умылась, полистала календарь и сделала отметки на памятных датах до конца года, прочла молитвы, спела пару колыбельных и, почувствовав убыток сил и приближение перехода, улеглась в кровать, вплоть до того мгновения, когда что-то заставило её перейти к печи. И вдруг этот человек. Секунду повременил в сенях, проверяя двери – все они были открыты, и решительно шагнул в горницу. Спохватившийся Татхагата снова скользнул в стену.

Нежданный гость стал посреди горницы в некоторой растерянности, стянул рукавицы, скинул шапку-ушанку, размотал плотный шарф и расстегнул верхнюю пуговицу тулупа. Это был совсем молодой человек с багровыми от мороза щеками и непослушно торчащими волосами, отчего голова его напоминала небрежно покошенное поле. Воспалённо-ищущий взгляд его обошёл избу, нашёл Агафу, и молодой человек испуганно вздрогнул. Но испуг его быстро миновал, и лишь прежнее ищущее напряжение сохранялось в порывистых движениях и навострённых ушах, что жаждали, казалось, уловить запредельные звуки.

– Куда же ты делся? – сказал он в пустоту.

Тем временем, Татхагата, внимательно наблюдавший за визитёром, терялся в догадках, отчего вся сеть вдруг напружинилась и как бы натянулась по направлению к этому парню. А тот сунул руку в тулуп и вытащил то, от чего Татхагата обомлел. В руках у парня заискрился жемчугообразный алмаз – точно такой, как и те, что в бесконечном множестве окружали Татхагату. Он приблизил его к глазам, как будто мог разглядеть то, что в нём.

– Где ты это взял? – спросил Татхагата, появляясь перед ним.

Парень скрепил Татхагату взглядом, полным восторженного ужаса.

– Потрясающе, – ахнул он. – Конечно, я ждал именно этого, но всё равно, это потрясающе. Должно быть, что-то подобное чувствовал Питер Хиггс в марте две тысячи тринадцатого. Но моё открытие, кажется, похлеще.

– Я теперь знаю, кто ты, и знаю, что ты искал меня, – изучая его, сказал Татхагата. – Но пока не могу разобрать причину – слишком много отсылок и связей, смысл которых мне неясен. И, самое главное, не могу понять, где ты взял индрион?

– Значит, тебе известно не всё на свете, – заключил пришелец. – Значит, и у тебя бывают вопросы.

Татхагата недоумённо промолчал.

– Меня зовут Костя, – представился, между тем, визитёр, совсем расстегнул свой тулуп, скинул его на пол и с облегчением передёрнул плечами. Тут он вспомнил об Агафе и

опасливо кивнул на неё. – С нею ничего не нужно делать? – и когда Татхагата покачал головой, добавил. – Любопытно, конечно, что тут у вас происходило…

– Ты проделал огромный путь, забрался в такую глушь ради того, чтобы застать меня, – перебил его Татхагата. – Зачем я тебе понадобился?

– Чтобы спасти бесконечность бытия.

– С твоей точки зрения, она нуждается в спасении? – улыбнулся Татхагата.

– Вот с этой точки зрения, – Костя показал ему алмаз. – В очень скором времени энергетическая цепь ветра, замкнутая вокруг нашей планеты, будет разомкнута. Об этом свидетельствует поведение Большого Красного Пятна Юпитера, вблизи которого, по моей гипотезе, сходятся силовые линии ветра и которое, по мнению некоторых учёных, в последние десятилетия готовится к смещению. И я уверен, что эта штука подтвердит тебе, что я говорю чистую правду.

– Что означает Иманон? Твоя мысль об этом отражается в индрионе ярче всех.

– Ты шутишь? Как ты можешь не знать, что означает Иманон?

Татхагата вздохнул, осознавая, что отвык от человеческого общения, и сейчас, пытаясь понять этого странного парня с помощью недоступных тому средств восприятия, лишь сильнее запутывается.

– Уже во второй раз ты говоришь так, словно подразумеваешь меня всеведущим. Но это заблуждение. Я не разыгрываю тебя насчёт Иманон. Правда и то, что я растерян: очевидно, что каким-то невероятным образом ты овладел индрионом, и не только овладел, но и сумел выудить из него некие сведения, что, как правило, не удаётся никому из бытийствующих, кроме, разве что… Нет, я чувствую, что с каждым словом вношу всё больше путаницы. Я попробую слушать тебя на твоём языке. Вернёмся к Иманон…

– Лучше я расскажу обо всём по порядку, – кивнул Костя и деловито огляделся. – Но давай всё же где-то приземлимся.

Вдвоём они с надлежащей бережностью перенесли Агафу на кровать, по настоянию Кости развели огонь в печи, после чего Костя уселся на пол и с наслаждением прислонился к нагревающемуся боку, а Татхагата с внимающим видом стал поодаль.

– Не так давно мой университетский приятель как бы из любопытства расспросил меня об энергетической спирали – древнем знаке хранителя ветра, о котором я тогда мало что знал, но о котором теперь мало найдётся, чего я не знаю. Опять же, вроде как из любопытства, мой друг попросил меня пофантазировать о гигантском вентиляторе, который управляет воздушными потоками в планетарном масштабе. Я сразу подумал, что такие вопросы задаются неспроста. И решил вникнуть. Так я открыл Иманон – этот термин я узнал позднее, но именно он – аутентичный. Иманон – это своего рода приёмник энергии из открытого канала, преобразующий её для подпитки околоземной энергетической цепи. Физический носитель его – обычный человек. Хотя есть в нём одна особенность. Согласно моей гипотезе, его мозг способен генерировать нервные импульсы уникальной частоты, которые и обеспечивают синхронизацию с соответствующим энергетическим каналом. Сознание и воля Иманон интегрированы в энергетическую систему ветра, что позволяет ему на локальном уровне фактически управлять ветром. Я встречал данные о том, что энергия ветра определяет меру свободы человеческой воли, но, как по мне, этот метафизический подтекст притянут за уши к феномену Иманон. А вот существование Иманон и действительность его силы – это факт, в котором я удостоверился лично. И каким бы крутым не было это открытие, следующее стало ещё более впечатляющим. Я открыл Охотницу – так я её назвал. Женщину дьявольской красоты, которая объявила охоту на Иманон с целью перекрыть нам космический краник ветра. Она уже предъявила права на ветер, и, если не сегодня, то завтра, сила Иманон перейдёт к ней. Эта жемчужина, – Костя раскрыл ладонь с крошечным мерцающим

шариком, – была у неё. В ту ночь сама Вселенная послала её мне. Охотница редко выходила из своей домины, но я всегда был начеку и пользовался любым случаем, чтобы проследить за ней. В ту ночь скульптура в виде золотой раковины буквально свалилась мне на голову, и в устье я нашёл жемчужину, – Костя опустил взгляд на ладонь. – Первые несколько дней я пытался определить её природу или хотя бы назначение, проводил опыты, даже делал компьютерное сканирование, но она оставалась мутной пустышкой. Но однажды я проснулся среди ночи от какого-то муторного сна и заметил мерцание из ящика, где хранил эту штуку. С тех пор начались видения. Я использовал лупу, чтобы получше всё разглядеть. В жемчужине появлялись образы, связанные с Иманон или Охотницей, но я не находил в них смысла, пока не появился новый образ – явственный и цельный. Это видение привело меня к моему третьему – самому великому – открытию. Открытию Татхагаты.

– Татхагаты? – переспросил слушатель.

– Да. Так я назвал тебя. Я видел твои перемещения. Я видел целые маршруты среди созвездий. Я срисовал их и переложил на интерактивную карту звёздного неба, и похоже на то, что ты перемещаешься без всяких препятствий по всей видимой части Вселенной. А может быть, и дальше. Но мало того! Скоро твои маршруты как бы раздвоились: в отдельных точках появлялась ещё одна линия – определённым образом преломлённая. И эта линия как бы раздваивала пространство, и расположение созвездий в этом втором пространстве смещалось. Я стал сверять их по звёздным картам, и выходило, что ты находишься в одном и том же месте, но в разные моменты цикла вращении Земли. И я сообразил, что твои путешествия не ограничены ни пространством, ни временем. Кто ещё способен на такое? Поэтому я назвал тебя Татхагатой – тем, кто пребывает во множестве миров.

– Я вижу, – кивнул потрясённый Татхагата. – Теперь очень ясно. И Иманон. И Тэфон – твою Охотницу. И поток, проходящий через жизненные центры Иманон.

Костя возбуждённо сглотнул.

– Я видел, что чаще всего ты бывал в одном месте, и даже видел это место – вечно тёмное море под оранжевой луной. Я вычислил его координаты, но оказалось, что туда не добраться без вертолёта.

– Это заброшенный маяк затопленного острова, – подтвердил Татхагата. – Как ты понял, что нужно искать у Агафы?

– Удивительно, но эта штука стала отзываться на мои мысли. Она показывала мне то, о чём я думал. Чаще всего абстрактно. Но если я долгое время концентрировался на вопросе, ответ был предельно конкретным. И однажды на карте твоих маршрутов появилась особая точка. Она светилась голубым светом и преломлялась по-новому, в ещё одно, получается, уже третье пространство. Я видел место, но не мог разобрать расположение созвездий, чтобы понять хотя бы примерное время, – они были намечены, но недостаточно явно. И однако же внутри точки в ответ на мой вопрос проявились дата и время. Это время сегодня. Здесь.

– Поразительно. Индрион отразил тебе намерение. Крепко же ты этого желал.

– В последнее время я только об этом и думал – как найти тебя.

– И зачем же?

– Потому что только ты и можешь помешать неизбежному.

– В чём твоя идея? – подумав, спросил Татхагата.

– Согласно моей гипотезе передача силы ветра от Иманон к Охотнице – это нечто вроде переподключения между подстанциями. То есть, одна подстанция – Иманон – отключается от источника, другая – Охотница – подключается. Это реализуется, естественно, беспроводным путём – с помощью уникального электромагнитного импульса

от мозга Иманон к мозгу Охотницы. Сигнал, полученный Охотницей, подстроится под частоту её мозговых ритмов. При этом, цепь, запитанная через Иманон, рассинхронизируется, потеряет сигнал и, естественно, обесточится. И весь доступный нам – в лице Иманон – потенциал перенаправится в, Леший его знает, какие дебри Вселенной, – Костя смочил пересохшие губы. – И я стал думать, как этому можно помешать. Теоретически, если в процесс передачи сигнала от Иманон к Охотнице внедрить устройство, способное отразить и перехватить ту уникальную электромагнитную волну, то питание ветровой цепи, замкнутой вокруг планеты, удастся сохранить. Ты мог бы спросить, где же взять такое устройство. Но проблема не в этом. Приёмник я уже сконструировал. Это нечто вроде искусственной нейронной сети, дополненной оптическими приборами. Примитивная модель отдельных зон человеческого мозга, снабжённая хитрой комбинацией линз. Главная сложность в том, что передача импульса займёт микросекунду или около того, и если это мгновение будет упущено, то спасти ситуацию сможет только человек, способный воплощаться в любом мгновении в любой точке пространства. С твоими способностями, следуя моим инструкциям, ты рано или поздно уловишь искомое мгновение, и сможешь перехватить сигнал от Иманон.

– И что дальше?

– Энергия ветра, питающая околопланетную цепь, сохранится, – пожал плечами Костя.

– А что будет дальше с твоим приёмником?

– Главное – сохранить доступ к источнику энергии. А уж найти способ управления этой энергией, – дело техники. Само собой, что над этим будут трудиться величайшие умы нашего времени.

– То есть, я должен перехватить ветер у Тэфон, чтобы отдать его тебе? – Татхагата улыбнулся одними глазами.

– Не мне, – возразил Костя. – Человечеству. Речь идёт о колоссальных мощностях. Когда мы научимся извлекать и целенаправленно распределять их, это станет промышленной революцией. Мир войдёт в новую эру.

– Если, конечно, прежде не будет уничтожен этой самой силой, – кивнул Татхагата.

– Этот аргумент не совсем уместен, – отозвался Костя с оживлением, которое говорило о том, что, несмотря на заявленную неуместность аргумента, он признавал его логичность, предвидел его и имел на него ответ. – В конце концов, достаточно и ядерного потенциала, чтобы уничтожить планету, – без всякого ветра. Но никто этого не сделал. И, уверен, никогда не сделает. К тому же, в случае с ветром, велика ли разница: зависеть от коллективного решения передовых умов планеты или от воли одной Иманон? Что может сдержать Иманон от разрушения, если ей это вдруг вздумается?

– Что-то всё-таки, видимо, может… – задумчиво молвил Татхагата. – Но я хотел спросить – для завершённости впечатления: задумывая своё предприятие, задавал ли ты себе вопрос: зачем мне тебе помогать?

– Это первый вопрос, который я себе задал, как только понял, на что ты способен, - самодовольно усмехнулся Костя. – Хотя я надеялся, что на твоей высоте индивидуальная выгода растворяется в стремлении к всеобщему благу, – на этих словах Татхагата вдруг улыбнулся. Улыбка у него вышла весёлая, почти озорная. Костя проглотил её как искорку вдохновения, и у него на секунду перехватило дух. – Но я предусмотрительный человек и подумал о твоей мотивации. Я заметил одну особенность в твоих маршрутах: имея возможность объять предначало бытия и небытия, пребывать в таковости, что бы она в себя не включала и что бы, в конечном счёте, из себя не исключала, ты постоянно возвращаешься сюда. Я читал, что некоторые освобождённые привязываются к бытию. И мне кажется, что с тобой происходит именно это. Наш мир что-то вроде родины для тебя, прав ли я? Тебе здесь нравится. Ты черпаешь что-то отсюда. И вот я подумал: если

исчезнет цепь ветра, а вместе с нею и те гипотетические свойства и свободы, которые она поддерживает в нашем мире, не заденет ли это саму неисчерпаемость бытия? Истин, что множатся гранями. Ведь если, допустим, всё же свобода воли… Без неё будет предопределённость, а значит, даже при невообразимом множестве вариантов это множество всё равно будет конечно. Я очень подозреваю, что предопределённость и обусловленная ею конечность лишат мир, который влечёт тебя снова и снова, той прелести, ради которой ты возвращаешься. И вот что – я думал – убедит тебя помочь.

В мягкой тишине Татхагата долго глядел на пришельца.

– Ты незаурядно умён, – сказал он. – Но мне необходимо подумать.

– Я терпелив, – тряхнул головой Костя. – Но время на исходе.

Татхагата медленно приблизился к печи. Угадывая по его виду, что он скоро уйдёт, Костя мешковато поднялся на ноги.

– Ты ведь не заставишь меня слишком долго ждать с ответом? Как и тащиться в подобную глушь ещё раз?

– Не беспокойся, я сам найду тебя, – сказал Татхагата. – Скажи, почему ты так уверен, что Иманон уступит ей ветер?

Костя фыркнул с усмешкой.

– Это простецкая девчонка. Охотница не оставит ей выбора. По-хорошему или по-плохому, Иманон уступит.

Татхагата озабоченно моргнул и недоверчиво поджал губы.

– Я должен подумать, – повторил он, отступая на маяк.

Ещё несколько минут после исчезновения Татхагаты Костя утопал в эйфории от величия событий, которые разворачивались вокруг него. Постепенно он пришёл в себя, неуютно поёжился, вспомнив о мёртвой старухе и трудностях предстоящего пути, некоторое время потратил на то, чтобы убедиться, что индрион не поможет ему, подобно его давешнему собеседнику, очутиться дома в один шаг, и, сдавшись, стал надевать тулуп.

После последней встречи Илайи с Мирой Манн прошло чуть больше трёх недель. Октябрь-повеса, истратив все запасы тепла в первой половине, нынче уединился с солнцем в своих зашторенных тучами покоях. Илайя старалась концентрироваться на учёбе, а свободное время проводила в одиноких прогулках по побережью, играя с ветром и наслаждаясь дичающим дыханием остывающего моря. Её одинаково тяготило как времяпрепровождение с Анной и Леонардом, рядом с которыми она теперь остро чувствовала себя сторонним созерцателем чужого уюта, так и общество Ольги и Анатолия, резонирующее страстями и недоразумениями, что так характерны для поздно начинающих влюблённых. Каждое воспоминание о Юлие отзывалось скользким холодом в глубине сердца. И даром она сто раз повторяла себе, что сама оттолкнула его, мерзкое чувство предательства перебивало аппетит мечтам о воссоединении с ним. Илайя ещё не вполне осознала, что в ту ночь, пройдя короткий, но безвозвратный путь к самой себе по аллее Асседии, обрекла себя на одиночество. И вовсе не то сладко-сонное, свободное от мыслей уединение, что бывало любимым её состоянием прежде. Но увесистое, примагничивающее ощущение безответности её созревающих вопросов, неразделённости зарождающихся тревог, неразрешённости образов, оформляющихся в голове. Именно сейчас, лишившись Юлия, отвергнув Миру, отстранившись от родни, Илайя впервые в жизни чувствовала потребность в друге. И на то была причина, о которой она должна была кому-то рассказать. Тонкому и внимательному слушателю, который бы уловил смысл её невнятных объяснений и не стал бы сводить всё к нравоучениям. Вот так и вышло, что однажды вечером она обнаружила себя у кабинета Ледро Лубски.

Это произошло в среду. Как раз по окончании его групповых посиделок. Среди студентов, шумливо покидающих зал, Илайя наткнулась на Риту Сойку.

– Ты к нему? – Рита кивнула за дверь. – Почему не пришла раньше – успела бы на группу? Ты пропустила такой скандал! Ледро рассказывал, что нужно сделать, чтобы узнать, можно ли доверять человеку. Тимур был в ярости! Сказал, что Лубски программирует людей на неискренность, учит манипулировать и лицемерить. И ушёл с лекции. А потом я вышла в туалет, а он стоит здесь! Тимур. Подзывает меня, такой, и начинает рассказывать, что проводит какой-то отбор, и что я очень важна для него, и что позарез надо, чтобы я была искренней. Мол, остался самый последний вопрос – ну, из этих его странных анкет. И что мой ответ предопределит моё будущее. Я так растерялась, Илайя, – продолжала Рита, поминутно заправляя волосы за уши и кокетливо кивая встречным. – Ну, суди сама, кто я и какие у меня перспективы, – Рита с очаровательной миной понизила голос. – А тут такие слова, мол, на меня большие ставки. Лишь бы я была искренней и была на его стороне. Не знаю… Мне нравится Тимур. Но Лубски, мне кажется, умнее…

Ритины глаза застелила дымка воспоминания.

– *Какова самая ценная вещь, которую может дать человек в общении с вами? – спросил на лекции Ледро Лубски, обводя лукавым взглядом аудиторию. – Доверие. Открытость, честность и прямота. А как проверить, достоин ли человек доверия? Стоит ли открыть границу близости для него или, напротив, сохранять дистанцию? Невозможно узнать человека, пока не окажешься в ситуации, когда он - сильнее тебя. Хотите понять нутро – дайте человеку власть над собой. Заставьте поверить, что никакая его зависимость от вас не сравнится с вашей зависимостью от него. Разрушьте барьеры, сдерживающие его истинные реакции, – Лубски драматически насыщал тембр и взмахивал руками. – Если он ваш ученик, устройте ему день самоуправления. Если приятель – откройте ему "страшную тайну", которая может быть использована против вас. Если он ваш напарник – добейтесь, чтобы его назначили руководителем совместного проекта. Если должник – признайтесь ему в любви. Если он ваш подчинённый – пусть ему станет известно о вашем промахе. Если его роль невнятна – откройте ему свой "самый главный комплекс", – Лубски сделал загадочную паузу. – Обезопасив себя от потенциального предателя, вы спасаете не только своё доверие, но и его самого – от девятого круга ада.*

– Хотя, чего скрывать, – Рита пристально уставилась на Илайю. – Мой выбор сделан. Ты же знаешь, какое влияние в университете у Тимура? Он сын или племянник кого-то из министерства. Ему ничего не стоит прикрыть Ледрову лавочку, как он это называет. И теперь, когда они окончательно рассорились, самое время для удара. Ледро это предвидел и, конечно же, позаботился о защите. Ты знала, что Тимур завёл картотеку на каждого студента, кто участвовал в его опросе? Это ведь незаконно, потому что это наши личные данные. Но куда интереснее – с какой целью он это делает. Ледро придумал план, как выкрасть данные из компьютера Тимура, чтобы ему было, чем ответить, если Тимур задумает напасть. И я помогла ему, – Рита округлила глаза, как бы подчёркивая масштаб доверенного секрета. – Записала всё на флешку и долго колебалась, отдавать ли её Ледро. Но после сегодняшнего скандала сомнения отпали. Я отдала. Чтобы спасти его, – Рита многозначительно понизила голос. – Сама понимаешь, эта история может погубить меня, если всплывёт. Но тебе-то я могу доверять?

– Госпожа Плеро́ва, вы ко мне?

Ледро Лубски появился за спиной у вздрогнувшей Риты и с широкой улыбкой опустил руки той на плечи.

– Если у вас найдётся немного времени, – кивнула Илайя.

– Для вас – сколько угодно, – радостно сообщил Ледро, когда они расположились в плюшевых креслах у него в кабинете. – Я ждал вас.

– Ждали меня? Зачем?

– Просто ждал. Знал, что вы придёте ещё, хоть и уверяли в обратном, – Ледро не скрыл самодовольства. – И я вижу по вашим глазам, что теперь уж на то есть конкретные причины.

– Да, это правда. Я стала видеть кошмары. Почти каждую ночь. И они настолько внушительны, что владеют мной, даже когда я просыпаюсь.

– Угу, – тут же посерьёзнел Лубски.

– Часто это короткие эпизоды. Например, я иду через мост над пропастью, и он начинает рушиться. Я хватаюсь за перекладину, держусь из последних сил, но она отламывается, и я лечу вниз и просыпаюсь. А иногда целые сюжеты. Например, я пью чай и нахожу на дне странные зёрна, и понимаю, что, проглотила много таких зерён, пока пила. И они прорастают во мне мощными стеблями с шипами, которые пронзают меня насквозь. Или я сажусь в трамвай, который должен привезти меня домой, но он везёт меня в пустыню, и оказывается, что в нём нет ни водителя, ни кондуктора, а в пустыне поднимается буря и меня засыпает песком. Сны настолько реалистичны, что я стала бояться засыпать.

– Вы умираете в этих снах? – спросил Лубски, ведя головой сверху вниз и чуть вперёд, как бы буравя Илайю взглядом.

– Не знаю. Я не осознаю наступление смерти во сне.

– А что особенного произошло в вашей жизни в последнее время? Какие-то кардинальные перемены? Неудачи в учёбе? Переезд в другой дом? Новая компания? Новая работа? Утрата близкого человека, не дай бог?

– Произошло много событий, и хороших, и не очень. Но ни одно не заботит меня слишком сильно. Уж точно не сильнее, чем те изменения, которые я чувствую в себе.

– Какие это изменения, Илайя?

– Я стала отзываться на людей. На чужие происшествия. Невольно вовлекаюсь в ситуации, на которые прежде не обратила бы внимания. А в другие моменты наоборот: становлюсь безучастной ко всему.

– Это так естественно, Илайя, – с мягкой улыбкой сказал Лубски. – Для вашего возраста. Вы начинаете осознавать, а, следовательно, и обретать себя. Ширится диапазон вашего восприятия. Об этом я бы тревожился меньше всего. Другое дело – кошмары.

– Но я чувствую связь этих изменений с кошмарами. Будто кто-то вмешался в мою голову. Могло такое быть?

– Вмешался в голову, Илайя, – разочарованно протянул Лубски. – Выбросьте из головы психоделические бредни и сосредоточьтесь на более злободневных причинах вашей депрессии.

– Думаете, я в депрессии?

– Вы описали её классические симптомы. И вот что я скажу, Илайя, – Лубски чуть опустил веки, приглушая взгляд, и темп его речи стал замедляться. – Депрессия имеет конкретные причины, хотя нередко человек прячет их от себя. Депрессия – это результат того, что некая важная цель не достигнута, некое важное желание не утолено. Есть и более философский контекст депрессии. Она возникает, когда человек утрачивает связь со своей судьбой. Постарайтесь успокоиться, и мы найдём вашу причину, Илайя. Мы восстановим вашу связь. Положитесь на меня. Только без вашей помощи мне не справиться. Вы должны довериться мне. Вы хотите расслабиться, правда? Вам не стоит бояться сна, потому что я рядом, только слушайте меня… Мы найдём тогда причину, а если найти, сразу можно устранить… вы же знаете… И знаете, что можете успокоиться. Это просто, как дважды два или как трижды три или как арифметическая прогрессия: один, четыре, семь, десять, тринадцать, и уж точно не сложнее, чем шестью восемь… Вот видите, какая

вы молодец, совсем успокоились, и без страха прилегли… Вы знаете, что сон восстанавливает силы. Не нужно его избегать… И вы сами понимаете, что можно обойтись без страха, пока найдёшь свою причину, и устранишь…. Ведь это просто, с моей помощью… Положитесь на меня, слушайте меня… Всё получается…

Илайя вздрогнула от оглушительного звонка и отскочила с велосипедной дорожки. Прыжок вышел замедленный – воздух был слишком плотным. Илайя посмотрела вслед выругавшемуся велосипедисту и заметила обильные следы, оставленные шинами. Подплавленная резина тянулась за колёсами, похожая не мёрзлое болото.

Она услышала за спиной грубый многоголосый гогот. Гурьба подростков, задевая её, протопала мимо. Навстречу Илайе, растянувшись на всю пешеходную часть Аллеи здоровья, шла большая компания с чадами на самокатах. Справа снова зазвонили – в опасной близости пронеслось несколько велосипедистов, а следом – полдюжины бегунов на роликах. Улучив секунду, когда велосипедная дорожка стала свободна, Илайя попыталась перескочить на обочину, но воздух подвёл её. Он был плотнее воды и вязкий, как кисель, и хотя другие люди двигались по Аллее, как ни в чём не бывало, простое движение удалось Илайе с огромным усилием и смехотворной скоростью. Так, в затяжном прыжке через велосипедную дорожку, она и столкнулась с мальчишкой, разогнавшимся на своём самокате. Он отлетел на пару метров и приземлился у ног всполошившихся родителей.

Со всех сторон Илайе сигналили, отовсюду на неё кричали, но она лишь беззвучно шевелила губами, – все её силы ушли на прыжок. Очутившись на обочине и продвинувшись под склоны, подальше от потока людей, Илайя заметила, что вся обочина занята отдыхающими. Под каждым кустом были разложены стульчики и расстелены подстилки, повсюду на мангалах жарилось мясо. Отдыхающие сверили её укоризненными взглядами, как бы намекая на инцидент с ребёнком. Пожилая женщина, недовольно кряхтя, нагнулась и дёрнула у неё из-под ног край покрывала, на которое Илайя случайно наступила. Послышался собачий лай, и другая пожилая женщина взяла на руки собачонку, неистово вырывающуюся, казалось, чтобы вцепиться Илайе в голень. Наконец, собачонка извернулась, скакнула на землю и, кинувшись на Илайю, неуклюже ткнулась ей в ногу. Илайя споткнулась о мохнатое, дрожащее от злобы тельце, и её медленно потянуло к земле. Падая, она увидела раскалённое жёлтое небо с расплывчатыми тёмными пятнами. От него исходил тяжёлый обжигающий свет, который давил её к земле с такой силой, что она не могла ни пошевелиться, ни даже зажмуриться.

Над нею звучали разговоры, и смех, и детские визги, и чавканье, и шуршание колёс, и глухой шум волн, и странный хрустящий свист, как будто вой пересушенного ветра. Её обдавало тепловыми волнами, и в этом тепле таял кисельный кокон, стискивающий её тело. Вскоре она почувствовала привычную лёгкость движений, и решила, что какая-то процедура, которую остальные уже успели пройти, выполнена и с нею, и теперь она сможет действовать в одинаковым с ними темпе. Но когда она села посреди зарослей боярышника, в живописном закоулке Аллеи здоровья, что-то стало происходить с людьми. Их лица неуловимо менялись: у иных раздавались вширь, затем расплывались, у других вытягивались и покрывались морщинами – они стремительно старели. За считанные секунды молодые люди превращались в стариков: их кожа трескалась и осыпалась, как бракованная штукатурка, обнажая дубенеющие, отлепляющиеся от костей мышцы, а затем и скелеты ссыхались, разваливались и обращались в труху.

Илайя схватилась за лицо, дёрнула себя за волосы. В ней ничто не поменялось. Тогда она выбежала на дорожку, преграждая путь мужчине на велосипеде. Он отпустил руль, повалился на бок и стекленеющими глазами проследил, как колёса, отвалившись от велосипеда, раскатились в разные стороны. Цепенея от ужаса, Илайя попыталась унять жестокий ветер, который острыми, как топор, порывами оставлял рубцы на земле, но он

не поддавался. Вот уже деревья повалились на покорёженные скамейки. Вот уже трещины испещрили асфальтовое тело Аллеи здоровья. А ветер остервенело скрёб пылающие щёки Илайи и швырялся дотлевающими останками форм.

Илайя поплелась по всклокоченным желобам, что недавно были Аллеей здоровья, туда, где должно было быть море. Небо налилось оранжевым, по нему взметались огненные брызги. И тут Илайя поняла, что обжигающие порывы, которые она перепутала с ветром, были ощущением скорости. Они неслись к солнцу. Солнце заполняло собою почти всё видимое пространство неба, и было видно, как по его поверхности идут мощные судороги.

Песчаные вихри носили по воздуху мусор и обломки, и земля, казалось, содрогалась от страха, а огненный шар стремительно приближался. И в какой-то момент его словно надрезал космический скальпель, и из него хлынул в море поток жидкого огня. Илайя скрестила руки на груди, впилась пальцами в плечи, а из огнепада поднялась волна солнечной крови. Бурля и фыркая искрами, стала надвигаться: шире зрительного поля, выше песчаного бурана, с зигзаговыми разводами на склоне. Разрасталась и подбиралась всё ближе. Наконец, завернулась, задержалась на миг, дразня надеждой, и обрушилась вниз, накрыв Илайю и всхлипнувшую планету своей смертоносной тяжестью.

И её закрутило в огневороте, и утянуло вниз, всё глубже в огненную бездонность, без шанса всплыть на поверхность, потому что поверхности больше не было.

Но в какой-то момент огненная пасть выплюнула Илайю в спасительную пустоту, и она обрела равновесие, вновь почувствовала твердь под ногами, и открыла глаза, и узнала встревожено-жадное лицо Ледро Лубски над собою.

Глава 2. Герой нашего времени

Марат Игильманович Пандробан так и не понял, как Мире удалось улизнуть из салона «Чакрачар» в тот день, 30 октября. Он раз по десять опросил четырёх охранников, которые сопровождали её на эти чёртовы «Секреты Нефертити» (а ведь Марату Игильмановичу сразу показалась подозрительной новая причуда – слишком уж вдруг, впервые за несколько месяцев их отношений, Мире захотелось в спа-салон, но желание уделить внимание внешности было настолько естественным, священно-женским, и как бы очеловечивало внеземной образ Миры, что он не смог найти слов наперекор ему), проводил очные ставки, подстраивал ловушки: например, заявил, что Мира призналась в сговоре и подкупе охраны, но они повторяли одно и то же.

Итак, по суммарным показаниям парней выходило следующее: в одиннадцать утра в пятницу Мира вошла в здание спа-салона «Чакрачар» на Колкатской улице в сопровождении четырёх человек. Один остался у входа, другой проследовал к запасному выходу и занял позицию там. Двое других сопроводили Миру до раздевалки, где она переоделась в халат, а затем – до косметического кабинета, где Миру ждала коллагеновая маска для лица с золотом (программу процедур каждый охранник знал на зубок). Через двадцать минут Мира с плёнкой на лице и полотенцем на голове появилась в вестибюле. Охранники провели её до массажной зоны, где в следующие три часа ей предстояли гидромассаж, глубокая водная релаксация, шоколадное обёртывание, гоммаж-пилинг, а также парафинотерапия рук и ног. Присутствовать при процедурах им, разумеется, не позволили, но разрешили осмотреть помещения, где располагались ванны, бассейн и массажные кушетки, на предмет отсутствия выходов.

Оба охранника заняли позиции у входа в массажную зону.

– Там было окно, – вспомнил один из них.

– Давай-ка тогда туда, – распорядился другой.

– Думаешь, надо? Второй этаж, не будет же она прыгать. К тому же, там Лёха внизу. Я легко одет.

– Давай-давай. На всякий случай.

Итак, третий охранник вышел из здания и стал под окном массажного кабинета. Он клялся гетеросексуальностью новорожденного сына (и это подтвердила навигационная история его рации), что отошёл с того места только спустя три часа – когда с охранного поста Гейши позвонил начальник охраны и сообщил, что в данную секунду наблюдает Миру, как она входит в дом.

Подводя итог, получалось, что четыре человека добросовестно сторожили все возможные выходы из здания, пока Мира находилась в изолированной комнате спа-салона.

– А она всё-таки исчезла, – констатировал Пандробан, делая глоток виски. Он сидел в фиолетовом кресле бержер. В другом таком же, через ковёр, сидел Аркадий. Было за полночь, суббота лениво хлюпнулась в воскресенье. Приглушённо горел массивный золотой торшер. – Что ты думаешь?

– Она издевается, – подавляя зевоту, сказал Аркадий.

– Об этом я сам догадался, – проворчал Пандробан. – А что пацаны? Не думаешь, что они в деле с ней?

– Уверен, что нет. Если бы были – вернулись бы все вместе, как ни в чём не бывало. А если бы только один – на фоне остальных он бы сейчас палился. Нет, они явно растеряны. А она вернулась демонстративно, подставила пацанов, ткнула носом – зачем ей это, если они заодно?

– Ты прав, в натуре, – кивнул Пандробан и задумался.

– Она умная женщина.

Эта реплика растормошила Пандробана.

– Значит, мне нужна охрана умнее, чем она, – огрызнулся он. – Охрана, которая будет предвидеть и предупреждать её шаги, а не таращиться на меня, как стадо баранов на новые ворота.

– Дело далеко не только в охране, – деликатно возразил Аркадий. – Важней, куда и зачем она девается.

– Ты за дурака меня держишь, Аркадий? – разъярился Пандробан. – Над чем, по-твоему, я ломаю башку последние два месяца?

– Да-да, знаю. То есть, нет, не за дурака… – Аркадий похлопал себя по вискам, как бы приводя в чувство. – У неё есть цель. О которой нам ничего неизвестно. И даже если мы поставим самого бдительного сторожа, мы не приблизимся к этой цели, потому что Мира будет знать о слежке, а значит, поведёт нас по ложному следу. А вот если поступить наоборот…

– Типа, дать ей больше свободы? – сообразил Пандробан.

– По факту. Но по виду – ни в коем случае. Надо показать ей активные меры: усилить охрану, поставить скрытые камеры в спальне (она их найдёт, сто процентов), обидеться, но не переборщить, – важна натуральность. У неё должно сложиться впечатление, что вы действуете так, как она от вас ожидает. И потом надо допустить ошибку. Позволить ей ускользнуть ещё раз – так, чтобы она была уверена, что снова провела вас. И тогда она пойдёт по настоящему маршруту, а вам останется только наблюдать.

– Это охренительно здравая идея, Аркадий, – Пандробан затарабанил пальцами по коленям, потом встал и заходил по комнате с мрачно-задумчивым видом. – Так и сработаем. И ещё! Я знаю одну подругу, которая, отвечаю, сильно интересует Миру. Что-то мне подсказывает: если прижать эту подругу, Мира начнёт колоться.

В пятницу 30 октября около одиннадцати утра Мира Манн действительно вошла в здание спа-салона на Колкатской улице с тремя охранниками (ещё один, она знала, стал на караул у главного входа). Через пять минут в косметическом кабинете, скрытая от охраны бамбуковой ширмой, она обменялась одеждой со статной женщиной, которая ожидала её там. Мира терпеливо ждала, пока её дублёрше наложат маску, пока та, имитируя её жесты, на глазах у охраны повозится с чаем, покрутится перед зеркалом и, наконец, отправится в массажную зону наслаждаться «Секретами Нефертити», уводя за собой хвост Пандробана. Мира вернулась в гардеробную, надела бежевый плащ, шарф, тёмные очки, приоткрыла дверь в коридор и пронаблюдала, как один из охранников спускается вниз, перекидывается парой слов с коллегой, торчащим у входа, и скрывается. Дальше она спустилась на первый этаж и задержалась у выхода, пропуская другую высокую женщину в бежевом плаще, чёрных очках и цветастом платке. Эта женщина стремительно выбежала из салона, придерживая платок, будто желала скрыть лицо, и припустилась налево по улице. Ошпаренный профессиональным чутьём, охранник Миры, что стоял у главного входа, кинулся за этой женщиной, настиг её через полсотни метров и схватил за руку. Женщина обернулась, скинула очки и уставила на него раздражённое, неизвестное ему лицо.

– Простите, обознался, – пробурчал охранник.

Пока происходила эта сцена, Мира вышла из спа-салона, проследовала до серой вольво, припаркованной в кармане, и скользнула на заднее сиденье. Водитель захлопнул дверь, и Мира глянула в окно на своего стража: как он возвращается на пост, бдительно озираясь, и сообщает что-то по рации. У другого окна сидел ещё один пассажир с наушником и листом бумаги – это был Виктор Тоньё. Он вытащил наушник и спросил.

– Поехали?

– Постоим немного, – сказала Мира. – Незачем ему запоминать ваши номера.

В эту минуту из салона «Чакрачар» вышла элегантная блондинка, прошествовала до вольво, открыла пассажирскую дверь и села рядом с водителем, не оборачиваясь.

– Теперь можно ехать, – сказала Мира. – Только нужно сделать короткую остановку на перекрёстке Греческой улицы, у ресторана «Сиртаки».

Этот перекрёсток был в четырёх кварталах. Водитель остановил машину. Женщина на переднем сидении открыла дверь.

– Благодарю вас, – сказал ей Виктор Тоньё, уже разгадав замысел Миры.

Женщина, не оборачиваясь, кивнула, и вышла из вольво.

– Будут инструкции или пожелания, куда следовать дальше? – Виктор Тоньё повернулся к Мире.

– Моя задача на этом выполнена. Дальше – ваша очередь.

Виктор Тоньё секунду поразмыслил и сказал.

– Тогда, если вы не сочтёте это эгоизмом, мы поедем в одно место, которое максимально располагает меня к доверительному общению.

Это было неожиданное место. Выехав за северную границу города, они свернули на просёлочную дорогу и двигались вдоль лесополосы, пока не добрались до ракушнякового карьера. По пути Виктор молчал и изредка потирал то лицо, то руки. Вольво притормозила у того места на площадке, где в уступе карьера виднелся зев. Виктор выскочил из машины, помог выйти Мире и повёл её вглубь отверстия, где обнаружилась железная дверь с кодовым замком. Он набрал код, отвёл в сторону дверь и тронул внутреннюю стенку свода, отчего снизу полился неяркий свет.

– Здесь мы спустимся под землю. Телефоны не будут ловить, – предупредил он, ступая на каменную лестницу.

– У меня нет телефонов, – отозвалась Мира, берясь за его протянутую руку.

Спустившись, они прошли несколькими слабо освещёнными рыжекаменными галереями и оказались у металлической двери с круглым окошком. Здесь тоже был кодовый замок, и разбуженная цифрами дверь отползла в стену, открывая квадратное помещение, обшитое прямоугольными панелями. По низу ползла пятнистая змейка света. Одна из панелей, судя по её глянцевому виду, была экраном. Виктор достал из нагрудного кармана пульт, нажал пару кнопок, заставив две настенные панели выдвинуться и трансформироваться в кресла, похожие на расколотую яичную скорлупу, затем пригласил Миру выбрать одно из них, сам занял другое и нажатием кнопки замкнул бункер.

– Ваше логово, – заключила Мира.

– Простите, – замялся Тоньё. – Я не предупредил, что вас ожидает…

– И теперь опасаетесь, что мне дискомфортно. Напрасно. Я очень ценю ваше доверие и считаю ваш выбор удачным. Здесь интимно и безнадёжно. Здесь выгорают страсти и гасятся сигналы, которые внушают что-то лживое. В этой донной пустоте, прикасающейся одновременно и к первобытному, и к сверхсовременному, прошлое и будущее сливаются в плотный временной куб. Ничто не отвлекает от идеи, не мешает размышлениям. Разве можно придумать лучшее место, чтобы внять самому себе?

– Поразительно, как вы это понимаете. Просто видите… Я впечатлён, как и тогда, когда нашёл среди материалов об Антимаре вот это, – он показал лист бумаги, где рукою Миры был написан план ожидаемых от него действий: поиск и пошаговый инструктаж трёх женщин, которые помогли отвлечь внимание охраны Пандробана, время и место, где должен был стоять его автомобиль. – Честно говоря, я сомневался, что это всерьёз – не

мог представить, как вы ещё тогда настолько детально спланировали нашу встречу и предвидели мою реакцию. Но решил проверить.

– То, что вы приняли это всерьёз, о многом говорит мне.

– Не думаю, что вы рассчитывали на меньшее, Мира, – Виктор опустил руки на сложенные колени. – Как не думаю, что удивлю вас признанием, что разузнал о вас всё, что мог, но так и не понял, кто или что стоит за вами. Откуда исходит ваша невероятная сила, – Виктор слегка приподнял подбородок. Мира не могла видеть его лица – лишь силуэт, как, впрочем, и он – видел лишь очертания её фигуры. – Я встречал харизматичных людей, за которыми стояли незаурядные способности, выдающаяся внешность или основательный капитал. Но никогда не ощущал ни в ком силы, сравнимой с вашей, Мира. Не может даже необыкновенная красавица, пусть и наделённая влиятельным покровителем, источать такую мощь. Много бы отдал, чтобы понять, что происходит в вашей голове, чем вы живёте.

– За строгой уравновешенностью вашего лица кроется мятежный ум, – качнувшись, сказала Мира. – Он не даёт вам спуску. Вы без конца о чём-то думаете. Что-то разгадываете. Вы в плену у собственного интеллекта.

Виктор с усмешкой опустил голову.

– Чему посвящены ваши размышления? Чем вы так чрезвычайно озабочены?

Он вздохнул.

– Я счастлив, Мира, жить в этот удивительный век – когда сила человеческой мысли достигла таких высот, что способна изменить историю вселенной. Сегодняшние разработки уже завтра сделают реальностью то, что двадцать лет назад самым изощрённым фантастам во сне бы не приснилось. Взять, скажем, проект «Улей» – глобальный план застройки районов в больших городах. Это бюджетное жильё для миллионов, а в перспективе – миллиардов, людей. В Штатах и в Финляндии уже построены два экспериментальных дома. Они заселены самыми разными людьми: от одиноких гомосексуалистов до многодетных семей. Полезная площадь квартир – около тридцати квадратных метров, в них никакой отделки и минимум мебели. Зато стены оборудованы тысячей сенсоров, которые воссоздают сотни оттенков запаха, света и ощущений. В пол встроена беговая лента. Всё, что требуется от жильцов, – придя домой, надеть пижаму и очки виртуальной реальности. И из своих крошечных квартир они перемещаются хоть на борт космического корабля, хоть в сады Семирамиды. В модифицированных версиях есть даже опция купания в океане. Эти квартиры по стоимости будут сравнимы с соткой пустой земли в пригороде, и для большинства людей, которые в них заселятся, увидеть океан или Эйфелеву башню или Ниагарский водопад – несбыточная мечта, – Виктор на секунду приподнял ладони. – Что те дома! Меня всегда вдохновляла идея колонизации, но я не воспринимал всерьёз мечты именно о Марсе. Сегодня мы проектируем планету – усовершенствованную копию Земли, которая будет сформирована из метеоритной пыли и помещена на нашу же орбиту. Через тридцать-пятьдесят лет, когда завершатся экспериментальные циклы, туда отправятся первопроходцы. За несколько десятилетий они освоят её, и вопрос перенаселения Земли будет решен на, как минимум, полтысячи лет вперёд. Вас это всё не увлекает, Мира?

– Слушаю вас с большим любопытством.

– Сколько гениальных идей, выношенных светлыми умами, вот-вот заботами искусных инженеров воплотятся в реальности. Сверхзвуковые поезда, роботизация транспорта, промышленных процессов и сферы обслуживания, пересадка любых органов – всё это скоро станет рутиной. И как бы я ни был увлечён этими проектами – я отдал им колоссальные ресурсы – много лет меня терзает догадка, что я упускаю главное.

– Что именно?

– Войны, агрессия, глобальный обман, информационная бездна, экологическая катастрофа, тяга к соперничеству, жажда мести. Я думал, почему это происходит с людьми. Каких бы результатов не добивался прогресс, человек возвращается к одному и тому же: как тысячи лет назад, так и сегодня. Расхожим оправданием порока служит недостаток. Но история показывает, что даже когда недостаток устранён, порок продолжает крепнуть. Ни достаток, ни избыток не унимают его. Долго размышляя над этим, я пришёл к выводу, что причину нужно искать не в нарушении количественного баланса при распределении благ, а в отсутствии соответствия, – Виктор упёр руки в подлокотники и раскрыл ладони, словно приготовился жонглировать. – Люди бездумно стремятся к целям, которые им не соответствуют, и, достигая их, не обретают удовлетворения. И я предположил: а если направить усилия не на безличностный бурный прогресс, а на демотивацию человека и оптимизацию его потребностей? Человек – источник спроса. Необдуманный спрос выливается в дефектное предложение. Если найти лишнее и избавиться от него, если определить базовое и сосредоточиться на нём – индивидуализировать спрос, то за ним последует предельно целевое предложение. Это позволит увеличить КПД всех процессов: сократить расход ресурсов (вместо того, чтобы осваивать новые), экономить пространство, а в перспективе – снизить градус агрессии, порождаемой неудовлетворённостью, сделать бессмысленной борьбу за власть или за территорию, – Виктор свернул ладони в кулачки, затем снова освободил их. – Люди заняты зарабатыванием денег. Попробуйте спросить их сделать что-то бескорыстно – у них нет к этому интереса и не хватает на это сил, потому что весь потенциал они тратят на зарабатывание денег, веря, что удовольствуются их плодами. Чем выше благосостояние общества, тем дороже человек будет брать за ту работу, которая в другом обществе стоит на порядок дешевле. Чем больше ненужных вещей приобретает человек, тем сложнее ему заставить себя трудиться, потому что он догадывается, что ещё какое-то количество ненужных вещей не удовлетворят его. Но что-то заставляет его думать, будто если он приумножит свой капитал, то сможет претендовать на неизведанные им и ещё не разочаровавшие его плоды. Конфуций сказал: выберите работу по душе, и вам не придётся работать ни одного дня. Поставив во главу угла поиск соответствия, я мог бы помочь человеку находить своё предназначение с ранней юности. Если и возможно какое-то подобие личного рая… – Виктор вдохновлено выдохнул. – Я собрал команду, которая разработала уникальную программу тестирования личности. Сегодня по ней проводятся тестирования в двадцати трёх странах мира среди самых разных социальных групп. Их задача – собрать материал, а потом нужна программа, которая сумеет его обработать. И вдруг появляется Антимара. Понимаете ли вы, что она значит для меня? Что этот алгоритм – возможно, самый точный ответ на мои изыскания? Разве случайность, что он появился теперь? И сразу устремился ко мне?

Мира зашевелилась в кресле, меняя позу.

– Я вижу, что вы не приняли то решение, на которое я надеялась, – сказала она. – Вы размечтались об Антимаре и обо мне, ассоциируя меня с нею и сами не зная, о чем или о ком из нас мечтать дерзновеннее.

– Нет цены, которую я не заплатил бы за Антимару, – воскликнул Тоньё. – Но вы навязываете мне партнёра, который видит в этом шедевре лишь способ наживы. Разве вы не видите, что наши курсы никогда не пересекутся? Наше партнёрство немыслимо.

– Вы упускаете кое-что, Виктор, – вкрадчиво проговорила Мира. – Целью Пандробана являетесь вы, а не Антимара. Она – лишь доступ к вам. И если вы готовы принести другую жертву, то Антимара может стать безраздельно вашей. Выберите соблазнительны для УГДЫ актив, выделите его в отдельный бизнес и впустите туда Пандробана, а в обмен потребуйте все права на «Бот Ламахуд».

– И он согласится на это? – оживился Виктор.

– Зависит от того, что именно вы предложите. Насколько щедрым окажетесь.

– За этим дело не станет! Я могу вложить в партнёрство производство электробусов или компанию по добыче технических газов – это моя чистая собственность, свободная от интереса и рисков инвесторов. А значит, мне не нужно ничьё согласие, да и эти отрасли ближе УГДе, чем информационные технологии.

– Добыча технических газов – очень интересное предложение, – подтвердила Мира.

– Спасибо вам, – сказал Виктор с теплотой. – Это может стать решением.

Мира склонила голову и, как показалось Виктору, повела ею в сторону циферблата за его спиной. Он отфиксировал время и сдвинулся на край кресла, готовый подняться в любую секунду.

– Процедура в спа-салоне будет длиться ещё час, – сказал он. – Если только у вас нет другого дела… В таком случае я немедленно отвезу вас, куда нужно.

– Я не тороплюсь. Если моё присутствие не слишком стесняет вас.

– Ваше присутствие… – возразил Тоньё и беспокойно потёр ладони. – Я хотел бы использовать, чтобы прояснить… – он мотнул головой, как бы подбадривая себя. – Вы ошибаетесь, Мира, если считаете, что интересуете меня исключительно как посредник Антимары. Вы имеете на меня удивительное действие. Я вот только что говорил о своих проектах, о самых главных вещах в моей жизни. Но в вашем присутствии всё это куда-то отодвинулось, как будто потеряло смысл. Я желал бы погрузиться в этот интерес, но не могу, по понятной причине… Я долго думал, что заставило вас остановить выбор на господине Пандробане… И счёл, что это могли быть искренние чувства.

– Вы говорите как будто с пренебрежением, – мерно сказала Мира. – Не верите в это?

– У меня есть дурная профессиональная привычка: подвергать сомнению всё, в чём я не удостоверился лично.

– Я не стану делать из этого секрета, – холодно откликнулась Мира. – Я выйду замуж за Пандробана, потому что никто не любил меня так, как этот человек.

– Понятно, – сказал Виктор. – Значит, просто быть любимой – ваш главный приоритет?

– Только любовь оживляет человека. Без неё люди мертвы, даже если им принадлежит весь мир.

Виктор смущённо сглотнул, изучая неподвижную тень напротив себя. И вдруг она шатнулась, и ему почудилось, что победная улыбка озарила беспристрастное лицо Миры Манн. Виктор настороженно проследил за её движением. Она наклонилась к его правой руке, и он заметил у себя на запястье крошечный голубой огонёк, мерцающий в ритме пульса.

– Не беспокойтесь, Виктор, – сказала Мира. – Это совершенно безопасная штука – маленький сюрприз для вас, – с этими словами она подошла к нему, сделала что-то неуловимое с его запястьем, и он ощутил на ладони крошечную фишку, которая тут же погасла. – Это органический сенсор – аксессуар новой программы от разработчиков Антимары. Программа призвана улучшить качество досуга. Датчик фиксирует время, которое вы проводите за разными занятиями, и сопровождающие гормональные изменения. По результатам исследуемого периода она выдаёт коэффициент и полученного вами удовольствия и график зависимости от того, чем вы занимались. Вы можете помочь программе: детализировать классификатор занятий, самостоятельно отмечать момент смены занятия и выставлять оценку удовольствия по двадцатибальной шкале. Тогда она примет во внимание ваше субъективное мнение, синтезирует его с биологическими показателями, и результат выйдет более обоснованным.

– Замечательно! – просиял Тоньё.

– Ваш сенсор. И ваш калькулятор удовольствия, – Мира передала Виктору карту памяти, которую держала у себя в сумке. – Слушая вас сегодня, я перестала сомневаться, что эта безделушка придётся вам по вкусу.

Виктор Тоньё встал с кресла, а в бункер вдруг влился оранжевый свет, как от свечей. Мира осмотрелась, но не увидела его источника. Виктор разглядывал силиконовую фишку.

– Когда вы успели прикрепить сенсор? Видимо, когда я подал вам руку на лестнице? Почему он начал мигать только сейчас? Что означает голубой цвет?

– Датчик ведёт себя незаметно, пока один из гормонов не начинает зашкаливать. Тогда сенсор определённым цветом сигнализирует о резком повышении его концентрации. В вашем случае это был адреналин.

Виктор Тоньё поднял на неё любопытный, с каплей робости, взгляд.

– Вы опасная женщина, – сказал он.

– Нет, Виктор. Любая опасность следует лишь изнутри нас.

– Я мог бы с этим поспорить, – возразил Тоньё и посерьёзнел, заметив отстраненность во взгляде Миры. Ещё минуту назад такая близкая и уместная, теперь, докончив дело, мыслями она была уже далеко от него.

– Готова поддержать любой угодный вам спор при нашей следующей встрече, – своим тоном доказывая желание закончить беседу, сказала Мира.

– Когда и где случится эта встреча? Меня ждёт очередной сюрприз на карте памяти?

– Нет, – лицо Миры преломилось непривычно широкой улыбкой. – В следующий раз мы будем импровизировать.

Глава 3. Самообманутое доверие

Тимур Семуров сполоснул рот и оскалился в зеркало над умывальником – убедиться, что между зубами нет остатков пищи. Зубы были ровные, с матовым блеском. Тимур погладил языком верхние резцы, и вдруг челюсть на миг почудилась ему изуродованной, словно от сокрушительного удара. Неприятно поражённый своей фантазией, Тимур перекрыл кран, отряхнул лацканы пиджака, осмотрел лицо и вышел из уборной.

Дверь в аудиторию была приоткрыта, и это насторожило Тимура, ведь для студентов было ещё слишком рано. Он задержался у двери и, ещё ничего не видя, почувствовал, что внутри ждёт гость. Когда Тимур вошёл, гость, сидевший в верхнем ряду, встал и спустился к лекторскому столу. Это был Ледро Лубски. Тимур бросил тревожный взгляд на заготовки к лекции, сложенные в открытом портфеле.

– Я не рылся в твоих бумагах, – угадывая его мысли, сказал Лубски. Он стал через стол с приветливо-решительным видом. – Я и без них знаю о твоём тестировании.

– Вы о моих скромных наработках по типированию личности?

– Не твоих наработках, Тимур, – прищурился Лубски. – Ты сложил красивую легенду о самопознании и самоопределении, не очень изящно, но всё же вплёл её в учебный курс и теперь терроризируешь студентов каверзными вопросами, смысла которых они не понимают. Я разузнал о твоём тестировании. Ты не единственный, кто использует эти вопросы. И они являются чьей-то интеллектуальной собственностью.

– Большинство из них придуманы мною и являются моей интеллектуальной собственностью! – яростно возразил Тимур.

– Я же не спорю, – Ледро примирительно поднял руки. – Я всегда признавал твои выдающиеся способности. Но сама идея не твоя. Чья она, Тимур? В чём настоящая цель тестирования?

– Я этого не знаю. А даже если бы и знал…

– Значит, ты предоставляешь мне выяснять это самостоятельно. Расспрашивать студентов, направлять запросы по инстанциям.

– Я настоятельно не рекомендую этого делать, – багровея, сказал Тимур Семуров. – Такая деятельность чревата обратным эффектом. Как само тестирование, так и его результаты строго конфиденциальны. И это не моя установка.

– Конфиденциальны! – воодушевлённо повторил Лубски. – Прекрасно. Тем выгоднее тебе сделать меня союзником, а не противником, – видя, что краснота понемногу сходит с лица Тимура, он переключился на свой фирменный вкрадчиво-увещевательный тон. – Я готов содействовать, Тимур. Ты – одна голова. Я предлагаю тебе ещё одну. Моя точка зрения отличается от твоей – согласись, это пойдёт на пользу исследованию.

Не глядя на Лубски, Тимур прошёлся мыслью по недлинному маршруту внутри головы.

– Как вы себе это представляете? Через пять минут начнётся лекция. Что вы намерены делать?

– Не мешать тебе, – Лубски слегка наклонил корпус к Тимуру. – Я понаблюдаю: хочу понять твой подход. Кто поставил задачу, Тимур?

– Тестирование заказано министерством, – сказал Тимур, чувствуя недовольство собой, что так легко отвечает на этот вопрос.

Лубски присвистнул.

– Передо мной поставлена конкретная задача. Чьей стратегии служат результаты – я не знаю. Пока, – амбициозно добавил Тимур.

Ледро задумчиво подёргал бородку, а потом с умилённой улыбкой воззрился на Тимура.

– И это ты смел обвинять меня, что я испытываю на студентах свои теории.

– Я не испытываю свои теории! – уязвлённо вздрогнул Тимур. – Я даю людям возможность узнать себя. Это невозможно сравнивать.

– Ну, ладно, ладно, – Лубски закивал. – Если бы ты сразу объяснил, в чём дело, а не мистифицировал… Но будь спокоен. Уж мы с тобой постараемся. Сделаем так, чтобы нами были довольны.

С этими словами он подмигнул Тимуру и отправился на дальний ряд, потому что в аудиторию стали понемногу набиваться студенты. Первыми традиционно втиснулись за передние парты неразлучные тихони-хохотушки Лора и Соня, за ними ввалились студенты, игравшие на тотализаторе, после них угрюмо-высокомерный одиночка Боря Мещеряков, за ним – молодожёны Костя и Вика. Усилившийся поток студентов напоминал пригоршню парафиновых шариков, обдуваемых чьим-то дыханием: иные громоздились в передней части аудитории, другие растянулись по рядам, третьи крутились на месте, натыкаясь друг на друга. Рита вошла под руку с Илайей, тараторя и разбрасывая по аудитории выразительные взгляды, и сразу заметила Ледро Лубски.

– А он что здесь делает? – бледнея, пробормотала она и испуганно покосилась на Илайю.

Илайя пожала плечами, и они сели на свободные места в третьем ряду.

Дождавшись тишины, Тимур Семуров с внушительным видом встал с лекторского кресла.

– В день нашей первой встречи я обещал чуть ближе познакомить вас с самими собой. Позднее я предложил вопросы, чтобы по вашим ответам определить, кто из вас готов стать частью особой команды. Я говорю о группе студентов, которая по итогам моего отбора будет зачислена в штат института ботаники Национальной академии наук. Они приобщатся к решению таких задач как моделирование экстремальных экосистем для тестирования выживаемости животных и человека, разработка промышленных биотехнологий, подготовка исследовательских миссий, в том числе, космических. Каждый студент, помимо штатного оклада, получит стипендию на обучение в аспирантуре любого учебного заведения страны, а также все привилегии научного работника, включая внеконкурсное участие в образовательных программах, квоту на финансирование исследований, бесплатное проживание на территории академгородка, – Тимур сделал паузу, вслушиваясь в воодушевлённый гул. – Я перечислил малую часть того, что ожидает моих избранников в случае успехов в работе. Я говорю «моих», поскольку эта группа будет работать под моим руководством. Это будет моя команда. Я много раз подчёркивал, что в ваших ответах важна искренность. Но не менее важной является и ваша лояльность. Чтобы проверить ваше ко мне истинное отношение, я не раскрывал настоящую цель тестирования. И умышленно утрировал свои причуды. И прежде чем предложить финальные вопросы, повторю, что ожидаю от вас тех же вещей: искренности и непредвзятости.

– Национальная академия наук? – ошарашенно шепнула Илайе Рита. – Он может устроить нас в академию? Ты тоже так поняла?

– Видимо, да.

– Думаешь, серьёзно?

– Ты сама говорила, что он крупная шишка. Вряд ли бы он врал перед целой аудиторией.

– Да, я говорила, – глухо протянула Рита и странно-подозрительно покосилась на Илайю.

Тимур, тем временем, раздал листки с заданиями, в которых от студентов требовалось дать развёрнутые ответы на три вопроса:

1. Опишите день из вашего будущего. Вам шестьдесят пять лет. В ответе должны упоминаться место, где вы живёте, место и характер вашей работы (если вы работаете),

люди из вашего окружения, комната, в которой вы спите, ваше дневное меню. Рекомендация: выстраивать ответ по распорядку дня.

2. Ваш вариант решения задачи о вёслах и блогерах: у вас есть лодка с двумя вёслами. Вам нужно перевезти на другой берег группу блогеров: первый блогер учит правильно питаться, второй – строить отношения, третий истерит по поводу политической ситуации, четвёртый все время ноет, пятый несёт Свет Истины и приглашения в сетевые игры. В лодке есть ещё одно сидячее место. Блогер, пока вы его перевозите, выносит вам мозг, и вы становитесь таким же, как он. Удар веслом заставляет блогера замолчать на время, достаточное для того, чтобы сплавать туда и обратно. Весло ломается после второго удара. Вы можете выходить из лодки и заставить блогера грести. Оставшиеся на берегу выносят мозг друг другу, поэтому по возвращении вы можете обнаружить, что один их них стал сторонником кого-то из оппонентов. Как вы поступите?

3. Если бы вам пришлось выбирать между чувствами и событиями, что бы вы выбрали: глубокие чувства, вызванные иллюзиями, или плоские эмоции, вызванные действительными событиями?

– Постарайтесь уложиться в тридцать минут, чтобы мы могли продолжить лекцию, – сказал Тимур, уселся в лекторское кресло и стал с бдительной ленцой мотать новостную ленту.

Первые десять минут прошли в полной тишине – студенты торопились дать ответы, которые не вызывали у них затруднений. А затем многие стали переглядываться и даже негромко переговариваться.

– Ты вообще поняла вторую задачу? – шепнула Илайе Рита. – Чего здесь надо?

– Не похоже, что у неё обычное логическое решение, – отозвалась Илайя, сама уже не одну минуту размышляя над нею. – Я думаю, это задача на приоритеты. Похожая на ту, с картинами, – помнишь? Ведь никак не получается переправиться всем невредимыми и неизменными. Нужно принести в жертву или себя или кого-то из них.

– В жертву чему?

– Ну, типа, биологическому разнообразию. Например, я могу сфокусироваться на защите своего сознания от постороннего влияния. Тогда я перевожу первого блогера, ударив его веслом. На другом берегу высаживаюсь и отправляю его за вторым блогером. Когда они приплывают, я в одиночку плыву за третьим, стукаю его другим веслом, переправляю и высаживаю. Возвращаюсь одна, отдаю лодку двум оставшимся блогерам, а сама остаюсь на первом берегу. В итоге я теряю лодку, не имею возможности добраться на другой берег и никак не контролирую перераспределение ролей между блогерами. Можно попытаться сохранить лодку, но ценой высокого риска при последней переправе. Тогда, приплыв на другой берег с третьим блогером, я его не высаживаю, а высаживаюсь сама, и отправляю его за четвёртым блогером – как ранее поступила с первым. Когда третий и четвёртый блогеры приплывают, я забираю лодку, плыву за пятым блогером, стукаю его веслом, весло ломается, и я пытаюсь доплыть до берега с одним веслом. В итоге: если нам удастся добраться до берега с одним веслом, я сохраняю лодку, но теряю весло и, опять же, никак не контролирую перераспределение ролей. При этом я сохраняю своё сознание в неизменном виде. Но мне ближе другое решение. Я исхожу из того, что в результате перевозки мне желательно минимально отклониться от изначальной расстановки сил и функций блогеров. Поэтому я делю блогеров на три группы: бытовые конструктивисты (это те двое, что учат здоровому питанию и налаживанию отношений), их функция – успокаивать и внушать окружающим позитивный настрой. Двое других – политик и нытик – социо-детонаторы: служат выплеску агрессии и негатива. И пятый – переключатель внимания: он отвлекает от проблем, предлагая подписчикам утешительно-развлекательную иллюзию, также он может служить козлом отпущения. Моя «задача минимум» – сохранить хотя бы по одному представителю каждой группы. Если мне самой

предстоит попасть под влияние, то предпочитаю влияние бытовых конструктивистов. Я расписала этот вариант решения с учётом всех возможных комбинаций. Я использовала по одному удару каждого весла, и мне удалось сохранить лодку в рабочем состоянии. Да, я утратила нейтральность, но влияние, под которое я попала, нерадикально, и со временем от этого влияния можно отойти.

Рита дважды мигнула с выражением восхищённого сострадания и потом спросила.

– А как ты ответила на первый вопрос?

Илайя молча передала ей свой листок. Там было написано: садовод-старожил «Асседии», меню и распорядок дня согласно штатному расписанию с отклонениями по наитию.

Через сорок минут Тимур Семуров собрал работы и аккуратно упаковал в чемодан.

– Благодарю вас. Результаты будут на следующей лекции, – выпрямляясь, резюмировал он. – А теперь поговорим о феноменологии и эволюции её идей вплоть до нашего времени.

– И последний вопрос! – раздался громкий голос Ледро Лубски. – Добрый вечер! – он спустился к лекторскому столу и поклонился аудитории. – Счастлив отрекомендоваться тем, кто меня не знает, а таких здесь, к сожалению, немало: Ледро Лубски. Кафедра психологии и фрикомании, – пока по аудитории катился смешок, Ледро повернулся к напрягшемуся Тимуру и скорчил ему умоляющую гримасу. – Итак: что вас больше всего раздражает? Ничего не пишем. Отвечаем устно.

– Как это, устно? – брякнула голубоглазая толстушка Соня.

– Да очень просто! Встаём и отвечаем. Сидя, кстати, тоже можно. Лёгкий вопрос! Что вас раздражает? Больше всего.

– Да мало ли что…

– Ну, ладно! Что там – наглость, глупость, безнравственность, жадность, вечное недовольство, склочничество, зависть?

– Ну, наверное, наглость. И хамство.

– Та-ак.

– И такое поведение, будто все вокруг что-то должны. И когда сплетничают. Ну и глупость, конечно. Точнее, тупость. Такая вот беспробудная. Кого не раздражает тупость?

– Да уж, – подхватил Лубски и обратился к студентам. – Можно попросить поднять руки, кого раздражает тупость? – в аудитории, поначалу неохотно, но скоро уже смелее поднялось довольно много рук. – Во-от. И наглость, и хамство – сложно найти ценителей таких качеств. И всё же надо выбрать: что раздражает вас сильнее всего, – Ледро вернул своё внимание Соне.

– Ну если нужно что-то одно… Тогда ничего нет хуже, чем когда издеваются над людьми.

– Во-от. Это уже интереснее, – с удовольствием отметил Лубски и ласково улыбнулся Соне. – Кто ещё готов публично признаться, что его раздражает сильней всего?

– А в чём фишка? – нахмурился Боря Мещеряков.

– Фишка в том, что тебя больше всего раздражает то, что есть в тебе, – предположил парень с красивым, рассудительным лицом.

– Ну, не скажи, – смешно сгримасничав, протянул Лубски.

– Я думаю, фишка в том, чтобы сказать во всеуслышанье, – высказался Илья Брик, один из главных умников факультета. – Он сказал «признаться». Думаю, это ключевое слово.

– Вонючки раздражают! – весело выкрикнул кто-то.

– Но не так, как нытики, – возразил женский голос. Его обладательница – девушка с круглым живым лицом – подняла руку и встала. – Даже наглость и хамство не так бесят, как жевание соплей и вечная скорбь. Есть такие, которые портят всем настроение кислой миной и бесконечным переживанием надуманных проблем. При этом, встать и что-то изменить в жизни – вечно находятся отговорки. Вот это я, наверно, больше всего ненавижу. Именно так я понимаю смертный грех – уныние.

– По-моему, те, кто на вечном позитиве, ничем не лучше, – вставил другой студент.

– Это точно! – поддержала бледная девушка с короткой стрижкой. – Меня лично раздражают добрячки. Весь такой добренький и с вечным упрёком в глазах. Только и ждёт повода начать нравоучения.

– А меня раздражают лузеры, которые обвиняют в своих проблемах родителей. Чистые убожества.

– Выпендрёж! – вновь крикнул задорный голос.

– Это что такое? – заинтересованно нахмурился Лубски.

– Это когда пи-письками меряются, – отозвался голос. Его обладателем был долговязый весельчак Коля Женцев. – Извините. Но вы сами спросили.

– Как биолог, вы могли выразиться в научных терминах, сказав, например, о сравнении стволов. Я бы вас понял, – подмигнув довольному Коле, Лубски переключился на студентку с длинной косой, перекинутой на грудь. – Готовы высказаться?

Студентка встала и мотнула головой, отправляя косу за спину.

– Лезущие не в своё дело раздражают. Я могу смириться с тем, что человек заперся в своем мирке, не развивается, хамло или просто язва. Но если человек начинает встревать там, где он не шарит или где некорректно "вставлять мнение", то все барьеры моей терпимости к чужим тараканам рушатся.

– Я в одной знакомой так разочаровалась, – вскочила ещё одна студентка – в её невзрачной внешности появилось нечто привлекательное, когда она заговорила. – Она вся такая активистка, ездит по музеям, выставкам, семинарам. А я обронила в разговоре, что собираюсь летом на дачу с родителями. Так она специально позвонила мне домой, и стала отчитывать, что на дачу летом ездят огородники и старые девы с котами. А мне, мол, двадцать один год, самое время брать от жизни всё, путешествовать, мужа искать интересного. Я с её слов выхожу какое-то тухлое говно. Ну, хорошо, она ездит по музеям, а я на велике с компанией по семь часов катаюсь по всему городу и участвую в велогонках. Я что, хуже неё отдыхаю? Почему я должна становиться многодетной матерью и полюбить музеи, в которых я от духоты падаю в обморок? Меня раздражает в людях это качество: когда они судят, не зная о жизни человека ровным счетом ничего, не допуская, что у человека могут быть другие предпочтения.

– Ой, как повезло людям, которых никто не раздражает, на всех посторонних чхать, – охнула жизнелюбивая Лора, обернувшись из первого ряда. – Может, если меньше сравнивать себя с кем-то, так и раздражать ничего не будет?

– Разрешите, я скажу, что раздражает меня, – вызвалась миниатюрная блондинка из центра аудитории. – Равнодушие, жестокость и зависть. Общество потеряло качества, которые делали нас людьми. Женщины с юных лет только и думают, как бы найти кого побогаче, спускают все деньги на шмотки и салоны, мужики ищут любовниц помоложе. Забыли, что такое сострадание, жалость, взаимопомощь. Всем наплевать не тех, кто нуждается. Многие запросто пройдут мимо умирающего животного. Ценности на сегодняшний день – это крутая тачка, шуба, брильянты, крутой мобильник. Кем вырастут наши дети? Надеюсь, когда-нибудь наступит судный день.

– Да! – вскричала красотка Дина Габер. – А что касается животных – извини, но это глупость. Терпеть не могу кошатников и собачников. Это же чаще всего мизантропы.

Кучу денег отваливают на животных, а в мире столько больных людей! Детей! Одна женщина, тридцать лет, мать двух малышей, так и умерла, – не было денег на операцию. Зато на собак у всех деньги находятся.

– Ну, каждый сам решает, на что и кому деньги давать. Животные сами себе помочь не могут – заработать, занять, взять кредит, – возразила блондинка.

– Кому ты это говоришь? Если бы она понимала! – яростно вмешалась Алиса Кун, неряшливая, но добродушная девушка, которая, начиная с октября, даже на лекции не расставалась с беретом, опасаясь простудить голову. – Вот таких, как она, – ненавижу. Которые лезут в чужой карман с советами. Свои деньги она может девать, куда угодно: отдать больным раком, бомжам или туземцам Занзибара. Хоть в унитаз спустить. А моя семья отдавала, отдаёт и будет отдавать деньги на животных. И мои дети будут это делать. Кто ей мешал оплатить операцию "одной женщине тридцати лет"? Или организовать сбор средств на эту благую цель? Легче указывать собачникам, куда им направить свои средства.

– Жалкие людишки, – с чувством сказал широкоплечий студент со шрамом на левой скуле.

– Что раздражает вас, сударь? – спросил у него Лубски.

– Меня бесят тупые вопросы.

Коля Женцев поднял руку.

– Да? – оживился Ледро.

– Я хотел сказать, что поддерживаю всех, кто вступился за животных. Пока вы есть – мир ещё не пропал, – он соединил ладони над головой и потряс ими.

Реплики взвинтившихся студентов сыпались со всех сторон. Раскалённые, вредоносные, как искры от сварочной машины. Но над головой Ледро Лубски они превращались в фейерверк, – он ловил их с жадным вниманием и вмешивался в дискуссию, лишь когда уже остро чувствовалась необходимость в арбитре.

– Народ, опомнитесь! – держа за руку жену, воззвал Костя. – Я хотел сказать, что меня ничего не раздражает. Но послушал вас и понял, что вызывает у меня не то чтоб раздражение, а недоумение. Попытка некоторых людей противопоставить своё представление о мире реальному мироустройству. Они бесятся из-за того, что мир устроен так, как он устроен. Народ! Мир таков, каков он есть. И люди таковы! Вы же не раздражаетесь из-за того, что случаются наводнения или что ток идёт по проводам. Вы принимаете это как данность. Так же и люди – данность. Какой смысл раздражаться из-за того, что кто-то что-то сказал или как-то посмотрел? Отнеситесь к этому как к току в проводах: ну, такие у людей законы движения. Похоже, меня больше всего раздражает раздражительность.

– Да уж, столкновение с самими собой бывает травматичным, – отреагировал Ледро.

– А сила самовнушения вообще убийственна! Я видел по телеку эксперимент, как приговорённому к смерти заменили казнь через повешение на выпускание крови. Но ему не разрезали вены, а только полоснули тупой линейкой и поливали руку водой, будто бы это кровь. В итоге он умер от малокровия.

– Меня раздражают те, кто доверяют СМИ!

– А меня те, кто во всём видят заговор!

– А меня вообще всё раздражает. И весь этот балаган. Непонятно зачем затеянный. Вы драки нашей добиваетесь, что ли?

– Я поясню, – поднялся Тимур Семуров. – Вопрос моего коллеги был задан ради статистических данных по социальному срезу. Но, думаю, пора остановиться – вы чересчур возбудились.

– Но ответ дали не все, – наступательно возразила Рита Сойка.

– Полученных ответов достаточно, – Тимур выразительно посмотрел на Ледро, ожидая, что тот поддержит его.

– Вы не отвечали, Рита, это правда, – отозвался тот. – Не могу лишить вас такой возможности. Прошу.

– Я уступлю очередь моей ближайшее подруге Илайе, – Рита шагнула в сторону, как бы открывая Илайю присутствующим.

Та с тревожным недоумением подняла голову.

– Илайя? – мягко потребовал Лубски. – Что раздражает вас сильнее всего?

Илайя молчала, озираясь с тугой, болезненной растерянностью.

– Колись уже! – потребовала Алиса Кун.

– Вы отказываетесь отвечать, Илайя? Или затрудняетесь найти ответ? – не унимался Ледро.

– Она не ответит, вы же видите, – нервно сказал Тимур.

– Но вам ведь нужен её ответ! – не уступала Рита. – Она отличница и прирождённый биолог. Кому, как не ей, претендовать на место в вашей команде.

– Не беспокойтесь, Рита. Ваша подруга уже в списке, – авторитетно заявил Тимур, ещё не сообразив, что угождает в ловушку.

– Вот оно что! – сверкнула глазами Рита. – Если ваш список уже сформирован, зачем нужны были сегодняшние вопросы? Или он сформирован только частично?

– Вы правы, госпожа Сойка. Он сформирован частично.

– И что же, есть в нём другие имена, кроме Илайи? Любопытно, кто ещё из нас мог позволить себе не отвечать на последний вопрос и всё-таки угодить в ваш счастливый список?

Только теперь Тимур почувствовал западню и, смешавшись, задержался с ответом.

– А ещё более любопытно, по каким критериям проводится отбор, и, в частности, по каким критериям была отобрана именно Илайя?

– Готов удовлетворить ваше любопытство, госпожа Сойка. Ответы Илайи на предыдущие вопросы были нетривиальными. Это позволило утвердить её в состав моей команды даже без учёта ответа на этот последний вопрос, – с достоинством пояснил Тимур.

– Что ж, вас на слове не поймаешь, – сумеете выкрутиться, – чувствовалось, что Рита теряет самообладание. Её губы и руки, сжатые в кулаки, слегка тряслись. – Но с Илайей дело в другом! Вы упомянули лояльность, и я догадываюсь, как именно Илайя доказала вам свою! – Рита возвышалась над партой с видом прокурора, жаждущего стать палачом. – Она рассказала вам, что Ледро заполучил данные из вашего компьютера? И что я выкрала их для него? И что он собирался шантажировать вас, так ведь?

Илайя залилась предательской краской фальшивого стыда и нашла глазами Тимура, который изумлённо смотрел на Риту, переваривая услышанное. Рита повернулась к Ледро, закусившему губу.

– Вы спросили, и я скажу, кто сильнее всего раздражает меня. Волки в овечьей шкуре – вот кто! Илайя была человеком, которому я завещала бы свой дневник. Многие считают её странноватой, знаете? И я отшила не одного ухажёра из-за пренебрежительного отношения к Илайе. Потому что верила, что хороший человек не может относиться к ней плохо. Она такая светлая. Я думала, что её свет – мой пожизненный талисман. Я думала, наша дружба – как из книг. Я могла усомниться в ком угодно, но последней, в ком я заподозрила бы предательницу, была Илайя. Если бы не Ледро, я не узнала бы, какое

вероломство кроется за этим ангельским обличьем. Вы рассказали нам, как проверить, достоин ли человек доверия. Я не собиралась испытывать это на Илайе. Но в тот день – не знаю, что нашло на меня, – я придумала историю про выкраденные данные из компьютера Тимура. И рассказала ей, – Рита ткнула пальцем в Илайю. – Ничего не было, Тимур! Ни заговора, ни скопированных данных! Только вероломное предательство.

Илайя с тяжким сокрушением покачала головой.

– Значит, ничего этого не было? – с сомнением спросил Тимур. – Как же Ледро узнал о моих исследованиях?

– Скажите ему, Ледро! – воскликнула Рита.

Лубски втянул голову в шею.

– Я ничего не говорила, Рита, – пробормотала Илайя. – Я даже не помнила о твоих словах, пока ты сейчас не сказала.

– Ага, конечно! – воскликнула Дина Габер. – Стандартный ход разоблачённого предателя – в отказ!

– Понятно, как всё было, – встрял сосед весельчака Коли. – Она сдала тебя Тимуру, а тот пошёл к Ледро с предъявами и в разговоре спалился.

Илайя переводила вопросительный взгляд с Тимура на Ледро в надежде, что они опровергнут эти слова, но они лишь настороженно переглянулись.

– Благодарите Илайю, – мстительно выкрикнула Рита и разрыдалась.

Тут же около неё оказался повеса Тихон, никогда не скрывавший симпатии к ней. Он усадил Риту рядом с собой и зашептал что-то на ухо.

– Выходит, она слила тебя, а сама вышла победителем, – заключила Алиса Кун. – Круто удружила.

– Но Тимур ведь теперь хорошо подумает, оставлять ли её в списке? – вызывающе спросила Дина Габер.

– Что-то не похоже, – брякнул Тихон. – Может, они заключили сделку.

– Тимур, вы как-то прокомментируете? – предложил Ледро Лубски.

– Не сейчас, – глядя на часы, сказал Тимур.

– А мне в вашем списке, разумеется, место теперь заказано? – вырываясь из утешительных объятий Тихона, вскочила Рита.

– Мы обсудим это в более подходящее время, госпожа Сойка, – официальным тоном произнёс Тимур. – А наша лекция окончена, – он закрыл чемодан.

Илайя сидела, опустив голову и зажав ладони между коленями, чувствуя себя под прицелом ненавидящих взглядов. Звонок с пары прозвенел, как колокол, и полифония прощальных реплик зазвучала неразборчивым речитативом, как вдруг около неё оказался Ледро Лубски.

– Вот что бывает, когда пренебрегаешь коллективным вектором, – сказал он поучительно-сочувственным тоном. – Задумайтесь над этой ситуацией. Она очень показательная. Я настаиваю, чтобы мы обсудили её на следующем сеансе.

Студенты давно ушли, а Илайя всё сидела в прежней позе и судорожно мигала, словно стараясь выморгать соринку из глаза. Она опомнилась, увидев рядом Тимура. Он был в пальто нараспашку с намотанным поверх шарфом. Помог ей одеться, и они вышли из аудитории, а потом из здания университета, подошли к машине Тимура. Он усадил её на заднее сиденье, сам сел за руль. Она не спрашивала, куда они едут, не следила за дорогой, не слышала его вопросов, если он их задавал. Скоро Тимур свернул на парковку

небольшого жилого комплекса и остановился у апломбистого семиэтажного дома с благоустроенным двориком. Илайя поняла, что он привёз её к себе домой.

Тимур провёл её в просторную гостиную с окнами от пола до потолка, через которые виднелось море. И хотя Илайя была чересчур подавлена, чтобы присматриваться к интерьеру, она всё же обратила внимание, что все стены увешаны картинами и гобеленами. Присев на кресло, она оказалась против композиции из пяти изображений в чёрных рамках. Они висели в порядке олимпийских колец, под каждой рамкой крепилась табличка с названием. В первой рамке, подписанной «Кулисы зимы», находилось стекло с морозным узором. Во второй, названной «Скорость круга», была фотография с концентрическими кругами, расходящимися по воде. В третьей помещался коллаж под названием «Прошлая жизнь почвы». Основой коллажа служило нечто похожее на человеческую плаценту, и к ней крепились крошечные фигурки: обручальные кольца, значок фейсбука, долларовая купюра, чайный куст, велосипед, венецианская маска, Эйфелева башня и тому подобные. Четвёртое изображение называлось «Райский плен»: это была фотография насекомого, увязшего в паутине, на нитях которой разными цветами отражались солнечные лучи. В пятой рамке проигрывался ролик с метаморфозами дыма в меняющемся освещении. Она была подписана «Windows Media Player нервно курит».

– Это пока только иллюстрация замысла, – сказал Тимур Семуров, останавливаясь у композиции. Его руки были заняты бокалами с вином. – Мои вариации на тему Чёрного квадрата. Они задуманы как объёмные динамические экспонаты. Например, на «Кулисах зимы» морозный узор должен формироваться естественным образом. Для этого нужна герметичная рамка, поддерживающая заданные климатические параметры. Идея «Скорости круга» в том, чтобы на гладкую поверхность воды периодически падала капля. Нужен чан – вроде купелей для крещения. Чем шире будет диаметр чана – тем выйдет эффектнее. «Райский плен» – моя любимая экспозиция. Она иллюстрирует, как объект поклонения одних живых существ становится орудием пыток для других. Ты спросишь, причём здесь Чёрный квадрат… – он протянул один из бокалов Илайе, и она машинально приняла его. – Мой неисповедимый фетиш. Знала бы ты, скольким идеям в моей голове была источником эта шедевральная пустышка. Этот артефакт противоречия. Иногда я опасаюсь, что соотношу с ним слишком многое в жизни. Но ничего не могу поделать. Формула, через которую ты выразила Квадрат, – он эйфорически закатил глаза. – Я долго считал, что Квадрат – это ноль в знаменателе. То есть, абсурд. Заключает в себе абсолютно все значения. Но ты выразила его через произведение бесконечности и нуля, и я узрел новую грань Квадрата – грань, заключающую в себе дилемму: что победит, если их перемножить – пустота или бесконечное множество? Или, может быть, возникнет новая – не круглая, а квадратная, как будто вставшая на дыбы, – бесконечность, в которой уже не гравитация, но некая новая сила будет основой форм. Откуда это пришло к тебе? Как ты это увидела?

– Не знаю, – сказала Илайя.

К счастью, Тимур не стал мучить её дальнейшими расспросами и продолжал монолог. Он говорил о живописи, о творческих замыслах, о ближайших планах и делах, которыми займётся на пенсии. Только отдельные его слова, точно отбившиеся от стаи стрекозы, долетали до Илайи. Она глупо сжимала бокал с вином и пыталась осмыслить, что произошло сегодня на лекции. Разумеется, будь Илайя немного бдительнее, она легко угадала бы в словоохотливости Тимура, в его невзначайной заботе, в самом факте, что она теперь тут, в его квартире, признаки неординарного интереса к себе. Но она завязла в саже собственных мыслей, и скоро её прострация передалась Тимуру. Речь его сделалась обрывистой, и, видя её зашторенный взгляд, он не знал, за что ухватиться, чтобы раскрыть его. Он отставил пустой бокал и, сложив ладони лодочкой, повёл речь о своём тестировании, просил не принимать близко к сердцу скандал на лекции, ведь на фоне грандиозных перспектив эта неприятность очень скоро забудется.

– Почему ты не ответила, Илайя? Ты могла соврать, в конце концов.

– Зачем?

Тимур развёл большие пальцы, как вёсла.

– Ну, или признаться честно. Что ты пытаешься скрыть от всех?

– Ничего, – сказала Илайя. – Я не знаю, что отвечать. Я не вижу вопроса.

Тимур посмотрел на неё странным взглядом.

– Вы не опровергли Ритиных слов, – напомнила себе и ему Илайя, поднимая на него безропотно-вопросительный взгляд.

Тимур поджал губы и с горечью усмехнулся.

– Всё из-за Лубски. Из-за его интриг. Нельзя было доверять ему, но он застал меня врасплох. Он не читает лекций. Такое изобилие студентов стало для него возбуждающей пилюлей. Всё равно, что гиена оказалась бы в стаде антилоп. Он настоящий маньяк, Илайя.

Илайя разочарованно вздохнула. Тимур попытался ухватить её взгляд, и когда он ускользнул, ещё долго следил за ним, оценивая шансы приблизиться, но он был прозрачным и гладким, как лёд. Тогда, сдаваясь, Тимур сказал:

– Сегодня был сложный день для тебя. Но ты его переживёшь.

Через десять минут Илайя уже сидела в такси, а ещё через двадцать стояла у дверей Ольгиного дома. Было почти одиннадцать вечера. Во всех окнах горел свет. Ольга распахнула дверь в ту же секунду, как Илайя позвонила.

– Слава Богу, – выдохнула она, затягиваю Илайю в дом. – Двадцать звонков, Илайя, – и она принялась раздевать её, точно малого ребёнка.

Стоя за кушеткой в гостиной, неподвижный и мрачный, как бюст революционера, наблюдал за этой сценой Анатолий. Ольга за руку ввела Илайю в гостиную и схватила телефон.

– Кому ты звонишь? – подал голос Анатолий.

– Предупрежу твоего отца, что ты дома, – сказала Ольга, доверительно глядя на Илайю. – Я всех на уши поставила – почему ты не брала трубку?

Илайя стиснула виски, осознавая, что, и правда, потеряла счёт времени и неотвеченным звонкам.

– Положи телефон, – приказал Анатолий.

Ольга сделала вид, что не слышит его, но её веко легонько дёрнулось.

– Я и Юлию позвонила, может быть, ты будешь недовольна, – Ольга подняла на Илайю взгляд, который тонул в слезах. – Предупреди его, пожалуйста, что с тобой всё хорошо. А я предупрежу отца, – повторила она.

Анатолий подскочил к Ольге, вырвал у неё, не сопротивлявшейся, телефон, прислонил к уху, подождал секунду.

– Она дома, Леонард, – сказал в динамик, отключил и швырнул телефон на кушетку.

Ольга предприняла отчаянную попытку остаться невозмутимой, провалила её, истерически всхлипнула и, судорожно дёрнув руками, убежала к себе на второй этаж. Илайя безучастно воззрилась на Анатолия, который подошёл и с минуту разглядывал её.

– Я понимаю, что тебе хочется протестовать: возраст, гормоны, перемены в жизни, которые тебе не по нраву, – проговорил он с нескрываемой угрозой. – Понимаю, что ты пытаешься привлечь к себе внимание, – я знаю всю эту подростковую срань наизусть. Но

если ты не хочешь усугубить и без того непростые отношения в нашей молодой семье, я призываю тебя к адекватности. На первый раз я ограничусь этим предупреждением, – и его каблуки звонко застучали по глянцевому полу гостиной, а затем по ступеням лестницы.

Илайя вошла в свою комнату, села на пол в темноте и дала волю слезам. Слишком токсичным оказался этот день, а чувство собственного бессилия – слишком обременительным. И тут, точно уличая её в заблуждении, завибрировали кончики пальцев.

Илайя легла на пол, и, уставившись в потолок, скрыла их в ладонях, наслаждаясь утешительной дрожью. Ольга сказала, что позвонила Юлию. Юлию, который мог сейчас оказаться здесь, как когда-то однажды. И всё, что случилось сегодня, утратило бы своё влияние. Но он не оказался. Слёзы стекали к мочкам ушей, и от этого щекочущего ощущения ей хотелось разодрать до крови своё лицо.

Глава 4. Герой утраченного времени

Илайя закрыла глаза. Световая рябь на внутреннем веке блик за бликом увязала в темноте, а в передней части головы скопилась характерная тяжесть – предвестница сна – она как будто стягивалась сюда со всего тела, которое уже расслабилось и обезвесилось.

Но неожиданное ощущение влажного холода отпугнуло сон. Илайя открыла глаза и спустила руку с кровати. Пальцы коснулись воды, такой холодной, что ей, казалось, не хватало только покоя, чтобы обратиться льдом. Илайя испугалась, что в доме прорвало какую-то трубу и случился потоп, но более правдоподобной казалась мысль, что она уже спит и видит сон. И тогда она окончательно проснулась и стала на кровати, потому что вода продолжала поступать в комнату через щель под дверью, а вместе с нею и жуткий холод, от которого стены и потолок покрылись инеем. Когда вода немного поднялась, в ней обнаружилось скопище светящихся комочков. Они довольно быстро разрослись и раскрылись в огромных медуз с букетом нарядных, похожих на гиацинты, щупалец.

Скоро Илайя заметила мост: весь из белого камня, с изящной оградой. Он начинался от её кровати и уходил через раскрытое окно к горизонту. Покосившись на подступающую воду со студенистыми тварями, Илайя ступила на лестницу. За окном было теплее, чем в комнате, и Илайя бодро зашагала над крышами близлежащих особняков. В районе многоэтажек мост стал петлять между ними, и многочисленные лестничные пролёты были уже не из белого камня, а как будто из пучка проводов, по которым носились струйки тока. Скоро мост вновь изменился: потянулся за освещённую часть города жгутом красно-коричневых канатов, похожих на гитарные струны. Идти по ним было очень скользко, и Илайя рефлекторно ухватилась за бортик лестницы. А тот растянулся, как слайм, и Илайя, теряя равновесие, приготовилась полететь вниз, но, утратив жёсткость, мост сделался очень эластичным, и отпружинивший бортик вернул Илайе устойчивость. Она к тому времени уже перестала ориентироваться: дом Ольги, и район многоэтажек, и примыкающий с юга стадион, и взмоченные ночною слюной склоны смутно угадывались где-то позади, а спереди надвигалось шелестящее пространство моря. Мост неожиданно взял сильный наклон вниз, так что через пару шагов Илайя поскользнулась, упала и стремительно заскользила по его пружинистому телу. Это было похоже на катание с длиннющей водяной горки. В воздухе чувствовалось тепло, испаряющееся с поверхности моря, а над мостом стала формироваться арка, соединяясь с пролётом и образуя мягкую бледно-голубую трубу, которая уходила вниз и продолжалась, как Илайя могла догадаться, уже под водой.

Илайя скользила по этой трубе и любовалась сплетениями бардовых нитей на её стенках, и длилось это так долго, что Илайя, уморенная впечатлениями и долгим шествием по лестницам, стала кунять. Пока в какой-то момент трубка неожиданно не прервалась, и Илайю не выбросило, как голубиное перо из водостока, на знакомую ей лужайку трансцендентного кладбища.

Трубка, суховато-сморщенная извне, избавившись от Илайи, оттянулась вверх и с булькающим звуком, будто над нею было не серое небо, а обратная поверхность моря, исчезла. Илайя поднялась на ноги – сидеть на земле было по-октябрьски холодно. Трава, некогда укрывавшая этот луг, завяла и высохла. Пихта стояла смирная, побледневшая. Груды покойников куда-то делись. Всё здесь казалось бестревожным и почти родным, но щемящее чувство вторжения преследовало Илайю, пока она шла мило песчанниковых обелисков и беломраморных скульптур.

Миновав первые ряды могил, она заметила дюжину людей в траурной одежде. Они окружали открытый гроб у заготовленной для него ямы. Гроб был обит белым льном с вышитыми розами, отчего напоминал свадебный торт. Илайя притаилась у одного из надгробий. Сердце её колотилось от ужасающего предчувствия. Присмотревшись к гробу,

она увидела в нём саму себя. Глаза погребаемой были открыты, на лице ворочалась боль, губы шевелились, но провожающие, казалось, не замечали в ней признаков жизни. Однако, вглядевшись в их лица и узнав одногруппников, Илайя прочла на них покровительственное удовлетворение и поняла, что смыслом церемонии как раз и есть погребение заживо. Высокая фигура в чёрном плаще у изголовья гроба скинула капюшон на плечи, и Илайя встретилась глазами с Мирой Манн. Это была лично она. Не одна из тех бутафорий, что аккомпанировали ей на этом спектакле. Ослепительно тёмная и такая насущная, что под её ногами прогибалась земля. Мира Манн, которой удалось проникнуть в *её* Начало.

Мира указала пальцем на Илайю.

– А вот и она!

Кровожадные взгляды оцепили Илайю, заставив её прижаться к надгробию. Она ждала только одного движения, чтобы сорваться с места, и первым на её поимку ринулся Тихон Сокур.

– Она уходит! – закричал Илья Брик.

– Не беспокойся, отсюда не убежишь, – возразила Мира.

Илайя неслась со всех ног обратно по аллее, попыталась запутать преследователей, плутая по тропинкам, но те быстро скооперировались и стали окружать её. Вырвавшись из зоны захоронений, Илайя помчалась через вербную рощу, натыкаясь на ветки, спотыкаясь о корни, залёгшие под опавшими листьями.

Куда бежать? Мира права… Но должен же быть какой-то выход с этого кладбища! Вот уже пихта. А вон и ограда. И на том краю лужайки что-то похожее на калитку. Скорее к ней! Илайя бежала, не оглядываясь, волосы липли к разгорячённому лицу. Длиннющая стена и вот, наконец, чугунная дверь с резьбой, замок. Закрыто. Илайя дёрнула дверь, толкнула, навалилась плечом, потянула на себя изо всех сил. Мира просто дразнит её. Они обе знают, что отсюда не сбежать. Но это *её* Начало. И где-то должен быть ключ. *Её* ключ.

Он звякнул под ногами. Илайя подобрала его с земли, дрожащими руками вставила в скважину, провернула, дёрнула дверь, та отошла в сторону.

– Куда собралась? – чудак на пороге. Тот самый, лохматый, в очках. Не пускает. – Ты пока не готова уйти из Начала и можешь угодить не туда, куда хочешь.

– Они похоронят меня живьём!

– Они – порождение твоего сознания. Смирись с ними и одолей страх. Тогда они не навредят тебе.

– Она здесь! Мира! Самая настоящая. Никакое не порождение.

– Не порождение, – согласился чудак.

– Она в моей голове! Она в моём Начале! Как мне спастись от неё?

– Не оставляй ей ничего, чем можно напугать тебя.

– Как я могу?! Вот они уже! Отойди! Или помоги мне, увези меня отсюда!

Чудак огорчённо покачал головой и отошёл от порога.

– Тогда уж не засыпай! Ни в коем случае! – крикнул он Илайе, юркнувшей в темноту.

Дверь за нею закрылась. Илайя нашарила скважину и провернула ключ, чтобы фантомы одногруппников не полезли следом, и зажмурилась, чтобы скорее привыкнуть к темноте. Чувство безопасности мгновенно расслабило её. Она слушала, как замедляется её дыхание, и ощущала, как твердеют веки.

Нельзя засыпать, сказал чудак. Илайя открыла глаза. Она находилась в тёмной прихожей, которая оканчивалась комнатой, почти неотличимой от её спальни в домике Леонарда в

Асседии. Те же коричневые обои, тот же пенопластовый потолок, массивный шкаф с перекошенной дверцей и лакированный стол, окно в том же месте – по центру южной стены. Но форма комнаты была совершенным кубом, и вместо узенького вертолёта значительную её часть занимала большая кровать. Окно было зашторено. Со стены светил ночник.

Ноги гудели. В голове шумело эхо погони. Илайя села на пол лицом к двери, чтобы не видеть кровать, закутанную в махровое покрывало. Не засыпай, сказал чудак. Она потёрла лицо, расчесала пальцами волосы, размяла шею, чтобы немного взбодриться. Потом прошлась по комнате, заглянула в шкаф и убедилась, что дверь проседает точно как в асседиевской комнате. В шкафу на металлических вешалках висели платья, в глубине пылилась пара коробок. Подошла к столу. Дёрнула шнур ночника, на миг угодила в кромешную тьму, снова включила его. Тронула верхний ящик шкафа – он был заперт. Ключа на видном месте не было. Попыталась вообразить его, но ключ не возник. Выдвинула остальные шухлядки, порылась, задвинула и, осознав, что не помнит, что там внутри, сообразила, что начинает засыпать.

Тогда Илайя потянула себя за уши и принялась ходить по комнате взад-вперёд. Вспомнила про окно, влезла на кровать, подняла штору и обомлела. За окном тёмно-синее небо с хороводами звёзд и планет озарялось разноцветными вспышками: откуда-то наплывали лучистые шлейфы, мимо проносились стайки астероидов, и всё это вращалось, многократно отражалось, непрерывно затейливо менялось. Зрелище было настолько захватывающим, что память растворялась в его созерцании, и понимая, что вот-вот уснёт с открытым ртом, Илайя заставила себя отпрянуть от окна.

Чувствуя жалобную тошноту из-за того, что сил бороться со сном почти не осталось, Илайя сползла с кровати и вышла в тёмную прихожую. Вынула ключ и посмотрела в скважину. Увидела одногруппников, караулящих её на лужайке кладбища. Один из них подскочил к двери, когда Илайя звякнула ключом.

Сотня шагов. Полтысячи вдохов. Пять приседаний. Минута покоя. Благостное воспоминание о фантастике за окном. Какой смысл не засыпать? Ведь она уже давным-давно уснула – у себя в комнате, до того, как появились медузы.

Шкаф, некрасивые платья, коробки с обувью, письменный стол, ящики, ручка, тетрадь, машинальный рисунок, едва не кончившийся сном. Ночник, потушила-зажгла, покрывало на кровати вздыбилось от прыжков. Прихожая, скважина, одногруппники на лужайке. И жуткая тяжесть в веках. Письменный стол, ящик никак не открыть. Шкаф, коробки с сапогами и сандалиями. Ночник. Одним только глазком за окно. Фантастика… Перед глазами взрываются салюты галактик.

С чего она взяла, что нельзя засыпать? Кто это сказал? Прихожая. Или это спальня. Кажется, забыла включить ночник. Нет, наоборот, это в прихожей кто-то включил свет. Наверное, Дарья. Полезла к щитку отключить автомат стиральной машинки – она всегда так делает после стирки.

Камин без конца куда-то удалялся. Илайя подгоняла своё снежное облако, но его сносило то вправо, то влево, то вверх, а когда оно доплыло-таки до камина, тот, замигав догорающими поленьями, погас, и Илайя проснулась. Жутко замёрзшая, на замусоренному полу южной башни Асседии.

Солнце уже пожимало верхушки деревьев, дворники сметали с аллей ночную порцию листьев, на спортивных площадках разминались физкультурники. Хотелось тепла и увидеть отца. Кутаясь в пуховик, она пошла вдоль границы санатория, ломая голову над тем, как и когда здесь оказалась.

Застав Анну и Леонарда за завтраком, она соврала им про спонтанное желание встретить восход солнца, и что на рассвете тихонько ушла из дома, и вот, зашла повидаться и выпить чаю, и ещё успевает на пары. Когда Илайя зашла в свою комнату переодеться, в

голове тут же возникла комната из сна, заставив её сопоставлять различия. Она невольно потянулась к верхнему ящику стола – убедиться, что он не заперт и завален канцелярской утварью. Среди скудного летнего гардероба она выбрала то, что меньше всего противоречило условному студенческому дресс-коду, и через пять минут уже сидела за кухонным столом.

– Илайя поменялась, нет? – наблюдая за ней, заключила Анна. – Прежде она всегда смотрела куда-то вдаль. А теперь как будто внутрь себя.

– Илайя взрослеет, – сказал Леонард. – Это естественный процесс. К тому же… На днях мне звонила Ольга. Мы говорили минут пять, в общем-то, ни о чём конкретном. Как будто ей просто требовалось с кем-то поговорить. Голос был бодрый, но ритм, мне показалось, неровный. Дома всё благополучно?

– Не похоже, – отозвалась Илайя.

– У них сложности? – холодно поинтересовалась Анна.

– Они не похожи на счастливую пару. Он постоянно под высоким напряжением. Прямо искрит.

– У нас тут уличный душ и по ночам зябко, – помрачнел Леонард. – Но я знаю, что для тебя эти неудобства непринципиальны. А на зиму переберёмся в хозяйственный корпус: он отапливается и там есть свободная комната.

– Нет-нет, я должна быть там, – отказалась Илайя. – Нельзя её оставлять, пока всё как-то не разрешится.

– Что ты имеешь в виду?

– Илайя имеет в виду, что пузырь, если внутри него растёт давление, непременно лопнет, – деловито сказала Анна. Она провела пальцем по краю стола, сметая соринки, и подтянула рукава. – То, что отношения Ольги и Анатолия нездоровы, стало ясно ещё на свадьбе. В тот день в его глазах была месть. Думаю, он одержим твоей матерью, но и очень зол на неё за те годы, когда она не отвечала на его чувства.

– Имея некоторое представление о характере Ольге, я допускаю, что нестабильность – самая устойчивая из её основ, – возразил Леонард. – И не удивлюсь, если они проживут вместе всю жизнь.

Илайя с сомнением пожала плечами. Прощаясь с нею, Леонард просил держать его в курсе домашних событий и не молчать, если понадобится его вмешательство.

Приехав в университет, Илайя сразу направилась на кафедру психологии и педагогики в надежде застать там Ледро Лубски и призвать составить ей компанию в расхлёбывании каши, которую он заварил. Он мог войти на любую лекцию, занять у лектора пять минут и объяснить её сокурсникам причины недоразумения. Мог дать пояснения декану, и тот бы принял меры для реабилитации Илайи. Мог, в конце концов, поговорить с Ритой, – и то было бы на пользу.

Пока она поднималась на четвёртый этаж, поймала несколько любопытных взглядов, свидетельствовавших, что конфликт успел получить широкую огласку. А Ледро на кафедре не оказалось. Рабочие места пустовали с ожидающим видом: было ясно, что оставлены они недавно и ненадолго – где-то светились экраны мониторов, где-то стыл недопитый чай, где-то были брошены в беспорядке бумаги. И среди этих буднично-оживлённых столов лавировала полнотелая женщина лет шестидесяти. Движения её завораживали бессуетной быстротой, которая казалась несочетаемой с внушительными габаритами ног и бёдер. Она обернулась к вошедшей Илайе с непритворным радушием, но в следующий момент лицо её преломилось сочувственным любопытством. И хотя Илайя видела её впервые, она догадалась, что это Лидия Фротт – женщина, по слухам, с тяжёлой судьбой, прежде срока лишившей её всех близких, но не поколебавшей её чуткости к людям. Пару лет назад, когда с приходом шестидесятилетия ей светила

безрадостная рутина одинокой пенсионерки, сам ректор взял над ней протекцию и оставил её на кафедре в качестве лаборанта, где она старательно выполняла свои прямые (не слишком обременительные) обязанности и старалась быть полезной сверх того. Студенты относились к ней благосклонно, а научные работники – с почтением.

– Вы ведь Илайя Плерóва? – приветственно кивнула Лидия, неся к этажерке башню папок, и там стала раскладывать их по полкам, умудряясь, при этом, смотреть на Илайю. – Вы, наверное, ищете Ледро?

– Да, я Илайя Плерóва и надеялась застать Ледро Лубски, – несколько удивлённая проницательностью лаборантки, подтвердила Илайя. – Но его здесь нет?

– Как видите.

– Имеет смысл подождать его?

– Ледро – непредсказуемый человек, – сказала Лидия, как показалось Илайе, с гордостью. – Но если вы не торопитесь – пожалуйста! Я пока заварю чай.

Лидия закончила с папками, и переместилась к тумбочке, на которой был устроен чайный уголок. По пути она выдвинула стул, и Илайя присела, подчинившись гостеприимству этой ласково-деятельной женщины.

– Вы собираетесь пойти на следующую лекцию? – спросила Лидия, управляясь с заварником.

– А вы думаете, мне не стоит? – взволнованно спросила Илайя, словно уже само собой разумелось, что Лидия в курсе её неприятных обстоятельств.

– Я совершенно не умею давать советы, – вздохнула Лидия. – Все гудят о вас, о Тимуре, о Ледро, об их совместных прожектах. Разные вещи говорят. Но вот вы пришли, и я вижу, какой вы милый человек. Я одно знаю: вы правильно делаете, что ищете Ледро. Надо посоветоваться с ним. Он найдёт выход из любой ситуации.

Илайя ничего не ответила, наблюдая, как Лидия заливает кипяток в прозрачную чашку с рисунком.

– Это чашечка для гостей, она тщательно вымыта, – сказала Лидия, но не успела донести чай, как открылась дверь, и появился Лубски.

Он с оценивающим видом замер на пороге, а затем покровительственно поклонился Лидии и, более прохладно, – Илайе.

– А вот и он, – обрадовалась Лидия. – К вам пришла ваша студентка. Я не буду мешать.

– Ни в коем случае вы не помешаете! – воскликнули Ледро. – И если Илайя не будет настаивать, чтобы вы ушли, то я буду настаивать, чтобы вы остались.

– Тогда я налью ещё чашечку чая, – растроганно отозвалась Лидия и через полминуты подала её Ледро, ободрительно глядя на Илайю.

– Почему не пьёте чай? – спросил Ледро, шумно отхлебнув из чашки, и сразу же, сменив тон, задал другой вопрос. – Как ваши кошмары, Илайя?

– Чувствовали бы себя не так уверенно, если бы не ваше вольное или невольное содействие. Откровенно говоря, я рассчитывала на вашу поддержку вчера. И сегодня рассчитываю. Хотя вчера, конечно, было бы лучше.

– Вас это раздражает? – с полускрытым лукавством спросил Ледро Лубски. – Моё поведение? Чьё-то ещё поведение?

– Вы же не издеваетесь надо мной, Ледро? – нахмурилась Илайя. – Не мстите за то, что не ответила на ваш вопрос? И – нет, ваше поведение меня не раздражает. Но говорит мне о нечестности ваших намерений.

Ледро Лубски шумно выдохнул.

– Илайя, вы мне очень симпатичны, но я не уверен, что смогу помочь вам. Вы совершенно закрыты. Возможно, я просто не ваш психолог, – Ледро Лубски испытующе посмотрел на неё. – Не ваш друг.

– Если вы ждёте, что я буду делать то, что мне не свойственно, то вы правы, – неприязненно подтвердила Илайя.

Она встала, кивнула Лидии, которая оробело замерла у чайной тумбочки, как бы благодаря за чай, и шагнула к двери. Тогда встал и Ледро.

– Мы можем обсудить все недоразумения на следующем сеансе, – примирительно предложил он.

– Мне не нужны сеансы, – обернулась Илайя. – Помогите мне уладить конфликт.

– Но я даже не знаю, правы вы или нет!

– Но это неправда! Вы отлично знаете!

– Хорошо, Илайя, давайте поступим так! – с угрюмостью капитулирующего произнёс Лубски, прошёл к своему столу, взял визитку и протянул Илайе. – Скоро кончится пара, и тут станет людно. Я хотел бы встретиться с вами и обсудить меры, которые вы от меня ждёте. А также другие интересующие нас обоих темы. В ближайшие две недели я готов освободить для вас любой вечер, кроме сред, как вы понимаете. Когда будете готовы – звоните или пишите мне.

Илайя на секунду зажглась идеей спросить его совета насчёт лекции, но вдруг поняла, что не нуждается в его мнении и что её собственное решение уже готово: вместо сегодняшних пар она вернётся в Асседию и проведёт день на грани моря.

– Я всей душой за эту девушку, – с чувством сказала Лидия Фротт, когда за Илайей закрылась дверь.

– Моя милая Лидия, – Лубски повесил улыбающуюся голову набок. – Вы, как всегда, не ошиблись. Это замечательная девушка, достойная самого искреннего сострадания. Но она растрачивает свой внутренний свет в непроходимой тьме, и упрямится признать это. Нельзя позволить ей заблудиться.

Уйдя с кафедры, Илайя торопилась выйти из здания до звонка с пары, чтобы не столкнуться с однокурсниками, но звонок застал её между третьим и четвёртым этажами. Илайя не знала, что её надежда сбежать незамеченной тщетна, ведь слух о том, что Илайя в университете, уже прошёл через все стены, предопределяя неминуемость встречи.

Её специально поджидали снаружи на ступеньках. Здесь были извечные курильщики Тихон Сокур, Коля Женцев с приятелями, Алиса Кун, и с ними Рита Сойка со своей новой подругой Галой, и задиристый коротышка Глеб Шейка, только и ищущий повода сунуться в какие-нибудь разборки.

– Ба! – изображая удивление, воскликнул Тихон Сокур, когда Илайя поравнялась с ними. – Это же наша оригиналка!

– Наша краснокнижница, – жутко довольный собой, хохотнул Глеб Шейка. – Наш белоспинный дятел.

– Точно! Что-то я её на паре не наблюдал – сдрейфила, что ли? Или новое дупло долбила?

– Отвяжись, – напряжённо сказала Илайя.

– Отвяжись, тебе же сказали, – лениво подхватила Алиса Кун. – Уникальным можно не ходить на первую пару, как унылому плебсу. Они своё всё равно не упустят.

– Ну да, можно в это время поболтать с кем-нибудь из преподов, чем скучать на генной инженерии. Надо устанавливать правильные связи.

– Я её понимаю, генная инженерия – полный треш.

– Но я смотрю, что она как раз собралась на вторую, – вставил Коля Женцев. – Только вот, небось, вышла на перекур. Могу предложить сигаретку?

– Вы ополчились против меня без причины, без правоты, – оттолкнув Колину руку, попыталась воззвать к ним Илайя. – Я это знаю, и вы, рано или поздно, тоже узнаете.

– Если ты такая невинная, отчего избегаешь нас? На занятия не ходишь…

– Я ходила к Ледро, чтобы он опровергнул ложь. Но он себе на уме. Ледро любитель вскрывать нутро, и, думаю, хочет использовать этот конфликт, чтобы вспороть всех, кто ему это позволит.

– Вот что я скажу, Илайя, – выступила вперёд Рита Сойка. – Если ты точно не говорила обо мне Тимуру, тогда убеди его, чтобы он взял меня в команду. Пригрози, что откажешься от своего места, если он откажется. Он дорожит тобой – это все заметили.

– Он не согласится, – возразила Илайя. – Тимур не тот человек, который поддастся шантажу.

– А если он не согласится, тогда возьми и вправду откажись. Так ты докажешь нам, что не предательница.

– Ставишь меня перед выбором между моим будущим и вашим мнением обо мне? – опешила Илайя.

– Нет, дорогая. Между честью и амбициями.

– Ни от чего она не откажется, – резюмировала Алиса Кун. – Она молчит, но у неё это на лице написано. И вообще, я думаю, их связывают более близкие отношения, чем мы тут наивно воображаем.

– Намекаешь, что они любовники? – открыла рот Рита Сойка.

– Именно. Спорю, что они спят вместе. Это бы всё объясняло.

– То есть, Тимур – утончённый ебака, – подхватил Глеб Шейка. – Звучит правдоподобно.

– А Илайя – лицемерная сука, мастерски маскирующая под тихоню.

Илайя снесла эту пощёчину без ответа. Видя, что всё только усугубляется, она собралась уйти.

– Эй, погоди, мы ещё не закончили! – выпрыгнул перед ней Тихон, преграждая дорогу.

Мелкие березовые листья взметнулись от порыва ветра, который, казалось, таился, прижавшись к земле, и теперь взмыл вверх, оставляя за собой шлейф невесомого праха.

– Ни хрена себе, – сказал кто-то, глядя в небо.

– Лучше отойди, – угрожающе сказала Илайя.

– Ну ладно. На что тебе Тимур? Он же зануда. Иди сюда, дам тебе шанс попробовать настоящего мужчину.

И Тихон стал напирать на неё. Его глаза приблизились. В них была сырая бесформенная ненависть, которая просочилась в Илайю и столкнулась там с бешено растущей яростью, и от этого столкновения ток прошёл по артериям, и она уже почти отдала приказ ветру подхватить это навязчивое тело и швырнуть его на проезжую часть. Но в это мгновение Тихон отвлёкся на чёрный рендж ровер, что въехал, пренебрегая правилами дорожного движения, на тротуар и притормозил возле них. Из ровера высадился Марат Игильманович Пандробан и ринулся к ним.

– Заберись! – приказал он тут же отступившему Тихону. Затем резанул взглядом присмиревших остальных, задержался на Алисе Кун, дёрнул шеей и буркнул. – А мама в курсе, что ты куришь? – неодобрительно цокнул языком и исподлобья кивнул Тихону. – Я смотрю, тебе руки некуда деть. Так по тебе, брат, армия плачет – там тебя научат

правильно соваться. Я имею связи – могу устроить. Что? Обосрался? – тут Пандробан с комичной любезностью повернулся к Илайе и вытянул руку к своей машине. – Прошу.

Без лишних колебаний Илайя села в ровер и приникла к окну, провожая сокурсников, что обалдело столпились на ступеньках, пустым взглядом.

– Дела-а... – крякнул Глеб Шейка.

– Черт, – пробормотала Алиса, лихорадочно туша сигарету, как будто могла отменить увиденное Пандробаном. – Знаете, кто это?

– Знаю я этого жука, – сквозь зубы ответил Тихон. – А ты его откуда знаешь?

– Мамин клиент.

– Однако, эта ваша Илайя та ещё штучка, – покачал головой Глеб Шейка.

– А я говорила, – злобно сказала Рита Сойка.

– Ладно, идёмте на пару, пока не понеслось, – позвала Алиса Кун.

Коля Женцев задумчиво обернулся на верхушки деревьев.

– А ветер, по ходу, передумал. Так дунуло – я думал, начнётся шторм.

Глава 5. Кротколикий Бес Предел

Гейша распахнула перед Маратом Игильмановичем и Илайей гостеприимные объятья, облачилась в лучшие платья, вооружилась любезной улыбкой и демонстрировала безупречные манеры. Илайя шла по её комнатам и коридорам легко и безоглядно, и хоть осознавала, что оказалась здесь не по своей воле, но не чувствовала опасности и решила довериться случаю. Пандробан провёл гостью в свой кабинет, усадил в кресло и распорядился, чтобы принесли обед. Не успела Илайя оглянуться, как перед нею оказался стейк какой-то мясистой белой рыбы под розовым соусом, блюдца с рисовой лапшой, тушёными грибами, кокосовыми чипсами и орехово-апельсиновым салатом, графины с лимонадом и малиновым киселём.

Илайя раскованно и с большим аппетитом принялась за угощения, изредка поглядывая на Пандробана. Он тоже ел молча, хоть и с немного скучающим и нетерпеливым видом. Когда Илайя отстранилась от тарелки, он налил в один стакан лимонад, в другой кисель, оба пододвинул к ней и кивнул на тарелку.

– Ну, как тебе голубая акула? Любимое лакомство нашей общей знакомой.

– Вкусно, – сказала Илайя. – Я у вас в плену или что?

– Формально – нет. Не надо меня бояться.

– Я вас не боюсь.

– Потому что я стараюсь, – Пандробан нетерпеливо потёр руки. – Я позвал тебя из-за Миры. Чтобы ты рассказала всё, что знаешь о ней. Ты расскажешь?

– Я знаю только, что она очень опасна, – заволновалась Илайя. – И думаю, что она использует вас.

– Для чего?

– Я не знаю её настоящих целей.

Пандробан раздражённо мыкнул.

– Пытаешься морозиться? Ладно, давай так: простой вопрос – простой ответ. Что её связывает с тобой?

– Мне кажется, я её жертва. Как и вы.

– Зачем она ждала тебя в той дыре? Ну, в здравнице той!..

– Мне кажется, она пытается завладеть чем-то, что принадлежит мне. Чем-то внутренним, что не так легко назвать правильным словом.

– Пффф… – Пандробан выпустил пар. – Бред. Похоже, ты за дурака меня держишь.

– Вы были там. Видели, что происходило. На своей шкуре это испытали. Что, по-вашему, это было? Как вы себе это объяснили?

– Я бы ёб… тронулся давно, если бы ломал мозги над такими вещами. Я был бухой – вот и всё объяснение.

– Предпочли забыть? Напомнить вам? – спросила Илайя, распрямив плечи.

– Не надо! – повысил голос Пандробан и мрачно задвигал челюстью.

В это мгновение на его мрачном лице Илайе открылась жилка страдания. В оцеплении здравых мыслей, под неустанным обстрелом чувства собственного достоинства, она преспокойно пульсировала, отравляя всё новые и новые порции крови. Илайя вдруг поняла, что Пандробан ежечасно, ежеминутно раздираем борьбой с правилами, навязанными этой крепнущей жилкой, и ей стало жаль его.

– Слушайте, тот фестиваль ветра она организовала специально. Ждала, что я буду участвовать в конкурсе. Ждала моей победы. И я действительно клюнула – пришла на фестиваль, но не пошла на конкурс. Мой друг Юлий с другой своей подругой… – её горло щекотнул слезоточивый комочек, и Илайя сглотнула его, пока он не вырос в ком. – Они победили. Мира проследила за Юлием и нашла меня.

– Вот это уже похоже на правду.

– Ей нужен ветер, который во мне. Она пытается извлечь его.

– То есть, как – извлечь? Убить, что ли, тебя?

– Вряд ли, – подумав, сказала Илайя. – Или я в упор не вижу чего-то, что мешало ей убить меня до сих пор, или всё же ей важно, чтобы я отдала по своей воле.

– А ты, значит, не отдаёшь?

Илайя кивнула.

– А чего, сильно дорожишь?

– Если что-то доверено мне, как я могу передоверить это другому? Тем более, Мире.

– Думаешь, Мира управилась бы хуже, чем ты?

Илайя почувствовала обиду, но тут же на лбу у Пандробана проступила неумолимая жилка муки, и его внутренняя беспомощность второй раз поразила Илайю.

– А вы преданы ей сильнее, чем я предполагала, – с состраданием сказала Илайя. – Даже не сопротивляетесь.

– Нет того, чего нормальный мужик не сделает ради своей женщины, – мрачно сказал Падробан. – Тебе сказки читали в детстве? Там где ради возлюбленной надо было или подвиг совершить или с жизнью проститься. Тысячи гибли ради успеха одного. Вот и я всю жизнь по этому принципу. Ты мнишь, что Мира использует меня – и хрен с ним. Я найду, как быть для неё полезным всегда.

– Но вы же обманываете себя! – воскликнула Илайя. – В глубине души вы знаете, что как только она исчерпает ваши возможности, то уйдёт. Чувство, которому вы служите, не натурально, а навязано ею. Я не знаю, что она такое, но она – неестественна. Сверхъестественна. Могущественна. И очень опасна.

– Ну ладно, ладно, – поморщился Пандробан. – Я у тебя совета не спрашивал.

– Что будет дальше?

– Тебе наверху заготовлена комната.

– Собираетесь поселить меня здесь?

– Мне будет спокойнее, если ты чуток погостишь у меня. Все удовольствия внутри дома – к твоим услугам. Всё, что тебе нужно – ну, там, шмотки, косметика – можешь заказывать в интернете. О порядках в доме и к кому обращаться, если что нужно, – тебя проинструктируют.

– А если я откажусь?

– Не хочется задействовать этот сценарий, но он написан, не сомневайся.

– Действительно думаете, что сможете удержать меня силой?

– Ну а что ты сделаешь? Сдуешь дом ураганом в страну Оз?

– Остроумная идея, – невольно улыбнулась Илайя и вытащила из сумки вибрирующий телефон. Пандробан предостерегающе вытянул палец. – Это мама, – сказала Илайя. – Я не могу не ответить.

– Илайя, ты можешь сейчас приехать? – в голосе Ольги звучала притворная ласка. Так иные взрослые говорят с маленькими детьми, неопрятно прикрывая свою досаду.

– Нет, не могу, – твёрдо сказала Илайя.

– А где ты сейчас, на парах?

– Мама, я не могу говорить. И приехать сейчас тоже не могу.

– Пожалуйста, Илайя! Мне нужно, чтобы ты сейчас приехала, – и Ольга заплакала в трубку. – Я позвоню в деканат и всё объясню – тебе не поставят прогул.

Илайя услышала голос Анатолия, который настойчиво повторял какую-то фразу.

– Если ты откажешь мне, то когда поймёшь, зачем я звала тебя в эту минуту, ты себе не простишь, – всхлипывая, проговорила Ольга, повторяя интонацию Анатолия, и эта унизительная, эгоистичная покорность разозлила Илайю.

– Ты слышишь, что я говорю? – впервые, кажется, в жизни Илайя повысила голос на мать. – Я не могу этого сделать! Возьми себя в руки и оставь меня в покое!

– Проблемы? – деловито поинтересовался Марат Игильманович. – Нужна помощь?

– Обойдётся, – сказала Илайя, быстро успокаиваясь под действием чувства вины. – Кстати, а что насчёт моих пар? Я должна посещать университет.

– Я заметил у тебя и там проблему. Я знаю, как её решить.

– Нет, не надо вмешиваться!

– Спокойно. И будешь спокойно посещать свой университет.

В дверь постучали.

– Не сейчас! – рявкнул Пандробан.

Но вместо того, чтобы безропотно онеметь, всегда покорная хозяину дверь Гейши в этот раз с надломленным звуком распахнулась, пропуская искрокрылую Миру Манн. Илайя и Марат Игильманович уставились на неё, как зачарованные.

– Как трогательно! – обходя комнату, проговорила Мира. – Воркуют, как голубки.

– Мира! – Пандробан встал. – Я привёз её тебе.

– Спасибо за заботу, милый, – Мира подошла к креслу, в котором только что сидел Пандробан, села в него и поглотила Илайю беспредельным взглядом. – Но она и так всегда со мной. А ты, милый, тут лишний.

– Я никуда не денусь, Мира, – предупредил Марат Игильманович.

– Это правда, он никуда не денется, – подтвердила Мира, испытующе глядя на Илайю. – Но мы с тобой, при желании, можем уединиться в одном тихом местечке.

– Хочешь с моей помощью опять проникнуть в моё Начало? Я пас.

– Тогда зачем ты здесь? Разве не надежда встречи со мною влекла тебя сюда? – спросила Мира, и Илайя вдруг поняла, что она права. – Не те вопросы, за ответами на которые ты не знаешь куда податься, кроме как ко мне? Не сокровенное чаянье разделить со мною новую жажду, которую ты чувствуешь внутри себя, – жажду разрушения? – Мира презрительно дёрнула бровями, когда Илайя отрицательно покачала головой. – Я вижу, как ты пытаешься задушить её, но нельзя прекратить кипение в кастрюле с помощью крышки. Слившись с силой Иманон, ты сняла замки с засовов своего восприятия и выпустила сознание навстречу с реальностью. Ты начинаешь чувствовать сущность людей.

– Нет, Мира! Я думаю, что дело в тебе. Ты имеешь сверхъестественное воздействие на людей. И можешь внушить и им, и мне то, чего нет.

Мира разочарованно и слегка уязвлённо фыркнула.

– Сверхъестественное воздействие, как это плоско… Разве не ты догадалась о свободе воли? Что, по-твоему, означает эта свобода? Я стою у колодца с ведром, но зачерпну лишь

то, чем наполнен колодец. Тебе хочется сравнить меня с демоном, но так ли далека ты сама от этой сущности, Иманон? Грубость привычной для тебя материи и фундаментальные противовесы бытия сдерживают тебя. Но представь, что всё, о чём бы ты задумалась, исполнилось бы. Представь неограниченное своеволие. Кто из нас двоих был бы демоном тогда?

Илайя смотрела на Миру, оттенённую красотой всеведения, и не понимала, чего желает больше: найти возможность быть с нею заодно или силу противостоять ей; поверить в неё, отбросив все сомнения, или избавиться от этого наваждения.

– Кто я для тебя в большей степени? Та, кого ты винишь во всём, или та, в ком ищешь спасения? Что сильнее: твоё влечение ко мне или твой страх передо мной? Хочешь выяснить это? Тогда иди, – сказала Мира, и указала на дверь.

– Что там? – спросила она.

– Там будешь только ты. Войди и посмотри на себя, если, конечно, не боишься пожертвовать удобным оправданием – будто бы всё дело в моём психическом воздействии.

Пандробан так и стоял над её креслом, и даже когда Илайя встала, он не шелохнулся. Илайю насторожило, что он не пытается остановить её, словно перестал внимать происходящему.

– Где мы сейчас? Почему он не реагирует? – спросила Илайя.

– Ты в состоянии плотного бардо. Это примерно в одном градусе от физического к трансцендентному восприятию.

– То есть, во сне?

– Сон – гораздо более тонкое состояние, в нём поток сознания практически неуправляем. А твоё нынешнее состояние восприятия почти неотличимо от обычного бодрствования. Ты ощущаешь плотность материи, но вдобавок тебе доступны некоторые скрытые грани привычных вещей. Оптимальное состояние для встречи с собой. Тот факт, что ты легко и естественно, сама не заметив, сделала этот шаг, говорит о твоей готовности, несмотря на сильный страх, который заставляет тебя колебаться.

Илайя скользнула взглядом по загорелой руке Миры, что придерживала для неё дверь, оглянулась на кабинет Пандробана, спрашивая себя, а что ей, собственно, терять здесь, уловила в глазах Миры насмешливую досаду и, немного разозлившись, шагнула за дверь.

И угодила в комнату. Ту самую, что была искажённой копией её асседиевской спальни: с коричневыми обоями, большой кроватью, лакированным столом и шкафом с перекошенной дверцей. В комнате было почти темно – как в сумерки в неосвещённом помещении. Окна, за которым кипела космическая феерия, теперь не стало. Илайя обернулась на дверь, через которую вошла, и инстинктивно схватилась за стену: за порогом больше не было гостиной Пандробана. Не было и прихожей, которая соединяла комнату с трансцендентным кладбищем. Там была чёрная гулкая бездна, что сжималась книзу наподобие воронки и куда-то загибалась. И где-то там, в невидимой глубине, гудело что-то мощное, сокрушительное.

Илайя захлопнула дверь, чтобы сквозняком её не затянуло в воронку, и в наступившей темноте на ощупь добралась до ночника. Включила его. Из плафона посыпались крошечные светящиеся частицы. Они замельтешили по комнате и вскоре осели кто где: на стенах, на мебели, иные просто зависли в воздухе. Чем больше их сыпалось из ночника, тем светлее становилось в комнате. Тем временем, из шкафа стал доноситься капризный детский плач, к которому вскоре присоединился скользкий скрежет, как при резком торможении автомобиля. Илайя открыла дверцу шкафа, и назойливый звук усилился. Он исходил от платьев и коробок с обувью.

Илайя сняла с вешалки тёмно-синий сарафан в белый горошек и вытянула первую попавшуюся коробку – в ней были кожаные сапоги на каблуке. Надела платье и натянула сапоги. Плач и скрежет, при этом, слегка утихли, но Илайю одолело новое тягостное ощущение: кожа стянулась, а ноги затекли и опухли, будто она прошагала на шпильках много километров. Потом внутри неё зашуршало, и кожа сплющилась, словно под горячей скользкой подошвой. Казалось, что платье и обувь срастаются с её телом. Илайе пришлось сдирать с себя тряпьё вместе с кожей, и налетающие из ночника светлячки оседали на ней и жгли свежие раны. Когда она сбросила сапоги, ногам стало легче, но шкаф тут же разразился истерическим воплем. Нечто подобное могло издавать голодное чадо, в младенческой слепоте выронившее материнскую грудь, что продолжает сочиться молоком где-то поблизости.

Тут Илайя заметила, что стало чересчур светло – в комнату набилось уже порядочно частиц, и они слились в ослепительное световое поле, которое ужасно утомляло глаза. Тогда она дёрнула выключатель ночника, но частицы продолжали сыпаться. Она вытянула шнур из розетки – бесполезно. Светопад продолжался. Как и нытьё из шкафа.

Илайя захныкала, влезла на кровать, свернулась клубком, зажмурилась и зажала уши, но это не слишком помогло. Свет раздражал даже сквозь закрытые веки, а плач становился всё громче.

А потом началась магнитная турбулентность. Сначала глазницы стали смещаться к переносице, и чем больше они сближались, тем сильнее ощущалось притяжение. Затем уши потянуло к затылку, а пальцы ног – к солнечному сплетению. Внутренности Илайи взвихрились под действием разнонаправленных тяг, сосуды натянулись, а мышцы, казалось, отстали от костей. Проделав, может, тысячу движений неуправляемым телом, Илайя скатилась с кровати, и почувствовала, что внутри всё возвращается на свои места, но испытала облегчение лишь на короткое мгновение, потому что начал плавиться стол. Он расплылся и стал похож на лоснистую гору пластилина, с которой поднимались зелёные испарения, источающие удушливое зловоние.

Илайя вцепилась в хрупкую мысль, что это сон, но физические ощущения мгновенно раздавили её. Глаза ослепли от света. Её мутило от резкого запаха. По телу проходили спазмы, то сжимающие, то распирающие внутренности. В ушах не смолкал детский рёв. Сознание не успевало переключаться между раздражителями, и Илайе казалось, будто его привязали к десяти лошадям, натянувшим поводья и готовым рвануть в разные стороны. Постепенно ощущения стали принимать двухдольный схваткообразный характер: на первой доле, длившейся около десяти секунд, они усиливались, на второй – слабли. Это создавало контраст, который не давал Илайе привыкнуть к ним. Пользуясь второй долей, Илайя стала подползать к двери. Что было за нею – хоть бездна, хоть крутящийся винт, хоть сама преисподняя, оставаться в комнате дольше было невозможно.

А потом – Илайя была уже возле двери – что-то случилось с плотностью, и двухдольный пульс комнаты перешёл в трёхдольный. Первая доля – комната взвыла всеми фибрами, вторая доля – притихла, воздух сгустился, третья – и пространство затвердело. Илайю стиснуло бетонным воздухом, и когда она, казалось, готова была треснуть, как ореховая скорлупа, отпустило. Опять первая доля, опять вторая, слишком короткая, и снова её сковало бетоном.

Из последних сил Илайя подстроилась под вальсирующий ритм комнаты: раз – мучительное месиво ощущений, два – рывок за ручку двери, три – парализующая тяжесть. Раз – сенсорная мясорубка, два – небольшое усилие, три – бетонный захват. Раз – свежий воздух, два – головокружение, три – полёт, и длинный шлейф рассеивающейся боли.

Илайя не слишком быстро падала по чёрной трубке. На её вогнутых стенках вспучивались мутные пузыри, и когда они лопались, на их месте ненадолго появлялись отверстия. Илайя подумала, что если ухватиться за одну из дырок, то можно попытаться выбраться

из трубки. Она дотянулась ладонями до стенок – они были скользкие и вязкие, как будто вымазанные болотом. Несколько пузырей, которые она задела, лопнули слишком поздно, другие слишком рано, и образованные отверстия зарастали, прежде чем она успевала добраться. В конце концов, один из пузырей разорвался у неё в руке. Она ухватилась за край этой бреши, и в то же время противоположная стенка трубки как бы подтолкнула её, и Илайя довольно легко выскользнула наружу.

Там была тихая безлунная ночь. Под ногами – холодный песок асседиевского пляжа. Илайя двинулась к воде, осматриваясь и ища признаки того, что по-прежнему находится в том странном состоянии, которое Мира назвала плотным бардо. Но явных отличий между этим местом и знакомым пляжем Асседии не обнаружила. Она села на песок у воды, желая растворить потрясения в неисчерпаемом покое этого места. Но чувство беспричинной тревоги заставляло её постоянно прислушиваться к мягкому шелесту волн, присматриваться к звёздному небу, не слишком плотно набитому неотёсанными облаками. И чем дольше Илайя смотрела на небо, тем отчётливее понимала, что с ним что-то не так. Оно казалось плоским и неопрятным, с замятыми краями, – как холст, наспех заправленный в раму. И ещё не хватало луны, и становилось холодно сидеть на песке.

Только Илайя подумала об этом, как из-за облака высоко над горизонтом появилась яркая белая луна. В её свете Илайя заметила в паре шагов от себя покрышку в песке. Она пересела на эту покрышку, и залюбовалась волнами – как они наступают поначалу еле выдающимися грядками, как потом вздымаются, грациозно изгибаются и обваливаются с гулким словом прощания. Илайе стало обидно, что предсмертное мгновение, когда склон волны озаряется лунным светом, так предсказуемо короток, и хочется задержать волну в этом её прекрасном и неустойчивом положении, и тогда очередная волна поднялась и замерла перед падением, доказывая Илайе, что всё здесь отзывается на её мысли. Вода на вершине замершей волны нетерпеливо задрожала, как бы призывая её вспомнить, зачем она здесь.

– Воля твоя, Господи, – пробормотала Илайя и глубоко вздохнула. – Я хочу знать, чего действительно боюсь.

В тот же миг в небе проявилась узорчатая сеть из тончайших светящихся линий. Она колыхалась и вибрировала. Образующие её линии беспрестанно двигались: выписывали разнофигурные маршруты, связывались в узлы, закручивались в спирали, сталкивались и расходились. Внутри сети потоки световых частиц бежали волнами, преломлялись, рассеивались, стягивались, взрывались, бежали дальше. Всё видоизменялось очень быстро и, на первый взгляд, хаотично. Однако этот космический обмен веществ производил впечатление восхитительной стройности и гармонии. Искры, высеченные в ходе этого небесного действа, сыпались вниз энергетической манной и рассеивались прообразами слёз, смеха, смертей, рождений, страданий, любви, предательств, несчастий и радостей. Илайя созерцала и поглощала целые эмоциональные композиции, плавно перетекающие друг в друга: человеческие лица с меняющимися выражениями; предметы, взаимодействующие с ними, звуки, окружающие их, и даже испытываемые ими чувства – Илайя чувствовала их тоску, их радость, их скуку. Скоро стал заметен восходящий поток светящегося вещества. Он вплетался в небесное кружево, непостижимо определяя состав следующей порции манны.

И вдруг из-за облака, усечённого световыми капиллярами, выплыла ещё одна – синяя – луна. Два лунных диска, как зловещие глаза, выпучились на Илайю. А потом раздался жуткий треск – казалось, его должно быть слышно во всех уголках планеты. И пальцы огромной ручищи захватили край неба и скомкали его вместе с вселенским световоротом.

Исчезла ночь, исчезло пространство неба. Остался сумрачный свет и гигантский, размером с небосвод, человек с жутким непроницаемым лицом. Фигурой и позой он был похож на гориллу – так же сидел на корточках и опирался о горизонт массивными

длинными руками. Лицо его было гладкое и безбородое, но одна его половина была похожа на младенца, а другая – на глубокого старика. И был он в одежде, которая напоминала то шкуру животного, то рясу священника, то цифровой дождь. Один его глаз был тёмно-синий, светящийся, другой был белёсо-жёлтый.

Он занёс гигантскую руку и с силой треснул по горизонту, и от удара посыпались искры вулканов, закрутились воронки тайфунов, хрустнули и мучительно застонали недра земли. Громила зашевелил губами и стал ловить в небе летящие самолёты и, точно игрушки, сталкивать их друг с другом. Он отрывал куски от суши и швырял их в воду. А когда эта забава наскучила ему, Илайя увидела, как он поднимает с земли беспомощно барахтающиеся человеческие тела, откусывает им головы и выплёвывает вверх, наблюдая, как они взлетают, прежде чем плюхнуться в воду. И вода, безучастно следуя своим течениям, уносит тела и обломки.

Почувствовав чьё-то присутствие, Илайя повернула голову. Неподалёку от неё, в ужасе разинув рот, стояла молодая женщина, и с нею рядом, крепко сжимая руку, – ребёнок лет трёх. Девочка повернула к Илайе перепуганное заспанное лицо, и в нём был робкий вопрос и ещё более робкая надежда. Но тут беспощадная лапа громилы потянулась к малышке, вырвала её из материнских объятий и утащила вверх. Илайя зажмурилась, но звук отрываемых конечностей был слишком отчётливым. Открыв глаза, Илайя увидела на песке два мучительно дрыгающихся тела без рук и ног.

Не найдя ничего лучшего в утешение, Илайя повторяла себе, что громила и жертвы – лишь плод её воображения, но эта чужая боль была чересчур острой. Интуитивно Илайя догадывалась, что если ей удастся перевести боль на себя, она обретёт если не контроль, то какую-то другую форму спасения, и она старалась, как могла, подстроиться под это ощущение, и через время внутри неё что-то раскрылось, и её повлекло куда-то. Но, увы, не туда, куда она стремилась. А в обратном направлении – её тянуло к громиле.

Илайя шептала молитвы, но тщетно. Кшана за кшаной, кварк за кварком, она воплощалась в этом гигантском человеке. Обзор её ширился, силы крепли, сердце успокаивалось, сознание вздрагивало от благостного чувства правомерности. В конце концов, вся её воля обратилась к неисчерпаемому подвигу уничтожения. Илайя уже как бы издалека видела два растерзанных тела на песке и, добившись-таки своего, она чувствовала их боль и ощущала её как наслаждение.

Глава 6. Сбежавшая невеста

Ольга сидела в гостиной с зарёванным лицом и курила. Пальцы её дрожали, взгляд застилала обида. Непричёсанная, расхристанная, она воплощала ставшую для неё обыденной немую жалобную скорбь – послевкусие очередной стычки с Анатолием, без которых не проходило дня и в которых оба они уже так нуждались, что не слишком перебирали поводами, зная, что, стоит одному высказаться по любому вопросу, как другой возразит, помешает, потребует.

Жизнь Ольги и Анатолия превратилась в затяжной скандал значительно раньше, но Илайя осознала это лишь в последние дни, потому что несколько недель думала только о комнате и гигантском человеке, который крушил всё вокруг без разбора, без цели и без удовольствия, без видимого мотива – а словно бы от скуки. В нём не чувствовалось отзывчивости, но не чувствовалось и злобы. Как божество абсурда, он творил разрушение, свободное от причин, закономерностей или страстей. Мира сказала: то, что ты видишь в плотном бардо – твоё обнажённое сознание. Так что же, в таком случае, было её главным страхом? Жестокая смерть в лапах бездушного чудовища? Неспособность удержаться от разрушения? Или всё же мир, который подчиняется её собственной неограниченной воле?

Постепенно Илайя немного отошла от потрясения, и тогда гадостная атмосфера, повисшая над домом Ольги, доконала её. Этим утро она проснулась с твёрдым решением уйти. Быстро собрала вещи, дождалась, пока внизу смолкнут звуки, и спустилась, надеясь никого не застать, но наткнулась на это бордово-пятнистое лицо матери.

– Зачем тебе всё это нужно? – спросила Илайя, подойдя к Ольге.

Ольга посмотрела на неё с грозным испугом, как бы предупреждая, чтобы Илайя не вздумала читать ей нотации. А из недр дома появился Анатолий – оказывается, и он ещё не ушёл.

– Я там заметил чемодан, – он кивнул наверх, кровожадно взирая на Илайю.

– Да, я уезжаю в Асседию. Поживу там.

Анатолий угрожающе гоготнул. Он был в небрежно завязанном халате и прошёлся по залу, выставляя напоказ голую грудь и выбритые ноги.

– Ты это нарочно придумала, чтобы меня задержать? – оскалился он на Ольгу. – Думаешь, можешь манипулировать мною, как им? – он кивнул на Илайю, видимо, подразумевая Леонарда.

Ольга смерила его ненавидящим взглядом, который тут же утонул в новом потоке слёз.

– Не уезжай! – плаксиво взмолилась она. – Там двухметровая волна! И бешеное течение. И спасателей давно нет! Для серфинга не сезон!

Илайя покосилась на доску у лестницы – значит, Анатолия потянуло на волны. Надо сказать, он выбрал удачный день. Судя по ветру, волна должна быть крутая.

– До чего же ты жалкая, любимая, – Анатолий брезгливо скривил губы. – Какой только бредок не вскочит в эти сладкие уста, лишь бы всё было по-твоему. Но так не будет, милая. А ты, – Анатолий повернулся к Илайе. – Вернись-ка наверх и разбери свой чемоданчик.

Илайя посмотрела на его смазливое лицо с куцей бородкой, на мелкие глазки, увязшие в густых ресницах, как черепахи в камышах.

– Слышала? Я не буду повторять!

Анатолий ринулся к ней и схватил за руку, намереваясь подтолкнуть к лестнице. Но Илайя резко выдернула руку и, как показалось Анатолию, немного надвинулась на него. От неё исходила недвусмысленная угроза.

– Оставь её! – приказала в этот момент Ольга, оказываясь у него за спиной. – Пусть едет. Но сам не уезжай!

Резко развернувшись, Анатолий треснул её по лицу. Ольга изумлённо взвыла, ноги её подкосились, и она рухнула на колени перед ним. Анатолий злорадно вытаращился на Илайю.

– А с тобой, мелкая выдра, мы разберёмся сегодня вечером.

С этими словами он отскочил от них, схватил свою доску и в четыре размашистых шага вылетел из гостиной. Ольга, всхлипывая на полу, протянула руку к Илайе.

– Нельзя дать ему уйти, – заныла она. – Поедем с ним. Сядем на берегу и будем следить, чтобы с ним ничего не случилось. Ничего страшного, если ты пропустишь пары. Ради меня, Илайя! – она скрестила руки на груди. – Меня пожирает дурное предчувствие.

– Если я пойду с тобой, будет только хуже, – бесчувственно сказала Илайя. – Ты должна пережить эту тревогу сама.

– Выгляни в окно. Не успокоился ли ветер?

– Нет, не успокоился.

Ольга прислушалась к звукам в прихожей, и вздрогнула, когда за Анатолием захлопнулась дверь.

– Господи, помоги! – вырвалось у неё.

– Не знала, что ты веришь в Бога, – пробормотала Илайя и направилась за своим чемоданом.

В преддверии декабря Марата Игильмановича одолел обычный предновогодний цейтнот. Забот было так много, что, придя домой, он успевал поинтересоваться у Аркадия делами Миры и тут же заваливался спать. После того дня, когда Мира, стоя над спящей Илайей у него в кабинете, заявила, что не потерпит эту даму в своём доме, и Марат Игильманович воспользовался случаем исполнить её прямое желание, они едва ли перекинулись парой слов. Увещеваемый Аркадием, Пандробан боролся с еженощным порывом ворваться в спальню Миры и овладеть ею спонтанно и жадно, как в старые добрые времена, – он находил смысл в тезисе Аркадия, что если Мира почувствует снижение внимания к своей персоне, это пойдёт на пользу их отношениям. И хотя чувства Марата Игильмановича к этой женщине разгорались день ото дня, он, стиснув зубы, как мог, следовал этой установке.

Конец ноября ознаменовался для него сюрпризом в виде приглашения от Виктора Тоньё. Тот позвонил ему лично и назначил встречу в своём офисе в четверг, 26 ноября – за день до того утра, которое Анатолий Красуцкий решил посвятить виндсерфингу, а Илайя – переезду в Асседию. Цель встречи – обсудить предложение о сотрудничестве, которое Виктор, наконец, готов сделать и которое, как он надеется, окажется взаимоприемлемым и взаимовыгодным. Виктор подчеркнул, что на встрече затронет вопрос «Бот Ламахуд», и просил взять с собой Миру Манн, которая в курсе всех тонкостей дела и владеет историей переговоров.

– Непременно, – пообещал Пандробан.

И хотя он не думал не то что брать Миру с собой, но даже сообщать ей о звонке Тоньё, она об этом каким-то образом прознала, и утром 26 ноября поджидала жениха при полном параде и с документами в каминном зале Гейши. Здесь у них состоялся грандиозный и беспринципный скандал – такой, что Гейша даже с зажатыми ушами сделалась пунцовой от стыда, – в ходе которого Марат Игильманович проявил завидную твёрдость, отстаивая острое нежелание брать её сопровождающей, и в результате которого Мира была практически взята под стражу.

– За то, чтобы она шагу не ступила из дома, отвечаешь своим членом, я не шучу, – во всеуслышание предупредил Марат Игильманович начальника охраны. – И ты, Аркадий.

Из окна спальни Мира провожала глазами его отъезжающую машину. В кармашке справа через улицу вертелся какой-то несуразный парень. Заметив Миру, он привлек к уху телефон и стал ходить туда-сюда, демонстративно жестикулируя, а через пару минут с выразительным раздражением зашагал в сторону моря, где затерялся среди деревьев. Мира сочла такого соглядатая странноватым и совсем не в стиле Марата Игильмановича. Она, впрочем, скоро забыла о нём и через двадцать минут после отъезда Пандробана – примерно столько требовалось ему, чтобы оказаться в офисе Виктора Тоньё, – отправила со своего телефона сообщение, которое, она знала, будет тут же перехвачено Аркадием: «через полчаса в Лондонской».

Услышав характерный журчащий звук, Аркадий с досадой подставил свой батлкрузер под лазер врага галактики и переключился на текст. Перечитал его трижды, трижды сверил номер, подошёл к охранному посту, велел парню, что сидел у монитора, выйти на перекур, ввёл пароль и получил изображение со скрытых камер в спальне Миры – там шли неторопливые сборы. Аркадий бесшумно поднялся к её двери, постоял минуту, спустился вниз, снова посмотрел изображение с камер, снова прочитал текст сообщения, снова сверил номер и решился набрать Марата Игильмановича.

– Она назначила встречу Тоньё, – сказал он в динамик. – Через полчаса. Точнее, уже через двадцать пять минут. В гостинице «Лондонская». Отправила сообщение.

– Виктор Тоньё сидит передо мной, – после тяжёлой паузы пробубнил Марат Игильманович.

– Он не слышит вас?

– Я отошёл в угол – не слышит.

– Последите за ним – не засуетился ли он. В последние пять-десять минут ничего не приходило ему на телефон? Может быть, помощница заходила, что-то шептала? Может, записку ему передали?

– Нет, ничего этого. Последние десять минут он у меня перед глазами. Ты уверен, что на его номер?

– Абсолютно. Последите за ним, шеф. В любую секунду ему могут передать привет от неё.

Пандробан сдавленно матюгнулся.

– А что она?

– Заперта у себя. Собирается на встречу. Я боюсь… – голос Аркадия дрогнул. – Что она как-то выйдет.

– Как? – повысил голос Пандробан.

– Подозреваю, что у неё есть ключ. Там что-то лежит на столике. Маленькое, металлическое.

– Минутку! – услышал Аркадий возглас шефа, видимо, адресованный не ему. – Поставь охрану у её двери. Не выпусти её из дома, Аркадий!

– Если выйдет – оказать сопротивление? Нам придётся применить силу… Это точно ключ, я приблизил! Откуда она его взяла – не буду даже предполагать. Бесполезно. Чёрт возьми…

– Что? – просипел Марат Игильманович.

– Она берёт пистолет. В ящике стола… Как действуем, шеф?

Пандробан хрипло дышал, как вулкан, готовящийся к извержению.

– Выпустите её, – тихо сказал Аркадий. – Пусть идёт. Я устрою так, что она решит, что улизнула. Мы последуем за ней.

Пандробан протяжно выдохнул – на этот раз, как паровоз, готовящийся к отбытию.

– Просто хочет сорвать мне встречу, – сказал он, и по его тону Аркадий понял, что шеф примет его идею.

– Возможно. Не дёргайтесь, шеф.

– Аркадий, в этот раз сделай всё чисто. Пусть это будет кто-то один, незнакомый, кого она не заподозрит.

– Принято.

– И держи меня в курсе.

Суть предложения Виктора Тоньё была простой: «Урбан Глоб Дивелопмент» получает пятидесятипроцентную долю в компании «Ви Ти Инжиниринг», которая владеет газоперерабатывающим заводом. Взамен фонд Виктора «Cosmopolitan Values» получает стопроцентный контроль над «Бот Ламахуд» и всеми его разработками – в полном объёме все те права, которыми сегодня владеет Марат Игильманович. Тоньё дал понять, что не ждёт немедленного ответа, а намерен пока передать потенциальному партнёру проекты контрактов, и лишь когда Марат Игильманович в компании своих юристов всё тщательно изучит – готов продолжить диалог. В тот момент, когда, отвечая на вопрос Пандробана, Тоньё заговорил о взаимных гарантиях, в зал переговоров вошла помощница и, наклонившись к Виктору, сообщила, что машина уже ждёт.

– Могу я предложить вам присоединиться ко мне за обедом в ресторане гостиницы «Лондонская»? – оживившись, предложил Тоньё.

Марат Игильманович больно прикусил щёку, чтобы не выдать овладевшие им при этих словах эмоции.

– Нет, благодарю, меня ждёт к обеду будущая жена.

Благодушная невозмутимость, с которой Тоньё кивнул на эти слова, заставила Марата Игильмановича побагроветь.

– Позволю себе передать привет достопочтенной Мире Манн, – с любезно-равнодушной улыбкой сказал Тоньё, прощаясь с Маратом Игильмановичем.

Выйдя на улицу, Пандробан увидел, как тот садится в серую вольво, и тут же набрал Аркадия.

– Где она?

– В такси, такси подъезжает к Лондонской.

– И он поехал туда, – упавшим голосом сказал Марат Игильманович.

– Понятно… – пробормотал Аркадий и добавил. – Как-то подозрительно. Слишком явно.

– Ты уверен, что она в такси? Что это именно она?

– Я уверен, что именно она села в такси. За ней едет курьерский мопед-сушивоз. Я на связи со службой такси и слежу за ними по навигатору, еду следом, отстаю примерно на километр. Если он остановится по дороге – я увижу, и мне нужна будет одна секунда, чтобы дать команду мопедисту. А значит, с прицела она не слетит, если, конечно, не умеет телепортироваться в пространстве.

– Я тебя понял. Выдвигаюсь к ресторану, но сразу светиться не буду. Позвони в ресторан, пусть её встретят и проводят от входа правильные люди, и чтобы их разговор с Тоньё зафиксировали.

– Уже сделано.

Виктор Тоньё, едва не бегом, одолел центральную аллею Асседии, обогнул главный корпус, и на панорамной площадке увидел её. Она была в белом пальто с клеверными застёжками. Волосы её казались такими тяжёлыми, что даже ветер не мог взметнуть их с плеч. Лицо её было спокойно и заинтересованно, будто там внизу, куда она смотрела, за занавесом общедоступной панорамы разворачивалось какое-то ей одной видимое увлекательное действо. Виктор замедлил ход, поражённый этим видением, и на миг ему сделалось дурно от странного ощущения, что он лишь случайный и лишний прохожий – совсем не тот, кого она ждёт.

Она обернулась. Её взгляд – изучающий и слегка удивлённый – усилил нахлынувший на него страх ошибочности собственного присутствия. И ничто не заботило его сильнее, чем желание немедленно отразить это жуткое впечатление, немедленно расставить всё по своим местам. Твёрдым и слегка ковыляющим шагом – совсем для него нехарактерным – он приблизился к ней, ухватил её, стиснул в руках её голову, приник к губам, как путник, измученный жаждой, припадает к холодному ручью. И когда она прижалась к его плечу, обнял её дрожащими руками.

– Месяц, Мира.

– Двадцать семь дней.

– Самые бессмысленные в моей жизни.

Она слегка отстранилась, чтобы посмотреть на него, и снова уложила голову ему на грудь, повернувшись теперь к морю.

– Удивительное место, – сказал Виктор, глядя то на неё, то туда, куда она смотрела. – Тебе здесь нравится.

– Ты замечал большой белый особняк с красной крышей в переулке неподалёку отсюда?

– Если ты имеешь в виду дом Пандробана – да, конечно. Он тебе нравится?

– Его называют Гейшей. Очень удачное имя для такого дома. Баснословно красивого, обещающего райское блаженство, если, конечно, удастся забыть о фальши его пошловатого уюта. Это прекрасный дом, что и говорить. Но там я не дома. А здесь…

Виктор как бы вынужденно оторвался от неё и осмотрелся.

– Прогуляемся? – предложила Мира.

И они пошли по аллее вдоль набережной и затем свернули к сухому пруду. Мира с мечтательной чуткостью смотрела по сторонам, а Виктор пожимал её руку, не сводил с неё глаз и чувствовал только одно желание: остановиться и прижать её к себе.

– Я уже начал отчаиваться... Ни весточки. Ни одной попытки связаться.

– В этот раз инициатива должна была исходить от тебя. Иначе как мне узнать, насколько сильно ты желал этой встречи.

– Мира, я… – он остановил её и взял её руки. – Я не знал, что предпринять, чтобы напомнить о себе. Хоть я и не рассчитывал, что он возьмёт тебя, но когда он явился один – я был жутко разочарован. Твой план снова выручил нас.

– Но ненадолго, – сказала Мира. – Он быстро сообразит, что мы направили его по ложному пути, и скоро будет здесь.

– Если его помощник догадается, что дело в курьере.

– Аркадий догадается. Будь уверен, он уже собрал информацию о поездках всех такси города за последние полчаса. И примерно в эти минуты опрашивает ту парочку пенсионеров, что встретилась мне по пути сюда.

– Но ты не уйдёшь с ним? Мира…

Она уклончиво скосила взгляд на Южную башню, что высилась неуклюжим свидетелем в двадцати метрах позади Виктора.

– Скажи мне одно слово: чего ты хочешь? – настаивал он.

– Я хочу остаться здесь. В этом месте.

– Что ты имеешь в виду? – Виктор недоумённо моргнул. – Этот санаторий? Я не до конца понимаю…

Мира настороженно повела головой и, потянув за собой Виктора, двинулась ближе к Южной башне. Пройдя несколько шагов, Виктор опять остановил её.

– Я не могу сделать чего-то без твоего согласия. Не понимая, чего ты хочешь. Если тебе нужна защита от него… Нужна, Мира?

– Они уже здесь, – напряжённо сказала Мира, и Тоньё проследил за её взглядом.

У южной границы санатория, возле голубого корпуса, был человек – тот самый, которого нынче утром Мира видела из окна. Застигнутый, он поспешил спрятаться за углом здания.

– Оба-на!

Мира и Виктор обернулись на голос Пандробана. Он шагал к ним со стороны центральной аллеи. Верхняя пуговица его рубашки была расстёгнута, лоб был влажный от пота. Виктор машинально взял Миру за руку.

– Как говаривал Давид Гоцман: картина маслом. Я как-то упустил в ваших контрактах пункт о том, что разом с Антимарой к вам переходят права на мою жену.

– Я не твоя жена, Марат, – холодно возразила Мира.

– Ты моя, – процедил Пандробан. – Мы подписали договор.

– По условиям договора мы вступаем в брак, разделяя собственность в новом бизнесе. Но я больше не претендую на эту долю. Я знаю, что Виктор предложил тебе хорошую сделку. А значит, ты получишь то, что я обещала – Тоньё в качестве партнёра, но не меня.

– Ты отлично знаешь, что я согласился на твою интригу только ради того, чтобы мы поженились. А теперь так благородно открещиваешься от моего бизнеса, потому что чувствуешь запах свежей крови. Замахнулась на нового содержателя. Но ты знаешь меня, Мира, я человек отчаянный. Сейчас мы поедем домой и подпишем брачные документы. А попробуешь спрятаться за него – я его убью, – пожал плечами Пандробан.

– Не убьёшь, – ухмыльнулась Мира. – Потому что его я люблю.

Рука Тоньё, сжимающая Миру, машинально расслабилась, но тут же вновь, ещё крепче, вцепилась в Мирину ладонь. Из горла Пандробана вырвался колючий нервный смешок.

– Любишь… – посмеиваясь, повторил Марат Игильманович, чувствуя, что его язык вязнет в ядовитом слюнном киселе. – Ты говорила, что не умеешь любить.

– Да, так было раньше.

Марат Игильманович обречённо оскалился. Он смотрел на Миру и понимал, что она лжёт, но сам не мог поверить этому пониманию. Ведь она никогда не говорила ему самому, что любит его. Ведь она могла заполучить этого Виктора с потрохами, не признаваясь ему в любви. Но она призналась. Призналась так легко и восторженно. И щёки её краснели. И глаза светились насмешливо и, притом же, как-то наивно. Марат Игильманович подступил к Виктору.

– Здесь повсюду мои люди, – предупредил тот.

– Как и мои, – мрачно хмыкнул Пандробан.

Он был серый как пепел. С трёх сторон к ним уже приблизились десятка два людей: большинство в охранной униформе, несколько человек в спортивных костюмах. Почти все они были вооружены.

– Как же я соскучился по хорошим войнушкам. Пусть она уйдёт, – Пандробан кивнул на Миру.

– Всё будет хорошо, – Виктор с трепетом приник к Мириным губам, заставив Пандробана издать хриплый стон.

– У меня есть идея получше, – прошептала Мира и, не позволяя ему разомкнуть объятья, стала наступать на него, как бы подталкивая к Южной башне.

Люди Пандробана, как и люди Тоньё, в боевой готовности следили друг за другом и за своими шефами. Пандробан дёрнулся, но с места не сдвинулся, внимательно следя за тем, что происходит. Мира и Виктор, как бы прикрываемый ею, в обнимку сместились к строению башни, зашли за него и – дальше было неясно, как это произошло, но они вдруг исчезли. То есть, их не было видно пару секунд, и когда Пандробан ринулся за ними, там уже было пусто.

– Куда они делись? – заорал Пандробан.

Несколько человек из его охраны и из охраны Тоньё разбежались по округе, оглядывая каждый куст, каждый пенёк и камень, за которыми, и так было ясно, никого нет.

– Тут, видно, какой-то скрытый ход, – подоспевший Аркадий крутился внутри Южной башни, обшаривая полуразваленные стены. – Вы не заметили, они поднимались сюда или не поднимались?

– Нет, блядь, не заметил, – исступлённо отчеканил Пандробан. – Польщён, что ты спросил именно меня. Где твои псы, Аркадий?

Аркадий обошёл строение, простукивая ладонями стены и основание, взобрался на крышу, осмотрел всё наверху, спрыгнул и стал перебирать камни у подножья.

– Что мы ищём, шеф? – спросил его начальник охраны, бестолково сновавший рядом.

– Ищём ход: какие-то люки, выдающиеся камни, всё, что может скрывать отверстие. Они под землёй, – с уверенностью сказал Аркадий Пандробану. – Другого объяснения у меня нет. Видимо, тут какой-то бункер. И она знала, где вход.

– Значит, вытащи мне их из-под земли, – взревел Пандробан. – Тащите лопаты и начинайте копать.

Аркадий, подавив скептическую гримасу, кивнул начальнику охраны.

Но копать было бесполезно. Вход в тоннель скрывался под порожком башни, и был так искусно устроен, что снаружи смотрелся как естественное продолжение трещины в основании. Задвинув щеколду на внутреннем боке люка, Виктор и Мира повисли на металлической перекладине, крепившейся к своду. Виктор спрыгнул первым, чтобы поймать Миру. Одной рукой держа её позади себя, а другую вытянув вперёд, он бежал по тёмному каменному коридору. Он чувствовал себя в своей стихии и ориентировался по наитию. Потом вдруг что-то засветилось – это Мира включила крошечный фонарик на брелке. Тоннель продолжался несколько сотен метров и заканчивался настенной решёткой, по которой можно было добраться до люка в потолке. Виктор полез наверх, следуя инструкциям Миры, открыл люк, вернулся за нею, и через минуту оба очутились в полумраке колокольни Николая Чудотворца.

– Поразительно, – сказал Виктор после того, как они надёжно закрыли люк снаружи.

– Я знала, что тебе понравится, – осмотрев с весёлым безразличием испачканное пальто, Мира улыбнулась Виктору.

Тот хотел взять её за лицо, но вспомнил об испачканных руках и не решился к ней притронуться. В глазах его было восхищение.

– Но задерживаться здесь не стоит, – Мира развернулась к арке и опять – уже в третий раз за этот день – заметила наверху, за деревом под эстакадой, нештатного проныру Пандробана.

На миг она испытала что-то вроде тревоги – этот человек только что следил за ними в Асседии, прибыв туда раньше всех, а теперь поджидает здесь. Значит, он знает о тоннеле: откуда и куда он ведёт, и пока они шли под землёй, он шёл по земле и опередил их. Тот факт, что кто-то из людей Пандробана знал о тоннеле, и, несмотря не её ухищрения, не упускал её из вида весь день, ставил под угрозу все её расчёты. Мира уже собиралась указать на парня Виктору, который, не теряя времени, быстро сориентировался и дал сигнал своим людям немедленно подогнать машину к эстакаде, но в это мгновение её ослепила яркая вспышка. Потрясённая, Мира не сразу сообразила, что это был индрион. В руке у странного парня светилась бесценная жемчужина вселенской сети. Он спрятался за деревом, но световая сфера, излучаемая индрионом, всё равно была видна. И Мира знала этот свет – индрион звал его куда-то.

– Через тридцать секунд наверху будет машина, – сказал Виктор, подавая ей руку, чтобы помочь взобраться по склону.

Но Мира отступила.

– Садись в неё и гоните. Пусть создаётся впечатление, что я тоже с вами. И пусть через пять минут к соседней остановке за мной подъедет другая машина.

– Нет, Мира, слишком рискованно оставлять тебя одну, – запротестовал Виктор.

– Пожалуйста, сделай, как прошу. Разве ты хоть раз пожалел, что доверился мне? Уведи Марата, я буду в безопасности. Только скорее.

Хоть Виктор и колебался, но не стал спорить. Он коротко и страстно поцеловал её и стал подниматься по рыхлому склону.

Определив на слух, когда машина отъехала, Мира выбралась на эстакаду, присела за колонной, где через зазор между перилами было удобно – сверху вниз – следить за парнем. Парень уходил. Он бежал мимо свалки, сам не зная куда, но Мира знала – он бежит, куда влечёт его индрион. Он оборачивался на каждом шагу, спотыкался и вилял, как пьяный. Удивительно нескладное создание. И индрион в его ладони. Мерцающий родным, почти уже забытым светом.

Мира смотрела на его мельчающую фигуру, которая в конце улицы повернула к монастырю, и, перемахнув через перила, сбежала вниз по склону и припустилась за ним. Когда она повернула к монастырю, парень был уже у калитки: скользнул внутрь, и Мира пустилась бегом, чтобы не потерять его посреди широкого монастырского двора.

В глубине этого двора, в деревянной альтанке, примыкающей к вычурной часовне, парня ждал тот, кого сам полдень приветствовал радостной песней. Фигура его была крупна и поката, лицо – светло и прозрачно. Руки его раскрылись навстречу пришедшему.

– Ты вызвал меня! – услышала Мира запыхавшийся голос своего преследователя, с которым она теперь поменялась ролями. – Видишь, я просто задыхаюсь от радости. Готов поговорить?

– Увы, – молвил Татхагата. – Теперь мы не можем. Я назначу новую встречу.

– Но! – только и успел воскликнуть Костя.

Он обернулся и тут же сообразил, что за беда. Посреди монастырского дворика стояла Мира Манн. И с неистовым ликованием взирала на Татхагату. В следующую секунду он исчез, и лишь остаточный блеск индриона в Костиных руках указывал на то, что мгновение назад Татхагата был здесь.

Мира метнулась к Косте. Он успел почувствовать её рукопожатие, понял, что она нащупала индрион, и тут же исчезла, как только что Татхагата.

Глава 7. **Il nulla e del creato**

Мира оглядела крошечную комнату, тускло освещённую сетью жемчужин, бросила короткий взгляд на батистовый плед океана и с радостным любопытством воззрилась на Татхагату. Тот засмотрелся в окно, точно впервые видел этот неизменный пейзаж – лёгкую волну под высокой луной, и бесконечную текучую тьму. Он повернулся с добродушной улыбкой.

– Ох, и хороша же ты, Тэфон. Вправду.

– Спасибо, что оставил мне ход.

– Заметил твоё желание. Ты скучаешь?

– Нет такого, по чему я могла бы скучать, где бы то ни было, – подумав, возразила Мира.

– Я думаю, по свободе.

Мира усмехнулась, на секунду посерьёзнела, а потом продолжился её тихий задумчивый смех. Не спрашивая разрешения, она выдвинула стул и села. Татхагата с умилённой улыбкой проследил за нею.

– Хорошо здесь у тебя, – сказала Мира. – Концентрированное размышление.

– Здесь неподвижно, – кивнул Татхагата. – Ничто не улетучивается прежде, чем я успею освоить.

– И что же? Многое ты понял в таких условиях?

– Больше, чем рассчитывал, но много меньше, чем желаю.

– Здесь сыровато, но не от воды. А как будто бы… от памяти. Что ты здесь хранишь?

– Я не хочу рассказывать об этом тебе, Тэфон, – улыбнулся Татхагата. – Хоть и отдаю должное твоей восприимчивости.

– Очередные эксперименты, – кивнула она с обиженным снисхождением. – Расскажи тогда, зачем ты открылся этому пройдохе?

Татхагата смутился и задумался над ответом.

– Он неглуп.

– Чего он хочет?

– Перехватить ветер.

Лёгкое напряжение охватило расслабленные члены Миры.

– Ты же знаешь, что это невозможно.

– Но он этого не знает. Зачем же лишать его мотива для поиска? Да и, скажи я ему, что его затея бессмысленна – думаешь, он поверил бы мне?

– Много их таких, безмозглых упрямцев.

– В том то и дело, что мало, – весело рассмеялся Татхагата, заставляя Миру снисходительно хмыкнуть. – Ну а ты? Свято веришь в правильность своего устремления?

Мира помолчала. Её взгляд, блуждающий под потолком, несколько раз скатывался на Татхагату, словно она испытывала какие-то умозаключения по его виду. В эти минуты она была похожа на ребёнка, который, собираясь задать мучающий его вопрос, вдруг осознаёт, что и сам знает ответ.

– Совершенно, – твёрдо сказала Мира. – И, в отличие от тебя, я не боюсь того, что будет после.

– Если так будет.

– Ты же не собираешься вмешиваться? – строго уточнила Мира.

– Зачем мне вмешиваться – на то есть Иманон, – улыбнулся Татхагата.

– Ты так сильно веришь в неё? – ревниво спросила Мира.

– Дело не только в ней. Любая сила в полной мере раскрывается, лишь когда соотносится с другими. Если сила первичной свободы иссякла, то под действием твоей силы она, вероятно, покинет границы бытия. Что до Иманон, думаю, что она – плацдарм для испытания этих сил. К слову, где она сейчас?

– Угодила в карцер. Наслаждается тамошними аттракционами.

– Карцер, – увлечённо повторил Татхагата. – Это хорошее определение. Одиночная камера Вселенной. Черный алмаз? – он покосился на одно из мутных бесцветных вкраплений в вездесущей мерцающей сети.

– Именно. Ты бывал там?

– Нет. Но много слышал об этих зонах. Как ты её туда… упрятала? – Татхагата улыбнулся взгляду Миры, польщённо оживившемуся из-за того, что он продолжил её метафору.

– Если однажды решишь взять отпуск от самого себя – очень рекомендую. Тебе легко оказаться там – достаточно воспользоваться чёрным алмазом. Феноменальное место. Отлично закаляет. В своё время я безвылазно торчала в карцере.

– Из-за отца? – грустно спросил Татхагата.

– Он нащупал мой ноль, когда я была ещё совсем бездумной и часто разгуливала у своих границ, и изрядно припугнул меня. И я по наитию сбежала в карцер – разумеется, не зная, что это за место. А после он часто отправлял меня туда, когда был мною недоволен или хотел, чтобы я избавилась от того, что он считал лишним. Похожим образом там оказалась Илайя.

– Только ты сама выступила в роли своего отца.

– Приняв Иманон, она прикоснулась к тонким слоям. Естественно, она не умеет управляться с ними, как когда-то не умела я, и поэтому направлять её движения не составляет большого труда. Карцер – эффективный способ самоочищения, я испытала его на себе, – горделиво заключила Мира.

– Ты уверена, что она окажется слабее духом и не выдержит?

Мира пожала плечами и покачала головой.

– Ключевое – не слабость духа, а разочарование. Она разочаруется в том, что бережёт.

– Как так? – увлечённо нахмурился Татхагата.

– Она юна и наивна, как апрель. В её жизни не было трагедий. Ни одного стоящего потрясения. Она думает, что уже совершила выбор. Но когда она столкнётся с настоящим, личным и болезненным, выбором, то осознает, что даже её собственной воле не хватает свободы, чтобы его сделать. И тогда разочарование неизбежно.

Бровь Татхагаты коротко дрогнула. Мира с неудовольствием отвела от него увлечённый взгляд.

– Вижу, ты сомневаешься. Но мне важно знать лишь то, что ты не вмешаешься. Не станешь потакать своим склонностям – не попытаешься наставлять её.

– Нет, не беспокойся. Обещаю.

– Не жалей о свободе бытия, – мягко сказала она. – Ты успел создать здесь свой рай. Когда свобода уйдёт отсюда, это не затронет твои миры и не ущемит твоего счастья. Не говоря о том, что для твоего пребывания или рождения останутся доступны иные формы бытия.

Татхагата улыбнулся с благодарностью – он заметил, что Мира пытается поддержать его.

– Будь, как будет, – вздохнул он. – Господу видней.

Мира невольно засмотрелась на его лицо, исполненное покоя и радостного доверия.

– Мне пора, безымянный. Потому что я начинаю привыкать к тебе. И мне не нравится нарастающий шум твоего сомнения.

– Прощай, Тэфон, – ласково кивнул Татхагата.

– До новых встреч, безымянный. Или, если угодно, Владимир.

С этими словами Мира встала и решительно шагнула к индриону, который открыл ей ход к автобусной остановке в полукилометре от Николаевской колокольни, где секунду назад притормозил водитель Виктора Тоньё.

А Татхагата бережно придержал качнувшуюся сеть и задумчиво глянул в окно.

27 ноября на скучной лекции по биоинформатике Илайя прокручивала в голове утреннюю сцену с Анатолием и чувствовала всё большее отвращение к матери. Во время второй пары Ольга засыпала её истерическими сообщениями, которые Илайя удаляла, не читая.

После пары, у кофемобиля, где во время длинной перемены Илайя брала чашку капучино, её подкарауливал Тимур Семуров. Он попадался ей теперь почти каждый день: звал на ланч, на прогулку, поболтать, посоветоваться. Тимур сообщил, что его научная группа уже сформирована и начинает занятия для подготовки к зачислению в штат академии наук, которое намечено на март. И хотя за прошедшие недели конфликт с сокурсниками улёгся как-то сам собой (большинство вели себя, как ни в чём не бывало, другие недоброжелательно сторонились Илайи, а Рита делала вид, что не замечает её), Илайя выразила сомнение, что после случившегося ей уместно занимать место в этой группе. Тимур заявил, что она не может поступить так подло и отвернуться от него из-за дурацких предубеждений, оглядываясь на мнение посредственных сокурсников. Он донимал Илайю всё навязчивее, пока она, наконец, не вспылила, заявив, что он так отчаянно хватается за неё, потому что боится свалиться в пропасть абсурда, к краю которой сам себя подвёл. Но она не желает служить ему арбитром в его личном конфликте. И это, конечно, вывело Тимура из себя.

А после четвёртой пары, готовую уже мчаться в Асседию, её перехватила Лидия: встретила возле аудитории, повела прямо в кабинет Ледро Лубски и пригласила в уже известное девушке кресло.

– Он хочет поговорить с тобой. Будет здесь с минуты на минуту.

– Что произошло? – упавшим голосом спросила Илайя, прочитав на лице Лидии тревогу. Она перебрала в уме последние события, соображая, что могла натворить. – Это как-то связано с Тимуром опять?

– Нет, Илайя, но тебе… – Лидия не договорила, оглянувшись на открывшуюся дверь.

Вошёл Ледро. Он заканчивал разговор по телефону и с лёгким недовольством посмотрел вначале на Лидию, которая от этого взгляда побледнела, а затем – более ласково – на Илайю.

– Я оставлю вас, буду на кафедре, – отступая, сказала Лидия.

Лубски кивнул, опустился в кресло и с терпеливой, но черствоватой теплотой уставился на Илайю.

– Вы спросили про Тимура, и я вспомнил, что не предупредил вас о нашем разрыве. В какой-то момент я желал сотрудничать с ним, но позже нашёл для себя другое русло. С Тимуром нам не по пути. Я понял это во многом благодаря вам. Мы договорились больше не пересекаться ни в каком формате, включая ледровские среды, – Ледро говорил,

внимательно следя за Илайей, и продолжал говорить с таким лицом, точно смысл его слов был неважен. Что-то другое было важно, но что именно – Илайя не понимала, пока он вдруг, как бы между делом, – она уже начала скучать – не брякнул. – Однако я вызвал вас по поводу очень-очень дурной вести, Илайя. Касательно вашей семьи. Ваша мать…

– Позвонила в деканат? – перебила Илайя. – И устроила скандал?

– Эээээ…. – озадаченно протянул Ледро. – У меня информация от ректора о вашем отчиме.

– Что с ним? – нахмурилась Илайя. – Он мёртв? – она спросила так, словно интересовалась судьбой шрёдингерова кота.

Ледро озабоченно потёр бороду.

– С ним случилось несчастье.

– Он утонул?

– Боюсь, что да.

Илайя заторможенно кивнула, продолжая мысленно сдирать обёртку с этого послания, чтобы добраться до его значения.

– Илайя, к сожалению, это ещё не все плохие новости. Известие о смерти вашего отчима, которое, судя по всему, не слишком удивило вас, шокировало вашу мать. Её забрали в больницу с гипертоническим кризом. Сейчас её состояние стабильно, но я думаю, что ваша поддержка будет эффективнее лекарств.

– Мама в больнице, – повторила Илайя.

– Да, Лидия записала адрес и все данные, – Ледро взял со столика блокнотный лист, где красивым почерком были выведены несколько строк.

– Спасибо, – сказала Илайя.

Её мысленные руки, что счищали обёртку с новости о смерти Анатолия, задеревенели, наткнувшись, наконец, на его смысл. Мама была права в своём предчувствии. Анатолий обратился воздушным поцелуем, что послан ветром морю. Всё уже совершилось, и выбор касательно его спасения успел раствориться, пока Илайя медлила сделать шаг, отделяющий её от него.

Сердце Илайи внезапно сжалось от страха. Да, для Анатолия её выбора уже не существует, но она знала, что ей самой этот выбор по-прежнему доступен. Она решительно шагнула к нему, и узрела именно то, чего опасалась: этот выбор был сделан ею ещё нынче утром, в доме Ольги. Нет, она не желала содействовать его смерти, но и не желала содействовать его спасению. Своею волей она допустила его смерть. И теперь ей предстояло найти среди новых осей, что открылись в результате крушения очередной её грани, свои координаты.

Ледро сказал, что известие о смерти пришло около трёх часов дня, что Анатолия нашла пожилая пара, совершавшая послеобеденный моцион, а его доску выбросило на другом пляже, где к приезду полиции с нею возились мальчишки. А парус так и не нашли – предположительно, его унесло в море. Ледро ещё говорил об Ольге, что она потеряла сознание, и перепуганная домработница вызвала скорую помощь, и что её привели в чувство, но она не в себе. Потом Ледро говорил, что им с матерью предстоит непростой период, и если Илайя действительно, как он слышал, планировала уезжать из дома, то он настоятельно рекомендует повременить с этим. А потом Илайя перестала слышать его слова, лишь смотрела на его прыгающие брови, непроницаемые глаза и комично шевелящиеся губы и, слово за слово, погружалась в сон.

Она оказалась в крошечном помещении с металлическими стенами, обильно и небрежно выкрашенными бежевой краской. В углу висела на проводе голая лампочка без выключателя. Снаружи что-то монотонно гудело, и доносилось оперное пение – глубокий сочный бас исполнял арию. На левой стене находилась панель наподобие лифтовой: с несколькими никак не обозначенными кнопками и красным огоньком. Илайя нажала на одну из кнопок, огонёк замигал, и пол под нею стал подниматься. Когда голова её была уже в опасной близости от потолка, в стенах раскрылись технологические щели, потолочная грань отошла в сторону, и Илайя въехала в бордовый полумрак.

То был полумрак театральной ложи – мягкий от повсеместного бархата, блестящий от позолоты на барельефах и до краёв наполненный густым звуком арии. Певец на сцене – широкоплечий мужчина с глубокими складками на лбу – был одет в чёрный плащ с кроваво-красной подкладкой и капюшоном. Глаза его, подчёркнутые зелёными тенями, были тяжелы под стрелами бровей, подбородок – словно расколот на две части оттянувшейся челюстью.

Он пел по-итальянски. Мелодия была торжественная и энергичная: то тревожно восходящая, то фаталистично нисходящая, то вкрадчиво замедляющаяся, то зловеще разгоняющаяся. Илайя смогла разобрать что-то вроде “…э атмосфера мья виталь”, и хотя она не понимала по-итальянски, эта фраза в сочетании с музыкой вызвала у неё ассоциацию со всепожирающим пламенем.

Партер был набит зрителями, которые самозабвенно слушали певца. Все они имели странную особенность. В середине лба у каждого было отверстие – круглая чёрная ниша, внутри которой крепился прозрачный пузырёк с перламутровым веществом. Оси, удерживавшие пузырьки, представляли собой множество сплетённых нитей, и по мере того, как продолжалась ария, эти нити стали топорщиться и рваться. Скоро они совсем расплелись, а освободившиеся пузырьки выкатились изо лбов и, покачиваясь в воздухе, подобно шхунам на волнах, поплыли к сцене.

Там они выстроились в змееобразную фигуру – наподобие очереди – и стали, один за другим, залетать в поток света от потолочного софита. И стоило пузырьку оказаться под софитом, его подбрасывало вверх, оболочка расплавлялась, а оставшееся вещество пронзало множество лазерных лучей. Затем лучи отключались, и содержимое пузырьков сыпалось вниз бесцветным зернистым порошком.

Певец, продолжая арию и артистические ужимки, с живым интересом наблюдал, как содержимое всех пузырьков подвергается этой процедуре и осыпается ему под ноги. Ария его кончилась, и он запел другую: ещё более энергичную, стремительную и завораживающую. Он пел неразборчиво, но одну фразу Илайя расслышала отчётливо – «На земле весь род людской…».

В это время среди зрителей с зияющими чёрными дырами во лбах началось волнение. Они задвигались и повставали с мест. Одни спустились в оркестр, заняли там свободные места и взяли инструменты. Другие поднялись на сцену и, выстроившись шеренгами позади солиста, запели хором. Иные порывались уйти, но мощное звучание арии заставляло их вернуться и приобщиться к действу.

А зал стал наполняться новыми зрителями. Они появлялись из завешенных гардинами боковых проходов, из центральных дверей, из лож – перелазили через перегородки и рассаживались в партере. Эти тоже были с отверстиями и целенькими пузырьками на плотных стержнях.

На сцене же стало твориться нечто несусветное: задний занавес пополз вверх, открывая головокружительное калейдоскопическое пространство. Огромное множество разноцветных частиц и кристаллов вращались, сталкиваясь друг с другом и образуя сложные узоры, все до одного баснословно причудливые, удивительно сходные и неповторимые. Похожее зрелище Илайя однажды наблюдала в окне запредельной

комнаты. Но элементы этого калейдоскопа не были похожи на звёзды или планеты. Скорее, они были похожи на хоровод мельчайших частиц.

Солист запел новую, весёлую и легкомысленную, арию, чьи французские слова обретали в сознании Илайи смысл: «пью, чтобы забыть навсегда», а лобные бреши хористов и музыкантов засветились оранжевым светом.

А потом началось то, что Илайя впоследствии определила как распад души и смешение с красочной крошкой калейдоскопического пространства. Через лбы участников оперы потянулись огненные потоки. Калейдоскоп засасывал их, как громадный пылесос. Выпуская из себя огонь, человеческие фигуры искажались: тела вытягивались, лица перекашивались, глаза и рты расплывались – они торчали бесформенными глыбами плоти, как пластилиновые куклы в руках неумелого ваятеля. Когда огненные потоки иссякли, изо лбов заструились зелёные ручейки. Они также устремлялись к калейдоскопу, где закручивались в кратковременный воздуховорот и затем рассеивались. За зелёными потоками последовали плотные, землистого цвета, фонтаны. Они слабо били из ссохшихся, напоминающих содранные шкуры, останков. Затем из них выделилось по небольшой порции сиреневой слизи и, наконец, белый фигурный дымок, как от благовоний. Он зашустрил в общую крутку, испаряя последние зримые крохи. И больше ничего не оставалось.

На сцене опять был один солист, самозабвенно повторяющий свои куплеты. Из оркестровой ямы доносилась музыка, но музыкантов видно не было. Партер уже набился новыми зрителями, и они с блаженным видом слушали уже знакомую Илайе исходную арию. Калейдоскоп был скрыт опустившимся задником.

Охваченная дежавю, Илайя спросила себя: где я сейчас? И обнаружила, что находится не в ложе, а в боковом проходе, и почувствовала сильный сквозняк, от которого закачались бархатные портьеры. И заметила, что сидящие в зале обратили к ней свои дырявые лица: смотрят на её лоб и неуютно поёживаются. Илайя испуганно тронула лоб и нащупала небольшую вмятину в форме спирали.

Скоро стало ясно, что её появление привлекло внимание не только зрителей. Солист тоже смотрел на неё, а из-за кулис на сцену вышли трое: полная пожилая женщина в старомодном платье и двое юнцов в ботфортах поверх белых рейтуз, синих сюртуках с золотыми пуговицами и чёрных фуражках. Эти трое заторопились к Илайе и, подхватив её под руки, повели на сцену. Илайя заметила, что у них на лбах – в том месте, где у других отверстия, – наклеены круглые пластыри. Они тоже косились на её лоб: женщина со сдерживаемым, юнцы – с нескрываемым отвращением.

Женщина подвела Илайю к солисту, а юнцы вернулись в зал, где возле входов суетились другие юнцы в таких же униформах – они закрывали двери и распускали портьеры, стараясь унять сквозняк. Солист сделал два шага навстречу Илайе, кивнул ей с самоуверенным и благодушным видом, и стал сосредоточенно и придирчиво, как лечащий врач, рассматривать её лоб, иногда неприятно подёргиваясь, видимо, тоже из-за производимого ею сквозняка.

Затем он отступил и завёл новую арию, громче и усерднее, чем прежде. Илайя зажала уши и повернулась уйти, но каждый вход теперь охраняли по двое стражников. Женщина-ассистентка хотела отнять её руки от ушей, но Илайя, догадавшись, что лучшее средство сопротивление – это производимый ею сквозняк, мысленно приказала ветру, откуда бы он ни происходил, дуть сильнее. Это отпугнуло женщину, и Илайя, взглянув на неё ещё раз, узнала Лидию Фротт. Лидия растерянно обернулась к солисту, у которого – теперь Илайя разглядела его – было лицо Ледро Лубски. Тот сделал Лидии предостерегающий знак и многозначительно кивнул на один из проходов, где стражники раздвинули гардины, открывая путь ещё одному человеку. Это был Анатолий Красуцкий с пузырьком во лбу.

Он деловито осмотрелся, узнал Илайю, мстительно ухмыльнулся и направился прямо к ней.

Взбежав на сцену, Анатолий больно шлёпнул Илайю по лбу, и все с любопытством воззрились на её спираль. Они будто бы ждали, что у неё должно появиться отверстие, как у всех остальных, но ничего не произошло. Тогда раздосадованный Анатолий засунул в рот два пальца и надавил на язык. Изо рта у него полилась вязкая пенистая жидкость, и не было ей конца. Она стекала в оркестровую яму, быстро заполнила её, полилась дальше в зал, подобралась к сцене, и очень скоро ноги Илайи завязли в болотистой каше, не позволяя сдвинуться с места. Зрители повалили на сцену и окружили её. Чужие лица замелькали перед ней, десятки рук стали трогать её лоб. Кто-то похлопал её по плечу, кто-то норовил поцеловать в щёку, кто-то дёргал за волосы, кто-то криво лыбился. А их стержни уже почти расплелись, изо лбов вывалились пузырьки и дрейфовали в этих помоях.

Наконец, Анатолий перестал блевать, вытер рот и стал продираться к певцу. Ледро жестом велел ему стоять на месте. И запел уже знакомую Илайе душераздирающую арию, и вереница пузырьков, как и в прошлый раз, дисциплинированно выстроилась возле столпа света. Анатолий сдавил свой лоб, мешая пузырьку вырваться, и отчаянно замахал, привлекая внимание солиста и указывая на пластыри на лбах стражников. Но Ледро отрицательно покачал головой, и Анатолий со стоном отнял руку ото лба, выпуская отставший от стаи пузырь.

А Ледро, подгребая жижу руками, двинулся к Илайе. Оперный зал, казалось, разбух от сырости, и с потолка накрапывал болотистый дождь. Илайя, пригвождённая к месту, только и могла, что наблюдать: как поднимается штора и открывается калейдокосм, как всасываются элементы ветшающих душ, среди которых сей раз оказался Анатолий, как неумолимо подбирается к ней Ледро Лубски в потёках грима, направляя острый конец дирижёрской палочки ей в лоб.

Тогда она напряглась и всю свою волю направила на одно – на дикий, бешеный, спасительный ветер. Воздушной стрелой он рассёк массу гнилой воды, наполняющую зал, и поднял её в волну. Она росла выше сцены, ширилась и шипела, перекрыла собою калейдокосм. По стенам пошли ветвистые трещины, и зал стал похож судно, которое вот-вот будет раздавлено стихией.

– Что ж, я смотрю, ты уже ничего не боишься, – сказал Ледро, кивая на волну, что завернулась гребнем над их головами.

Оставалось только одно – отпустить её. По лицу Ледро Илайя видела, что он не верит, будто она решится на это. Она возвела взгляд на эту чёрную сокрушительную стену – ещё никогда она не стояла перед нею так близко, явственно и смертеподобно. А Ледро приближался, целя остриём ей в голову. Илайя зажмурилась, торопливо вдохнула, задержала дыхание и отпустила волну.

В то же мгновение её накрыло с головой, утянуло со сцены и закрутило в зловонной воронке. Она слышала грохот падающих прожекторов, чувствовала тупые удары кресельных спинок. Её несло куда-то, и не хватало сил сдерживать дыхание. И когда машинальный спазм готов был расслабить её ноздри и, тем самым, утопить её, интенсивным толчком следующей волны её выбросило из оперного зала.

Глава 8. На кульминации личности

Сидя за туалетным столиком, подготовленным для траурного макияжа, Наталья Красуцкая разглядывала в зеркале лицо, проверяя его ассиметрию. Убедившись, что один глаз капельку шире другого, что брови изгибаются под чуточку разным углом, что правая скула на полградуса выше левой, наконец, что половинки губ не полностью совпадают, она успокоенно заключила, что сегодня не умрёт. О том, что перед смертью лицо становится симметричным, Наталья услыхала в детстве от какой-то глупой старухи, которую презирала вместе с её суевериями, однако, каждое утро начинала с этой процедуры, и лишь затем приступала к делам дня.

Накладывая тональный крем и консилер для скульптурирования, Наталья перебирала в уме пункты плана похорон, которые должны быть уже выполнены к этому моменту, и те распоряжения, которые ещё оставалось отдать. Нужно было внести оплату за сотню чёрных роз и две сотни белых калл, проконтролировать расстановку мебели в зале для прощания, подтвердить десертное меню поварам Гарабоны и поторопить дочь – несмотря на то, что Наталья назвала ей время начала церемонии на час раньше, чем было назначено, она знала, что та всё равно умудрится опоздать.

Организацию похорон Наталья взяла на себя, потому что Ольга ещё оставалась в больнице, и решила отдать последнюю дань брату с размахом. Некролог и приглашение проститься с усопшим были напечатаны в местной прессе и распространены через социальные сети, в результате чего список гостей приближался к четырём сотням. Примерно половина из них, как ожидалось, после кремации отправится на поминальный ужин в Гарабону, где в конце вечера Наталья сделает объявление, что переименовывает свой благотворительный фонд в память о брате.

Закончив с макияжем, она вдруг заметила на кончике носа крошечный прыщ. Удивительно, как она упустила его! Наталья глухо вскрикнула и, обхватив плечи, отстранилась от зеркала. Она пыталась не думать о том, что следовало из этого прыщика, но бесполезно – так же верно, как про симметрию лица, Наталья знала, что прыщик на кончике носа может значить только одно: некто тайно влюблён в неё; и образ Шкодного Жоржа встал перед ней, вопиющий в своей выразительности.

Что толку противиться ходу вещей, мысленно увещевала себя Наталья, всё равно сегодня мы увидимся, и только Бог знает, чем всё это кончится.

Впечатлённая эмоциональной тирадой своего мужа на свадьбе Ольги и Анатолия, Наталья дала зарок продолжать отношения с Жоржем. И пока пребывала в эйфории от убедительного свидетельства его продолжающейся после двадцати лет супружества любви к ней, успела провести довольно жёсткий разговор со своим любовником. Однако по прошествии недели-другой душа её стонала от тоски, и хотя Наталья клялась себе, что ни при каких обстоятельствах не возобновит связь с Жоржем, с тех пор только и ждала повода, чтобы свидеться с ним. Не признаваясь себе в этом, шумиху с похоронами Анатолия она устроила, чтобы эта встреча, наконец, состоялась. Наталья не готовилась к ней: не придумывала слова, которые скажет ему, не тренировала взгляды, которые будет бросать на него, – она ждала, что он придёт и вернёт её, или – наоборот – окончательно разочарует и укрепит в решении хранить верность мужу.

Дверь открылась без стука. Вошёл Пётр Пигус. На нём был простой чёрный костюм с чёрным же галстуком поверх белой рубашки, отчего он был похож на сотрудника похоронного агентства. Наталья машинально смерила его взглядом, и сердце её ёкнуло от отвращения.

– Нам выходить через десять минут, ты готова?

– Только припудрю нос! А ещё Карина! Дай мне минуту, и я бегу к ней.

– Карина уже ждёт в машине.

– Ну и дела! – воскликнула Наталья, хватаясь за пудру. – Две минуты!

– О чём ты задумалась?

– Ааа… о том, что хочу переименовать «Фонд доброго сердца» в «Фонд памяти Анатолия Красуцкого» и увеличить бюджет. Если ты не против, конечно.

– Конечно, не против, – помедлив, сказал Пётр и вышел.

Когда, умывшись и натянув джинсы, Юлий проверил телефон, сообщение от Тани уже ждало его. Это была ссылка на новость: «Трагически погиб брат известного волонтёра». Публикация с подробностями предстоящего прощания иллюстрировалась фотографией Натальи и Анатолия, где они в обнимку позировали на красной дорожке прошлогоднего кинофестиваля. Увидев, что Юлий прочёл сообщение, Таня тут же прислала ещё одно: «Такая неожиданная концовка любителя разных определений. Невольно вспоминаю твои “гробы”».

Юлий отложил телефон и задумался. Про гробы он сказал ей пару недель назад, когда она просила, чтобы он сформулировал, что именно чувствует по отношению к ней.

– Для некоторых вещей определения – как гробы для людей – нужны, только когда они уже кончены. Опасный знак – искать определения в отношениях, понимаешь?

– Я не хочу искать определений, – согласилась Таня. – Но хочу знать, что в твоей голове и что у тебя на сердце, и понимать это правильно. Я хотела бы думать, что дело в твоей увлечённости новыми проектами, но вспоминаю, как у нас было прежде – когда ты делился со мной каждой мыслью, с каким интересом слушал меня, и понимаю, что что-то не так. Мы почти не говорим. И мне не хватает тебя, Юлий. Я спрашиваю себя, глядя на тебя: счастлив ли он, и не могу ответить «да».

Он подозвал её к себе и ласково обнял.

– Я буду стараться. Мы будем болтать и бездельничать, как раньше. Прости, что довёл тебя до таких мыслей, родная.

А в прошлую субботу они лежали в постели, прикрытые простынями. Таня поглаживала его руку, закинутую за голову. И он сказал:

– Я всё думаю над одним из твоих давнишних вопросов.

– Над каким? – Таня с заинтригованной ухмылкой зашевелилась у него на груди.

– Если однажды окажешься перед выбором: быть с тем, кого любишь ты, или быть с тем, кто любит тебя, – кого ты выберешь? Помнишь такой?

– Ещё бы, – сказала Таня, напряжённо посерьёзнев. – И помню твой ответ.

– Да, я тогда ответил, что выберу быть с тем, кто любит меня.

Таня замерла от ощущения, будто внутри неё надулись готовые лопнуть швы. Она почти перестала дышать, опасаясь неловким вдохом дать ход необратимому процессу.

– Видимо, это был ошибочный ответ, – продолжал Юлий.

– Но тебе хотелось попробовать, да? – сухо спросила она. – Для уверенности.

– Не нужно так всё обставлять, Тань. Ты сама знаешь, я не прагматик. Как и то, как мне льстит твоё чувство. Я хотел, чтобы ты была счастлива. Я хотел быть счастливым. Я думал, что выбираю именно это. Не знаю, догадывался ли я в тот момент, что ошибаюсь. Я кругом неправ перед тобой. Но с этой минуты хотя бы совершенно честен.

На следующий день Таня уехала утренним экспрессом. Он спросил, почему она не останется в городе, где всё у неё налаживается, но она сказала, что это глупый вопрос и единственная причина для неё жить здесь теперь отпала.

И вот, спустя неделю молчания, она шлёт ему это сообщение, намекая, что догадывается: он так и не решился на следующий шаг. Юлий почувствовал к ней невольную нежность за этот самоотверженно-мазохисткий порыв подтолкнуть его к Илайе, в котором, правда, угадывалась и разрешительная интонация – Таня давала понять, что не смеет противиться его естественному желанию, и если чувство вины перед нею сковывает его действия, то она позволяет ему закрыть на него глаза.

Но чувство вины было не при чём. Юлий сомневался по другой причине – он не был готов к поражению, если бы его попытка ни к чему не привела. Выдержать разлуку с Илайей ему помогло то, что он железобетонно констатировал её равнодушие, и привязал себя к этому якорю, чтобы не сорваться в поток мыслей о ней. Каждое утро, открывая глаза и видя перед собой Таню, он говорил себе: сегодня легче, чем вчера. Он надеялся, что рано или поздно придёт смирение, а затем и покой. А когда Таня уехала, и больше не было необходимости душить мысли об Илайе, он дал себе волю пообтрепать мучивший его вопрос: что в ней и почему так сильно тянуло его. Он составил её портрет, и она вышла у него слишком беспечной для крепкого чувства, слишком гибкой для выразительного характера, чересчур легкомысленной для устойчивого мировоззрения, и беспредельно наивной, что, разумеется, мешало глубокому пониманию человеческих душ. Но все эти недостающие Илайе качества, которые Юлий ценил в людях и которые обнаруживал в Тане, превосходило нечто другое – неявное, тонкое. Он отверг идею, будто Илайя воплощала для него ключ к разгадке удивительной тайны бытия. Может быть, поначалу было именно так, но нынче он даже не отдавал себе отчёта в её сверхъественных способностях. Он ловил себя на постоянном противопоставлении ощущений, которые испытывал, когда был близок с Илайей, и тех недавних, источником которых была Таня. Что-то в самой Илайе – за её недостаточной выразительностью, инфантильной рассеянностью, необременительной беспомощностью и непереслащенной нежностью – скрывалось фундаментальное, ненавязчиво правдивое. И оно влекло тело и ум, обесценивало, превращало в набор запрограммированных действий всё, за что он брался, не ощущая своей приобщённости к ней. И теперь, когда чувство долга перед Таней уже не мешало ему сорвать печать равнодушия, заочно навешенную на сердце Илайи, он не чувствовал душевных сил пережить это равнодушие, если бы оно оказалось взаправдашним.

Он высматривал её, сидя на автобусной остановке через улицу. Видел прибытие Ольги в сопровождении Натальи Красуцкой, много людей, кого помнил со свадьбы, видел Леонарда с Анной, но Илайи не было. Сочтя, что она могла остаться дома или в Асседии, он решил подняться в клуб и убедиться, что Илайи там нет.

Гарабона снова принимала гостей, и в этот раз била рекорд по плотности. И хотя Наталья Красуцкая, предвидя это, очистила зал от диванов и кресел, оставив лишь стулья вдоль стен, и гости кучковались стоя, всё равно Юлию пришлось протискиваться между ними. Не успел он сделать десяти шагов, как на него буквально налетел официант и предложил ему виски. Юлий взял бокал, чтобы вознаградить усилия парня. Пробираясь между гостями, Юлий успел заметить мужа Натальи Красуцкой – он истуканом стоял рядом с дочерью, которая беззастенчиво уткнулась в планшет. Наталья же перемещалась от одной группы гостей к другой, с возбуждённой благодарностью принимала соболезнования и поощряла гостей не забывать о закусках. Самой многочисленной оказалась компания, в центре которой, оживленно жестикулируя, что-то негромко вещал Шкодный Жорж. Здесь были и бесцеремонный Макс Славин, и безукоризненная Лиза Бронс, и вездесущий Витас Блябов, и колоритная дива Берта Флай, и воинственно-мрачный звукорежиссёр Вадим Крот. Они наперебой, хоть и несколько скованно, отвечали Жоржу и напоминали школьников на открытом уроке, которым надзор молчаливой комиссии мешает вести себя как обычно: свободно и шумно.

Едва успев задаться вопросом об Ольге, Юлий нашёл её по постоянно возвращающемуся к ней сочувственному взгляду Лизы Бронс, – она сидела одна, сжимая в руке сумку, с отсутствующим видом, и даже когда кто-то подходил с соболезнованиями, она лишь коротко кивала. Юлий невольно вспомнил, какой строптиво-неугомонной она была на свадьбе: истинной хозяйкой и клуба, и событий, отчасти лишь потеснённой осмелевшим уже, чувствующим себя в своём праве супругом. Теперь же перед ним была потухшая вдова, и взгляд её был пуст и неустойчив.

А потом он увидел Илайю. Похудевшую, с отросшими волосами, тронутыми лёгкой волной. Она стояла перед Анной, скрестив ноги и руки, и отвечала на её вопросы. Движения её были скупыми и смазанными, и она часто отводила взгляд к окну, выдавая, что так же, как и всегда, – где-то там, не здесь, ей хотелось бы быть.

– Как она? – спросила Анна, подразумевая Ольгу.

– В основном, молчит. Сказала, что не хочет никого обременять своим горем.

Анна нашла глазами Ольгу.

– К тому же, обижена на меня.

– Обижена? – оживлённо переспросила Анна. – Думаешь, она винит тебя в том, что случилось?

– Ну… Думаю, она догадывается, что я не разделяю её огорчения. Но ты как-то странно спросила, будто другое подразумевала…

Анна с показной непринуждённостью пожала плечами.

– В тот день, как нарочно, был сильный шторм. А во второй половине дня случился настоящий ураган. Мы с твоим отцом ходили смотреть. Там поднялась одна волна – не припомню такой высоченной.

Илайя смотрела на Анну во все глаза.

– Я знаю, как неприятен был тебе этот человек, и если бы ты подсознательно желала ему зла, это было бы так естественно. Кроме того, ты, Илайя, веришь во всякие сверхъестественности. И ведь порой всё вокруг действительно отзывается на то, во что человек верит всей душой. И если бы сила твоего желания была настолько велика, что даже стихия подчинилась ей… – тут Анна остановила себя, заметив испуг на лице Илайи, и тихонько рассмеялась. – Пора прекратить эти абсурдные речи, не то ты сочтёшь меня сумасшедшей. Но я всегда была откровенна с тобой, Илайя. Буду и теперь: думаю, то, что случилось – к лучшему. И для тебя, и для Ольги. Как бы кощунственно это ни звучало.

Юлий стал у колонки, откуда тихо лилась скорбная хоровая музыка, поставил виски и продолжал наблюдать за Илайей. Он видел, что Анна подошла к Леонарду, который выслушивал чиновничьего вида мужчину. Видел, что Илайя, расставшись с Анной, неподвижно смотрела в окно, а затем отошла к стульям и присела. Теперь Юлий мог видеть её лицо. И оно поразило его своей переменой. В противоположность Ольге лицо Илайи выглядело очень осознанным, безрадостным, но и бестревожным. Если какие-то мысли и занимали Илайю в эту минуту, то ход их был неторопливым и ровным, как течение в тихом заливе. Илайя была почти точно в том же месте Гарабоны, где он увидел её впервые семь или восемь месяцев назад, тяготящуюся скукой и навязчивым вниманием неинтересных ей людей. Теперь в ней не чувствовалось ни скуки, ни беспокойства из-за присутствующих. Она производила впечатление человека, глубоко погружённого в себя, но при этом отдающего ясный отчёт происходящему. А ещё казалась удивительно открытой – интересно, согласился бы Леонард, что это уже не та Илайя, о которой он говорил, будто она никого не пускает к себе в голову. Лично Юлию, пока он следил за ней, её голова и та глубина, где она пребывала, казались ничём не защищёнными – как калитка без замка: любой, кто просто толкнёт её, сможет войти. Какой хозяин может оставить так свои ценности? Лишь тот, кто твёрдо уверен: владения его ютятся в столь

удалённой и неприглядной местности, куда человек со злым помыслом ни за что не доберётся.

Юлий смотрел на неё и не находил сил бороться с охватившим его трепетом, сдерживать участившееся дыхание. Лавинообразное оживление поразило его существо: всё внутри раствердевало и наливалось соком. Все те закоченелые ощущения, на которые Юлий уже не рассчитывал, в которые уже толком не верил, думая, что перерос, победил их и отлично справляется без них, – чувство безграничной близости, жажда совместного погружения в мир, чувство полного согласия с самим собой, упоительное бесстрашие, – стихийно захватили его, как весна, врывающаяся в апрель, чтобы снять с него наваждение, которое внушает ему зима, – будто она никогда не кончится. Так с приходом осени мы малодушно внушаем себе, что зима по-своему выгодна, и, вообще-то, можно прожить и без лета. Так Юлий каждый день внушал себе, что счастлив рядом с Таней, а когда Таня ушла, – что станет счастлив с женщиной, которая будет лучше соответствовать ему, да и что счастье его не будет зависеть от кого-то конкретного – он будет вполне доволен, занимаясь любимым делом и позволяя себе страстно влюбляться в оригинальных барышень сколько угодно раз. И вот он отнял руку от клапана, позволив чувству полноты и многомерности жизни разлиться по тающим венам, убеждая его, что если и существует нечто, чему он готов уступить контроль над собой, – то именно этому чувству. И как ни досадно было ему сознавать, что оно происходит не от него, а от другого человека, – он больше не мог и не хотел этого отрицать.

А потом она повернулась и посмотрела на него. Это был робкий, но твёрдый взгляд, вопросительный, но не требующий ответа, радостный, но предчувствующий грусть. И Юлий понял, какой была Илайя в это мгновение – она была безупречно спокойной. Ни прежде, ни после той минуты он не заставал её в таком состоянии. В ней было столько жизненной силы, что Юлий поймал себя на мысли, что не дерзнул бы подойти к ней, если бы в первую их встречу она смотрела на него так же.

Илайя протиснулась к нему между спинами неизвестных.

– Это ты, – она улыбнулась и протянула ему руки. Улыбка не удержалась на её губах, словно крепилась на клей, который от долгого бездействия подсох.

Юлий вцепился в её пальцы.

– Ты нервничаешь, – почувствовала Илайя и смерила его плавным, как будто целительным, взглядом. – Почему?

– Не знаю, окажется ли мне по силам твоя реакция на меня, – поджал губы Юлий.

Её лицо виновато расслабилось.

– Я вспоминаю нашу последнюю встречу и понимаю, почему ты так говоришь, – Юлия смутило, как она сказала это – будто после их последней встречи прошли десятилетия, а не девять недель. – Я немного запуталась в последовательности событий. Не помню, что было за чем, – но Юлий не улыбнулся в ответ. – Для меня ты существуешь как бы вне событий. Часто мне кажется, что ты – устье всех событий: что бы ни происходило со мной, рано или поздно сводится к тебе. А может быть, ты исток всех событий. А верней всего, что и то, и другое.

Эта белиберда пробудила никогда крепко не спящую рядом с Юлием иронию.

– Жаль, я раньше об этом не знал. Тогда, услыхав «уходи», я бы твёрдо знал, что маршрут надо выстраивать по кругу.

Илайя вздохнула.

– Если бы я могла дать тебе почувствовать, что ты значишь для меня, Юлий, ты бы не посмел на меня обижаться.

На его губах появилась победная усмешка, игнорирующая приказ немедленно убираться.

– Мы можем уйти отсюда? – спросил он.

– Наверное, – с искусственной неохотой сказала она, вместо того, чтобы воскликнуть: в любую секунду! И очень мягко добавила. – Ты сегодня один? Без Тани?

– Таня превратилась в прошлое, – членораздельно произнёс Юлий, не сводя с неё глаз.

Это известие явно встревожило Илайю. Она даже отступила на полшага.

– Значит, я всё правильно поняла. И то, почему ты здесь.

– Уверен, что да. Тебя это напрягает?

– Скорее, пугает. Я рассчитывала на Таню в надежде, что она удержит дистанцию между нами.

Юлий мгновенно помрачнел и отстранился.

– Юлий! – Илайя тронула его за руку.

– Ты говорила о моём значении для тебя, – Юлий раздражённо дёрнул плечом. – Если что-то чувствуешь, как можешь надеяться, что я с другой женщиной?!

Уши Илайи горели от стыда, и она не могла поднять на него глаза.

– Со мной случились такие вещи, которые сложно объяснить, – пробормотала она. – Я другая, чем ты меня знаешь. И не уверена, что ты готов ко мне, отягощённой этим опытом. А особенно – к моим неутешительным перспективам.

– Зато я уверен, Илайя, – оборвал её Юлий. – Что бы ты ни пережила, я хочу знать об этом во всех подробностях. И что бы тебе не предстояло пережить – я хочу быть причастным к этому.

Всё это Юлий сказал с непроницаемым, даже враждебным лицом. Но ещё никогда Илайя не чувствовала так явственно, что это лицо со всеми его невыраженными эмоциями принадлежит ей. У неё перехватило дыхание от счастья, которое она умышленно перепутала с сокрушительным порывом внутреннего ветра.

– Мы можем уйти отсюда? – прикусив губу, чтобы не рассмеяться, проговорила она. – Прямо сейчас.

Юлий молча развернулся и пошёл на выход, зная, что она идёт следом. Они лавировали между гостями, игнорируя знакомых, и через минуту вырвались из Гарабоны.

Прежде чем перешагнуть порог, Юлий повернул голову, привлечённый чьим-то взглядом. То была Анна. Она стояла у бара в длинном траурном платье, с зачёсанными назад волосами и бокалом вина, как королева вампирского бала.

– Рад видеть этих двоих снова вместе, – услышала она голос подошедшего Леонарда.

– Да… И ведь нашёлся человек, которого она подпустила к себе.

– Так всегда бывает, – чуть переслащенная интонация выдавала лёгкое опьянение Леонарда. – Но ты заметила, какая она теперь!

– Какая же? – с прохладой спросила Анна.

– Какая-то полнокровная. Полножизненная, – Леонард задумался, подбирая слова для своего впечатления. – Как будто на кульминации своей личности.

– На кульминации личности… Звучит прямо пророчески.

– Всего лишь, немного романтически, – приобнимая её, возразил Леонард.

Глава 9. Дерзкая догадка

Всю дорогу Анна думала о своём деле к Ольге, и теперь, стоя на пороге её дома, испытывала сильную неловкость. Она намерена была впервые в жизни обратиться к Ольге с просьбой, которая касалась лично её, и это было очень унизительно, но цена вопроса была слишком высока, чтобы потакать гордыне. Поэтому Анна малодушно уговаривала себя, что собирается просить не только и не столько ради себя, сколько ради Илайи.

Она наклонилась постучать, но ровно в эту секунду дверь открылась сама, и Анна едва успела увернуться, чтобы не получить по лбу.

– Смерти моей хотите! – крикнула она на опешившую Дарью.

– Господь с Вами, – с суеверным ужасом пробормотала домработница.

– Здравствуй, Анна! – прозвучал слегка запыхавшийся голос Ольги. – Проходи. Поднимемся, если не возражаешь? – и Ольга в своей резковатой манере развернулась, пересекла гостиную и зашагала по лестнице. – Если хочешь, выйдем на террасу.

– На террасу? – содрогнулась Анна, наблюдая, как морщатся при ходьбе плюшевые брюки Ольги. – А не прохладно ли?

– Я там завтракаю уже неделю. Сперва было зябко. А теперь я привыкла и не чувствую холода, – призналась Ольга. – В зимнем воздухе есть особая колючая нежность. Заряда бодрости хватает на целый день.

Окна в спальне Ольги были приоткрыты, хотя на улице было около нуля. По комнате гулял ледяной сквозняк.

Анна без спросу прикрыла своё окно и, демонстративно ёжась, села в кресло. В эту минуту распахнулась дверь и въехала сервировочная тележка с двумя бронзовыми турками и двумя же крошечными чашками. Дарья выложила турки на цветастые подушечки и разлила кофе, потом прошла по спальне и позакрывала окна.

Анна отпила глоток и натолкнулась на лукавый взгляд Ольги.

– Ну, как тебе?

– Приятный вкус. С нотками шоколада или мне кажется.

– А ещё говорят, что внешнее сходство шоколада с экскрементами случайность!

– Что, прости?

– Это ты пьёшь лювак… – Ольга затаила улыбку.

– Чёрт, это тот самый кофе, который выкакивают мусанги? – Анна презрительно скривилась.

– Ты всё знаешь, ничем тебя не удивишь, – развеселилась Ольга, ожидая, что Анна откажется от кофе, но та невозмутимо продолжала пить.

– Рада застать тебя такой, – сказала Анна, разглядывая Ольгу. – Я боялась, что мой визит будет тебе в тягость, а теперь упрекаю себя, что не наведалась к тебе раньше.

– Я тронута, что ты беспокоилась обо мне, – улыбнулась Ольга. – Но не думай себя корить! В эти дни у меня было много гостей – они не давали мне скучать.

– Неделю назад ты была в удручающем состоянии. Как ты смогла выкарабкаться?

Ольга закинула ногу на ногу.

– Знаешь, каждый раз, когда увлекаюсь человеком, я как будто попадаю в его вселенную и вижу мир его глазами. А когда потом возвращаюсь к себе, меня поражает, как он мог не замечать вот этого, и этого. И как он мог думать и поступать так, а не иначе. И поражаюсь, как я принимала его таким.

– С Леонардом у тебя тоже так было? – заинтересовалась Анна. – В его вселенной ты тоже разочаровалась, когда вырвалась из неё?

Ольга виновато потупилась, будто восприняла слова Анны как упрёк.

– Леонард – совсем другое, – сказала она с фамильярной нежностью, словно не осознавая, кому это говорит. – Леонард был любовью моей жизни.

– Но потом надоел…

– Нет, Анна. Мы были разными и, как все молодые, бездумными. Нашего чувства хватило, чтобы мы соединились вопреки всему, но для создания гармоничной семьи оказалось недостаточно.

– Значит, не таким уж сильным было это чувство, – заключила Анна с плохо скрываемым пренебрежением.

Нет, она просто обязана помочь, сказала она себе, испытывая Ольгу взглядом.

– Наверное, ты права, – с неожиданной робостью отозвалась Ольга. – И я плохо умею любить, раз мне не удалось удержать ни один из моих браков.

– Прости, – осеклась Анна. – Я не хотела сдирать кожу с такой свежей раны.

– Но ты-то его любишь, Анна? Так, как требуется?

– Будто бы ты не знаешь, – Анна надменно отвела взгляд.

– Мы никогда не говорили о Леонарде, – пожала плечами Ольга. – В другой ситуации это казалось неловким. А тут такой момент, когда ни одна тема не кажется щепетильной, да? А ведь я живу с чувством вины перед ним. И хотя признаю, что он не мой человек, я рада, что он был частью моей жизни. И если однажды мне представится возможность отплатить ему за терпение и живое участие в моей судьбе – я с радостью это сделаю. Ты ведь скажешь мне, если ему понадобится моя помощь?

Анна удовлетворённо сглотнула.

– Собственно, есть одна проблема…

И она рассказала Ольге о том, что её привело. Пять дней назад она узнала от знакомого в департаменте муниципальной собственности, что Асседию включили в приватизационный список. И на ближайшей сессии горсовета готовятся продать в частные руки. Вроде бы в выкупе заинтересована очень влиятельная фигура.

– Значит, вы можете потерять Асседию?

– Леонард не верит в это, но вероятность очень высока, – взвинченно сказала Анна.

Ольга вскинула брови и возмущённо покачала головой.

– И ты думаешь, я могу на это повлиять?

– Мой информатор подчеркнул, что в горсовете опасаются шума и лишнего внимания. Если о приватизации станет известно публике, это вызовет возмущение, и тогда есть шанс, что горсовет проголосует против продажи.

– Значит, от меня требуется…

– Демотивирующая пиар-кампания. И на всё про всё – две недели, оставшиеся до сессии. Достаточно, чтобы поднять хайп?

Взгляд Ольги сосредоточенно бегал, оценивая шансы на успех.

– Надо устроить пресс-конференцию, снять репортаж с красивыми видами санатория, ты дашь короткое интервью, продвинем его через сети и ютуб. Плюс нужен человек на телевидении. Моя сокурсница работает в Набсовете телерадиовещания, – посмотрим, чем она сможет помочь.

Анна с удовлетворением сделала последний глоток кофе. Ей оставалось совершить последнее истязание над своей гордостью. Она отсрочила его до момента, когда оказалась на пороге. Ольга провела её до двери.

– Если я попрошу, чтобы этот разговор остался между нами? – внушительно проговорила Анна.

– Конечно. Не будем раньше времени расстраивать Илайю.

– В первую очередь, я имею в виду Леонарда, – сказала Анна и, неловко развернувшись, споткнулась. – Чёрт тебя возьми! – она в сердцах пнула ступеньку и, не оборачиваясь, махнула Ольге.

– Молочко вскипело, – доложила Дарья, как только Ольга вернулась в дом. – Я заливаю мюсли. Сходите в кухню?

– Нет, не хочу, – отмахнулась Ольга. – Посижу на террасе немного.

– Могу вынести туда. Ещё и киви накрошу.

– Может быть, потом.

Она вышла на балкон, уселась в плетёное кресло, сбросила тапочки, подобрала ноги и закуталась в плед. После ухода Анны ей сделалось грустно, как случалось в последние месяцы по вечерам. Обычно в такие минуты она находила Анатолия, чтобы разделить с ним тревоги, и хотя в итоге жалела, что обратилась к нему, ибо вместо того чтобы выслушать, он переключал её на отвлечённые темы, сейчас, когда она испытывала грусть и понимала, что прибегнуть к Анатолию не суждено, она остро ощутила его нехватку.

Так её и застал Леонард, приехавший около одиннадцати утра. Дарья при виде его – уже потерялся счёт годам, сколько его не видели в этом доме, – проглотила язык и в радостном изумлении указала, где искать хозяйку.

Ольга встрепенулась, заметив, что он выходит на террасу.

– Леонард! Ты ко мне? Десять секунд! Я обуюсь!

– Сиди, сиди, – он огляделся и глубоко вдохнул. – Тут же хорошо. – Потом смерил её деликатно-строгим взглядом. – Как ты справляешься? Только без блоггинга. Скажи, как есть.

Слёзы брызнули из глаз Ольги. Она пожала плечами и улыбнулась.

– Хуже, чем я думал, – вздохнул Леонард.

– Всё не так плохо, – утирая слёзы, возразила Ольга. – Просто ты спросил… так сердечно… А я о стольких вещах теперь думаю. Наверное, пытаюсь обрести какой-то смысл. Думала заняться чем-то новым. Например, написать автобиографию, – она стыдливо зыркнула на него и, не встретив скепсиса, продолжала. – Загорелась этой идеей. Вот так взяла кофе, села здесь и тоскую. И тут взглянула на себя как бы со стороны, как если бы обо мне писали книгу. Как если бы моя тоска стала кому-то нужна. И тут же моё пустое утро наполнилось смыслом, понимаешь?

Леонард грустно усмехнулся.

– А потом вспомнила, как однажды Лиза сказала, что прежде чем писать автобиографию, надо прожить жизнь, которая достойна увековечивания. И засомневалась. Я изолью душу, а они всё раскритикуют.

– Что бы и как бы ты ни сделала, всегда найдётся критик. Разве это когда-нибудь останавливало тебя?

– Нет, Леонард. Хорошее слово должно быть больше, чем просто словом. Хорошая книга должна быть больше, чем просто книгой. Я не сумею, – Ольга махнула рукой.

– О чём ещё ты думаешь?

– Чаще всего о нём, – вздохнула Ольга. – О его жизни. Пытаюсь и ему найти смысл. Представляю: вот, был бы у нас ребёнок и спросил бы меня: расскажи о папе, чем и ради чего он жил, – что бы я ответила? Что он был моей провальной попыткой построить отношения? Видимо, Анна права, и не всем дано гармонично ужиться с другим человеком.

– Анна? – напрягся Леонард.

– Когда-то мы с ней говорили об этом, – осеклась Ольга.

– Расскажи об Илайе, – попросил Леонард.

– Мне кажется, у неё всё прекрасно. Она днями и ночами с этим парнем.

– Пропадает у Юлия? – с пониманием кивнул Леонард.

– Но старается бывать дома каждый день. Ей важно, чтобы я не чувствовала себя брошенной.

– Она не кажется тебе озабоченной? Может, подавленной?

– Скорее, просто счастливой.

Леонард не слишком убеждённо кивнул.

– А что ты сам? Чем сейчас занят?

– Готовимся к ведомственной проверке, – сказал Леонард, помрачнев. – Есть слух, что нас могут продать из-за низкой рентабельности. Мол, санаторий запущенный, требует космических вложений, содержать его накладно для бюджета. Вот затеяли инспекцию. Моя задача – продемонстрировать, что это заангажированная ложь. Мы провели финансовый аудит, инвентаризацию активов, экспертизу отремонтированных инженерных сетей. Собираем отзывы гостей. Я в этом с утра до ночи. Еле до кровати доползаю.

– Слушай, возьми меня в дело. Поборемся вместе. Я тебе пригожусь.

– Не лезь в это, Оля, – внушительно сказал Леонард. – Я сам разберусь. А что касается тебя, – помнится, ещё в ранней молодости ты хотела выучить японский язык. Никто этого всерьёз от тебя не ожидает…

– Японский язык… В следующем апреле неделя моды в Токио… Половина сообщества уже забронировали билеты.

– На все лады будут выделываться…

– Вижу как вживую, – сверкнула глазами Ольга.

– Конечно, выучить японский за четыре месяца – это вызов…

– Но перекошенный фас Лизы Бронс того стоит!

Леонард комично сгримасничал, изображая завистливое изумление, и Ольга невольно расхохоталась.

Юлий взял недельный отпуск, а Илайя перестала появляться в институте. Пару дежурных звонков из деканата она проигнорировала, зная, что беспокоить Ольгу не станут. Они вылезали из постели, только чтобы съездить в Асседию. И там бывали инкогнито. Ничто не мешало им поселиться в домике Леонарда – тогда не пришлось бы тратить по два часа на дорогу; не нужно было, когда они замерзали, проникать в старый корпус через окно пристройки, где ставни можно было аккуратно выбить и потом поставить на место. Но эти преимущества не стоили того благостного уединения, которое они, пренебрегая удобствами, оберегали.

Они без конца целовались, без конца говорили, без конца занимались любовью. Эти дни стали густым осадком того счастья, которое они бросили недопитым. Они то жадно

заглатывали его, то смаковали с гурманской ленцой, разбавляя нежными нелепицами, которые не казались им такими.

В тот день, когда Ольга и Леонард упомянули их в разговоре, Юлий и Илайя гуляли по набережной, а потом забрались на склоны – в то место, где прошлой весной они, безмятежные и увлечённые, впервые присели на порожек влюблённости.

– Расскажи мне про тот сеанс, – попросил Юлий.

И она рассказала всё, что помнила. Про лифт, на котором поднялась в оперный зал, про Ледро Лубски в образе Мефистофеля, про вещество во лбах слушателей, про космический калейдоскоп. Наконец, про волну, которая накрыла её.

– Что было у них во лбах, как ты поняла? Что это такое, что требовалось просканировать, прежде чем дать им распасться?

– Свобода воли? – глупо спросила Илайя. – Нужно было вычерпать её?

– Или наоборот? Её было недостаточно, чтобы они могли не распасться?

Юлий нырнул в это размышление, и когда вынырнул, попросил.

– Расскажи мне ещё раз про ту комнату.

И она рассказала: как попала туда, сбежав из Начала, и что в первый раз комната была безобидной, а во второй проявились феномены, и про живую трубу, которая вывела её на пляж Асседии.

– А когда ты впервые попала на само кладбище – помнишь?

– Конечно! Ещё летом. Из колокольни.

– Из колокольни! И тоже по замкнутому коридору, так?

Эти рассказы будоражили его. Одна идея особенно захватила его – гипотетическая ось, отклонение от которой вызвало искажение восприятия.

– Например, свет звезды доходит до нас с большим смещением во времени. Другой пример: луч света преломляется в воде, – объяснял он Илайе. – Что-то похожее происходит с твоей восприимчивостью, когда сознание отклоняется от привычного положения на некой условной оси…

Ему упорно казалось, что в этой догадке кроется ключ, но ему не хватало специальных знаний, и тогда он вспомнил о своём приятеле физике. Он позвонил ему поздно вечером, когда Илайя уже спала, и Костя на удивление быстро ответил.

– Я к тебе опять по запредельному вопросу.

– Слушаю.

– Ты можешь вообразить себе такую модель: материальное тело, а конкретнее, живой человек, обладает способностью притягивать к себе сознание, которое взаимодействует с ним и образует более или менее устойчивую систему – личность.

– Вполне. Наподобие того, как в макромире небесные тела образуют вращающиеся системы под действием гравитации. Или в микромире: стабильная частица – атом – представляет собой электроны, которые концентрируются в облако вокруг ядра.

– Думаю, это принципиально другое взаимодействие, но пока не нахожу более подходящей аналогии, чем гравитация.

– Остановимся на ней. Продолжай.

– И вот: ведь существуют ситуации, когда притяжение снижается?

– Разумеется. Есть такое понятие как гравитационные волны – своеобразные колебания пространства-времени. В земном масштабе яркий пример – эффект левитации. Достигается благодаря приложению к объекту, находящемуся в гравитационном поле, другой силы, которая компенсирует силу тяжести.

– То есть, возвращаясь к модели ментальной гравитации: если допустить, что человеческое тело или, конкретнее, мозг притягивает сознание, то сила такого притяжения может колебаться, во-первых, за счёт изменения частоты работы самого мозга – например, состояния сна или наркотического опьянения, а, во-вторых, за счёт действия на сознание некоторой другой силы?

– Грубо говоря, да, – сказал Костя. – Например, силы ветра?

– Например… – машинально пробормотал Юлий. – Хорошо, давай предположим, что сила ментального притяжения, действующая на сознание, снижается. Что, в таком случае, происходит с ним? Вот эта самая левитация?

– Ну, левитация – это сбалансированное состояние. Если баланса сил нет, то сложно прогнозировать, что именно случится. Можно предполагать, что сознание сорвётся с орбит или, если использовать категории микромира, орбиталей. А куда его унесёт и к чему притянет – зависит от того, насколько снизится гравитационное поле мозга и что там встретится поблизости.

– Значит, смещение с орбиталей. Как тебе кажется, такое смещение сознания может вызывать искажение восприятия?

– Если пытаться впихнуть твои фантазии в научные координаты, то скажу так: научное знание привязано к наблюдателю, который (будь то человек, прибор или система отсчёта) воспринимает, измеряет и анализирует данные и делает выводы. Если объектом исследования является восприятие, то на роль наблюдателя больше всего подходит индивидуальное сознание. И если внутри сознания происходит нетипичное смещение, то я сильно подозреваю, что он оказывается в некотором другом соотношении с объектом исследования и системой измерений.

– Под системой измерений ты подразумеваешься привычное для нас пространство и время?

– Можно сказать и так.

– Ось наблюдателя… – пробормотал Юлий после молчания. – В чём же её качественная составляющая? Что именно там смещается?.. И какова закономерность изменения восприятия при различных смещениях?

– Интересные мысли приходят тебе в голову, мой друг. Чувствую, что и мне от них покоя не будет.

– Если надумаешься что-нибудь, поделишься со мной?

– Готов даже встретиться! Приобщиться к наблюдениям. Ты ведь, небось, неспроста фантазируешь?

– Неспроста, Костя…

Костя ревниво присвистнул.

– Желал бы я испытать то, о чём ты говоришь.

– Почему-то я так не думаю…

Однажды утром Илайя, проснувшись, не застала Юлия в постели. Она встала с кровати и отправилась искать его по квартире. Он стоял над обеденным столом, на котором были разложены какие-то ветхие бумаги.

– Смотри, – заслышав её, поманил Юлий. – Это черновой проект санатория, – он кивнул на развёрнутый перед ним чертёж. – Вот здесь был запроектирован тоннель, – он провёл пальцем по линии между Южной башней и колокольней. – В финальном плане Асседии его нет, но я вспомнил про черновик и решил проверить. А вот здесь, – он указал на

пунктирную линию, образующую ответвление в виде квадрата примерно посередине тоннеля. – Полость. Комната. Но я не вижу входа. Она как будто замурована.

– Откуда у тебя этот чертёж?

– Он был здесь, – Юлий кивнул на книжный шкаф. – Среди бумаг, что остались от деда. Когда-то я просматривал их, и теперь вспомнил, что у деда где-то валялся первоначальный план санатория. Решил глянуть. И вот…

– Хочешь сказать, что эта комната существует в действительности?

– Я не уверен даже, что существует тоннель. Но чертёж соответствует твоему описанию – странное совпадение. И это помещение – посмотри сама, убедись, что мне не мерещится.

Илайя присмотрелась к карте.

– Я ничего в этом не понимаю, – призналась она. – Но если она там, я хочу её увидеть.

Он ждал этих слов.

Они наспех позавтракали, тепло оделись, и пока ехали в трамвае, не произнесли ни слова – охватившая обоих вязкая тревога поглощала речевые импульсы. Илайя, стянув перчатки, изучала ногти, думая, что их не мешает постричь. Рука Юлия лежала у неё на колене и временами подрагивала. Он смотрел в окно на скользящие навстречу соседние рельсы.

Колокольня под бледным зимним небом имела вид сонный и тусклый. Когда они вошли, с оконного проема слетел голубь, а потом воцарилась тишина – как будто она на мгновение приподняла веко и тут же вернулась к дремоте.

Люк, ведущий в тоннель, был спрятан за уступом северной стены. Его крышка была снабжена массивной щеколдой. Юлий с усилием сдвинул её вправо до упора.

– Поразительно, – сказал он. – Столько раз мы здесь бывали, и нам не пришло в голову поднять эту крышку.

– Я думала, это винный погреб, – улыбнулась Илайя.

Юлий откинул крышку люка, захлопнутую двенадцать дней назад собственноручно Мирой Манн.

– Тут решётка прямо по своду идёт, осторожно, – предупредил Юлий, спустившись первым. Он посветил ей фонарём. Илайя спрыгнула и огляделась.

– Здесь как в катакомбах, – сказала она.

– Не как в твоём кошмаре?

– Нет, не совсем.

– Ну, хорошо, идём.

Тоннель, замкнутый известняковыми сводами, был довольно просторный – не меньше полутора метров в ширину, и под два метра высотой. Он вёл преимущественно прямо, лишь кое-где слегка изгибался. Под ногами шуршала каменная крошка, в некоторых местах виднелись следы от ударов кирки. Юлий шёл впереди с фонарём, отсчитывая шаги и сверяясь с планом, и на ходу восхищался масштабом находки.

– Зачем его построили? – спросила Илайя. – Кому и для чего он мог понадобиться?

– Предположу, что по самой банальной причине – для добычи ракушечника, – сказал Юлий. – Стройматериал для основных зданий поставлялся, насколько я знаю, централизованно, но, возможно, они хотели заготовить немного камня впрок. Готов спорить, что, например, Южная башня построена из этого самого известняка. А комната, которую мы ищем, могла, между прочим, служить винным погребом, как ты недавно сказала, – Юлий остановился. – Судя по плану, помещение должно быть здесь, – он прижал кулак к левой стене и постучал по ней. – Триста двенадцать метров от спуска.

Двадцать метров от последнего заворота. Мы сейчас под той трассой, с которой граничит санаторий, – Юлий ещё раз прошёлся туда и назад до крайнего загиба тоннеля, вслух считая шаги, и подтвердил. – Да, это точно здесь. Если верить плану.

Они простучали и обшарили стену в поисках отверстий или выпуклостей, но ничего такого не было.

– И что мы будем делать? – спросила Илайя. – Взрывать эту стену?

– Если не придумаем ничего умнее, – Юлий озадаченно глянул в темноту тоннеля, где ему почудился шорох.

И точно – с санаторной стороны, мгновенно освещённая Юлиевым фонарём, показалась женская фигура.

– Неужто она? – отступая на шаг, пробормотал Юлий.

– Это я! – помахала женщина, приближаясь.

– Анна! – поразилась Илайя.

Анна была в розовом лыжном костюме и казалась очень настороженной.

– Ты знала о тоннеле?

– Не так давно узнала, – уклончиво сказала Анна. – Что ты здесь ищешь, Илайя?

– За стеной, возможно, спрятана комната.

– Да, здесь есть комната, – подтвердила Анна и облизнула губы. – Ты хочешь туда попасть?

– Ты знаешь, как это можно? – воскликнула Илайя.

– Кирпичи разбираются. Вот эти, – Анна указала на шесть соседних кирпичей снизу. – Там просто затирочная смесь – чтобы замаскировать открытые швы. Её легко выскоблить. Нужно что-то острое типа скребка или пилы.

– Есть только нож, – порывшись в рюкзаке, Юлий вытащил складной мультитул, нашёл стамеску, показал Анне.

– Думаю, сойдёт, – деловито кивнула та.

– Попробуем, – Юлий с помощью Илайи, подсветившей ему, соскоблил затирку, и сдвинул кирпичи, закрывавшие вход.

Илайя с робким нетерпением взглянула на Анну, которая уступила ей дорогу, и шагнула вперёд.

– Подожди, Илайя, – подал голос Юлий. – Ты уверена?

Илайя обернулась и помедлила, заразившись его тревогой.

Анна усмехнулась, взяла у Илайи фонарь и, пригнувшись, юркнула в комнату.

– Пока жива, – насмешливо крикнула она. – Но тут ничего интересного. Кубик как кубик. Совершенно пустой.

Илайя с пристыженной улыбкой выдохнула, увещевательно пожала руку Юлия и, утоляя нетерпение, тоже влезла в камору. Юлий вошёл за ней.

Да, это была она. Ни по каким очевидным признакам это нельзя было определить, но Илайя узнала её. Она не была подобной как подобны своими узорами подушечки пальцев. Это было сырое, пустое, совершенно незнакомое на вид место, которое, тем не менее, хранило память об Илайе, как Илайя хранила память о нём, и теперь эта взаимная память проснулась и отозвалась.

Илайе сразу сделалось дурно. Она задрожала, услышав сдавленный детский плач, и когда Анна направила на неё фонарь, зажмурилась от ослепительного света, и тут же почувствовала, как её сжимают спиральные тиски, снизу вверх, начиная от лодыжек. А

когда открыла глаза, в углу, увешанном гроздьями паутины, увидела письменный стол с миниатюрной замочной скважиной в верхнем ящике. И тут рука Анны протянула ей крошечный ключ. Илайя взяла его, вставила в скважину, провернула.

– Илайя! – услышала она голос Юлия. – Что ты делаешь?

Из щели верхнего ящика повалил медно-бардовый задымленный свет. Замирая от страха, Илайя выдвинула его, и её глазам предстал театр-душегубка. Он занимал весь верхний ящик. Стены оперного зала как бы совпадали со стенками ящика, причём, их внешняя сторона имела вид морской губки – мягкой ребристой поросли, через глубокие поры которой в зал всасывались зрители.

Илайя оглянулась, но не увидела ни Юлия, ни Анны. В углу комнаты парил над полом на скрещенных ногах бородатый чудак из начала. Он сокрушённо покачивал головой.

– Что это такое? – в ужасе спросила у него Илайя. – Что здесь делается с ними?

– Обломки. Мусор мироздания.

– А я?..

– Угодила в магнитное поле, – вздохнул чудак. – Через предательство.

– И что со мной будет?

– Расщепление. В лучшем случае – если хватит плотности – распыление.

– Нет… – пробормотала Илайя, чувствуя острую боль во лбу.

Её пальцы нащупали воспалённую ткань по краю свежей дыры, упёрлись в выпуклость колбы, наткнулись на вязь каната. И потом её понесло, потянуло, беспрепятственно и беспощадно, куда-то вверх, сквозь толщу камня, и дальше – через рваные удушливые слои серых облаков.

– Юлий! – позвала она.

– Я здесь, – ответил он.

– Где мы?

– На пляже Асседии.

Илайя подняла голову и увидела синеву, ничем не заслонённую, простёршуюся от края до края. Облака свисали с неё как клочья разорванной обивки неба. Небо казалось запнувшимся, как неожиданно обесточенный прибор.

А потом из глубины этой небесной бездны её вновь захватила тяга. Её подхватило и понесло к облакам. Но когда она поднялась высоко, то оказалась не в облаках, а посреди бурной огненной реки, и вокруг танцевало пламя. Потом она оказалась целиком в холодной воде, и от ударов сердца по воде шла кольцевая вибрация, возвращаясь к Илайе ледяными пикообразными струями. Потом появилось ощущение, что она лежит глубоко под землей, засыпанная песком и камнями. Она не ощущала тела, но продолжала чувствовать восходящую тягу, и временами – лёгкий разряд тока, как от прикосновения к наэлектризованной ткани. Ей становилось то холодно, то мучительно жарко. Чувство раскалывающего внутреннего давления сменялось мощными ритмичными ударами в переносицу. Ощущения перетекали одно в другое и зависали в ответ на мучительное стремление воли как-то всё увязать, объяснить, чем оно вызвано, предвидеть, к чему ведёт.

– Юлий, где я? – спросила она.

– Мы дома, – сказал Юлий.

И действительно, они находились у него в гостиной: она – на диване, он – в кресле с ноутбуком, на подоконнике у него за спиной – чашка из-под кофе. Но что-то стало не так – над диваном появился ночник, который был точно не отсюда, и исчезла стена, у которой

раньше стоял шкаф. Без этой стены комната выходила прямо в заснеженный двор, где гуляли дети. Илайя подумала, что хорошо бы выйти на прогулку, но, взглянув на поглощённого работой Юлия, решила не отвлекать его. Отвернувшись от Юлия, Илайя заметила, что уже не сидит на диване, а зажата в чьей-то перчатке. Над нею склонились лица детей: большие и весело изумлённые.

– Дуй! – сказал ей в лицо мальчишка, закутанный в шарф.

– Нет! – вскрикнула Илайя, чувствуя, что её волосы встали дыбом.

Румяный рот приблизился к ней и стал дуть. Голову Илайи охватил жуткий неравномерный зуд. Хотелось расчесать её до крови, но для этого у неё не было рук.

– Дуй сильнее! Дай-ка мне! – услышала она, и другой мальчишка стал что есть мочи дуть на неё.

Ей на голову будто надели ветровой шлем, внутри которого дули и схлёстывались разнонаправленные потоки, с корнем вырывая из неё спутанные образы, искажённые воспоминания, надорванные лоскутья знаний. А над ней разлетались в стороны пушистые тычинки, и Илайя старалась отследить их полёт, запомнить направление, где их потом искать и собирать. Но стоило ей моргнуть, как она оказалась сидящей в театральном кресле в пустой подземной комнате. Там было тихо и сыро, а кресло, мягкое на вид, на ощупь было жестким и пружинистым.

– Юлий, какой сегодня день?

– Канун нового года. Илайя, ты устроила ужасный шторм. Пострадали дети.

– Нет, Юлий, это не я. Это дети.

– Ты подняла жуткий ветер. У всех на глазах.

– Юлий, они раздули меня по всему миру. Я опять угодила в комнату.

– Не прячься в комнате, Илайя. Ты в Асседии.

– Не оставляй меня, Юлий. Держи за руку и не отпускай.

Она почувствовала его поцелуй, сочный, согревающий, искрящийся счастьем, так что захотелось вцепиться в это непривычно стойкое ощущение. Нащупала его плечи – единственную твердыню среди повсеместной вязи, которая уже вся наструнилась, предчувствуя новую тягу и новые метаморфозы.

Илайя провалилась в небо, полное разноцветных световых волн, и летела, пока не ударилась спиной о какую-то поверхность. Под ногами была пустынная местность, а перед глазами – закат. Илайя смотрела, как заходящее солнце, вспыхнув, перегорело и осыпалось за горизонт, как клейкий песок. После этого быстро стемнело, и задул бешеный ветер, и когда Илайе удавалось сосредоточиться на нём, ей казалось, что чувство страха притупляется.

– Ветер сдувает страх, – поняла Илайя.

– Остановись, Илайя, – услышала она.

И увидела Юлия. Он вошёл в квартиру и задёрнул шторы.

– Откуда ты? Где ты был? – спросила она.

– На работе.

– Какой сегодня день?

– Очень ветреный, – сказал он, целуя её руку.

– Ты замёрз, я сейчас сделаю чай, – сказала она, вставая.

– Только не открывай жалюзи и шторы, – попросил Юлий. – Я тебе говорил: они должны быть закрыты.

В квартире царил полумрак. Илайя набрала воды в стеклянный электрочайник, включила его и залюбовалась водными пузырьками в лучах синей подсветки. В дверном проёме возник Юлий и встревоженно уставился на неё.

– Кто-то предал меня, – сказала Илайя, краем глаза наблюдая, как кухню Юлия заливает, расползаясь по стенам, как плесень, позолота оперного зала. – И я застряла в театре, что в верхнем ящике стола… Я сейчас в комнате, Юлий, – она подняла на него мутные, ничего не ожидающие глаза. – Забери меня отсюда.

Глава 10. Следственный фокус

В приёмной ректората была очередь ожидающих аудиенции у ректора, но когда появился Тимур Семуров, секретарь сразу поманила его и предупредила, что ректор примет его следующим.

– А по какому вопросу? – прокашлявшись, спросил Тимур. – И отчего такая срочность?

Секретарь решительно покачала головой, мол, бесполезно допытываться – ничего не знаю. Перебрав происшествия последних дней, Тимур рассудил, что причиной неожиданного вызова могут быть его успехи в исследованиях, связанных с Антимарой: возможно, его будут поощрять или даже расширят его роль в проекте. Поэтому к ректору он вошёл с видом скромного самодовольства.

– Тимур! – ректор – рослый человек с морщинистым лицом и глазами, вжатыми в веки, точно испуганные равлики, – пожал ему руку. – Рад вас видеть. У меня к вам неотложная просьба. В кабинете проректора сейчас ждёт человек. Я прошу вас встретиться с ним и максимально полно ответить на все его вопросы и, вообще, оказать ему полное содействие. Заранее благодарю вас.

Ректор проговорил это канцелярским тоном и ни разу не взглянул Тимуру в глаза. Лишь когда окончил речь, выжидающе воззрился сквозь него.

– Это всё? – уточнил, на всякий случай, Тимур.

– Да, – кивнул ректор, стараясь ласковым взглядом компенсировать метал раздражения в голосе, вызванного его непонятливостью.

– Это как-то связано с… – начал спрашивать Тимур, но не договорил.

– Вы всё сейчас узнаете непосредственно от нашего гостя. Благодарю вас.

Человек, который дожидался в кабинете проректора, был полнотелым брюнетом с выразительным лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы оно не было слегка оплывшим, испытующе прищуренными глазами и густыми треугольными бакенбардами. На нём был серый твидовый костюм и белая рубашка, поверх которой широким узлом был завязан сиреневый галстук. Заложив руки за спину, он стоял у бездарной репродукции кувшинок Моне, и когда вошёл Тимур, обратил к нему оживившийся взгляд.

– Господин Семуров? Старший лейтенант Роман Геннадио, – представился он, не подавая Тимуру руки. – Я работаю в следственном управлении государственной службы безопасности. Присаживайтесь, пожалуйста.

Несколько оглушённый прозвучавшей должностью, Тимур занял стул для посетителей. А пришелец умостился в кресле проректора.

– Мне необходимо задать вам несколько вопросов об одной из ваших студенток. Наша беседа будет записана, – с этими словами Роман Геннадио включил диктофон. – Сегодня 11 февраля. Время начала допроса девять тридцать семь утра. Допрос проводит следователь Геннадио.

Допрос! Тимур побледнел. Значит, поощрительный тон ректора – ради того, чтобы он не бузил, что его без каких-либо оснований будут сейчас допрашивать? Он уже хотел возразить, что если речь идёт о допросе, то он раскроет рот лишь в присутствии адвоката, но пришелец выглядел довольно загадочно, к тому же, явно нарушил полагающуюся процедуру, а значит, вряд ли запись, которую он сейчас делает, будет носить официальный характер. Тем любопытнее было узнать, что заинтересовало службу безопасности, и поскольку Тимур не знал за собой ничего противозаконного, он решил подыграть следователю в надежде выведать что-нибудь примечательное.

– Назовите ваше имя, гражданство, год и место рождения, адрес проживания, – визитёр ободрительно кивнул, после чего задал ещё несколько технических вопросов, и когда Тимур ответил, продолжил более пристрастным тоном. – Расскажите, пожалуйста, всё, что вспомните, о вашей студентке Илайе Плерóвой.

– Илайя Плерóва, – осторожно повторил Тимур. – Посещала мой курс с начала учебного года. В последние два месяца или, может, чуть более, она не посещает мои занятия. Могу охарактеризовать её как способную, старательную, но временами отстранённую студентку.

Старший лейтенант нетерпеливо кивнул, точно ожидал этих ответов.

– В течение этих двух месяцев вы виделись с Илайей Плерóвой?

– Нет.

– В каких отношениях с Илайей Плерóвой вы состояли до того, как она перестала посещать ваш курс?

– Я бы сказал, в приятельских.

– То есть, в хороших?

– Ну, это оценочно. Если отталкивать от стереотипного представления, то да – в хороших, безусловно, – заговорился Тимур и поймал подозрительный взгляд следователя.

– С чем вы связываете тот факт, что Илайя перестала посещать ваш курс?

– Илайя перестала посещать не конкретно мой курс, а все занятия в университете. Насколько я слышал, ей оформили академический отпуск по состоянию здоровья.

– Чем она больна?

– К сожалению, мне это неизвестно.

– Вам неизвестно, что у неё диагностируют кататонический синдром? Подозревают даже шизофрению? – нахмурился следователь.

– Известно только на уровне слухов. А распространять слухи не в моих правилах. Тем более, на допросе.

Здесь Тимур немного слукавил. Он увлечённо следил за делами исчезнувшей из университета Илайи, и ему было превосходно известно, что последние месяцы она живёт у Юлия, что её эмоционально-психическое состояние крайне неудовлетворительно, и что семья возит её на медицинские консультации.

– Тимур, вы сказали, что были в приятельских отношениях с Илайей. Насколько вы были близки?

– Мы несколько раз общались после пар, у нас были общие темы.

– Но интимной близости у вас не было…

– Нет, – отрезал Тимур, всем своим видом демонстрируя, что покороблен этим вопросом.

– Тимур, вы не замечали проявление у Илайи особых способностей? Телепатия там, ещё что-то в этом роде? Нечто такое, во что сложно поверить, но что обращает на себя внимание…

– Телепатия? – поморщился Тимур. – Вы говорите о сверхъественных вещах. Нет. Ничего подобного я за Илайей не замечал.

– А не проговаривалась ли Илайя, что держит зло на кого-то? У неё были враги, недоброжелатели?

– Нет, мне это неизвестно.

Роман Геннадио сделал пометку в блокноте и скептически поджал губы.

– Могу я поинтересоваться, чем вызваны ваши вопросы? Илайя что-то натворила?

– На данный момент сложно утверждать. К тому же, вы наверняка знаете о тайне следствия.

– Господин старший лейтенант, что бы ни показалось вам относительно меня, я осознаю, что, отвечая на ваши вопросы, делаю вам большой аванс. Ведь у вас нет официальных полномочий для допроса. Думаю, вы согласитесь, что вряд ли разумный человек станет делиться сокровенными знаниями, не понимая, для каких целей и что ему с того. Если вы хотите добиться от человека содействия, вам следует как-то замотивировать его.

Роман Геннадио снисходительно усмехнулся.

– Вы умный человек, господин Семуров. Я навёл о вас справки и знаю, что вы профессионал. Ваше содействие было бы очень ценным для департамента. Я готов отплатить за откровенность встречной откровенностью, однако вы должны понимать, что эта информация носит строго секретный характер… – следователь исподлобья глянул на Тимура. – Кроме того, я должен спросить, почему ваши приятельские отношения с Илайей на данный момент прекратились?

– У…. – Тимур задумчиво поджал губы. – Они прекратились. Я бы сказал, оттого, что мы исчерпали взаимный интерес. И очень надеюсь узнать, что стало причиной и что является целью вашего расследования. Это естественные вопросы.

– Вы наверняка заметили в последние месяцы ряд нехарактерных для нашего климата стихийных явлений: ветровая буря накануне нового года, затем ещё несколько в январе. Метеорологи не смогли дать им правдоподобного объяснения. Госдепартамент инициировал расследование для установления факторов, которые могли вызвать такие катаклизмы. Как выяснилось по предварительным опросам, некоторые очевидцы во время штормов обратили внимание на одну и ту же личность, которая оказывалась в эпицентре бури и не пыталась спастись от разрушительного ветра. Речь об Илайе Плерóвой. А удивительнее всего, что за последние два месяца Илайя Плерóва выходила из дома именно в те дни, когда случались шторма. На первый взгляд, бессмысленно, но согласно протоколам внутренней безопасности подобные совпадения нельзя оставлять без внимания. Поэтому передо мной поставлена задача расследовать возможную причастность Илайи к людям или событиями, с которыми могут быть связаны погодные катаклизмы.

– Думаете, это какие-то военные разработки? Тестирование метеорологического оружия?

– Вменяемой версии у меня пока нет. Однако вернёмся к сокровенным знаниям. Расскажите мне всё, что вам известно, о Мире Манн.

Тимур не секунду задумался и пожал плечом.

– Я не знаком с такой особой.

– Однако вы знакомы с Виктором Тоньё, который является женихом Миры Манн.

Тимур кашлянул.

– Я, и правда, знаком с ним. Но наше знакомство пока ограничивается одной встречей.

– Что вас связывает?

– Я провожу социальные исследования по заказу его компании.

– Для проекта «Антимара»? – продемонстрировал свою осведомлённость следователь.

– Да, чего уж скрывать.

– Расскажите мне об Антимаре, – следователь спросил это с таким увлечённым видом, что Тимур догадался – он спрашивает сугубо из любопытства.

– Зайдите в интернет или включите популярное ток-шоу по телевизору – её непременно упомянут в первые же пять минут эфирного времени.

– Мне отлично известно, какие враки втюхивают людям по телевизору и в интернете. Поэтому я предпочитаю спросить компетентного человека.

– В данном случае, почти не врут, – важно возразил Тимур. – Антимара – беспрецедентный по глубине и масштабу проработки алгоритм. Она собирается предложить людям динамичную и всеобъёмлющую формулу личного счастья. А точнее, индивидуальный путь к счастью для каждого человека. Неудивительно, что эта идея будоражит умы.

– И она добивается этого путём разнопланового исследования личности?

– Не только! Динамический портрет личности – только первый этап исследования. Дальше полученные образы изучаются в романтических, внутрисемейных, деловых и прочих отношениях; а на следующем этапе – уже в неявных, неосознанных и неконтролируемых человеком взаимодействиях. Вообразите, какое количество людей и событий оказывают влияние на нашу жизнь ежедневно. Если бы человек захотел учесть и проконтролировать все эти факторы, чтобы усилить сознательное влияние на свою судьбу – что бы вы на это сказали? Я сам ещё вчера назвал бы это абсурдом. Но с Антимарой это становится реальностью, которая скоро будет восприниматься как нечто само собой разумеющееся, – Тимур Семуров поймал губами слюну, которая вырвалась у него изо рта.

– Звучит, конечно, внушительно. Но как можно быть уверенным в точности изначального портрета? Он составляется на основании вопросов, а кто поручится, что это правильные вопросы?

– Послушайте, – возбуждённо воскликнул Тимур. – Я не говорю о себе, но я знаю людей, которые, наряду со мной, разрабатывают программы исследований. Это лучшие умы мира! Да и учтите, что сущность человека – не отпечаток пальцев, её не так легко удостоверить. Проводятся масштабные эксперименты, чтобы оценить, как программа влияет на людей. Принимаются во внимание личные впечатления, результаты работы, бытовые перемены, биологические показатели – уровень гормонов, динамика хронических заболеваний и многое другое. Затем всё оценивается в совокупности и делается вывод: полезна ли Антимира для данного конкретного человека. По результатам первых испытаний качество жизни девяноста пяти процентов исследуемых существенно улучшилось с появлением Антимары, остальные пять процентов просто не следовали её инструкциям. Сейчас завершается групповое исследование, которое ставит перед Антимарой задачу выработать алгоритмы решения конфликтов в малой социальной группе с учётом психологических портретов входящих в неё индивидов. Очень скоро результаты будут опубликованы, и я уверен, что они впечатлят мир, – Тимур хотел замолчать, но завороженный взгляд следователя подстрекнул его продолжить. – Учтите, что опросы очень динамичны. Они учитывают эволюцию субличностей, взросление, перемены в образе жизни, перестановку приоритетов и тому подобное. Антимара реагирует на мельчайшие колебания души и, когда распознаёт такую необходимость, ненавязчиво повторяет отдельные вопросы и актуализирует рекомендации.

– Угу… А вот людей привлекают к исследованиям, предлагая им лёгкие деньги. Куча рекламы об этом. Нужно принять участие в опросе и случайные трое из тысячи участников якобы получат вознаграждение. Они реально получают деньги?

– Как вы знаете, Виктор Тоньё весьма обеспеченный человек. На кону самая масштабная в мире программная разработка. Думаете, ради пары миллионов он рисковал бы прослыть обманщиком?

– А что вы вообще можете сказать об этом Тоньё?

– Я сказал вам, что видел его лишь однажды. Но искренне считаю его величайшим гением в истории человечества.

– А вот ваш бывший коллега Ледро Лубски неоднократно выступал по телевидению с очень экспрессивными интервью на тему вредоносности Антимары и скрытых целей самого Тоньё.

Тимур машинально поправил галстук.

– Я думаю, что увольнение из университета стало сильным ударом для его репутации. Естественно, что он пытается реабилитироваться.

– Так вот, он утверждает, что чрезмерное увлечение Антимарой представляет угрозу национальной безопасности. Выворачивая души перед машиной, люди не осознают, что скоро тот, кто стоит за пультом управления, будет знать и понимать их лучше, чем они сами. А значит, сможет управлять их судьбами. По мнению Лубски, это прямой путь в рабство, а не к счастью. А ещё он заявил, что в скором времени будет готов предложить кое-что взамен наживкам Антимары. Вы не знаете, о чём он?

– Понятия не имею. Ледро всегда был щедр на выдумки, но среди них сложно найти удачную. А что вы сами думаете об Антимаре?

Роман Геннадио авторитетно сложил губы.

– Антимара, безусловно, заслуживает внимания, и я думаю, что у неё большие перспективы. Но разработки такого масштаба должны курироваться правительством. Ведь она ставит своей целью упорядочить все социальные отношения в государстве, а в перспективе – во всём мире. Очевидно, что это – прерогатива официальной власти, – с дружелюбной безапелляционностью улыбнулся следователь.

Услышав эти слова, Тимур разочарованно моргнул. Он вывел из них, что следователь не так уж умён, как показался вначале, и мысленно прижучил себя, что, приняв его за равноценного собеседника, разболтался с ним с такой прямотой.

Они довольно скоро закончили беседу. Роман Геннадио, вновь воздержавшись от рукопожатия, пожелал Тимуру успехов и выразил убеждение, что видятся они не в последний раз. Тимур, со своей стороны, обещал дать знать Роману о любой вспомянутой или разузнанной малости, которая может иметь значение для следствия.

Когда Тимур открыл дверь проректорской, от стены отделилась полная женская фигура и, не оборачиваясь, заторопилась по коридору.

– Лидия! – окликнул её Тимур.

Но она продолжала семенить к лестнице. Тимуру пришлось догонять её.

– Лидия! Вы подслушивали наш разговор! Зачем вам это понадобилось?

Она шагнула к нему, схватила за предплечья и с чувством воскликнула.

– Мальчик, отрекись от этой ереси! У тебя такая светлая голова! Эта гадкая программа погубит и тебя, и всех нас, если мы ей позволим.

Тимур с отвращением вырвался.

– Лидия, вы талисман кафедры! Ваша интеллигентность – притча во языцех! Не убивайте нас! Не превращайтесь в блаженную! И не смейте шпионить за мной! При всём уважении, я этого не потерплю!

И он пошёл прочь, а Лидия кротко воззрилась ему вслед.

Всё утро 12 февраля – того дня, к вечеру которого на пороге Юлия возник нежданный гость, Анна провела, сверяя инвентаризационные описи с санаторным добром, которые должна была подписать. Документы о переоформлении Асседии в собственность победителя тендера – компании «Галалион», которая принадлежала лично Виктору Тоньё, – должны были быть готовы к следующему утру. Расчёт за санаторий уже произошёл. Со дня на день новый собственник должен был вступить во владение.

Анна вернулась домой к обеду. Ей хотелось кричать от отчаяния. Представив, что сейчас придётся что-то готовить, она распахнула дверцу холодильника с такой силой, что та ударилась о стену, отскочила от неё и закрылась. Анна рухнула на стул и разрыдалась. Леонард пришёл к двум часам и застал её, давящуюся сухой булкой.

– Где ты был? – не поворачивая головы, спросила Анна.

– На консультации у психотерапевта, которого порекомендовал твой отец.

– А что Ольга? Тоже там была?

– Была, – подтвердил Леонард, садясь против Анны. – Психиатры говорят такие страшные вещи. Я начинаю сомневаться, смогут ли они помочь. Как ты считаешь, мы правильно действуем?

– Я считаю, что под предлогом заботы об Илайе Ольга слишком много времени проводит с тобой! – выпалила Анна.

Леонард вздохнул с состраданием.

– Что с тобой случилось? Тебя разозлили те люди, что описывали мебель? Кто-то из них сказал что-то обидное?

– Нас здесь уже никто ни во что не ставит! Мы для них вроде бомжей, которых приютили на денёк-другой.

– Что они сказали, Анна?

– Да какая разница! – крикнула она. – Они в своём праве! Как ни старалась, я не смогла спасти нам Асседию!

– Больно видеть, как ты убиваешься. Но раз Асседия обойдётся без нас, значит, и мы без неё обойдёмся. Разве только в Асседии водится счастье?

Анна вскинула на него полные гнева глаза.

– А что Илайя? Она такого же мнения?

– Я не уверен, что она осознаёт, что мы потеряли Асседию.

– Ты её потерял! – взорвалась Анна. – Не мы! Что ты сделал, Леонард? Может быть, пытался найти покровителя среди политиков, кто сунул бы правильные палки им в колёса? Или попытался договориться с новым владельцем, чтобы остаться управляющим? О чём ты думал? Об Илайе, об Ольге. Им ты можешь помочь? Думаешь, для Ольги тот мудак значил больше, чем для меня этот санаторий? Она давно забыла о своей потере, а я теряю своё!

– Анна, я пытаюсь поддержать её… Тебе известно, что творится с Илайей.

Анна бессильно выдохнула.

– Юлий говорит, что всё началось после вашей встречи в тоннеле. Что там было, Анна? – с мягкой настойчивостью спросил Леонард.

– Я объясняла уже сто раз, мне нечего прибавить. Она зашла в замурованную комнату и впала в транс.

– И этот транс продолжается по сей день…

– Не понимаю, зачем ты постоянно возвращаешься к этой теме! Илайя была нездорова, просто до поры это не было так заметно. В тот момент её состояние усугубилось, вот и всё. Думаешь, допрашивая меня, сможешь найти причину? Или ищешь её во мне?

– Господи, Анна… Зачем ты такое говоришь? Просто я многого не могу понять в этой истории. Например, откуда ты знала про датчик движения в тоннеле, хотя его установили буквально накануне. И когда он сработал, ты спустилась туда, никого не предупредив. Это даже для тебя слишком безрассудно.

– Как ты знаешь, Леонард, в няньке я никогда не нуждалась и привыкла полагаться на себя. О тоннеле знают считанные люди. Я хотела проверить, кто и зачем туда пожаловал. Посвящать посторонних в тему тоннеля мне хотелось меньше всего. А тебя рядом не было.

– И снова упрёк…

– Ты сам напросился.

– Анна, ты знаешь, кто установил этот датчик?

– У меня есть только версия…

– Тоньё?

Анна кивнула.

– Ты же слышишь отовсюду про его программу, понимаешь его стиль – он любит всё фиксировать и держать под контролем.

– Ты спустилась туда в расчёте встретить его или кого-то из его людей? – сообразил Леонард.

Анна молчала. Она предвидела, что если не будет отрицать его догадку, он объяснит себе её поведение именно так, что её полностью устраивало.

– Ты одержима идеей остаться тут любой ценой, Анна? Хочешь устроиться к новому хозяину?

– Здесь моё место, – огрызнулась Анна. – И я не отступлюсь. Если мне придётся пойти в услужение дьяволу, чтобы остаться здесь, не сомневайся, – я это сделаю!

Леонард, встал, подошёл к Анне, прижал её, сидящую, к себе и поцеловал в макушку. Она не шелохнулась. Он погладил её плечо и робко поцеловал в шею.

– Только не нужно трогать меня сейчас, мне это не поможет, – отстранившись, проговорила Анна.

Марат Игильманович Пандробан позвонил в дверь Юлия около десяти часов вечера. Мрачный и взвинченный, в чёрном спортивном костюме, бейсболке, надвинутой на брови, с неопрятной щетиной – он был похож на беглого преступника, ищущего укрытия. Но в его виде, каким бы он ни казался устрашающим, читалась просьба, а не угроза.

Он ввалился в дом, метнулся в кухню и настороженно замер, вертя головой, превращаясь из преступника в преследующего его полицейского, который в последний момент упустил беглеца и пытается понять, где он мог спрятаться. Наконец, обернулся к Юлию и цокнул.

– Она здесь?

– Не думаю… – спокойно сказал Юлий, но внезапная озабоченность на его лице заставила Марата Игильмановича оглянуться.

В прихожей стояла Илайя, помельчавшая и какая-то очень хрупкая на вид, со сглаженным безучастностью лицом.

– Я здесь, – сказала она, входя в кухню.

Пандробан смерил её взглядом и переглянулся с Юлием.

– Я слышал, ты больна. Выглядишь нездоровой.

– Моё положение совсем не стабильно, – сказала Илайя. – Как и ваше, да? Вы пришли из-за Миры?

Изо рта Пандробана просвистел затяжной выдох.

– Я не знаю, зачем пришёл… Я заебался думать о ней. А мне даже поговорить о ней не с кем.

– Вам не становится легче без неё?

Пандробан хмыкнул с горечью и отвращением.

– Я купил пятерых снайперов, и ни один не кончил ублюдка Тоньё – из-за какой-то непредсказуемой херни всё срывалось. Я пробовал подступиться к нему сам, но меня вычисляли. Я хотел забить на неё, честно. Я отымел всех випушек самых элитных модельных агентств страны и ещё парочку сочных заморских нимфеток. Я заработал за последние три месяца больше, чем за три предыдущие года. Я отправил ей драгоценности на десять миллионов долларов, но она всё вернула. Я провёл январь в Гасе – там за сутки гинет сто, а то и двести душ. Бывали ночи, когда я молился, чтобы назавтра оказаться среди них. Но я, сука, выжил. И теперь не знаю, где ещё искать место, не поражённое этой заразой. Или где бы я гарантированно сдох.

Илайя слушала его, разглядывая измотанное погоней лицо.

– Надо вытерпеть… – ёжась, как от физической боли, сказала она.

– Блядь… Но раз она не отпускает меня, значит, зачем-то я ей нужен? – он уставился на Илайю, как бы требуя, чтобы она признала логичность довода, которым он подпитывал самообман, но Илайя молчала. Марат Игильманович вгляделся в неё, и ему стало не по себе. Кажется, только теперь он заметил, насколько глубоко поражена Илайя. – А что ты? Как справляешься?

Её взгляд расплавился, как кусок масла, брошенный в кипяток, стал водянистым и обтекаемым. Невозможно было сказать, на что конкретно она смотрит, и невозможно было сказать, что не охватывает её взгляд. На лице её был написан зрелый, поднаторевший ужас.

Юлий со странным чувством жалости, тревоги и нежности наблюдал двух несчастных, которые показались ему удивительно близкими друг другу в это мгновение, как столкнувшиеся жертвы одной и той же неведомой, но безустанно постигаемой им сущности.

– Что это за хреномуть, брат? – вытаращился на него Пандробан. Юлий прижал кулак к губам и заморгал. – Слушай, парень, знаю, у тебя нет причин доверять мне. Но не торопись меня морозить, я тоже не профан. Ты знаешь, что там есть тоннель? В том вашем пансионате. Мои люди нашли входы.

Юлий промолчал. Марат Игильманович махнул рукой.

– Без разницы! Я могу облазить хоть все катакомбы, это не вернёт её. Я сказал про тоннель, чтобы развлечь тебя, парень. Я ведь понимаю, что тебе несладко.

– Она там похоронена заживо, в этом тоннеле.

– В смысле?

– Её сознание замкнуто там, – сказал Юлий. – В тоннеле была замурована комната. Когда Илайя попала туда, для неё исчезла грань между сном и явью. Её преследуют видения, все её ощущения искажены.

– Типа, как в кривых зеркалах?

– Ну, почти. Например, она бывает муравьём или камнем или стеблем, а иногда целой планетой. Воспринимает ритм, свет, притяжение, взаимодействие с окружающей средой с позиции разных объектов. И даже эмоции. Она уверяет, что у камней есть эмоции. Например, боль и страх. Но они ощущаются иначе – как некие импульсы. Иногда осознание себя чем-то конкретным длится по её ощущениям несколько секунд, иногда – очень долго. Её сознание не может сопротивляться, выбирать направление, ориентироваться, ему не за что ухватиться, и её постоянно утягивает куда-то. Она называет это – обратное падение. Её захлёстывают мощные и неприятные ощущения. Когда она ненадолго возвращается, она говорит о покалывании во всём теле, о тяжести в

животе. Мысли ватные, неуправляемые, крутятся вокруг острого предчувствия непоправимого.

– Откуда ты это знаешь?

– Она рассказывает.

– Рассказывает, что вот это с нею там творится?

Юлий улыбнулся.

– Это лишь малая доля. Я записываю каждое её слово на диктофон. И переслушиваю.

– Зачем? – искренне изумился Пандробан.

– Чтобы найти способ вытащить её оттуда.

Тут уж Пандробан позволил себе лёгкое сострадание во взгляде.

– По твоим рассказам, если кто и сможет её вытащить – так только психиатр. Тут же дело ясное – клиника.

– Такое мог бы сказать человек, незнакомый лично с Мирой Манн.

– То есть, ты реально веришь, что она где-то там находится? – Пандробан выделил это слово. – И что её оттуда можно вытащить?

– Она находится в Комнате, – сказал Юлий. – Комната – это некий альтернативный образ того помещения, которое мы обнаружили в тоннеле. Аномальное и очень токсичное место. Что-то там творится с физическими закономерностями. И она имеет циклы, которые постоянно повторяются. Как будто кто-то записал на плёнку и проигрывает отрывок реальности. Что-то вроде пространственно-временного замыкания, – Юлий оценивающе покосился на Пандробана. Тот сделал движение челюстью, как будто пережёвывал слюни. – В определённой части цикла Илайю как бы сносит из этой комнаты и захватывает волна метаморфоз, точнее, она сама становится волной метаморфоз – колеблется в пространстве, почти одновременно находясь в разных местах. А потом её затягивает обратно в Комнату. Её восприятие рассеяно вокруг Комнаты как облако, и она может осознать себя в любой его непроизвольной точке. Это бесконечный, невнятный и многомерный кошмар.

– Я ничего не понял, – мрачно сказал Пандробан. – Но хорошо, если ты сам себя понял. Главный вопрос – как ты намерен помочь?

– Я пытаюсь понять! – словно оправдываясь, повысил голос Юлий. – Она осознает себя разными объектами и процессами и не может этим управлять. Боль и страх происходят от осознания. Я думаю над тем, как избавиться от осознания, чтобы унять боль. Или хотя бы научиться управлять своим состоянием. Восточные философы говорили о стирании границы между субъектом и объектом как одном из этапов просветления. В этом контексте существует понятие атмана или самости – то есть, осознания своей индивидуальности. Когда ум привязан к телу, человек осознаёт себя как «я». В философии буддизма самость – это иллюзия. Но не в том смысле, что каждый из нас не является самим собой. Просто на развёрнутом уровне – как бы в более крупном масштабе – каждый из нас является не только и не столько самим собой, но одновременно и чем-то другим. И даже всем вместе взятым. И, в конце концов, тем или частью того, что охватывает и пронизывает всё вместе взятое. То есть, говоря об иллюзорности самости, буддисты не стараются обесценить её, а напоминают о её относительности, чтобы предостеречь человека от порабощения эмоциями и заблуждениями, происходящими именно от самости. Всё это наводит на мысль о диапазоне, в пределах которого колеблется восприятие человека. Я вообразил себе этот диапазон как некую спиралевидную ось, пересекающуюся с классическими пространственно-временными осями материи. Ось наблюдателя. А точнее, ось самости. Бытие – известная нам форма жизни в материальном теле – притягивает сознание в определённую «точку» оси самости. Сознание

имплементируется в пространственно-временные координаты материи и воплощается в конкретном наблюдателе. И этот наблюдатель воспринимает действительность характерным для себя, но рациональным образом. Тогда как во сне или под действием наркотиков ментальная гравитация материального тела снижается, и сознание как бы смещается по оси самости. От субъекта к объекту и далее за пределы двойственности. Применяя категории буддизма: в сторону от «я» к «пустоте». И такое смещение сопровождает изменение восприятия. Сознание распознаёт знакомые ему объекты иначе – с другими свойствами и взаимосвязями. А масштаб изменений обусловлен шириной шага по оси или, точнее, тонкостью слоя, на который сдвигается сознание, – Юлий перевёл дух. Он даже не смотрел на Пандробана – было понятно, что он размышляет вслух. – Сны, фантазии, наркотики – это примеры незначительного смещения по оси самости. Вероятно, есть и другие способы снизить ментальную гравитацию. Думаю, один из них неосознанно использует Илайя. Люди, стремящиеся к просветлению, такое смещение сочли бы за благо, ведь оно, согласно убеждениям восточных философов, – путь к избавлению от страдания. Но для Илайи оно возымело обратный эффект – превратило её жизнь в затяжной кошмар. Как если бы в нормальный порядок вещей, или, условно говоря, программу Вселенной, внедрился некий вредоносный код – что-то типа вируса, который привёл к глобальному несоответствию.

– Глобальное несоответствие! – вдруг оживлённо откликнулась Илайя. – Я там, где всё должно быть правильно. Но там всё неправильно. Всемогущий великан расправляется с детьми на глазах у родителей. И нет соответствия между расправой и прегрешениями. Небо такое, как перед ураганом, но начинается гниение. Я в западне. Мира не смогла бы заманить меня сюда, потому что я не доверяю ей. Но она использовала кого-то, кому я доверяю, чтобы передать мне ключ.

– Я этого не делал, пацан! – воскликнул Пандробан. – Я слово даю!

– Анна… – упавшим голосом сказал Юлий.

Илайя опустилась на стул и прикрыла глаза – как будто задремала. Юлий встал, чтобы отнести её в комнату. Когда он вернулся из спальни, Пандробан уже стоял на пороге. Он был свежевзлохмаченный и ещё более потерянный, чем когда пришёл.

– Слушай, твоя девчушка говорила про Миру, что она дьявол. Ты тоже веришь в это?

– Ха! Как было бы просто, если бы она была дьяволом! – Юлий глумливо всплеснул руками. – Сколькими действенными способами победы над ней мы враз бы обзавелись вековыми трудами православной церкви.

– Ну, хорошо, – Пандробан бестолково махнул головой. – А то я побаивался, что и ты тоже слегка того.

Глава 11. Спасение в благотворительности

– Доброе утро, котики! – придерживая дверь плечом и протискиваясь бочком, провозгласила Наталья Красуцкая.

И тут же с веселым щебетом, на секунду бросив неотложные дела, её окружили девочки и освободили ей руки, занятые разносками с кофе: каждая забрала стаканчик, специально подписанный её именем, – всего восемь штук, как и самих девочек.

– А что, с карамельным сиропом не было? – заныла одна из них.

– Господи, я всё напутала! – всплеснула руками Наталья. – В святой уверенности, что ты пьёшь с ванилью! Прости, кошечка, в следующий раз исправлюсь, – она уже была у стола, склонилась над монитором и, не присаживаясь, проглядывала заголовки электронных писем, что пришли с вечера, сообщения в мессенджере и стопку бумаг – отчёты о расходах и чеки.

Девочки тоже нырнули обратно: кто к телефону, кто за монитор, кто к пирамиде из коробок, загромоздившей проход между офисом и кухней, – то была свежая гуманитарная помощь для переселенцев. Нужно было оперативно всё рассортировать: что уже сегодня отправится по назначению, а что ненадолго отбудет на склад.

Складом считалось всё пространство полуподвальной квартирки, кроме крошечной кухни и единственной просторной комнаты, гордо именуемой офисом Фонда доброго сердца. Здесь, против фен-шуй и правил пожарной безопасности, кучковались за короткими неудобными столами все десять штатных сотрудниц. Многие столы стояли вплотную, и способ, который они выбирали, чтобы выбраться с рабочего места, стал негласным индикатором усталости: считалось, что если волонтёр лезет под стол, то он ещё живчик, а если поверху, то пора перекурить.

– Из экстренного что? – не отрываясь от бумаг, спросила Наталья.

– Под утро случился судорожный припадок у Никиты. Его госпитализировали около шести утра, там срочно нужен был вигабитрин.

– На складе же несколько ампул…

– Знаю, я договорилась с больницей, что они возьмут ампулу другого пациента под честное слово, что я привезу им Никитину до десяти утра.

– И ты до сих пор здесь? – Наталья кивнула на часы. – Хватай машину и мчи.

– Моя машина в ремонте, пару дней я без колес, но меня подвезёт мой парень. Он подъедет через пять минут.

– Дай Бог ему здоровья! А что Никита?

– Откачали. Но он ещё не просыпался.

– Что с горящими сборами?

– Максиму Горееву не хватает двадцать девять тысяч, у него неделя до плановой химиотерапии. И по новой девочке – Насте – сбор на пересадку почки пока не очень активно идёт. А там каждый день промедления критичен, – отрапортовала молоденькая девушка в массивных очках.

– Придётся лезть в неприкосновенный запас, – кивнула Наталья. – Галуша, кричи «СОС» по всем страницам. И прикрепи свежий отчёт.

– Ещё из экстренного – жуткая авария с семьёй переселенцев, – встряла кудрявая рыжая женщина лет тридцати. – Их держали на пропускном пункте десять часов без сна и отдыха, отпустили около полуночи. Они уже потеряли надежду, что им дадут выехать. Такие были счастливые, когда вырвались, что отец решил ехать без остановок до границы

безопасной области. Им оставалось километров тридцать до ближайшего мотеля. Он уснул за рулём. Остальные тоже спали.

– Да, я видела в новостях, – вздохнула Наталья. – Ужасно. Куда их госпитализировали?

– В районную больницу – там без выбора было. Или забирать в местную реанимацию или почти гарантированно угробить по дороге в областную.

– Понятно, понятно, в больницу звонили? Что говорят?

– Отец почти сразу впал в кому. У мальчиков ушиб и отёк мозга, повреждены рёбра. У старшего задето лёгкое. Меньше всех пострадала мать – несколько ушибов и перелом руки. Она единственная, кто в сознании, но пока в глубоком шоке.

– Чует моё сердце, что это наши подопечные, – вздохнула Наталья. – Держи связь с больницей, пусть сообщают, что им нужно. Когда женщина придёт в себя – пусть ей расскажут о нас и предложат помощь. Надя, а ты будь готова ехать к ним за историей. Один в коме, двое тяжёлых в реанимации – денег будет стоить немерено, и сбор будет срочный. Кстати, поговори, кошечка, с областной больницей, можно ли транспортировать пациента в коме, и что для этого нужно.

– Там уже подключилась Лиза Бронс.

– Лиза? – с невольным отвращением перепросила Наталья.

– У неё в блоге час назад появился фотоотчёт с места аварии и первые фото из больницы, с лаконичным постом, к нему уже сотня комментариев.

– Вот и хорошо, – оценив перспективы, рассудила Наталья. – Лиза, конечно, заноза в одном месте, но яд у неё не смертельный, можно и потерпеть, а подписчиков много. Если она возьмётся помочь – деньги на эту семью мы быстро соберём, а нам того и надо.

– Наташа, звонил тот чудаковатый дядечка из церкви Христовой любви, спрашивал тебя, перезвонишь? – доложила одна из девочек.

– Дай мне пять минут. Я подпишу счета и вернусь к этому.

– А ещё звонил некто Шкодный Жорж. Хотел записаться к тебе, как он сказал, на аудиенцию! Я объяснила, что у нас такого нету… Или я что-то не так поняла?

– И ему я тоже перезвоню, – покраснела Наталья.

– Наташа, тут к тебе… – подскочила ещё одна девочка и кивнула в угол, где, теснясь среди стоек с одеждой и созерцая окружающую слаженную суету, тулились друг к другу Ольга, Илайя и Юлий.

– Ох, Господи! Совсем забыла! – Наталья махнула рукой невестке. – Оленька! Идите сюда!

Ольга, потянув за собой Илайю, ринулась через комнату, с почтением кивая сотрудницам. Илайя оглянулась на Юлия, который колебался, увязаться ли за ними – его останавливал дефицит места возле Натальиного стола – или подождать в стороне, и подмигнула ему, и Юлий остался, где стоял. Ольга подвела Илайю к Наталье, усадила на табурет, точно пациентку в кабинете врача, и, замахав руками на Наталью, которая попыталась уступить ей место, прислонилась к соседнему столу.

– Добро пожаловать в Фонд доброго сердца, – Наталья улыбнулась Илайе. – Как я уже говорила твоей маме, добрые руки нам нужны всегда. На данный момент со мной работают десять девочек. Две из них сейчас в разъездах по нуждам наших подопечных. Многие приходят, но долго не выдерживают. Может показаться, что жизнь волонтёра – сплошная романтика, но суть нашей работы в том, мы каждый день спускаемся в ад и пытаемся там немножко… ммм… наломать дров, – Наталья кивнула на стол, о который опиралась Ольга. – Вот это будет твоё рабочее место. Первое время твоя задача – принимать звонки и вести переписку по текущим делам. Самую срочную информацию

немедленно сообщать волонтёру, ответственному за проект. Всё остальное – мне в течение дня.

– Она справится с этим? – спросила Ольга.

– Я справлюсь, – отозвалась Илайя.

– Обязательно справишься, – подтвердила Наталья. – Все звонки на офисный номер записываются, так что не бойся что-то упустить, но будь внимательна – наши ошибки могут стоить кому-то жизни. Если чувствуешь неуверенность – спроси. У меня или у любой из моих кошечек, – Ольга кивнула на девочек, погружённых в дела. – Фонд доброго сердца существует больше шести лет. Мы собираем деньги на лечение детей с небезнадёжными диагнозами. А после обострения вооружённого конфликта на севере стали поддерживать ещё и переселенцев: помогаем разместиться в безопасных областях, найти работу, выручаем в критических ситуациях. Например, сегодня одна семья ехала с севера и попала в страшное ДТП из-за того, что их незаконно задержали пограничники.

– Да, я видела в новостях! – побледнела Ольга. – Вы ими занимаетесь?

– Наверное, будем. Если кто-то другой не возьмётся. В нашем городе около десяти организаций, которые помогают беженцам. Мы в тесном контакте, кооперируемся и поддерживаем друг друга. Но наш фонд самый крупный. По месяцу у нас выходит около двух тысяч дарителей: люди жертвуют деньги, вещи, оборудование, медикаменты, средства гигиены, мебель, всякое. Мы ежедневно отчитываемся во всех поступлениях и тратах, даём знать, что необходимо нашим подопечным, – Наталья деловито потёрла руки. – Но вернёмся к тебе, Илайя. Когда немного войдёшь в курс дел, девочки станут брать тебя к подопечным. Это сложный опыт, но для тебя он может стать целительным.

– Я готова.

Илайя приготовилась встать и глянула на мать, но та не торопилась уходить.

– Ты пока не переименовала фонд в честь Толика – как хотела? – поинтересовалась Ольга.

– Нет, – Наталья тяжело вздохнула. – Я ужасно хотела назвать фонд именем брата, но знающие люди отсоветовали. Наш фонд знают под этим именем и доверяют ему. Если переименуемся – придётся потратить немало времени, чтобы восстановить узнаваемость. Вместо этого я приняла решение, поддержанное моим мужем, а он, как ты знаешь, главный меценат фонда, – развить направление помощи людям, страдающим от алкогольной зависимости, – Наталья многозначительно посмотрела на притихшую Ольгу и продолжала, горделиво шмыгнув носом. – Мы будем помогать тем, от кого отворачиваются остальные.

– Не знаю, что сказать, – растроганно пробормотала Ольга. – Знаю только, что Илайя в надёжных руках. Ты всегда была нашим ангелом-хранителем.

– Ладно тебе, – Наталья переключилась на девушку в очках. – Кошечка, где мой отчёт по горящим сборам?

– Чёрт! – та схватилась за голову.

– Я кричу «СОС» на всю адресную книгу и зуб свой положила, что отчёт уже в фейсбуке. Живо выкладывай, пока мой мессенджер не лопнул от зубожадных лап.

Девушка от нелепого выражения, ввернутого Натальей, нервно задёргала веком, пародируя мем с испуганно-недоумённым совёнком, и Ольга прыснула от её гримасы.

Решение о поступлении Илайи в Фонд доброго сердца было принято на семейном совете в составе Илайи, Юлия, Ольги и Леонарда в начале марта двумя голосами «за» против двух воздержавшихся, то есть, строго говоря, принял его Юлий. И во многом с учётом доводов

Натальи Красуцкой, которая – как только дозналась о состоянии Илайи – настойчиво требовала, чтобы родители предложили «девочке» поволонтёрствовать.

– Олечка, не слушай врачей, послушай меня. У твоей дочки обыкновенная подростковая депрессия. Ты не представляешь, какой повальный характер эта хандра имеет сегодня. И всё от праздности, вседозволенности и вседоступности. Бедные наши дети. Они тонут в информационном болоте, не умеют отличать семена от плевел, утрачивают связь с реальностью и от этого сходят с ума. Пусти Илайю к нам – она увидит, как люди болеют, страдают, как излечиваются, как умирают. Пусть соприкоснётся с настоящим чудом и настоящим горем – ей будет не до хандры.

Как бы ни была Наталья далека от правильной оценки состояния Илайи, её предложение воодушевило Юлия. Он помнил слова Илайи, что Мира хочет открыть ей глаза на людей, и рассудил, что волонтёрство может стать для Илайи жизнеутверждающей соломинкой.

В психиатрию как путь спасения Илайи, на который надеялась Ольга, Юлий верил слабо, хоть и не исключал её из запасных мер. Ещё одна идея, о которой Юлий пока никому не говорил, заключалась в помещении Илайи в доброславный монастырь – всё же пренебрегать религией, как бы скептически он ни относился к идее о дьявольской сущности Миры, казалось ему слишком самонадеянным. Но перспектива поступления в фонд Натальи определённо нравилась ему больше. Поэтому он поддержал её ещё до того момента, когда разговоры о возможности для Илайи заниматься хоть чем-то обрели смысл, – момента, когда она однажды вдруг вернулась.

Он проснулся и увидел, что она, отодвинув занавеску, смотрит в окно. Он уже не мог вспомнить, когда видел её осознанно созерцающей что-то. Илайя повернулась, и он встретил её прояснившийся взгляд. У него пересохло во рту.

– Ты выбралась?

Она покачала головой.

– Я нашла там тебя.

Он осторожно сел на кровати.

– Где? В комнате? В театре?

Её затенённая фигура у окна, такая призрачная и непреложная, была похожа на предвестие грозы, которая ласково смоет всё, что было построено. Юлий поймал себя на мысли, что его видение мира полно клякс и ошибок, и почувствовал, что счастлив. А Илайя сказала:

– Я держала в руке отшлифованный камень и заметила на нём вмятину. И как будто оказалась здесь, в обнимку с тобой. Это было такое же ощущение. Чувство беспредельной близости. Потом я стала замечать тебя везде. Ты был ДНК-подобным розовым облаком, и личинкой дождевого червя, и дымовым шлейфом астероида, и обжигающим холодом от прикосновения к леднику. Однажды ты был запахом кофе в зимнем сосновом бору. А раз ты был танцем пылинок. Был ещё фиолетовым восклицательным знаком, который мигал у меня в голове. Чем ты только ни был, Юлий. И куда бы меня ни относило, я обретала там тебя. Мне стало не так страшно, как раньше, и я научилась немного ориентироваться в геометрии Комнаты.

– Господи, – пробормотал растроганный Юлий.

– Но никто не должен знать об этом. Я буду вести себя очень осторожно, чтобы Мира не догадалась.

– Но ты всё ещё в комнате?

– Сейчас нет. Но она держит меня на привязи: что-то дёрнется, и я сорвусь. Если это случится, я попытаюсь вернуться, как в этот раз – цепляясь за тебя.

– Илайя, ты бы хотела попробовать одно занятие, которое могло бы помочь тебе закрепиться?

И он рассказал ей о фонде.

Уже через пару недель гениальность идеи Натальи стала очевидной для всех. Состояние Илайи существенно изменилось. Она вела переписку, принимала поставки лекарств, гуманитарной помощи и одежды, участвовала в организации закупок. А по вечерам особенно насыщенных дней, когда Наталья и изнурённые девочки стекались в офис кто из больницы, кто из приюта для беженцев, кто от очередных подавленных горем родителей, она заваривала им чай и, затаив дыхание, слушала их истории, желая так же проникаться бедами чужих людей. И хотя она регулярно выбывала в Комнату (иногда сознательно поддаваясь её тяге, так как опасалась, что если ей удастся вырваться надолго, то Мира быстро поймёт, как она это делает, и смешает карты), она оживилась, сдружилась с волонтёрами и, по их словам, была полезна.

Наталья была с ней приветлива, но и в меру строга: не скупилась на упрёки, не стеснялась замечаний, но и подбадривала и старалась вовлекать во все формы деятельности фонда. Однажды вечером Наталья попросила одну из девочек приехать вместе с Илайей в реанимацию областной больницы. У пятилетнего малыша случился приступ желудочковой тахикардии. Он переживал его в сознании и звал маму, которая в тот момент на другом конце города, вырванная со смены в больнице скорой помощи, ждала такси.

Илайя наблюдала в окошко за мечущимися медсёстрами, за уверенными действиями реаниматолога, за волонтёром, которая держала малыша за руку и что-то ласково повторяла ему; и думала о том, что всю сознательную жизнь, считая себя свободной и счастливой, жила в слепоте.

Через полчаса, когда сердцебиение малыша нормализовалось, и девочка, которая держала его за руку, в то время как другая его рука была в лапах смерти, вышла подышать воздухом со своей тяжкой и, увы, недолгосрочной победой, Илайя, чтобы не путаться под ногами, вышла на балкон, где была устроена курилка, и там наткнулась на Лизу Бронс.

– Илайя! – Лиза подозвала её. – Значит, ты теперь с ними?

– Если бы я могла! – грустно возразила Илайя. – Сколько нужно сил, чтобы переносить это. Понять бы мне, как им это удаётся.

– Чего тут особенного понимать, – закуривая, нахмурилась Лиза. – Каждый по-своему играет в Бога. Люди с радостью ухватываются за возможность помочь кому-то – это даёт им шанс почувствовать себя хорошими. А некоторые в душе верят, что так откупаются за свои грехи.

– И ты?

– И я, – насмешливо подтвердила Лиза. – А тебя-то сюда зачем отправили? Я слышала, что ты больна. Неужто желаешь исцелиться в этом аду?

В тот вечер Наталья отправилась ужинать со своим бывшим любовником – он был очень настойчив, утверждая, что контекст встречи сугубо деловой и дело представит для Натальи большой интерес.

Шкодный Жорж, игнорируя правила хорошего тона, был в кепке. Войдя в ресторан, Наталья притормозила, чтобы дать проявиться ощущениям. Она с дрожью думала об этом моменте – боялась, как бы все её установки не рухнули от одного его вида. Но сейчас, наблюдая его вульгарную позу – он сидел, небрежно раскинувшись в бархатном кресле, и

посасывал виски – она с облегчением заключила, что ровность её чувств не нарушена, и присоединилась к нему с приветливо-деловитым лицом.

– Тебя уже разве что только не сосватали с Лизой Бронс, – не здороваясь, накинулся на неё Жорж. – Вот где моя писательская фантазия дала маху – не мог себе такого вообразить. Вы теперь вроде Брежнева с Хонеккером?

– Это и есть твой «неотложный деловой вопрос»?

– Расслабься, Натуся, – он шмыгнул носом – непроизвольный жест, характерный для него в минуты откровенности, и её сердце ёкнуло. – Зачем ты взяла её петь в свою оперу? Забыла, что это за сучка?

– Лиза эффективна для дела, – примирительно возразила Наталья. – У неё огромная целевая аудитория, и это социально активные и платежеспособные люди. Я не собираюсь списать её просто из-за личной неприязни. Да и вообще – не такая уж она и сука, если разобраться. Язык бы ей затупить, ну, так можно и потерпеть ради выгоды подопечных.

– Ну, жди, Наташа, когда она влезет в дела фонда и начнёт штамповать свои бесценные советы за авторской подписью. Что, уже? – оскалился Жорж, видя, как перекосилось лицо Натальи. – Уж не она ли тебя отговорила переименовывать фонд?

– Нет! Оставить название – это моё решение. Вместо этого мы откроем новое направление.

– Какое? – позёвывая, спросил Шкодный Жорж.

– Я склоняюсь к алкоголикам. А вот Лиза за то, чтобы помогать бездомным. Говорит, рано или поздно помощь бездомным войдёт в тренд, и если я не буду первой, кто начнёт это делать, мне придётся подражать тому, кто решится раньше, и мой фонд потеряет первенство.

– Мой деловой вопрос, – с похотливой скукой во взгляде съехал на другую тему Жорж. – Я хочу свести тебя с одним занятным типом. Его зовут Ледро Лубски. Он основатель и пастор Церкви Христовой Любви. Ты, наверное, уже слышала?

– Это такой бородатый мужичок? Он звонил мне на днях, я забыла перезвонить. Чего он хочет от меня?

– Он активно наращивает паству, и его стратегическая цель – спеться с националистами. Все эти радикалы ребята стрёмные, и их голыми байками про спасение души и посмертное блаженство не возьмёшь. Их нужно подкармливать кровью, ну или хотя бы давать её понюхать. Пастор знает, что ты занимаешься переселенцами, а проблемы переселенцев у радикалов в основном фокусе. Он хочет подключиться к твоей теме и потихонечку их приручить.

– Замечательно, – опешила Наталья. – Только этого мне не хватало. А ты сам каким боком к нему?

– Меня он завербовал личным биографом, – широко улыбнулся Шкодный Жорж. – Слушай, Натуся, у него лёгкий сдвиг по фазе, но он забавный малый. Это будет мегаперсонаж. Не плюй на эту возможность – проверь её. Он может оказаться полезным. Я тебе гарантирую – тип он нескучный. Может быть, даже сгодится на лёгкую интрижку, – оскалившись, подмигнул Жорж.

– Ну ты и мудак, – покачала головой Наталья.

– Детка, я шучу, – гигикнул Шкодный Жорж, жутко довольный собой. – Но ты такая холодная, и это так злит и так заводит. Должен же я как-то задеть тебя.

– Иди к чёрту, придурок! – пробормотала Наталья и ретировалась под оглушительный хохот Жоржа.

Илайя стала проводить в фонде почти всё время, и пользовалась любым случаем съездить в больницу к очередному подопечному, где порою засиживалась до глубокой ночи и засыпала в вестибюле. Она охотно соглашалась посидеть, посторожить, подождать новостей, чтобы вовремя вызвать, кого нужно. С жадным интересом наблюдала за волонтёрами, которые бесстрашно свергались в бездну чужого отчаяния, и всё чаще ловила себя на мысли, что с нею всё хорошо. Это было удивительно – не испытывать страха и постоянно мечтать о Юлии: вспоминать их недавнюю близость, воображать, как снова прижмётся к нему, вдохнёт его запах, утешится его поцелуем, заслушается его историями. Но каким бы вдохновляющим ни был прогресс, её окружал непроницаемый фон пережитого опыта, не пропуская фотоны безмятежного счастья. Она говорила себе, что нужно время, чтобы рассеялась мутная тревога, но не до конца в это верила, и в ней крепло подозрение, что Мира умышленно позволила ей всплыть и набрать воздуха перед сокрушительным броском на дно.

Вечером 25 марта в честь дня рождения одной из девочек в фонде объявили короткий день, и Илайя решила навестить Леонарда. Он всё ещё был в Асседии, переезд из которой превратился в мучительное умирание обречённого. В санатории поменялись люди, порядки и стал постепенно меняться ландшафт, – Виктор Тоньё собирался устроить там публичный парк и социально-культурный центр – но Анне и Леонарду всякий раз, как подступал день отъезда, позволяли остаться ещё на недельку. Они забронировали съёмную квартиру, но так и не переселились туда до сих пор.

Леонард сидел в кухне необычно хмурый. Взглянув на чемоданы, собранные у двери, Илайя сообразила, что сегодня день переселения, и он грустит из-за этого, и представила, как он радостно ойкнет, когда заметит её, но он даже не качнул головой, когда она подошла.

– Пап… – позвала Илайя.

Он затравленно покосился на неё, даже не попытавшись улыбнуться.

– Как ты, Илайя?

– Я, похоже, в надёжном месте, – улыбнулась Илайя, поглядывая, как он будет слушать то, что ей не терпелось рассказать. – Раньше я так мало замечала вокруг себя. А тут меня взяли и ткнули носом: смотри, чем занимаются твои сверстницы, пока ты млеешь от своего моря. Они дают пощёчины смерти, папа. Лиза Бронс, моя приятельница, говорит, что людям нравится жалеть других, потому что жалость – это другой бок чувства собственной важности и сигнал подавленной конкуренции. Вроде как страстная жажда превосходства, но и неуверенность в нём. И что жалость и высокомерие кормят и укрепляют друг друга. Она семь лет волонтёрствует и говорит, что будет счастлива в тот день, когда освободится от жалости. Но я гляжу на неё и на девочек и вижу другое. Они стремятся разделить чужую боль и справиться с нею как бы по частям. И утешаются тем, что у человека убавилось страдания, – Илайя вопросительно взглянула на него, но Леонард оставался подавленно-равнодушным. – А ещё важно действовать без оглядки. Лиза объясняла мне: вот, скажем, решила ты помогать одиноким старикам – кормить их обедом, к примеру. Каждый день. Они приходят к тебе – все, и ты не говоришь: я не стану кормить ту бабку, потому что она нахамила кому-то или потому что рассорилась со своим единственным сыном; или не буду кормить вон того деда, потому что он расист или, например, сидел в тюрьме. Ты кормишь всех, кто пришёл, даже если кто-то тебе не нравится, и даже если точно знаешь, что это злой человек. Лиза говорит: очень многие люди считают себя центром Вселенной, и если поддаться антипатии к таким людям – волонтёр из тебя не получится. А ещё всегда найдётся тот, кто станет давать советы, воспринимать твою помощь как должное, будет подозревать тебя в корысти, полагая, что тебе перепадает что-то с их пенсий или из их несбывшихся желаний. Надо помогать, не

ожидая благодарности. Без осуждения. Без оглядки. Понимаешь? – Илайя соединила ладони и упёрла в подбородок. – Хотела бы и я научиться…

– Не будь слишком доверчивой к первым впечатлениям, – удручённо молвил Леонард. – Мотивы человека часто не то, чем их называют, и даже не то, что о них думают. Я желал бы для тебя благостной отстраненности на всю жизнь, но, наверное, это уже не сбудется.

– Не сбудется, – подтвердила Илайя. – Мне теперь её мало… – она уловила горечь в том, как он кивнул на эти слова. – Пап… Что у тебя случилось?

– Я разрушил свою жизнь, Илайя.

Илайя съёжилась, заметив прорезавшую лицо Леонарда и сбежавшую по шее скорбную складку, – она предчувствовала, что эта трещина подбирается к ней.

А Леонард смотрел на удушливую струйку неизбежного, что ссыпалась через узкое горлышко в нижнюю колбу – его совершившееся, и молчал, пока мог выносить многотонную тяжесть этой массы. А потом с ожесточённым выдохом проронил:

– Сюда приходила женщина. Мы были с ней.

– Какая женщина? – Илайя побледнела в свете молнии, удару которой было подобно это известие.

– И кто она такая? И как здесь оказалась? И где произошло – всё захочешь знать, да? – с горестным раздражением спаясничал Леонард. – Я не знаю, кто это. Она вошла в мою дверь сегодня утром. Не сказала ни слова. А если что-то и говорила – я не запомнил. Она подошла и просто позволила прикоснуться к себе, потому что я никогда в жизни не желал ничего больше, чем этого.

Он говорил, а Илайя явственно представила: вот дверка их домика раздаётся перед Мирой. Вот она входит в дом, приближается к Леонарду. Он смотрит на неё, как будто родился ради этого мгновения, и чувствует её как собственную судьбу, и вокруг не остаётся воздуха для дыхания – одна только страсть.

– Красива ли она, спросишь? Она больше, чем красота. Всё в этом доме, – он кивнул на скромное владение, переставшее быть его убежищем. – Теперь она. Каждый предмет. Мы с ней.

– Ты изменил Анне, её это не обрадует, но все ошибаются, – осторожно подбирая слова, возразила Илайя.

– Это не имеет значения. Я не смогу теперь быть с Анной. Я сожалею, что та женщина оказалась здесь. Но если бы она опять оказалась здесь, я сделал бы то же самое. Я никогда не испытывал такого чувства. Представь, что все твои убеждения – палатка в горах, на которую несётся лавина. Она и есть эта лавина. Бесполезно сопротивляться. Бесполезно мучаться виной.

– Ну и сволочь же ты…

Илайя и Леонард обернулись, она – испуганно, он – обречённо.

– Анна!

Она возникла в дверном проёме, очевидно, неслышно войдя с улицы и став невидимой свидетельницей разговору.

– Какая же тварь, – мстительно процедила Анна. – Мало ей было нашей дружбы. Мало Асседии. Ей понадобилось моё…

– Анна… – пробормотал Леонард.

– Это была Мира Манн? Она?

Леонард мрачно отвернулся.

– Ты знаешь её, Анна? – воскликнула Илайя. – Знаешь, кто она такая?

– Знаю, – покосившись на неё, огрызнулась Анна.

– Зачем ты с ней связалась?

– Потому что в ней я нашла ответы, – Анна смерила её сердитым взглядом и угрожающе добавила. – Но больше она мне не нужна…

С этими словами она схватила в прихожей сумку, где хранила деньги и документы, и ринулась на выход. Илайя бросилась за ней, преграждая ей путь.

– Анна, найди в себе силы отступить перед ней. Может быть, тогда она отпустит тебя.

– Да что ты понимаешь, Илайя, – Анна неприязненно оттолкнула её и сиганула с порога своего рая прямо в раскрытую пасть своей гибели.

Глава 12. Раздутая вера

Анна села в такси, назвала адрес готовой для заселения съёмной квартиры и, кусая губы от нетерпения, набрала номер Церкви Христовой Любви. Ей ответил мягкий женский голос.

– Господина Лубски, пожалуйста.

Голос сообщил, что пастор не может подойти. Она спросила его личный номер. Ей попытались отказать, но она заявила, что вопрос касается личной безопасности Лубски, а возможно, и всей церкви.

– Немедленно свяжите меня с пастором, если, конечно, не готовы взять ответственность за бедствие, которое пока ещё можно предотвратить, – угрожающе добавила Анна, вызвав перепуганное перешёптывание в трубке, после чего ей ответил сам Ледро.

– Пастор слушает.

– Моё имя Анна Матье, – она назвалась вымышленной фамилией. – Я располагаю информацией об Антимаре и её владельцах, которая, безусловно, вас заинтересует. Готова встретиться как можно скорее.

В трубке повисло молчание.

– Алло!

– Милая девушка, – вкрадчиво ответил Лубски. – Знали бы вы, сколько народу чуть ли не ежедневно сулят мне сведения об этой заманухе. Как правило, с целью выудить у меня материал для грязной статейки. Что до вашего желания встретиться, двери нашей церкви открыты. Праздных зевак у себя, тем более, с недобрыми намерениями, мы не приветствуем, но таковых очень быстро вычисляем. Если же вы уважаете братство и верите в Бога, мы проводим собрания каждую субботу в одиннадцать утра и трижды в неделю по вечерам. Пожалуйста, приходите и сможете без уловок узнать о нашем учении.

– Те, кто вам звонил, – если вы не соврали, конечно, – не инсайдеры. Единицы знают об Антимаре нелицеприятные вещи, но они хорошо замотивированы, чтобы молчать.

– А вы – инсайдер?

– Вот именно.

– Что же не так с вашей мотивацией?

– Очередная осечка Антимары, – терпеливо пояснила Анна, чувствуя, что в её собеседнике, наконец, пробуждается любопытство.

– Что ж, допустим, вы инсайдер. Допустим, знаете нечто разоблачающее о программе Тоньё. С чего вдруг вам понадобилось сообщать об этом мне? Из солидарности с моими убеждениями? – своим тоном Ледро дал понять, что если она подтвердит эту пошлую ложь, разговор на том и будет окончен.

– Меня не интересует ваше учение. Меня интересует сотрудничество с главным антагонистом Антимары.

– Ага, хотите дружить против Тоньё?

– Можете считать так.

– Вот что, эээ…. Анна, судя по вашим словам, вас одолевает жажда мести. Но я не могу позволить использовать своё имя и, тем более, паству, чтобы квитаться с Тоньё за личные обиды.

– История, которую я хочу рассказать, не имеет отношения к личной мести. Она вызовет общественный резонанс.

– Конкретнее – что за история?

– Разработчики Антимары смоделировали социум с искажённой моральной нормой. В таком социуме подлость, подавление зависимых и лицемерие – это положительные шаблоны, а искренность, скромность и совестливость считаются слабостями и отбрасывают людей на задворки.

– Как это работает?

– Как виртуальная игра. Человек вступает в неё анонимно (разработчикам не важна конкретная личность, а важны только её реакции), отвечает на несколько вопросов, в результате чего получает стартовый набор социальных статусов: возраст, место работы или учёбы, место проживания, источник доходов, список родственников, друзей, знакомых, биографию и тому подобное. Дальше ему предоставляется свобода действий. С оговоркой, что карьерный рост, успехи в любви и прочие достижения напрямую зависят от следования перевёрнутой морали. Модель запрограммирована так, что обычное поведение обрекает участника на социальную опалу. Ему приходится либо смириться с ролью аутсайдера, либо действовать аморально. Цель игры – измерить глубину человеческого порока. Понять, насколько далеко от нравственных ориентиров способен уйти человек, если объявить их ошибочными. Проверить гипотезу о внесоциальном характере совести.

Лубски заинтересованно прокашлялся.

– Анна, это и правда любопытная история… Но сможете ли вы повторить её перед моей паствой?

– Предлагаете мне открыто выступить разоблачителем? Разумеется, нет.

– Вашу историю нужно подать с пользой, а не слить людям в уши как варёную воду в раковину. Если хотите сохранить инкогнито, можете изменить облик. Но важно, чтобы люди услышали всё из первых уст.

– Хорошо, чёрт с вами, – решилась Анна.

– И ещё. Я прошу вас добавить подробность, которая придаст рассказу эмоциональный объём. Итак, вы лично участвовали в игре, и оказались перед дилеммой – убить человека или выбыть из игры. Вы выбрали уйти. С вас взяли расписку о неразглашении сюжета, и вы собирались молчать, но ваша подруга призналась, что её муж, который тоже участвует в игре, начал её избивать. Движимая угрызениями совести, вы пришли ко мне и облегчили душу откровением, – Ледро умолк и, не дождавшись реакции, вкрадчиво спросил. – Вы добавите это, Анна?

– Хорошо, – согласилась она.

– В таком случае, до встречи завтра в одиннадцать. Храни вас Бог, Анна.

– Аминь, – мрачно отозвалась Анна и, швырнув телефон в сумку, уставилась в окно.

Церковь Христовой Любви – религиозная организация, учреждённая Ледро Лубски и официально зарегистрированная два месяца назад, – проводила собрания в конференц-зале на первом этаже бизнес-центра на Биржевой площади. Это муниципальное помещение Ледро закрепил за собой в определённые часы, и теперь добивался его в бесплатную круглосуточную аренду. Рост паствы и положительный общественный резонанс способствовали усилению его лобби в муниципалитете – интересы Церкви стали фигурировать в повестках дня.

Анна вышла из такси в десять пятьдесят пять. На ней был тёмно-синий тренч, леопардовые ботильоны на высоком каблуке и шёлковый платок. Десятиэтажное здание бизнес-центра венчало улицу, огибающую Биржевую площадь. И пока Анна переходила дорогу, с жутью вспоминая те времена, когда и сама каждый день плелась на работу в

похожий офисный центр, площадка перед входом заполнилась людьми. Появился там и Ледро Лубски.

Анна прошла по Биржевой площади, обогнула участок, ограждённый пёстрой лентой, – там внутри был люк со сдвинутой крышкой, откуда валил пар, а снаружи стояли знаки ремонтных работ, – подошла к ступенькам крыльца, кивнула Ледро в знак того, что всё в силе, и вдруг ошеломлённо стала.

Наверху, в толпе перешёптывающихся людей, мелькнула Мира Манн. Анна выпустила в Ледро стрелу укоризненного взгляда, но тот, казалось, не понял её. Он обернулся и вопросительно прищурился. Анна вглядывалась в толпу, ища Миру, и уже стала сомневаться, что видела её, но тут Мира снова возникла в поле её зрения. Она стояла среди людей, не привлекая ничьего внимания, и смотрела на Анну загадочно-сосредоточенным и, как могло показаться, сострадательным взглядом. Анна почувствовала озноб охватившего её беспричинного ужаса.

– Вы позвали её! – побледнев, воскликнула она.

Ледро снова обернулся и снова воззрился на неё в явном недоумении.

Что-то сверкнуло на Мирином запястье, приковывая взгляд Анны, – браслет из стекляшек. Может быть, из хрусталя. В то же мгновение Анна почувствовала рваную боль, будто в неё впились сотни стеклянных осколков. Точно как в детстве, когда рядом с нею рухнула с пятиметровой высоты хрустальная люстра, и на маленькую Анну посыпался дождь осколков. Это была остервенелая боль. Всё её тело было изрезано стеклом, один осколок угодил в глаз. Её чудом спасли, чудом она не ослепла, чудом обошлось без прочих страшных последствий, но с тех пор Анна панически боялась режущих предметов и особенно – битого стекла.

Мира всплеснула рукой, заставляя браслет заиграть в солнечном свете, и Анне почудилось что-то чужеродное в глазу, мешающее моргнуть. Скосив взгляд, она увидела торчащий стеклянный осколок, а потом кровь застелила ей глаза.

Анна схватилась руками за шею и отшатнулась.

– Анна! – окликнул её Ледро.

Он хотел подать ей руку, но солнечный блик на его ладони Анна приняла за остриё стеклянного пера.

– Не надо! – вскрикнула она, отступая назад.

– Позвольте вам помочь, – Ледро затрусил по лестнице, протягивая к Анне руки.

На его пальцах вместо ногтей сверкали стеклянные пики.

– Не надо! – взвизгнула она, отскакивая назад.

Она зацепилась ногой за сигнальную ленту, с машинальной ловкостью выпуталась и отпрыгнула назад, чтобы в следующее мгновение, на глазах у обескураженного Ледро и прихожан, рухнуть в кипящее жерло колодца.

Через пятнадцать минут вдоль проезжей части, где недавно был припаркован только автомобиль злополучных водопроводчиков, выстроилась шеренга машин: спасатели, извлекшие труп из люка, две кареты скорой помощи: одна – чтобы увезти Анну на медицинскую экспертизу, другая – для слабонервных свидетелей трагедии, полиция, два операторских бусика от конкурирующих телеканалов, машина Ольги, и, наконец, такси с Леонардом.

Ольга приехала вместе с Илайей. Припарковавшись, она нашла глазами упакованное для морга и ждущее лишь опознания, тело Анны – и её охватила паника. Она вцепилась в руль, сморщилась и стала страдальчески всхлипывать.

– Я пойду, – сказала Илайя, открывая свою дверь.

– Подожди, – взмолилась Ольга, и тут заметила Леонарда, который с угрюмой решительностью шёл к каталке с телом. Это её немного отрезвило. – Вон твой отец, пойдём.

Выйдя из машины, она понеслась к Леонарду, а Илайя подошла к злополучному люку. Он уже был накрыт крышкой, а поверх красно-белой ленты была натянута ещё одна – чёрно-жёлтая, полицейская. Шокированный водопроводчик давал пояснения офицеру полиции. Он повторял, что люк был тщательно огорожен – согласно всем правилам, и что крышка была снята всего на несколько минут – для внеплановой прочистки трубы. И надо же было, чтобы несчастную женщину занесло сюда именно в эту секунду.

Полиция оттеснила людей от места происшествия, но они столпились вокруг. Другие выглядывали из окон здания. Больше всего народу скопилось у подножья бизнес-центра, где, стоя на верхней ступеньке и глядя в камеры, вещал в микрофон Ледро Лубски.

Илайя обошла слушателей и нырнула в толпу, чтобы не бросаться в глаза, – она хотела послушать, что он говорит.

– Мне отрадно видеть, сколько вас сегодня, братья и сёстры! Но ещё немного, и уже никакое событие не сможет собрать столько сочувствующих. Выйдя на некогда оживлённую улицу, вы едва ли встретите десяток людей, да и те обратят на вас не больше внимания, чем на электрический столб. Эта дьявольская программа нацелена изолировать каждую душу от общности, к которой душа тяготеет от природы, и внушить ей равнодушие к ближним. Эта несчастная женщина – она пришла к нам не с добром. Она была заслана служителями Антимары, чтобы разведать наши основы, с целью разрушить наше братство, наш спасительной оплот, который мешает поработить наши умы. Вправе ли мы судить эту несчастную – сомневаюсь, но разве её ужасная смерть – будто сама преисподняя поглотила её – не достоверное свидетельство того, что Бог с нами?

– А разве она не собиралась примкнуть к церкви? – возразил звучный голос из толпы. – Кто-то утверждал!

– Таков был её вымысел, чтобы внедриться к нам. Она выполняла задание ролевой игры Антимары. Суть игры – востребованная аморальность. Они требуют от человека, чтобы он шпионил, убивал, предавал и лгал – иначе ему не выжить и не победить. Вроде понарошку, да? Но так ли безобидны тесты, в которые нас настойчиво заманивают, если вот чем они заканчиваются? Проверьте мои слова, спросите у разработчиков, имеет ли место такая игра.

В эту секунду Илайя почувствовала прикосновение. Две лёгкие горячие руки обхватили её плечи, точно крылья чёрной птицы. И холодное дыхание, от которого в голове воцарилась безоблачная ясность, щекотнуло шею. За спиной стояла Мира Манн – так близко, что её волосы почти касались щёк Илайи.

– Слушай, слушай, Илайя, – проговорила Мира. – Следи внимательно. Сегодня тебе предстоит узнать много нового о твоём старом знакомом.

– Возлюбленные братья и сёстры! – Лубски повысил голос и поднял руку. – Пусть вас не вводит в заблуждение название «Церковь». Мы назвались так, дабы подчеркнуть своё почтение к философским и нравственным ценностям христианства! Наши собрания – вовсе не нудные монологи на тему Священного писания. Да, мы обращаемся к святым текстам, но наши встречи больше напоминают клуб по интересам. Мы слушаем истории друг друга, дискутируем, медитируем, под настроение практикуем трансовые состояния. Мы много импровизируем, но нас объединяет одно: каждая наша мысль и каждое движение направлено на поиск любви. Любовь – движущая сила природы. Любовь Господа к каждому из нас – аксиома, ведь зачем ему было создавать нас, если не ради того, чтобы разделить с нами свои просторы и свою любовь. Но, увы, люди перестали

ощущать силу этого чувства, потому что зациклились на себе, на личных интересах. Вместе мы возрождаем доверие друг к другу, доверие к Господу. Наши двери открыты для наших единомышленников. Приходите к нам.

– Илайя!

Она вздрогнула. Рядом с ней были Ольга и Леонард, оба напряжённые, с нервно-подавленными лицами. Илайя огляделась в поисках Миры, но той уже не было видно.

– Илайя, мы с Леонардом поедем в морг. Мне было бы спокойнее, если бы ты поехала домой. Или к Наталье. Нечего тебе ошиваться среди этих фанатиков.

Илайя кивнула.

– Надо ехать, Оля, – Леонард на ходу кивнул на отъезжающую скорую.

Ольга послушно устремилась за ним, постоянно оборачиваясь на Илайю, которая отделилась от толпы, словно собиралась уходить. Она видела, как её родители сели в машину Ольги: Леонард – за руль, Ольга – рядом, и ей казалось, что Ольга не сводит с неё глаз.

Тем временем, собравшиеся на площади стали браться за руки и змейкой двигаться к лестнице. Скоро движущий импульс докатился до Илайи. Кто-то взял её за руку, ещё один человек – за другую, и её потянуло за передними рядами людей, которые уже втекали в здание. В движении незнакомцев, окружающих Илайю, появился ритм – они слегка заваливались на ногу на каждом третьем шаге. У входа в бизнес-центр, где змейка выпрямлялась в единый поток, чуть замедлились, пересекли холл и вплеснулись в зал Церкви Христовой Любви.

Это было длинное помещение с простейшей отделкой, затенённое тонкими шторками. Справа от двери возвышался импровизированный амвон – помост со стеклянной кафедрой.

В зале играла ритмичная гитарная музыка. Люди пошли змейкой, прискакивая на каждом третьем шаге. Стали слышны смешки и повизгивания в такт. Иногда они отпускали руки, покачивались на месте, хлопали в ладоши, переходили с места на место, потом вновь брались за руки и продолжали движение змейкой. Казалось, линия танца вплеталась в коллективное наитие, и кто бы ни совершил ошибку, общий поток всё поглощал, делал её незаметной. Когда змейка дважды прошла по залу, танцующие, не сбиваясь с ритма, выстроились в несколько хороводов и пошли в противоположных направлениях. Люди раскуражились – смеялись, гримасничали, обменивались возгласами. Всеобщее внимание привлекла полная женщина средних лет. Раскрасневшаяся, она вытанцовывала в центре хоровода, взмахивая юбкой и убирая с лица пряди, что выбились из целомудренно-тугой её косы. Ей аплодировали и поощрительно улюлюкали.

Когда музыка отзвучала, люди многозначительно переглядывались, их глаза блестели. Некоторые согнулись, переводя дух, другие подходили к складным стульям, сгруженным в алькове помещения, брали себе по одному, и за считанные минуты танцевальная площадка превратилась в зрительный зал. А на входе выстроилась баррикада из любопытных гостей и журналистов. Кто-то из прихожан с вежливой улыбкой указал Илайе на пустующий стул в дальнем от амвона ряду.

– Сердце моё трепещет от радости, когда я наблюдаю за вашими сияющими лицами, – восходя к кафедре, возгласил Ледро Лубски. – Сегодня я вижу много новых лиц. Сегодня у нас много гостей. Сегодня у нас пресса. Я не стану лукавить и признаюсь, что рад возможности осветить нашу миссию для непосвящённой публики. Если гости изволят, пусть задают вопросы, а вы будете свидетелями, скажу ли я им то же, что говорю вам в другие дни, когда мы проводим наши встречи.

– Опишите свою религиозную концепцию: чем особенна ваша вера? Чем вы отличаетесь от православия? Можно ли считать вас последователями адвентистов или другой секты? – посыпались вопросы от журналистов.

Ледро многозначительно, с пониманием кивнул и развёл руки, повернув ладонями к слушателям.

– Прежде всего, мы верим в Бога. Мы чтим Священные писания. Мы уважаем другие мировоззрения, которые находят отклик в сердцах людей, пусть и отличаются от нашего видения мира. Мы воспитаны на христианских традициях. Однако убеждены, что религиозные тексты не следует воспринимать буквально. Мы не оспариваем существование Христа и святых апостолов, но допускаем, что история их жизни в том виде, в котором дошла до нас, была искажена. Попробуйте рассказать историю, которая обойдёт десять человек, и попросите десятого слушателя пересказать её вам – узнаете ли вы свою историю? Безусловно, узнаете. Но она обрастёт сотней подробностей и отличий от оригинала. Какой бы ни была история Христа – к моменту, когда её записали, прошло почти три столетия. Скольким слушателям довелось пересказывать её, дополняя своими мыслями, оценками, подробностями, которые могли никогда не иметь места. И, заметьте, я говорю о невольных искажениях! А если мы будем более реалистичны и учтём, что рассказчик, безусловно, преследовал определённые цели, в угоду которым была приспособлена эта история, прибавим к этому цензуру, необходимость адаптации для целевой аудитории, то придём к тому, что нельзя воспринимать её как изложение реальных событий. И вот здесь внимание! Самое главное: не так важны подробности, но важен посыл этой истории, ведь какая иная сила, кроме силы истины, могла обеспечить ей отклик в сердцах и умах людей на протяжении тысяч лет! Мы не зацикливаемся на деталях, мы учимся пропускать лишнее и обращать своё внимание на суть – так нам удаётся сглаживать очевидные противоречия, которые мешают многим развитым умам принять Господа. Например, мы сходимся в том, что значение Христа – в первую очередь, не в его биографии, а в том, что он стал для человека символом божественного прощения, шансом на возвращение в утерянный рай. Господь в нашем сердце всегда. И Господь любит нас. Но церковь присвоила себе Христа, приписала ему учения, которые звучат неправдоподобно из уст спасителя, и строгие догматы, которые давно изжили себя, – тем самым, церковь загнала себя в тупик. Дерево ежегодно меняет листья, и благодаря этому живёт. Старая церковь полторы тысячи лет не сбрасывает с себя засохшие листья, и всё меньше пищи в них остаётся для новых душ. В итоге мы получаем поколения атеистов, обособленцев, ищущих индивидуального, замкнутого, эгоистичного счастья. И вот на этой почве возникают мнимо-прогрессивные феномены вроде Антимары. Но моё отношение к этой программе уже ни для кого не секрет, и я не израсходую для неё ни минуты времени сегодня. Я хочу остановиться на том, из-за чего религия и её вечные ценности – такие как братство, единение, духовное утешение – утратили свою привлекательность, особенно, для молодых людей. Главная причина этого в том, что испокон века христианство и многочисленные культы, возникшие на его основе, противопоставляли божественную чистоту и порочную сущность человека. Человеку открывали доступ к Богу лишь при условии, что он откажется от своих естественных, заложенных в его природе потребностей и устремлений. Официальная церковь представляет нам Господа как сентиментального самодура, который создал человека с его страстями, а потом приказал ему подавить их, попутно развлекая его, Творца, молитвами и монотонными ритуалами. Зачем бы это понадобилось Творцу? В этом заключается его любовь к нам? О нет, друзья мои. Религия должна быть гибкой, психологичной и, самое главное, гуманной. Мы собираемся, чтобы постичь сущность Христовой любви – без издевательств над нами, без унижений. Все люди грешны. Грех свойственен человеку, страсти свойственны ему. Невозможно запретить себе желать. Желание нужно перерасти. Наша цель – не бороться с желаниями, вступая в конфликт со своей природой, а естественным путём осознать их тщетность. В том числе, путём исчерпания, когда это

возможно и уместно. Представьте жаждущего, которому сказали, что он не имеет права пить, ибо это грех. Что будет с жаждущим? Пусть даже сверхколоссальным волевым усилием он подавит в себе желание пить, но очень скоро погибнет. Если же мы, вместо того, чтобы объявить его жажду грехом, дадим ему напиться и научим, как добывать воду, чтобы в следующий раз он мог написаться без нашей помощи, – мы получим удовлетворённого трудоспособного человека. Именно это мы и делаем. Баланс между желаниями, потребностями и обязанностями, и, в конечном итоге, обретение божественной гармонии, – вот наша цель.

– Пастор, епископ назвал вашу организацию очередным выкидышем молокан-прыгунов. Прокомментируйте, пожалуйста.

– Грустно сознавать, что староцерковное руководство деградировало до такой степени, что не даёт себе труда даже правильно сформулировать критику. Молокане были зациклены на полуиудейских обрядах и считали, что святой дух нисходит на человека, выполняющего особые движения во время молитвы. В том, что я рассказал, вы усматриваете связь с молоканами? – полушутливо обратился Ледро к человеку, задавшему вопрос. – И я не усматриваю, – здесь он вздохнул, сменяя иронию на лице лёгкой грустью. – Секты – это, в целом, положительное явление. Естественные попытки человеческой души вырваться из замурованных церковных стен, но им никогда не хватало свободомыслия и ресурсов. Большинство из них, отказываясь от внешней обрядовой мишуры (ведь мелкие секты просто не могли позволить себе такую роскошь), совершали одну и ту же роковую ошибку: ужесточали правила по одному-двум пунктам (например, скопцы ратовали за чистоту плоти, доводя до кощунственной крайности лишения человеческого тела его природных органов, анисимовцы запрещали алкоголь, христововеры и духоборцы проповедовали аскетизм и строго блюли посты), и это обрекало их на лицемерие (ведь соблюдать такие правила подписавшемуся под ними человеческому существу не под силу), а для церкви лицемерие равносильно смерти. Я убеждён, что старая церковь доживает свой век по инерции: наслаждается богатствами, пренебрегая функцией, ради которой создавалась – раскрыть человеку путь к счастью через духовное прояснение. Если попам угодно и дальше молча наблюдать крах религии, то мы не будем сидеть, сложа руки, – мы будем познавать Бога, если понадобится, с нуля. Мы будем делать это вместе.

Убедившись, что он закончил речь, зал ответил ему бурными аплодисментами.

– Расскажите, что конкретно вы подразумеваете под гармонизацией потребностей? Поговаривают, что вы используете гипноз и делаете людям внушения. Вы именно таким способом предлагаете воспитывать чувства?

– Мы действительно практикуем гипноз, – деловито кивнул Ледро. – Однако это лишь один из инструментов. Основной канал нашего взаимодействия – речь. Групповые или индивидуальные беседы. Другие совместные действия: танцы, творческие вечера с чтением стихов, спортивные состязания, тематические дебаты. Сейчас весна, планируем пикники, туристические походы. Гипноз мы применяем только по добровольному согласию. Под гипнозом люди получают индивидуальные или коллективные задания, направленные на раскрытие неявных проблем или преодоление страхов. После того как наши прихожане убедились в высокой эффективности гипноза – мне гораздо чаще, чем рекомендовать кому-то гипноз, приходится отговаривать людей, ведь к этому нужно созреть, а я вижу, когда человек ещё незрел в своём решении.

– Вы можете привести конкретный пример? Кому помогло и чем конкретно?

– Пожалуйста, – развёл руками Ледро. – Будет показательнее, если человек сам скажет за себя. Прошу, братья и сёстры, есть в зале кто-то, кто хотел бы поделиться своим опытом?

Не успел он договорить, как с места встал парень – молодой, худой до костлявости, с большой овальной головой. Несколько смутившись, он объяснил, что пастор Ледро сделал

ему внушение под гипнозом познакомиться с девушкой и склонить её к интимной близости с использованием презерватива. Он долго не мог решиться, но после сеанса сделал это.

– Я всегда считал себя ушлёпком, недостойным, – со слезами на глазах бормотал парень. – Пастор называл это комплексом неполноценности. Но мы с нею, – он прикоснулся голосом к слову «нею» с осторожностью, с которой впору прикасаться к хрустальной вазе. – Провели такую ночь, что теперь и умереть не страшно. Я хочу жениться на ней, и надеюсь, что она согласится. Спасибо вам, Ледро.

– Другой наш прихожанин, – покровительственно кивнув парню, продолжал Ледро. – Испытывал сильную склонность к алкоголю, но под давлением семьи отказывал себе. Он был всегда раздражён и зол на весь мир. Я предложил ему на месяц покинуть семью и уйти в запой. Позволить себе то, чего он так долго и тщетно хотел. Да, я сильно рисковал. Но через две недели парень пришёл ко мне и сказал, что единственное чувство, которое теперь внушает ему алкоголь, – это отвращение. Я не утверждаю, что это универсальный метод, и ни в коем случае не призываю никого необдуманно повторять этот поступок! Но, взглянув на того парня, я предчувствовал, что это поможет, и оно сработало!

Тут одна из журналисток, подняв руку, выступила на шаг вперёд. Она что-то читала в смартфоне.

– Я получила любопытное сообщение от анонимного отправителя, пастор. Якобы в зале присутствует ваша бывшая ученица, которой вы тоже пытались помочь необычным способом, но результат был, цитирую, вредоносным, – Ледро тут же пустил по залу рыщущий взгляд, а журналистка продолжала. – Не расскажете ли вы нам и эту историю?

– Да, вот я её заметил, – не растерялся Ледро, найдя Илайю и переводя на неё всеобщее внимание. – Разумеется, я готов рассказать…

Но журналисты уже не слушали его, орошая Илайю ливнем вопросов.

– Девушка, как вас зовут? Что вас связывает с Ледро? Какая у вас проблема? Что именно он делал с вами? Какого вы мнения о Ледро? Вы держите на него зло?

Илайя, отстраняясь, покачала головой.

– Извините, я ничего не могу сказать.

– Значит, вы скрываете о Ледро нечто плохое! – воскликнула журналистка, которая получила анонимное сообщение.

– Я ничего плохого не могу сказать о Ледро, – сказала Илайя, коротко переглянувшись с ним и встретив его настороженно-любопытный взгляд.

– Но тогда что-то хорошее? – не унималась журналистка. – Дайте нам своё мнение! Ледро говорит такие вещи, которые могут найти отклик у многих людей. Для всех он новый человек, и прежде чем слушать его, мы хотим знать, упал ли он с неба или выполз из-под земли.

– Я вам в этом совсем не помощник. Я мало знаю Ледро, – попыталась выкрутиться Илайя.

– Но вы лично намерены присоединиться к Церкви Христовой Любви?

Илайя помотала головой.

– Вы доверяете Ледро?

Илайя молча опустила глаза.

– Вы не доверяете ему, – с изобличительным видом заключила журналистка. – И, судя по всему, боитесь его. Вы были его ученицей, но он сделал что-то не так. Поделитесь с нами. Ваши слова помогут определиться многим людям!

– Я мало знаю Ледро и не могу сказать о нём ничего плохого, – повторила Илайя. – Я могу признать одно: однажды, когда мне нужна была его поддержка, я не нашла её в нём.

– Значит, всё не так однозначно, – поворачиваясь к Ледро, сказала журналистка. – Ваша личность и обстоятельства жизни содержат много подозрительных пустот и вызывают много вопросов. Почему среди ваших приверженцев нет никого из старых коллег, друзей, учеников? Почему эта девушка боится сказать о вас кривое слово, но и хорошего не говорит? Почему вы решили основать церковь именно теперь, когда потеряли работу, будучи в возрасте, вы уж простите, малопривлекательном для трудоустройства?

– Илайя, я могу пригласить вас сюда? – прокашлявшись, обратился к ней Ледро. – Пожалуйста!

Илайя растерянно встала с места и, борясь с неловкостью, подошла к амвону, поднялась к Ледро, предупредительно остановилась в нескольких шагах.

– Это Илайя Плерóва, – представил её Ледро. – Вы жаждете знать, что нас связывает, и почему я не заслуживаю похвалы от такой милой девушки. И я, с позволения Илайи, расскажу вам то, о чём она молчит. И думаю, причины её молчания прояснятся. Я не скрываю, что много лет работал педагогом. Также много лет я оставался практикующим психологом. Я собрал группу студентов, с которыми мы провели много душевных и целительных бесед о самопознании и самоопределении. Илайя была одной из них. По её инициативе наше общение дополнилось индивидуальными беседами. Илайя страдала лёгкой формой панического расстройства, и я провёл несколько сеансов гипнотерапии в надежде прояснить причины и выбрать направление лечения. Однако лишь теперь я понимаю, что её состояние, вероятно, было обусловлено тем непомерным стрессом, который она испытывала, заранее зная о готовящемся инциденте, который стал причиной грандиозного скандала, раскола в преподавательском составе и, собственно, моего увольнения из университета. В нашем коллективе работал и, к слову, преспокойно продолжает работать человек, завербованный создателями Антимары для проведения тестов среди студентов. Обещая фантастические перспективы избранным участникам исследований, он фактически вынуждал студентов выворачивать свою личность наизнанку в интересах разработчиков программы. В цивилизованном мире подобные тесты проводят над тюремными заключёнными – и то, лишь с их нотариально заверенного согласия и после ознакомления со всеми побочными эффектами и исчерпывающим списком целей, для которых собранные данные могут использоваться. Но у нас этот вопрос на законодательном уровне урегулирован плохо, что позволяет авантюристам вроде Виктора Тоньё и нашего преподавателя тренироваться на детях. Илайя оказалась в числе привилегированных студентов, что попали в финальный отбор на счастливую судьбу под эгидой Антимары. Да только вышла осечка, и другие студенты сообразили, что их обманули: вопреки тому, что им обещали, раздача мест не зависела от результатов тестирования. Когда это выяснилось, Илайя оказалась в центре конфликта. Вот в тот момент, по её словам, она нуждалась в моей поддержке. Я скажу вам, друзья, чего она хотела: чтобы я дал публичную гарантию, что она не вступала в сговор с преподавателем, завербованным для Антимары, и оказалась жертвой обмана, как и другие студенты. То есть, использовать мой авторитет, дабы восстановить отношения с сокурсниками. Да, я тогда не оказал ей поддержки, потому что не был уверен в её искренности. Я не мог пренебречь интересами всех студентов ради одной, которая, возможно, их предала. Прав ли я был? Бог мне судья. Вы спросили, почему здесь нет никого из моих коллег. Я откровенно заявлял, что ушёл из университета, потому что не хотел участвовать в конфликте. Те мои коллеги, кому я доверял, предпочли Антимару. Не все из них были её убежденными сторонниками, но всех их купили. Хоть и не за деньги, разумеется. Их соблазнили интересными задачами, заоблачными перспективами. Я не могу осуждать этих людей, но Илайя – одно из самых сильных моих разочарований. Я искренне симпатизировал ей.

По рядам пошёл изумлённый ропот.

– Этот человек сказал правду? – спросила журналистка у Илайи. – Вы действительно содействовали проведению опытов над своими сокурсниками по заказу владельцев Антимары?

Илайя обескураженно покачала головой.

– Всё было не так… – пробормотала она.

– Ну, и кому нам верить? – усмехнулась журналистка, пеняя на Ледро.

Тот лишь развёл руками.

– Введите её в гипноз, – подсказали из зала. – И спросите под гипнозом. Мы все будем свидетелями.

Илайя видела лица людей – возбуждённые интригой, одержимые какой-то сверхфизиологической похотью, и одно особенное лицо: на нём была готовность к действию. Знакомое, в первом ряду – Лидия? И ещё одно отличающееся лицо – совсем близко – спокойное и властное лицо Ледро Лубски.

– Только попробуйте, – угрожающе прошептала Илайя, с ужасом чувствуя, как её охватывает волнительное удовлетворение, которое она испытала от смерти Анатолия.

Ледро расплылся в отвратительно-покровительственной ухмылке и сказал ей одними губами.

– Откуда ты знаешь, что уже не под гипнозом?

Илайя испуганно скользнула взглядом в угол, откуда ей послышался свистящий звук, как от сдувающегося батута. Угол наморщился и расползся, а стены вяло поникли, как бортики испорченной резиновой лодки. Потолок прогнулся, и по нему распространилась течь: отовсюду закапала влага. В одном месте течь быстро проделала отверстие, и в него просунулось снаружи гибкое скользкое щупальце. Оно поползло по потолку в сторону амвона. Из другого отверстия появилось ещё одно щупальце, а вскоре и третье – и все поползли в сторону Илайи. Оказавшись у неё над головой, они спустили концы и стали шарить в воздухе. Щупальца были покрыты металлическими чешуйками, а от кончиков исходило розоватое излучение.

И тут Илайя заметила свесившуюся неизвестно откуда верёвку. Было неясно, кто и зачем её сбросил, и не пытается ли спрут её обхитрить. Поэтому она заторможенно пялилась то на подбирающиеся щупальца, то на подозрительный канат, пока не услышала голос Ледро:

– Я прошу всех успокоиться! Разумеется, ни о каком насилии не может идти речи. Никто никогда не упрекнёт меня, что я использовал гипноз против чьей-то воли.

Илайя подняла голову, пытаясь всё же разглядеть, откуда тянется верёвка. Там в потолке было какое-то расширение, и кто-то там мелькнул.

– Цепляйся, – сказал ей голос Миры, и верёвка нетерпеливо задёргалась.

Одно из щупалец уже готово было ввинтиться ей в волосы, поэтому Илайя ухватилась за верёвку, зажмурилась и оттолкнулась от пола. В ту же секунду мощная сила потянула её в неизвестном направлении, сметая редкие податливые преграды, а потом Илайя открыла глаза и обнаружила себя в тесной и душной темноте. Рядом была Мира – её лицо было еле видно, как тёмной ночью под звёздами. И у неё был такой вид, будто она куда-то двигалась с очень высокой скоростью, но Илайя чувствовала, что они стоят на месте.

– Мира, за что ты так жестоко с Анной? – плача, пробормотала она. – За что сейчас со мной?

– Ты свято веришь, будто виновник всех бед – это я, – держа голову по курсу иллюзорного движения, ответила Мира. – Но посмотри на них – ничего не напоминает?

Думаешь, эти люди случайно были в твоих кошмарах? Твой сон – предчувствие, потому что твоё сознание знает, кто они. Да, я отправила сообщение журналистке, чтобы спровоцировать конфликт, но ради того, чтобы ты сама увидела, как поведёт себя твой старый знакомый. Ты знаешь, как всё было: посмеешь думать, будто это я подстроила?

Илайя, рыдая, протянула к ней руки.

– Но ты можешь спасти меня от этого кошмара!

– Одно твоё слово, и всё станет по-прежнему. Одно слово, и всё станет намного легковеснее.

– Кто ты, Мира?

– Никакие слова не объяснят этого. Ты считала меня дьяволом, и ты права. Теперь ты не веришь, что я дьявол, и ты права. Назовёшь меня богом, и ты права, но когда поймёшь, что я не бог – будешь права. Нельзя объяснить тебе мою сущность, пока ты не постигнешь её. Я не зло и не добро, это ты уже постигаешь. Я тот, кто управится со свободой воли во благо мироздания – это ты также постигнешь, но позднее.

Илайя ткнулась ногой во что-то твёрдое и скользкое, инстинктивно подалась назад и стукнулась головой о навесную полку. В то же мгновение, реагируя на датчик движения, зажёгся свет. Илайя стояла в туалетной комнате и в зеркале над умывальником видела своё зарёванное лицо.

Она сполоснула руки и вышла. Проходя мимо зала Церкви Христовой Любви, поймала укоризненный взгляд кого-то из журналистов и услышала приглушённый голос Ледро:

– Друзья мои! Несмотря на то, что её догматы искажали в угоду глупцам, использовали в воинственных целях, несмотря на присущие ей внутренние противоречия, нет для человека лучшего светоча, лучшего утешения и лучшего источника вдохновения, нет лучшей опоры и лучшего убежища, чем религия! Бог ждёт вас всегда, и никуда не девается, – прийти к нему никогда не поздно, и он не отвернётся от вас, даже если от вас отвернулся весь мир.

Глава 13. Национальный фактор

– Гляди-ка, – сказала Наталья Красуцкая, дожёвывая круассан с кремом патисьер. – Прошло два часа с момента публикации, а у неё уже сто тысяч просмотров, тысячи реакций, сотни комментов и вообще… – она с завистливым изумлением отхлебнула кофе и прочла. – Секрет успеха преподобного Ледро.

Наталья игриво воззрилась на мужа – она ждала, что он скажет, мол, пастор популярен сам по себе, дело тут не в Лизе, или хотя бы проявит вежливый интерес, но тот уткнулся в планшет. Однако Наталья чувствовала, что он прислушивается.

– Мысль о синтезе религий, о единстве Бога на определённом этапе жизни приходит, наверное, к любому мыслящему человеку, – зачитала Наталья. – Ледро почувствовал эту коллективную, идущую из глубины души тягу к религиозному единству, и вскормил её надеждой, что свести всё в одно возможно, если отступить от буквального понимания и беспрекословного принятия всего, что описано в священных книгах, особенно, тех вещей, которые сильнее всего смущают потенциального адепта христианства. Он внушает своим последователям, что разные этносы тяготеют к разным формам Бога в зависимости от ментальных особенностей, а также политического фона и обусловленных им социальных задач. Ледро призывает приобщаться к Богу с помощью той религии, которая господствует в конкретном этносе, но помнить, что ни одна из форм Бога не является единственно подлинной, – Наталья воодушевлённо взглянула на Петра. Тот отложил планшет и, то ли слушая её, то ли нет, глядел в окно. – А дальше она пишет, что на ближайшую сессию горсовета вынесён вопрос о выделении пастве Ледро усадьбы Фальц Файна в горсаду. Прихожане Церкви Христовой Любви совместно с националистами провели три митинга у городской ратуши в поддержку такого решения. Совместно с националистами – каково?! А ведь меня предупреждали, что пастор из кожи вон лезет, чтобы приручить националистов, – тут Наталья осеклась, точно испугалась, что Пётр прочтёт её мысли и узнает, от кого она это услышала, и вернулась к тексту. – Преподобный Ледро, ловкий Ледро, кто же он: гениальный психолог или продвинутый мессия? Кем бы он ни был, за несколько месяцев ему удалось не только снискать общественную любовь, но и обзавестись поддержкой националистических отрядов. Каковы его цели, что он намерен привнести в мир и противопоставить глобальным вызовам современности – все рассчитывают узнать в ходе предстоящих дебатов с другой знаковой фигурой нашего времени – инвестором-новатором Виктором Тоньё. Дебаты состоятся в пятницу двадцать первого мая на первом национальном канале. Приятного посвящения! – закончила Наталья. – Уже сто двадцать тысяч просмотров… А ведь многие ещё спят – не удивлюсь, если к полудню эта цифра утроится. Надо отдать ей должное – в копирайтинге она неплоха, – она покосилась на мужа, который звякнул ложкой, споласкивая чашку. – И, надо признать, её популярность мне на руку. Только за последний месяц благодаря её подписчикам мы закрыли два срочных сбора, и ещё три вот-вот закроются. Всё-таки, разумное решение – дружить с Лизой, – Наталья зыркнула в окно, чувствуя раздражение из-за того, что Пётр остаётся глух к её попыткам пообщаться. Но тут же урезонила себя, что заслужила такое отношение, ведь её вина ещё долго будет висеть грозовым облаком над их домом.

Ты женщина, сказала себе Наталья. Свойственные тебе наивность и нежность приглушат его обиду. Ты должна быть сильной и хитроумной и не воспринимать всерьёз его пренебрежение. Ты не должна обижаться в ответ. Помни, как сильно этот человек привязан к тебе.

Она полуобернулась к мужу и с детской невинностью пролепетала.

– Петенька, будь другом, передай, пожалуйста, ещё один круассан.

Когда он склонился над столом, подавая Наталье тарелку, его лицо показалось ей потеплевшим.

– Спасибо, – сладко улыбнулась Наталья, но не успела проглотить и куска, как услышала его следующие слова.

– Кто-то жаждет внимания, кто-то подарков. Иной создаёт идеальный образ, окружая его мечтами и тайными стенаниями. Но разве это любовь? Любовь – это когда ты видел её с огромным животом, неуклюжую, с оплывшими веками. Видел, как из её влагалища выскальзывает плоть вашего ребёнка, и, несмотря на это, дрожишь от желания, стоит ей влезть под одеяло. Любовь – это когда утром в воскресенье просыпаешься больной, но тихонько встаёшь, собираешь ребёнка и уводишь на прогулку, чтобы она могла выспаться после вчерашней гулянки. Любовь – это когда она флиртует с пьяными уродами, которые завтра не вспомнят, как её зовут, а ты – вместо того чтобы закрыть от неё дверь своего мира, с иронией дожидаешься, пока ей это надоест. Любовь – это когда она говорит, что не любит тебя и хочет уйти, а ты не удерживаешь её, но слышишь, как на часах твоей жизни запускается обратный отсчёт. Кто поклялся бы на Страшном суде, что испытал это чувство?

Наталья побледнела и сжалась, отставив кофе и надкушенный круассан. А Пётр продолжал читать с планшета.

– Георг смотрел то на неё: женщину, которую он желал больше всего на свете и которая принадлежала ему по всем законам любви и страсти, то на её мужа, чьё страдание вылилось в этой громоподобной речи, и впервые за время их бурного романа им овладели угрызения совести. Слова мужчины был столь проникновенны, что Георг почти поверил, будто не имеет права на эту женщину, почти дал себе слово отступить, почти обрёк их обоих на несчастье, – Пётр выдохнул и грустно усмехнулся. – Новый бестселлер от твоего давнего друга, Наташа. Я решил купить…

Наталья обхватила ледяными ладонями горящие щёки.

– Я надеялся, что смогу простить тебя, Наташа. Но это означало бы признать, что я достоин всего этого…

Она скорбно закусила верхнюю губу, не смея взглянуть на него, не смея даже пошевелиться; и, после того как он вышел, ещё долго с отвращением пялилась на недоеденный завтрак.

Дорога в областную больницу промоталась как магнитная лента, на которой была записана одна фраза: «Как этот мудак мог так меня подставить!». Лишь добравшись до ожогового отделения с его отрезвляющими зрелищами, Наталья немного отошла от утреннего инцидента.

Она приехала познакомиться с новыми подопечными – семья пострадала от взрыва, который случился по неосторожности отца: будучи в стельку пьяным, он пытался отключить газовый котёл, но что-то не то накрутил, и котёл взорвался. К счастью, жена и сыновья находились в дальней комнате, что спасло их от сильных ожогов. А вот глава семейства пострадал серьёзно. Он лежал в реанимации, а его жена и сыновья – здесь, на третьем этаже. Они шли на поправку и через пару дней их могли бы выписать, но деваться им было некуда – их дом снесло, а живых родственников в стране у них не было. Фонду Натальи предстояло найти, где их разместить, пока отец семейства, если Бог даст, очухается и сможет принять обратно ответственность за семью.

Наталья приоткрыла дверь в палату и со смешанным чувством удивления и гордости заметила там Илайю и Лизу Бронс. Они вдвоём помогали старшему мальчику не вставая с кровати помочиться в горшок.

Наталья кивнула Илайе и поманила Лизу, чтобы та вышла в коридор.

– Ты здесь давно?

– Минут десять. Ехала мимо, решила заскочить, глянуть, как Илайя справляется.

– Какие новости? Что мужчина?

– Сегодня пришёл в себя. Плачет. Клянётся, что больше не притронется к выпивке. Сейчас к нему жену пустили.

– К выпивке, – усмехнулась Наталья. – Хоть бы он к гробу не притронулся. А что с поселением?

– Собрали документы для программы помощи бездомным, но город пока не подтвердил – нуждающихся тьма, сама знаешь. Параллельно Илайя подыскала дом рядом с тем, где они жили. Там нужен капитальный ремонт, но до зимы терпит. И цена вменяемая. Но, опять же, нужны деньги на выкуп.

– Ну, пусть открывает сбор…

– Да она уже открыла, но сбор идёт туго. Это неудивительно после того, как везде написали, что отец-алкоголик по пьяни взорвал семью. Всё, что набегает – уходит на лечение. Объяснить людям, что они должны злостному алкашу скинуться ещё и на дом, будет тяжело.

– Н-да, удружили нам твои коллеги, – вздохнула Наталья. – Ладно, подумаем, что мы можем, а пока скажи, как справляется Илайя?

– По-моему, хорошо. Она оперативно всё организовала: и лекарства, и уход. А сейчас навещает их каждый день и ломает голову, где взять денег – очень ей хочется для них этот дом.

– Прямо каждый день навещает! – нахмурилась Наталья. – Она не слишком к ним привязалась?

– Это её первые подопечные, Натали, – пожала плечом Лиза. – Первыми всегда особенно проникаешься, сама знаешь.

Наталья не стала спорить. Перед уходом она сказала.

– Лиза, большое тебе спасибо, что помогаешь нам со сборами.

– Деньги – приятный побочный эффект от подкормки своего призвания. Так что не благодари.

– Сколько у тебя на счету?

– Примерно полмиллиона. Счёт мой только формально. Это деньги на цели фонда, надеюсь, ты понимаешь.

– Понимаю и очень ценю. Ещё раз спасибо тебе, – Наталья невольно сглотнула горечь, скопившуюся в слюне.

– Что-то случилось? – деликатно спросила Лиза, присмотревшись к ней.

Наталья вскинула брови, пытаясь спрятать испуг за недоумением и прочитать на лице Лизы, действительно ли та не знает о новой книге Шкодного Жоржа или только притворяется.

– Забегалась, – рассеянно улыбнулась Наталья. – Забот тьма. Ну, пока.

– Угу, пока, – сказала Лиза и вернулась в палату.

Дети лежали на больничных койках. Младший спал. Старший сопел, глядя в потолок. Илайя сидела у окна, смотрела во двор больницы, и глаза её бегали. Что-то в ней было щемящее, возбуждающее желание выручить её.

– Илайя, – позвала Лиза. – Там что-то интересное?

– У меня в голове появляется какой-то ребёнок, – сказала Илайя, потирая висок. – Вот сейчас он померещился мне внизу.

Лиза подошла к окну и посмотрела во двор.

– Ты очень эмпатична, – сказала она. – Поглощена проблемой этой семьи.

– Не думаю, что тут есть связь…

– Ты же не беременна? – осенило Лизу.

– Нет. Конечно, нет, – Илайя перевела взгляд на койку. – Наверное, это тоска по Асседии никак не отпускает меня.

Уходя, Лиза спросила.

– Почему ты так сильно хочешь собрать им на новый дом?

– Хочу хоть раз стать причастной к чему-то стоящему, – пожала плечами Илайя.

Наталья выскочила на улицу и так заторопилась к машине, что грация не поспевала за ней. Ею вдруг овладело капризное нетерпение приехать в офис и дать затянуть себя тамошнему цейтноту, чтобы отделаться от мерзкого привкуса сегодняшнего утра. Она щёлкнула брелком, но машина не открылась. Попробовала ещё раз – глухо. Села батарейка, догадалась Наталья, и стала рыться в сумке. Она знала, что Пётр всегда подкладывает запасную на такой случай. Наталья распотрошила сумку – батарейки не было. Всегда, но, видимо, не в этот раз. Тут же ей вспомнился взгляд Лизы, вопрошающей, ничего ли не случилось. Осторожно-жалостливый, притуплённо-колкий. Она знает, решила Наталья, просто издевается над ней. А даже если не знает – очень скоро узнает. И все остальные тоже. Это позор.

Она готова была расплакаться от досады и продолжала бестолково щёлкать брелком. Наконец, сдалась и набрала номер мужа. Услышала гудок и представила голос Петра: его уныло-нравоучительное «слушаю», и ей стало тошно. Она сбросила звонок, пару секунд пялилась в список контактов, а потом пальцы стали действовать сами, спешно выбирая нужный номер, словно боясь, что Наталья остановит их.

– Ты чёртов ублюдок, почему тебе так необходимо ломать мне всё! – заорала она в трубку, когда после четвёртого гудка услышала ленивое «Алло». – Какое ты имел право брать мою жизнь и совать её под свою пошлую кальку! Ладно, ты растоптал мою репутацию ради слюнявой фразочки! Но ты ведь и ему в лицо плюнул! Ты же вещал, как сильно его уважаешь – и что? Выходит, враньё? Какой же ты мудак! Как же вы все меня достали! И ты, и он, и эта долбанная тачка!

– Натуся, успокойся, – промычал в трубку Шкодный Жорж. – Ты где вообще?

Через пятнадцать минут он припарковался прямо за ней. Вышел из машины, в рваных чиносах, кожаных ботинках, в пиджаке поверх свитера, на шею шарф намотан, на башке шерстяная шапка-чулок, грюкнул дверью, с озабоченным видом приблизился.

– Что тут? – с видом эксперта оглядел машину.

– Вот, ключи не срабатывают, – Наталья нервозно протянула ему брелок.

Жорж глянул на экран – тот был погашен, потом недоумённо – на Наталью.

– Так тут батарейка села.

– Он всегда кладёт мне запасную! Он всегда следит за такими вещами!

– Беда, – покачал головой Жорж.

– Ты понимаешь, что это значит? Он плюнул на меня! Вот и вся его хвалёная любовь!

Деловито сдвинув брови, Жорж пошагал к ближайшему ларьку с прессой, где можно было купить батарейки любого формата, расплатился, заменил севшую, проверил, открываются ли замки, включается ли зажигание, и протянул ключи Наталье.

– Спасибо, – пробормотала она, внезапно соображая, какою он сейчас её видит: зарёванной, жалкой, глупой. И процедила. – Как же я тебя ненавижу.

– Пожалуйста, – отозвался Жорж.

И потом одной лишь рукой, предчувствуя её податливость, обхватил её и притянул к себе.

Что за чем было дальше, Наталья помнила смутно. Она не могла отлипнуть от него. Всю дорогу припадала к его плечу, мешая ему вести машину. И потом шла, опираясь на него и прихрамывая. И пока они ехали в лифте, ноги совершенно перестали её слушаться. И в свою квартиру он вносил её на руках. И, кажется, они забыли повернуть ключ в двери. И потом были простыни, пропахшие им, и его намасленные руки, и душистые лохматые волосы, и властный в своей ненасытной страсти рот, и одурманивающие сладость и жуть свободного грехопадения.

– Вообще-то, Натуся, я надеялся, что ты иначе оценишь мой новый роман, – сказал он позднее, расслабленно обнимая её. – О таком я и мечтать не смел… Ты освободила мою музу от всех угрожавших ей претензий.

Она ухватила его за сосок и больно сжала. Он поморщился, наслаждаясь игрой эмоций на её лице – там были и стыд, и блаженство, и злость на него, и жадное нетерпение перед следующим раундом на поле страсти.

– Это хороший роман, ты должна его прочитать.

– Само собой разумеется, – с надменной покорностью отозвалась она. – Ты своего нового вдохновителя тоже в нём задействовал?

– Нет, – оживился Жорж. – Я не спутываю работу и чистое творчество. Творчество допустимо взращивать только на искренних чувствах, – он покосился на неё убедиться, что ей польстили эти слова. – А Ледро и его церковь – это перспектива, Натуся. Он откроет мне как литератору путь на самый верх. Через десять лет, пока Декизо, Янушевский, Макурай и прочие будут и дальше строчить свои комиксоподобные романчики, а Пилюлин – заблёвывать интеллектуального читателя отходами плохо переваренной реальности, я буду писать новую историю человечества. Я уже говорил и повторю, ещё более настоятельно: возьми на попечение этих национальных попрыгунов под эгидой церкви Лубски. Почему ты упрямишься?

– Я не хочу политизироваться, Жорик, – сказала Наталья не слишком уверено. – Не хочу, чтобы меня попрекали моей окраской. Я хочу быть нейтральной и прозрачной.

– Так не бывает, Натуся, – с нажимом возразил Жорж. Он встал с постели, подошёл к балконной двери, приоткрыл её и взял с подоконника сигарету. – Только газ бывает прозрачный, без цвета и запаха. Развеялся, и забыли. Если хочешь иметь нормальный вес, надо уплотняться. И здесь два варианта: либо ты сделаешь осознанный выбор, либо тебя покрасят без спросу в тот цвет, который будет лучше сочетаться с сенсацией. Тебе припишут цели, о которых ты и не помышляла. Не имея нормальной поддержки, ты утонешь. Ну, или, как я уже говорил, развеешься в воздухе. У тебя есть шанс – не упусти его. Отвернёшься от Ледро сейчас, когда он на старте, а завтра, когда он будет дальше всех и к нему построится очередь желающих, тебе даже в хвосте места не найдётся.

Наталья задумчиво насупилась.

– Всё бы ничего, но на кой ему сдались эти националисты?

– Националисты – это реальная сила, это защита, – возбуждённо пояснил Жорж. – Ни один чиновник не осмелится переть против них. И подхода к ним никто не знает. А Ледро нашёл. Он чёртов гений. Он видит людей насквозь.

– Я думала, что гений нашего времени – это Тоньё, – зевнула Наталья.

– Чушь, – выкатил глаза Жорж. – Тоньё сделал ставку на умственных переростков, и ему с ними, скорее всего, повезёт. Но какой процент мозгодротов в общей массе людей? Нормальный живой человек будет всегда тяготеть к душевной и кулачистой брехне, которая даст оправдание его несовершенству и поддержит его отвращение к высокоинтеллектуальным соплям. По душевной части Ледро и сам не подкачал, а по части кулаков надо ещё подкрепиться. У националистов сейчас главный челендж – выкупить из политического заключения каких-то серьёзных лидеров. Назначенный выкуп – два миллиона, но пацанам пока даже торги начать не с чем. Если Ледро поможет им, это будут уже не просто идейные потрахушки, которые им и сейчас зажигательно удаются, – это станут прочные брачно-финансовые узы. Поэтому так важно найти деньги.

– Лиза собрала приличную сумму… – сболтнула Наталья.

Шкодный Жорж многозначительно запрокинул голову, выдувая дым.

– Скажи, какая миссия может сравниться по благородству с миссией свахи, а?

Наталья заливисто рассмеялась.

– Залазь уже под одеяло и узнаешь, на что свахи годятся лучше всего.

Виктор Тоньё оторвал взгляд от ноутбука и обнаружил, что на улице уже темно. Он дал себе слово выспаться перед завтрашним важным днём, но, как обычно, засиделся за работой. И спать совсем не хотелось. В голове ныли непредпринятые попытки и недовыношенные идеи. Надо было успокоиться, отключить деморежимные мысли, настроиться на гармоническую волну.

Виктор ввёл пароль отключения монитора, натянул ветровку и вышел из подвала голубого корпуса Асседии, где в свежеотштукатуренных стенах, не ведающих солнечного света, разместился его кабинет.

Была половина десятого. Виктор мог позволить себе небольшую прогулку, и, обогнув старый спальный корпус, зашагал в сторону Южной башни, чтобы на месте определиться: спуститься ли ненадолго в тоннель, где, он предчувствовал, ему удалось бы скорее расслабиться, или всё же заставить себя улечься спать.

Он шёл по дальним, ещё нетронутым модернизацией и лишь кое-где освещённым тропам санатория. От этих заброшенных мест веяло дикостью прошлого, когда жизнь всякого существа от самого рождения проходила под гнётом неизбежности смерти. Виктор с содроганием воображал, каково было бы ему родиться в те мрачные времена, когда даже кроткой надежде на бессмертие не суждено было утешить человеческое сердце. Как эти сотни миллиардов рождённых, чтобы умереть, умудрялись любить и стремиться к чему-то? Ради чего они трудились и воевали? Откуда брали силы вставать с кровати каждый день, наполненный ожиданием конца? В чём и перед кем они провинились? За что им судилось жить под бременем обречённости? И что такое в их сознании, вопреки этой обречённости, тянуло их по жизни? Ответы были ему необходимы. Без них он – пусть бы даже изобрёл способ не умирать – не чувствовал бы себя победителем.

И разве могло быть случайностью, что он, Виктор Тоньё, родился в триумфальный век интеллекта, когда знание вот-вот восторжествует над невежеством, когда жизнь вот-вот победит смерть? И разве могла Мира, это невероятное существо, родится когда-либо ещё, кроме как теперь, и оказаться где-либо ещё, кроме как рядом с ним, служа ему живым подтверждением верности его устремлений? Разве могла в мире людей, подавленных страхом смерти, вспыхнуть любовь, подобная этой? Нет, только теперь, на пороге эры

бессмертия, могла зародиться новая форма чувств – любовь неугасаемая, но разливающаяся в бесконечность. И плоды этой любви – их с Мирой будущие дети – станут антиподами Адама и Евы, – первыми представителями поколения свободных людей.

Когда воодушевлённый такими мыслями Виктор приблизился к Южной башне, от неё отделилась тень. У Виктора перехватило дыхание от неожиданности. Тень задвигалась в сумраке, пока не врезалась в свет одинокого фонаря, и превратилась в офицера государственной безопасности Романа Геннадио.

– Вечер добрый, – сказал Роман, приподнимая фетровую шляпу.

Виктор вздрогнул.

– Зачем вы это сделали?

– Простите?

– Зачем вы сняли шляпу?

– Да так… – следователь недоумённо нахмурился. – Дань старине…

Виктор заморгал, стараясь преодолеть безотчётную неприязнь к этому человеку. Роман Геннадио официально прокашлялся и предъявил удостоверение.

– Вы выслеживали меня здесь? – опешил Тоньё.

– Нет, что вы. Я шёл к вам в офис по обочине, чтобы не попадаться никому на глаза, и по чистому везению наткнулся на вас. Господин Тоньё, у меня щепетильный разговор, но я обязан его провести.

– Говорите.

– Прямо здесь? – Роман огляделся. – Хотя, так даже удобнее. Без лишних глаз и ушей. Разговор пойдёт о Мире Манн, – следователь сделал многозначительную паузу. – Точнее, о женщине, которая называет себя этим именем. Потому что Мира Манн существует только с шестнадцатого июня прошлого года и только в паспортном департаменте муниципалитета. До указанного момента особа по имени Мира Манн не значилась ни в одной базе мира.

– И что?

– Да то, что на госпожу Манн нет никакого досье. Мы запросили информацию у Интерпола, дали её подробное описание и фотографии. Результат нулевой. Она как будто прилетела из космоса, – Роман Геннадио иронично прищурился.

– Любой человек имеет право на приватность, – без улыбки ответил Тоньё.

– Может, и так! Но не любому она легко даётся.

– Если вы намекаете, что это я потрудился, чтобы вы ничего не смогли о ней узнать, то напрасно. Я не при чём, – оборвал его Виктор.

– Вот как! – вызывающе повысил голос следователь. – И к её делам и связям с семейством Леонарда Плеро́ва, бывшего управляющего этого санатория, и, в частности, с его дочерью Илайей, вы тоже не имеете отношения?

– Впервые об этом слышу, – Виктор казался искренним, но допущению о его искренности противоречило впечатление, что Виктор не проявил особого интереса к этим сведениям, которые, по мнению следователя, непременно заинтриговали бы его, если бы он о них не знал.

– И с разработками по управлению ветром вы тоже не связаны? Довольно успешными разработками. Просто таки феноменальными.

Виктор рассеянно покачал головой.

– Ну, тогда это натурально попахивает мистикой, – деланно развёл руками Роман Геннадио.

– Если в Мире и есть что-то мистическое, то это уровень её интеллекта.

– Виктор, мне всё известно! – с раздражением заявил следователь. – И про управляемые воздушные потоки, и про экспериментальные ураганы. И про то, что Мира Манн и Илайя Плерóва, веротяно, завербованы вами для этих исследований. Я не вполне пока понимаю технологию, но уверен, что после консультаций со специалистами и она перестанет быть тайной. Понимая важность и секретность собранных сведений и доказательств, – Роман подчеркнул это слово. – Я решил, прежде чем сдавать официальный отчёт в управление, поговорить с вами. Предупредить, что ваши действия в ближайшее время станут достоянием службы безопасности.

– Забавно, – отозвался Тоньё. – Вам известно обо мне гораздо больше, чем мне самому. И ваша уверенность, судя по всему, не прогнётся ни под какими возражениями, поэтому я воздержусь от них.

– Но если вы ничего об этом не знаете, выходит, что Мира Манн занимается этим у вас за спиной.

– Я очень в этом сомневаюсь.

– Но это можно узнать наверняка.

– Всё, что мне нужно знать о Мире, я о ней знаю.

– Выслушайте мою идею. Ваш предшественник – господин Пандробан – успел изрядно утомить Миру Манн грубыми посягательствами на её личные тайны, и я сильно подозреваю, что она не будет в восторге от аналогичного отношения с вашей стороны. Я намерен вызвать Миру на допрос. Она, очевидно, будет рассчитывать на вашу поддержку. А вы, безусловно, окажете ей поддержку. Адвокат, вежливое обращение, любые ваши инструкции – я гарантирую вам, а вы гарантируете ей полный комфорт этого мероприятия. Если всё будет сделано правильно, все окажутся в выгодном положении. Я узнаю то, что нужно мне. Вы – с моей помощью – узнаете о Мире. Вы должны уяснить, что нас волнует Илайя Плерóва. Мира Манн интересует нас лишь как единственный источник достоверных знаний о первой. Я предлагаю вам помощь государственной следственной машины, чтобы узнать о вашей возлюбленной куда больше, чем вы знаете сейчас. В обмен на ваше содействие. Подумайте, вашему предшественнику такой шанс и не снился.

– Всё, что мне нужно знать о Мире, я о ней знаю, – напряжённо повторил Тоньё.

Роман Геннадио недоверчиво мигнул.

– Я, кажется, понял… – буркнул он после паузы. – Вы нервничаете в преддверии дебатов и не вполне отдаёте себе отчёт… И если я не ошибся, то готов вернуться к этому разговору послезавтра.

Но взгляд Виктора Тоньё и его следующие слова разубедили следователя в этом выводе.

– Вы сослались на официальный отчёт следствия. Но из ваших слов я вижу, что это, скорее, ваши личные выводы. В любом случае, у меня к вам скромная просьба – не беспокоить Миру допросами. Уверен, можно обойтись и без этого.

Не будь таким ущербным здешнее освещение, Виктор заметил бы, как побагровел Роман Геннадио. Он не мог понять, то ли Тоньё замешан в деле, но настолько убеждён в своём всевластии, что не берёт в расчёт возможности службы безопасности, то ли действительно не в курсе и просто не принимает его всерьёз. И то, и другое было оскорбительно, тем более что в своих выводах Роман Геннадио не сомневался – он знал наверняка, что Илайя Плерóва владеет техникой управления ветром.

– Наш разговор оказался менее конструктивным, чем я надеялся, – глухо сказал следователь. – Тем не менее, я обязан задать последний вопрос. Ваша скромная просьба касается также и Илайи Плерóвой?

– Ни в коем случае.

Роман Геннадио озадаченно выдохнул.

– Хорошо, – сказал он ровным голосом. – Желаю вам удачи на завтрашних дебатах.

Виктор кивнул. Роман Геннадио в знак прощания снова приподнял свою шляпу.

Глава 14. История будущего. Искусство свободоломки

– Добрый вечер, друзья! Добрый долгожданный вечер! В эфире ток-шоу «Место встречи – Агульяш» и с вами ваш бессменный лоцман Марти Гукасян! Сегодня в нашей студии схлестнутся два океана, чтобы предопределить вектор развития общества. И, возможно, изменить судьбу каждого из вас, – выхолощенный ведущий прищурился в камеру крупного плана. – Сегодня у нас особенные гости и особенная тема! А ещё сегодня никакой политики! – после этих слов запустили заставочный ролик, и ведущий сделал глоток воды. – Я готов представить наших гостей, но вот загвоздка: с кого начать, чтобы не обидеть другого? – обратился он с мнимым вопросом к студийной аудитории, сделал вид, что выслушал несколько реплик, и продолжил. – Брось монету, подсказывают мне! А знаете что – меня и самого осенила эта идея! Но я задался следующим вопросом: кого из героев связать с орлом, а кого – с решкой. И чтобы устранить дилемму, я изобрёл особую монету! На одной её стороне выгравирован профиль одного из гостей, на другой – соответственно – другого! Итак! – ведущий подбросил монету и с торжественной улыбкой объявил. – В последние месяцы общество разделилось на два лагеря: тех, кто верит в интеллектуальный выбор и стремится к осознанным действиям; и тех, кто признаёт господство над человеком более развитой воли и ищет связь с нею. Представители обоих лагерей критикуют друг друга, подчас, довольно жёстко. Неправильно доверять всё машинам, говорят боговеры. Ваша вера слепа, отвечают другие. Оплотом первых служит Антимара – беспрецедентная программа, которая на основе многоракурсного исследования личности и сочетания интересов индивида с интересами других людей обещает научить человека моделировать и воплощать собственную судьбу. Звучит просто фантастически! И, тем не менее, есть те, кто убеждённо называют Антимару антиценностью, упрекая в том, что она ведёт людей к одиночеству. Я говорю о приверженцах Церкви Христовой Любви – философо-религиозной общины, которая исповедует христианство нового времени. Космохристовцы отстаивают христианские традиции на основе переосмысленных писаний, признают природность человеческих страстей и желаний, призывают к большей свободе и большей ответственности личности. И хотя под луной ничто не ново, согласитесь, что каждая из озвученных идей способна изменить мир! Сегодня я представляю вам сподвижника Антимары Виктора Тоньё, а также основателя и пастора Церкви Христовой Любви Ледро Лубски.

Под аплодисменты студийных зрителей Виктор и Ледро поочерёдно поднялись. Виктор был одет в строгий костюм поверх белой рубашки без галстука, верхнюю пуговицу он расстегнул по настоянию стилистов передачи. На Ледро была серо-зелёная клетчатая рубашка, заправленная в джинсы. Виктор сдержанно кивнул студийным зрителям. Ледро, прижав руку к груди, поклонился в подплывшую к нему камеру. Затем оба вернулись на стулья.

– Следуя жребию, я передаю слово Виктору Тоньё! Ваше право первой реплики!

– Добрый вечер, – по виду Виктора могло показаться, что он робеет, но голос его звучал твёрдо и увлечённо. – Продолжая представление Антимары, я хочу опровергнуть распространённое заблуждение, будто алгоритм фокусируется на личных интересах. Многосложная формула сопоставляет желания и возможности людей, включённых в ситуацию, и выдает все варианты её развития, после чего подбирает тот, который максимально учитывает интересы всех участников. Человек может вмешаться в работу алгоритма на любом этапе и рассмотреть другие варианты. Но результаты экспериментов, в которых участники состязались с программой, показывают, что в ста случаях из ста выбор Антимары признан оптимальным. При этом участники исследования подчеркнули, что до эксперимента даже не осознавали глобальные несоответствия между реальными потребностями современности и проблемами, на решение которых направлены усилия международного сообщества. Антимара – это не просто нянька для взрослого человека,

как её саркастически обзывают критики. Это компас на пути к себе. А в глобальном масштабе это инструмент решения проблемы ресурсов путём корректировки нужд, желаний и ценностей человека как индивида и члена общества, а также путём более эффективного разделения труда.

– Всё это звучит радужно и безобидно, – вступил Ледро. – Но я правильно понял: ваша программа собирается перепрограммировать нужды, желания и ценности?

– Нет, не перепрограммировать. Я сказал о корректировке, – возразил Виктор. – Мягкой и плавной, приветливо встречаемой сознанием. Разве христианство занимается не тем же самым, только в гораздо более грубой форме?

– Задача христианства – воспитать волю и дать человеку уверенность, что он устоит перед губительными соблазнами благодаря волевому усилию, а также благодаря поддержке общины – это то, что я называю братством.

– Каждый человек индивидуален. Опросы показывают, что социум навязывает человеку чуждые ему стереотипы и стандарты поведения, которые мешают ему познать и проявить себя…

– Да как же вы не понимаете, что нет никакого «себя»? – Лубски сделал вид, что разгорячился. – Я приведу пример: есть такое занятное устройство – доска Гальтона. В неё в вертикальном положении засыпаются зёрна. Они бегут по доске и хаотично преодолевают равномерно распределённые препятствия. В нижней части доски находится ряд ячеек, в которые зёрна в конечном итоге угождают. Доска Гальтона демонстрирует законы вероятности. Так вот, сколько бы раз ни проводили опыт, максимальное количество зёрен всегда скапливается в центральной ячейке. А в других ячейках оказывается тем меньше зёрен, чем дальше они от центральной. Вы не можете предсказать, в какую ячейку угодит конкретное зерно, но можете быть уверены, что масса зёрен сложится в горку. Никакие формулы не помогут вам добиться порядка, если вы работаете с одним зерном, потому что одного зерна, даже самого талантливого и осознанного, мало, чтобы преодолеть движущий им хаос. Только вместе с другими зёрнами оно имеет шанс стать частью порядка.

– Я отвечу вам, продолжая пример: если я научу каждое зерно осознанно двигаться в ту ячейку, которая ему больше подходит, как это навредит общему порядку? Если каждое зерно в этой горке станет немного счастливее, пострадает ли от этого горка?

– Если все зёрна, движимые, по вашему наущению, индивидуальными интересами, захотят в крайние ячейки, и лишь несколько предпочтут среднюю – то, конечно же, пострадает. Вы хотите научить людей управлять собой по вами придуманным алгоритмам. Допустим, вы дадите человеку возможность контролировать свою жизнь, но вы не научите его любить, прощать, быть милосердным. Без этих вещей – о каком счастье мы говорим? Антимара не сможет заменить человеку Бога.

– А что есть Бог, если не синтез массового благого, – оживился Виктор. – Как дьявол – синтез массового злого. Каковы мы – таков Бог. Каковы мы – таков и дьявол. Всё отвратительное и великолепное – часть нашей природы. Самые ужасные зверства, когда-либо совершённые людьми, принадлежат каждому из нас. Воплощение благого или злого действительно лишь для конкретного момента и конкретного участника, а Бог и дьявол – динамические образы, которые каждый из нас сочетает в себе. Это, к слову, наглядно изобразил венгерский художник Тивадар Костка Чонтвари в картине «Старый рыбак». Что есть молитва, если не активация благого в нас? Она призвана активировать и развивать то, что вы сказали, – любовь, прощение, милосердие, потому что активированное благое гармонизирует и проясняет сознание, а именно гармонизированное сознание – ключ к соответствию между человеческими стремлениями и результатами. Именно гармонизировать сознание старается помочь и Антимара – только более рациональным способом, чем молитва.

– Э, как лихо выкрутили! – хохотнул Ледро. – Так вы себя ещё и рукой Бога считаете?

– Ваши слова проистекают не из сказанного мною, – поморщился Виктор. – А из ревности к той роли, на которую сами покусились. Но я никогда не утверждал, что Антимара способна прояснить устройство вещей или обнаружить смысл бытия. Она – лишь средство к более счастливому существованию. И признание ценности этой программы не отменяет стремления к истине. Но и религия не имеет ничего общего с истиной. Она загораживает людям Бога. Ведь одним пакетом с жемчужинами, которых не лишена, навязывает мусор. Указывать Бога как источник религии – вот истинное богохульство. История человечества показывает нам, как, замешиваясь на любви, религия порождает ненависть. И стирает с лица земли всё, что может ассоциироваться со спасением, не оставляя людям ничего, кроме Бога. Вот и вы не смогли придумать ничего убедительнее. И хотя утверждаете, что пересмотрели христианскую концепцию и даже разрешили согрешить ради того, чтобы потом легче удерживаться от греха, скажите, какую принципиально новую задачу решает ваша концепция? Какому результату она служит? В общечеловеческом масштабе – в чём её смысл?

Ледро сомкнул веки, закусил губу и многозначительно покачал головой.

– Вот это и есть главное. Наша концепция не служит никакому результату. Она лишь отражает устройство вещей. Мы не думаем над тем, почему всё так устроено. Мы просто чувствуем и верим, что всё так. В этом и заключается наше отличие от вас! Мы переосмысливаем вековые устои, не задевая фундамент. А вы пытаетесь, простите мне эту метафору, вмешиваться в ядерные уровни сознания и проводить там изменения, и считаете, что я действую грубо, а вы – тонко, что я – варвар, а вы – искусник. Только весь мир уже в курсе, катастрофами какого масштаба чревато внедрение в ядерные уровни материи. А вы хотите залезть нам в души и что-то там переклеить. Думаете, человек, в котором осталось какое-то живое чувство, кроме стремления к комфорту, позволит вам это?

В этот момент ведущий взмахнул руками и свёл ладони у груди.

– Я проглотил язык, пока слушал вас, но бездушные вепри из отдела маркетинга вернули меня к реальности, – возвещал он в камеру крупного плана. – Я вынужден прерваться на рекламный блок. Не переключайтесь, чтобы не пропустить самое интересное!

Виктор и Ледро, растравленно переглянувшись, встали со стульев и приготовились разойтись по гостевым комнатам.

– Не теряйтесь, пожалуйста! – предупредил их ведущий. – Ровно через восемь минут возобновится эфир. За минуту все должны быть на местах. Та же просьба к зрителям.

– Я тогда не буду уходить, – передумал Ледро и пошёл бродить по съёмочному павильону.

Виктор вышел в коридор, толкнул ближайшую дверь и оказался в гостевой комнатке, где у экрана, на котором транслировалась передача, стояла Мира Манн.

– Ты здесь, – радостно изумился Виктор. – Ты слушала?

Мира взяла его ладони и стала их поглаживать.

– Неужели они так мыслят? Неужели не понимают, что любая религия – суть программа настройки сознания на решение насущных задач? Просто устаревшая, как алгол. Неужели людям нравится блуждать этими угловатыми дебрями? Неужели он сам верит тому, что говорит?

– Он просто обхитрил тебя, – сказала Мира. – Ты говоришь от сердца и выглядишь неуверенным. Он знает, что лжёт, и оттого более правдоподобен. Заставь его выйти из себя. Спровоцируй. Скажи, что испытал его при помощи Антимары на основе научных работ и интервью студентов. Спроси, догадывается ли он, какой результат выдала программа. Он занервничает, начнёт путаться, – это сразу поубавит его престиж.

– Нет, Мира, – упрямо сказал Виктор. – Я не буду уподобляться ему. Антимара – это путь к свободе. Она не может использовать ложь и провокации, даже как смазочный материал. Исключено.

Столик у дивана был завален упаковками чипсов и сушёной рыбы. Когда началась реклама, Юлий отключил звук и залпом допил пиво.

– Будешь чай? – предложила Илайя, высвобождаясь из его объятий.

– Нет, спасибо. Лучше ещё пива. В хлебнице должен быть шоколад. К чаю тебе.

– Не хочу. Лучше доем мороженое.

Она включила чайник и вернулась на диван. Он поцеловал её в висок.

– Что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Ничего хорошего, – скучно сказал Юлий. – Оба врут. Тот врёт самому себе, а этот – только нам.

– Виктор кажется деликатным человеком.

– Он классический спасатель. Вестник светлых перемен. В отличие от миллионов суперменов-мечтателей у него есть реальные возможности, чтобы воплотить свои инициативы. Я не спорю, что личность он занятная, и Антимара у него любопытная, но что-то в этом меня смущает. Сам пока не понимаю, что.

– Не будем досматривать?

– Нет уж, давай досмотрим. Надо же понимать, что нас ждёт.

Илайя вздохнула. Она вдруг остро пожалела об Анне, сообразив, что та могла обрести призвание в проектах Виктора Тоньё. Затем пообещала себе выяснить, что за картина – «Старый рыбак». Потом украдкой залюбовалась Юлием, пока он думал о чём-то своём. Он почувствовал, что она смотрит, скосил на неё задорные глаза.

– Давай я сделаю тебе чай.

– Я сама, – Илайя вскочила с дивана, чтобы он не опередил её, и закричала из кухни. – Кстати, здесь пачка фисташек. Ты забыл? В тему тебе будет?

– О, хвала моему расточительству! Тащи!

– И снова студия «Место встречи – Агульяш»! – объявил ведущий. – Прежде чем вернуться к нашим героям, я напомню о социальных опросах. Итак, первый вопрос звучит так: «Если придётся выбирать одного из наших гостей провожатым в будущее, кого вы выберете?». Второй вопрос: «Если вы выбрали Ледро или Виктора и ваш выбор оправдался, – в тот день, когда второй признает свою ошибку, подскажете ли вы ему правильный путь или оставите там, куда он забрёл?». И третий вопрос: «Если вы выбрали Ледро или Виктора, а он ошибся, принесёте ли вы его в жертву ради того, чтобы обрести правильный путь?». Телезрители голосуют по этим темам во время эфира, и в конце передачи мы опубликуем результаты. А пока переходим ко второй части дебатов, и я предлагаю провести её в формате ответов на вопросы телезрителей, которых уже поступило немало. Виктор, вопрос, адресованный вам большим количеством телезрителей: верите ли вы всё-таки в Бога?

– Я… – Виктор замялся. – Не верю в супергероя, созданного христианской религией. Но верю в гармонию ума и чувства. Из всего, что воображали другие и что вообразил я, такую гармонию я представляю как проявление Бога.

– Благодарю вас, Виктор. Следующий вопрос адресован вам обоим, но первым я спрошу Ледро: зачем существуют люди? Вопрос риторический, но какова ваша версия?

– Я перефразирую вопрос, чтобы он стал доступнее для ответа: зачем Бог создал людей? Думаю, мотив Создателя сходен с человеческими мотивами, по которым мы заводим детей: нам хочется поделиться тем, что у нас есть. Не из-за недостатка, но в силу избытка. Из желания разделить любовь.

– Исходя из этого, чего Бог хочет для нас или от нас? – заинтересованно уточнил ведущий.

– Того же, чего хотим мы для и от своих детей. Счастья. Отношения людей с Богом действительно сходны с отношениями родителей и детей. Представьте, как новорожденный воспринимает мать: он не видит и не понимает её, не знает, кто она и как ответить ей; он ощущает её, но неосознанно и беспамятно. И степень божественных проявлений столь же различна, сколь по-разному люди ведут себя с детьми. Порою кажется, что Бог потакает нелепым капризам, сносит нахальство и даже жестокость, а иногда бесится от малейшей попытки ослушаться. Порою кажется, что Бог потворствует грехам, в особенности, неприглядным, которые часто оказываются самыми вопиющими. Но знаете – я понял Бога, когда однажды обнаружил в кармане кучу фантиков из-под конфет. Я люблю карамельки, знаете ли, – Ледро застенчиво ухмыльнулся. – Я их ел и ел, а фантики – вместо того чтобы кинуть в мусор – складывал в кармашек. Иногда руки не доходят избавиться от того, что давно опустело, а потом берёшь и сбрасываешь всё скопом. Кто знает, может, так же и у Бога с людьми – не всегда доходят руки до каждого в отдельности.

– А потом массовые катастрофы? Вы к этому ведёте? – вздёрнул брови Виктор.

– Я не доставлю вам удовольствие, сказав, что оправдываю массовую гибель людей божественным замыслом. В конце концов, не стоит забывать о дьяволе.

– Да, дьявол очень удобное объяснение, когда божественный промысел даёт сбой. Не представляю, как бы религии обошлись без него.

– Коварство дьявола усиливает тот факт, что люди склонны упрекать из-за него Бога. Породить в нас желание упрекнуть Бога или разочароваться в нём, – это и есть излюбленная ловушка дьявола. Надо всегда напоминать себе, что Бог гораздо милосерднее, чем мы о нём думаем. Ведь он прощает нам то, что мы не прощаем другим.

– Виктор, по вашему мнению, зачем существуют люди? – вмешался ведущий.

– Из множества идей на эту тему мне ближе та, что Вселенная множит свои грани и познаёт себя посредством людей. Замените Вселенную Богом, и выйдет то же самое. Потому я и вижу предназначение человека в гармоничном самоуправлении через самопознание. Не Бог говорит нам, что и как делать. Но Бог узнаёт, что и как возможно сделать, когда мы это делаем. Мы традиционно противопоставляем добро и зло, рациональное и иррациональное, чувственное и интеллектуальное, волю и наитие, форму и содержание, Бога и дьявола, наконец, – это и есть главный барьер познания. Антимара позволит человеку опровергнуть мнимые противоречия и выведет его на новый уровень понимания жизни.

– Вот оно! – воскликнул Ледро. – Вот именно такая философия приводит к трагедиям вроде той, что случилась с молодой женщиной Анной Фотониной, вашей бывшей подопытной! Заигравшись в аморальное общество, она была до такой степени дезориентирована, что…

– Слушайте, Анна Фотонина никогда не принимала участия в наших исследованиях – это факт, подтверждённый следствием по уголовному делу, – резко возразил Тоньё. – Не нужно дезинформировать телезрителей! Это против всяких правил!

– А то, что некоторые крупные компании, базируясь на ваших тестах, увольняют людей, которые якобы провалили испытания – это тоже опровергается какими-то доказательствами?

– Послушайте, мне прискорбно узнавать, что наработками моей команды пытаются оправдать дискриминацию. Но давайте признаем, что у животворного источника неизбежно появятся те, кто захотят использовать его с дурной целью. Разве это повод уничтожить источник? Решаясь на созидание, нужно заранее сознавать, что плод его будет существовать ценой окружающих паразитов. Разве притча о добром сеятеле и плевелах не об этом самом? – Виктор посмотрел на Ледро, понял ли тот, что он имеет в виду. – В ней говорится, что человек засеял пшеницу, а ночью недоброжелатель между пшеницей посеял сорняк. Когда взошла зелень, то среди колосьев показались и плевелы. Рабы хотели выдергать сорняки, но хозяин не позволил, сказав, что, борясь с сорняками, они повыдёргивают вместе и пшеницу, и велел ждать до жатвы, чтобы уже после отделить пшеницу от плевел.

– Это прекрасная притча. Только к себе вы её приплели напрасно, ибо сильно заблуждаетесь, если думаете, будто сеете пшеницу.

– Ледро, телезрители просят прокомментировать ваши усилия по получению в своё распоряжение усадьбы Фальц Файна. Многие усматривают в этом корыстный мотив.

– Безусловно, – Ледро развёл руками. – Но я не вижу причин стыдить нас этим. Человеку нужно своё место. Не только в духовном, но и в географическом смысле. Поле засеивается разными культурами, и нельзя в одном месте посеять всё. Например, здесь засеяна клубника. И хотя она плодоносит только месяц, она находится на своём месте всегда. Я не вижу ничего зазорного в том, что наша Церковь добивается своего поля, чтобы плодоносить.

– Благодарю вас, Ледро! – воскликнул ведущий. – Время нашей передачи, к сожалению, ограничено. Но прежде чем перейти к резюме, я предлагаю каждому задать личный вопрос другому. Начнём с вас, Ледро?

– Я готов ответить на любой вопрос Виктора, – выкрутил Ледро, явно желая задать вопрос после Виктора.

Виктор Тоньё кивнул растерявшемуся ведущему.

– Я хочу спросить Ледро, почему он не принимает участия в наших исследованиях? Если он так уверен в несостоятельности Антимары, чего ему бояться? Опровержение собственным примером стало бы убедительнее всего.

– Антимара – это замаскированный дьявол. Даже из имени это следует. Мара – дьявол. А Антимара – это антидьявол. Зеркальный дьявол. Мы не должны подпитывать его своей энергией. Я не стану лезть в печь, чтобы доказать, что она меня сожжёт. Это и без того очевидно. И не стану проходить тесты Антимары ради того, чтобы доказать их порочность, – Ледро пожал плечами, и тут нервная складка на его переносице разгладилась. – Между тем, я должен признать, что Антимара не бессмысленна. И может принести обществу большую пользу, хоть и не ту, о которой вы говорите. Например, она могла бы вычислять потенциальных преступников, предвидеть и своевременно пресекать вредные тенденции. Мне кажется, что, как человек социально ответственный, вы должны были запланировать что-то такое. Это мой встречный вопрос к вам, Виктор.

Виктор потупил взгляд и слегка подался назад.

– Вы заблуждаетесь в своих предположениях, – уязвлённо возразил он. – Первым приоритетом Антимары является приватность. И это никогда не изменится. Скорее, я откажусь от Антимары со всем её потенциалом, чем от конфиденциальности данных.

– И это не может не радовать меня, как активного юзера программы! – хохотнул ведущий. – Мы переходим к резюме нашей встречи. Право первой реплики выпало Виктору. Право последней достанется Ледро. Ваше слово, Виктор.

– Вот что я хочу донести напоследок, – ровным голосом сказал Тоньё. Он казался подавленным и внезапно уставшим. – Я не против религии. Но вещающая о спасении, на

деле религия часто гнобит человека. Истинная религия должна быть утешением души, а не её бичом. Она должна принимать и исцелять его болезни, а не манипулировать ими ради подчинения навязанным догмам. Религия базируется на противопоставлении света и тьмы. Но избыток света ослепляет. Как я уже говорил, задача – найти баланс. Посмотрите на планету – вы увидите её эволюцию на протяжении миллиардов лет: как она привела себя в порядок и стала возможной для жизни. Сначала был хаос – она не могла управиться с миллионами кусков, летающих вокруг. Затем нескончаемые извержения вулканов, ледниковые периоды, и, наконец, жизнь стала возможна. Так же с людьми. Наша история слишком коротка, чтобы заметить изменения, но я убеждён, что человеческая психика эволюционирует. И мотивация, основанная на религиозных догматах, устаревает. Сейчас наша судьба хаотична, но когда мы упорядочим себя, кто знает, какая форма жизни возникнет в атмосфере обновлённого сознания. Я не уговариваю никого разделить мои цели, но буду рад единомышленникам. Спасибо всем за внимание.

– Ледро, я передаю слово вам для финальной реплики.

– Друзья, прежде всего, скажу, что мой оппонент – Виктор Тоньё – заставил меня задуматься о многих вещах. И отнюдь не со всем, во что он верит, я стал бы спорить. Например, я убедился, что мы говорим об одних проблемах, но расходимся в методах их решения. Я признаю, что религии имеют свои недостатки. Бог дал человеку чувства, которые могут превращаться в страсти. Лишь тот, кто предвидел, что страсти разрушат человека, если он не будет вести с ними постоянную борьбу, мог решиться вложить в уста Богу постулат о подавлении страстей. И Виктор несколько раз повторил нам, что фокус в балансе! Не может Бог требовать от человека, чтобы он полностью подавил свои страсти, ибо он сам дал человеку страсти, и они сильны! Но я не верю, что гармонию можно добыть, копаясь в себе, как в шахте. Путь к счастью лежит через сочетание страстей и воли. И пока Антимара будет потакать человеческим слабостям, я буду воспитывать в своих последователях силу. Подумайте, что будет в итоге. Стадо слабых, привыкших, что мир потакает им во всём, – беспомощных перед лицом реальности. И единицы сильных духом людей, преданных Богу и возлюбленных им. Кем станете вы – выбор за вами.

После этих слов запустили заставочный ролик, а затем на экране появились графики с результатами социальных опросов.

– Итак, за наши темы проголосовало более двухсот тысяч телезрителей. Пятьдесят три процента, выбирая провожатого в будущее, предпочли Ледро Лубски. И только двадцать один процент сделали ставку на Виктора Тоньё. Остальные не смогли определиться. Из тех, кто выбрал Ледро, тридцать четыре процента согласились помочь Виктору Тоньё, если он признает заблуждение. Против тридцати пяти, которые отказались признать за Виктором право исправимой ошибки. Семьдесят девять процентов отказались в обмен на место под солнцем Виктора Тоньё предавать Ледро суду Виктора, если бы первый оказался неправ, – поразительная преданность! А из тех, кто доверился Виктору, шестьдесят семь процентов протянули бы Ледро руку помощи, если бы он признал ошибку. При этом подавляющее большинство воздержались от решения судьбы Виктора Тоньё, если бы его затея провалилась. Но одиннадцать процентов соратников Виктора подписали бы его смертный приговор, если бы он завёл их не туда. Ну что же, есть над чём задуматься! На этом я, ваш бессменный лоцман Марти Гукасян, прощаюсь с вами и с сегодняшними океанами! До новых встреч! Следите за анонсами передачи в социальных сетях и на ютубе! Адьё!

На экране появились титры передачи. Ведущий вытер пот со лба, проглотил стакан воды и шагнул к подошедшим Виктору и Ледро.

– Господа, я был счастлив познакомиться с вами обоими. Я под глубоким впечатлением от сегодняшнего вечера. Кстати, с меня сувениры – монеты с вашими лицами, – вспомнил он. – Пара мгновений! Только не расходитесь, – и он юркнул в операторскую, откуда его звали помощники.

– Не расстраивайтесь из-за соцопросов, – кашлянул Ледро. – Их результаты были предсказуемы. Я обещаю людям бессмертие, а вы – сомнительный геймерский рай, – он хотел похлопать Виктора по плечу, но передумал, заметив, что Тоньё стоит на дыбах.

– Бессмертие это следующий шаг, – выпалил Виктор. – Натуральное! А не та мулька, которую вы скармливаете наивным обывателям.

Ледро дёрнул бровями, как бы уточняя, не шутка ли это.

– Люди боятся вашей программы. По разным причинам, но преимущественно – потому что боятся узнать себя. И этого не изменишь, – посерьезнев, сказал он.

– Это лишь вопрос времени.

– Пятьдесят три процента против двадцати одного, – фыркнул Костя, отключая рабочий компьютер. Он следил за дебатами из лаборатории, пренебрегая запретом на нецелевое расходование трафика, ибо считал себя вправе смотреть что угодно и сколько угодно, принимая во внимание заслуги перед университетом. – Уму не постижимо! Этот прохвост уже популярнее президента.

На чёрном мониторе отразился перламутровый солнечный зайчик. Это был срединный цвет видимого спектра – свет такой частоты излучал только один известный Косте предмет – индрион. Он оглянулся. У входа в лабораторию стоял, переминаясь с ноги на ногу и лучезарно улыбаясь, Татхагата.

– Ну, наконец-то! – воскликнул Костя, вскакивая. – Как же я рад, клянусь Хокингом, что ты снизошёл ко мне! Садись! – он откатил к пришельцу своё кресло – самое удобное в лаборатории, а сам впрыгнул на табурет. – Ты в курсе, что у нас творится? Следишь за событиями? – и когда Татхагата мигнул, Костя воодушевлённо продолжил. – Я понял, что она затеяла! Охотница! Мира Манн. Она заготавливает замену. Когда уйдёт свобода воли, останется Антимара. Компенсационный механизм управления сознанием. Выходит, она, в своём роде, добросовестная.

Костя говорил эмоционально, и Татхагата слушал его с большим вниманием.

– Одного не пойму: почему она не избавится от Ледро.

– Разве он ей мешает? – удивился Татхагата.

Костя раскрыл рот.

– Хочешь сказать, что он ей на руку?! Очень разумно. Нужен антагонист. Тоньё синтезирует универсальный источник индивидуальной свободы воли. Ледро навязывает свою волю, классически выдавая её за божественную. Кто не прельстится Антимарой – тем останется Ледро. Логично, – Костя закивал. – Но ты пришёл не за тем, чтобы помочь мне, я прав? Не можешь, не хочешь, права не имеешь – так?

Татхагата развёл руками. Костя вздохнул.

– Я хочу спросить тебя кое о чём. Мой университетский приятель – тот самый, от которого я узнал об Иманон – поделился со мной идеей, которую я не могу выкинуть из головы. Будто бы осознание себя индивидуальностью – это нахождение сознания в определённой точке гипотетической оси наблюдателя. Сознание образует нечто вроде поля, колеблющегося на разных частотах. И как материальное тело находится в определённом месте и может менять своё положение, так сознание «находится» на определённой частоте наблюдателя и тоже может менять «положение». Значение частоты, на которой «находится» сознание, определяет особенности восприятия материальных тел и синхронизированной закономерности их изменений – то есть, времени. И как гравитация, которая заставляет материальные тела притягиваться друг к другу, определяет их местонахождение и законы движения, так человеческий мозг притягивает сознание и формирует метастабильную индивидуальность с чувствами и памятью, на базе которых

возникают и постоянно вибрирую, как молекулы в узлах кристаллической решётки, мысли, желания, цели и мотивы. И как в отсутствие гравитации космические формы испытали бы кардинальные перемены, так «отключение» мозга ведёт к расформированию индивидуальности и «невесомости» сознания, то есть, перетеканию его на другую частоту. Индивидуальность можно заменить восточно-философским термином «самость». То есть, самость – это наблюдатель, существующий в ограниченном диапазоне восприятия и идентифицирующий себя в определённом месте в определённое время. Если же сознание не ограничено самостью, то диапазон его восприятия бесконечен. Геометрическая форма «оси наблюдателя» мне до конца не ясна, но я представляю её как замкнутую бесконечность, крайние точки которой являются соседними. «Ноль» по оси наблюдателя – это доначало предначала, или шуньята – буддистская пустота. Он же космологическая сингулярность – бесконечность, заключённая в нуле. Небытие, заключающее всё потенциальное бытие. Точка Бога. В одном «шаге» от пустоты находится условная точка Начала, которую равноправно можно назвать и точкой Конца. Она есть крайнее, изолированное, состояние самости. В ней сконцентрировано уникальное и обособленное восприятие реальности отдельно взятой личности. Точка абсолютного одиночества в одном «шаге» от Бога. Её можно сравнить с потерянной в космосе звездой, в чьё гравитационное поле не попадает вообще ничего. Ментальная белая дыра, которая содержит зародыш чёрной дыры, и лелеет его, как мать лелеет свой плод. Так же «пустота» оплодотворена бесконечным множеством самостей, – Костя моргнул. Татхагата слушал его, затаив дыхание. – И по аналогии с тем, как при снижении гравитации сохраняются другие силы, действующие на материальные тела во Вселенной, должно быть средство сохранения самости в случае исчерпания жизненной энергии человеческого тела – то есть, в случае смерти. Должен быть способ сохранить индивидуальное сознание в отсутствие «гравитации» мозга. Когда думал об этом, я возвращался мыслями к тебе: каким образом ты перемещаешься в пространстве и времени? Единственной подсказкой была жемчужина, которую ты называешь индрионом. По ассоциации я нашёл нужный образ – сеть жемчужин бога Индры – символическое воплощение дискретного пространственно-временного континуума. Тогда индрион – квант этого пространственно-временного поля. И раз ты имеешь возможность нелинейного перемещения по этому полю, значит, ты должен уметь находиться вне его. И воспринимать трёхмерное пространство, дополненное временем, как крошечный квант пространственно-временного поля. Ты заныриваешь в нашу реальность и обретаешь материальный вид. Но я думаю, что ты находишься на другой частоте восприятия. То есть, пребывая на одном «отрезке» пространства и времени, мы с тобой находимся в разных точках оси наблюдателя. Перемещаясь с помощью сети Индры, ты не путешествуешь во времени в материальном смысле слова. И не *проживаешь* происходящее – как я. Но пребываешь здесь как универсальный наблюдатель, пользуясь особой частотой восприятия. Я допускаю, что ты способен разделять восприятие любой выбранной тобой самости. Например, можешь воспринимать происходящее в точности как я или любой другой человек, но не переживаешь происходящее как его непосредственный участник. Ты как бы стоишь на перекрёстке, откуда расходятся пути к индивидуальным самостям. Ты можешь пойти по любому пути. Не удивлюсь, если можешь пойти и по нескольким, но твоё «положение» – до перекрёстка. Оттого ты и не можешь вмешаться в происходящее и перехватить ветер. Даже если бы хотел. Ты не можешь подтвердить или опровергнуть мои выводы, не можешь дать мне совет или инструкции, не можешь переубедить меня. Ты пребываешь, но не проживаешь. Я вижу тебя, но то, как воспринимаю – это проекция, отражение моей собственной самости, – Костя умолк, подавленный своим умозаключением. – Ты моя галлюцинация. Призрак. Но всё же ты существуешь. Где-то ты существуешь как обычный человек. У тебя есть цели. Я вычислил тебя по ним – благодаря индриону: это были твои личные, не связанные со мной

изыскания. Значит, ты – не просто моя проекция. Ты нечто самостоятельное, отличное от меня. И есть реальность, которую ты переживаешь непосредственно. Так?

– Да.

– Ты отвечаешь так, потому что я верю в то, что говорю. Я могу добиться, чтобы ты говорил со мной, но не могу заставить объяснить то, чего сам не понимаю.

– Верно.

– Но всё же ты отдельная сущность. Жил в прошлом или живёшь сейчас или будешь жить в будущем.

– Пребывая вне собственной человеческой самости, я разделяю восприятие и, в том числе, память бытийствующих самостей. Я не владею знаниями, которыми не владеют бытийствующие самости. События для моей памяти хронологизируются так, как хронологизированы для тебя. Я не могу соотнести время своего существования в качестве человеческой самости с твоим существованием. С точки зрения твоей хронологии я не могу определить, жил ли я в прошлом, живу ли сейчас или буду жить после этого разговора. Если бы я встретил собственную человеческую самость, я не смог бы предсказать будущее даже самому себе, несмотря на то, что, возможно, уже прожил его.

– Что же это за всеведение… – разочарованно протянул Костя.

– Отдаляясь от самости, сознание воспринимает бытие без причинно-следственных связей во времени. Как ты и сказал, мои пребывания правильнее сравнивать не с путешествиями во времени, а с путешествием по восприятиям.

– Значит, есть сила, которая позволила твоему индивидуальному сознанию не раствориться в пустоте, но сохранить возможность воплощения в собственной и любой другой самости. И что это за сила? Уж не та ли самая свобода воли?

– Как я уже говорил, ты умный юноша. И, конечно, догадываешься, что истина слишком тонка, чтобы выдержать давление слова. Прикоснёшься к ней, и она рассыплется. Попытаешься придать ей форму, и она, как искра, вырвавшаяся из пламени, – вспыхнет, но тут же погаснет. Чтобы постичь её, нужно быть ею.

– Это легко говорить человеку, пребывающему повсюду, – с неожиданным наскоком возразил Костя. – Я таким ответом не удовольствуюсь. Скажи мне, что заполняет пустоты между индрионами? Что существует за пределами форм? Это сознание?

– Это нечто, включающее сознание, – с охотой ответил Татхагата.

– Взаимодействуя с материей, сознание воплощается в самости… – Костя продолжал размышлять вслух. – Как субатомные частицы формируют вещество, так сознание при определённых условиях концентрируется в разрозненных, сравнительно устойчивых формах. Важно, какую роль в этом играет свобода воли. Я исхожу из того, что свобода воли – это некий заряд, определяющий некую способность сознания. Но какую способность? – Костя мучительно потёр лоб, уставился на Татхагату и стал раскачивать прежде озвученные выводы. – Ты присутствуешь здесь в состоянии универсального наблюдателя. Ты – часть внутренней энергии этого мгновения, но не можешь совершать в нём работы. Не можешь внушить этому мгновению нового знания или повлиять на ход вещей. Я могу довольствоваться лишь линейным ходом времени, но проживаю это время. А ты можешь оказаться в любом мгновении, но ощутить его лишь как другой проживающий его человек – испытать его чувства, считать окружающее информационное поле, но не ощутить сугубо по-своему, как больше никто другой. Ты пребываешь здесь, но не созидаешь… – Костя постучал пальцем по виску. – Ты не созидаешь. Равно и не разрушаешь. Ты путешествуешь не во времени, но по восприятиям. А уникальное восприятие порождается самостью. Ты можешь лицезреть бесконечные возможности развития событий. Но любой сценарий событий остаётся потенциальным, пока конкретный вариант через проживание самостью не становится состоявшимся.

Становится реальностью. Какой именно вариант – вот в чём вопрос. Тот, на который воздействует созидательный импульс, претворяющий потенциальное в состоявшееся. Этот импульс – свобода воли. Так бытие выделяется из небытия. Так рождается реальность. Я прав?

Татхагата неопределённо покачал головой – было похоже, что он осмысляет услышанное.

– Свобода воли поступает к нам через некий энергетический канал. Возможно, через этот канал она сообщает сознанию человека заряд от источника созидания. Так сознание, наделённое свободой воли в состоянии самости, получает способность созидать уникальное восприятие.

Костя вытянул указательный палец и с минуту напряжённо раздумывал.

– Освобождаясь от умирающего мозга, сознание переключается на другую частоту. Возможно – возможно! – диапазон доступных частот, в том числе, доступность собственной человеческой самости зависит как раз от свободы воли. Причём, от её реализованного значения. Сейчас нам открыт доступ к источнику потенциальной свободы воли. Но когда ветровой канал пройдёт мимо, напор потенциальной свободы воли ослабнет, значит, и возможность реализации станет другой. Мы сохраним эмоции, мышление, память – всё, что присуще самости. Но уровень созидательного заряда резко изменится. Не думаю, что он иссякнет совсем, но рано или поздно разница станет примерно как между напряжением тока в высоковольтных проводах и бытовых сетях.

Татхагата рассмеялся с радостным восхищением.

– Ты не можешь воздействовать на меня, но могу ли я воздействовать на тебя? – спросил Костя.

– Можешь. И в этом прелесть моего положения.

– Хорошо, но Мира Манн! Если она существо той же природы, что и ты, она не могла бы влиять на ход событий! Но она действует своей волей. Значит, она обычный человек!

– Да, Мира человек, – подтвердил Татхагата. – Но ведающий человек. И возможности её восприятия развиты намного сильнее.

– Всё же неверно считать, будто ты не имеешь никакого воздействия на реальность. Ведь сам факт твоего появления – это уже воздействие! Пусть не волевое, но информационное!

Татхагата улыбнулся.

– Ты ведь понял, что ничто не существует в полной изоляции. Доступность того или иного знания, способ его получения – случайны ли они?

Костя недоверчиво усмехнулся и задумался.

– Я должен спросить что-то ещё у тебя, Татхагата. Я видел тебя во сне. И ты сказал, что я должен подумать о Квестленде. Это специализированный парк, принадлежащий организации, якобы занимающейся разработкой глобальных управленческих стратегий в ходе гиперреалистичных ролевых игр. Что могли значить твои слова?

Татхагата двинул бровями с беспечным недоумением и отрицательно покачал головой.

Глава 15. Кому не удружил «Хороший полицейский»

Наталья Красуцкая припарковалась за квартал от фонда, так как улица была занята митингующими. Их было с две сотни человек, преимущественно мужчин. Некоторые были в фиолетово-красной униформе националистического отряда. Они развернули самодельные плакаты и скандировали: «Срамота!». На высоком шесте раскачивалась тряпичная кукла с поролоновыми волосами – уродливая пародия на аватарку Лизы Бронс.

Наталья заметила пару полицейских на проезжей части, следящих, чтобы в зону митинга не заезжали машины, и две телевизионные камеры: одну – в толпе, другую – поодаль на тротуаре. Это была мелкая акция. Судя по фотографиям в новостях, – возле дома Лизы Бронс сейчас проходила куда более крупная.

Наталья посмотрела на себя в зеркало заднего вида – бледное лицо, перепуганные глаза. На телефоне было двадцать три неотвеченных звонка – от девочек, от Жоржа, с неизвестных номеров, но ни одного – от Лизы. Почему-то это особенно встревожило Наталью. Затем она представила себе, что нужно пройти через толпу, и её затрясло от ужаса. В офисе ждали девочки, но им-то ничто не угрожало, а что эти маргиналы могли сделать с ней, – проверять не хотелось.

Хотелось немедленно уехать в безопасное место, оттуда позвонить Жоржу, успокоиться и решить, что делать. Наталья включила зажигание и увидела, что к машине приближаются двое мужчин в националистической униформе. Сердце её бешено заколотилось.

– Наталья! Не уезжайте! – начальственно крикнули ей.

Руки её упали, двигатель заглох. Она откинулась в водительском кресле, дожидаясь своей участи. Тот, что кричал, – крепкий мужчина лет тридцати пяти с густой бородой и морщинистыми глазами, – постучал в окно и сказал:

– Мы проводим вас. Вам же в фонд надо?

Наталья неопределённо мигнула.

– Безопаснее зайти со двора. Идёмте, мы проводим, – и он требовательно поманил её из машины.

Наталья вылезла и на ватных ногах поплелась за незваными провожатыми. Они зашли в переулок. Там им встретилось несколько человек, паре из них крепыш кивнул. Затем свернули в арку и оказались во внутреннем дворе здания фонда.

– Заходите, – крепыш открыл заднюю дверь, пропустил Наталью, а сам остался снаружи.

Наталья подошла к дверям фонда, сунула ключ, но он не провернулся – было не заперто. Наталья вошла. В помещении горела люстра. Окна и фасадную дверь закрывали жалюзи. По прихожей шатался, теребя подбородок, невысокий юркий человек, похожий на посланника из волшебной страны.

– Наташечка, – при виде её он радостно устремился к ней и с жаром пожал ей руку. – Честь имею представиться – Ледро Лубски. Счастлив, наконец, познакомиться.

Наталья заторможенно кивнула и нашла глазами девочек – они скучковались перед включённым монитором.

– Наташечка, садитесь, переведите дух, а то вы очень бледная. Или это свет такой, – Ледро подал ей стул.

– Что вы здесь устроили? – с кроткой яростью спросила Наталья.

– Я? – деланно возмутился Ледро. – Вы хотите меня обидеть. Я озабочен происходящим не меньше, чем вы. И здесь именно в качестве медиатора. Если моё вмешательство вас тяготит, одно ваше слово – и меня след простынет.

Наталья ткнула тупой иглой исподлобного взгляда его ухмыляющуюся физиономию, на которой было написано полное понимание её беспомощности перед ситуацией.

– Что происходит, объясните мне?!

Ледро глубоко и сострадательно вздохнул.

– Люди разочарованы вашим решением.

– Моим решением? – вскричала Наталья с таким же обиженным возмущением, с каким минуту назад это сделал Ледро.

– Они рассчитывали на вашу помощь, – примирительно поднял руку Ледро. – Я говорил им: вам никто ничего не должен. Вы не смеете претендовать на эти деньги – они не ваши. И они бы не претендовали! Но тот факт, что деньги, на которые они пусть и не претендовали, но в глубине души надеялись, пустили насмарку, – их оскорбляет. Ладно бы их отдали на лечение ребёнку, ладно бы на какую-то аппаратуру для больницы, – они бы, прости Господи, матюгнулись и махнули рукой. Но купить дом алкоголику, который чуть не сжёг насмерть свою семью, – эту выходку вашей волонтёрши они восприняли как плевок в лицо.

– Лиза Бронс независимый волонтёр, – резко перебила Наталья. – Она не относится к фонду. Причём здесь мы?

– Это не совсем так, Наташечка, – с любезной настойчивостью возразил Ледро. – Она собирала деньги под эгидой фонда. Все читают прессу. Все просматривают соцсети. Ваш фонд упоминается в каждом втором посте Лизы Бронс. Она неоднократно публично подчёркивала, что собранные ею деньги принадлежат фонду. Вы можете сказать, что это не так?

Наталья отвела взгляд и часто замигала.

– По этой причине, – Ледро наклонился к Наталье и старался говорить как можно мягче. – У людей складывается естественное впечатление, что решение потратить их так, как они были потрачены, принадлежит фонду. А фонд ассоциируется с вами. Вы и я – понимаем, что это не так, поскольку знаем ситуацию глубже. Но они, – Ледро кивнул за окно. – И прочие обыватели стойко ассоциируют Лизу и её транзакцию с фондом и… лично с вами, Наталья. К сожалению.

– Я всё равно не понимаю… – пробормотала Наталья, снова разъряяясь. – Почему я должна терпеть маскарад у себя под окнами? Я что – преступница какая-то? Коррупционерка? Мы помогаем людям, и вот что получаем за это?

– Наташечка, Наташечка, – взмолился Ледро. – Ну, вас же никто не обвиняет! Люди пришли выразить обиду. Но, клянусь вам, никто не имеет ничего лично против вас!

– Тогда зачем они пугают моих девочек? Деморализуют нас! Почему не устраивают акции под горсоветом? Под вашей церковью, в конце концов? Почему не идут добиваться помощи к тем, кто обязан такую помощь оказывать?

Ледро коротко выдохнул и изменил тон на непринуждённый.

– Наташечка, кто истинный виновник, все понимают – вы ведь читаете новости и знаете, что тут звучит лишь эхо возгласа отчаяния, который раздаётся в эти минуты под окнами Лизы. Люди не верят, что Лизой двигал благой душевный порыв. Напротив, они уверены, что она сделала это им в пику. И, если честно, я уверен, что так оно и было. Не мне вам рассказывать, что Лиза – язвительная снобка. Она росла на всём готовом и в жизни горя не хлебала. Она презирает людей – таких, как эти, за вашими окнами. Разве это правильно? Она хоть раз задумалась, что заставило их стать теми, кем они есть? Она же волонтёрствует из чистого снобизма: вот, получите с барского плеча, прославляйте мою щедрость. И так самоутверждается в презрении. Согласитесь, что я прав. А эти люди на своей шкуре перенесли такие тяготы, рядом с которыми её излюбленный нуар – это

хохолок одуванчика. Если бы она сожгла еду на глазах у голодающих – эффект и то не был бы таким оглушительным.

Наталья, поглощённая его словами, сдавленно дышала и нервозно потирала шею и грудь.

– Наташечка, вы же понимаете: она не могла не отдавать себе отчёта, что её решение затронет фонд и подставит вас. Её это не остановило. И вот мой вопрос: вас, как человека, на котором лежит ответственность за ваших помощниц и подопечных и за тысячи доверившихся вам людей, которые отдают свои деньги фонду, остановит ли теперь забота о безнаказанности Лизы?

– К чему вы клоните? – нахмурилась Наталья.

– Вы ничего дурного не совершили, но на дело вашей жизни брошена такая массивная тень, что вы на грани того, чтобы потерять то, что создали. Увы, вас подставили, и теперь вы не можете просто отмолчаться.

– А что тогда? Хотите, чтобы я публично прокомментировала решение Лизы? Осудила его, может быть?

– Мало прокомментировать. И даже осудить мало, – невинно поджимая губы, сказал Ледро. – Вам нужно дать людям чёткий сигнал, что вы возмущены и разгневаны. Вы должны выступить защитницей своего реноме, показать зубы. Дать ответ – да такой, чтобы каждому было ясно: вас нельзя предавать, а тому, кто рискнёт, это с рук не сойдёт.

– Вы имеете в виду, что я должна примкнуть к травле Лизы? – нелепо заморгала Наталья. – Дискредитировать её?

– Если вы видите какой-то другой способ реабилитировать репутацию фонда…

– Нет, это уж пусть они как-нибудь без меня. Сами.

– Наташечка, – с лёгкой досадой проговорил Ледро. – Это простые люди. Вояки. Ну, что они могут – размалевать чучело, покричать под окнами. Нужен креатив. Сделайте мемы, остроумные посты, запустите в тираж по вашим каналам, – они сами такого не сумеют. И вам необязательно подписываться под этим. За авторами – теми, кто скажет от своего имени всё, что нужно, дело не станет. От вас нужна идея и маршруты.

Наталья обескураженно засопела. От жалости к своему положению она готова была расплакаться, но, вспомнив о девочках, которые притихли в сторонке, внимательно слушая разговор, удержалась.

– Не расстраивайтесь, Наташа, – ласково призвал Ледро. – Надо быть сильной. Подумайте о моих словах. Я оставил визитку – наберите меня, если вам понадобится друг.

Стоило Ледро ступить за порог (он вышел также через заднюю дверь), девочки пулей бросились к Наталье и окружили её. Лица их были взволнованы, глаза на мокром месте. Сразу несколько рук обвилось вокруг Натальиной шеи.

– Котики мои, – не сдерживая уже слёз, лепетала Наталья, вяло отвечая на их поцелуи.

Когда страсти, вызванные всеобщим перенапряжением, немного улеглись, началась дискуссия, которая, впрочем, была короткой. Девочки наперебой, не дожидаясь, пока их спросят, загалдели.

– Наташа, он правду сказал…

– Она не имела права этого делать!

– В этом фонде вся моя жизнь. После смерти Никиточки я спаслась только благодаря ему.

– И моя жизнь в этом фонде! Это что значит – весь наш труд, всё, во что мы верим, можно взять и пустить коту под хвост? Я так просто не отпущу! Я буду бороться за нас!

– И я!

– Да все!

– И что, вы готовы ради этого потопить Лизу? – сглотнула Наталья.

– Никто не собирается её топить, – нахмурилась краснощёкая бухгалтер Соня. – Дадим конкретно понять, что она не с нами. Чётко и ясно. И всё. Пусть дальше ведёт свои блоги. Только нас не вмешивает.

– Она выскочка, Наташа, – подхватила кудрявая милашка Алёна – заместительница Натальи. – Всё сделала по-своему, ни о ком не думая.

– Не сомневайся, Наташа, так будет правильно.

– «Хороший полицейский снимает маску» – как вам? – заскобировав воздух пальцами, словно примеряя заголовок к газете, продекламировала Галуша и поправила массивные очки.

– Или так: «Праведны ли грехи «Хорошего полицейского?».

– «Заложники бронсотворительности»!

– Ух, хорошо!

– Близорукой! «Заложники близорукой бронсотворительности». И буквы «ЛИЗ» крупными сделать.

– Не надо! Близорукой бронсотворительности – очень тонко! И выделять не надо – и так всё понятно.

– «Убить, а органы раздать на благотворительность», – входя в раж, вставила милашка Алёна.

– Нет, ну, это полный жестяк… Мне кажется, всё-таки надо выделить «ЛИЗ».

В следующие дни волонтёры превратились из спасателей в хищников, и всю солидарную прыть направили на расправу с Лизой. В СМИ вышло полсотни репортажей, посвящённых ей. Первый десяток постов, запущенный с подачи Натальи, вызвал цепную реакцию. К концу недели только ленивый не высказался на ставшую скандальной тему. Девяносто процентов контента носило негативный характер: от политкорректно-осудительного до разгромно-уничижительного, и лишь в подтекстах пары-другой статей прятался упрёк Наталье Красуцкой, открестившейся от соратницы. К началу второй недели пользователи, вскочившие на гребень антипиар-волны, стали состязаться в остроумии при сочинении заголовков и комментариев: «Этические дыры в бронсосфере»; «Контрольный пресс-пролиз»; «Дать отпор нельзя остаться под Лизой», «Разве так мона, Лиза?». Однако безусловным лидером по популярности стала картинка со спящей под кустом пастушкой с чертами Натальи Красуцкой, над головой которой мужчина в полицейской форме с лицом, напоминающим Лизу Бронс, держал камень, целя в летающих мух. Эта явная аллюзия на медвежью услугу, оказанную Лизой Наталье, даже была заимствована местной кавер-группой для сезонной афиши.

И Лизу, конечно, накрыло взрывной волной. И хотя внимание к её личности зашкалило, рейтинги сиганули вниз так резко, словно всей массой были помножены на 9,8 метров на секунду в квадрате. Журнал «Хороший полицейский» потерял тысячи подписчиков. Лизины приглашения на самые ожидаемые вечеринки сезона были отозваны. Её даже исключили из списка гостей июльского кинофестиваля и, в довершение всего, аннулировали её членство в закрытом клубе, куда мечтали попасть многие представительницы городского бомонда. Каждый день на топовых платформах появлялись посты, расконсервирующие новые подробности из её жизни. Поскольку связь Лизы с Красуцкой уже исчерпала интерес, сочинители добрались до школьных грехов, подростковых глупостей и юношеских оплошностей, и скоро мало кто помнил и хотел вникать, с чего начался сыр-бор и чем виновата злополучная медиа-леди, что её столь бесцеремонно забанили.

Лиза снимала апартаменты в клубном доме в живописной парковой зоне. Благодаря высокому социальному статусу жителей дома митинг националистов, который начался с воплями и руганью прямо во дворе, постепенно трансформировался в тихий кемпинг. Добиться от властей, чтобы митинг совсем разогнали, не удалось, но митингующих оттеснили за пределы клубной территории, и те разбили палатки на парковой лужайке, готовые взбунтоваться, если Лиза надумает выйти. Но Лиза никуда не выходила и даже в окне избегала появляться, что, впрочем, не смущало активистов, – тёплый сезон и уютный район города не располагали к сворачиванию акции. И, таким образом, Лиза фактически оказалась под домашним арестом.

Илайя шла по тропинке от моря, накинув капюшон ветровки и засунув руки в карманы джинсов. На подходе к Лизиному дому она замедлила шаг – ей хотелось рассмотреть лица митингующих. Лица были бдительными, и даже когда они в ленивой беседе посмеивались, – озабоченными и безрадостными. И даже расслабленные солнцем и самогоном, – недоверчивыми, словно в любую секунду ждали нападения. И жадное нетерпение отразить угрозу было их мимическим ритмом, пульсом их крови.

Пока Илайя шла по парку, она не привлекла внимания, но стоило ей ступить во двор Лизиного дома, как её окрикнул дежурный из толпы митингующих, словно при переходе условной границы мира элиты на её простецкий прикид среагировала сигнализация.

– Эй, ты куда?

Илайя проигнорировала оклик и услышала, что человек, который кричал, припустился за ней. Она рванула к раздвижным дверям и быстро вбежала в холл. Ей навстречу выступил консьерж. Он не препятствовал Илайе, но с предупредительным видом направил антенну рации на активиста, и тот, демонстративно харкнув на тротуар, убрался восвояси.

– Мне нужно к Лизе Бронс. Только не говорите им, – Илайя кивнула за спину.

– Одиннадцатый этаж.

Дверь отъехала в сторону, Илайя шагнула в кабину лифта и увидела…

… широкое дикое поле, уже успевшее выгореть под надоедливым солнцем. По небу, налитому голубизной, шли нескончаемые составы облаков, и слишком поспешно, подгоняемые ветром, словно задёрганным диспетчером, проносились мимо. Отовсюду умеренно дуло.

Посреди поля стоял дом. Древний, с залатанной крышей, но ухоженный, жилой. На пригорке перед домом были натянуты на гнутых кольях верёвки для сушки белья. На верёвках смотались от ветра белые простыни.

Из дома вышла молодая женщина с тусклым бескровным лицом. Светло-русые волосы её были стянуты в тугую гульку. В руках у неё было треснутое корыто, а в нём – мокрое бельё. Она глянула на спутанное, ещё не просохшее бельё на верёвках, с досадой уронила корыто на землю и стала распутывать простыни. Но чуть только расправленное, бельё вздёргивало порывом ветра и снова наматывало на верёвку.

Женщина всплеснула руками и вернулась в дом. Из сеней заглянула в горницу. Там в плетёном кресле сидела сухонькая старушка в светлом платье с незабудками и вязанием в руках, – лицом она была похожа на молодую женщину, только глаза у неё были спокойные, а щёки – розовые. Волосы у неё были короткие, белые и курчавые, похожие на овечью шерсть.

– Развесила? – спросила старушка, заслышав шаги.

Голос у неё был по-старушечьи скрипучий, но приятный, звонко-переливающийся, как спицы вращающегося колеса, и слегка жужжащий, точно в горле работал моторчик.

– Ещё то не просохло.

– А ведь я говорила: погоди стирать. А ты торопишься. Будто хочешь раз сделать и забыть. А так не выйдет. Всего не переделаешь, уж как ни спеши.

– Надо его как-то приспособить, чтобы ветром не срывало, – безрадостно сказала молодая женщина. – Прищепить по-другому. Ты не видела прищепки, мама?

– Да вон же они, – кивнула старушка.

Прищепки лежали в шкатулке на подоконнике. Молодая женщина потянулась за ними, и в ту же секунду из-под стола на неё кубарем выкатился ребёнок, выбивая из рук шкатулку. Это была шустрая искромётная девочка годиков трёх, сероглазая, с золотистыми нечесаными кудрями и длинной чёлкой, что лезла в глаза. Она отбежала в сторону и, созерцая содеянное, зажала смеющийся ротик.

– Да прекрати ты! – крикнула молодая женщина, но в голосе её было больше усталости, чем злости. – Наказание, а не ребёнок… Быстро собери! – приказала она, и с этими словами опустилась на колени и собрала всё сама.

– Ты совсем исхудала, – сказала старушка, глядя на проступившие под халатом ребра женщины. – Ты плохо кушаешь.

Ничего не говоря, женщина вышла из дома. Бельё на верёвках висело коконами. Она глянула в брошенное у порога корыто – бельё в нём поблекло и выгорело почти до желтизны, хотя только что было белоснежным. Женщина всхлипнула, бросила прищепки, подхватила корыто и внесла в дом.

– Посмотри, что сделалось, – показала матери.

– А я ведь говорила накрахмалить бельё, – отозвалась старушка. – Уж коли взялась стирать.

Она ловко орудовала пальцами, и вязание её продвигалось быстрыми темпами.

Тут девочка, прошмыгивая мимо, футбольнула корыто, и оно болезненно задребезжало по половицам.

– Прочь отсюда, бесовка! – замахнулась на неё мать, и девочка, насмешливо хихикая, заскакала по комнате.

– Напрасно ты на ребёнке срываешься, – нахмурилась старушка. – Ты постоянно на взводе. Тебе нужно больше отдыхать.

Женщина глянула на дочь пустым, безропотно-отстранённым взглядом, и девочка, спрятавшись за бабушкиной спиной, игриво показала ей язык. Её славное личико, не ведающее ни ненависти, ни сострадания, светилось чистым озорством.

Женщина тихо вздохнула и вышла из дома. Она подобрала с земли шкатулку, собрала прищепки, шагнула к сушилке, стала распутывать простыни и крепить по-новому: не только к своей, но и к соседним верёвкам, чтобы снизить парусность. Увлекшись, она не заметила, что дочь выскочила за ней, подкралась сбоку и, только женщина освободила очередную простыню, девчонка стянула её на землю.

– Да чтоб тебя! – взвизгнула женщина. – Когда же ты перестанешь путаться под ногами! Уйди с глаз!

Но дочь и не подумала послушаться. Она стала бегать между колышками, то и дело норовя сбить мать с ног, а та, подобрав испачканную простынь, вернулась к своему занятию.

Управившись с простынями, она вдруг замерла, глядя в небо. В ту же минуту налетел ветер и безжалостно натянул тщательно скреплённое бельё. Прищепки с треском разлетелись, и простыни снова скрутились вокруг верёвки.

Ветер дул так сильно, что женщина в страхе вбежала в дом.

– Всё бесполезно, – возбуждённо сказала она матери. – Ветер всё спутывает.

Старушка бесстрастно вздохнула и подняла глаза от вязания.

– А дочка с тобой?

Тут только женщина вспомнила про дочку. Выскочила в сени, долго звала её с порога, угрожая наказаниями, обещая угощение, обежала вокруг дома, но дочку не нашла.

– Нету! – она схватилась за сердце.

Старушка отложила вязание и, кряхтя, встала с кресла.

– Куда подевалась моя золотая лялечка? Иди сюда, моя голубушка! – распевала она, неторопливо ходя по дому и заглядывая в каждый угол.

Женщина выбежала в сени и стиснула виски, раздираемая тревогой и жгучей жаждой покаяния, пока не услышала из горницы голос матери.

– Да вот же она! Ну, плутовка! – без строгости воскликнула старушка.

Женщина вбежала в горницу. Её дочь спряталась под столом и шаловливо закусила кулачки. Старушка уселась обратно в кресло и снисходительно погрозила внучке пальцем. Она взяла в руки вязание, хотела вернуться к нему, как вдруг заметила, что клубок размотан, а нитки безнадёжно спутаны. Молодая женщина метнула растравленный взгляд на дочь, которая с любопытством следила за бабушкой. А старушка зевнула и сказала.

– Ох, скорей бы Айса приехала. Ты знаешь бабушку Айсу? Вторую твою бабушку – мою сестру.

Лифт остановился на одиннадцатом этаже. Илайя вышла и оказалась перед дверью Лизы Бронс. Постучала. Лиза открыла и окинула её мрачным взглядом.

– Что ты здесь забыла? – промычала она. – Ну, входи.

Лиза была в кигуруми – вельветовом домашнем комбинезоне с белой грудкой и капюшоном в виде головы пингвина, и носкотапках с белками. Она прошла в вылизанную кухню, завонянную дымом.

– Будешь кофе или чай?

– Я не знала, что тебе принести, – сказала Илайя. – Взяла вот, – она протянула Лизе бумажный пакет со свежей выпечкой.

– Спасибо, – Лиза, не глядя, бросила его в хлебницу.

– Если нужна еда или ещё что-то – я могу принести.

– Нет, спасибо. Всё, что мне нужно, я беру в супермаркете на первом этаже, – Лиза кивнула ей на диван, упёрлась спиной в столешницу, придвинула к себе пепельницу и закурила.

– Как твоё самочувствие?

– Немного странно, – призналась Илайя. – У меня стали случаться выпадения.

– Волосы, что ли? – с брезгливым испугом нахмурилась Лиза.

– Да нет! Я как бы выпадаю в другую реальность. Это похоже на сон, но чересчур реалистичный. В общем, сложно объяснить, – замялась Илайя, видя, что Лиза слушает её без особого интереса.

– Что поделывает Красуцкая? – выдувая дым в потолок, поинтересовалась Лиза.

– Не знаю. Я не виделась с ней с тех пор… И вряд ли увижусь.

Лиза качнула головой и провела языком по зубам.

– Как они могли так поступить? Я всё время думаю и не могу понять, что заставило их решиться на такую подлость.

– Всё объясняется очень просто, если смотреть на людей по-честному, без инфантильных иллюзий, – почти с вызовом сказала Лиза. – Раньше я тоже задавалась вопросом: как подонки не понимают, что они подонки. Неужели настолько ценят подоночные преференции, что готовы терпеть тошноту от самих себя? Но, повзрослев, я присмотрелась к людям, и вопрос отпал. Ты думаешь, многие коррупционеры, лжецы и преступники считают себя плохими людьми? Нет! Они считают, что законы неправильные, что судьба неудачная, что с ними поступили несправедливо. Они считают, что действуют оптимально! И знаешь, в чём прикол, Илайя? Если бы их главный критик оказался на их месте, он вёл бы себя так же. Подавляющее большинство мудаков искренне считают себя нормальными людьми.

Илайя смотрела на неё с сомнением, невольно подначивая Лизу продолжать.

– Знаешь, Илайя… Всё самое страшное, что только можно представить, мы заслуживаем. Каждый из нас. Моральное право возмущаться нам даёт только сравнение себя с соседом. Мы думаем: вот он мудак, ничем не лучше, чем я. И ему хоть бы что. А я должна страдать. Вот что мы не можем принять. Не незаслуженность собственного страдания. А отсутствие заслуженного страдания у соседа.

Илайя со вздохом потупила взгляд.

– Мама передавала тебе привет. Сказала, всё стихнет через неделю-другую. И тогда ты задашь им. Мама сказала, ты очень талантливая.

– А ты, я смотрю, наладила отношения с матерью? – ухмыльнулась Лиза.

– Ну, всё как обычно, – замялась Илайя, не замечая шпильки.

– Не повторяй за ней, – кровожадно сказала Лиза. – Это мерзко, понимаешь?

– Мерзко?

– Когда я слышу от людей, что они легко сравнились бы в достижениях с лидерами Форбса, но предпочли благополучную семью или что-то ещё, я думаю про себя, что у сперматозоидов тоже большой потенциал.

– Я не понимаю тебя…

– Что тут понимать? – спаясничала Лиза. – Ты не представляешь, что твоя мать вкладывает в свои «ободрительные слова». Берёшь и тупо повторяешь. Запомни, Илайя: суть хорошо отстоявшейся цивилизации – лицемерие. Не будь попугаем. Это бесит.

– Лиза, ты в ярости. Но я не обижаюсь. И искренне сочувствую тебе. Я сама проходила через такое – когда кажется, что весь мир предаёт тебя. Но потом ты сможешь использовать это, чтобы начать сначала, и станешь сильнее, чем была.

– Слушай, Илайя, – выпалила Лиза. – Я понимаю, что тебя привело. Ты мучаешься виной и пришла убедиться, что я не собираюсь возлагать на тебя моральную ответственность за случившееся. И хотя с твоей стороны думать, будто я упрекаю тебя хотя бы в мыслях, самонадеянно, я была бы готова простить тебе это и сказать, что ты тревожишься напрасно. Я приняла решение и в ответе за него сама! Как всегда и во всём, что делаю и чего добиваюсь – без стоящих за плечами покровителей, доброжелателей и искренне сочувствующих, – сверкая глазами, произносила Лиза. – Я сказала бы это с ласковой улыбкой, не начни ты убогие попытки меня пожалеть. Кем ты себя возомнила, Илайя? С какой стати решила, что имеешь право сочувствовать мне и сравнивать меня с собой? Что ты знаешь о взлётах и падениях? Кто ты, Илайя? Милая душевнобольная девочка, для которой единственная доступная пристань теперь – это сердоболие? Поглядела бы я на твоё сочувствие, если бы перед тобою лежал весь мир, а потом кто-то попытался выдернуть его у тебя из-под ног, – как бы оно обернуло тебя Титом Андроником,

жаждущим угостить царицу Тамору пирожками с мясом её сыновей. Так что избавь меня от беззубого благородства, – Лиза замолчала. Подобие удовлетворения проступило на её лице. Словно, выговорившись, она успокоилась. И добавила почти миролюбиво. – А то, что твоей вины ни в чём нет, само собой разумеется. Не бери на себя больше, чем сможешь унести. Какие с тебя могут быть взятки? Ступай себе с Богом. Живи себе с миром.

Пока Илайя бежала по лестнице на первый этаж, она до крови исколола ладони зудящими ногтями. И когда выбежала из дома, консьерж вышел следом, чтобы своим присутствием сдержать поджидавших её митингующих. Но в этом не было необходимости. Илайя дохнула им под ноги бешеным ветром, исхлестала вихрями одутловатые щёки, расшвыряла петушиные палатки, пригнула к земле буйно-бездумные головы. Ловите свою угрозу, дождались, мысленно кричала она. И не было в том урагане никакой жалости и никакой осторожности. Только упоительная всесокрушающая ненависть.

Глава 16. Flecha Amarilla

Асседия переменилась. Запестрела новыми ставнями, покрылась причёсанными газонами и уютными альтанками, перепоясалась глянцевыми аллеями, зажурчала фонтанами. Точно Золушка, которой только консулась палочка феи, она казалась растерянной и не понимающей пока, как нести на себе бремя роскоши.

– Ты теперь недотрога, да? – усмехнулась Илайя, стоя перед главным корпусом. – Но я тебя знаю и люблю всё равно.

Было открыто, и Илайя вошла взглянуть, как там внутри переделано.

Переделано было капитально. Вместо просторного фойе, изобилующего мрамором, с массивными люстрами и устаревшими шторами о пышных драпировках, здесь оказалось камерное помещение с парусным сводом. Окна были удалены в глубоких нишах и зашторены. Пол был устлан красным ковром с узорами в виде жёлтых лилий. Похожий узор присутствовал и на кремовых обоях. В центре комнаты под куполом стоял круглый стол. Столещницей ему служила каменная доска около метра в диаметре. Она имела вид змеи, свёрнутой в спираль головой к центру, и была рассечена на множество равных ячеек. В ячейках были вырезаны разные символы, и в некоторых лежали круглые шарики, а кое-где – костяные фигурки львов. За столом в кожаных креслах сидели шестеро мужчин в строгих костюмах. На них были белые маски, скрывающие верхнюю часть лиц, но не мешающие понять, что все шестеро были глубокими стариками.

– Ну, что? Продолжим с того места, где остановились? – спросил один из мужчин, оглядывая других. – Чей ход? Или перейдём к жеребьёвке?

– Оставим жеребьёвку. Сегодня первый мой, – отозвался другой пожилой мужчина. – Но прежде предлагаю снять маски. В них нет надобности, ведь в ближайшее время здесь не будет посторонних.

Присутствующие послушались и сняли маски. Это были действительно старики, и у них были удивительно приятные и одухотворённые лица.

Илайя испугалась, что ненароком вмешалась в таинственное действо и собралась тихонько ретироваться, но председательствующий – беловолосый мужчина с усами и крупной родинкой под глазом – заметил её и приветственно кивнул. Её пригласили на диван сбоку от стола, где она умостилась среди золотистых подушечек. Затем председательствующий взял с тела змеи шарик и передвинул на несколько ячеек.

– Цифровая безработица, – изрёк он, озабоченно глядя на ячейку. – Угроза высвобождения колоссального количества людей вследствие автоматизации производства и бытовых сервисов. Что у вас?

Они друг за другом стали делать ходы по часовой стрелке остальными шариками и докладывать.

– Голод. Рост коэффициента поляризации при распределении продовольственных ресурсов. Восемьсот миллионов триста сорок две тысячи душ, испытывающих систематическую нехватку продуктов питания и воды, против почти двух миллионов, страдающих от переизбытка.

– Критическое состояние запасов невозобновляемых источников энергии. Прогнозируемой срок исчерпания при сохранении существующих темпов добычи и потребления – пятьдесят лет.

– Зашкаливание уровня информационного шума, что ведёт к искажённому представлению положения вещей и глобальному смещению ценностей и приоритетов, и, как следствие, отсутствие ожидаемого эффекта от предпринимаемых усилий.

– Продолжающееся развитие и распространение иммунных патологий, которые вызваны лекарственными препаратами близкодействующей полезности с игнорированием дальнодействующего иммуноподавляющего эффекта, – текущий оратор облизнул губы и виновато посмотрел на заседающих. – А нет никаких конфет? Где-то же были рафаэлки. Так хочется. Простите.

Его сосед вытащил из кармана пиджака жменю вафельных шариков в кокосовой стружке. Как раз хватило на всех.

– Обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов, – хрустя рафаэлкой, доложил симпатичный носатый дедуля с морщинистой переносицей. – Подпитываемое насильственным насаждением идеи равноправия и активным лоббированием утрированной толерантности, прежде всего, в сфере культуры.

Когда все шестеро доложились, слово опять взял председательствующий.

– Переходим к обзору актуализированных решений. На сегодня все осознали несостоятельность испробованных ранее обособленных подходов к озвученным проблемам и необходимость разработки всеохватывающей программы спасения с особым вниманием к психологической и мировоззренческой составляющим. Переосмысленная система образования, базирующаяся на гибкой многоуровневой идеологии, которая включает иерархию универсальных, этнических и личных ценностей – это раз. Второе – лоббирование справедливого распределения в планетарном масштабе финансовых инвестиций в научные изыскания в сфере энергосберегающих и природоохранных технологий. Далее – внедрение механизмов компенсации человеческого вмешательства в биосферу, поощрение социального предпринимательства, привлечение пассионариев в сферу образования и социальных услуг и многое, многое другое. Всё это требуется увязать в спасательный жилет, который станет эталоном для массового производства.

– Да уж сколько раз пытались, – перебил докладчика его сосед слева. – Но клубок всё равно спутывается.

– Сколько ни ходи вокруг да около, всё без толку, – подхватил сосед справа. – Ведь корень проблемы – здесь, – он ткнул пальцем в центр доски, откуда на него взирала ромбовидная голова змея. – До тех пор, пока не возьмёмся за него, всё будет продолжать спутываться, а мы – топтаться на месте.

– Но нам туда хода нет, – констатировал председательствующий.

– Так что же, нет никакой надежды? – забеспокоился любитель рафаэлок.

– Вот она – наша надежда, – возразил председательствующий, оборачиваясь к Илайе. – Иди сюда, дитя.

Илайя подошла. Пока заседающие с любопытством разглядывали её, она с опаской разглядывала змеистую спираль.

– Пока жив этот ребёнок, клубок будет спутываться, – сказал председательствующий. – Единственное решение – забрать его оттуда. И тут только ты можешь помочь.

– Как я могу? – хрипло отозвалась Илайя.

– Послушай, дитя, источник всех проблем – хаос. Хаос. Искуснейший лицедей. Ты видишь ребёнка, но то лишь маскировка. Вглядись в него получше, и ты узнаешь его. Он не из плоти и крови, он – плод твоей фантазии. Как и мы, твои сомнения и самовнушения. Кутаясь в фатин твоих фантазий, хаос принимает самый безобидный и благодушный вид. Что может быть священнее невинного ребёнка? Какая рука посягнёт на него? Хаос знает это и обманывает твоё подсознание, чтобы уберечь себя от твоей воли. И, в конце концов, разрушить тебя, и вместе с тобою весь порядок вещей. Осознай его сущность, и ты легко расправишься с ним.

Илайя напряжённо поёжилась, но председательствующий взял её за руку и привлёк ближе. Рука его была крепкой и тёплой.

– Ты сможешь войти отсюда, – он указал под стол. – С обратной стороны доски есть шлюзы. Я сейчас открою центральный. Ты почувствуешь лёгкое покалывание вот здесь, – он постучал пальцем по лбу. – Это нормально.

Илайя влезла под стол, чтобы укрыться от шести навязчиво-поощрительных взглядов. И тут же с краёв доски опустилась световая штора. Илайя оказалась как бы в камере, замкнутой лучевым водопадом. Камера стала затемняться, а воздух, наполняющий её, загущаться, сверху вниз, и прежде чем Илайя успела понять, что задыхается, она…

… очутилась на крыльце дома перед арочной дверью с грубыми петлями. Не дожидаясь стука, дверь ворчливо грюкнула и распахнулась. На пороге появилась женщина с измученным лицом – она была ещё более юной, чем показалась Илайе в первый раз. Женщина смерила Илайю воинственным взглядом.

– Что ты надумала? Хочешь забрать моего ребёнка?

– Разве он не утомил вас? – удивилась Илайя.

– Утомил, – скорбно признала мать.

– Вы любите его?

– Он моё бремя.

– Разве вы не хотите освободиться?

– Не тронь его! – с угрозой сказала женщина. – Ведь он свобода…

Илайя потрясённо отступила.

– Это Айса приехала? – услышала она старушечий голос из дома.

– Айса не приедет, мама! – грубо отозвалась женщина, и с этими словами затворила дверь.

Когда Илайя опомнилась, она стояла на террасе главного корпуса – в том месте, где когда-то встретила Миру с золотою спиралью в руках. Перебрав варианты действий, Илайя решила ехать к Юлию в университет, в надежде, что он сможет расшифровать только что пережитую ею чертовщину.

Она застала его под конец заседания кафедры. Он беседовал с полной девушкой, у которой было красивое энергичное лицо и роскошные волосы – длинные и по-юношески пушистые. Коллеги, выходившие с кафедры, похлопывали Юлия по плечу. Когда многие вышли, Илайя смогла расслышать разговор.

– Я пробовала играть в Когитатум ещё в школьные годы. Не буду врать, что была очень полезным игроком, но игра меня очень увлекла! Ну, теперь-то я немного поумнела и, думаю, показала бы лучший результат, – тараторила девушка. – Ты можешь собрать команду из своих дипломатов! Или из местных, с кафедры. Почему нет? Я могу помочь собрать крутой состав!

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Юлий. – Но, увы, сейчас никак не найду времени.

– Ой, ладно, говоришь как закоренелый семьянин, – девушка выдохнула со снисходительным разочарованием, но тут же сгладила его очаровательной улыбкой. – Ладно, тот факт, что ты решил предать забвению любимую игру, не отменяет твоих успехов. Я очень за тебя рада.

– Спасибо. Хотя я пока не осознал успеха.

– В смысле?! Станешь штатным экспертом посольства! Будешь ездить с миссиями по всему миру. Это же мега интересно!

– А вот я не уверен, что хотел бы заниматься именно этим.

– В смысле?! А чего бы хотел? Киснуть на кафедре? Превратиться в одного из покрывшихся пылью доцентов?

– Нет, это точно нет, – хохотнул Юлий. – Но я немного жалею, что не стал социологом.

– Почему социология?

– Ну, я стал много думать о глобальных проблемах. Цифровая революция, технологическая сингулярность, когнитивный коллапс и всё такое.

– Вот что тебя волнует! – воскликнула девушка и заправила волосы за ухо. – Но, если на то пошло, грань между историей и социологией толщиной примерно с начинку в печенье – легко можно прокусить.

– Спасибо тебе, – Юлий наклонился и пожал её плечо, а потом вышел с кафедры.

Илайя приветственно подняла руку.

– Ого! – присвистнул он с некоторой тревогой – нет ли дурных причин для такого сюрприза. – Ты в порядке?

– Конечно, нет, – сказала она с насмешливым возмущением. – С чего бы это?

А потом они вернулись в Асседию. Пробрались по склонам к бывшему домику Леонарда – он был теперь пустой. Дом был закрыт, но они забрались на веранду. Юлий уселся на спинку скамейки и, наблюдая за Илайей, которая бороздила пальцами скопившуюся за зиму пыль, задумался о бурлящей университетской жизни, которая здесь, рядом с ней, казалась далёкой и мелкомерной, и о том, как ему совместить всё грядущее так, чтобы это всех устроило. Потом думы его переключились на агента спецслужбы, который днём раньше отыскал его в университете и пристрастно расспрашивал об Илайе. Юлий был поражён глубиной его осведомлённости и естественным принятием вещей, которые даже глубоко осведомлённому человеку показались бы неправдоподобными, если бы он не был подготовлен ко всякому. Следователь явно был человеком вне статистики, а у такого редкого рода людей обычно имеется редкого калибра цель, которая заставляет считаться с нею всех, кто попадает в радиус её действия.

Илайя, поначалу старавшаяся завести необременительную беседу, ближе к вечеру, когда солнце село, совершенно расклеилась.

– Она уничтожает всё, что мне дорого… – жалобно сказала она.

– Ты о Мире?

Илайя покосилась на него с удручённым упрёком.

– Я ненавижу эту силу. С одной стороны, не могу извлечь из неё никакой пользы. С другой стороны, не могу от неё избавиться. Я у неё в плену.

По её лицу как будто катились пространства и на лету разбивались на мелкие брызги, которые тут же сворачивалась в крошечные панцири и дробью били по вискам. Вытерпеть боль, поймать их, собрать под один знаменатель, расколоть панцири, перемножить обратно было недостижимо. Но что-то в этой болезни было мнимым. Что-то хотело казаться страшнее, чем оно есть. Нечто, отвращающее от себя, чтобы сохранить неприступность. И это было вовсе не заплесневелое, выдержанное, заготовленное для особого ценителя страдание – каковое применяется в оправдание слабости, но что-то несоизмеримо более пленительное и обнадёживающее. Нечто настолько правдивое, мощное и бездонное, что обесценивало все прочие интересы и измышления.

– Всё безнадёжно спуталось, – потирая лоб, сказала Илайя. – На меня обрушился вал информации, а мой ум слишком упруг, чтобы впитать и переварить её. Это чужая, не мне предназначенная информация, и она не усваивается. Но навязывает мне выбор. Моё подсознание лицемерит, ведь получение информации – это предпосылка выбора. Я её получила, следовательно – должна перейти к выбору. Но я предчувствую, что любой выбор будет ошибкой. Я не могу оценить варианты. Не могу отличить одно от другого. Не

понимаю, что правда, а что ложь. Это похоже на заговор, за которым стоит кто-то злой, глупый и несведущий, кому не хватает мудрости и милосердия, чтобы распорядиться всем грамотно, но я чувствую себя под контролем этого кого-то. Он как бы проносит меня над обломками судеб и вынуждает собирать из них свою собственную. Он стремится руководить мною, и иногда он очень убедителен, и мне хочется верить ему, но я постоянно чувствую подвох, и, склоняясь к какому-то выбору, останавливаю себя и спрашиваю: кто из нас это выбрал? Кого я слышу сейчас: его или себя? И что бы я ни делала, всё оказывается не то. Не хватает чего-то главного… И оттого всё обречено… Я не знаю, куда мне деться от этого, Юлий.

– Бедная моя девочка, – пробормотал Юлий, стискивая её в объятьях.

Он захотел поймать губами её слабую улыбку, но не успел. Зато поцелуй получился захватывающе страстным.

– Я испорчу тебе жизнь, Юлий. Перед тобой такие перспективы! Почему ты отказался создать команду для Когитатума?

– Мне повезло заиметь в жизни кое-что покруче Когитатума, – поглаживая её шею, ответил Юлий.

Она покачала головой.

– Ты знаешь, что самое ужасное, – по её щекам лились слёзы. – Всё теперь закрыто для меня, – Илайя кивнула на море. – Я прихожу в Асседию каждый день. Гуляю по пляжу. Ищу в себе прежнее чувство всеобъемлющего счастья, но его нет. Ничто не помогает. Даже ты, Юлий.

– Мне достаточно того, что ты помогаешь мне.

– Это самообман. И это больнее всего. Без тебя было бы намного легче покончить со всем. Я не знаю, чего жду и зачем. Я боюсь, что совершаю ошибку. И больше всего боюсь испортить что-то, связанное с тобой.

– Я давно принял решение, что единственное, связанное со мной, – это ты. И, прости мне эту дерзость, тебе не дано это испортить.

Он водил по ней руками, млея по мере того, как через бязь отчаяния процеживалось её возбуждение.

– Мне кажется, меня самой уже нет. Может быть, я угодила в ту душегубку и растворилась в потоке… Как ты можешь любить меня, не зная, кто я?

– Что бы ты ни говорила, ты – моя реальность. А счастье это и есть любовь к реальности.

Они занимались любовью, раздевшись догола и не переставая плакать. Он не понимал как, но ей удалось стать такой, какою он обожал её в минуты близости – всецело поглощённой ощущениями, безусловно доверившейся, самозабвенно отдавшейся вихревому ритму синхрона. А потом Юлий задремал. Илайя оделась, укрыла его курткой и села на склоне, прислушиваясь, как на щеках высыхают слёзы.

Скоро она почувствовала неприятный зуд в ягодицах и решила, что не вытрусила песок из штанов, но оказалось, что это почва на склонах разрыхлилась и просела, а поверхность земли забурлила, как будто-то из-под низа задул ветер. Илайя почувствовала, что «кипение» захватывает всё больший слой почвы, и её затягивает в недра.

Она шлёпнулась на красный ковёр с жёлтыми лилиями и стукнулась плечом о кожаный диван.

– Добро пожаловать в клуб! – с хохотком съязвил кто-то.

Илайя подняла голову. Она находилась в том же помещении, где заседали шестеро старцев. Змеиный стол был отставлен: стулья были задвинуты, светильник над ним

погашен. Старцы разбрелись по комнате, распустили галстуки и вместо игральных шариков у них в руках теперь были бокалы с виски. В клубе находились и другие люди, а помещение укрупнилось: миниатюрная комната, пропорции и интерьер которой не претерпели изменений, с лёгкостью всех вместила и вполне теперь сходила за изысканный гостевой зал. Атмосфера была мягкая: гости общались раскрепощённо, по-свойски, но на пониженном тоне.

После приземления Илайю окружили четверо из шестерых старцев, которые направляли её на задание. Вид у них был строгий, недовольный.

– Как же так? – развёл руками председательствующий. Ростом он был чуть больше полутора метров, и между своими коллегами смотрелся как жёлоб. – Ты всё провалила.

Эти слова сильно уязвили Илайю. Она чувствовала себя так, словно ей не хватило духу признаться в своей провинности школьной учительнице, из-за чего наказали весь класс. Она виновато покачала головой.

– Как я могла его тронуть? Ведь он – свобода.

Её собеседник насмешливо крякнул, ехидно переглянувшись с другими.

– Кто это сказал тебе? Она, что ли? – он кивнул на фигуру, что стояла поодаль.

Илайя узнала молодую женщину из дома у поля, дочь бескручинной старухи, мать беспокойного ребёнка. Она была совсем другой: одета со вкусом, красиво накрашена, волосы коротко пострижены и стильно уложены. Женщина подошла к Илайе и с некоторой неохотой подала ей руку, помогая встать. Илайя обратила внимание, что она обута в странно знакомые леопардовые ботильоны. А в глазах у неё была ирония, как у ведущей программы, которая сообщает герою, что он стал жертвой розыгрыша и его снимали на скрытую камеру.

– Ты упустила свой шанс, – шепнула она Илайе.

– Я не должна была его трогать, – твёрдо возразила Илайя, надеясь в реакции женщины встретить поддержку своим словам, но та лишь закатила глаза. – Кто бы что ни говорил, я должна слушать свой внутренний голос.

– Только если это чистый голос, – пожала плечом мать ребёнка и отвернулась.

Все разговоры стихли, все взгляды сошлись на Илайе, источая угрозу.

– Они очень разозлились, – вторя её ощущениям, сказала женщина. – Сильнее, чем кажется.

– И что они со мной сделают? – с тревогой спросила Илайя.

– Отдадут в откуп. Я так думаю.

– Кому отдадут? – побледнела Илайя. – Тому великанскому монстру, что ли? Который был на пляже?..

Мать ребёнка, брезгливо поморщившись, мотнула головой.

– Не говори со мной об этом. Я даже представлять не хочу эти ужасы, – затем она взяла Илайю под руку и двинулась с нею через зал к боковой дверце. – Слушай: тебя может спасти только Айса. Ты должна встретить её на вокзале и привести – она сама сделает всё, что нужно, – женщина остановилась, пристально посмотрела на Илайю, затем открыла перед ней дверцу и пригласила:

– После тебя.

Илайя шагнула за дверь, обернулась, но позади неё уже не было ни странного клуба, ни её невразумительной собеседницы. Вперёд и назад, сколько можно было видеть, простирался зеркальный коридор. В коридоре было темно и слышался стационарный шум, как будто поблизости был водопад. Потолка не было, но примерно там, где могли быть видны звёзды, угадывалась зернистая шумовая рябь. Эта крошка отражалась в зеркальном полу,

но была глубоко внизу, как далёкая цифровая галактика. Илайе казалось, что она висит посреди космической бездны, и страшно было сделать шаг, и стоять неподвижно тоже было страшно.

Очень скоро Илайя поняла, что страх здесь в основе всего, и он нарастал. Она толком не понимала, чего именно боится, но чувствовала, что с каждой секундой этот безликий и пока безымянный страх всё сильнее захватывает её. Она как будто оказалась внутри конденсатора, который накапливал заряд по крошечной частичке страха, и каждую секунду напряжение внутри неё росло. Оно заставило Илайю бежать на деревенеющих ногах, тыкаться в стены, обнаруживать ответвляющиеся ходы, многочисленные двери, путаться среди них, и, наконец, услышать того, кто охотился на неё.

Шум, что сначала звучал убаюкивающим шелестом, перешёл на раздражающе высокие частоты и превратился в грозное дыхание, которое следовало за ней повсюду. И как бы долго Илайя ни избегала прикасаться к дверям, в конце концов, концентрирующийся, набирающий обороты страх стал нестерпимым, и, добравшись до очередной двери, Илайя толкнула её и выбежала из лабиринта.

Шум сместился на низкие частоты и схлопнулся над ней скрежетом тормозящего состава. Она стояла на железнодорожном перроне у головы только что подошедшего поезда. Он истощённо свистнул и заглох. Ехать дальше было некуда – узкоколейная железная дорогая от станции уходила в дощатые ангары депо. Поезд был невероятно длинный: добрую сотню вагонов можно было насчитать, прежде чем хвост скрывался за холмом, а сколько ещё он продолжался дальше, неизвестно. Локомотив был очень странный: на нём были выскоблены, выгравированы, нарисованы тысячи разных букв, фигур и знаков, но более или менее внятно выделялась одна заводская надпись: «Flecha Amarilla».

Местность вокруг была дикая и живописная: холмистая, с зелёными лугами, а поодаль высились горы с заснеженными верхушками.

Станция представляла собой гармоничный ансамбль деревянных строений с зелёными крышами в виде верхушки пятиконечной звезды. Фасад центрального здания состоял из стеклянной витрины с древесной рамой. Вход на станцию был обсажен зелёными елями, украшен декоративными фонарями и отделён от перрона низкой изгородью. «Fin del mundo» – сообщала табличка под часами. На часах была одна минута одиннадцатого.

Двери вагонов со скрежетом раскрылись, и с поезда стали сходить люди. Оказавшись на перроне, пассажиры первого вагона выстроились рядами и организованно – хотя никакого провожатого с ними не было – двинулись в начало перрона, там перешагнули через рельсы и направились к просторам, которые загораживал стоящий состав. Пассажиры других вагонов, выходя с некоторой задержкой, так же собирались в шеренги и устремлялись туда же.

Илайя поспешила за всеми и оказалась на широкой каменистой поляне, сомкнутой в расхлябанных объятьях холмов. На поляне были расставлены разные приспособления, при виде которых спазм ужаса скрутил внутренности Илайи раньше, чем она догадалась об их назначении.

Ближе всего к ней находился Г-образный столб, с которого свисала верёвка с петлёй, а под нею стоял табурет. Чуть дальше помещалась замкнутая стеклянная колба. Напротив дымилась дровяная пирамидка. Неподалёку от неё высилась похожая на кусок забора металлическая сеть. По центру поляны сверкала косым лезвием миниатюрная гильотина. Что-то ещё было вдали – не разглядеть.

Люди, пришедшие на поляну, сформировали плотную очередь. Несколько человек отделились от неё и разошлись по поляне – каждый к какому-то из приспособлений. Подходя, они приводили их в действие.

Первый пассажир влез на табуретку, сунул голову в петлю, затянул её на шее и, деловито качнувшись, опрокинул табуретку, судорожно задёргался и безжизненно повис. За ним уже стоял следующий. Он влез на табуретку, высвободил труп, аккуратно, но без сантиментов, опустил его на землю и повторил тот же цикл. Пара минут на всё про всё, и его сменил третий, затем четвёртый: все одинаково целенаправленные, пунктуальные, старательные.

В стеклянной колбе было входное отверстие. Оказавшись внутри, человек нажимал кнопку механизма, герметизирующего колбу и высасывающего из неё воздух, в результате чего за пару минут человек задыхался. Следующий открывал колбу прикосновением к наружной кнопке, вытаскивал труп и влезал на его место.

На заготовленных дровах разгорелся костёр. Пассажиры бросались в него и сгорали живьём. Лица их были охвачены мукой, но никто даже не попытался вырваться из пламени.

К металлической сети был подключён ток. Самоубийцы запрыгивали на неё, и их поражало разрядом. В течение минуты с них сыпались искры, а потом подача тока автоматически прекращалась, мышцы в последний раз расслаблялись, и тела отваливались от сетки.

Гильотина приводилась в действие автоматически, как только человек укладывал голову в проём. Они ложились с беспечными лицами, поворачивая голову на левый бок, точно то была не машина смерти, а массажный стол. Вжик – и голова соскакивает на землю, тормозя о камни. Из ушей и глазниц на землю вытекают остатки жизненной энергии. И вот уже – вжик – следующая.

В глубине поляны стояла стойка с раствором и капельницей, и рядом с нею стул. На стул друг за другом садились люди, заводили иголку в вену и пускали жидкость, которая мгновенно, бесповоротно и безболезненно отравляла их кровь.

– Что вы творите? – пробормотала Илайя.

Она стала хватать за руки тех, кто был в начале очереди, пытаясь остановить, удержать их. Но они отталкивали её и следовали своему.

Она выбежала на поляну, в эпицентр чудовищного парада самоказней. В этом месте в землю был вбит столбик с семью указателями.

«Я удовлетворение твоей зависти», прочла Илайя на табличке, указывающей на виселицу.

«Я гарантия твоей безопасности», гласила надпись, ведущая к безвоздушной колбе.

«Я расправа над твоими обидчиками», возвещала указка на электрическую сетку.

«Я торжество твоей ярости», обещал смертоносный костёр.

«Я воплощение твоего всевластия», глаголила гильотина.

«Я спасение от твоего уныния», утверждала ядовитая капельница.

«Мы вознаграждение твоего лицемерия», говорила ещё одна стрелка, направленная к холму, замыкающему поляну. У его подножья кружила стая кондоров – крупных чернотелых хищников с выбеленными перьями на крыльях и уродливыми набалдашниками голов. Они заклёвывали насмерть всякого, кто подступал к холму.

– Стойте, куда вы?! – Илайя попыталась воспрепятствовать нескольким людям, обрёкшим себя стать добычей птиц. Но они даже не оборачивались в её сторону.

Воздух источал зловоние. Тела сыпались на землю как листья, сорванные с ветки ради забавы небесного дитя. Илайя рыдала в голос, сидя на коленях, как вдруг увидела, что с края поляны, граничащего со станцией, продираясь между самоубийцами, к ней поднимается ребёнок.

Подойдя, девочка взяла её за руку. Взгляд у неё был пустой и подавленный, будто безвинно привычный к этим кошмарам. На миг Илайя испытала облегчение, на одну секунду ей стало не так страшно.

– Где мы сейчас? – всхлипнула Илайя.

– На краю света, – сказала девочка.

– Что происходит? Зачем они губят себя?

– Я не знаю, – ответила девочка. – Знаю только, что мы несовместимы. Они перестанут, если меня не станет.

– Ты знаешь, кто ты? – спросила Илайя.

– Я – причина. Если я есть – никого не останется.

Илайя всмотрелась в неё, выискивая в ней намёки на черты её матери или Миры или Анны или Ледро или кого угодно ещё – что позволило бы ей разувериться, разочароваться в словах девочки, догадаться, чьим внушением она является, но девочка была с ног до головы самобытной и прозрачной. Она подступила к Илайе и непредвиденно сильным толчком в грудь сбросила её с края света.

Вырвавшись из своего кошмара, Илайя не сразу поняла, что сильным ветром её снесло обратно в Асседию, стянутую тёплой майской ночью. Потому что оказалась лицом к лицу с Тимуром Семуровым. И с ним был ещё один человек – чуть крупнее него, с более сдержанным, чем у Тимура, изумлением на лице, и старомодными бакенбардами. Это был Роман Геннадио, которого Илайя видела впервые.

– Я не ожидала вас встретить, – сказала она, и только теперь заметила, что они стоят во дворе бывшего клубного корпуса, от которого остались одни руины. Сам двор давно превратился в свалку: он был удобно для этих целей огорожен стеной, и много лет сюда сносили обломки деревьев и невывезенный мусор. Судя по всему, руки нового хозяина сюда ещё не добрались.

– Неужели это действительно делаешь ты? – с алчным трепетом покачал головой Тимур.

Илайя настороженно покосилась на следователя – её смутила болезненная решимость на его лице. Она сделала два шага вглубь двора, но оба – Тимур и его спутник – тут же настигли её, хотя это было напрасно – отступать ей всё равно было некуда.

– Это поразительно, – очарованно бормотал Тимур. – Ты была как под гипнозом. Бродила и что-то лепетала. Я видел своими глазами, как ветер реагирует на твои телодвижения. Иначе как вообще можно в такое поверить?

– Тимур, уходите теперь, – негромко, но резко перебил его Роман Геннадио.

– В смысле?

– Уходите, Тимур. Это в ваших интересах. Не заставляйте долго уговаривать.

– Но вы просили помочь вам найти её…

– Да, и мы её нашли. И теперь уходите.

Тимур уязвлённо потупился.

– Но с вашей стороны нечестно присваивать заслугу! Я признаю, что принимал не вполне серьёзно ваши гипотезы насчёт этого потрясающего феномена, но без меня вы бы так скоро не приблизились к цели. Я не готов пренебречь своими прерогативам. Я не уйду, Роман. Вы бы ушли на моём месте?

– Какие прерогативы! – на секунду вышел из себя следователь. – На вашем месте я немедленно исчез бы отсюда и заставил бы себя забыть обо всех обстоятельствах сегодняшнего вечера. И под угрозой смерти не признался бы, что был здесь сегодня. Это

единственное, что вы можете сделать, если не хотите поставить крест на своей карьере. Быстрее, Тимур!

Тимур хотел ещё возражать, но фигура Романа Геннадио, которого он в душе считал лабухом, в эту секунду и вправду казалась необычайно внушительной, и Тимура одолела тревога, подсказавшая, что правильнее повиноваться. Недовольно потоптавшись, он всё-таки ушёл. А Роман Геннадио развернулся к Илайе и стал в оборонительную позу, будто готовился к рукопашной.

– Илайя Плерóва, пойдёмте со мной, – он протянул к ней руку и хотел взять за плечо, но Илайя увернулась. – Пойдёмте, Илайя, у ворот ждёт машина. Не вынуждайте меня применять силу.

– В каком смысле? Вы меня арестовываете?

– Да, я вас арестовываю! Идёмте! Прошу, Илайя, – он повторно протянул к ней руку, и она повторно увернулась.

– Чёрта с два! – Илайя сгруппировалась. – Теперь я вам говорю: уходите отсюда и забудьте, что были здесь этим вечером.

С этими словами она вытянула руку и легонько дунула ему в лицо ветром. Она хотела отпугнуть его, сместить с прохода и сбежать, но деятельный страх внутри него был сильнее самоконтроля. И в следующую секунду в голову Илайи нацелилось дуло пистолета. Она не успела испугаться, как прозвучал выстрел. Глухой сдавленный звук, похожий на кашель при бронхите.

Лицо следователя государственной службы безопасности, старшего лейтенанта Романа Геннадио, на миг вспыхнувшее недоумением, преломилось затяжным мучительным вопросом, и тело его, точно маятник, ровно по струнке повалилось на бок и рухнуло на землю простреленным виском кверху.

На руинах клубного корпуса возвышалась фигура убийцы.

– Мира! – крикнула Илайя, узнав её.

Но фигура подалась в другую сторону, спрыгнула с развалин и пропала из вида. Зато через минуту подбежал Юлий.

– Илайя, – запыхавшийся, перепуганный, он прилип взглядом к трупу Романа Геннадио.

– Юлий, это что – происходит на самом деле? – спросила Илайя.

– Да. Это происходит на самом деле, – подтвердил Юлий. – И нам пора сваливать. Хотя хлопот всё равно не оберёмся.

И он утянул её оттуда.

Глава 17. Работодатель года

В первый и последний раз Марат Игильманович был в театре в восьмом классе. Тогда всю параллель повели на «Капитана Сорвиголову». Под впечатлением от спектакля Марат с одноклассниками разыграли в фойе сцену сражения за Спион-Коп, да так увлеклись, что завязалась натуральная драка, за ней скандал, и мальчишек депортировали за границу культурного общества, напрочь отбив у них желание когда-либо сюда вернуться.

И теперь Марат Игильманович стоял над центральным маршем парадной лестницы, как досрочно освобождённый преступник, и, что Али баба в пещере чудес, глазел на барельефы с путти, скульптуру фавна и кружевной потолок, а Катя Райлян в чёрном платье до пола вертелась перед огромным зеркалом, обесконечивающим перспективу лестничного пролёта.

На Катю Марат Игильманович тоже глазел. Она училась с ним в старших классах и вызывала у него зудящее желание, но была такой благонравной девушкой, что юный Марат, трезво сопоставив свой и её жизненные векторы, принял волевое решение не приударять за ней и, тем самым, не искажать её ценностные ориентиры.

Катя догнала его на красной дорожке и настояла, чтобы он составил ей пару для фотографии – выглядела она потрясающе молодо. Вообще страшно удивилась ему.

– Марат, ты! Среди тутошней публики! Неужто заделался политиком?

– Да за премией вот, – смущёно кашлянул Пандробан.

– За премией! Тебя номинировали?

– Будут вручать «Работодатель года», – ему не хотелось распространяться на эту тему. – Ну а ты что?

Он не вспоминал о Кате все эти годы, понятия не имел, из чьего кошелька она живёт и чем заполняет образующиеся в нём пустоты, но вызванная ею ностальгия была ему приятна. Всё же одноклассники – особые люди в нашей жизни. Кем бы мы ни стали, они видели наше нижнее, нежное лицо, не огрублённое достижениями и разочарованиями.

Катя оторвалась от зеркала и заявила:

– Сейчас мне нужно вернуться к благоверному. Наши места в шестом ряду. Но после официальной части я его спроважу, так что на гала-ужине буду вся твоя. Когда выйдешь за наградой, знай, что пара глаз в зале будут слезиться.

И, подмигнув ему, она упорхнула. Марат Игильманович предупредительно оглянулся на музу с тамбурином, зависшую между пролётами, и тоже поплёлся в фойе. Там уже было накалённо людно. Публика была снобская, элегантная, зубастая, и Марат Игильманович предпочёл облечься в презрительную неловкость, но тут же стал натыкаться на знакомых – окультуренных бизнесменов, первостатейных чиновников, прикормленных экспертов.

– Братан, здорово! – его сграбастал в объятья высокий импозантный мужчина – городской король шансона. – Как ты умудрился человека года хватануть?

А получилось это так: после слияния «Урбан Глоб Дивелопмент» и «Ви Ти Инжиниринг», успешно завершившегося в феврале, специалисты Виктора Тоньё по корпоративному и налоговому планированию переформатировали кустарные бизнес-схемы Пандробана в соответствии с требованиями комплаенса. В результате множество юридически не связанных хозяйственных массивов, что изображали из себя автономные единицы, были вписаны в стройную и прозрачную структуру холдинга. Тысячи людей, перебивавшихся статусами-невидимками и маскировочными контрактами, пока работали на Пандробана, были официально трудоустроены. Марат Игильманович был назначен председателем наблюдательного совета и выдвинут от компании для лавров за достигнутый социальный эффект. Сказать, что Марата Игильмановича этот розовый пряник особо прельстил, было

нельзя, но сам факт, что его, любимца скандалов и помойных разоблачений, удостоили столь щепетильной награды, был фарсовым, и это его немного позабавило.

У входа в партер Пандробана поджидал Аркадий. Он сразу заметил воспрянувший вид босса, отчего и сам радостно оживился.

– Мир тесный – правду говорят, – с напускной суровостью сказал Пандробан. – Кругом знакомые хари. Даже Катьку из школы встретил. Красивая баба. Видно, колет что-то – совсем нестарая на вид.

– Вот видите: стоило капельку отвориться миру, и он тут же шагнул навстречу, – сентиментально ляпнул Аркадий.

Марат Игильманович собрался заметить Аркадию в самых колоритных выражениях, что раньше тот не был таким чувствительным, но ему перемкнуло связки не то слюной, не то соплями, и он натужно захрюкал, похожий на растравленного кабана. Стоило признать справедливость эмоций Аркадия, ведь последние пять с половиной месяцев – с тех пор, как Мира сбежала к Тоньё, – Аркадий был с ним рука об руку в том аду, в который он превратил их жизнь.

Это было мрачное время. За два месяца было предпринято пять покушений на жизнь Тоньё – все бездарно разыгранные и благополучно проваленные по собственноручным планам Пандробана. В перерывах между сочинением сценариев убийства врага он проходил эротические квесты, служил добровольцем в горячей точке и посещал подпольный бойцовский клуб, где его пару раз отметелили так, что Аркадий задумался о крайних мерах и всерьёз вознамерился вызвать из Монако его мать, чтобы та задействовала чудодейственные мать-и-сыновничьи технологии по вправлению сыну мозгов. Затем Марат Игильманович не на шутку увлёкся слиянием УГДы с «Ви Ти Инжиниринг», лично вычитывал и правил документы, подготовленные столичными лоерами, бравшими за час работы сумму, которая могла составить месячный бюджет молодой семьи. Когда сделка состоялась, Марат Игильманович впал в апатию, потерял интерес ко всему живому и мёртвому, ленился даже подрочить, и в таком уязвимом состоянии сделался жертвой сразу двух психологов и одного психиатра. Они его лечили, пока не выцедили из него остатки самоуважения, и когда на землю снизошло солнечное тепло, Марат Игильманович превратился в убогого узника собственной спальни. Он залёг в пенной ванной, словно в плодном пузыре гейшевых чресел, и без конца думал о Мире, решив, что останется в таком положении до самого апокалипсиса. Всё это время безучастный к новостям, на известие о премии он таки отреагировал. Вылез из оскудевшей пены, обтёрся полотенцем, оделся, и вот он здесь. Так следовало ли строго судить помощника, который в порыве радости позволил себе лёгкую фамильярность?

– Смотри не наложи в штаны от восторга, – огрызнулся Пандробан.

– А я готов, – разгорячился Аркадий. – Пусть бы только эта сука, наконец, отправилась к чёрту.

Марат Игильманович сделал вид, что не услышал его, и прошёл в оперный зал. Он занял место между двумя пожилыми дамами с элегантными улыбками, в баснословно дорогих на вид и безупречно скроенных платьях, которые, впрочем, смотрелись на них слегка приунывшими, как бы ещё не смирившимися со своей участью, не распрощавшимися окончательно с зашитыми в них чаяньями служить украшением сочной и гибкой плоти. Он немного нервничал в преддверии момента, когда его вызовут на сцену и потребуется произнести речь, которая отлёживалась в нагрудном кармане, и оттого казался ещё более недоброжелательным и подозрительным, чем обычно. По соседкам он прошёлся вкресловвинчивающим взглядом, и поэтому слегка опешил, когда одна из них наклонилась и доверительно шепнула:

– Очень рада, что вас, наконец, отметили по заслугам. Между нами говоря, я вами восхищаюсь. Читаю все новости про вас. Вы такой харизматичный и деятельный мужчина. К тому же, у вас самый красивый дом в городе.

Когда объявили номинацию «Работодатель года», дама энергично зааплодировала и покровительственно кивнула, так что Пандробан совершенно растерялся, сделался неуклюжим, и, поднимаясь на сцену, едва не споткнулся.

– Классик сказал, что высшая форма победы – это признание, а высшая форма признания – это благодарность, – продекламировал ведущий. – Впрочем, может, это и не классик сказал, но суть не в том. Награда, которую я сейчас вручу, это – не просто признание. Это благодарность от тысяч семей, которым вы подарили шанс на достойное существование. С гордостью представляю вам лучшего работодателя года – Марата Игильмановича Пандробана. Успехов вам!

Перед лауреатом на фоне крупной родинки на оголённой женской шее и едкого галстука замаячила статуэтка в виде клубка крошечных человечков под безликим крылатым солнцем. Ведущий что-то сострил, ведущая белозубо рассмеялась, сунула ему награду, шлёпнула по щеке сухим поцелуем, отступила на два шага, чтобы на забрызгаться чужими аплодисментами.

– Спасибо за доверие! – тряхнув кулаком, сказал в микрофон Марат Игильманович, и, чувствуя в груди мстительное жжение невостребованной речи, сошёл в зал.

Гала-ужин был назначен через час после церемонии в ресторане театрального дворика. В течение этого часа Марат Игильманович шатался в отдалении, не желая нарваться на интервью или фотосессию. Он скурил пять сигарет, и хотел курить шестую, но его затошнило. В без четверти десять стали подтягиваться гости, и поскольку многие всматривались в закуток, где он кантовался, Пандробан сделал вид, что говорит по телефону. Внутренний голос сказал ему, что глупо так себя вести и какой бы невыполнимой не представлялась миссия, надо напрячь все силы, чтобы расслабиться и насладиться тусовкой. Он почти набрался мужества, чтобы ломануться к поджидающей его славе и перед поединком накатить лихую фронтовую, как вдруг его захватили из-за спины две верткие ручки в египетских браслетах.

– Попался! – шепнули ему в ухо ароматные золотистые губы. То была Катя Райлян.

– Чёрт, – Марат Игильманович потёр лоб, роняя телефон в карман.

– Марат, ты чего здесь топчешься? От кого прячешься?

– Ни от кого. Звонок по делу.

– Вот что ты врёшь? – надула губы Катя. – От девки какой-то, да? Или от меня?

Она так трогательно возмутилась, что Марат Игильманович оттаял.

– Не дури, Катя.

Она подступила к нему вплотную. Переодевшись в белый комбинезон с кюлотами и открытыми плечами, она стала похожа на ту соблазнительную в своей невинности старшеклассницу.

– Я сдыхалась своего… Уверен, что я тебе здесь не мешаю?

– Уверен.

– Тогда идём.

Она взяла его под руку и повела в ресторан. В дверях они встретились с Виктором Тоньё. Он был в компании мужчин и женщин и выглядел беззаботным. Пандробан напрягся от учуянной перспективы столкнуться и с Мирой – и хотя грезил об этой встрече, в данный момент, очарованный сексапильной одноклассницей, не был к ней готов. Но Миры с

Тоньё не было. Виктор, завидев Пандробана и его спутницу, живо кивнул обоим и распахнул перед ними дверь.

В ресторане был пафос и хрустально-голубой полумрак. Марат Игильманович вошёл в него как в реку и поплыл между островками столов, ведомый золотисто-белым лебедем. Его тело охватила трепетная нега, к органам чувств прилила кровь. На минуту его прибило к барной стойке, где он проглотил бокал виски, и белый лебедь вновь увлёк его за собой.

Катя впихнула его в предбанник женского туалета, повернула защёлку, прильнула к нему и стала покусывать за мочку уха. Тут уж Марат Игильманович взбодрился, ловко освободил от лифа её грудь и с подростковой жадностью вонзился в неё пальцами. Они устроились на мраморной столешнице между умывальниками, и, игнорируя назойливый стук в дверь, отдались искупающей утраченное время страсти. Потом Катя, счастливо посмеиваясь, поправляла причёску и застирывала пятнышко от пудры на комбинезоне, а Марат Игильманович хлюпал носом, стараясь отделаться от фантомного душка формальдегида.

– Ты просто зверь, Марат, – резанув коготком его шею, проворковала Катя. – Агрессивный и эффективный, как я и подозревала. Обожаю тебя.

Они выбрались из туалета: он – с угрожающим видом, она – с торжествующим, и разошлись по залу. Он всё время следил за ней, она бросала на него короткие томные взгляды. Через двадцать минут, окончательно расслабившись и слегка опьянев, он вклинился между мужчинами, в кругу которых она заразительно, с крякотцой, хохотала, и бесцеремонно промычал ей в ухо:

– Опять хочу тебя.

Она состроила глазки и шепнула ему с таким лицом, словно отчитывала за бестактность.

– А я до утра вся твоя. Хоть сейчас едем.

Пандробан озабоченно прищурился, словно обдумывая коммерческое предложение.

– Дай пару минут тут всё закончить, – изрёк он и отошёл.

Она проводила его кокетливым взглядом.

Марат Игильманович засел за свежий бокал виски и исподтишка оглядел зал – нет ли Миры. Её не было. На сцене ораторствовали знаменитости, шутили какие-то шутки, а он тешил себя мыслью, что сегодня рекордное количество времени не думал о ней.

На сцену вышел Виктор Тоньё и заставил Марата Игильмановича прислушаться.

– Я хочу сказать тост в честь моего партнёра, Марата Пандробана, – Виктор указал на него. – Да, вот он. Марат! Если тебя не затруднит, поднимись, пожалуйста, пусть все тебя увидят.

Пандробан, мрачно потупив взгляд, выгрузился из-за стола, воровато махнул головой и уселся обратно.

– У меня были сомнения насчёт сотрудничества с тобой, но сегодня я признался себе: Виктор, ты ошибался, а Марат был прав. Я увидел тебя в деле – твоё умение просекать суть, твою интуицию. И больше не сомневаюсь: вместе мы натворим значимых дел. Я рад, что ошибался. Хотел, чтобы ты знал.

Марат Игильманович снова поднялся из-за стола под звучные аплодисменты и ответил на рукопожатие подскочившего к нему Виктора.

– Польщён. Спасибо. Постараемся.

После этого он оказался в центре внимания. К нему подходили люди, знакомые и незнакомые, поздравляли с наградой, делились восторгами, задавали вопросы. Кто-то из

медиасреды договорился с ним об интервью на будущей неделе. Среди мелькающих лиц появилось недовольное Катино.

– Я долго буду ждать, Марат? Ты сказал, пара минут. Прошёл час.

– Едем, едем, родная, скоро поедем, – неожиданно ласково отозвался Марат Игильманович, похлопав её по бедру.

Потом он заметил среди гостей Ольгу Головей и её бывшего мужа Леонарда, и сердце его неуютно заёрзало в дымке неясных ассоциаций. Он последил за ними: они держались скромно и казались подавленно-увлечёнными какой-то нелегковесной беседой. Затем подошёл к ним.

– Здрасьте, – сказал Пандробан, обращаясь больше к Ольге. Она кивнула. – Я вас знаю. Через вашу дочку. Как она поживает?

Ольга и Леонард переглянулись.

– Илайя нездорова, – сказал Леонард. – Сейчас у неё обострение.

– Уу… – с пониманием протянул Пандробан, чувствуя в груди болезненную пульсацию льда, угодившего в капкан огня. Он вспомнил про бумажку с речью, вытащил её, разорвал и высыпал клочья в ближайшую пепельницу. Но это не помогло. Он посмотрел на родителей Илайи и спросил невпопад. – А вы же не женаты, кажется?

– Уже нет, – сказала Ольга, одновременно с тем, как Леонард сказал. – Пока нет.

– У, ну, привет дочке. Скажите, Марат Пандробан передал. Пусть поправляется.

– Спасибо.

– Хотя… это вряд ли. Если бы можно было вырваться из этих лап, я бы нашёл, как.

– Что вы имеете в виду? – резко спросил Леонард.

– Что нам с нею нельзя помочь.

И, покрывая матом насевшую на него дурноту, Пандробан устремился на улицу. На ходу подкурил сигарету и стал у пепельницы на крыльце. В двух шагах от него беседовали Виктор Тоньё и Ледро Лубски. Виктор кивнул Пандробану, но тот не заметил. Бычок обжог ему губы, и он яростно швырнул его мимо пепельницы. Он думал о родной тётке.

Когда Марату Игильмановичу было тридцать, она перенесла сложную операцию, шла на поправку, выписалась из больницы, и в первую же ночь дома умерла от перитонита. Тётка была той ещё старой стервой, но всё же – после того как мать бросила его в интернате и сбежала с молодым любовником – единственной, кого он считал роднёй. Он переживал её смерть особенно мучительно ещё и потому, что ей предшествовал этот намёк на хепиэнд, надежда, что она прорвётся. Но прорвалась её двенадцатиперстная кишка. Сейчас Пандробан чувствовал себя, как будто выдержал операцию, вышел из наркоза, заценил отменную работу хирурга, начал вставать с постели, почувствовал аппетит, и вдруг – бац, внутри появилось странное брожение, которое грозит взрывом. На что ему идеально темперированное сердце, крепкий желудок или безупречная мускулатура? На что глянцевая печёнка или розовые лёгкие, свежие цветы в вазе и дружеские открытки на тумбочке, если всё это сейчас зальёт болотисто-кровавая масса, которая прорвётся через подкачавшую стенку?

– Где она? – Пандробан шагнул на Виктора Тоньё.

Тот неприязненно отстранился.

– Твоя спутница? Я не видел. Прости.

– Где Мира? – выдохнул Пандробан.

Брови Виктора удовлетворённо дрогнули – точно он услышал долгожданный вопрос.

– Мира не приедет сегодня, – сказал он с утешительной ноткой в голосе. – Она просила передать тебе поздравления.

– Что же ты не передал?

– Ждал повода, – с некоторым смущением ответил Виктор.

Марат Игильманович соскочил со ступенек крыльца и ринулся в темноту, вон из театрального двора.

– А, правда, где ваша очаровательная спутница? – спросил Ледро.

– Мира сейчас практикует цигун – гимнастику, направленную на накопление и эффективное расходование жизненной энергии. Она много времени проводит в медитации. И нуждается в затворничестве.

– Любопытно, для каких целей она копит энергию.

– Мира – это сплошной сюрприз. Я бросил догадки о её планах, – со счастливой улыбкой ответил Виктор, и оживлённо встрепенулся. – Ледро, я прошу вас послушать кое-что, – у него в руках появился смартфон и крошечные наушники. Он нажал несколько кнопок и протянул Ледро.

– Что это? – насторожился тот.

– Просто музыка. Послушайте.

Ледро взял устройство с недовольной нерешительностью.

– Это немного странно… – сказал он, всовывая наушники.

– Всего одна композиция. Мне важно ваше мнение. Готовы? – Виктор запустил проигрывание.

Уже через пару секунд лицо Ледро переменилось. Он потрясённо нахмурился и взялся за голову. Глаза его смотрели перед собой, но взгляд улетучился, а оставшиеся пары сконденсировались в слёзы. Потом он их совсем закрыл и стал водить ладонями по лицу. Голова его то покачивалась, то запрокидывалась, то неподвижно зависала. Это продолжалось минуты четыре, после чего Ледро вернулся.

– Что это за композиция? – пробормотал он, возвращая наушники.

– Эрик Сати. Гносиенна номер 3. Вы никогда не слышали?

– Никогда…

– Зацепила, да? Вижу, что зацепила, – просиял Виктор.

– Я заново переживал самые приятные мгновения жизни. Только, кажется, более полно. А в один момент было такое чувство, будто я встретил Бога. Кто такой Эрик Сати?

– Один гениальный француз, который знал толк в резонансах. Но это не так важно, Ледро. Важна эта конкретная композиция в сочетании с вами. Я не был уверен, что «Усатый Билли» угадает, но рад видеть, что он вас раскусил. Фокус-покус.

– «Усатый Билли» – это какая-то новая ваша разработка?

– Угу. Генератор эмпатии. Тестовая версия. Программа, которая позволяет видеть мир глазами другого человека.

– Как это?

– Объясню вам порядок работы: вы выбираете объект эмпатирования. Это может быть предмет, явление, событие, музыкальное произведение, фильм, картина, здание, голосовое или текстовое описание ситуации – что угодно. Затем задаёте личность, относительно которой будет эмпатироваться объект. С согласия выбранного человека вы эмпатируете относительно него выбранный объект и получаете образ восприятия заданного объекта

заданным человеком в любом формате: текстовом, визуальном, звуковом, сенсорном, ассоциативном (в виде литературных, кинематографических и прочих клише, которые вызывают у изучаемой личности подобные впечатления). Предмет особой гордости – формат сравнительного моделирования: «Усатый Билли» пытается донести вам восприятие другого человека на максимально понятном для вас языке, и для этого ассоциативно выбирает объект, который производит на вас самого впечатление, похожее на то, какое эмпатируемый объект производит на эмпатируемую личность.

– Эта музыка?..

– Да. «Усатый Билли» выбрал композицию, которая должна была вызвать у вас чувство эйфории. Она учла вашу личность и текущие обстоятельства. Завтра утром, кстати, это может быть другая композиция.

– Но откуда программа знает мою личность – я не проходил ни одного теста? И уж, тем более, не давал согласия на процедуру.

– Мы постарались воссоздать вашу личность без вашего участия, – улыбнулся Виктор. – Наши психологи прошли тесты Антимары, вообразив, как отвечали бы на вопросы вы. Плюс, Антимара проанализировала ваши выступления и публикации в Интернете. Полученные результаты интегрировали.

– Занятно, – сказал Ледро, не скрывая досады. – Насколько это законно?

– О, не беспокойтесь об этом. Наши юристы очень тщательно проверили в этой части. Если бы мы создали профиль Ледро Лубски без вашего участия – это было бы нарушением ваших прав. Но мы создали воображаемый профиль на базе того, что нам известно о вас из открытых источников. Насколько этот воображаемый профиль окажется похожим на вас – зависело исключительно от нашего мастерства. Никому ведь не запрещено обрабатывать публичную информацию о человеке и делать о нём выводы. В конце концов, разве вы сами занимаетесь не этим?

– Но без участия чудодейственных алгоритмов! Это не одно и то же, Виктор. Вы пользуетесь тем, что применение Антимары ничем не регламентировано. Пока.

– Но как это звучит из ваших уст – чудодейственный алгоритм! Может быть, не одно и то же. А может быть, ровно то же самое. Ведь алгоритм не более чудодейственный, чем человеческий интеллект. Но, Ледро, пока мы не погрязли в казуистике, я признаюсь вам кое в чём: я внял тому, что вы говорили об изоляции личности, к которой может привести чрезмерное увлечение продуктами Антимары. Об угрозе разделения общества на полюса. Но я считаю, что мы с вами в состоянии этого не допустить. Я хочу показать всем, что финал Антимары – совсем не такой, что её задача – решить уравнение мира. Вы скоро убедитесь, если не убедились до сих пор, что Антимара – невообразимо мощный инструмент программирования. Но она не противоречит религии, а вполне может включать её как один из скриптов. Я допускаю, что многие быстро устанут от того, чтобы держат свою жизнь под контролем. Когда люди научатся управлять эмоциями и судьбами, они будут тяготиться отсутствием случая. Отсутствием Бога, если хотите. И тогда нам останется лишь интегрировать Бога в Антимару. Так почему бы вашему Богу не занять эту вакансию? Только представьте – полярная синергия. Если мы объединим наши усилия, не меняя их направленности? Если мы вместе создадим надсистему, в которой никаких противоречий между нашими устремлениями не будет существовать? Что вы об этом думаете, Ледро?

Что мог Ледро ответить на это? Прямо заявить, что объединение с Виктором в любом формате означает рано или поздно уступить ему первенство, а самому – стать номинальным напарником, срок полномочий которого прямо зависит от степени порядочности Тоньё? Ледро хорошо осознавал то, о чём Виктор, при всей своей предусмотрительности и развитой фантазии, похоже, не догадывался – как бы далеко ни зашёл прогресс, каким бы доступным ни стало индивидуальное благо, в мире всегда

останутся люди с высоким сопротивлением. Люди, для которых вездесущий трансцендентный мост к этому благу останется невидимым, и которые предпочтут убиваться целыми поколениями ради строительства другого – зримого, конкретно локализованного, железобетонного – к благу всеобщему. И он всерьёз предлагает Ледро отказаться от власти над этими людьми! Да, эта власть не будет абсолютной и безусловной, и авторитет Тоньё будет расти, и у него наберётся немало сторонников, и даже националисты, с лидерами которых Ледро уже подписал меморандум о взаимопонимании, не смогут не поддаться влиянию этой силы и вынуждены будут с ней считаться и даже сотрудничать, но, глядя на этого выдающегося человека, стоящего перед ним, Ледро знал наперёд, что как бы глубоко под землю тот не залез, его стратегии всё равно останутся недостаточно приземлённым для полного охвата.

Так думал Ледро Лубски. Он ответил Тоньё, что его предложение, безусловно, заслуживает обдумывания.

Марат Игильманович, расхристанный и шибанутый, прошкандыбал в переулок, подальше от света, шума и праздника, и за ним по пятам гналась правда, швыряя в него осознаниями того, что он жил до этого мгновения, оказался теперь в этом месте только по одной причине – потому что желал увидеть Миру. И те ничтожные смыслы, которые он навязал событиям последних месяцев и, в частности, сегодняшним, были грубым прикрытием жуликоватой обречённости, что водила его за нос исключительно из-за собственной лени – дожидаясь, когда сами собой развеются мнимые источники его расстройства – вроде угрозы утраты бизнеса или повреждения самолюбия. Нет, бизнес процветает, самолюбие потешено. Ничто больше не в состоянии загородить безвозвратность утраты Миры.

И вот она. Наступает из закоулка. Миражная Мира. Подсвечивая, как ультрафиолет, люминофорные послания его воли. Разве можно поверить, глядя на неё, что когда-то она лежала в его постели? Что однажды или дважды в жизни он имел возможность нырнуть в затопленную водою пустыню власти над нею? Разве можно измерить расстояние между двумя краями – «с нею» и «без неё» – пропасти, над которой он завис?

– Это ты… – у него подкосились ноги.

Мира подала ему руку. Он сдавил её из-за всех сил.

– Ты врунья.

– Неправда, Марат. Тебе не в чем меня упрекнуть. Ты получил больше, чем мог рассчитывать.

– Я не получил тебя.

– Будто ты не сообразил, что я не могу никому принадлежать?

Внутри него сыпался град тоски и злобы.

– Почему мне не становится легче? Если ты ведьма или что-то в этом духе, зачем я тебе нужен? Отпусти меня.

– Марат, как ты не поймёшь, что я никогда не держала тебя. Я – всего лишь твоё отражение. Это ты не можешь отпустить меня, потому что во мне вскрывается твоя внутренняя пустота. Но я не могу служить ей вечной заслонкой.

– Но ты сказала, что любишь его! – вне себя от ревности взревел Пандробан. – Ему ты можешь служить заслонкой? Или чем ты ему служишь? У него для этого достаточно бабла и влияния?

– Марат, – он сама стиснула его руку. – Он не значит для меня больше, чем ты.

– Но тогда почему ты так невнимательна ко мне, Мира?

Её взгляд разочарованно открепился от него и унёсся прямо к луне. Она забрала руку.

– Мира!

Но она отступила с таким видом, точно готова была растаять, как призрак.

– Марат!

Он обернулся на вопль мыкающейся по театральной площади Кати Райлян. Она, кажется, заметила его. Налетела на него, и они сумбурно поцеловались.

– Куда ты делся, урод ты чёртов!

– Спасибо тебе, – пробурчал Марат Игильманович и ещё раз крепко поцеловал её.

Через минуту они сели в такси, которое помчало их к Гейше. По дороге Катя, припав к его груди, плакала и лепетала про мужа, который у неё большая трусливая чиновничья шишка, что вцепилась в свою ветку и лишь о том тревожится в жизни, чтобы однажды в неё не вонзилась иголка или её, упаси боже, не сорвало ветром. А Марат Игильманович с заиндевевшим сердцем прислушивался к своему слабеющему телу. Когда они подъехали, он не мог встать на ноги. Ей пришлось выволакивать его из машины и вести в дом, взгромоздив на себя, точно немощного старика.

Она понимала, что он пьян. Он понимал, что он кончен.

Они машинально занялись сексом, и потом, скатившись с Марата Игильмановича, Катя укусила его за плечо и сказала:

– По-моему, я до сих пор в тебя влюблена.

Пандробан лежал без сна и ждал, пока она перестанет ворочаться в постели, и от нетерпения его порывало задушить её. Наконец, она засопела. Пандробан слез с кровати и перешёл из спальни в кабинет. Между комнатами он крался по дому как вор, чтобы не разбудить дремлющего внизу Аркадия – у сукиного сына был сверхчуткий сон; и для человека, привыкшего гупать, как слон, этот переход из спальни в кабинет стал истинной via dolorosa.

В кабинете он заперся и вытащил свой Смит-Вессон 686, проверил, блестит ли ещё, как обещал оружейник, барабан, и услышал босые шаги на лестнице. Аркадий! Проснулся-таки.

Марат Игильманович стал посреди комнаты, нацелил дуло в грудь, вспомнил последнюю редакцию своего завещания, матюгнулся по поводу того, что пожадничал с размером пенсии для Аркадия, и выстрелил.

Глава 18. Черновик реальности

Их было двое. Позади них всё пространство было заполнено пляшущими, перетекающими друг в друга и хаотически разветвляющимися потоками светящегося вещества, похожего на вязкий голубой дым.

– У неё ни документов, ни пароля на вход, – критически оглядывая Илайю, сказал первый.

– Ну, мы не можем её не впустить, – возразил второй, кивая на её лоб.

– Надо проверить, – с этими словами первый нацелил на Илайю указательный палец. На крошечном экране, вмонтированном в его подушечку, мелькнула вспышка света.

– Не бойся, – сказал второй, обращаясь к Илайе. – Это сканер энергетических вихрей. Мы должны убедиться в твоём праве доступа.

– Вихрь аутентичный, – перебил его первый. – Иманон. С правом генерации. Проходи.

Они расступились, а вещество позади них танцующими побегами потянулось к Илайе. Она помедлила.

– Ну, ты входишь? – поторопил первый.

– Не бойся, – тут же подбодрил второй. – Мембрана активирована для пенетрации. Это безопасно. Ты ничего не почувствуешь.

Илайя, зажмурившись, прошла через живую стену. Она, действительно, ничего не почувствовала, кроме лёгкого зуда по затылку. Они очутились в скруглённом световом коридоре, напоминающем бублик без дырки. В центре коридора располагалось эллипсоидное яйцо, снабжённое раздвижными дверями. Как в лифте, подумала Илайя.

Первый сразу опередил их и подвёл к лифту.

– Пройдёшь по этажам, соберёшь энергомассу, потом тебе вниз, к распорядителю, – проинструктировал он.

Илайя раскрыла рот и подумала.

– Где я нахожусь?

– Это административный корпус, – канцелярским тоном ответил первый.

– Но здесь всего два этажа, – произнесла вслух Илайя.

Первый смерил её уничижительным взглядом.

– Два этажа! А два триллиона – не хочешь? Скажи спасибо, что тебе задать-то от силы десяток значений, а то и меньше.

– Два этажа – это на локальном уровне. А сколько их будет реально – зависит от мерности шага, – подхватил второй.

– Считай, что скачешь по межэтажью, если тебе так проще понять. Задача – собрать сырьё. Вот, возьми, – первый протянул ей каплевидный мешочек, к которому был пристёгнут ремешок. Мешок был нежный, гладкий и очень эластичный. Первый перекинул ремень через плечо Илайи, и мешочек повис у неё на бедре как сумка. – Всю энергомассу обязательно складывай сюда – в холодильник. Не ленись.

– Зачем это?

– Чтобы не допустить преждевременной генерации. Иди знай, сколько ты тут будешь возиться. Температурный режим сырья – превыше всего. Поняла?

– Я спросила, зачем вообще что-то собирать. Потом к распорядителю. Зачем?

Первый раздражённо вытянул губы.

– Всё, понеслась. Глупые вопросы…

– Слушай, ты же за Айсой прибыла? – вмешался второй. – Ну вот. Будет тебе Айса. Поскакали.

Они сели в лифт. Внутри он почти не отличался от лифта элитной многоэтажки, с тем исключением, что кабинка его была прозрачной, и на внутренней стенке эллипсоидного яйца наблюдалась та же завораживающая пляска голубых световых потоков, что и при входе в корпус.

– Это тот лифт, на котором можно попасть в театр? – спросила Илайя у второго.

– Нет. Тот, которым ты пользовалась раньше, был обычной механической ветошью. Это продвинутый маршрутизатор. Он долговечнее, надёжнее и шаг у него удобней. Смотри.

Вместо дверной грани лифта появилась голографическая панель со сложным узором из светящихся точек и кривых линий. Второй поднёс палец к панели, и поверх узора раскрылся список.

– Для начала зададим базовые параметры отбора энергомассы. Масштаб, координаты, начальную напряжённость, тип ткани и всё такое. Чтобы не усложнять, можно взять параметры по умолчанию. Для новичка они вполне приемлемые. Ты ведь впервые это делаешь?

– А что я делаю?

– Ты проектируешь обстоятельства прибытия Айсы. Рейс, экипаж, по какому пути пойдёт поезд и всё такое. Это сложный механизм, но я объясню упрощённо. Перед тобой – потенциал бесконечного множества возможностей. Ну, разумеется, в представлении данного конкретного интерфейса. Я бы изобразил по-другому, но интерфейс – это сфера компетенции Кубита, – второй сопровождающий Илайи кивнул на первого, который закатил глаза. – В принципе, сущности могут генерироваться и хаотически, но это скучно. Имея доступ уровня Иманон – грех не воспользоваться свободой выбора. Мы будем скакать по разным энергетическим уровням, и на каждом ты сможешь задать то или иное положение или состояние системы. Система – это жизнедеятельность Айсы, которая включает её сознание и основные взаимодействия. Понятно? Разница между положением и состоянием тоже, надеюсь, понятна: положение – это конкретно определённый аспект в определённый момент времени, состояние – это спектр, в пределах которого допускаются качественные или количественные энергетические изменения. Выбирая положения и состояния системы, ты увязываешь между собой конкретный набор авторских закономерностей. Чем больше выборов тебе удастся сделать – тем ниже доля хаоса в системе, тем более она самобытна. Одновременно, каждый твой выбор будет предопределять варианты при следующем выборе. Обычно новички стараются отследить закономерность изменения возможностей в зависимости от предыдущего выбора, и, как правило, сбиваются примерно на пятой-шестой дилемме. Так что советую не зацикливаться. Более опытные генераторы задают состояния системы машинально – уж не знаю, чем они руководствуются: интуицией или ещё чем.

– Вимп, зачем ты ей это рассказываешь? – встрял первый.

– А что такого? Пусть сознательно задаёт те значения, что кажутся ей правильными.

– Сознательно? Ты сам себе веришь? – усмехнулся Кубит. – Поскакали уже!

Второй сделал Илайе извиняющуюся гримасу, сплёл кончики пальцев, оставив мизинцы вверх, и в то же мгновение с потолка лифта опустилась тончайшая сеть. Её сложный симметричный узор, напоминающий растиражированную десятиконечную звезду, был сплетён разноцветными нитями. Сеть приняла вид сферы, и в момент, когда сомкнулась вокруг пассажиров, Илайе почудилось, что она летит вперёд с сумасшедшей скоростью.

Потом сеть исчезла, и перед Илайей возникла голографическая надпись «Коэффициент иллюзии» и под нею – изображения двух хот-догов.

– Один из них истинный. Другой гиперреалистичный, – пояснил Вимп.

– В смысле?

– Один из них нарисованный.

– И как я должна выбрать? Они ничем не отличаются.

– Думаю, художник был бы польщен таким замечанием. Выбери более убедительный.

– Зачем рисовать хот-дог, который выглядит, как настоящий? Я хочу выбрать съедобный.

– В подавляющем большинстве случаев эту дилемму решают от балды. Некоторые, правда, ищут отклонения в геометрии теней, другие ориентируют интуицию на вопрос: «какой хот-дог лучше удовлетворяет голод?» Но как можно быть уверенным, что он сам или кто-то до него прежде правильно выбрал истинное, а не гиперреалистичное чувство голода? Понимаешь? Любой хот-дог, который ты выберешь, будет съедобным. Но что будет в его основе – никто не узнает. До поры до времени даже ты этого не узнаешь.

Илайя ткнула в тот хот-дог, который казался менее аппетитным. Он взорвался, как хлопушка, и на Илайю с её сопровождающими посыпался дождь невесомых частиц. Они быстро стянулись друг к другу и утрамбовались в овальную капсулу, которая тут же обросла густым ворсом. Ворсинки зашевелились, как ножки, и понесли капсулу прямиком в мешок, что висел на плече у Илайи. Мешок завибрировал, и из него вытянулась гибкая трубочка. Кончик трубочки распустился розовой бахромой.

– Выбор сделан, – Вимп проследил взглядом, как в бахроме надёжно увязла только что поступившая в холодильник капсула. – Переходим на следующий уровень и определимся с градусом милосердия.

И вновь их окутало узорчатой сеткой, а когда она расплелась, перед Илайей оказался пласт кучи смешанных пород разных цветов, оттенков и плотности. Пласт напоминал геологическую модель разведывательной скважины или горы.

– Это диаграмма пластов восприятия, – сказал Вимп. – Всякий человек может рыться в своих ощущениях, вытаскивать одно или другое на поверхность, срезать их слайсами любой толщины, чтобы узнать, где оно заканчивается, и что там дальше. Но насколько широко или глубоко он сможет продвинуться – зависит от первоначального надреза. Его-то тебе и предстоит сделать. Просто начерти скальпелем любой рисунок – это и будет линия надреза.

– Почему выбор называется «Градус милосердия»? Как это связано с надрезом?

– Те точки, в которые попадает надрез на разных слоях восприятия, по фундаментальным математическим последовательностям складываются в определённые значения эмпатии и сострадания. Скажу по опыту, что все надрезы в зависимости от геометрических пропорций можно условно разделить на два типа: логически доминирующий либо этически доминирующий. Но больше сказать не могу.

– Режь уже, не томи.

Илайя резанула скальпелем по макету, оставив на нём глубокий вертикальный зигзаг.

– Какой у меня получился тип? – спросила она Вимпа, но Кубит приложил палец к губам и проследил, чтобы энергомасса оформилась в капсулу, занырнула в сумку-холодильник и закрепилась в бахроме второй выросшей специально для неё трубочки.

И опять моментное чувство головокружительного полёта, и новые инструкции от Вимпа.

– Здесь тебе предстоит задать координаты справедливости. Знакомься, это Алиса и Боб.

Илайя увидела повёрнутые друг к другу мужскую и женскую фигуры, которые соединялись шкалой без цифр. У женщины не было ушей. У мужчины не было глаз.

– Можешь задать любую цифру с любым количеством знаков в этом окошке, – подсказал Вимп. – Если затруднишься указать цифру, поставь ползунок в любое положение на шкале.

– Бред какой-то, – сказала Илайя. – Что я делаю?

– Да ты не переживай, – подбодрил Вимп. – Это же всего лишь черновик.

– Черновик чего?

– Реальности, разумеется.

– Вот нечем больше заняться – только играть в игрушки, – психанул Кубит. – Развелось этих генераторов! А нам – няньчься с ними! Давай уже выбирай!

Илайя осторожно установила ползунок ровно посередине, и следующая капсула с энергомассой поместилась в раскрывшееся лоно третьей трубочки. После чего Вимп, ловко сплетя пальцы, перенёс их на следующий уровень.

– Здесь тебе нужно ввести значение выражения: 2 поделить на 2.

– В смысле? Что здесь выбирать? Ведь ответ очевиден.

– Ну, не так уж, – возразил Вимп. – Значения могут быть разными. Смотря куда направлен вектор изменения плотности энергии. Ты должна решить уравнение пути. По-своему. И тем самым задашь формулу.

– Арифметика учит, что два поделить на два будет один. Но если взять два яблока и поделить каждое на две части, то получится четыре половинки. Если два яблока разделить между двумя людьми, то каждый получит по одному яблоку, но в целом яблок всё равно будет два. А если взять две живые клетки и разделить каждую на две, то получится четыре новые клетки, – рассуждала Илайя, сама поражаясь ходу своей мысли. – Сколько же будет два поделить на два? И от чего этого зависит? – она подняла глаза на сопровождающих. – Пожалуй, мне ближе живые клетки, – и она вбила в окошке ответ «4», убедилась, что энергомасса улеглась в карман сумочки, после чего с некоторым самодовольством воззрилась на Вимпа.

– Ты сможешь повторить этот жест? – он продемонстрировал ей уже знакомое сплетение пальцев. Илайя легко скопировала его. – Хорошо. На следующие уровни ты отправишься сама.

– Но!.. – испугалась Илайя.

– Следи, чтобы всё собранное укладывалось в холодильник! – наказал Кубит.

И Илайю оторвало от них следующим скачком и вынесло вместе с кабиной лифта на насыпь из гравия, по которой шла железная дорога. Из кабины было видно, что в этом месте железная дорога образовывала две последовательные петли. К рельсам на каждой петле было привязано по человеку: на первой петле Анна, на второй – Анатолий Красуцкий. В кабине возле Илайи появился голографический рычаг переводного механизма и навигационная панель с подсвеченной траекторией движения поезда. Илайя разобралась, что поезд должен был пройти обе петли и, следовательно, переехать Анну и Анатолия. В инструкции к схеме движения поезда разъяснялось, что при помощи рычага можно было изменить маршрут поезда так, чтобы он проехал только одну из петлю. Таким образом, Илайе давалась возможность спасти кого-то одного. Оставалось выбрать – какую петлю исключить из траектории поезда.

Как только Илайя поняла суть дилеммы, в её сознании зазвучали голоса – мамин, папин, Ледро Лубски, Натальи, Лизы Бронс – умоляющие её спасти: одни – одного, другие - другого.

Илайя посмотрела на Анну и Анатолия. Оба судорожно дёргались и что-то отчаянно кричали, глядя на неё.

– Что мне делать, Юлий? – спросила Илайя в пустоту.

– Никого не слушай. Слушай только себя, – сказал голос Юлия в её сознании.

– Они оба умерли, – сказала себе Илайя. – Но если бы кто-то из них мог остаться в живых, я хотела бы, чтобы это была Анна. Я желала бы этого, если бы выбор зависел не от меня. Но если выбор зависит от меня – могу ли я основывать его только на своём желании? Нет, это не одно и то же – желать и велеть. Я могу оставить всё как есть. Они оба умерли, и в этом нет моей вины. Каким бы ни был мой выбор, он не оживит их. А если я выберу спасти одного из них, значит, мне придётся выбирать не только спасённого, но и жертву. Вмешиваясь, я санкционирую и, значит, разделяю вину за смерть, как минимум, одного из них.

Циферблат показал, что до прибытия поезда осталось меньше минуты. Анна и Анатолий на рельсах надрывались.

– Если я не вмешаюсь, я ни в чём не виновата, – сказала себе Илайя, но что-то внутри неё противилось этому решению. – Но у меня есть свобода вмешательства. Если я не вмешаюсь, обладая свободой, значит, моя свобода – фикция, – эта мысль показалась Илайе куда более удовлетворительной. Она решительно взялась за рычаг перевода. – Кого из них я должна спасти? Слушать только себя… Не ради мамы, не ради отца. Кого? Того, кто спас бы меня, стоя сейчас на моём месте! – осенило Илайю.

И стоило ей подумать об этом, как вместо Анны и Анатолия она увидела саму себя, привязанную на обоих путях. Её парализовало страхом неминуемой смерти и оглушило грохотом приближающегося поезда.

– Возьми себя в руки, Илайя. Ты должна представить: ты – Анатолий. Я – Анатолий. Что я сейчас сделаю?

Она почувствовала мгновенное облегчение и ленивую апатию. Руки расслабились настолько, что их невозможно было поднять. Хотелось одного – крепкого чего-то выпить.

– Достаточно! Теперь я – Анна. Что я сейчас сделаю?

Её рука рванула рычаг. Остряки стрелочного перевода сдвинулись с первой петли на прямой путь.

Мгновение – и поезд уже здесь. Миновал петлю, к которой привязана Анна, и вскорости съехал на вторую.

Бабах! И прах Анатолия посыпался Илайе на голову, а затем смёлся в кучку, съежился в мохнатую пилюльку и добросовестно засеменил в холодильник, прямиком в объятья лотоса.

Кабину лифта окутало тьмой. Железнодорожный пейзаж исчез. Что стало с Анной – Илайя узнать не смогла. Она смастерила лесенку из пальцев, её тряхнуло и выбросило на крутой высокий берег. Кабина исчезла. Внизу плескалось море. На берегу стояла деревянная избушка. На валуне, полубоком к Илайе, сидела женщина, зевая и покачивая ногою половинку расколотого корыта. Позади неё на земле лежало семь новеньких корыт. Женщина обернулась на шорох шагов, и Илайя узнала Лидию.

– Ну, что же? Будет мне корыто, наконец? – сварливо спросила она. – Отдайте хоть какое-то.

Илайя подступила к посудинам – всем до одной гладеньким, глубоким, с фигурными гравировками на бортиках. Корыта были равноценные, только слегка отличались формой и оттенком дерева. Илайя стала изучать эмблемы производителей. На одном корыте была выгравирована молния, пересекающая решётку. На другом – крупная птица. На третьем – закупоренный графин. На четвёртом – зажжённый фитиль. Всё это смутно напоминало Илайе что-то, от чего веяло ужасом. И лишь увидев гравировки на остальных корытах –

шприц, веревочную петлю и косое лезвие – Илайя сообразила, с чем они связаны. Жертву она уже выбрала. Теперь предстояло выбрать способ казни.

– Не будет этого! Не дождётесь от меня!

Илайя зашагала прочь от корыт, от старухи. Хотела идти к лифту, но кабинки нигде не было.

– Верните лифт! Пускай спустит меня сразу к распорядителю! – она сплела из пальцев фигуру, но ничего не произошло. Сердито повторила несколько раз – безрезультатно.

– Хотите заставить меня делать выбор? Чёрта с два!

Илайя побежала обратно к корытам. Инстинктивно схватила одно и стала изо всех сил лупить им по остальным.

– Ты что творишь! – завопила Лидия, прикрываясь от щепок.

Илайя быстро устала, но была горда результатом – варианты выбора она изрядно покорёжила. Сил бить корыта уже не было, но Илайя вспомнила про мешок с энергомассой, и лететь бы ему с того высокого берега прямо в море, если бы Илайя не заметила, что у неё над головой формируется новая капсула. Она отличалась от предыдущих: по форме напоминала букву «Х» и была чёрного цвета. Капсула скользнула в холодильный мешок и тоже увязла в отдельном, для неё выросшем, отростке.

Перед Илайей со скрежетом раздвинулись двери лифта. Она шагнула в кабину, и та пошла вниз. Проехав, по ощущениям, всего пару этажей, лифт стал, раскрылся, и Илайя оказалась перед коричневой дверью с надписью «Распорядитель».

Она вошла в приёмную, где за столом сидела девушка-секретарь и красила ногти. В приёмной была другая дверь, тоже с надписью «Распорядитель».

– Мне нужно к распорядителю, – сказала Илайя.

– Он занят, так что ждите, – надув губы, сказала секретарь.

Илайя ждала долго, но ничего не происходило, кроме того, что секретарь раз пять стёрла и заново накрасила ногти. Наконец, ей надоело ждать. Она с раздражением встала и шагнула к выходу. Секретарь с надменным равнодушием глянула ей вслед. Но дверь, в которую она хотела выйти, распахнулась, и в приёмную ворвались двое полицейских.

– Попалась! – рявкнул один, хватая Илайю за руку.

– Что ты там навыбирала, а? – вкрадчиво, но с угрозой заговорил второй. – Тебя что, не учили делению целых чисел? Какая дурь должна быть в голове, чтобы два поделить на два выходило четыре?! Куда теперь скосит вектор плотности энергии – страшно представить! Врагу бы не пожелал такой реальности!

– А перл с Алисой и Бобом?

– Инфантильный выбор. Тупее не придумаешь. Но это мелочи по сравнению со стрелкой. Явное предубеждение против одной из жертв. Корыстный мотив. Использование полномочий в личных целях. Прямая статья. И добавь сюда претензию поставщика корыт, который был в бешенстве и насчитал миллион поливалентных кубитов ущерба.

– Да за такое сразу в карцер! Эй, эй, эй! Давай-ка без своих штучек, – прочитав её мысль устроить ураган, полицейский продемонстрировал ей крошечную вогнутую тарелку, подвешенную за крючок на палец. – Это подавитель ветра, чтоб ты знала. Только попробуй, увидишь, что будет!

Тут открылась дверь с надписью «Распорядитель», и на пороге появился Тимур Семуров в коричневом костюме поверх голубой рубашки. На его галстуке угадывался узор, похожий на сетку в лифте.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил он Илайю, сделав знак полицейским отпустить её.

Илайя вошла в кабинет, гадая, узнал ли её Тимур. Но стоило им остаться одним, как его лицо виновато потупилось.

– Здравствуй, Илайя, – сказал он. – Тебе нужна Айса? Давай сырьё.

– Я не хочу, чтобы она приезжала, – помотала головой Илайя. – Боюсь, что она навредит ребёнку.

И тут её взгляд приник к письменному столу по центру кабинета. Он был несообразно обстановке маленький, лакированный. Совершенно лишний. Как игрушка, оборонённая любопытным чадом, что в нарушение запретов пробралось в кабинет высокопоставленного родителя. Но лишним он казался только до тех пор, пока Илайя не поняла, что он – самая аутентичная сущность этого кабинета. Он словно большие лапы, большие глаза, большие уши и большие зубы её собственной комнаты, чья характерная геометрия выдавала её, невзирая на интерьерные перестановки.

Тимур Семуров, заметив смятение Илайи, вытащил из нагрудного кармана ключик и показал ей, как бы говоря: да – это ключ от верхнего ящика. Он сунул его в крошечную скважину и выдвинул ящик.

Оттуда вылетел переливающийся шар, похожий на мыльный пузырь. Внутри него просматривался макет оперной сцены и зрительного зала, откуда Илайя наблюдала фантасмагорию распада самостей. Тимур снял с рукава запонку в форме жука и проткнул шар булавкой. Тот лопнул и испустил бордовую туманность, что наползла на кабинет, претворяя его в химерический театр.

Зрительный зал был пуст, а задний занавес поднят. Вместо космического калейдоскопа, что затягивал потоки распадающихся душ, на задней стене висел массивный четырёхлопастный спиннер. Илайя и Тимур оказались в центральном проходе на уровне пятого ряда.

Скоро театр пришёл в движение: спиннер озарился мягкой подсветкой и совершил несколько пробных, как бы разминочных, оборотов. Посреди сцены возник столп света – такой же, как в прошлый раз. Из-за кулис стали доноситься распевки. Заметив нарастающую интенсивность светового потока на сцене, Тимур занервничал. Обернулся к Илайе и приказал:

– Давай материал!

Забрал у неё холодильный мешок, вынес на сцену и уложил под спинером, после чего торопливо сбежал вниз.

Музыка зазвучала громче. Это была уже не распевка, а нежный вокализ, под действием которого спиннер пришёл в равномерное ускоряющееся движение. Трубки холодильной сумки вытянулись, изогнулись и подсоединились к незримым контактам в основании спиннера. С их лотосообразных концов отделились капсулы энергосырья. Они стали плавиться, как шипучая таблетка в стакане воды, и заструились перламутровыми потоками к спиннеру, где стали накручиваться на лопасти тончайшими жгутиками. Затем одна из лопастей спиннера вспыхнула жёлтым пламенем, и из него потянулась кручёная нить, наматываясь на общий моток. Другая лопасть взорвалась аквамариновым гейзером, от которого в общий хоровод потекли пенистые струи. Из третьей лопасти вырвалось облако каменистой пыли. Четвёртая выстрелила разноцветной крошкой, похожей на продукты распада самостей. Эти вещества, подчиняясь неведомым взаимным влияниям, сцеплялись в волокна, сучились и наматывались на крутящийся спиннер, пока его корпус не скрылся под увесистой связкой.

Исчерпав запасы энергомассы, холодильный мешок сжался до первоначального размера, трубочки пунктуально сократились и улеглись в его тканях. В то же время спиннер замедлил ход, а собравшийся на нём моток стал протягиваться к столпу света. С каждой лопасти потянулись жгутики, каждый своим маршрутом. Один закрутился воронкой с

потолка до центра колбы. Другой – с противоположным витком – закрутился в такую же спираль снизу вверх – от пола до центра колбы. Оба жгутика образовали зеркально симметричные спиральные конусы с совпадающими вершинами. Третий и четвёртый жгутики завились сферическими спиралями вокруг конусов, образованных первыми двумя – так, что оба конца третьего жгутика, как и оба конца четвёртого, соединялись с внешними концами двух первых жгутиков. Третий жгутик завился вправо, четвёртый влево.

Освободившись от пряжи, спиннер замер. А фигура, образованная жгутиками и напоминающая пончик, заполнилась ярким оранжевым светом и стала обрастать перламутровой плёнкой. Очертания жгутиков растворились в этой плёнке, а по поверхности фигуры заискрили токи, и сама она заколыхалась, – задышала.

– Айса, – с трепетом прошептал Тимур.

– Что это такое? – пробормотала Илайя.

– Первоначальная душа. Она почти готова. Осталось последнее…

Илайя настороженно дёрнула бровью.

– Айсе нужна свобода, – распорядитель повернулся, слегка наступая на неё. – Отдай ей свободу, и тебе больше нечего будет бояться.

Илайя скрестила руки на груди и отступила.

– Твоё собственное создание, – сверкнул глазами Тимур Семуров. – Хочешь оставить его без свободы воли?

Илайя отскочила назад, но там поджидали двое давешних приставов. Только теперь они были в медицинских халатах. Взяли её под руки, заблокировали с двух сторон и развернули к свирепо напирающему распорядителю.

– Помогите! – заверещала Илайя, отбрыкиваясь. – Юлий! Помоги мне!

Но нигде вокруг не было и следа чего-нибудь похожего на Юлия.

– Помогите мне! Мира!

Всё затряслось. Тимур ухватился обеими руками за спинки кресел. По стенам и потолку побежали трещины, источая едкий запах. Оперный зал натужно затрещал, хрустнул и раскололся как яйцо. Скорлупа его, мгновенно крошась, посыпалась под ноги Илайе – на зеркальный пол лабиринта. Илайя зажала нос, но запах разъедал глаза. Это был запах застоявшегося, взбродившего страха.

– Мира, ты здесь? – загнусавила она.

Одна из зеркальных дверей раскрылась внутрь лабиринта, и перед ней появилась Мира. Её туловище было обвязано грубым коричневым шарфом. Кожа её была очень смуглой, вместо волос голову увивала чёрная, не отражающая света субстанция. И лицо было как из воска – заострённое, лишённое мимики.

– Тебе страшно, Иманон, – оглядывая её, констатировала Мира, казалось бы, с удивлением. – А ведь ничего страшного ещё не случилось.

– Что со мной происходит?

– Ты добралась до глубинного уровня свободы. Как сказали бы физики, до субатомного. И вот результат – ты в плену у своего выбора.

– Ты пытаешься запугать меня. Но я знаю, что всё это иллюзия. Сон.

– А разве сон не реален? Ты сомневаешься. Поэтому ищешь в себе, а теперь и во мне подтверждение того, что происходящее с тобой – нереально, – Мира вздохнула с некоторой усталостью. – Свобода воли тяжеленная субстанция. Она подвергла твоё сознание сильному натяжению, и теперь оно вибрирует, порождая трансцендентные

образы и сюжеты, которые есть ни что иное как воплощение твоей памяти, текущих событий твоей жизни и предчувствие будущего. Изменился способ обработки, но материал самый натуральный, и опыт, который ты переживаешь, вплетается в твою жизнь. Ты видишь именно то, что происходит, происходило и будет происходить, хоть и в деформированном виде. Твоё натуженное свободой сознание интерпретирует действительность на незнакомом тебе языке, но если постараешься, ты заметишь связь. Она есть. В каждой детали.

– Я хочу прекратить этот кошмар, – с жалобой возразила Илайя. – Вернуться домой. Выпусти меня отсюда, Мира! Ты же знаешь, как!

– За одной из них, – Мира кивнула на множество зеркальных дверей. – Выход в мир, где всё стоит на привычных для тебя местах. Освободись от свободы, и ты безошибочно определишь его.

– Тогда зачем она вообще была нужна, если ты так настырно требуешь её себе? Зачем была дана?

– Я скажу тебе, во что верю сама, – сказала Мира. – Любой путь полон ошибок. Так и путь творения. Поселить первичный ветер в здешних краях – провалившийся эксперимент. Одна из ошибок творения, которую нужно исправить, чтобы двигаться дальше. Ты – живое тому подтверждение. Ты затянута в чёрную дыру силой притяжения собственной свободы. Ты пренебрегла всеми мнениями, сделала ставку на себя в надежде, что внутренний свет укажет тебе верный путь. Но он заманил тебя в ловушку. Очень скоро ты обнаружишь себя в тупике зависимости от самой себя. Осознаешь, что твоё естество предаёт тебя. Каждый твой шаг – это фатальная ошибка.

– Или это так, – с сомнением сказала Илайя. – Или ты пудришь мне мозги.

Эти слова отразились на лице Миры презрением.

– Ты в шаге от дома, – сказала она. – Что нужно мне – ты знаешь. Тебе решать.

– Если есть выход, значит, я и сама могу найти его, – стыдливо сказала Илайя и, придерживаясь за стены, побрела по лабиринту.

– И не поспоришь, – исчезая, усмехнулась Мира.

– Я не боюсь, – уговаривала себя Илайя. – Я не боюсь.

Но страх, присмиревший в присутствии Миры, набросился на неё и вцепился мёртвой хваткой. И, проклиная мечты о покое, Илайя подчинилась лукавой слабости и вошла в первую попавшуюся дверь.

За нею не было её привычного мира. Но вновь был знакомый оперный зал. Илайя стояла в ложе. Справа от неё была пустая сцена, а перед нею – пустой партер. Театр был сыр и беззвучен, скудно освещён лишь парой портальных софитов над занавесом и глубоко замкнут в себе. Илайя помнила, что была здесь с Тимуром каких-то полчаса назад, но теперь зал выглядел так, словно не видал искры жизни миллионы лет.

Илайя перелезла через бортик ложи и прошлась по зрительному залу, прислушиваясь – ни одного звука. Вдохнула затхлый воздух. Заглянула в несколько лож. Никого. Уселась в кресло проверить, не обрела ли, ненароком, убежища. Ей, наконец, не нужно было никуда мчаться. Выполнять какие-то задачи, спасаться от страха. Попробовала собраться с мыслями, чтобы обдумать своё положение и постараться увязать всё стихийно, возбуждённо пережитое. Но мысли расползались, как мокрая бумага. Попробовала уснуть. Но сон не пролазил в эту склепную лунку. Не за тем она здесь. Но зачем?

Илайя сфокусировала взгляд на сцене. Нижний занавес был опущен. Что там сейчас? Калейдоскоп? Спиннер? Пустота? Ничто не мешало заглянуть.

Илайя поднялась на сцену. От занавеса веяло тревогой. Не надо, сказала она себе, это ловушка. Пока не знаю, что там – она не работает. Но рука капризно вздёрнула край

занавеса, и в блеклом облаке света Илайя увидела открытый гроб. В испуге она отдёрнула руку, и занавес скрыл от неё скорбное зрелище.

Больше не открывай, требовал здравый смысл, – не надо знать, кто там. Но ноги повели её к включателю подъёмного механизма.

Занавес пошёл вверх. За ним была глухая чёрная стена, а перед нею, расставленные вряд, стояли три открытых гроба. Три знамения чьих-то несбывшихся надежд. Три спасительных пути, окончившихся тупиком. Не сопротивляясь закрепляемым на внутренностях кандалам тревоги, Илайя ковыльнула вперёд и разглядела, что то были не три гроба, а три глубоких корыта, и в них, задавленные валунами, похожие на тряпичных кукол на дне корзины с игрушками, валялись три мёртвых тела. Юлий. Ольга. Леонард. Лица у них были серые и перекошенные, шеи вывернуты, конечности неестественно разбросаны под грудой камней. Казалось, что даже мёртвыми они продолжают страдать от таких неудобных поз.

Мама. Папа. И Юлий.

Илайя услышала собственное рыдание, увидела, как жмутся к лицу, к шее, к груди, хватаются за волосы спазмированные руки.

Когда она воображала, как вела бы себя, если бы умер самый дорогой её человек, она не могла представить, что сумеет рыдать – так просто выразить свою боль. Не могла представить, что будет кричать от отчаяния. Ей думалось, что если бы довелось увидеть мёртвым самого дорогого человека, она не смогла бы пошевелиться, даже звука не смогла бы издать. Ей думалось, она была бы уничтожена и единственное, что она смогла бы – повалиться на пол и умереть на месте. Она надеялась, что если бы такой момент наступил, она бы просто выключилась и тихонько погасла, лишь бы не успеть осознать, что её мира больше нет.

Но механизмы тела работали по своим законам, сокрушая его гормональными смерчами, пока Илайя, стоя внутри воронки, пыталась наскрести оттуда теста на утешительную обманку, что это только страшный сон.

Кто-то подошёл к ней сзади. Илайя обнадёженно обернулась. То был он – охраняемый ею ребёнок. Неузнаваемо постаревший. Похожий одновременно и на старика, и на старуху. Ребёнок взял её за руку и, глядя на мёртвых, вздохнул.

– Было же сказано – никого не останется.

Рука Илайи выскользнула из сухой потресканной ладони ребёнка.

– Они умерли? – спросила она.

– Все друг за другом.

Умерли. Все. Друг за другом. И от лицезрения полного краха её отделяет только ядовитый и неприступный фронт чужой смерти. Фронт, который отрекается от неё, не принимает её, но усиливает контраст между «есть» и «нету» и за которым «есть» неизбежно преломляется в «было». Вот они – те, кто привели её сюда, обещая спасение, но всё, что смогли предложить ей – эти гробы вместе с их «было». Предатели.

Зажужжал механизм занавеса. Илайя с усилием разогнула тугую, как будто не свою, шею, и голова её бессильно запрокинулась назад, а сверху медленно, дразняще, как карикатурная гильотина, опускалось бархатное лезвие занавеса. Когда занавес приспустился, Илайя заметила на нём перекрут, а потом он опустился до конца, и в наступившей темноте Илайя испуганно спросила.

– Ты ещё здесь?

А в ответ услышала аплодисменты. Она отодвинула занавес и ступила на красный ковёр с жёлтыми лилиями в комнате с купольным сводом.

– Добро пожаловать в клуб!

– Добро пожаловать, миленькая!

Её приветствовали аплодисментами. Шестеро старцев, Тимур Семуров, мать ребёнка, Лидия, убитый Тимуром следователь, Анатолий Красуцкий, и Лиза Бронс, и Анна, и кое-кто из подопечных Натальи Красуцкой, и парочка завсегдатаев маминых вечеринок, и Рита Сойка с прочими однокурсниками, и даже приятель Юлия Костя, которого Илайя никогда не видела, но была уверена, что это он, – кого здесь только не было. Все радостно возбуждённые, ясно улыбающиеся.

– Шампанского вновь прибывшей! – провозгласил один из старцев и поднёс Илайе бокал из цветного хрусталя. – Присоединяйся к нам и повеселись от души!

– Но там мои родные!..

– Прими это, – ласково перебил старец и добавил со сладкой улыбкой. – Всё будет хорошо. И даже лучше!

За спиральным столом сидели и, любовно поглаживая друг другу руки, переговаривались две бабули: одна – вязальщица из дома у поля, а другая – новая, незнакомая. Их ножки, не доставая до пола, трогательно свисали со стульев.

– Да, Айса собственной персоной, – ответила на её мысль подвернувшаяся мать ребёнка.

– А где ребёнок? – забеспокоилась Илайя.

– В безопасности.

– Но Айса здесь… Убить же его явилась?

– Конечно же, нет. Айса не убийца. Айса – это первичная душа, от которой произойдут многие другие, чтобы заселить осиротелый мир.

– Браво! Браво! – реагируя на эти слова зааплодировали гости клуба.

– Мир без свободы воли? – строптиво уточнила Илайя.

Мать ребёнка вздохнула с покровительственной улыбкой.

– Слушай, тебе не о чем беспокоиться.

– Где сейчас ребёнок? – не унималась Илайя.

– Да расслабься ты! – вклинилась в разговор подошедшая Анна. Сердце Илайи защемило от особого, лишь Анне свойственного очарования. Анна была, как всегда, беспристрастно рассудительна и ненавязчиво самоуверенна. – Наслаждайся моментом!

– Больше позитива! – подмигнул, проходя мимо, Тимур Семуров.

– Мне плохо, Анна, – пожаловалась Илайя. – В голове кавардак.

– Выпей шампанского, – подсказала она. – Это, между прочим, Кристаль.

Илайя сделала глоток и почувствовала тошноту.

– Пойдём потанцуем? – предложила Анна.

– Мне нехорошо.

Анна усадила её на диван и села рядом, ласково склонённой головой выражая готовность внимать ей, даже исполнить какую-нибудь прихоть. Но угадывалась в ней и еле уловимая досада, будто она жаждала иных развлечений, но по какой-то причине была вынуждена увещевать Илайю.

– Анна, я только что видела!...

– Не думай об этом, Илайя. Всегда приходится чем-то жертвовать. Ради цели, для которой ты рождена, – Анна погладила её по щеке. Прикосновение её пальцев было приятным.

– Они говорят, что я сгенерировала Айсу, чтобы заселить новый мир, в котором не будет свободы воли. Что ты об этом знаешь?

– Я знаю одно, – Анна наклонилась к ней с нежной улыбкой, а лицо её вдруг сделалось выпуклым, как будто Илайя смотрела на него в дверной глазок. – Ты всё сделала правильно.

– Я так не думаю, Анна. Они угрожали отдать меня в лапы бесноватой сущности, если я не приведу им Айсу. Айса уже здесь. Но и этот некто – безумно страшный – он стал ближе. Я чувствую его рядом. И отчего все такие ласковые? Меня это смущает, Анна. Не собираются ли они исполнить угрозу?

– В твоих словах нет логики. Даже если принять угрозу всерьёз: коль условием была Айса, ты его выполнила. Попробуй расслабиться, – Анна подняла бокал, вынудив Илайю чокнуться с нею.

После второго глотка шампанского Илайя почувствовала себя совершенно пьяной. Гости сновали по клубу, приторно вежливые, сумасбродно весёлые. Каждый считал своим долгом выразить Илайе внимание. Иные подходили и осведомлялись о самочувствии, заклинали, что всё будет хорошо. Другие кланялись издали. Третьи просто махали рукой. У Илайи кружилась голова. Перед глазами проплывали сладкие улыбки, растягиваясь в оскалы. И чем выше поднимался комнатный уровень сахара, тем сильнее становилось беспокойство за судьбу ребёнка и чувство приближения личной опасности.

Она решила не сводить глаз с Айсы и мысленно призывала ребёнка появиться в комнате. Скоро она заметила за спиною у Айсы неаккуратность обойного шва, а присмотревшись, обнаружила линию дверного проёма. Там в стене была грубо замаскированная дверь, а Айса, сидя под стеною, как бы охраняла вход.

Илайя соврала Анне, что сходит в туалет, и ломанулась через гостиную к той двери. Айса с сестрой встревоженно поднялись ей навстречу. Тут же со всех сторон подскочили старцы и прочие гости.

– Вы там его прячете? Уйди с дороги! – приказала она Айсе.

– Лучше не надо, – предупредил следователь Геннадио. – Только усугубишь!

– Что ты с ним сделала? – напустилась на Айсу Илайя.

– Лучше спроси у себя, что ты с ним сделала! – веско и неприязненно произнёс Тимур Семуров. – Воля Айсы – твоя воля. Ты ведь не поделилась с нею свободой! Зажала!

– Захапала! – подхватил кто-то из старцев.

Они столпились у потайной дверцы, и Илайя пыталась понять по их лицам, насколько серьёзно они готовы ей препятствовать. Лица были скорее предупредительными, чем воинственными. И Илайя стала решительно протискиваться.

– Милая, ну не лезь ты не в своё дело! – строго сказала мать ребёнка. – О чём ты вообще думаешь? Глобальные проблемы – что за фантазии!

– Скольких уже сгубила подростковая жажда спасти мир, – покачал головой один из старцев.

– Подумай о насущных проблемах! – повысила голос мать ребёнка. – Подумай о своих родных. Ты их не уберегла. Пока мир спасала!

Илайя нащупала крошечное отверстие, зацепила дверь пальцем и потянула. За дверью были каменные стены коридора, освещённого настенным фонарём. Илайя втиснулась в коридор, и чуть только отступила от порога, как болтающаяся на петлях дверь, ведущая из Клуба, тихонько затворилась. В том месте, где висел фонарь, находился вход в крошечную каморку, и там в ржавой тюремной клетке на горстке соломы сидела девочка. Илайя дёрнула за прутья решётки, и та поддалась, отодвинулась в сторону. Илайя засунулась в клетку, опустилась на корточки и протянула к ребёнку руки.

– Пойдём со мной, – сказала она. – Поверь в меня ещё раз. Я знаю, куда нам нужно. В самое начало.

Девочка недоверчиво повела головой.

– Здесь безопасно.

– Я была на твоём месте. Тоже пережидала в этой комнате. Тут ничего не дождёшься.

Илайя вывела девочку из клетки, затем из каморки, и повела дальше по коридору – в тёмную прихожую, которая упиралась – Илайя знала – в чугунную калитку, через которую она впервые попала сюда с трансцендентного кладбища. Ключ так и оставался в скважине – с тех пор, как закрылась здесь от преследователей, больше этой дверью не пользовалась. Илайя провернула его и с усилием оттянула тяжёлую плиту.

Они стали вдвоём на пороге, а перед ними золотилось бескрайнее пшеничное поле. Небо было поражено странностью – вдалеке слева оно обрывалось и зияло едва различимой чернотой. Рясные колосья раздольно качались под дуновением мягкого пассата. Тут и там среди колосьев можно было видеть людей. Все они были изнурены. Но не тяжким трудом жнеца, а какой-то болезненной немощью. Тощие, сухие фигуры напоминали пугала. На лицах маски Гиппократа, глаза пусты. Одни, сгорбившись, сидели на земле. Другие согнулись над колосьями. Они почти не двигались. Кажется, у них не было сил даже для малого движения. Но пальцы их тянулись к зёрнам. И этих сверхлёгких прикосновений было достаточно: зёрна сыпались на землю, но никто не поднимал их. Иное зёрнышко угождало в костлявую ладонь, и ладонь несла его ко рту, как подвешенная к лебёдке паллета несёт непомерный, обрывающий тросы груз, и прилипала к губам, чтобы не оборонить тяжко добытое. Челюсть выдвигалась, подталкивая зерно к глотке. Судорожное сглатывание, сокрушительное и энергозатратное, как ракетный запуск. И тут же тело несчастного встряхивало внутренним взрывом, и начиналась рвота. Изо рта стекала зловонная мутная масса. Отмучившись, иные валились на землю, другие замирали в неестественных позах. Но скоро снова тянулись к еде. По всему полю булькали болота блевотного смрада, заквашивая осыпавшиеся зерна спелой пшеницы.

Илайю вдруг одолели жуткое чувство голода, боль в желудке и, вместе с этим, парализующая слабость. Ещё несколько человек у неё на глазах совершили попытку утолить голод, но исход был таким же – вся сила проглоченного тратилась на рвоту.

– Закрой эту дверь, – сказала Илайя ребёнку, чувствуя, что не способна на такое усилие.

Девочка сделала то, что она просила, как могло показаться, с некоторым ехидством.

Илайя почувствовала, как отступает охватившая её голодная немощь.

– Что дальше? – невинно спросила девочка. – Я ведь говорила, что тут безопаснее всего.

Илайя прошла обратно к потайной дверце в стене Клуба и толкнула её. Из осторожности задержалась на пороге, но инстинктивно уцепилась за выскакивающую наружу девочку.

И вот они, держась за руки, очутились посреди ясного дня на широком пляже Асседии.

Глава 19. Под эпителием страха

По небосводу шла колоссальная чёрная трещина, будто кто-то извне надрезал небесную сферу как торт и вытащил кусок в форме треугольной призмы.

Разлом проходил поперек всей видимой части неба и моря. Ближний нижний край его врезался в линию берега, дальний терялся за горизонтом. Внутри разлома была глухая чернота, а справа на землю падала тень от него, и лишь несколько фонарей спасали ту зону от кромешного мрака.

Кромки небесного свода, разрезанного разломом, казались набухшими и потемневшими. Морская вода была мутной и сорной, перевязанной рваными бинтами пены, и напоминала прокисший зелёный борщ. Должно быть, именно она источала то гнилостное зловоние, что висело в воздухе. Течение гнало морские воды к разлому, куда они сливались плоскими вялыми потоками.

У того места на берегу, где начиналась трещина, виднелся шпиль, к которому на большой высоте были прикреплены три «ножки», представляющие собой по два последовательно соединённых маятника. Сейчас «ножки» свисали в свободном положении, но было ясно, что при каких-то условиях они приходят в действие и, видимо, служат какому-то результату. Рядом с маятниковым шпилем был установлен столб с двумя рупорами. Один рупор был ориентирован на маятниковую систему, другой – развёрнут к пляжу. Вся система была отграничена от пляжа сетчатым забором с козырьком из колючей проволоки.

У истока разлома собралось несколько групп людей. Одни – в защитных костюмах – сосредоточились возле шпиля и громкоговорителя. При них имелась металлическая коробка на колёсах с рукояткой. Другие – в спортивной форме – скучковались вокруг крикливого коротышки и выполняли упражнения: приседания, бег на месте, прыжки с ноги на ногу. Вдоль берега растянулась группа одетых как рыбаки: они были в резиновых комбинезонах, перчатках с длинными манжетами и вооружены сачками. Были ещё двое, по виду не примыкавшие ни к одной из групп: один молодой, другой – значительно старше. Путаясь под ногами у бригады в защитных костюмах и отмахиваясь от ругательств, молодой нацеливал на разлом прибор, напоминающий удочку, с экраном.

Скоро стало заметно, что трещина в небе постепенно сокращается, а расколотые части земли идут на сближение, как полукорпуса аккордеона при сжатии мехов. Ножки маятниковой системы, подвешенной на шпиле, беспокойно задёргались, а на берегу началась суета. Люди, гулявшие по пляжу, ухватились за многочисленные закреплённые в земле перила и уставились в небо. В эту минуту затрещал громкоговоритель:

– Уважаемые сограждане! Через несколько секунд совершится попытка стыковки номер двадцать один после десятого триллиона! В процессе стыковки не забывайте придерживаться за поручни безопасности во избежание травматизма! Команде спортсменов – занять позиции и приготовиться к прыжку! Сил и удачи вам, наши герои!

Сократившийся раскол напоминал теперь чёрную молнию. Раздался треск, земля болезненно задрожала, с её краёв посыпались каменные щепки. Илайя, потянув за собою ребёнка, отбежала к торчащей из земли металлической дуге. Следуя примеру пляжных ротозеев, они плюхнулись на землю и сцепили руки вокруг перил.

Расколотые края со скрежетом соприкоснулись, сообщая маятниковому шпилю мощный толчок, от которого его «ножки» пришли в сумбурное движение. И в то же мгновение спортсмены, кто – с разгона, кто – с места, сиганули через разлом, и через секунду их тела барахтались в воде, борясь с течением, которое несло их в разлом. А края земли стали медленно расходиться в стороны.

Илайя огляделась. Люди вставали с земли и благоговейно переглядывались. Те, что были в рыбацких комбинезонах, зашли по пояс в море и перечёрпывали воду сачками. Бригада в защитных костюмах дождалась, пока «ножки» маятника успокоятся, затем один снял крышку с корпуса у основания шпиля, и они выкатили из тамошней полости кристаллическую сферу, внутри которой проносились электрические разряды. В металлической телеге оказалась такая же сфера, только разряженная. Её спустили по трапу и установили в полости шпиля, а заряженную сферу закатили в освободившуюся камеру тягача, после чего удалились.

Через пару минут у истока разлома остались только двое мужчин, которые что-то энергично обсуждали, пока вновь не зазвучал громкоговоритель.

– Уважаемые сограждане! Совершилась попытка стыковки номер двадцать один после десятого триллиона! Площадь соприкосновения боков составила девяносто девять целых и девятьсот восемьдесят три тысячных процента. Продолжительность соприкосновения – одна сотая доля секунды. По данным диспетчера МЭС энергетический выплеск составил почти три миллиона единиц, что на один процент выше объёмов энергии, добытых во время предыдущей попытки стыковки. Скоро закончится обработка свежей партии зёрен и расшифровка послания маятника, и будут озвучены имена спортсменов, которым удалось перепрыгнуть через разлом. Также будет оглашён список прыгунов, избранных для следующей попытки стыковки. Примерное её время – через пятьдесят шесть минут.

Громкоговоритель замолчал, а двое на берегу возбуждённо затараторили. Илайя, держа за руку девочку, двинулась к ним, чтобы услышать разговор, но скоро наткнулась на пропускной пункт. У шлагбаума сидел дедуля-вахтёр. Он встал и спросил у них удостоверение. Илайя растерянно отступила. Охранник смерил Илайю и девочку снисходительным взглядом.

– Спортсмены? – спросил он. – Прыгуны?

Илайя отрицательно покачала головой.

– Ну, не с энергостанции же точно?

– Нет, – сказала Илайя.

– Собиратели образцов, что ли? Из лаборатории?

Илайя настороженно молчала.

– Здесь посторонним нельзя. Это территория МЭС. Маятниковой энергостанции. Очень опасно! – словно с сожалением сказал вахтёр и с осторожностью в каждом движении вернулся на стул.

Илайя заметила кучку детишек, повисших на ограде. Они не сводили жадных печальных глаз с моря. Ещё она заметила, что края земли продолжают расходиться, а раскол – шириться.

– А эти? – Илайя кивнула на пару мужчин у истока разлома.

– Старший научный сотрудник МЭС. Сис. И его стажёр. Эрор, – пояснил охранник.

В этот момент затрещала его рация:

– У пропускного пункта идентифицированы наблюдатели. Доступ открыт.

Охранник тут же услужливо засуетился, поднимая шлагбаум. Илайя кивнула с благодарной улыбкой и устремилась к учёным. Того, что помладше, Илайя встречала в Клубе – парень, которого она посчитала геофизиком Костей. Старший – которого охранник назвал Сисом – был долговязым лысым мужчиной с грустными глазами и густым шевроном. Линии его лица казались оттянутыми книзу.

– Вышло точно, как я предсказывал – девяносто девять и девятьсот восемьдесят три, – запальчиво толковал юнец. – Давай проверим при следующей попытке стыковки – если

обнаруженная мною закономерность верна, то площадь окажется девяносто девять и девятьсот шестьдесят пять, затем девятьсот тридцать один. А тысяча двести сорок седьмая попытка стыковки даст площадь соприкосновения девяносто девять и девятьсот девяносто семь процентов! При таком показателе на долю секунды мы получим участок, полностью свободный от тени. Это уже что-то! Пусть зыбкая, но реальная надежда перебраться через умбровый шов.

– Некоторые перебираются на ту сторону и через разлом, – другой почесал выдающийся лоб. – Если прыгнуть близко к берегу, то есть шанс доплыть прежде, чем снесёт в разлом.

– Если бы всё было так просто, не пришлось бы принести миллиарды бессмысленных жертв, – парень, которого Илайя посчитала Костей, а охранник окрестил Эрором, кивнул назад, где в паре сотен метров, окружая пляж сплошным хребтом, высились бледно-жёлтые холмы. – Ради пары десятков допрыгнувших. Если они и в самом деле допрыгивают…

– Сомневаешься в этом? – нахмурился оппонент. – Думаешь, нам лапшу на уши вешают?

– А что даёт нам основания верить, что они допрыгивают? – понизил голос Эрор. – Несчастная зазубрина на зерне? Неужто, если бы и правда оказывались на изобильной земле, они не нашли бы способа дать нам более веское свидетельство? Здесь остаются их семьи – неужто никто из них за миллиарды лет не нашёл бы способа переправить сюда зерно? Столько, сколько нужно, чтобы прокормить всех и перестать зависеть от энергии хаоса. И ещё! Почему статистика ведётся только по помеченным зёрнам? Почему они не считают, сколькие залегли в холмы? Ведь если бы мы знали, что, например, из тысячи прыгунов трое перепрыгнули разлом, и девятьсот девяносто семь пополнили хребет, – это было бы достоверно. Но они не считают жертвы. Или, по крайней мере, не оглашают! Почему? Нет, я твёрдо уверен, что политика прыжков через разлом в корне ошибочна. Двавно пора перестать губить людей.

– Ты понимаешь, что твои речи посягают на порядок вещей? – опасливо покосившись на гряду, замыкающую пляж, шикнул Сис. – Молись, чтобы глупость твоя не растревожила божьего сна. Ты подумал, во что мы превратимся без энергии маятника, когда прекратим прыжки? Или ты полагаешь, что он будет продолжать давать нам энергию и после того, как мы перестанем ему подчиняться?

– Я полагаю, что нужно использовать все наши знания и мощности для достижения стыковки. Снять печать неприкосновенности с образцов. Вспомнить, что это обычные пшеничные зёрна. Разрешить принимать их в пищу. Запасов зерна в лабораториях хватит на добрую тысячу попыток стыковки. Использовать энергию маятника для разгона краёв. Почему нельзя поступить так?

– Потому что тысячи поколений учёных поумнее нас с тобою отказались от идеи стыковки, – отрезал пожилой учёный. – Думаешь, ты первый, кто тешит наивные догадки, которые суть ничто иное как посмертные судороги мечты о спасении? Стыковка не заложена в конфигурацию планеты. Это трибар. Нет у неё, пойми, необходимой грани, чтобы принять стабильную форму. Все мы – жертвы грубой ошибки расчётов, в результате которой мир отторгает свои базовые части. Мы воплощаем брак творения. И всё, что есть у нас, – это достигнутая в сделке с хаосом толика порядка, на которой и держится наш мир. Мизерный шанс вырваться на ту сторону одним единственным способом – перепрыгнув разлом. Пусть даже ценою жертв. Это единственный жизнеспособный порядок вещей. Всё остальное – блажь.

Эрор покосился на ванильные холмы.

– Ну, хорошо, а умбровый шов, – примирительно сказал он.

– А что умбровый шов? Будто тебе неизвестна судьба тех, кто пересёк его. В том смысле, что о судьбе этих несчастных вообще ничего неизвестно.

– Зато мне известно, что ждёт тех, кто угодит в разлом. И эта участь меня совсем не вдохновляет. Мне ни за что не перепрыгнуть разлом. Уж лучше шагнуть в неизвестность.

– Что ж, никто не запретит тебе выбрать умбровый шов вместо прыжка, когда выбор маятника падёт на тебя, – веско сказал Сис, а взгляд его виновато понурился.

– Да будет маятник благосклонен ко мне и отмерит мне ещё немало новоразломий!

Разлом, тем временем, существенно расширился и теперь напоминал полураскрытый веер. Одновременно росла и тень от него, и густая тьма потихоньку накрывала правую часть пляжа, подвигаясь к маятниковой конструкции. Толщу мрака прорезала, словно луч света, идущая параллельно берегу аллея фонарей.

– Простите, – сказала Илайя, глядя на надвигающуюся тень. – А эта штука сейчас нас накроет? Это не опасно?

– Нас не накроет, – тут же отреагировал старший учёный, поворачиваясь к ней с вымученным дружелюбием на лице. – Вон, откуда начинается аллея – видите, ближняя лавочка и фонарный столб подле неё, – это крайняя черта зоны сна. Тень никогда не заходит за неё.

Уловив вопросительный взгляд Эрора, Сис пояснил.

– Это подписчики. Наблюдатели.

Юный учёный кивнул с пониманием и лёгким разочарованием.

– Что это значит – зона сна? – спросила Илайя.

– Пространство, попадающее под тень разлома. Его наполняет всепроясняющая тьма. Она проникает сквозь защитные оболочки вещей и проясняет скрытые здесь, на свету, особенности форм и явлений. Но опасаться её не стоит. Формы и явления в зоне сна не изменяются – только выглядят иначе. И всё, что по мере сокращения разлома возвращается на свет, обретает привычный вид.

– А нам туда можно? – сглотнув, спросила Илайя.

– Наблюдателям можно, куда угодно.

– А вам?

– Формально зона сна общедоступна. Но обычно там малолюдно. Все усилия в этой зоне умножают на сон. Если не принимать это в расчёт, можно потратить там много энергии, предпринимая пустые попытки добиться какого-то результата, а энергия – это наш главный дефицит. Поэтому человек в здравом уме туда по своей воле не пойдёт. В зоне сна встретишь разве что сумасбродных влюблённых да сумасшедших учёных. Вот чьи сердца и умы будоражит всепроясняющая тьма, обещая одним – таинства обнажённых душ, а другим – приподнятые покровы над их вожделёнными истинами.

Слова Сиса, видимо, взволновали стажёра – он возбуждённо засопел и застучал зубами.

– Я Сис, – вдруг представился усатый учёный. – Мой коллега – Эрор.

– Да, – кивнула Илайя. – Мне сказал об этом охранник на входе.

– До полноразломия одинадцать минут, – напряжённо сказал Эрор. – Сейчас озвучат новых прыгунов.

– Зачем они прыгают через разлом? – спросила Илайя, проследив, как тень захватила очередную лавочку, над которою тут же зажглись фонари.

– Разлом кажется непреодолимой брешью, – сказал Сис. – Все исследовательские группы, которые пытались преодолеть или хотя бы изучить его с воды, погибли. Мы снабжали катера самыми мощными двигателями, защищали их от действия кислот, наполняющих море, но сила течения оказывалась больше, и их сносило в разлом. Никто не знает, – что там, за горизонтом. Как широко простирается это ядовитая жижа и насколько далеко

пролегает разлом. Но потом учёные обнаружили, что во время встряски, вызванной попытками стыковки, часть жижы перехлёстывает через разлом и заливается с другого края земли в море на нашей стороне. А к берегу прибивает пшеничные зёрна, принесённые потусторонней жижей. Так мы поняли, что, во-первых, расколотые части земли способны сообщаться между собой, а, во-вторых, что на той стороне есть пшеница. С той поры начались попытки перепрыгнуть разлом. Они повторяются каждое новоразломие. Задача прыгунов – постараться перебраться на другой край, достигнуть плодородных земель и употребить все наши знания и достижения на то, чтобы переправить сюда хоть сколько-нибудь значительную партию пшеницы. Но всё, что мы получаем – это пара десятков зерён при каждой попытке стыковки. Редкие зёрна имеют зазубрины – это послание от тех, кому удалось допрыгнуть. Они надкусывают зёрна, чтобы дать знать, что добрались до полей. Но больше никаких известий от них мы не получаем. Как и долгожданной пшеницы. Очевидно, что переправить пищу на эту сторону не удаётся.

– Почему нельзя перейти на ту сторону по суше, где кончается разлом? Это как-то связано с зоной сна?

– Почти. В самом центре зоны сна лежит умбровый шов – линия, по которой проходит тень от разлома в момент наименьшей его ширины, то есть, в момент попытки стыковки. Тончайшая стена беспросветной тьмы. О том, что она тончайшая, мы можем судить только по ширине разлома. Увидеть сквозь неё свет, что позволило бы судить о её действительной ширине, с этой стороны невозможно. Есть множество теорий о том, что происходит с человеком, пересекающим умбровый шов. Самая правдоподобная из них состоит в том, что, столкнувшись с природой всего сущего в неприкрытом виде, человек теряет ориентацию и не может сделать одного единственного верного шага, чтобы выбраться в реальный мир. И потому бесконечно скитается в тьме вещей. Согласно этой теории зона сна – это краевой эффект умбрового шва. Факт в том, что все, пересёкшие умбровый шов, бесследно исчезли. И нам остаётся лишь строить догадки о том, что с ними произошло.

– Почему вы исключаете, что они благополучно перебираются на другую сторону?

– Маятник теряет их из виду. Они не отражаются в его статистике как перебравшиеся или ставшие жертвами.

– А маятник – вы говорили, что он выбирает, кому прыгать. Что произойдёт, если вы перестанете следовать его выбору?

– Маятник перестанет питать нас. Так уже было в эпоху революции. Люди взбунтовались против хаоса, упрямо игнорируя, что в отсутствие провизии именно он – единственный доступный нам источник энергии для существования. Когда наши предки опомнились, местные жители были уже настолько обессилены, что не могли даже сдвинуться с места. Пришлось принести массу жертв, чтобы восстановить баланс.

– Значит, без энергии маятника вы умрёте?

– Мы не умрём. Потому что мы бессмертны. Единственный способ умереть для нас – броситься в разлом, – пробормотал Эрор, и в глазах его мелькнул ужас.

– Без энергии маятника мы ослабнем, – с грустной улыбкой сказал Сис. – Степень бессилия будет стремиться к бесконечности. Мы выполняем волю маятника и прыгаем – снова и снова, чтобы не стать бессильными.

– А те, кто не допрыгивают – погибают?

– Те, кто не допрыгивают, становятся жертвами. Все они здесь, – Сис показал на хребет, перекрывающий пляж с противоположной стороны. – Видишь те холмы? Это кости людей, упавших в разлом. Каждое новоразломие они пополняются новыми жертвами.

– Кому эти жертвы? – похолодев, спросила Илайя.

– Богу, конечно, – пожилой учёный наморщил лоб. – Он погребён под ними. Чем больше жертв и чем выше холмы, тем крепче его сон.

– Если пойти через холмы, можно попасть на ту сторону? – вдруг спросила девочка.

– Никто этого не знает. Холмы неприкосновенны. Они берегут божий сон. Никакой живой звук не должен нарушать покой этого места. Ведь если Бог проснётся, то участь жертв покажется нам раем.

– Что это за Бог, которого вы так боитесь? – покачала головой Илайя, но ни Сис, ни Эрор не ответили. Они смотрели на неё недоумённо, точно сами задали вопрос и ждали ответа.

В этот момент зазвучало объявление из громкоговорителя:

– Уважаемые сограждане! Объявляются результаты попытки стыковки номер двадцать один после десятого триллиона! Сотрудниками лаборатории собрано тридцать пять образцов. На одном из них обнаружен отпечаток резца Уфру Руфа, успешно преодолевшего разлом. Мы поздравляем счастливца! Внимание! Прослушайте список избранников маятника для прыжков во время следующего новоразломия.

Голос в громкоговорителе стал медленно и чётко озвучивать имена. Среди прочих внезапно прозвучало имя Эрора. Он побледнел и с отчаянной надеждой взглянул сначала на Сиса, а затем на Илайю с девочкой – увидеть по их лицам, точно ли они тоже слышали его имя. Илайя взглянула на Сиса, который стоял, опустив глаза с печальным смирением, – так стоят у гробов стариков их более жизнеустойчивые однолетки; а потом посмотрела на девочку – та, ковыряясь в носу, следила за летающей чайкой.

– Для спортсменов объявляется срочный сбор у маятника для встречи с тренером, переклички и подготовки к прыжкам. Там же производится запись добровольцев – напомним, что каждый желающий может присоединиться к команде прыгунов и получить шанс качественно изменить свою жизнь. Время следующей попытки стыковки – через двадцать девять минут.

Выступив немного вперёд, Эрор подавленно наблюдал, как к горластому тренеру подтягиваются избранники – удручённые и перепуганные, и добровольцы – бодрые ребята атлетического сложения. Разлом достиг максимальной ширины и, коротко хрястнув, стал сокращаться. Одинокая волна выбросила ему под ноги гнилые воды, и в них он заметил зерно. Парень быстро наклонился, словно чтобы очистить ноги от водорослей, и подобрал его. Затем обернулся к Сису и сказал:

– Ну что же, я надеялся, что мне не так скоро придётся исполнить своё решение. Но я его уже принял.

– Умбровый шов? – с благоговением уточнил Сис.

Эрор обречённо кивнул.

– Мы пойдём с тобой, – сказала Илайя. – В зону сна.

– Вы хотите перейти через шов? – с надеждой спросил Эрор.

Илайя с сомнением повела головой. Они с девочкой отступили к забору МЭС, пока Эрор выполнял формальности по откреплению от команды прыгунов, и Илайя снова заметила жадные взгляды детей, облепивших сетку.

Наконец, тренер увёл команду, а они вместе с Эрором пошли через пляж туда, где начиналась аллея фонарей. Мимо проходили парочки и проносились шумные компании, на подстилках отдыхали люди. Звучали разговоры и смех. На каждом шагу встречались рекламные щиты, изображающие аппетитную выпечку и спортсменов, летящих в прыжке.

– Вы говорите, что маятник даёт вам энергию, – подала голос Илайя. – Её достаточно для всех?

– Хватает, если соблюдать договор о прыжках через разлом, – неохотно ответил Эрор. Было видно, что он поглощён мыслями о предстоящем испытании.

– Там много детей… Мне показалось, они голодны.

– Да… Энергия маятника другого сорта, чем обычная пища. Это информационная энергия. Суррогат. С возрастом к ней привыкаешь. Но детям сложно. Они остро чувствуют нехватку живой пищи. Потом это проходит.

– Почему вы не едите зёрна? Сколько их у вас?

– Много тысяч тонн. Но они неприкосновенны. Это образцы. Семена-модели. Их используют для исследований и рекламы прыжков.

– Они несъедобные, что ли?

– Думаю, что вполне съедобные. Но на них лежит печать запрета. Таков закон.

– Неужели нельзя накормить хотя бы детей?

– Если дать детям зёрна, они не смогут потом довольствоваться энергией маятника. И когда это поколение вырастет, порядок вещей снова окажется под угрозой.

С этими словами Эрор вырвался вперёд и молча зашагал к аллее фонарей. Тень от разлома уже отступила от крайней скамьи. Вдоль аллеи был натянут ленточный конвейер, и на нём помещалась квадратная платформа. Она двигалась по конвейеру в темпе сокращения разлома – таким образом, что задняя грань её совпадала с линией тени. На платформе сидела на табурете женщина-вахтёр, в которой Илайя с ёкнувшим сердцем узнала Лидию.

Завидев приближающуюся компанию, Лидия встала и развела руки, точно собиралась их обнять.

– Бабушка Ласка! – вскричал Эрор, вскакивая на платформу.

– Бедный мой мальчик, ты решился, – погладив его по спине, проворковала Лидия.

Он кивнул.

– Что ждёт меня там, бабушка Ласка?

– Всем сердцем желаю верить, что ничего страшного, – пролепетала она. – Но вот и атлеты, – Лидия кивнула на группу спортсменов, которые затрусили мимо. – По ним можно часы сверять. До стыковки девятнадцать минут.

– Знаю. Я только помолюсь напоследок. И ты помолись за меня, бабушка Ласка.

Он уронил голову на грудь, зажал уши ладонями, а локти соединил, как бы закрывшись в перевёрнутом вигваме.

– О чём ты молишься, мальчик? – задушевно спросила Лидия.

– Я молюсь, чтобы где-то существовало что-то отличное от того, что мы знаем.

– Кому ты молишься?

– Страхам создателя, – Эрор шмыгнул носом.

Лидия потупила взгляд и перевела его на Илайю, а ступни её развернулась к девочке, которая всюду следовала за ней.

– Время не ждёт, бедный мой мальчик, – напомнила Лидия и ласково похлопала его по шее.

Эрор взял её руку и судорожно поцеловал.

– Отдай свою жизнь, если хочешь жить, – пробормотал он и решительно шагнул во тьму.

Илайя с девочкой вслед за Эрором скользнули в сырую ночь, которая пахла шерстью и гниющими водорослями. Фонари светили рассеянным жёлтым светом, и всё в этом свете – лавочки, фонарные столбы, фигуры людей – казалось серым. Как только тень сползала с

них – они вновь наливались цветом. Илайя посмотрела на Лидию – ей хотелось увидеть её при свете фонарей, но та держалась строго за пределами тени.

Из тьмы появилась группа бегунов, держащих путь в сторону маятника. За спинами у каждого виднелся шлейф в виде фигуры, бегущей в противоположную сторону. Бегуны бежали к свету, шлейф убегал во тьму. Стоило спортсменам выбежать из тени, как отбрасываемые ими шлейфы исчезли.

Илайя ускорила шаг, чтобы не отставать от рванувшего вперёд Эрора и обратила внимание, что рядом с ним появился фантом. Это был мужской силуэт, обращённый лицом к парню и сросшийся с ним в районе груди, словно сиамский близнец. У следующей лавочки, где свет был наиболее интенсивным, силуэт уплотнился, и в нём проступили черты Сиса. Эрор тащил его на себе, как сдутую куклу. Но под следующей парой фонарей Сис приобрёл упругость и смог опираться на собственные ноги. А скоро воплотился таким, как его двойник, оставшийся на территории МЭС, и тут же заговорил.

– Дурацкая затея! Ещё есть время одуматься. Если повернёшь назад, успеешь за спортсменами.

Эрор размахнулся и треснул Сиса по щеке. При этом он поморщился, точно почувствовал боль сросшегося с ним коллеги.

– Я знаю, на что ты рассчитываешь. Надеешься стать у шва и увидеть заветные поля на той стороне.

– Когитатум подскажет мне то, что нужно, – резко отозвался Эрор и снова влепил Сису пощёчину.

– Каждый из нас знает, что покажет умбровый шов. Твой собственный разлом. Разлом между тобою на этой стороне и тобою же на той. Ты надеешься, что другой край будет достаточно близко, чтобы ухватиться за него. Но в глубине души знаешь, что не сможешь дотянуться, – мстительно выпалил Сис и, в свою очередь, хлестнул упрямца по щеке.

Эрор заскрипел зубами и дёрнулся вперёд. Скоро им встретилась многолюдная компания. Они были по-разному причудливо одеты, а руки их были заняты всякой всячиной: у одного в руках был младенец, у другого – кошелёк, у третьего – доска для серфинга, ещё один жонглировал кеглями. Они водили хоровод вокруг человека, удручённо сидевшего на скамейке. Присмотревшись, Илайя заметила, что у всех людей в хороводе одинаковые лица, и такое же лицо у человека на скамейке. Перебивая друг друга, они увещевали сидящего на лавочке, но в какой-то момент зазвучали дружным хором:

– Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай.

Сис и Эрор бесцеремонно разомкнули цепь близнецов, которая, впрочем, стоило Илайе и девочке пробежать следом, тут же соединилась.

У другой лавочки сошлись парень и девушка: то были Юлий и Таня. Оба сели и с любопытством уставились друг на друга. Илайя притормозила, зачарованная этой встречей, но Юлий и Таня не обратили на неё никакого внимания и казались поглощёнными друг другом. Немного погодя Юлий деликатным движением взял Таню за руку и оторвал её. Повертел ею, как бы примеряя, и приставил к шее таким образом, что рука свесилась на живот ладонью наружу. Окинул Таню оценивающим взглядом, затем отсоединил левую ногу и поставил на то место, где только что была рука. Тогда Таня взяла Юлия за нос, открепила его и с влюблённой улыбкой прикрепила на запястье. Юлий позволил ей закончить, после чего торопливо оторвал её уши и поменял их местами. При этом он задел её носом, прикреплённым на запястье, а когда наклонился загладить вину поцелуем, наткнулся грудью на руку, торчащую из шеи. Оба рассмеялись и стали любоваться друг другом. Немного погодя Таня провела рукой по лицу Юлия и как бы ненароком сдвинула брови ему под глаза. Он так же непринуждённо, поглаживая её руку, торчащую из шеи, снял с неё пальцы и переместил поверх лба на манер обруча. И снова

они залюбовались друг другом. Затем Юлий крепко сжал Танину руку без пальцев. Когда они разомкнули ладони, на Таниной оказался крошечный малыш. Он быстро увеличивался в размерах, и скоро пришлось пересаживать его Тане на колено. В этот момент Таня аккуратно развернула его туловище так, что спина оказалась у малыша спереди, а живот сзади. Юлий, критически оглядев результат её работы, вытянул подбородок малыша и уложил между лопатками. Затем оба удовлетворённо переглянулись, и он взял её руку, свисающую с шеи, и передвинул за спину. Таня, в свою очередь, деликатно растянула в стороны его щёки. Малыш, тем временем, подрос и поднялся с Таниного колена. Юлий и Таня стали усердно гладить его по голове, пока вокруг ребёнка не образовался прозрачный пузырёк. Тогда они придвинулись друг к другу и обнялись, наблюдая, как сфера с ребёнком поднимается в воздух и медленно улетает во тьму. Они посидели так, а затем снова сцепили ладони и сотворили ещё одного малыша, а потом ещё одного. Обменявшись многозначительными взглядами, они нетерпеливо заёрзали, но к детям не прикасались. Однако пока Юлий отвлекся, чтобы почесать нос на запястье, Таня отогнула голову сидящего у неё на колене малыша назад и ласково заулыбалась Юлию. Тот улыбнулся в ответ и, когда Таня отвернулась к руке, висящей на спине, лёгким движением выдернул волосы с головы своего малыша и прикрепил их на талии. Затем каждый стал поглаживать ближайшего к нему ребёнка, пока вокруг них не возникли такие же пузырьки, как и вокруг первого ребёнка.

– До попытки стыковки минут пять, не больше, – предупредил Сис, выводя Илайю из ступора. Он сказал это с некоторым злорадством.

Они приближались к концу аллеи. Края разлома неумолимо шли на сближение, и граница тени догоняла их сзади. В окружающей тьме было что-то горькое, удручающее, от чего каждое движения становились всё более скованным. Илайя оглянулась на свет. Тень уже сошла с той лавочки, на которой сидели Юлий и его спутница, и на её месте была уже не Таня, а другая смутно-знакомая симпатичная девушка. Их фигуры были в порядке. Они увлечённо болтали, и глаза их светились от счастья. На соседней лавочке сидел человек, задумчиво глядя в небо.

Скоро Илайя заметила по обе стороны аллеи нагромождения блоков подковообразной формы.

– Что это такое? – спросила она у Эрора.

– Спрессованный мусор. Брикеты из обломков, которые насыпались при попытках стыковки, – авторитетно ответил Сис.

– А не может быть, что это стройматериал? – вдруг спросил Эрор. – Например, для моста через разлом.

– Опять ты за своё, – всплеснул руками Сис и влепил ему пощёчину, а сам повернулся к Илайе. – Это же зона сна. Не стоит принимать всерьёз то, что видишь здесь – это может свести с ума.

– Но если здесь всё такое, каким есть, то почему не нужно принимать это всерьёз? – глупо спросила Илайя.

– Потому что пусть тьма и проясняет, но свет сильнее тьмы.

Эрор вдруг затормозил. До умбрового шва оставалось две пары освещённых скамеек. Возле предпоследней пары фонарей виднелся забор, сбитый из деревянных досок. Эрор ринулся к нему, с трудом преодолевая сопротивление недовольного Сиса.

– Это ограда лабораторного склада, – возбуждённо пояснил он и стал простукивать забор. – Я не раз видел её на свету. Она была бетонная.

– Что ты творишь? – повысил голос Сис, видя, что Эрор пытается расшатать доски.

– Здесь хранится выловленное зерно, – доверительно сообщил Эрор, повернувшись к Илайе. – Целые горы. Хотел бы я это видеть.

Он отошёл на пару шагов и с разгону бросился на забор, толкнул его плечом.

– Проникновение на территорию склада лаборатории, хоть через бетонный забор, хоть через деревянный – преступление, – с яростной тревогой гаркнул Сис.

– Расскажи это человеку, который не обречён через три минуты переступить умбровый шов, – огрызнулся Эрор, сцепил руки в замок и, размахнувшись, стукнул по забору.

– Они найдут, как наказать тебя. Вернут к разлому, например. Заставят прыгать.

– Не успеют, – со злобным ликованием прошипел Эрор и боднул доску.

По его лбу потекла струйка крови, но и доска не осталась невредимой. Она треснула, открыв небольшой зазор. Эрор прильнул к щели, посмотрел внутрь и отшатнулся.

– Дай взглянуть, – примирительно попросил Сис, и Эрор покорно попятился, уступая ему место. Через секунду Сис отодвинулся от зазора и обречённо уставился на Эрора.

Илайя тоже наклонилась к щели и почувствовала, как к её щеке прижалась щёчка ребёнка. За забором не было никакого склада. Была лишь свалка мусора. Горы пустой шелухи возвышались, как рыхлые дюны, вокруг здания лаборатории.

Тем временем, Эрор вытащил зернышко, преступно подобранное им на побережье и поднёс его к фонарю. Чуть сморщенное золотистое семя, похожее на крошечную буханку хлеба.

– Надо торопиться, мы у последнего предела, – сказал он и подступил к необычному устройству, освещённому последней парой фонарей.

Устройство представляло собой плоский ящик в форме прямоугольного треугольника. Один из его катетов находился в плоскости шва, а гипотенуза и второй катет выступали в зону сна. Эту конструкцию можно было принять за наполовину скрытый во тьме пограничный знак. Правая стенка ящика была прозрачной, и через неё было видно, что в верхней части треугольника в шахматном порядке расположено несколько рядов крошечных шестиугольников, а нижнюю часть занимали длинные желобки. Сверху к ящику была присоединена воронка, набитая зерном.

– Это машина Когитатум, – сглотнув, сказал Эрор. – Она проводит через умбровый шов.

– Почему она приняла такую странную форму? – озадачился Сис. – Я слышал, что Когитатум принимает разные формы, но чаще всего – форму чёртового колеса.

– Кажется, я знаю, почему, – сказал Эрор.

С этими словами он поцеловал своё зерно, поднёс к воронке и уронил внутрь. И тут же машина пришла в действие: горлышко воронки раскрылось, и поток зерён посыпался по доске между шестиугольниками. Зёрна отскакивали в разные стороны и оседали в желобках. И когда полностью осыпались, в ячейках появились сформированные ими буквы: «Д» и «А».

– ДА, – прочёл Сис.

– АД, – возразил Эрор и с раздражением треснул безотвязного начальника по щеке. Но тут же получил ответную пощёчину.

– Коварная машина! До чего же ты довёл, упрямец? Если сию секунду побежишь вдоль шва, то у тебя будет шанс успеть к разлому!

– Не в том дело, – оборвал его Эрор, глядя на две зловещие буквы. – Я уже принимал это решение. Я вспомнил.

– Какое решение?

– Совершить переход. Я уже делал этот выбор.

– Какой выбор?

– Я не помню, какой. Не помню, кем был тогда. Но помню точно такое же состояние. Я проходил эту процедуру однажды раньше. Я был на той стороне, – Эрор обернулся к Илайе. – Я выбрал что-то, что теперь выбирает меня. Я не могу повлиять на переход через умбровый шов сейчас. Я уже повлиял на него, когда делал тот выбор. И теперь могу только узнать, перейду или нет, – он выдохнул с некоторым облегчением.

В эту секунду Когитатум обрёл своё продолжение за умбровым швом – в зоне, где не было фонарей, где вообще ничего не было видно. Несмотря на отсутствие света устройство, как бы отразившись, удвоилось, и теперь выглядело как равносторонний треугольник, биссектриса которого проходила в плоскости шва. По ту сторону умбрового шва возле потустороннего Когитатума проступили фигуры сросшихся Эрора и Сиса.

Сис, Эрор, Илайя и девочка смотрели на Эрора и Сиса, смотрящих на них с той стороны.

– Это называется самосанкционирование, – сказал Эрор. – Мой выбор действует лишь если я подтверждаю его, стоя на той стороне. И наоборот. Его решение будет продуктивным, если, стоя на этой стороне, я приму такое же. Самосанкционирование.

Двойники Сиса и Эрора по другую сторону умбрового шва глазели на них с таким же шалым недоумением, какое, должно быть, отражалось и на их лицах. Они были в точности такими же за одним исключением: Эрор на той стороне держал в руках подковообразный блок.

В эту секунду земля задрожала, предвещая столкновение краёв.

– Пора! – обречённо констатировал Сис.

Твердь под ногами Илайи вздрогнула и сбила её с ног. Илайя схватилась за один из блоков, но он не был укреплён в земле, выскользнул из рук и отскочил к Эрору. Тот машинально поднял его и шагнул за умбровый шов. И в ту же секунду всё исчезло – и Когитатум, и Эрор, и его сращенный коллега.

Тень от разлома сползла с последней пары фонарей, сравнявшись с плоскостью умбрового шва, а к ним приблизилась передвижная платформа с Лидией. Не отпуская девочку, Илайя ухватилась за поручень платформы, чтобы защититься от тряски. Лидия заботливо придержала обеих за плечи, и её рука на секунду угодила под тень расширяющегося разлома. Илайя заметила множество нитей, подвязанных к ней откуда-то сверху – из-за границы зоны сна.

Когда тряска кончилась, Илайя пошла рядом с платформой, держась на свету.

– Скажите, ему удалось перебраться? – спросила она у Лидии.

Лидия пожала плечами и отвела глаза.

– А есть способ это узнать?

– Да, – сказала Лидия и строптиво качнула головой. Было видно, что ей не хочется открывать это Илайе.

– Какой? Говорите! – потребовала Илайя, начиная догадываться, что Лидия не может не ответить и не может соврать ей. – Как узнать, перебрался ли парень на ту сторону?

– Свежие жертвы выбрасывает на вершину приёмо-перевалочного холма. Это самый низкий холм, и он выступает из гряды сильнее других. Если парню не удалось перебраться, ты найдёшь его на самом верху.

– Что я должна искать? Его останки?

– Этого я не знаю, – насуплено отозвалась Лидия и вдруг огрызнулась. – Это твоё начало. Здесь нет ничего, что происходило бы не от тебя.

Илайя обернулась на хребет. Он отдалённо напоминал асседиевские склоны, но здешние холмы были лысыми и более остропикими. С глянцевыми, как отшлифованная кость,

боками. Илайя знала среди асседиевских склонов место, которое, действительно, выступало сильнее других, и подумала, что там и должен быть искомый холм.

Подступив к подножью хребта, Илайя обратила внимание, что это тишайшее место. Ни один звук – ни плеск волны, ни шум набережной, ни крик чайки – не проникали сюда.

– А ведь она права, – услышала Илайя свой голос. – Мы должны были оказаться в начале, а попали сюда.

– Это и есть оно, – вдруг сказала девочка.

– Моё начало? Я помню его совсем другим…

– Это начало, которое ты создала.

– Мы с тобой?

– Я всего лишь ребёнок, – пожала плечами девочками с тем же невинно-насмешливым лицом, с каким, случалось, проказничала в родном доме.

Илайя метнула не девочку уязвлённый взгляд и непроизвольно разжала руку, собираясь подниматься на перевалочный холм одна. Как вдруг у них на пути возникли три грузных человека с бородами. Двое были в тёмных рясах, а на третьем был бордовый стихарь с золотыми полосками на рукавах.

– Сюда нельзя, – очень тихо сказал один из них.

– Почему? – спросила Илайя, наблюдая, как по хребту прошла бугристая волна, словно судорога.

Он поднёс палец к губам и ответил ещё тише.

– Святой алтарь и его жертвы неприкосновенны.

– Почему? – понизив голос, спросила Илайя.

– Они стерегут Бога.

Несколько толчков донеслось из-под земли, будто кто-то огромный глубоко внизу перевернулся с боку на бок.

– Вы растревожили его. Лучше уходите, – с тревогой прошептал человек с рыжей бородой.

– Я хочу узнать, стал ли Эрор жертвой или ему удалось перейти на ту сторону, – прошептала в ответ Илайя.

– Лучше не надо, – дёрнув её за руку, вдруг сказала девочка. – Давай уйдём. Слишком страшно разбудить его.

Илайя посмотрела на девочку – её лицо было очень встревожено, затем на троих алтарников – они энергично закивали в знак согласия со словами ребёнка.

– Я хочу узнать, – настойчиво сказала Илайя, повысив голос, и несколько мощных толчков сотрясли хребет.

– Даже ценой того, что он восстанет? – в ужасе спросила девочка.

– Кто он? Тот исполин, что крушит, не ведая? – содрогнулась Илайя.

– А как ты думаешь? – сердито отпарировала девочка.

Илайя напряглась всем телом и с упрямством сказала себе:

– Зачем я здесь, если не для того, чтобы узнать?

Последнее её слово эхом прокатилось по хребту. И верхушки холмов на секунду как бы расплавились, точно под действием тепловой волны, потом вздрогнули, как от взрыва, и от них стала отделяться костная оболочка. Она трескалась и отламывалась кусками, как намокшая штукатурка, а под нею обнаружились горы наваленных друг на друга шевелящихся человеческих тел.

– Она повредила саркофаг! – возопил один из алтарников, схватив себя за волосы.

– Господи боже! – пробормотала Илайя, отступая. – Они живые!

– Да, живые, – с угрозой подтвердил человек в стихари, видимо, старший из алтарников.

– Что же это – становясь жертвами, они не умирают?

– Не умирают. Потому что созданы бессмертными.

Илайя тяжёло задышала, почувствовав свою причастность к судьбе этих несчастных.

– Прежде чем выбирать тенденцию расширения и, таким образом, давать своим созданиям бессмертие, создателю требуется прикинуть, за счёт какой силы будет обеспечиваться это расширение и это бессмертие. Ведь они требуют немалых сил! И если создатель поскупится на силу, то его создания будут обречены на бессилие вечной жизни и вечную жажду энергии. Вот так и получилось с нами. Мы обречены размножаться без права умереть. Мы обречены воплотить загнивающую энергию жизни, не знающую выхода в искупительную смерть.

И в это время зазвучали голоса холмов.

– Посмотрите! Это не просто наблюдатели. Это, ни много, ни мало, создатели.

Жертвы задёргались, стараясь извернуться, чтобы из своих неудобных поз разглядеть Илайю.

– Это же она! Та, кто может всё изменить.

– Наша надежда! Наша спасительница!

– Как же – спасительница! – перебил старший из алтарников. – Приняла ли она ответственность за свой выбор? Как же! Вместо этого прикрылась ребёнком и бродит здесь инкогнито – под видом наблюдателя. Крайне безответственный создатель.

– Но что я могу сделать? Чего вы добиваетесь от меня? – растравленно воскликнула Илайя.

– Ты должна вернуться на стадию разработки и изменить параметры.

– Да, ласточка, да! Надо это сделать!

Десятки рук потянулись к Илайе из живых холмов: ухватили её и потянули к себе, обвились вокруг шеи. Какая–то белобрысая голова дотянулась до неё и обожгла плечо слизким поцелуем. Оглушительным шёпотом звучали их голоса – льстивые и обвиняющие, требовательные и увещевающие.

– Как я могу вернуться? – сопротивляясь их напору, Илайя сделала два шага назад. – А даже если бы могла – где я ошиблась? Как это исправить? Я не понимаю!

– Уходите! – негромко приказал старший алтарник. – Вы подняли суету, которая всё только усугубит! Пока спит Бог, у нас хотя бы остаётся утешение: мы жертвы, искупающие счастливую участь тех, кому удалось перебраться на ту сторону и постичь великую тайну изобилия.

– Да какие уж тут тайны, – вдруг звонко сказала девочка и игриво посмотрела на Илайю. – Ты правда не помнишь, что на той стороне? Или просто не хочешь им говорить?

В ту же секунду в нос Илайе ударил удушливый смрад, идущий от моря. Только теперь она поняла, что это характерный запах рвотной массы.

– Я знаю, что нужно сделать! – воскликнула она. – Нужно снять печать запрета с зерна! Здесь, на этой стороне, нужно снять печать, чтобы на той стороне они стали съедобными.

– Ты не можешь этого сделать, – мстительно усмехнулся алтарник. – Снятие печати запрета не в твоей компетенции. Ты написала правила и не можешь отменить их действие в частностях на основании одной лишь своей прихоти.

– Но что я могу? – в отчаянии захныкала Илайя.

– Ты можешь искупить нас. Отдать нам свою силу.

Илайя вздохнула с горестным раздражением.

– Я не могу отдать вам свободу. Она не мне принадлежит…

– Мы не просим свободу. Мы просим силу, что принадлежит тебе.

– Если не свободу, то какую силу вы требуете? У меня нет никакой другой…

– Нет, есть. Твоя собственная. Та, что есть у всякого.

– Я не понимаю…

– Вспомни свой выбор на железной дороге, – вкрадчиво сказал алтарник с рыжей бородой.

– Я выбрала жертву… – послушно вспомнила Илайя, и нечто удивительное отозвалось в этом воспоминании. Она стояла у стрелочного перевода и спрашивала себя, что выбрала бы Анна и что выбрал бы Анатолий, если бы стояли на её месте. В эту секунду к обеим железнодорожным петлям была привязана она сама. Посредством тех, кого назначила, она выбирала между собою и собою же. И вдруг это воспоминание вывернулось наизнанку, и перед её глазами возник Эрор, стоящий возле умбрового шва, и вспоминающий, как уже делал предстоящий ему выбор, стоя на другой стороне. Он сказал, это называется – самосанкционирование. – Был ли то Анатолий, кого, как я думала, мне пришлось назначить жертвой? Или то была я сама? И которая из двух обречённых? И в чём между нами разница? Как можно это понять?

В это мгновение из навала человеческих тел на вершине приёмного холма высунулась знакомая голова с помятыми вихрами. Такая неожиданно милая, как родная речь на чужбине.

– Эрор! – воскликнула Илайя и протянула к нему руки.

Вертя плечами, как пропеллером, он высвободил свои, свесился с холма и сжал её ладони. Илайя потянула его на себя.

– Остерегайся! – предупредил Эрор. – Если вытянешь меня, тебе придётся занять моё место.

Кто-то обхватил её за пояс. Девочка. Прижалась к спине, жалобно плача.

– Не надо! – взмолилась.

Но Илайя, проскрежетав зубами от усилия, всё же выдернула Эрора, и тот скатился по головам раззадоренных жертв в песок к подножью холма.

Только он успел подняться на ноги, как хребет затрещал. Остатки саркофага раскололись, а по горам человеческих тел пошли круговые волны, как по воде от удара торпедой.

– Он поднимается! Поднимается! – истошно завопил хор голосов.

Земля задрожала с такой силой, будто тряска при попытках стыковки была лишь тренировочной маточной схваткой, и только теперь наступила родовая. Человеческие тела подбросило вверх, и они посыпались вниз людопадом, а над хребтом показалась исполинская макушка, похожая на брюхо гигантского тарантула.

Не помня себя от страха, Илайя бросилась прочь от живых холмов. Она уже не отдавала отчёта, была ли девочка рядом, когда она вбежала в зону сна. Только слышала за спиной топот настигающего её исполина. Затормозив на мгновение перед умбровым швом, она с закрытыми глазами перешагнула черту.

А открыв глаза, поняла, что загнана в ловушку.

Вокруг были зеркальные стены лабиринта. Сверху и снизу за нею злорадно следили холодные звёзды далёких галактик. Он – сокрушительный и бесчувственный – был совсем

близко. Илайя чувствовала его опустошительное дыхание, сдувающее все защитные посты, его заряженную смертью поступь, его распираемую внутренней мощью мускулатуру. И боялась обернуться. Она бежала из последних сил, и в какой-то миг ей почудилось, что она может бежать быстрее, но тут одна из зеркальных дверей лабиринта распахнулась, и из-за неё появилась девочка. Она выставила ногу пяткой в пол прямо перед Илайей.

Илайя споткнулась и упала. Огромная рука захватила её и стиснула в кулаке. Девочка с испуганным любопытством смотрела на неё снизу вверх.

– Зачем ты? – хрипло спросила Илайя. – Я же пыталась спасти тебя.

– Себя, а не меня, – возразила девочка.

– Кто ты? – в смятении спросила Илайя. – Ты ведь не свобода.

– Смотри, – с обидой сказала девочка и указала на распахнутую дверь.

В зеркале этой двери Илайя увидела пробуждённого – гигантского человека с уродливым лицом, пугающим своей безучастностью: лицом, которое годилось и для новорожденного младенца и для свихнувшегося старика. В огромном кулаке он держал маленькую баловницу из полевой хижины. И не было больше никого кроме них двоих. Но в перпендикулярном зеркале стены отражалось иное: Илайя, прячущаяся за спиной плачущего ребёнка и толкающая его в лапы исполина.

– Так кто же ты! – запищала девочка за секунду до того, как её накрыла увесистая длань чудовища, и Илайя закричала от ужаса, и крик её отразился от стен лабиринта леденящим кровь рёвом.

Глава 20. Свободное дуновение

Float along on a verse-less song and then
Get to where the two ends meet
Come, come, come, come, come along now
Run away from the hum-drum
We'll go to a place that is safe from
Greed, anger and boredom
We'll dance and sing till sundown
And feast with abandon

Поверх вымеренных волн бежала нервная зыбь, растягивая огненные бусины по вискозному покрову подводного мира и сплетая из солнечных жгутиков трепещущую мандалу. Прошло много часов. Кажется, она пришла сюда ещё до рассвета, измученная ночными бдениями. Села на лавочке в верхнем пролёте санаторной лестницы. Прислонила голову к перилам. И задумалась, как хорошо было бы вот так, неподвижно и для самой себя незаметно, влиться в этот обожаемый пейзаж, иметь под ногами в любую секунду сотню ступенек, ведущую туда, где растворятся в живой воде боль, тревога и страх.

А теперь солнце медленно, будто оставляя возможность вызвать его на бис, отступало за кулисы набережной постройки, но море – яркое и чистое, обещающее остаться, даже когда уйдут и солнце, и луна, и грусть, и страх, и память – завораживало. Готовясь к ночи, оно присмирило свои краски, из глубин его поднималось мягкое тепло.

Какой это был день, какой час – бессмысленно вспоминать. Где Юлий, где все, почему она оказалась здесь – бессмысленно соображать. Но в голове была странная увесистая ясность. Всё воспринимаемое было плотным и сплошь – без акцентов – значительным. Люди, что спускались по лестнице, и другие внизу – на пляже и на прогулочной аллее спорили о пустяках, фотографировались, незатейливо тулились друг к другу. Всё выглядело обыденно и не внушало тягостного чувства замаскированной зависимости от неё. Это был мир – реальный, воплощённый, невразумительный в своей развёрнутости. Это были люди, чьи судьбы она не калечила. Это было пространство, чьи физические закономерности она не предопределяла. Материя, которую она не обязана была питать энергией. Это был реальный пляж реальной Асседии реальным июньским вечером. Где-то близко – на расстоянии вытянутой руки – в складках его таилась безмятежность. Но было нечто, мешающее вытянуть руку. Какая-то душевная мышца держала блок.

Чтобы сбросить оцепенение, Илайя обдула себя с ног до головы ветром. Но ноющая мышца не расслабилась, а болезненно сжалась, и Илайя узнала её. То была мышца ответственности.

По асседиевской лестнице затрусил сверху вниз чудак. Илайя вытаращилась на него. Он спускался с неровным и чуть насмешливым прискоком. На лице его под маской благопристойности таилось старческое хулиганство.

– Но! – только и смогла сказать Илайя, когда он прошёл мимо, хитро покосившись на неё.

На следующем пролёте он слегка замешкался, и она, словно ждала его знака, бросилась вниз. Плечом к плечу они спустились и приютились в закутке под лестницей. Чудак сел на лавочку, поджав одну ногу, а Илайя бродила рядом, присматриваясь ко всему.

– Это реальный мир, – первым делом сказала она.

– Да, – кивнул чудак.

– Но… Меня не покидает ощущение, что я в *Начале.* И вы вот.

– Да, – согласился чудак.

– Что – да? – сдерзила Илайя.

Чудак нагнулся и придержал её, чтобы она не угодила под колёса велосипедисту.

– Ты воспользовалась техникой наслоения, – объяснил он. – Перенесла *Начало* в свой привычный мир.

– В смысле? Я одновременно и во внешнем мире, и в Начале?

– М…. да.

– А это обратимый процесс? – испугалась Илайя.

– Конечно, – улыбнулся чудак. – Ничего, в сущности, не поменялось. Конфигурация прежняя. Но ты выбрала ракурс, в котором они наслоились друг на друга. Вот представь, когда луна и солнце одновременно видны на небе, и ты одновременно и под солнцем, и под луной. Очень грубый пример, но так…

– Понятно, – глупо сказала Илайя и приуныла. – Как-то моё начало подвело меня. Там теперь плохо… – она помолчала, мысленно перепрыгивая, словно по булыжникам через реку, с одного вопроса на другой. – Я мало что могу понять, но одно – особенно. Это я, что ли, стала или всегда была тем чудовищем?

Чудак покачал головой.

– Я тебе бесполезен в этих вопросах.

И поняв, что даже целая армия чудаков ни на миллиметр не сдвинет напирающую на неё данность, она вдруг жалобно завыла.

– Плевать. И на чудовище. И на ребёнка. Плевать, кто я такая. Я больше не хочу никуда идти. Ничего искать. Ничего расшифровать. Никаких дилемм. Никаких долбанных выборов. Я хочу, чтобы мой кошмар кончился. Чтобы меня оставили в покое, – сказала Илайя и закрыла глаза.

А когда открыла, чудак куда-то делся. На его месте стоял крупный человек с невзрачным, но притягательным лицом. Он смотрел на Илайю с любопытным недоумением.

– Тошно… – сказала она, чувствуя, что её взгляд падает на землю.

– Несчастная Иманон… – замигал пришелец. – Не представляю, как ты могла попасть сюда.

– Куда это, интересно? Я вроде как в Начале тут сижу, – потирая лоб, сказала Илайя.

– Ах, в Начале! Странно… – тут у него зачесался мизинец, и он заметил на подушечке оттиск, похожий на сигнатуру художника. – Ааа… Воображатель форм… Ловко! Сам-то где спрятался?

– Кого тебе надо? – откликнулась Илайя. – Чудака того, что ли? С мусоровозом? Где-то был.

– Это я уже понял, – беззлобно нахмурился пришелец. – Да сплыл.

– Ну а ты, очередной призрак, с чем пожаловал?

– Твой друг – воображатель форм – он помочь тебе хотел, я думаю. Вызвал меня. На прямой запрос я откликнуться не посмел бы, поскольку обещал ни в какие контакты с тобою не вступать. Так он меня вообразил, хитрец.

– Что значит – воображатель форм?

– Ну вот, ты не думала, почему то или иное растение выглядит так, а не иначе? Почему орган человеческий имеет такую, а не иную форму? Или возьмём облако – встречала ты

когда-нибудь два совершенно одинаковых? Сотворение форм – кропотливый и многогранный процесс. Некоторые формы воплощаются из воображения.

– И что же? Он вообразил всё на свете?

– Ну, нет, конечно. Не всё на свете. Но, случается, в воображении возникает форма, которая гармонично вплетается в пространство и время. Скажу так: за многие рассветы, которые ты наблюдала, можешь быть благодарна именно ему.

– Счастливая участь, – с горькой завистью сказала Илайя. – А вот на мой счёт кто-то жестоко ошибся.

– Твоя участь нелегка, – согласился её собеседник. – Но никто не назначал её тебе. Несущий свободу определяется вероятностью. Сила не выбирает кого-то конкретного. Понимаешь?

Илайя горестно вздохнула – разве ей от этого легче?

– Некоторые Иманон, прежде чем осознали свою сущность, успели побывать убийцами и предателями. Другие были от рождения больны. Но не было ни одного, кто отверг свой путь.

– Я хотела принять свой. Но всё, во что верила, оказалось ошибкой. Каждое моё действие или бездействие приводит к бессмысленным, никем не искуплённым и ничему не служащим жертвам. Мой мир построен на заблуждениях, завален мусором истин, каждая из которых отвергает другую и ни одну из которых невозможно опровергнуть. Я была счастлива, пока не узнала, насколько слаба.

– Сложно назвать слабым человека, безжалостно скормившего свои страхи пробудившейся свободной сущности, – возразил Татхагата.

– Как ты сказал? – испугалась Илайя. Его слова одёрнули, вразумили её, как вразумляет зарвавшегося хулигана полицейская сирена, хотя не несли в себе ни упрёка, ни угрозы. – Кто же ты такой, что так просто говоришь об этом?

Татхагата скосил взгляд на сеть – она легонько мигнула. В индрионах прояснилось отражение сигнатуры с его мизинца, как бы напоминая ему о его положении.

– Не спрашивай меня, Иманон, о том, на что я не волен ответить. Но знай, что страх запутывает нас. Он жаждет сделать простое сложным, а очевидное невнятным. Страх вклинивается пропастью между садом и адом.

– Между садом и адом… – завороженно повторила Илайя.

У неё во лбу назойливо застучало, а потом задавило с такой силой, будто небо опустилось на голову. Стало темнеть в глаза.

– Только не снова, пожалуйста, – захныкала Илайя.

– Прощай, Иманон, – сочувственно сказал Татхагата.

Его образ расплылся. Голова страшно болела. Илайя стиснула её ладонями.

– Погоди! Скажи мне одно! Без свободы воли – не будет устойчивости? Сознание распадётся? Одно только!.. Скажи!..

Собеседник её запнулся, отвратился от неё и смешался. Пуча на него воспалённые глаза, Илайя увидела, куда – на кого – он смотрел. В десятке шагов от них, в сиренево-серой пудре сумерек, сцепив руки за спиною, стояла мрачная и укоризненная Мира Манн.

И в то же мгновение гигантский невидимый кулак со свирепым свистом стукнул её изнутри головы. Мир разбился, как зеркало, и осталась глухая чернота, залитая потёками крови.

Голоса за перегородкой звучали сдавленно. Мамин – беспокойный, перебивающий, папин – сухой и краткий, и третий – по-будничному торопливый, но терпеливый и веский. Взгляд вырвался из тёмной сонливой бездны и врезался в ядовито-белый потолок. Голова – невесомая, пустая – налилась болезненной плотью, насела привередливой иждивенкой на ватные, неуправляемые плечи. Илайя сдвинула взгляд к окну, которое съёжилось под напором солнечного света, использующего щели в небрежно расправленных жалюзи, чтобы нахально просочиться в палату. Там был Юлий. Сидел на низком стуле, держал на коленях ноутбук, шелестел пальцами по клавиатуре. Почувствовал её взгляд, уставился на неё и замер.

Илайя мигнула. Наряду с радостным облегчением осознать себя живой рядом с живыми близкими, она чувствовала досаду смирившегося со смертным приговором, которому вдруг объявляют о помиловании. Досаду того, кто скрепил все внутренние силы и встал под сокрушительный удар, но удара не последовало. Волна всё ещё висела над её головой. Илайя выдохнула бесполезно мобилизованный в лёгких воздух.

– Давно меня не было?

Они оба испугались тому, как звучит её речь – словно во рту у неё не язык, а жёванное желе. Юлий рассказал, что её нашли прохожие – она лежала под лестницей в полусознательном состоянии. Приехавшая скорая отвезла её в дежурную больницу, где констатировали разрыв микроаневризмы с кровоизлиянием в мозг. Одним словом, инсульт. Врачи были в шоке – Илайя стала самой молодой пациенткой с таким диагнозом за всю историю отделения неврологии. Но, благо, гематома была крошечная и локализовалась сравнительно удачно – Юлий постарался объяснить ей то, что сам узнал накануне: про устройство мозга, и где там базальные ядра, и в каком месте у неё была кровь. Ей провели операцию по выведению сгустков крови с помощью специальной иглы (Илайя нащупала на темени небольшую плешь и нежный рубец) и несколько дней капали препараты, стабилизирующие давление.

– Инсульт, значит… А было бы так просто…

Юлий осёкся.

– Не смотри так... Я в себе...

Она почувствовала жуткую ломоту в шее и спине, и больше не стало сил ни говорить, ни держать глаза открытыми.

Илайя почувствовала себя бодрее через пару дней. Юлий приходил к ней после работы каждый вечер. Они обсуждали пустое – организационное: действие лекарств, которые она сегодня принимала, упражнения, которые делала, медиков из сегодняшней смены, в котором часу её навещали родители. И вот однажды вечером, когда в большинстве палат уже потухли ночники, она прямо спросила его:

– Юлий, ты думал, почему Мира не погубила всех вас?

Речь уже не требовала от неё сверхусилий, но голос звучал сипло, без интонации.

– Зачем изощряться в пытках, если достаточно выбить мою опору – погубить моих близких?

– Возможно, это один из следующих пунктов плана, Илайя… – ему не хотелось вести этот разговор.

– Нет, – Илайя говорила медленно, монотонно и оттого более внушительно. – Она знает, что если мне станет нечего терять, то я утрачу волю к жизни. Ей так нельзя…

– Допустим.

– Вспомни человека, которого привёл Тимур.

– Я помню, Илайя…

После убийства Романа Геннадио Юлий со дня на день ждал, что его вызовут на допрос. Он решил на все вопросы ссылаться на первую (и единственную, как он намерен был свидетельствовать) их встречу в конце мая, когда следователь расспрашивал его об Илайе и о Мире Манн, и тренировал реакцию на вопросы и провокации о смерти следователя, чтобы ни словом, ни жестом не выдать своей осведомлённости. Но его так и не вызвали. И хотя это было странно, Юлий вскоре перестал об этом думать. Он угадал, что Тимур Семуров, руководствуясь соображениями личной безопасности, будет молчать. Также он подозревал, что история не получила развития, которое грозило затронуть его и Илайю, усилиями Миры.

– Моя смерть – вот её уязвимое место, – сказала, между тем, Илайя.

Выход из моего тупика, добавила она мысленно...

Следующие дни были заняты физиотерапией, радостными для Ольги прогнозами врача, и осмыслением Илайей событий своей жизни. Она набросала карту воспоминаний и скрупулёзно переживала их. С каждым днём всё сильнее захватывала её тоска по неузнанной, незамеченной жизни – простая, но огромная мысль беззлобно потеснила все остальные: она ведь ничего толком не успела. Двадцать лет она оставалась младенцем, инстинктивно тянущимся к легкодоступным источникам сытости, светлой радости и покоя. Никакая сложность, никакое тяжкое переживание, никакое греховное бремя не тревожили её. Жизнь ни на градус не раскрылась для неё, ни на сантиметр не позволила погрузиться в себя. Она словно бы и не родилась – не вышла за пределы себя. И ей было жаль отказаться от того, что всегда было под боком, но теперь ощущалось как недостижимое, потому что зародыш будущего решения уже был внутри, уже задавал вектор потоку мыслей. В эти дни она устала от внимания людей, роль которых в своей жизни считала отыгранной. Ей звонили дальние родственники, слали приветы знакомые матери. Волонтёры Натальи Красуцкой раздобыли для неё современный чудо-тренажёр, который должен был помочь скорее восстановиться. Ей написала грубовато-трогательное сообщение Лиза Бронс. Мать передала букет цветов от сокурсников. А однажды вечером её навестила Лидия Фротт.

Это была странная встреча. Илайя не могла отделаться от власти образов, которыми обросла в её сознании лапочка-лаборантка. Казалось, при ней её движущаяся платформа, и Лидия скользит вдоль границы Илайиных кошмаров. Из беседы Илайя узнала, что в деканате беспокоятся о ней, что Рита Сойка инициировала сбор средств на её реабилитацию, что Тимур уволился из университета и официально присоединился к команде Виктора Тоньё.

– А как поживает Ледро? – спросила Илайя.

– Пастор, – Лидия сделала вынужденную паузу, чтобы сглотнуть слюну. Казалось, у неё на языке топлёный сахар. Она говорила самозабвенно, даже хвастливо, точно речь шла о достижениях её сына. – Слава Богу, здоров. И полон благодати. За последний месяц приход утроился. Такие разные люди с такими разными судьбами ищут облегчения душевных терзаний в его проповедях. Диву даёшься, как он нащупывает ту самую струну, от которой колеблются недра души, – Лидия говорила, и на ней перестали удерживаться, стали сползать нафантазированные образы. Илайя вдруг с ясностью узрела эту женщину такою, какою не могла вообразить – простою, отзывчивою, образованною и старательною, многое – вопреки отзывчивости и старательности – в жизни потерявшею, а затем обретшею нечто чудесное и правдивое в её глазах, что искупило и прежние невосполнимые потери, и страх перед будущей старческой немощью, и бесплодность прожитой жизни. Она не была подлой и коварной, не играла в игры, не плела интриг, не уступала свою волю искусному манипулятору, не служила, по крайней мере, сознательно, его целям, не стремилась ввести ближних в заблуждение. Она всю свою не источившуюся ещё, под семью замками скрытую от иссушающего горя душевную силу посвящала тому, в ком воплотилась её надежда на утешение. Илайя подумала, что сила её заключена в

искренней слабости. – Ещё пару месяцев назад у нас не было постоянного помещения, а ныне пастор проектирует храм. И строит планы о монастыре через пару лет. Его двери – несмотря ни на что – будут открыты для вас. Как в любую минуту открыты для вас двери нашей церкви.

– Для меня? – нахмурилась Илайя.

Лидия вздохнула.

– Пастор был до глубины души возмущён позицией игуменьи, которая отклонила просьбу вашей мамочки принять вас трудницей. Люди с психическим расстройством по уставу в монастырь не допускаются. Но пастор предлагает вам, Илайя, приют…

– Вы серьёзно говорите? – перебила Илайя. – Про монастырь? Про маму?

Лидия посмотрела на неё особым взглядом, который говорил, что она не романтизирует состояние Илайи, но в работе над такими состояниями и видит задачу своей общины и свою задачу, в частности.

– Милая девочка, ваша мама в отчаяния. Она ищет спасение для вас…

– Как же далека она от сути бедствия, если всерьёз ищет спасение в этом, – с раздражением пробормотала Илайя.

– В чём же спасение, девочка? – сердобольно улыбнулась Лидия. – В чём, если не в этом?

– Лидия, вы думали о том, что определяет наш выбор? Чем мы руководствуемся, чтобы совершить его? Вот, допустим, один предлагает довериться умной программе. Эта программа самостоятельно взвесит все выгоды и риски, сделает прогнозы и выдаст оптимальное решение. Другой говорит о человеческой душе и её связи с Богом: там, где душа соприкасается с Богом – там проясняются ответы и находится решение.

Лидия с упоением кивнула. Ей нравился ход мыслей Илайи, она испытывала скромную гордость от того, что вдохновила бедняжку на такой разговор.

– Другие люди не думают ни так, и ни сяк. Просто бессознательно следуют самыми простыми путями, которые часто проложены страстями, жаждой власти или ленью. Но я спрашиваю себя, а что же свобода воли? Где её место?

– Свобода воли, – Лидия нахмурилась и с минуту раздумывала, точно наткнулась на графу в вопроснике, запрашивающую о пустячных данных, которую она, тем не менее, не могла оставить незаполненной. – Сомнительное благо. Откровенно говоря, причина многих бед. Свобода – это же, прежде всего, ответственность. За свои решения. Такое бремя не всякому под силу. Свобода от ответственности – вот какая свобода требуется человеку. Но не свобода воли, – Лидия вдруг заговорила пристрастно, увлечённо. – Жизнь человека полна потерь и боли. Навязать ему, что она есть результат его решений, отобрать у него право оправдать себя, обвинить в своих бедах кого-то другого – глупо, странно, бесчеловечно. Если бы человек мог безоглядно покориться своей судьбе – вот что было бы истинным благом.

– Но разве люди из поколения в поколение не доверяют вершить свою судьбу кому-то другому, меняя лишь силу, которой покоряются? Кто-то сказал мне, что каждый из нас заслуживает самого страшного, что только может случиться. Сбудься самый страшный кошмар каждого из нас – он был бы заслуженным. Но я думаю, что это не совсем точно. Не думаю, что над нами господствует посторонний каратель, на чей суд мы предстаём, и кто назначает нам то, что мы заслуживаем. Но, может быть, каждый из нас и есть тот самый каратель, стоящий на другой стороне. Словно каждый из нас – Бог нашего собственного мира.

Лидия непроизвольно подалась назад. До этой секунды она внимала Илайе с благостным полусонным лицом, как человек, принявший миссию без осуждения выслушивать всякого

жаждущего высказаться, но прозвучавшие слова покоробили её, поэтому она насупилась и заёрзала.

– А если, совершая выбор, руководствоваться таким: представить, что вы – Бог в мире человека, которого касается ваш выбор, а тот человек – это вы. И вам нужно принять решение в отношении самого себя. Вы спрашиваете себя: о чём бы я молила Бога в такой ситуации? И решение, которое откроется вам с такой позиции, – насколько близким оно окажется к тому, что вы приняли с точки зрения самого себя? На одной стороне ситуации – вы и он. На другой стороне той же самой ситуации – Бог и вы. Что возникнет между вами на той стороне, где вы подчинены воле Бога, созданного по вашему образу и подобию, и вами здесь – где вы принимаете решение в отношении человека, никак не связанного с вами? Бездна или мост? Разгадка в вашем выборе. В вашем решении. Именно из таких бездн и мостов, мне кажется, и сотворяется наша судьба.

Лидия постояла над Илайей, которая, истратив много сил, опустилась на подушку и задремала, и скоро покинула её. А Илайя подошла к своей бездне, чтобы спросить себя, какое решение должна принять. Та, что стояла на другой стороне, видимо, знала больше. Она просила о доверии. Она не хотела ничего говорить, не хотела вселять никаких мыслей, потому что всякая мысль притягивает возражения и сомнения, высказанное слово фотографирует дыры в пространстве и паузы в течении времени, и по этим снимкам легко опровергает догадки об их существе. Та, что стояла на другой стороне, держала под языком бесформенное, мерцающее ядро веры.

Её выписали две недели спустя, и в субботу, на исходе июля, Ольга устроила загородный пикник. Они обосновались над обрывом, между аккуратной липой и расхлябанным айлантом. Илайя сидела в кресле и клевала черешню, глядя на растекшееся по низу море и изнывая от покоя, который был, она чувствовала, порционным – как заказанные Ольгой салаты. А потом её позвали к столу, и она молча ела. Ольга нахваливала еду, подливала лимонад, поправляла приборы, но забота её казалась неловкой, даже навязчивой. Каждому за этим столом было ясно, что она пытается занять себя, чтобы отвлечься от замешательства. И тот же мотив пробудил запоздалую её набожность, заставил регулярно посещать церковные службы, совершить первую исповедь. Встретившись с нею взглядом, Илайя нашла её растерянно присмиревшей. Впервые в жизни мать относилась к чему-то серьёзно – к ней относилась серьёзно. Леонард казался спокойным, но тугие его взгляды и реплики говорили, что то было удручённое спокойствие. Илайя знала, что ему никак не удавалось устроиться на работу, и он переживал это, изменив своему оптимизму. Долгие годы он жил по своим правилам, уверенный в себе, пожиная плоды своей смелости и получая возмещение за жертву, которую принёс в молодости. Все эти годы, пока нёс ответственность только за себя, он знал, что не пропадёт, выкрутится из любой ситуации. И вот он обнаружил себя снова частью семьи, где приходилось считаться с чужими – пусть и не навязываемыми ему, но безмолвно действующими – правилами, где у него подразумевались обязанности, которые – он чувствовал – были ему не по силам. По крайней мере, в данный момент, когда он был сбит с коня.

Разговор не шёл. Каждая сказанная фраза напоминала проворот застрявшего в трясине колеса. Всё, казалось, пошло на лад, кончилось лучше, чем могло бы, но все были подавлены. Все, не сговариваясь, предчувствовали одно – тяжесть действительности не только не отступила, но только начала надвигаться на них, и несла в себе грядущее, которым ни один из них, ни все они сообща не способны были овладеть.

– В чём же я так провинилась перед Богом, – забубнила Ольга, роняя себя в кресло.

Леонард молча смотрел на гуляющих в стороне Юлия и Илайю.

– Не о том мы с тобою беспокоились, Леонард. Не знали истинного горя. Прогневили Господа Бога.

Леонард хотел возразить, но прикусил язык.

– Ну, теперь-то всё будет хорошо, – всхлипнула Ольга.

– Если не будет плохо, – тихо отозвался он.

Вечером Ольга привезла Илайю с Юлием к нему домой и уехала, удостоверившись, что Илайя улеглась в постель. Юлий, когда ему показалось, что Илайя уснула, уселся за работу. Она ждала, пока он закончит. Следила в окно, как между крышами движется месяц. Ночь перелилась через границу следующего дня. Тогда Юлий закончил работу и бесшумно вполз под покрывало. За много ночей он воспитал деликатность в движениях: при нажиме дверных ручек, нажатии выключателей или кнопки сливного бачка, стягивании одежды, даже при дыхании. Совсем как старик, проживший целую жизнь со своею старухой и не желающий отягощать шумом и резкостью последние недели, месяцы или годы её увядания.

– Мама и папа как будто сладились? – спросила она, когда он, повернувшись на бок, затих.

Юлий перекатился на спину.

– И мне так показалось.

– Они найдут поддержку друг в друге. Сложнее с тобою… – она лежала на спине, высунув руки поверх простыни, и теребила махровую ткань. – Ты ведь думал о моих словах? О моей смерти?

– Как я мог об этом не думать…

– Сейчас это не так сложно… Меня и чашка кофе, наверное, может убить…

Юлий лежал молча. Во рту у него накопилась слюна, в груди закрутилась мельница. Из-за её слов чувство неизбежности, что висело над ним неотступным облаком дыма, сгустилось.

– Ты не принимаешь всерьёз то, что я сказала, да?

– Сегодня ты была такой мирной... Я всё надеюсь…

Илайя взволнованно вздохнула.

– Если бы не мои страхи, я давно уже заметила бы, какая ясная и длинная эта дорога, по которой я иду.

Юлий смотрел на потолок, и ему казалось, что нет в этой комнате ни окон, ни двери. Он лежал рядом с чужой, безжизненной Илайей, изолированный в этом склепе её тягостными словами.

– Я слышал, как ты говорила сегодня сама с собой: легко сказать – отдай свою жизнь, если хочешь жить. И ответила себе: моя жизнь не принадлежит мне, и я давно уже не принадлежу себе. Какой у меня выбор? И потом сказала: легко блаженствовать, когда находишь правильное решение. Но откуда тогда этот страх, эта парализующая тоска? Никаких сил не хватит, чтобы их превозмочь. И потом повторяла: дай мне одну секунду без страха. Ты не уверена в своём решении, Илайя. К счастью.

– Да, Юлий, я во власти сомнений. Да, смерть страшит меня. Да, где-то ещё глубже я чувствую злость из-за того, что должна отказаться от всего, что так сильно люблю. Но это другой страх. Милый, ноющий. Он отвлекает меня, чтобы я не замечала собственную трусость и малодушие. Чтобы продолжала слушать чужие пустословные голоса, под которыми покоится нечто жуткое и сокрушительное – моя свободная воля.

Она подтянула простыню к шее и сжала край.

– По малодушию я думаю, что было бы легче, если бы я была обречена на смерть по чужой воле, лишена выбора и надежды. Но затем вспоминаю чувства, которые владеют мною там… И сомнения гаснут. Выйти из игры – вот ключ ко всему. Разрешение всех противоречий. И чувство потери – это ведь иллюзия, Юлий. Я давно уже не живу. Меня втянули в войну, и у меня нет больше сил воевать, да и зачем – я никогда не выиграю. Ты скажешь: есть другое решение – я могла бы сдаться. Но, Юлий, сколько слов надо сказать, чтобы объяснить то, что и так ясно. Разве ты сдался бы на моём месте?

Кто-то притормозил у окна. Свет фар воровато проник в спальню, подобрался к изголовью кровати, замер у неё на лице. Юлий посмотрел на её волосы, рассыпанные по подушке, всё ещё пахнущие таблетками, на полуприкрытые веки, и удивительно живо представил эти ресницы над застекленевшими глазами, и мёртвые губы, словно из серого пыльного каучука, и безжизненные пряди волос, кощунственно украшенные белыми лилиями. Представил глаза Ольги, глаза Леонарда, с немым, по-детски недоумелым отчаянием ищущие за гробом его виновато и безутешно опущенные глаза.

Чашка кофе – это вряд ли. А вот с таблеткой барбитала достаточно будет немного помочь. Как кайсякунин самураю. Чуточку сковать дыхание, чтобы не продлевать её муку.

Да ты спятил, дружище...

– Неужели ты способна вот так решиться перестать быть… Как вообще можно на такое решиться…

Юлий заметил, как мучительно дёрнулись её брови, словно он нажал на больное место. Она забормотала.

– Я без конца возвращаюсь к мысли: мой страх напрасен. Эта мысль придаёт мне сил. Но потом меня снова накрывает ужас. Он оттесняет меня в какой-то надонный, глухой и заскорузлый угол души, где нет воздуха, чтобы вдохнуть утешительное чувство, и нет пространства, чтобы шевельнулась спасительная мысль. И я повторяю: если бы я могла точно знать, что мой страх перед лицом смерти напрасен. Господи, дай мне знать, что мой страх напрасен. Я жду, что волна ужаса отхлынет, и я почувствую душевный подъём – каким мощным знамением это стало бы для меня. Но мой угол затоплен, ужас никогда не сходит с него. И тогда я задерживаю дыхание и пытаюсь всплыть. Я не хочу надежды на выживание. Я хочу уверенности, что мой страх перед смертью напрасен. Потому что если это не так – то какой может быть смысл в нашем существовании? Разве может быть так, что за пределами существования живёт только страх? Эта мысль помогает мне сдвинуться с места. И потом встречаются другие знаки – я вспоминаю книги о трудных временах, которые когда-то читала. Вспоминаю, как боялась представить себя на месте людей, которых мне хотелось осудить, – боялась того, как поступила бы на их месте. Но желание представить себя на их месте было таким сильным! Почему это не давало мне покоя тогда, когда я знала свою слабость не сделать так, как мне хотелось сделать, и почему эти воспоминания придают мне сил сейчас? Как будто сейчас я имею власть искупить все те не принятые мною верные решения? И я безусловно следую за одной мыслью: всё дело в страхе перед смертью. Этот страх искорёживает человека. Свобода от него – вот блаженство. И выходит, что избавиться от него можно, лишь переступив тот предел, который он стережёт. Как же разумно – что он стережёт этот предел. Но разве не в том смысл, чтобы однажды найти в себе улыбку для этого страха и убедить его отступить, открыть этот предел. Как мало из того, что я хотела, Юлий, мне действительно было нужно. Как много из того, что я думала о себе, было иллюзией. Но поступить вот так – разве это не то, чему я предназначена? Вот он, мой исчерпывающий способ придать смысл всему, во что я хотела бы верить. Всему, что сбылось. Всему, что существует сейчас, а значит, будет всегда. Вот мой единственный способ увидеть человека больше чем жестоким, больше чем несведущим, больше чем слабым. Увидеть его способным быть другим. Сохранить такую возможность. Иногда я думаю: разве не счастье – знать то, что знаю я. Быть живым воплощением этого знания, живым воплощением смысла, ради

которого ничего не жаль, рядом с которым собственная жизнь – лишь одинокое слово в романе, ничего не значащее само по себе, но обретающее бессмертие в талантливом сочетании с другими. И как легко принять смерть, зная это. А в другой момент мне кажется, что все доказательства, которые я получила, мне просто приснились. Сила ветра, Мира Манн, свобода воли – только часть моего кошмара. И нет у меня никакой опоры, никакого точного знания. Нет уверенности в смысле – в том, что он есть. И знаешь – что я тогда чувствую? Щемящую плотность жизни. Её давление. Предвкушение горького и сладкого плода, который я сознательно отказываюсь вкусить. В этой неуверенности, в сомнительности вещественного смысла каким-то парадоксальным образом я оживаю.

Потом она сказала:

– Я не хочу знать, как и когда ты это сделаешь…

– Ты понимаешь, что мне нужно время, чтобы принять это? – не своим голосом сказал он.

Она помотала головой.

– У нас нет времени, пока мы не приняли это решение. Но когда мы приняли и исполнили его, всё время, всё на свете принадлежит нам. Ты и сам знаешь, что до той поры тебе не будет покоя… – Илайя повернула к нему голову. – Я видела это, когда стояла на мосту между собою во мне и собою в тебе. Я видела, что ты отбросишь сомнения.

Утро вползло в ночь, как наркотик вползает в вену, и воздушные балерины-молекулы, следуя строгому и плавному синхрону, полуобернулись и предстали миру светлыми боками. Бессвязные, тягостные, незапомнившиеся речи, что звучали до утра, растаяли. Ночь прошла, а с нею и тяжесть, появляющаяся по ночам от того, что самые зыбкие чувства слепнут без солнца и в страхе хватаются за самые крепкие убеждения и самые твёрдые решения, вольно или невольно проверяя их на прочность. С рассветом же прозревшая надежда, вдохновлённая решимость и сумасбродная вера в благость грядущего выскочили из ночных убежищ и с заносчивой полноправностью, как дети, оголтело бросились быть впереди всех, обращая на себя, заражая радостью всё доступное внимание.

Илайя раз десять повторила, что им нельзя засыпать. Боялась, что сон перечеркнёт, ослабит осознанное, решённое. Полоумные, отрешённые, полудохлые, они приплелись на пляж, спустились по склонам.

Она хотела посмотреть на него. Каким оно будет теперь перед нею. Каким встретит её. Вспомнила, как однажды штормовой ночью испугалась ступить в его воды. И вот теперь всё вокруг было далёким и чужим. Но только не эти воды. Они звали её. Прощались с нею. Или приветствовали её. Илайя вошла по пояс в воду и легла на спину. Небо и море, точно любящие родители, обняли, заласкали раскалывающуюся от боли голову. Она закрыла глаза и погладила пальцами поверхность воды, и ей почудилось, будто кто-то взял её за руку. Она сделала вдох, и внутрь потекло плотное расслабляющее тепло, будто не воздух, а солнечное масло вдыхала она. Ей послышалась мелодия, рождаемая нарастающим журчанием, на губах появился привкус соли. Сквозь сомкнутые веки она чувствовала, как потемнело. И открыла глаза, зная, что увидит. Огромную, перекрывшую небо, свою волну.

Люблю тебя, была мысль, схватившись за которую, она зажмурилась. И игристые воды обрушились и сомкнулись над нею. Она задёргалась, поддавшись внезапному дикому страху. Но вода сильнее стиснула руку, напоминая, что это *её*, принимающие, разрушающие, но освобождающие воды. И что они изыщут возможность для всякой нужды, для всякой её прихоти.

Только одно было нужно ей. Одно – и как она раньше не догадалась попробовать – дышать. Вдохнуть, и дальше, с этих пор, дышать.

Эпилог

Юлий сохранил изменения и закрыл документ, над которым работал, в четвёртом часу ночи. Это был свод тезисов и противоречий об истории испанского гриппа, который Юлий составлял по заказу института вирусологии. За несколько недель ему предстояло обработать огромный массив архивных данных: врачебные записи, медицинские отчёты, выборку прессы. Многое было пока без переводов – на испанском, французском, немецком, которых он не знал.

Оторвавшись от монитора, Юлий потёр глаза, шевельнул плечами. Тут же отозвалась жалобным ноем шея. Отвлёкшись от работы, которая отвлекала её от боли, голова окунулась в жидкое стекло. При мысли, что надо сложить ноутбук и почистить зубы, руки досадливо дрыгнулись, будто принадлежали дворникам, которым предстояло вот-вот вставать и разгребать город от снега.

Надо отдохнуть. Хотя бы одну ночь выспаться. Сегодня лягу как нормальный человек, сказал он себе, как говорил каждую ночь, выторговывая бесстыжими враками ещё пару импульсов из резервных запасов тела.

Он посмотрел на цифры в углу монитора и вспомнил про письмо. Оповещение о нём пришло час назад. Так поздно мог писать либо кто-то из заокеанских коллег либо неизвестно кто.

Завтра уже гляну, решил Юлий и кликнул на сообщение.

Здорово, дружище… Решил написать тебе перед тем, как исчезну с радаров на какое-то время. Есть одна локация. Настолько секретная, что даже смешно. Живой музей игры на территории, сравнимой с нашей столицей. Ты, конечно, подумаешь про Антимару, но место, куда я еду, – другой уровень. Антимара – общедоступная шняжка, а тут жёсткий отбор. И меня отобрали – прикинь? Я там застряну на время в изоляции. Интуиция и здравый смысл гарантируют, что я вернусь оттуда новеньким и сложненьким.

Дай мне знать, хоть в двух словах, – как ты? Как намерен использовать всё, что узнал и пережил? Что собираешься делать с жизнью? И вообще - какая обстановка? Я как телек ни включу – натыкаюсь на вашего гуру-психолога. Он и на ютубе, и на международных конференциях. Братается с католиками, с протестантами, даже с буддистами. Книгу продаёт – «В хороводе силы, свободы и благодати» – бестселлер. На всех языках.

Ну а Тоньё, само собой, не заставил ждать с ответочкой. Ты же в курсе нового приложения – «Я у себя»? Его только в морге не рекламируют. Прикольная, между прочим, тема. Уделала примитивных психотерапевтических ботов. Заводишь привычку озвучивать переживания в течение дня. Типа, дневник надиктовывать. Потом программа берёт данные дневника и кэш из других приложений Антимары, которыми ты пользуешься, и создаёт твою виртуальную копию. В проблемной ситуации она находит нужные записи, подбрасывает факты биографии, короче, позволяет найти подход к проблеме с помощью твоих же мыслей и эмоций, о которых ты просто забыл. В экстра-комплектации есть даже функция голограммы собеседника. Полная имитация психолога с той разницей, что объём данных, которыми оперирует виртуальный психолог, несопоставимо шире, чем тот, который использует живой специалист. Психолог работает с данными, которые ты ему сообщаешь, плюс, невербалка, но нюансы, о которых ты забыл или которые скрыл – очень сложно просечь. Да и в отношения с психологом всегда закрадывается элемент недоверия, стыда, показухи и так далее. Всех этих эффектов в работе с виртуальным психологом, понятно, нету. Cosmopolitan Values

позиционирует этот продукт как дополняющую терапию, хотя в первых слоганах звучало слово «альтернатива». Видимо, федерация психологов напомнила Тоньё, что они – один из крупнейших инвесторов его фонда))) И, чтобы не ссориться с ними, «Я у себя» притворилась придатком. Короче, я решил захватить её с собой в паломничество – авось пригодится.

А вот сам Тоньё, по слухам, пребывает в расстройстве из-за своей возлюбленной. Говорят, она как в воду канула.

Юлия отвёл глаза от монитора и широко зевнул. Замороженная темнота за окном внушала, что ночь никогда не кончится.

Надо было подождать утра. Читать на свежую голову.

Сколько он всего пропустил, оказывается. А Костя, черт знает, где ошивается, а обо всём подробно осведомлён.

Значит, Мира исчезла.

У него перед глазами встал её образ. Вскоре после похорон. Он был в центре по делам, в обеденный перерыв дожидался кофе возле уличной кофейни. Женская фигура нагнулась над урной выбросить стакан. Он ещё не увидел её лица, а уже оказался под действием умодробительного магнита. Мира распрямилась, забросила взгляд за горизонт и сказала: «Очередная бессмысленная жертва. Скатертью дорога…»

И всё. Ушла.

Ну что же, скатертью дорога…

Юлий вернулся к тексту.

Среди продвинутых комментеров популярна версия, что пропажа Миры – мистификация. Будто бы Тоньё её и спрятал после того, как ей выдвинули обвинение в убийстве следователя государственной безопасности. Но, по мне, такой сценарий не правдоподобен. Она упустила Иманон – что ей теперь здесь делать? Логично, что она ушла. Тебя никакие мысли на этот счёт не посещают? Хотя, наверное, тебе не до того. Слышал, что ты женился. Меня это смутило. Что-то в этом есть обречённое.

Юлий болезненно поморщился. Ему было неприятно, что в Костиной реакции, как и в реакциях многих других, читалось подозрение, будто женитьба – следствие его эгоизма. Будто, удручённый своим горем, он искал в Тане способ утешения. Или что в нём возникла высокомерная, характерная для многих несчастных людей, тяга принести себя в жертву до конца. Если бы Юлий ясно знал свой мотив – он, наверное, был бы более терпим к чужому недоумению, несущему снисходительный упрёк. Но он убедил себя, что было нечто другое, что руководило им. Что-то похожее на надежду, которой он не смог найти больше ни в чём и ни в ком. Слаб он был или отчаянно смел, потакая этой надежде, – этого он не понимал.

Ещё я слышал, что родители Илайи присмотрели какой-то огород на полдороги до столицы, купили там дом и собираются основать эко-ферму. К тому же, ходят слухи, что Ольга ждёт ребёнка. И мне почему-то радостно думать, что это правда. Я много думаю о той находке, которую ты нащупал благодаря Иманон. Об оси наблюдателя, вплетённой в пространственно-временное тело бытия. О вибрирующем сгустке сознания, сконцентрированном вокруг материального центра притяжения и формирующем наблюдателя – воспринимающую систему, посредством которой обретают значение место, момент времени и их взаимная относительность.

Бесконечное множество таких наблюдательных систем, каждая из которых ограничена пространственно-временным и воспринимающим диапазоном, взаимодействуют в неразрывной и взаимочувствительной связи. Восточная философия говорит об иллюзорности самости и утверждает этику поведения, призывающую не цепляться за «эго». Я вижу в этом смысл, ведь наше поколение помешано на себе. Мы сдвигаемся по оси самости в глухие дебри, где наше «эго» изолировано от других наблюдателей, и забываем, что остаёмся клеткой единой с ними кожи. И, возможно, идея об иллюзорности «эго» служит мотивом обратного движения. Но я не понимаю, зачем меня просят отречься от самости. Нет, я думаю, что как отрицание её ценности, так и придание ей чрезмерного значения – одна и та же ошибка. Не к отказу от самости я должен стремиться, а к расширению диапазона своих проявлений. Я верю, что человеческое существо, овладевая разными уровнями сознания, способно достигнуть состояния, в котором всякий уголок пространства и времени находится в его распоряжении. А равно и всякий наблюдатель, «подключённый» к пространству и времени в этом уголке. Представь любую разветвлённую структуру – хоть кленовый лист, хоть артерию. В ней существует точка, из которой открыты пути в любую другую точку структуры. Сознание, наученное настраиваться на такую точку, сумеет слиться с любой самостью и разделить её уникальное восприятие.

Но моё письмо было бы не о том, если бы я не разделил с тобою сокровенный домысел: индивидуальная самость неустойчива без свободной воли. Самость обретает плотность в бремени, накопленном как результат реализации человеческой воли. Я не уверен, что это сработает как утешение для тебя, но надеюсь на это. Я радуюсь тому, как Иманон проучила меня.

Ну, вот и всё. Прощай, мой храбрый друг. А, если повезёт, до новой встречи.

Надо было оставить всё до утра. Прочесть ещё раз, вдуматься. Но в глубине души Юлий знал, что утром ничего не изменится. Голова не станет яснее. Механизм, выделяющий усилия для нового дня, не увеличит порцию. Слова будут рождаться так же туго.

Пальцы его неожиданно легко легли на клавиатуру.

Привет, Костик. Я тронут твоим приветом и растерян от твоих слов.

Написать о себе – даже не знаю, что. За моей спиной говорят, что я в прострации. Когда концентрируюсь на конкретной задаче, то понимаю, что нужно делать. Но в другое время мысли мои спутаны. И я уже к этому привык.

Однажды Илайя призналась, что, блуждая в своих мирах, научилась находить меня во всём, что её окружало. И я тоже стал искать её повсюду. Приглядывался, прислушивался. Но – ничего. Потом меня заела тоска, да так, что меня чуть не уволили с работы. Может быть, зря не уволили. Я не уверен, что правильно решил, на что потратить свою жизнь. Но когда спрашиваю себя, чем бы хотел заняться, ответа нет. Она сказала мне: всё, что я не исчерпала, отдаю тебе. Вся моя сила, что осталась невостребованной, будет твоей. Она сказала: невозможно заблудиться, когда знаешь то, что ты узнал. Но я думаю, что она идеализировала вещи. Передо мной пустыня. Непорочные пески. Как ориентироваться – непонятно. Может, и не стоит ничего решать и ничего планировать.

Что касается моей женитьбы – это единственный поступок, в котором я нашёл смысл. Хотя бы надежду на радость, хоть для кого-то.

Но уже так поздно… Пойду спать, иначе голова присохнет к монитору, и моей жене придётся помаяться во время уборки. Успехов тебе, Костик! Ты крутой чувак, у тебя

светлая голова. Смотри, только, не проломи её о барьеры чужой ограниченности. Всегда на связи, всегда рад весточке. Спокойной ночи и прощай, дружище.

Скрипнула туалетная дверь. В оконном отражении мигнул свет. В дверном проёме появилась Таня. Застыла на коврике у порога, боясь ступить на кухонный пол босыми ногами.

– До сих пор сидишь?

– Уже закончил, – он захлопнул ноутбук и попытался улыбнуться.

– Как продвигается?

– Берегов не видно. Вёсла короткие, – сказал Юлий и потянулся. – Гребу – что ещё остаётся?

Она сочувственно мигнула.

– Пойдём спать?

Когда они легли, Таня сказала сдавленным голосом:

– Мне опять снился кошмар. Она снилась… Она была мной, и я ничего не могла поделать.

Юлий мерно дышал, наверное, целую минуту. Можно было подумать, что он вырубился, не успев осознать её слов. Но он ещё не спал.

– Надо перетерпеть, – сказал он. – Я не знаю, наступит ли то, до чего надо дотерпеть, и в чём оно должно выразиться… Но что я могу, кроме как терпеть, терпеть, терпеть, пока не удастся поверить в то, что всё правильно.

– Правильно? – почти злобно переспросила она. – Думаешь, возможно подвести всё под «правильно»? Как-то всё объяснить? Вписать в какую-то закономерность?

– Я не знаю… Я… – он оборвал себя. Не время было делиться. – Не знаю…

– Вот это, скорее всего, правильно, – сказал Таня и перевернулась на другой бок. – Давай спать.

– Давай, – согласился Юлий.

– Я мечтаю, чтобы ты, наконец-то, выспался, – засыпая, сказала Таня.

– И я. Я спал бы усердно. Клянусь, я готов спать столько, сколько нужно, лишь бы однажды выспаться и, в кои-то веки, проснуться.